

Труды Костенковской экспедиции ИИМКРАН

КОСТЕНКИ В КОНТЕКСТЕ

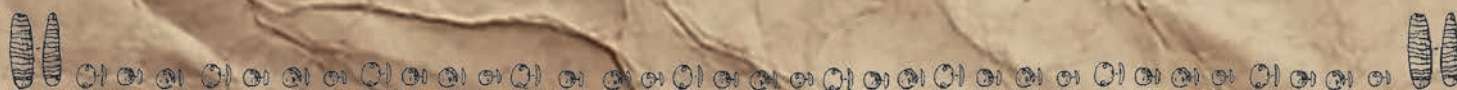
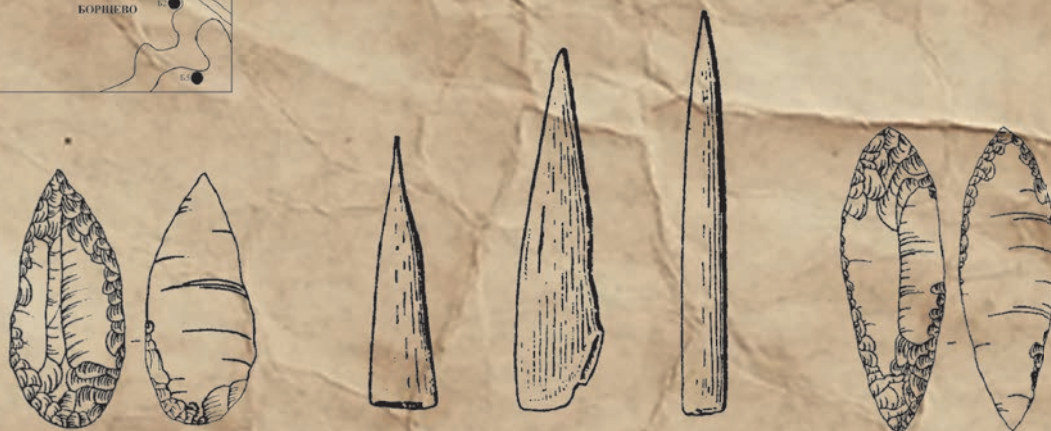

ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

Вып. 2

КОСТЕНКИ 8 (ТЕЛЬМАНСКАЯ СТОЯНКА)

Санкт-Петербург, 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Proceedings of the Kostenki expedition of IHMC RAS
Vol. 2

Kostenki 8 (Tel'manskaya site)

Edited by A. A. Sinitsyn & A. A. Bessudnov

Российский
научный
фонд

Saint Petersburg
2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН
Вып. 2

Костенки 8 (Тельманская стоянка)

Под редакцией А. А. Сеницына, А. А. Бессуднова

Российский
научный
фонд

Санкт-Петербург
2025

УДК 902/904
ББК 63.4
К 72

Издание выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда,
проект № 20-78-10151

«Палеолит Костенок в общеевропейском контексте:
развитие культуры в свете новой хронологии»

Рецензенты: д. и. н. *С. А. Васильев*, к. и. н. *К. Н. Гаврилов*

Утверждено к печати на заседании Ученого совета ИИМК РАН,
протокол № 11 от 4 октября 2024 г.

К 72 Костенки 8 (Тельманская стоянка) / отв. ред. А. А. Сеницын, А. А. Бессуднов. — СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2025. — (Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН; вып. 2). — 278 с.

ISBN 978-5-6052467-1-8

doi.org/10.31600/978-5-6052467-1-8

Настоящее издание представляет собой публикацию материалов стоянки Костенки 8 (Тельманская) и связанной с ней стоянки Костенки 9 (Бирючий лог), которые являются опорными памятниками Костенковско-Борщевского верхнепалеолитического кластера. Первая часть представлена защищенной в 1969 г. кандидатской диссертацией Л. М. Челидзе, которая, несмотря на более чем 50-летний период, прошедший со времени ее написания, до сих пор остается наиболее полной публикацией материалов этих стоянок. Вторая часть сборника содержит статьи отечественных и зарубежных авторов, посвященные результатам полевых работ последних лет, подробному анализу отдельных категорий находок и современной культурно-хронологической интерпретации различных слоев Костенок 8 и Костенок 9.

Издание адресовано археологам, историкам, антропологам, искусствоведам и всем интересующимся древнейшим прошлым человечества.

This volume presents materials from two sites, Kostenki 8 (Telmanskaya) and Kostenki 9 (Biryuchii log), both of which are key components of the Kostenki-Borshchevo Upper Palaeolithic area. The first section is based on the candidate thesis by L. M. Chelidze defended in 1969. Despite the fact that more than half a century has passed since the publication, this work remains the most comprehensive source of information about the materials from these sites. The second part of the volume includes papers on the results of recent field research, a detailed examination of specific categories of artifacts, and a contemporary taxonomic and chronological interpretation of the cultural layers of Kostenki 8 and 9.

This publication is intended for archaeologists, historians, anthropologists, art historians, and anyone with an interest in the ancient history of humanity.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-6052467-1-8

© Коллектив авторов, 2025
© ИИМК РАН, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>А. А. Сеницын, А. А. Бессуднов</i>	

Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе

Л. М. Челидзе

Введение	13
Глава I. История исследования Тельманской стоянки и стоянки Бирючий лог	15
Глава II. Геоморфологические и геологические условия залегания Тельманской стоянки	22
1. Геоморфология	22
2. Геология	23
3. Фауна	28
4. К вопросу о геологической датировке Тельманской стоянки	32
Глава III. Палеолитическая стоянка Бирючий лог	34
1. Описание шурфов	34
2. Описание остатков жилища	35
3. Инвентарь	42
Глава IV. Первый культурный слой Тельманской стоянки	49
1. Описание остатков жилища	49
2. Кремневый инвентарь	53
3. Костяной инвентарь	63
4. К вопросу о культурной принадлежности первого слоя Тельманской стоянки	65
Глава V. Отдельные находки Ia культурного горизонта Тельманской стоянки	67
Глава VI. Второй культурный слой	72
1. Описание остатков северного жилища	73
2. Описание остатков юго-восточного жилища	76
3. Описание культурных остатков южного жилища	79
4. Описание культурных остатков восточного жилища	86
5. Описание культурных остатков западного жилища	90
6. К вопросу о синхронности жилищ второго культурного слоя Тельманской стоянки	93
Глава VII. Кремневый и костяной инвентарь II культурного слоя Тельманской стоянки	98
1. Кремневый инвентарь	98
2. Костяной инвентарь	114
3. К вопросу о культурной принадлежности инвентаря второго культурного слоя Тельманской стоянки	117
Глава VIII. Третий культурный слой Тельманской стоянки	121
1. Описание находок третьего культурного слоя в раскопе	121
2. Описание находок третьего культурного слоя в шурфах	125
3. Описание инвентаря третьего культурного слоя	127
Глава IX. К вопросу о IV культурном слое Тельманской стоянки	131
Глава X. О некоторых вопросах развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине в связи с изучением Тельманской стоянки	144
Приложение. Кости человека во втором культурном слое Тельманской стоянки	152
Список источников и литературы	154

Костенки 8 (Тельманская): современные исследования и интерпретации

Исследования второго культурного слоя палеолитической стоянки Костенки 8 (Тельманская) в 2005–2013 гг.	159
<i>А. Е. Дудин, А. Ю. Пустовалов, А. М. Родионов</i>	

Новые данные для изучения и интерпретации граветтской стоянки Костенки 9	174
<i>С. Н. Лисицын, Н. Рейнольдс, Д. К. Еськова, Н. А. Цветкова, А. Ю. Пустовалов</i>	

Костенки 8, слой II: современное представление о коллекции с микрограветтами и ее контекст	197
<i>Н. Рейнольдс</i>	
Граветтское охотничье вооружение от Южной Италии до Русской равнины.....	204
<i>В. Борджиа</i>	
Распространение стоянок ранней поры верхнего палеолита с листовидными остриями на пластинах (Линкомбьен — Ранис — Ежмановице): проблема I культурного слоя Костенок 8.....	216
<i>Д. Фляс</i>	
Домашняя работа: виды активности, реконструируемые по ударно-абразивным инструментам коллекции II слоя Костенок 8	234
<i>К.Н. Степанова</i>	
Биоархеологические исследования фрагментарных палеоантропологических материалов из верхнепалеолитического жилища на стоянке Костенки 8.....	249
<i>М. В. Добровольская, М. Б. Медникова, А. П. Бужилова, А. В. Тиунов, В. И. Селезнева, В. Г. Моисеев, В. И. Хартанович</i>	
Еще раз к вопросу о ранних трепанациях головы в каменном веке: находка на Тельманской стоянке и ее возможная интерпретация	256
<i>М. Б. Медникова, М. В. Добровольская, А. П. Бужилова, В. И. Хартанович, В. И. Селезнева, В. Г. Моисеев, Н. Н. Потрахов</i>	
Заключение	267
<i>А.А. Симицын, А.А. Бессуднов</i>	
Список сокращений	276

ПРЕДИСЛОВИЕ

А. А. СИНИЦЫН, А. А. БЕССУДНОВ

Возобновление начатой более 20 лет назад серии «Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН» (Синицын и др., 2002) обусловлено теми же целями, на реализацию которых она была направлена: введение в научный оборот выполненных исследований, которые в свое время до уровня публикаций доведены не были. Большая часть из них была представлена в успешно защищенных кандидатских диссертациях.

В списке планируемых и частично подготовленных тогда к изданию работ «Тельманская стоянка...», выполненная в Секторе палеолита ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Рогачева аспиранткой из Белоруссии Л. М. Челидзе (Литовченко) и защищенная в качестве кандидатской диссертации в 1968 г. (Челидзе, 1968), занимала первое место (Синицын, 2002: VI). Причина этого заключается в большом значении этого многослойного памятника, из которого детально были опубликованы только материалы I культурного слоя (Ефименко, Борисковский, 1957), а нижние слои нашли отражение или в рамках обобщающих работ (Рогачев, 1957; Рогачев и др., 1982; Sinitsyn, 2007; Аникович и др., 2008; Синицын, 2013), или в публикациях, посвященных отдельным аспектам инвентаря (Рогачев, 1951; Литовченко, 1969; Артемова, 1982).

Тельманская стоянка (Костенки 8) и связанная с ней стоянка Костенки 9 (Бирючий лог) относятся к опорным памятникам костенковского кластера, образуя вместе с Костенками 1, 11, 12, 14, 17 и Борщево 5 группу памятников, имеющих принципиальное значение в костенковской модели и не меньшее — для понимания структуры верхнего палеолита Восточной Европы в целом (Рогачев, 1957; Праслов, Рогачев, 1982; Аникович и др., 2008). В контексте палеолита Костенок значение Тельманской стоянки определяется:

- длительностью временного охвата: на памятнике представлены культурные слои всех трех хронологических групп традиционной костенковской модели;
- уникальной последовательностью культурных традиций, сочетающих индустрии панъвропейского распространения и специфические локальные образования, статус которых остается предметом дискуссии;
- наличием древнейших верхнепалеолитических культурных слоев под вулканическим пеплом, напрямую связанных с формированием верхнего палеолита Восточной Европы

и распространением человека современного физического облика *Homo sapiens sapiens*;

- значением в дискуссии 1950–1960-х гг., в результате которой сложилась концепция археологических культур в палеолите Восточной Европы (Рогачев, 1951; Рогачев, 1957). Материалы I и II культурных слоев занимали особое место как в стадиальной (Ефименко, 1953; Борисковский, 1953), так и в пришедшей ей на смену культурно-исторической модели (Ефименко, 1956; Ефименко, 1960);
- уникальностью связей, фиксируемых культурными слоями стоянки. Однотипность наконечников I культурного слоя Костенок 8 и наконечников стоянки Нетопежовой в свое время обусловила выделение тельманско-ежмановицкой культуры (Chmielewski, 1961; Kozłowski, Kozłowski, 1975), хотя не выдержавшей испытания временем (см. наст. изд., статья Д. Фляса), но сыгравшей важную роль в дискуссии. Уникальный облик кремневого инвентаря II культурного слоя (Рогачев, 1951; Литовченко, 1969) и его аналогия с ранним граветтом грота Пайличи делают Тельманскую стоянку одним из принципиальных памятников в проблеме формирования граветта Европы (Kozłowski, 1986; Kozłowski 2015; Djindjian et al., 1999; Reynolds, Green, 2019);
- специфическую область исследования представляет анализ отдельных элементов материальной культуры всех культурных слоев стоянки, в частности жилых конструкций, которые остаются эталонным материалом для широких обобщений в области организации пространства палеолитических поселений.

Основной задачей настоящего издания является публикация материалов памятника в том виде, в каком они представлены в диссертационной работе Л. М. Челидзе.

Со времени ее написания и защиты произошли некоторые изменения, но касались они, в основном, естественно-научной части (Спиридонова, 1991; Верещагин, Кузьмина, 1977; Верещагин, Кузьмина, 1982) и абсолютного датирования (Синицын и др., 1997). На оценку археологического материала они повлияли мало, но существенно трансформировали контекст его рассмотрения.

Отдельную проблему составляет круг вопросов, связанных с определением культурной

принадлежности нижнего IV культурного слоя памятника, относящегося к древнейшей хронологической группе костенковской схемы (Величко, Рогачев, 1969; Праслов, Рогачев, 1982). В контексте новых материалов, полученных в последнее время из раскопок нижних культурных слоев Костенок 14 и Костенок 17 (Синицын, 2015; Dinnis et al., 2019; Бессуднов и др., 2021), IV слой Костенок 8 приобретает большое значение как, возможно, отличный от них, специфический вариант раннего этапа верхнего палеолита Восточной Европы.

Раскопочные работы на Тельманской стоянке в последнее десятилетие были возобновлены сотрудниками Музея-заповедника «Костенки» (Дудин и др., 2016), благодаря которым получен новый археологический материал и важные наблюдения относительно условий формирования II культурного слоя. Были получены новые определения радиоуглеродного возраста (Reynolds et al., 2015), подтвердившие статус граветтской индустрии Костенок 8 как одной из самых ранних в Восточной Европе, и главное, самой репрезентативной по количеству и разнообразию археологических источников. В материалах II культурного слоя Тельманской стоянки, кроме обычного кремневого и костяного инвентаря, представлены украшения, произведения декоративного искусства, экзотический компонент в виде ископаемых раковин (аммонитов), антропологические остатки, возможно, ритуального происхождения. Принципиальное значение имеет серия жилых конструкций, в чем-то дискуссионных, но, несомненно, важных для реконструкции структуры поселения. По крайней мере часть из них содержит узко локализованные специфические компоненты археологического материала: геометрические микролиты для одной из них, антропологические остатки для другой.

Расширение публикации за счет включения в нее современных исследований имеет целью показать проблемное поле, связанное с материалами памятника, нынешнее состояние и направления их исследования. Появление этих работ само по себе подчеркивает значение в первую очередь кремневого инвентаря, остающегося доминантой при определении культурной атрибуции и основой всех дальнейших реконструктивных построений. Во-вторых, они демонстрируют изменения в подходе к его рассмотрению и тенденции в развитии научных представлений о его информативности. В-третьих, публикации сборника показывают, что различия в уровне анализа 1960-х гг. и начала нового века носят в основном количественный характер.

Особо надо отметить иллюстративную часть работы Л. М. Челидзе, выгодно отличающую ее от многих современных исследований. Публикация показывает, что иллюстративный материал является отдельным и независимым источником, без которого остается невозможной верификация авторской классификации материала и сделанных на ее основе выводов.

Выполненная в 1960-х гг. прошлого века работа Л. М. Челидзе, несмотря на более чем 50-летний период, прошедший со времени ее написания, сохранила свое значение в плане не только источниковедческого анализа фактического материала, но и его оценки и сложившихся заключений.

Предлагаемое издание состоит из двух частей: собственно, кандидатской диссертации Л. М. Челидзе и серии статей, связанных с материалами Тельманской стоянки и Костенок 9, как опубликованных ранее в других изданиях, так и оригинальных. Основу второго блока составляют работы, посвященные результатам последних полевых работ и их интерпретации (статья А. Е. Дудина с соавторами) и переоценке с современных позиций как отдельных категорий каменного инвентаря — изделий с притупленным краем (статьи Н. Рейнольдс, В. Борджиа), так и полной совокупности коллекций (статьи Д. Фляса и С. Н. Лисицына с соавторами). Анализ ранее подробно не рассматривавшейся специфической категории ударно-абразивных орудий и реконструкция их использования в домашне-хозяйственной деятельности обитателей II культурного слоя Костенок 8 представлены в статье К. Н. Степановой. Результаты биоархеологического изучения антропологических остатков из II слоя Тельманской стоянки (статья М. В. Добровольской с соавторами) и детальный анализ фрагментов черепа на предмет наличия одной из самых ранних прижизненных трепанаций в палеолите (статья М. Б. Медниковой с соавторами) завершают блок публикаций.

Редакторский коллектив выражает большую благодарность всем оказавшим помощь и поддержку при подготовке данной публикации, а также всем авторам, которые любезно согласились предоставить свои работы для включения в настоящее издание. Отдельная признательность А. Р. Ладе за помощь при переводе с английского языка и подготовке иллюстративного материала и К. Н. Степановой за изготовление дизайна обложки и помощь при оформлении библиографического аппарата. При подготовке иллюстра-

тивной части использовались материалы рукописного и фотоархива ИИМК РАН, сотрудников которого М. В. Медведеву и Н. А. Лазаревскую мы благодарим за всестороннее содействие. Настоящее издание опубликовано благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта № 20-78-10151 «Палеолит Костенок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии».

Литература

- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции; вып. 1).
- Артемова В. Д. 1982. Микролитический инвентарь 2-го слоя Костенок VIII (Тельманская стоянка) // СА. № 1. С. 21–32.
- Бессуднов А. А., Сеницын А. А., Диннис Р., Артюшенко А. А., Лада А. Р., Степанова К. Н., Малюткина А. А., Бессуднова М. А., Петрова Е. А., Дука Е. 2021. Костенки 17 (ст. Спицына): новые данные о стратиграфии, хронологии и условиях залегания культурных слоев // *Stratum plus*. № 1. С. 163–198.
- Борисковский П. И. 1953. Палеолит Украины. М.; Л.: Изд-во АН СССР. (МИА; № 40).
- Величко А. А., Рогачев А. Н. 1969. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Герасимов И. П. (ред.). Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР (к VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969). М.: Наука. С. 75–87.
- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. 1977. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне // Мамонтова фауна Русской равнины и Восточной Сибири. (Труды ЗИН; т. 72). С. 77–110.
- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. 1982. Фауна млекопитающих // Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука. С. 223–232.
- Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Платонова Н. И. 2016. Второй культурный слой стоянки Костенки-8 (Тельманская): структура, объекты, микростратиграфия // Вестник НГУ. История, филология. Вып. 15. С. 41–52.
- Ефименко П. П. 1953. Первобытное общество. Изд. 3-е. Киев: АН УССР.
- Ефименко П. П. 1956. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы (о памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа) // СА. Вып. XXVI. С. 28–53.
- Ефименко П. П. 1960. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья (к происхождению мадленской культуры Восточной Европы) // СА. № 4. С. 14–25.
- Ефименко П. П., Борисковский П. И. 1957. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.) // МИА. № 59. С. 191–234.
- Литовченко Л. М. 1969. Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. № 3. С. 110–123.
- Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука.
- Рогачев А. Н. 1951. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках // КСИИМК. Вып. 37. С. 23–29.
- Рогачев А. Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. № 59. С. 9–134.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В., Дмитриева Т. Н. 1982. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1979–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука. С. 92–109.
- Сеницын А. А. 2002. От редактора // Сеницын А. А., Сергин В. Я., Хоффекер Дж. Ф. (ред.). Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (материалы Международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках, ИИМК РАН, XI.1999). Костенки в контексте палеолита Евразии. Сер. Исследования. Вып. 1. СПб.: Академ Принт. С. V–VI.
- Сеницын А. А. 2013. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Сеницын А. А. (ред.). Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: Элек-Сис. С. 4–32.
- Сеницын А. А., Сергин В. Я., Хоффекер Дж. Ф. (ред.). 2002. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (материалы Международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках, ИИМК РАН, XI.1999). Костенки в контексте палеолита Евразии. Сер. Исследования. Вып. 1. СПб.: Академ Принт.
- Сеницын А. А. 2015. Костенки 14 (Маркина гора) — опорная колонка культурных и геологических и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет (GS-11–GI-3) // Хлопачев Г. А. (ред.). Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб.: МАЭ РАН. (Замятинский сборник; вып. 4). С. 40–59.
- Сеницын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д. 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Сеницын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: Академ Принт. С. 21–66.
- Спиридонова Е. А. 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. М.: Наука.

- Челидзе Л. М. 1968. Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Chmielewski W. 1961. *La Civilisation de Jerzmanowice*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Instytut Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk.
- Dinnis R., Bessudnov A. A., Reynolds N., Devièse T., Pate A., Sablin M. V., Sinitsyn A., Higham T. 2019. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *JHE*. Vol. 127. P. 21–40.
- Djindjian F., Kozłowski J., Otte M. 1999. *Le Paléolithique supérieur en Europe*. Paris: Armand Colin.
- Kozłowski J. K. 1986. The Gravettian in Central and Eastern Europe // *Advances in World Archaeology*. Vol. 5. P. 131–200.
- Kozłowski J. K. 2015. The origin of the Gravettian // *QI*. Vol. 359–360. P. 3–18.
- Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. 1975. *Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p. n.e*. Warszawa.
- Reynolds N., Green C. 2019. Spatiotemporal modelling of radiocarbon dates using linear regression does not indicate a vector of demic dispersal associated with the earliest Gravettian assemblages in Europe // *JAS: Reports*. Vol. 27. Art. no. 101958.
- Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. F. G. 2015. Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. Vol. 62. P. 121–132.
- Sinitsyn A. A. 2007. Variabilité du Gravettien de Kostenki (Bassin moyen du Don) et des territoires associés // *Paléo*. Vol. 19. P. 181–201.

Положение палеолитических стоянок Костенки 8 (Тельманская), Костенки 9 (Бирючий лог)
и Костенки 15 (Городцовская) в приустьевой части Александровского лога.
Вид с востока со стоянки Костенки 6 (Стрелецкая)
Фото А. А. Синицына

ТЕЛЬМАНСКАЯ СТОЯНКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

ВВЕДЕНИЕ

Процесс развития культуры в эпоху верхнего палеолита является одним из главных вопросов, обсуждаемых и решаемых советской археологической наукой, достигшей в этом отношении значительных успехов. Важную роль в разработке этой проблемы играют материалы, полученные при исследовании многочисленных памятников Костенковско-Борщевского района на Дону, занимающего центральное положение на Русской равнине. Особенно большое значение имело открытие и исследование в Костенках многослойных поселений верхнепалеолитического времени. Картина последовательной смены одних культурных слоев другими, отличными по своему характеру, помогает с большей вероятностью понять, каким образом развивалась культура в эпоху верхнего палеолита. Особое место в этом отношении принадлежит шестислойной Тельманской верхнепалеолитической стоянке. Благодаря исследованию нижних культурных слоев этого памятника, наряду с другими поселениями Костенковско-Борщевского района, в науке сложились две разные точки зрения по вопросу развития культуры в эпоху верхнего палеолита. С одной стороны, точка зрения П. П. Ефименко и П. И. Борисковского, с другой — А. Н. Рогачева. П. П. Ефименко и П. И. Борисковский выдвинули идею стадийного развития культуры и общества в эпоху верхнего палеолита, предложив схему развития верхнепалеолитической культуры восточноевропейской части СССР, отражающую эволюцию кремневого инвентаря на различных последовательно сменяющихся друг друга культурных этапах. В связи

с этим, по мнению указанных авторов, основным датированным фактором верхнепалеолитических памятников является археологический материал. А. Н. Рогачев, наоборот, считает, что в эпоху верхнего палеолита в одно и то же время, а зачастую и рядом друг с другом существовали отдельные группы населения с различными культурными традициями, которые закреплялись и передавались от одного поколения к другому. Иными словами, А. Н. Рогачев в качестве главного тезиса выдвигает положение об этнографическом своеобразии культуры отдельных групп палеолитического населения. Основным датированным фактором, по мнению этого автора, являются геологические условия залегания памятника с учетом его этнографических особенностей.

Материалы шестислойной Тельманской стоянки (рис. 1) с четко выраженной стратиграфией культурных слоев, различных по своему характеру и по своей культурной принадлежности, противоречат стадийному взгляду на развитие культуры и общества в верхнепалеолитическое время и подтверждают точку зрения А. Н. Рогачева по этому принципиально важному вопросу. Наряду с этим богатые материалы Тельманской стоянки помогают полнее осветить отдельные стороны процесса развития верхнепалеолитической культуры, в частности проблему жилищ, вопросы жизни и быта людей, их орудия труда, производственную и хозяйственную деятельность, социальный строй и т. п. Доказательству всего этого и посвящена данная работа на основании полного описания шестислойной верхнепалеолитической Тельманской стоянки.

Рис. 1. С. Александровка. В центре — раскоп на Тельманской стоянке.
Стрелка указывает на местонахождение стоянки Бирючий лог

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ И СТОЯНКИ БИРЮЧИЙ ЛОГ

2 октября 1936 г. житель села Костенки Воронежской области А. Е. Фокин, работавший в экспедиции П. П. Ефименко по исследованию палеолитической стоянки Костенки 1, сообщил, что при рытье силосной ямы в колхозе им. Тельмана найдены кости ископаемых животных и кремни (рис. 2). Обследование круглой силосной ямы было произведено А. Н. Рогачевым и старшим рабочим экспедиции В. А. Кораблиным. При зачистке дна ямы, вырытой в буром лессовидном суглинке, в южном ее конце были обнаружены пятна суглинка кирпично-красного цвета. При расчистке этого окрашенного суглинка сняли 23 расщепленных кремня (16 отщепов, 4 пластины и 3 микропластины с затупленным ретушью краем), 3 кварцитовых отщепа и 3 небольших обломка трубчатой кости крупного животного. Тонкий культурный слой уходил под восточную стену ямы и был перекрыт мощным пластом чернозема и лессовидного суглинка (глубина залегания 250 см от поверхности почвы). Так был обнаружен культурный слой Тельманской стоянки, приуроченный к верхней гумусированной прослойке, представляющей собой разорванные линзы гумусированного суглинка, окрашенного в кирпично-красный цвет, в толще отложений второй надпойменной террасы. Этот слой оказался вторым культурным слоем Тельманской стоянки (Архив ЛОИА, 1936 г., ф. 2, арх. № 415, с. 2, 3¹).

В 1937 г. вокруг силосной ямы закладываются разведочные шурфы № 1 (кв. КЛМ-40–41), № 2 (кв. З-28–30), № 3 (кв. СТУ-40–41), № 4 (кв. АБВГ-40–41) и № 5, объединяющий в одну траншею шурфы № 1 и 4 (рис. 2). Во всех шурфах прослеживается одинаковая стратиграфия, обычная для отложений второй надпойменной террасы.

В шурфе № 2 на глубине 372–418 см от поверхности почвы, непосредственно под верхней гумусированной прослойкой, обнаружены обломки костей крупных животных и кремневые осколки. По условиям залегания находки относятся ко второму культурному слою Тельманской стоянки. Приблизительно на 1 м выше этих находок, на глубине 298 см, в желто-буром суглинке найден обломок кремня и кусочек жже-

ной кости. На этом уровне на соседних участках были исследованы остатки первого культурного слоя Тельманской стоянки. Глубина шурфа — 513 см.

В шурфе № 3 на глубине 387–392 см от поверхности почвы, также под верхней гумусированной прослойкой, обнаружены 2 кремневых отщепа и следы разрушившихся костей, расположенных на уровне залегания второго культурного слоя. Глубина шурфа — 415 см.

На этом же уровне, ниже верхней прослойки ископаемой почвы, на глубине 412–420 см от поверхности почвы, найдено несколько костей плохой сохранности в шурфе № 1. На 1 м выше этих костей, в желто-буром суглинке, на глубине 310–330 см, на уровне первого культурного слоя залегали обломки костей крупных животных и несколько расщепленных кремней и кварцитов, среди которых следует отметить концевой скребок на широкой сломанной пластине, обломок широкой кварцитовой пластины с ретушью по краям, резец на углу пластины и многофасеточный резец на отщепе. Глубина шурфа — 435 см.

Остатки первого культурного слоя в большом количестве встречены в толще желто-бурого лессовидного суглинка в шурфе № 4, особенно в его восточной и юго-восточной частях. Граница культурного слоя, представленного многочисленными сильно патинизированными расщепленными кремнями, в том числе и орудиями, обломками костей животных и угольками, постепенно понижалась, начиная с центра шурфа и теряясь в его северной части. Большинство находок залегало на глубине 200–230 см от поверхности почвы.

В шурфе № 5 на уровне залегания первого культурного слоя и выше его встречено несколько расщепленных кремней.

В это же время начали расчистку длинной свекольной ямы, вырытой в 1936 г. (рис. 2). Расчистка велась в западной части ямы на площади 3×3 м и в восточной части на площади 2×2,3 м, где на глубине 245–265 см в желто-буром суглинке обнаружены явные следы первого культурного слоя в виде расщепленного кремня, обломков костей животных и угольков (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 320, с. 2–6).

¹ Ссылки на архивные материалы представлены в том же виде, в каком они приводятся в диссертации Л. М. Челидзе. В настоящее время «Архив ЛОИА» соответствует «НА ИИМК РАН», при этом годы, номера описей и дел остались без изменений. — *Прим. ред.*

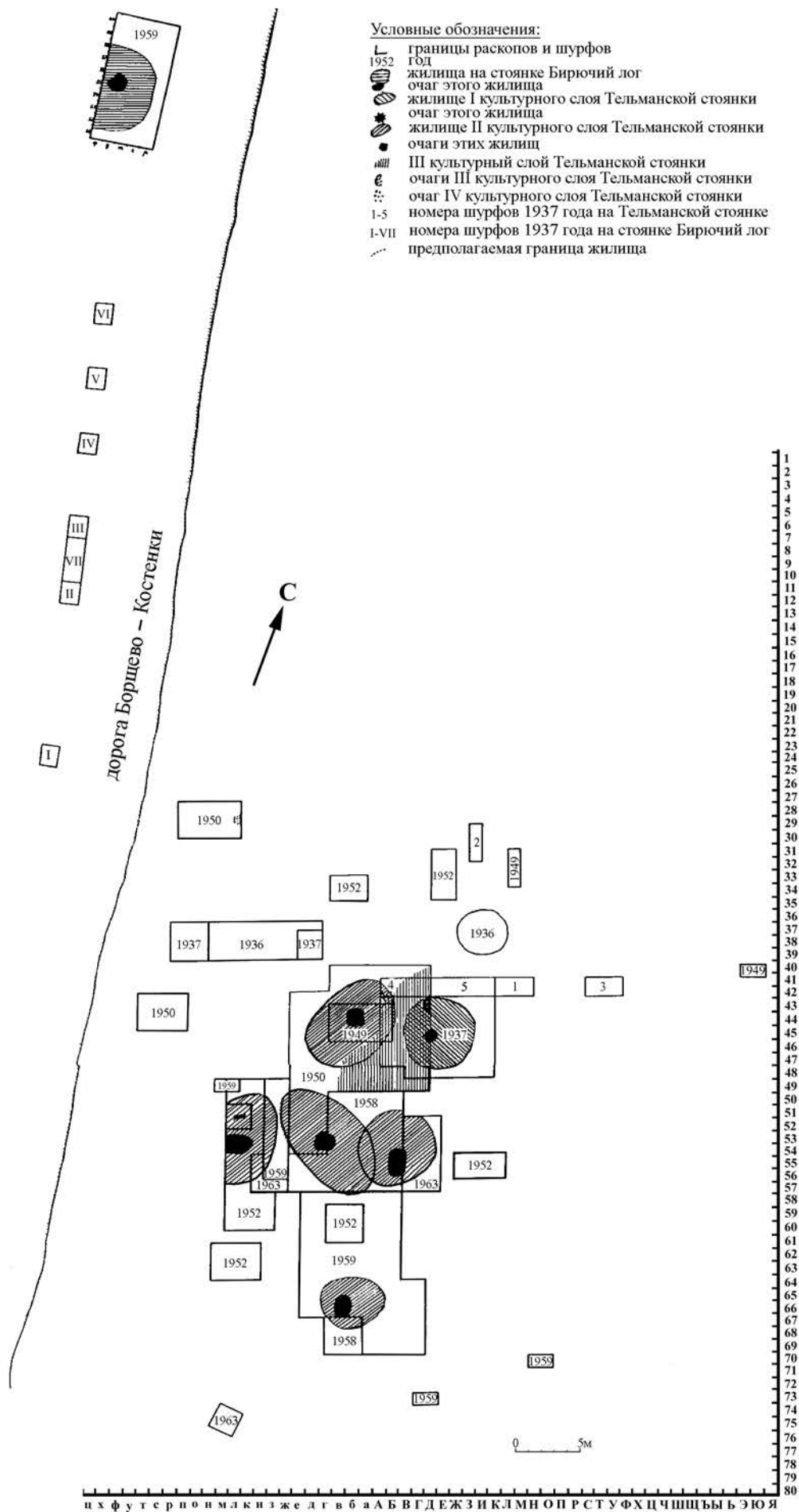

Рис. 2. Схематический план расположения раскопов и шурфов на Костенках 8 (Тельманской стоянке) и Костенках 9 (стоянке Бирючий лог)

Ввиду того, что в шурфе № 4, особенно в его восточной и юго-восточной частях, в большом количестве были встречены остатки первого культурного слоя, заложили раскоп к юго-востоку и востоку от шурфа (кв. АБВГДЕЖЗИ-41–46 и ВГДЕЖЗИ-47) (рис. 2). На этом участке палеолитической экспедицией под руководством П. П. Ефименко исследован первый культурный слой Тельманской стоянки, представляющий собой остатки круглой в плане полуземлянки с одним очагом в центре (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 320, с. 12–34 и арх. № 323, с. 2).

В 50–60 м к западу от раскопа в кювете дороги Костенки — Борщево было собрано полтора десятка отщепов серого патинизированного кремня. В целях проверки залегания горизонта, содержащего кремь, заложили семь разведочных шурфов (размеры: 1,5×1,7 и 3,5×1,7 м), вытянувшихся вдоль дороги (рис. 2). В шурфах II, III и VII в верхней части толщи желто-бурого лессовидного суглинка, непосредственно под черноземом был обнаружен культурный слой, содержащий расщепленный кремь, кости животных, мелкие угольки и следы красной краски (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 320, с. 6, 8–10). Новое палеолитическое местонахождение было названо стоянкой Бирючий лог.

В 1949 г. палеолитической экспедицией под руководством А. Н. Рогачева на Тельманской стоянке был заложен шурф на кв. Аабвг-42–44 у западной стенки раскопа 1937 г. (рис. 2). В этом шурфе в желто-буром суглинке остатки первого культурного слоя, состоящие из расщепленных кремней, костей животных, костных углей, были встречены в основном на квадратах линии «а». В остальной части шурфа они были представлены единичными экземплярами.

При углублении шурфа непосредственно под верхней гумусированной прослойкой на 70–80 см ниже пола первого культурного слоя было обнаружено мощное скопление культурных остатков, состоящих из расщепленных кремней, темных, без патины, осколков костей животных, костных и древесных угольков, кусочков охры, которые и представляли собой второй культурный слой Тельманской стоянки. Более того, на кв. бв-42–43 наблюдалось скопление зольной и углистой массы, напоминающей остатки очага (Архив ЛОИА, 1949 г., ф. 35, арх. № 6, с. 9, 11, 24).

Кроме этого, были заложены еще три разведочных шурфа на кв. мн-43, ЭЮ-39 и Д-30–32 (рис. 2). Первый шурф заложен на дне противотанкового рва рядом с прошлогодним шурфом-зачисткой, углубленным в суглинок незначительно с целью установления факта, что

противотанковым рвом не мог быть поврежден культурный слой Тельманской стоянки, залегающий значительно глубже в суглинке. Никаких признаков наличия здесь культурного слоя верхнего горизонта не имеется.

На глубине 385–400 см от поверхности почвы залегают верхняя гумусированная прослойка. В ней много древесного угля, местами она имеет сажистый вид. Здесь встречены кремневая пластина и осколок трубчатой кости мамонта, относящиеся ко второму культурному слою.

На 1 м глубже верхней гумусированной прослойки залегают нижняя гумусированная прослойка с редкими вкраплениями древесных угольков. Никаких культурных остатков не встречено.

На глубине 575 см от поверхности почвы кончается толща суглинка. Под ней — меловой аллювий с мелкой галькой мела, перекрытый тонкой прослойкой песка. В шурфе ЭЮ-39 никаких культурных остатков не встречено.

В шурфе Л-30–32 в лессовидном суглинке на уровне залегания первого культурного слоя были обнаружены 2 расщепленных кремня.

На глубине 296–300 см от поверхности почвы, в верхней гумусированной прослойке встречены обломки двух ребер мамонта и лошади и 2 кремня. Находки относятся ко второму культурному слою. На глубине 410–440 см от поверхности — вторая гумусированная прослойка, а ниже (455–510 см) — зеленоватый песок с мелкой галькой мела. Стратиграфия описанных шурфов обычна для Тельманской стоянки (Архив ЛОИА, 1949 г., ф. 35, арх. № 7, с. 37–41).

В следующем 1950 г. под руководством А. Н. Рогачева было продолжено исследование остатков второго культурного слоя, находки которого уходили под стены прошлогоднего раскопа. С этой целью последний был значительно расширен во все стороны (рис. 2). Раскоп 1950 г. занимал площадь 119 м² (кв. жГ-41–48, гГ-39–40, дж-49–53).

Восточной частью этого раскопа разрушена западная половина полуземлянки, исследованной в 1937 г. с целью проведения контрольного вскапывания пола первого культурного слоя. В результате этого в полу жилища выявлены и исследованы еще три хозяйственные ямы в дополнение к тем трем, которые вскрыты в восточной половине землянки в 1937 г. Кроме этого, были доисследованы остатки первого культурного слоя, находившиеся вне землянки, более многочисленные у входа в жилище и представленные единичными экземплярами на соседних участках (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 3–6, 14–17, 25–27, 30–34).

При углублении раскопа непосредственно под верхней гумусированной прослойкой расчищали мощное скопление остатков второго культурного слоя, концентрировавшихся вокруг скопления зольно-углистой массы, частично вскрытое прошлогодним раскопом и представляющее собой остатки жилища, овального в плане, незначительно углубленного в суглинок, с одним очагом в центре (рис. 2). Это жилище было названо северным, так как южнее его, в траншее на кв. деж-49–53 обнаружено еще одно мощное скопление культурных остатков второго слоя, по условиям залегания и характеру находок идентичное с остатками северного жилища. На кв. д-52–53 расчищено скопление зольно-углистой массы. В разрезе стен траншеи хорошо прослеживались линзы с находками, зольно-углистая масса тоже уходила под стену траншеи. Были все основания предположить, что частично вскрыты остатки еще одного жилища второго культурного слоя, названного южным (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 7–14, 17–25, 31–36).

Во время исследования второго культурного слоя обратило на себя внимание интересное явление, наблюдавшееся в восточной половине раскопа. На этом участке непосредственно под вторым культурным слоем, а иногда и в смешении с ним были расчищены культурные остатки, по своему характеру совершенно отличные от него. Здесь наблюдалось скопление расщепленных кварцитов, цветных кремней и обломков бивней мамонта. Это совершенно не характерно для второго культурного слоя. На кв. Г-41–42 залегали остатки очага, по своей структуре совершенно отличные от таковых во втором слое. Было совершенно очевидно, что обнаружен новый, третий культурный слой Тельманской стоянки, по времени очень близкий ко второму. Его находки уходили под южную и восточную стены раскопа (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 17, 20, 23, 29, 33).

Глубже третьего культурного слоя по диагонали раскопа в направлении с севера на юг в нижней гумусированной толще второй надпойменной террасы залегали культурные остатки, представленные в основном скоплениями крупных костей мамонта очень плохой сохранности и немногочисленными расщепленными кремнями. Эти находки относятся к самому древнему, четвертому культурному слою Тельманской стоянки, перетолженному вместе с остатками очажной массы (кв. АБ-41–42) еще в древности (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 28, 34, 37, 38).

Нарушая описание стратиграфической последовательности культурных слоев, необходимо отметить, что в раскопе 1950 г. на кв. А-46, г-45, де-47–53 (рис. 2), в желто-буром суглинке, между первым и вторым культурными слоями были обнаружены немногочисленные находки в виде расщепленных кремней и обломков костей крупных животных, относящиеся к самостоятельному культурному горизонту Тельманской стоянки, названному «Ia» (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 6, 31).

Кроме основного раскопа в 1950 г. были заложены 2 больших шурфа на кв. мнопр-26–28 и рсту-41–43 (рис. 2). В первом шурфе непосредственно под верхней гумусированной прослойкой обнаружены культурные остатки третьего слоя, по условиям залегания и по характеру находок, в том числе и остатков очага на кв. и-27, совершенно идентичные с находками третьего слоя в основном раскопе.

Во втором шурфе в аналогичных с первым шурфом условиях залегали также остатки третьего культурного слоя Тельманской стоянки (Архив ЛОИА, 1950 г. ф. 35, арх. № 2, с. 29–31).

С целью проверки границ распространения культурных остатков на Тельманской стоянке в 1952 г. было заложено 5 разведочных шурфов. В каждом из них наблюдалась стратиграфия, обычная для Тельманской стоянки.

В шурфе на кв. бвг-67–69 (рис. 2) непосредственно под верхней гумусированной прослойкой залегали многочисленные находки, характерные для второго культурного слоя. Они уходили под стены шурфа в северном направлении. Приблизительно на 1 м глубже верхней прослойки гумуса залегала нижняя прослойка. К ней были приурочены крупные осколки костей животных очень плохой сохранности и 1 кварцитовый отщеп, принадлежащие четвертому культурному слою Тельманской стоянки.

В шурфе на кв. ДЕ-30–33 (рис. 2) на глубине 2 м от поверхности почвы в желто-буром лесовидном суглинке на уровне залегания первого культурного слоя обнаружены обломки пластин из светлого кремня. На уровне залегания второго слоя в верхней гумусированной прослойке расчищены мелкие обломки костей животных, костные и древесные угли. В нижней гумусированной прослойке залегали плохо сохранившиеся крупные и мелкие обломки костей и 7 кремневых отщепов из четвертого культурного слоя.

В шурфе на кв. бвг-58–60 (рис. 2) в верхней гумусированной прослойке были встречены единичные находки второго слоя (крупный обломок ребра и 3 кремневых отщепов). На глубине 430–

470 см от поверхности почвы встречено скопление крупных костей плохой сохранности, представляющих самый нижний культурный слой Тельманской стоянки.

В шурфе на кв. ЖЗИК-54–55 (рис. 2) культурные остатки залежали только в нижней гумусированной прослойке; они состояли из крупных костей животных и относились к четвертому слою. В шурфе на кв. бвг-32–33 (рис. 2) на глубине 200–240 см от поверхности почвы в суглинке были найдены 38 отщепов светлого кремня первого культурного слоя. Глубже, в нижней части верхней гумусированной прослойки, залежали культурные остатки, представленные обломками бивней мамонта и кварцитовыми отщепами, характерными для третьего слоя Тельманской стоянки. Следует напомнить, что этот шурф расположен между шурфом 1950 г., в котором также были встречены остатки третьего культурного слоя, и основным раскопом с находками этого же слоя.

В нижнем гумусе находок не обнаружено (Архив ЛОИА, 1952 г., ф. 35, арх. № 5, с. 9, 10, 15, 20, 22).

В 1953 г. была создана специальная комиссия из геологов и археологов, которая занималась изучением геологических условий залегания культурных слоев многих верхнепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района, в том числе Тельманской стоянки и стоянки Бирючий лог (протокол комиссии опубликован в МИА, № 45, 1955, с. 162–163). Для осмотра комиссией на Тельманской стоянке был вновь вскрыт шурф 1952 г. на кв. бвг-67–69 (рис. 2) с остатками второго и четвертого культурных слоев, приуроченных к верхней и нижней гумусированным толщам соответственно.

На стоянке Бирючий лог был углублен и расширен шурф 2 1937 г. (рис. 2). Размер шурфа 2×3 м. В нем была выявлена обычная для второй надпойменной террасы Дона стратиграфия. В верхнем суглинке, на уровне залегания культурного слоя в шурфах 1937 г. на стоянке Бирючий лог, были расчищены небольшие обломки костей мамонта и расщепленные кремни. На глубине 130–150 см от поверхности, выше верхней гумусированной прослойки, были собраны 13 кремневых отщепов, 1 кварцитовая пластина и 15 мелких обломочков костей крупных животных, относящихся по уровню залегания к первому культурному слою Тельманской стоянки. В верхней гумусированной толще расчищен обломок кости мамонта, принадлежащий, по-видимому, ко второму слою Тельманской стоянки. В нижней, слабо гумусированной

толще, обнаружен обломок кремневой пластины. По уровню залегания эта находка соответствует самому древнему культурному слою стоянки (Архив ЛОИА, 1953 г., ф. 35, арх. № 1–2).

Ввиду того, что раскопом 1950 г. частично вскрыты остатки южного жилища второго слоя, во время экспедиционного сезона 1958 г. решено было доисследовать это жилище, что и было сделано Л. М. Тарасовым под руководством А. Н. Рогачева. С этой целью заложили раскоп на кв. Б-ж-49–56, в который входила часть раскопа 1950 г. (рис. 2). Непосредственно под верхней гумусированной прослойкой были расчищены остатки южного жилища, овального в плане, с очагом в центре. Небольшая часть восточного края жилища перекрывала еще одно скопление культурных остатков, группировавшихся вокруг скопления зольно-углистой массы на кв. Б-54–55 и по своему характеру и условиям залегания идентичных с остатками северного и южного жилищ второго культурного слоя. Были все основания полагать, что раскопом 1958 г. вскрыта часть еще одного жилища второго слоя, названного восточным.

На кв. 49 и 50 линий у северной стены раскопа под верхней гумусированной прослойкой залежали культурные остатки, характерные для третьего слоя Тельманской стоянки, являясь непосредственным продолжением находок этого слоя, обнаруженных в раскопе 1950 г.

Кроме этого, на территории раскопа 1958 г. под остатками южного жилища, в основном с восточной стороны его очага, залежало скопление крупных костей очень плохой сохранности, относящихся к четвертому слою Тельманской стоянки (Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 55, арх. № 9).

В следующем, 1959 г. Л. М. Тарасовым были доисследованы восточная половина восточного жилища на кв. ВГД-51–56, оказавшегося округлым в плане, с очагом ближе к юго-восточной границе жилища, и западная окраина южного жилища в раскопе зи-48–55 (рис. 2). В этом же раскопе наблюдалось заметное скопление культурных остатков второго слоя у его западной стены, под которую они уходили. Среди этих остатков обнаружены плохо сохранившиеся отдельные кости человека.

Раскоп 1958 г. был продолжен к югу. Он занял площадь 110 м² на кв. Б-е-57–66, ВГ-64–66 и Гг-67–69 (рис. 2). В этот раскоп вошли два шурфа 1952 г., в которых расчищены остатки четвертого культурного слоя. В северной половине раскопа под верхней гумусированной прослойкой залежали немногочисленные находки второго слоя. Зато в южной половине раскопа

на этом уровне было обнаружено мощное скопление культурных остатков второго слоя, группированных вокруг зольно-углистой массы на кв. в-65–66, представлявших собой остатки еще одного, четвертого по счету жилища, частично вскрытого шурфом 1952 г. и названного юго-восточным.

К востоку от этого жилища на участке кв. Г-а-64–69 выше верхней гумусированной прослойки, в желто-буром лессовидном суглинке на уровне залегания единичных находок, относящихся к Ia культурному горизонту и обнаруженных на Тельманской стоянке в 1950 г., залегало значительное скопление культурных остатков этого горизонта, представленных расщепленными кремнями, обломками костей животных и угольками.

Идентичные культурные остатки на таком же уровне были вскрыты в шурфе на кв. ГД-73, заложенном в этом же году (рис. 2). Стратиграфия шурфа обычна для Тельманской стоянки. Углублен до 320 см от поверхности почвы.

В шурфе 1959 г. на кв. НО-70, углубленном до 446 см от поверхности почвы, верхняя гумусированная прослойка залегала на глубине 250–270 см от поверхности. С этим горизонтом погребенного гумуса связаны все находки из этого шурфа, относящиеся ко второму культурному слою. Особенно много находок на кв. О-70, где они представлены расщепленными кремнями, мелкими обломками костей, костными и древесными углями, охрой (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13).

В 1959 г. под руководством А. Н. Рогачева проведены исследовательские работы на стоянке Бирючий лог. На усадьбе М. Е. Титова вдоль центральной дороги села был заложен раскоп площадью 50 м² (рис. 2). В этом раскопе под черноземом в лессовидном суглинке на уровне залегания находок в разведочных шурфах, заложенных на стоянке Бирючий лог в 1937 г., вскрыты остатки палеолитического жилища, представленные расщепленными кремнями, обломками костей животных, костным и древесным углем, мелкими кусочками охры, концентрированными вокруг остатков очага. Жилище было исследовано не полностью, так как расширению раскопа мешали дом владельца усадьбы и центральная дорога села (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 4, 5, 9–11, 17, 18, 22–26, 29, 34–45, 58–63, 67–73).

В 1962 г. на Тельманской стоянке А. Н. Рогачевым был заложен шурф на кв. клмн-61–63 (рис. 2). В этом шурфе, стратиграфия которого ничем не отличается от таковой в других шурфах

нашей стоянки, обнаружены остатки четвертого культурного слоя, приуроченные к гумусированной прослойке и представленные плохо сохранившимися крупными костями животных (Архив ЛОИА, 1962 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 9).

В следующем, 1963 г. в районе Тельманской стоянки автором под руководством А. Н. Рогачева были заложены два небольших шурфа. Один из них располагался у южного угла раскопа 1959 г. на кв. к-54–56 и зи-56 (рис. 2). Непосредственно под верхней гумусированной прослойкой были расчищены культурные остатки второго слоя, которые уходили под западную стену раскопа 1959 г. на этом участке. Особенно обильны эти находки на кв. к-54–55. Здесь среди них обнаружено еще несколько косточек, принадлежащих палеолитическому человеку. Культурные остатки продолжались под стенами шурфа, особенно в западном направлении.

Второй шурф заложен значительно южнее первого и располагался в районе кв. лмн-73–76 (рис. 2). Он был углублен до 5 м от поверхности почвы, его стратиграфия обычна для Тельманской стоянки. В этом шурфе встречены лишь немногочисленные культурные остатки второго слоя: 22 расщепленных кремня (из них 2 со вторичной обработкой), несколько мелких обломков костей животных и кусочков охры (Архив ЛОИА, 1963 г., ф. 35, арх. № 9).

В 1964 г. рядом с раскопами 1959 и 1963 гг., в которых обнаружены кости человека, автором заложен раскоп на кв. клм-48–59 и и-57–59 (рис. 2). В него вошли шурф 1948 г., половина шурфа 1949 г. и почти весь шурф 1963 г. Раскопом вскрыто мощное скопление культурных остатков второго слоя с остатками очага на кв. лм-52,53 в центре этого скопления. Находки продолжались под западной стеной раскопа. Таким образом, в 1964 г. во втором культурном слое Тельманской стоянки была исследована восточная половина пятого по счету жилища, названного западным. Его восточная окраина была вскрыта раскопами 1959 и 1963 гг. Среди костных остатков в раскопе 1964 г. обнаружено еще несколько костей человека (Архив ЛОИА, 1964 г., ф. 35, арх. № 4).

Итак, Тельманская палеолитическая стоянка и стоянка Бирючий лог исследовались с перерывами в течение 11 лет, с 1936 по 1964 г. За это время в районе Тельманской стоянки была вскрыта площадь 405 м² сплошным раскопом и 108 м² шурфами, а в районе стоянки Бирючий лог — 50 м² раскопом и 21 м² шурфами.

В результате этого на Тельманской стоянке были исследованы остатки пяти культурных

слоев (I, Ia, II, III и IV), различных по культурной принадлежности и по времени на кв. к-54–56 и зи-56 (рис. 2). Стоянка Бирючий лог является, по-видимому, также одним из слоев Тельманской стоянки, скорее всего, самым верхним. В та-

ком случае перед нами шестислойный верхнепалеолитический памятник.

Все полевые документы об исследовании этого памятника хранятся в Архиве ЛОИА, а его коллекция — в ИАЭ АН СССР Ленинграда².

² В настоящее время коллекция Костенок 8 из раскопок 1930–1960-х гг. хранится в МАЭ РАН и частично в ИИМК РАН. — *Прим. ред.*

ГЛАВА II

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЗАЛЕГАНИЯ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ

1. Геоморфология

Тельманская палеолитическая стоянка находится в с. Александровка Костенковского сельсовета Хохольского района Воронежской области. Она является одним из важнейших памятников Костенковско-Борщевского района, расположенного на берегу р. Дон, в 15–20 км ниже впадения в него р. Воронеж (рис. 1).

Правобережье Дона в районе Костенок представляет собой восточную окраину Среднерусской возвышенности, граничащую с Тамбовско-Воронежской низиной. Правый крутой и высокий берег долины Дона, состоящий нередко из обнажений мела и подстилающих его пород, прорезан здесь многочисленными глубокими и широкими балками, открывающимися в долину Дона.

Долина Дона и устьевые части балок, как показывают буровые скважины, врезаны в коренные плотные нижнемеловые и девонские глины. По правобережью долины и в устьях балок очень плохо выражены две надпойменные террасы: первая, высотой 8–10 м над уровнем Дона, и вторая — 1520 м. В логах, по Г. И. Лазукову, уровень второй надпойменной террасы несколько выше и достигает в удалении от долины 35 м над уровнем Дона (Лазуков, 1957а).

Люди всегда селились на склонах древних балок, укрытых от ветров, ближе к воде, но на сухих местах. Оконечности овражных мысов, образованных долиной реки и оврагами или оврагами и их отвершками, были очень удобными местами для заселения их первобытными людьми. Одним из таких удобных для поселения мест и был центральный мыс Александровского лога, образованный слиянием при впадении в долину Дона логов Александровского и Бирючьего. На этом мысу расположена многослойная Тельманская стоянка. Она находится в таких же геоморфологических и геологических условиях, как и другие многослойные памятники Костенковско-Борщевского района, например Аносовка 2, расположенная на центральном мысу соседнего Аносова лога, или Костенки 1 на центральном мысу Покровского лога. Все эти памятники являются выдающимися по своему научному значению, так как на каждом из них обнаружены и исследова-

ны пятислойные палеолитические стоянки, отражающие процесс развития культуры.

На сравнительно ограниченной площади приустьевой части одного только Александровского лога известно семь палеолитических стоянок. Они расположены на оконечности всех мысов приустьевой части лога, причем на некоторых из них люди селились неоднократно. На правобережном мысу, образованном долиной Дона, широкой устьевой частью Александровского лога и Бирючьим логом, находятся стоянки Стрелецкая 1 (Костенки 6) и Стрелецкая 2. Первая стоянка расположена у подножья мыса, на уровне первой надпойменной террасы и, по всей вероятности, была полностью разрушена в древности. Культурный слой Стрелецкой 2 залегает на высоте 25–30 м над поймой и близок по составу кремневого инвентаря к нижнему слою Костенок 1.

У самой оконечности противоположного, левобережного приустьевого мыса Александровского лога, у края первой надпойменной террасы, едва заметно поднимающейся над поймой, наблюдаются хорошо выраженные культурные слои верхнего и нижнего горизонтов Александровского поселения (Костенки 4). Вверх по склону этого мыса, далее вглубь лога, на расстоянии 100 м от Костенок 4 находится недостаточно исследованный культурный слой, залегающий уже в отложениях второй надпойменной террасы и отличный по своему характеру от культурных горизонтов Костенок 4. Он известен пока под названием «местонахождение у репера № 62»³.

Несколько более в глубь лога, на мысу, образованном основным руслом лога и его крупным правобережным отвершком — Бирючьим логом, на склоне к последнему, в отложениях второй надпойменной террасы находится пятислойная Тельманская стоянка, а в 50 м от нее — стоянка Бирючий лог, являющаяся, по всей вероятности, самым верхним слоем этого памятника (рис. 3).

На этом же мысу, но уже на склоне, обращенном в сторону Александровского лога, в 150 м от Тельманской стоянки, на второй надпойменной террасе расположена Городцовская стоянка (Костенки 15) и синхронное ей широко известное погребение ребенка (рис. 3).

³ Сейчас эта часть стоянки Костенки 4 известна как «Северный пункт». — *Прим. ред.*

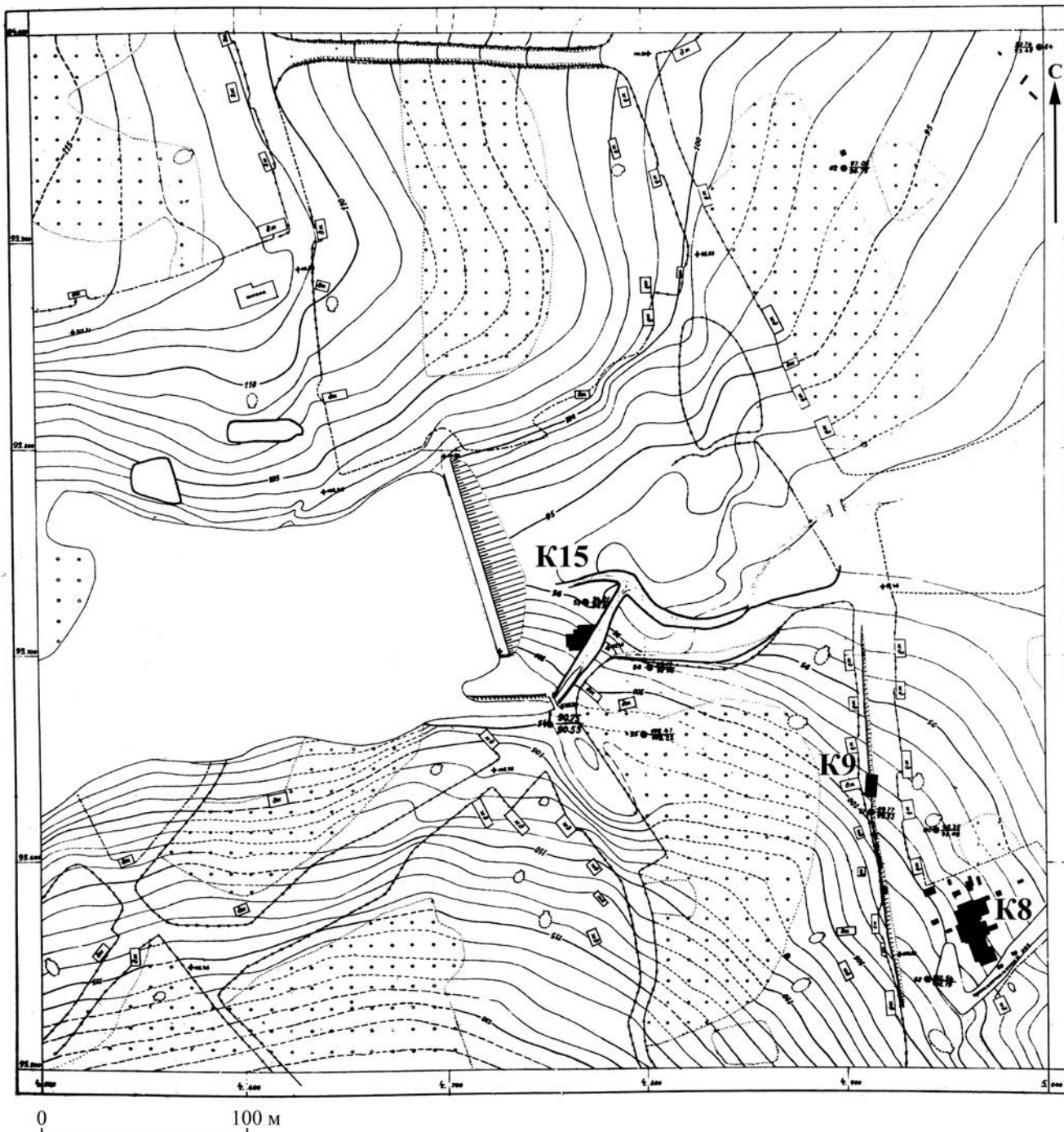

Рис. 3. Местонахождение стоянок центрального мыса Александровского лога

Многослойность верхнепалеолитических стоянок на открытом воздухе и наличие большого количества их на ограниченной площади приводит к выводу о том, что хозяйственная жизнь палеолитических племен на протяжении всей этой эпохи была единообразной. Выбор места поселений на оконечности овражных мысов, образованных долиной реки и оврагами или оврагами и их отвершками, определялся первобытными формами хозяйства — охотой, собирательством и примитивным рыболовством. «Кажется весьма вероятным, — писал П. П. Ефименко, — что сильно изрезан-

ные меловые и известняковые береговые возвышенности должны были создавать очень благоприятные условия для охоты, особенно массовой охоты на травоядных с помощью загонов» (Ефименко, 1934: 89).

2. Геология

За исключением культурных слоев Стрелецкой 1 и Александровской стоянок, залегающих в отложениях первой надпойменной террасы Дона, остальные памятники Александровского лога приурочены ко второй надпойменной

террасе. Первая терраса сложена из аллювиальных суглинков и песков, перекрытых сверху незначительной толщей лессовидного суглинка.

Вторая надпойменная терраса Дона и логов, в средней и верхней части отложений которой залегает большинство известных стоянок Костенковско-Борщевского района, в том числе такие многослойные памятники, как Костенки 1, Тельманская стоянка, Аносовка 2, Маркина гора и другие, на всем протяжении района имеет совершенно одинаковое строение. Внизу она сложена аллювиальными песчано-глинистыми отложениями с преобладанием мергелистых суглинков. В средней части второй надпойменной террасы залегают две гумусных толщи, разделенные слоем негумусированного суглинка, в средней части которого иногда отмечается прослойка вулканического пепла. К настоящему времени вулканические пеплы найдены уже на 4 памятниках (Стрелецкая 2, Маркина гора, Костенки 12 и Костенки 17). Во всех этих пунктах пеплы залегают в одинаковых геологических условиях, т. е. между гумусированными толщами. Верхнюю часть отложений второй террасы составляют лессовидные суглинки.

Для того чтобы подробнее представить картину напластований, слагающих вторую надпойменную террасу, приводим описание типичного разреза южной стенки шурфа ДЕ-30-33 на Тельманской стоянке (табл. 1), сделанное в 1953 г. Г. И. Лазуковым (Лазуков, 1957а: 162-163).

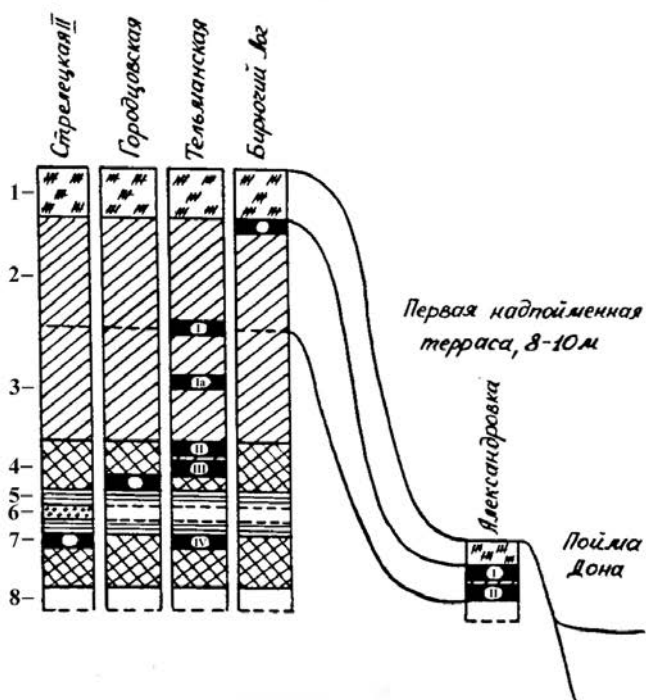
Слои 1, 2, 3 и 4 составляют верхнюю часть отложений второй надпойменной террасы, образовавшуюся в результате делювиальных процессов. В этой части отложений залегают следующие культурные слои Александровского лога: стоянка Бирючий лог, I и Ia культурные слои Тельманской стоянки и местонахождение у репера № 62 (рис. 4).

Слои 5, 6 и 7 составляют среднюю часть второй надпойменной террасы и имеют аллювиально-делювиальное происхождение.

В дополнение к вышеизложенному приведем характеристику особенностей 5 и 6 слоя, отмеченных при описании шурфа ЖЗИК-54-55 (рис. 2).

В верхней гумусированной толще, а местами и выше ее, а также в нижележащих отложениях — до нижней гумусированной толщи, включая ее, отмечается значительное скопление крупных известковистых конкреций. Наиболее крупные конкреции достигают 15 см. Хотя толщина отложений, содержащая конкреции, и имеет большую мощность (1,2 м), в их расположении отмечается общая закономерность. Все они, за небольшим исключением, располагаются внутри языков, заполненных известковистым материалом. Языки вытянуты по направлению склона, падая вверх по склону под углом в 6-8, 10-16, 25°, а иногда и более. Узкая часть языка обращена вниз по склону, вверх по склону язык постепенно расширяется. Толщина языков колеблется

Вторая надпойменная терраса, 15-20 м

Условные обозначения:

- 1 – чернозем
- 2 и 3 – лессовидный суглинок
- 4 – погребенный гумус
- 5 – негумусированный суглинок
- 6 – вулканический пепел
- 7 – верхнепалеолитические культурные слои и горизонты
- 8 – аллювий

Рис. 4. Схема относительной древности верхнепалеолитических стоянок Александровского лога

в пределах от 1–2 до 10 см, длина же — от 5–10 до 70–80 см. Конкреции располагаются внутри этих языков.

Иногда, особенно в гумусированной толще, наблюдаются почти вертикальные языки, состоящие из белого мергелистого суглинка с включенными в них конкрециями.

Формы некоторых включений и гумусированного суглинка очень похожи на рассмотренные языки известковистого материала, что, видимо, связано с общностью их происхождения.

В дополнение к вышеизложенному необходимо привести описание нижней гумусированной толщи, отмеченной в шурфе Л-30–32 (рис. 2). Здесь нижняя гумусированная толща в общем внешне выглядит так же, как и верхняя. Однако гумусированный суглинок значительно чаще имеет вид хорошо выраженных прослоек мощностью 2–3 см. Между ними располагаются прослойки сильно ожелезненного серо-коричневого гумусированного суглинка со значительным содержанием мелкой среднеокатанной меловой гальки. Мощность гумусированной толщи достигает здесь 0,3 м.

Таблица 1. Стратиграфия Тельманской стоянки

№	Стратиграфические горизонты	Мощность (м)	Глубина (м)
1	Насышной слой	0,45	0,0
2	Гумусовый горизонт	0,9	0,45
3	Горизонт В коричневого цвета	0,25	1,35
4	Суглинок серо-коричневый, пористый, песчанистый, неслоистый, иногда встречаются светло-серо-коричневые включения неправильной формы с очень постепенным переходом во вмещающую породу. Равномерно по всей толще отмечаются редкие, плохо окатанные обломки мела размером до 1 см. В нижней части суглинок постепенно темнеет	1,9	1,6
5	Верхняя гумусированная толща. Представлена включениями и прослоями гумусированного и темно-серо-коричневого суглинков. Гумусированный суглинок черного, черно-бурого, темно-серого цветов. Довольно интенсивно пронизан прожилками лжемицелия. Падение гумусированной толщи вниз по склону 0–2°, поперек склона толща лежит горизонтально. Включения гумусированного суглинка имеют неправильную форму, часто разорваны трещинами негумусированного темно-серо-коричневого суглинка, иногда же белесого, очень сильно известковистого, к которому, как правило, приурочены известковистые конкреции. Наклонены трещины в разные стороны, однако преобладающим является наклон вверх по склону. Углы наклона довольно разнообразны (от 5–7° и больше). Толщина трещин колеблется в пределах от нескольких миллиметров до 1–2, реже 3–4 см. Трещины уходят вглубь чаще всего на 10–15 см, иногда на 30–40 см. Прослой гумусированного суглинка мощностью 1–2 см также чаще наклонены вверх по склону под углом 5–10°, а между ними, как правило, отмечается сильно известковистый и ожелезненный суглинок. Обломков мела мало, окатаны плохо, размер до 1 см	0,6	3,5
6	Чередование прослоев и линз белого мергелистого суглинка, мелового галечника и серого суглинка, сильно насыщенного песчинками мела. В верхней части слоя иногда отмечаются гумусированные прослойки. Падение прослоев вниз по склону — 0–1°. Мощность прослоев от 1 до 5 см. К прослоям белого мергелистого суглинка очень часто приурочены известковистые конкреции. Собственно, прослой почти целиком состоят из них. Прослой этого суглинка вдаются языками в покрывающую толщу, в результате чего в зоне контакта отмечается проникновение обоих слоев друг в друга. Прослой мелового галечника состоит из хорошо и средне скатанной гальки размером до 1,5 см. Иногда в этих прослоях наблюдаются включения мелко- и среднезернистого кварцевого ржаво-желтого песка и серо-коричневого суглинка. Измятости и волнистости прослоев не отмечается. Максимальное количество галечника в средней части слоя, верхняя же и нижняя части слоя состоят главным образом из белого мергелистого суглинка. Весь слой довольно сильно ожелезнен. Кровля слоя падает вниз по склону под углом 6–7°, а подошва — 10–12°	0,25	4,1

№	Стратиграфические горизонты	Мощность (м)	Глубина (м)
7	Нижняя гумусированная толща, представленная различной степени гумусированным суглинком. Цвет гумусированного суглинка от черного до серого. Интенсивность гумусированности как по мощности, так и по простиранию различна. Причем на одной и той же глубине, но в разных частях шурфа она меняется от слабой до очень сильной. Верхняя поверхность гумусированной толщи на контакте с вышележащим слоем неровная, иногда отмечаются небольшие языки гумусированного суглинка, вдающиеся в слой 6. Гумусированность в самых верхних 10–15 см слоя сильная и сплошная без перерывов. Ниже степень гумусированности уменьшается, и суглинок постепенно становится темно-серым, с бурым оттенком. Местами и здесь встречаются прослойки или линзы сильно гумусированного черного суглинка, иногда они наклонены вверх по склону и напоминают языки белого мергелистого суглинка с известковистыми конкрециями. В западной и северной стенках шурфа в нижней части гумусированной толщи отмечаются прослойки сильно гумусированного черного суглинка, чередующиеся с прослоями ожелезненного серо-коричневого суглинка. Мощность этих прослоев от 1–2 до 10–15 см (возможно, что эти прослойки не являются гумусированным суглинком, а состоят из сильно измельченного древесного угля, перемешанного с суглинком)	0,9	4,35
8	Меловой галечник. Галька хорошо окатана, размер до 2–3 см, преобладает галька размером 1–1,5 см. Местами галечник сильно ожелезнен. Изредка встречаются прослойки и линзы среднезернистого кварцевого ржаво-желтого песка	0,2	5,25
9	Суглинок серый, мергелистый, сильно известковистый, местами сильно ожелезненный с прослоями и линзами песчинок мела. Довольно часто встречаются марганцевистые примазки	0,3	5,45
10	Чередование прослоев темно-серого мергелистого суглинка, мелового галечника, мелко- и среднезернистого кварцевого ржаво-желтого песка. Пески и галечник сильно ожелезнены, ожелезнение суглинка более слабое. В прослоях суглинка много марганцевистых примазок	0,6	5,75
11	Суглинок темно-серый, мергелистый, ожелезненный, с марганцевистыми примазками, с прослойками и линзами гальки мела. Довольно много меловых песчинок	0,35	6,35
12	Чередование мелового галечника с прослоями мелкозернистого ржаво-желтого песка и серого суглинка. Видимая мощность	0,2	6,7
Общая глубина			6,9

В связи с этим следует отметить, что не всегда в отложениях второй надпойменной террасы наблюдается 2 гумусированных толщи. Иногда в разрезе можно встретить 3 или 4 прослойки гумусированных суглинков. Иногда же они отсутствуют. Но такие отклонения, во-первых, редки, во-вторых, являются узколокальными и, в-третьих, находят себе естественное объяснение при выяснении особенностей процесса осадконакопления.

Дело в том, что разбираемые гумусированные толщи — не погребенные почвы в собственном смысле слова, а продукт размыва и переотложения гумусового материала с вышележащих участков склонов и водоразделов, т. е. являются аллювиально-делювиальными образованиями. В пользу такого утверждения свидетельствуют как морфологические особенности самих гумусированных толщ, так и условия залегания их в аллювиально-делювиальных отложениях вто-

рой террасы. Об этом же говорят и особенности их пространственного расположения.

Если принять такое объяснение генезиса гумусированных толщ, становятся понятными и те отклонения, которые наблюдаются в их количестве. Процессы аллювиально-делювиального размыва и накопления в один и тот же промежуток времени протекали несколько различно, в зависимости от морфологических особенностей прилегающих к данному пункту форм рельефа. Это и вызывало иногда раздвоение гумусированных толщ или их размыв. Анализ фактического материала (стоянки Маркина гора, Костенки 17) полностью подтверждает такое объяснение (Лазуков, 1957а: 143).

Ввиду того, что к нижней и верхней гумусированным толщам, залегающим в средней части отложений второй надпойменной террасы, приурочены все наиболее древние верхнепалеолитические памятники Костенковско-Борщевско-

го района, эти гумусированные толщи являются замечательными маркирующими горизонтами. Следует лишь внимательнее подходить к их разделению на верхнюю и нижнюю в силу указанных выше отклонений.

Следует отметить, что вопрос о стратиграфическом значении двух толщ погребенного гумуса, залегающих в основании лессовидного суглинка второй надпойменной террасы Дона и балок, был предметом специального рассмотрения созданной ИИМК в 1953 г. комиссии из геологов и археологов для изучения геологических условий залегания культурных слоев многих палеолитических стоянок Костенковско-Борщевского района.

Комиссия признала делювиально-солифлюкционное происхождение этих гумусовых толщ, отметив, что они в пределах всего района стоянок характеризуются одинаковыми закономерными условиями залегания и распространения. Комиссия подтвердила и тот факт, что между этими двумя выдержанными в ряде разрезов гумусовыми толщами залегают прослойки вулканического пепла. Нижняя гумусовая толща, по описанию комиссии, имеет обычно более темную, буроватую окраску, тогда как верхняя гумусовая толща имеет серый цвет и в ряде пунктов отличается кирпично-красным цветом, напоминающим обожженную глину. Поэтому все геологи, входящие в состав комиссии, высказались за признание стратиграфического значения ископаемых гумусовых толщ второй террасы Дона и балок для палеолитических стоянок Костенковско-Борщевского района (Рогачев, 1955а: Приложение).

Характер происхождения обеих гумусовых толщ позволяет наиболее правильно понять и особенности залегания приуроченных к ним культурных слоев. Большинство из них деформированы в результате солифлюкции или переотложены. Причем, как правило, перемещение культурных остатков было более сильным в нижней гумусированной толще. Однако в обеих толщах культурные остатки перемещены от первоначального места их залегания сравнительно недалеко, так как располагаются они обычно более-менее компактной массой. Очевидно, потоки, переотлагавшие эти остатки, были небольшими склоновыми потоками, образовавшимися во время снеготаяния.

Культурные слои, которые залегают выше гумусированных толщ, претерпели значительно меньшие изменения.

Среди культурных слоев Александровского лога к верхней гумусированной толще приуро-

чены II и III культурные слои Тельманской стоянки и Городцовская стоянка, а к нижней толще гумуса — IV культурный слой Тельманской стоянки и стоянка Стрелецкая 2 (рис. 4).

Слои 8, 9, 10, 11 и 12 составляют нижнюю часть отложений второй надпойменной террасы и являются аллювиальными. Образовались они в период эрозионно-аккумулятивной деятельности Дона и впадающих в него ручьев. Об аллювиальном происхождении их согласно свидетельствуют структурно-текстурные особенности и условия залегания.

Таким образом, в отложениях второй надпойменной террасы выделяются 3 толщи, единообразные во всем районе распространения стоянок, но отличающиеся одна от другой по своим литологическим особенностям, говорящим не столько об изменении физико-географических условий, сколько о различных этапах формирования этой террасы.

В связи с этим особое значение приобретает стратиграфия. Становится совершенно очевидным, как важно учитывать геологические условия залегания культурных слоев, приуроченность их к определенным толщам. Именно это дает нам возможность наиболее изученные палеолитические стоянки Костенковско-Борщевского района, залегающие в отложениях второй надпойменной террасы, разделить по условиям их геологического залегания на ряд хронологических групп. При этом перед нами раскрывается очень сложная картина развития верхнепалеолитической культуры на этой территории.

Глубокая древность Стрелецкой 2 стоянки, залегающей в нижней гумусированной толще под прослойкой вулканического пепла, подтверждается и наличием в ней таких же двусторонне обработанных треугольных наконечников с вогнутым основанием, как в нижнем (пятом) слое Костенок 1, где они залегали также в гумусовой толще, и в нижнем (третьем) слое Костенок 12, залегающем в сходных геологических условиях, под прослойкой вулканического пепла (Рогачев, 1957).

Нижний (четвертый) культурный слой Тельманской стоянки тоже приурочен к нижней гумусированной толще и относится к наиболее древним памятникам этого района, но в нем отсутствует двусторонняя техника обработки кремня. Скрестики из этого слоя изготовлены из пластин, оформленных по краям крупной крутой ретушью. Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что уже в раннюю пору верхнего палеолита в Костенках имелись памятники и «солютрейского» и «ориньякского» типов.

Второй и третий культурные слои Тельманской стоянки и расположенная на том же овражном мысу Городцовская стоянка залегают в одинаковых геологических условиях, а именно под верхней кирпично-красного цвета прослойкой верхней толщи ископаемого гумуса. Следует отметить, что такая кирпично-красная прослойка в верхней толще ископаемого гумуса наблюдается на значительном пространстве этого мыса, в частности на всей площади Тельманской и Городцовской стоянок, а также в огромных карьерах и в шурфах, вырытых между этими стоянками. Образование этой прослойки, по предположению Г. И. Лазукова, связано с пожаром, так как она имеет вид обожженного суглинка и в ней иногда встречаются древесные угли.

Несмотря на то что указанные культурные слои залегают в сходных стратиграфических условиях, их инвентарь совершенно различен по своему характеру.

Для кремневого инвентаря второго слоя Тельманской стоянки характерно наличие большого количества микроострий с притупленным ретушью краем, разнообразных резцов и пластинок с ретушью.

Инвентарь третьего слоя Тельманской стоянки характеризуется наличием скребков на длинных кварцитовых и кремневых пластинках, оформленных по краям крупной крутой ретушью.

На Городцовской стоянке изобилуют мелкие концевые скребки и мелкие долотовидные ору-

дия с чешуйчатой подтеской концов при незначительном количестве иных форм орудий (Рогачев, 1957).

В Костенках 4 поселение верхнего горизонта с инвентарем «солотрейского» типа перекрывает поселение нижнего горизонта с инвентарем мадленского типа (Рогачев, 1955а; Рогачев, 1957).

Уже на этих немногочисленных примерах видно, насколько сложен был процесс развития верхнепалеолитической культуры и какое значение имеет учет стратиграфических условий залегания памятников для познания этого процесса.

3. Фауна

Состав фауны, обнаруженной при изучении остатков всех культурных слоев Тельманской стоянки, говорит о ее несомненно четвертичном возрасте.

Определением костных остатков млекопитающих, обнаруженных в разведочных шурфах 1937 г. на стоянке Бирючий лог, занимался В. В. Карачаровский (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 323: 3). По его определению, в этих шурфах обнаружены следующие виды животных и их минимальное количество (табл. 2).

Костные остатки млекопитающих из основного раскопа 1959 г. на стоянке Бирючий лог определил Н. К. Верещагин (табл. 3).

Таблица 2. Видовой и количественный состав фаунистических остатков из шурфов 1937 г. стоянки Бирючий лог (определение В. В. Карачаровского)

№	Виды	Кол-во костей	Кол-во особей
1	Мамонт <i>Elephas primigenius</i>	2	1
2	Лошадь <i>Equus caballus</i>	2	1
3	Бурый медведь <i>Ursus arctos</i>	1	1
Всего		5	

Таблица 3. Видовой и количественный состав фаунистических остатков из основного раскопа 1959 г. стоянки Бирючий лог (определение Н. К. Верещагина)

№	Виды	Кол-во костей	Кол-во особей
1	Мамонт <i>Elephas primigenius</i>	1	1
2	Лошадь <i>Equus caballus</i>	2	1
3	Песец <i>Vulpes lagopus</i>	9	1
4	Заяц <i>Lepus sp.</i>	2	1
5	Бурый медведь <i>Ursus arctos</i>	1	1
Всего		15	

Фаунистические остатки, происходящие из первого культурного слоя Тельманской стоянки (раскопки П. П. Ефименко в 1937 г.), определены в свое время В. В. Карачаровский (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 323: 2). Позже они были дополнены материалами из раскопок первого слоя под руководством А. Н. Рогачева

в 1950 г. и заново определены Н. К. Верещагиным. Он же определил фаунистические остатки, происходящие из второго, третьего и четвертого культурных слоев Тельманской стоянки (раскопки А. Н. Рогачева в 1950, 1952, 1958–1959 гг.). Результаты определения приведены в нижеследующей таблице (табл. 4).

Таблица 4. Сводная таблица видового и количественного состава фаунистических остатков Тельманской стоянки (определение Н. К. Верещагина)

№	Виды	I слой кост./особ.	II слой кост./особ.	III слой (шурф м-р-26-28) Кост./особ.	IV слой Кост./особ.
Плейстоценовые					
1	Волк <i>Canis lupus</i>	256/5	204/8	2/2	-/-
2	Песец <i>Vulpes lagopus</i>	34/1	56/3	-/-	-/-
3	Пещерный лев <i>Felis spelaca</i>	5/1	3/1	-/-	-/-
4	Заяц <i>Lepus sp.</i>	72/5	311/14	2/1	2/1
5	Степная пищуха <i>Ochotona pusilla</i>	-/-	15/4	-/-	-/-
6	Сурок <i>Marmota sp.</i>	-/-	6/2	-/-	-/-
7	Бобр <i>Castor fiber</i>	-/-	1/1	-/-	-/-
8	Степная пеструшка <i>Lagurus luteus</i>	-/-	32/15	-/-	-/-
9	Обыкновенная полевка <i>Microtus arvalis</i>	-/-	17/5	-/-	-/-
10	Полевки <i>Microtinae</i>	-/-	103/31	-/-	-/-
11	Мамонт <i>Elephas primigenius</i>	117/3	67/3	12/2	32/2
12	Волосатый носорог <i>Rhinoceros tichorinus</i>	-/-	18/2	-/-	13/1
13	Лошадь <i>Equus caballus</i>	15/2	62/3	34/2	1/1
14	Благородный олень <i>Cervus elaphus</i>	-/-	1/1	-/-	-/-
15	Гигантский олень <i>Cervus megaloceros</i>	-/-	2/1	-/-	-/-
16	Северный олень <i>Rangifer tarandus</i>	5/1	9/2	2/2	-/-
17	Сайга <i>Saiga tatarica</i>	-/-	7/1	-/-	-/-
18	Бык или зубр <i>Bos sp.</i>	3/1	11/3	-/-	-/-
Птицы <i>Aves</i>		-/-	20/-	-/-	-/-
Рыбы <i>Pisces</i>		-/-	36/-	-/-	-/-
Моллюски ¹ <i>Mollusca</i>		-/-	5/-	-/-	-/-
Голоценовые					
1	Слепыш <i>Spalax microphthalmus</i>	-/-	65/-	-/-	-/-
2	Хомяк <i>Cricetus cricetus</i>	-/-	29/-	-/-	-/-
3	Лошадь <i>Equus caballus</i>	-/-	3/1	-/-	-/-
4	Кабан <i>Sus scrofa</i>	-/-	1/1	-/-	-/-
5	Бык или зубр <i>Bos sp.</i>	-/-	1/1	-/-	-/-
Домашние ²					
1	Овца <i>Ovis sp.</i>	-/-	1/1	-/-	-/-
Итого		507	1086	52	48
					ВСЕГО 1693

Примечания: ¹ Указана лишь небольшая часть раковин, так как основная масса их была передана для определения В. М. Могузу (г. Минск). Результаты его определения приводятся ниже. ² Остатки голоценовой и домашней фауны попали во второй слой, очевидно, по кротовинам из верхних слоев.

По Н. К. Верещагину, видовой состав фауны каждого из культурных слоев стоянки имеет свои особенности. Если говорить о первом слое, то следует отметить, что многочисленные кости волка в большинстве случаев принадлежат форме, сходной с современным волком, а также форме, резко отличающейся своими очень массивными фалангами. Обилие костей останавливает на себе внимание и представляет бесспорный интерес.

Остатков пещерного льва немного. Особенно интересна находка целого черепа на полу землянки у входа (на пересечении кв. ГД-42–43). Кроме того, найдены 3 фрагмента нижних челюстей, обломки бедер и локтевой кости.

Песец известен в первом культурном слое главным образом по находкам обломков черепов. В сравнительно большем количестве здесь обнаружены верхние и нижние челюсти и отдельные зубы песца. Редко попадаются кости конечностей (четыре лучевых, большая берцовая, локтевая), единично — лопатка, позвонки, кости стопы.

Кости зайца (трубчатые, тазы, лопатки, позвонки и др., кроме черепа) понемногу разбросаны на всей площади распространения культурного слоя.

Лошадь представлена отдельными находками костей на всей площади жилья. Помимо зубов, найдены хвостовые позвонки, причем в одном случае 4 хвостовых позвонка вместе, единично встречены кости стопы, грифельная, отдельные ребра.

Так же редки и остатки северного оленя (небольшие обломки рогов, лучевая кость, кости стопы).

Найдены зуб и кость стопы быка (тура или зубра).

Наиболее обычными среди бытовых отбросов первого культурного слоя на Тельманской стоянке являются остатки мамонта, причем большинство костей принадлежит молодым особям. Интересно, что среди различных частей скелета чаще всего встречаются кости стоп мамонта — элементы запястья, предплюсны, фаланги пальцев. Известно, что мясистые части стопы считаются особенно лакомыми и у охотников на современных слонов. Зато бивни отмечены лишь единично. Находки длинных трубчатых костей нередки, причем они всегда бывают расколоты для добывания мозга. Кроме этого, обломки и осколки костей мамонта являлись основным отопительным материалом, по крайней мере в зимнее время. Мамонт составлял основной объект охоты первобытного человека на про-

тяжении большей части позднепалеолитической эпохи.

В Ia культурном слое Тельманской стоянки были обнаружены немногочисленные костные остатки мамонта и лошади.

Для второго культурного слоя характерно, что многочисленные и разнообразные фаунистические остатки были встречены лишь в небольших обломках. Примечательно и то, что в этом слое были собраны многочисленные раковины четвертичных наземных и пресноводных моллюсков, определением видового состава которых занимался В. М. Мотуз. Приводим дословно его заключение.

«В институт геологических наук Госгеолкомитета СССР (г. Минск) поступили для определения раковины четвертичных наземных и пресноводных моллюсков, обнаруженные при выполнении археологических исследований в р-не Тельманской палеолитической стоянки (Костенки VIII). Видовой состав фауны четвертичных моллюсков, собранных из отложений II слоя стоянки, следующий (табл. 5).

Фауна четвертичных моллюсков, залегающая в отложениях II надпойменной террасы р. Дона и его притоков, формировалась в условиях развития делювиально-элювиальных образований, покрывавших аллювиальную свиту плащом пылеватых и суглинистых алевроитов, местами песков невыдержанной мощности. Комплекс погребенной фауны моллюсков в указанном разрезе является смешанным. В нем преобладают наземные формы. Основную массу раковин брюхоногих наземных моллюсков составляют *Succinea oblonga* (Drap.) — 3801 экз., ее разновидность *Succinea oblonga elongata* (Sandb.) — 32 экз. и другие виды. Группа пресноводных моллюсков, состоящая из прудовиков, горошинок, перловиц и обыкновенного литоглифа, захоронялась в замкнутых понижениях в условиях временного затопления поверхности террасы в период максимального половодья. После спада паводковых вод пресноводные виды моллюсков могли временно существовать и вымирать с деградацией замкнутого водоема. Со склонов верхней террасы происходил вынос вместе с породой раковин наземных моллюсков. Последние могли развиваться также в период спада полых вод как на поверхности верхней надпойменной террасы, так и на склонах оврагов и балок, прорезающих переднюю часть нижней надпойменной террасы Дона.

Определение фауны четвертичных моллюсков выполнил 6 апреля 1965 г. (В. М. Мотуз)».

Таблица 5. Видовой состав наземных и пресноводных моллюсков из отложений II культурного слоя Тельманской стоянки (определение В. М. Мотуза)

I	А. Наземные моллюски		
	1	<i>Succinea oblonga</i> (Drap.)	3801 экз.
	2	<i>Succinea oblonga elongata</i> (Sandb.)	32 экз.
	3	<i>Pupilla sterri</i> (Voith.)	3 экз.
	4	<i>Pupilla muscorum</i> (L.)	9 экз.
	5	<i>Vallonia pulchella</i> (Müll.)	2 экз.
	6	<i>Vallonia tenuilabris</i> (Al., Br.)	1 экз.
	7	<i>Vitrea</i> sp.	Обломок
	8	<i>Aegopinella nitidula</i> (Drap.)	2 экз.
	9	<i>Lenobiella Rubiginosa</i> (a. Schm.)	7 экз.
	В. Пресноводные моллюски		
	10	<i>Calba palustris fusca</i> (C. Pfeiff.)	1 экз.
	11	<i>Sphaerium solidum</i> (Norm.)	Обломанные створки, 2 экз.
	12	<i>Unio</i> sp.	Обломки
13	<i>Lithoglyphus naticoidas</i> (C. Pfeiff.)	Обломок	
II	Фауна моллюсков, собранная на отдельных квадратах		
б-52	1	<i>Succinea oblonga</i> (Drap.)	266 экз.
	2	<i>Succinea oblonga elongata</i> (Sandb.)	1 экз.
	3	<i>Lenobiella Rubiginosa</i> (a. Schm.)	3 экз.
	4	<i>Calba truncatula</i> (Müll.)	2 экз.
в-54	1	<i>Succinea oblonga</i> (Drap.)	112 экз.
б-56	1	<i>Succinea oblonga</i> (Drap.)	36 экз.

Примечательны для второго слоя и находки костей рыб. Существовало примитивное рыболовство. Встает вопрос об орудиях рыболовства. Быть может, прав А. Н. Рогачев в своем предположении, что многочисленные наиболее миниатюрные игловидные микроострия среди кремневого инвентаря второго культурного слоя Тельманской стоянки являлись составными частями рыболовных крючков (Рогачев, 1957: 54–55).

Для третьего культурного слоя характерно наличие в большом количестве осколков бивней мамонта, а для четвертого слоя — крупных трубчатых костей мамонта, причем очень плохой сохранности.

Сходный состав фауны наблюдается и на остальных стоянках Александровского лога. На Стрелецкой 1 обнаружены обломки костей мамонта. Среди остатков фауны на стоянке Стрелецкая 2 имеются обломки костей мамонта, шерстистого носорога, лошади, северного оленя, песца, бизона, благородного оленя, волка, зайца, водяной крысы, тушканчика, водяной полевки, птиц. Остатки фауны Городцовской стоянки содержат кости мамонта, лошади, бизона, гигантского оленя, благородного оленя, волка, песца,

зайца, бобра, птиц, пищухи, свиньи домашней, хомяка. На стоянке Костенки 4 обнаружены кости мамонта, шерстистого носорога, пещерного льва, пещерного медведя, быка, лошади, сайги, северного оленя, волка, россомахи, песца, зайца, благородного оленя, лисицы, сурка, хомяка, слепыша. Обилие остатков фауны на поселениях Александровского лога свидетельствует об охотничьем образе жизни их обитателей. А наличие костей рыб во втором культурном слое Тельманской стоянки говорит о том, что ее обитатели занимались и примитивным рыболовством. Состав фауны, обнаруженной на этих поселениях, в экологическом и географическом отношении носит смешанный характер. Здесь представлены и широко распространенные виды животных (мамонт, шерстистый носорог, волк и др.), и северные виды (северный олень, песец), и умеренные (гигантский олень, бобр, хомяк), и южные (лошадь, бизон, благородный олень, сайга и др.), условия обитания которых самые различные: тундра, лес, степь, тундра и лес, лес и степь (Лазуков Г. И. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, арх. № 1698, с. 13–14). Наличие среди остатков фауны костей северного оленя и песца указывает на значительную суровость климата.

4. К вопросу о геологической датировке Тельманской стоянки

Геоморфологические и геологические условия залегания культурных слоев Тельманской стоянки, как и других стоянок Костенковско-Борщевского района, изучались геологами М. Н. Грищенко, Г. И. Лазуковым, А. И. Москвитиным и А. А. Величко. Заслужено М. Н. Грищенко (1939 г.) является то, что он впервые отметил приуроченность стоянок Костенковско-Борщевского района к двум разновозрастным террасам, указал на большое значение погребенных гумусированных суглинков, встреченных в отложениях второй надпойменной террасы, для решения вопроса об относительном возрасте верхнепалеолитических поселений этого района, что было впоследствии подтверждено наблюдениями других геологов. Но М. Н. Грищенко не предложил четкой стратиграфической схемы стоянок Костенковско-Борщевского района, что было сделано позже Г. И. Лазуковым (1957 г.). Спорным для геологов оказался вопрос геологической датировки отложений первой и второй надпойменных террас, вмещающих культурные остатки верхнепалеолитических поселений Костенковско-Борщевского района. По мнению М. Н. Грищенко, отложения второй надпойменной террасы, залегающие ниже гумусированных толщ, относятся к днепровско-валдайской межледниковой эпохе, гумусированные толщи суглинка соответствуют времени самого конца межледниковой эпохи и началу валдайского оледенения, лессовидный суглинок выше гумусированных толщ относится к первой стадии валдайского оледенения либо к «межстадиальному времени последнего оледенения». М. Н. Грищенко указывал, что в период накопления пород второй террасы климатическая обстановка в этом районе менялась от влажной прохладной до холодной с глубоким промерзанием грунтов и, возможно, образованием зоны вечной мерзлоты. На всем протяжении времени пребывания здесь человека лесная растительность отсутствовала, травянистая же была бедной и однообразного состава. Эти выводы основаны на анализе геологического и палеонтологического материала (Грищенко, 1950; Грищенко, 1951; Грищенко, 1952).

Г. И. Лазуков считает, что аккумуляция отложений второй надпойменной террасы происходила в течение второй половины днепровско-валдайского межледниковья и закончилась до наступления валдайского оледенения. Такой вывод основан на комплексе биологических данных. Спорово-пыльцевые анализы В. П. Гричу-

ка показали, что в Костенковско-Борщевском районе в период формирования второй надпойменной террасы существовали лесные массивы из ели и широколиственных пород — дуб, липа, вяз, граб, а также имело место разнотравье. Это указывает на благоприятные климатические условия, на существование в то время влажного мягкого климата, который постепенно ухудшался, так как в самых верхних отложениях второй террасы сосна уже преобладает над елью. Фаунистические данные из нижней гумусированной толщи также подтверждают существование благоприятных климатических условий — смешанных хвойно-широколиственных лесов, внутри которых встречались луговые пространства и поляны.

Животные, остатки которых обнаружены в верхней гумусированной толще, также обитали в лесах и на открытых полянах. Фауна из самых верхних отложений второй террасы не претерпела существенных изменений, следовательно, и климатические условия не очень изменились. Такие климатические и физико-географические условия могли существовать только в период межледниковья, а именно днепровско-валдайского (Лазуков Г. И. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, арх. № 1698; Лазуков, 1954а; Лазуков, 1954б; Лазуков, 1957б). А. И. Москвитин в своем кратком отчете о поездке в Костенки в сентябре 1953 г. писал, что время образования второй и первой надпойменных террас соответствует, по-видимому, микулинскому и молодого-шекснинскому межледниковьям. Он считал, что культурные остатки, отложившиеся в нижней гумусированной толще, относятся ко времени конца микулинского межледниковья и началу калининского оледенения. Культурные слои, залегающие в верхней гумусовой толще и непосредственно над ней, относятся к калининскому оледенению, а молодые культурные слои, такие как I слой Костенок 1, I слой Тельманской стоянки, стоянка Бирючий лог, Костенки 4, относятся к веку ошастковского оледенения, отделенного от калининского промежутком времени, которое было межледниковым (молодо-шекснинское) (Москвитин А. И. Архив ЛОИА, 1953 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 1).

А. А. Величко высказывает следующие соображения относительно геологического возраста верхнепалеолитических стоянок Костенковско-Борщевского района. Все они относятся ко времени валдайской эпохи, включая более древнюю группу стоянок, залегающих в нижней и верхней гумусированных толщах второй надпойменной террасы и относящихся по време-

ни к межледниковью внутри валдайской эпохи (Величко, 1963). Такой вывод он делает на основании изучения литологических и палеоботанических данных разреза стоянки Костенки 17. А. А. Величко отмечает, что верхняя часть отложений второй надпойменной террасы заметно отличается от средней по своим текстурным особенностям. Если средняя часть представлена явно слоистыми суглинками, то верхняя — однородными, пористыми, хорошо облессованными суглинками. Такая смена свидетельствует об изменении климатической обстановки, повлиявшей на ход делювиальных процессов. Накопление средней части происходило в достаточно влажных условиях. Формирование суглинков верхней части шло в условиях более сухого перигляциального климата, когда были более активные процессы облессования. Не случайно в основном к этой части приурочены следы многочисленных кротовин, также свидетельствующих об остепнении климата. Характерно, что эти выводы о смене климатической обстановки, полученные по литологическим данным, полностью совпадают с данными пыльцевого анализа отложений второй террасы на стоянке Костенки 17, проведенного Р. В. Федоровой (1963 г.). Палеоботанические данные говорят, что в период формирования средней части террасы господствовали влажные леса северного типа, где преобладала ель с вклинившимся одним коротким периодом относительного потепления, когда появляются теплолюбивые породы (вяз, липа, граб), но преобладает орешник (98%) и ольха (86%). В верхней части отложений второй террасы лесная растительность исчезает, и в условиях открытых пространств распространяется луговая растительность. Палеоботанические данные по стоянке Костенки 17, следовательно, говорят о межледниковых условиях, в период которых происходило формирование средней части террасы. Но, по мнению Р. В. Федоровой и А. А. Величко, это межледниковье не было микулинским (днепровско-валдайским), для которого характерна смена максимумов широколиственных пород. В диаграммах микулинского межледниковья содержание пыльцы широколиственных

пород гораздо больше, чем в диаграмме разреза Костенок 17, а содержание пыльцы ели — наоборот, гораздо меньше. Палеоботанические данные по Костенкам 17 говорят о том, что формирование средней части второй террасы происходило в условиях более прохладного, влажного межледниковья, с более слабым и непродолжительным периодом климатического оптимума, чем это характерно для микулинского межледниковья (Федорова, 1963; Величко, 1963). Характерно, что В. П. Гричук также на основании палеоботанических данных выделяет еще одно межледниковье, более позднее, чем микулинское, и отмечает как отличительную особенность его большее содержание пыльцы ели на протяжении почти всего периода этого более молодого межледниковья (Гричук, 1961). Поэтому А. А. Величко уточняет свой вывод о валдайском возрасте костенковских верхнепалеолитических памятников, залегающих в обеих гумусированных толщах второй надпойменной террасы, помещая памятники этой группы в межледниковье внутри валдайской эпохи. Вслед за этой эпохой наступает период сухих перигляциальных степей, когда формировалась самая верхняя часть террасы. К этому периоду относятся верхние культурные слои стоянок второй террасы: I слой Костенок 1, I слой Тельманской стоянки, стоянка Бирючий лог, I слой Костенок 14 (Маркиной горы) и т. д. (Величко, 1961; Величко, 1963).

Соглашаясь с выводом А. А. Величко о межледниковом возрасте обеих гумусированных толщ второй надпойменной террасы вместе с залегающими в них верхнепалеолитическими памятниками Костенковско-Борщевского района, можно взять за основу схему А. И. Москвитина, который разделяет последний ледниковый период на два оледенения: калининское и ошашковское. Между ними был период молодого-шекснинского межледниковья (Москвитин, 1961). Тогда IV, III и II культурные слои Тельманской стоянки можно отнести ко времени молодого-шекснинского межледниковья, а Ia, I культурные слои Тельманской стоянки и стоянку Бирючий лог — к периоду ошашковского оледенения.

ГЛАВА III

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БИРЮЧИЙ ЛОГ

Стоянка Бирючий лог интересна благодаря своеобразному кремневому инвентарю, замечательным находкам шлифованного сланца, а также условиям своего залегания и местоположения. Она является одним из культурных горизонтов, по-видимому, самым верхним, многослойной Тельманской стоянки, так как культурный слой ее приурочен к самой верхней части толщи лессовидных суглинков.

1. Описание шурфов

В 1937 г. на стоянке Бирючий лог в кювете рейдерной дороги П. П. Ефименко было заложено семь разведочных шурфов (рис. 2). Культурный слой, содержащий расщепленный кремнь, кость, мелкие костные угольки и следы красной охры, был обнаружен в длинной разведочной траншее, а именно в шурфах II, III и VII (рис. 5). Культурные остатки залегали в самой верхней части лессовидного суглинка, непосредственно под черноземом, на глубине 1,02–1,2 м от поверхности (рис. 6). Они были собраны в небольшом числе и располагались отдельными гнездами. На вскрытой площади траншеи можно было проследить четыре группы находок: в северной части шурфа II, в юго-западном и юго-восточном углах шурфа VII и в северной части шурфа III. В юго-западном углу шурфа VII ясно вырисовывалось пятно красновато-бурого цвета с темными прослойками и следами обожженности. При расчистке там оказалась небольшая западинка глубиной 10–15 см, заполненная темными красноватыми и золистыми прослойками суглинка. Западина имела неправильные очертания, стены ее были неровные и оплывшие, находок не содержала. Происхождение западины остается неясным, во всяком случае, нет данных для увязки ее с культурным горизонтом.

Среди очень немногочисленных костных остатков культурного слоя в разведочной траншее были обнаружены небольшие обломки бивней и ребра мамонта, обломки трубчатых костей мамонта и других крупных животных и ряд мелких обломков костей. Собрано 113 кусков мергеля без следов обработки.

Обнаружено всего 107 расщепленных кремней, в том числе 60 со следами вторичной обработки. Среди них выделяются следующие орудия: 2 скребка, 5 резцов, 6 обломков острий, 14 обломков пластин с ретушью, 10 обломков пластин с мелкой ретушью, 2 проколки, 2 чешуйчатых орудия (*pièces écaillées*), 1 обломок ретушированной пластины с выемкой, 1 обломок ножа типа ргани, 9 обломков микропластин с притупленным краем, 2 скребла, 5 отщепов с ретушью, 1 резцовый скол с ретушью.

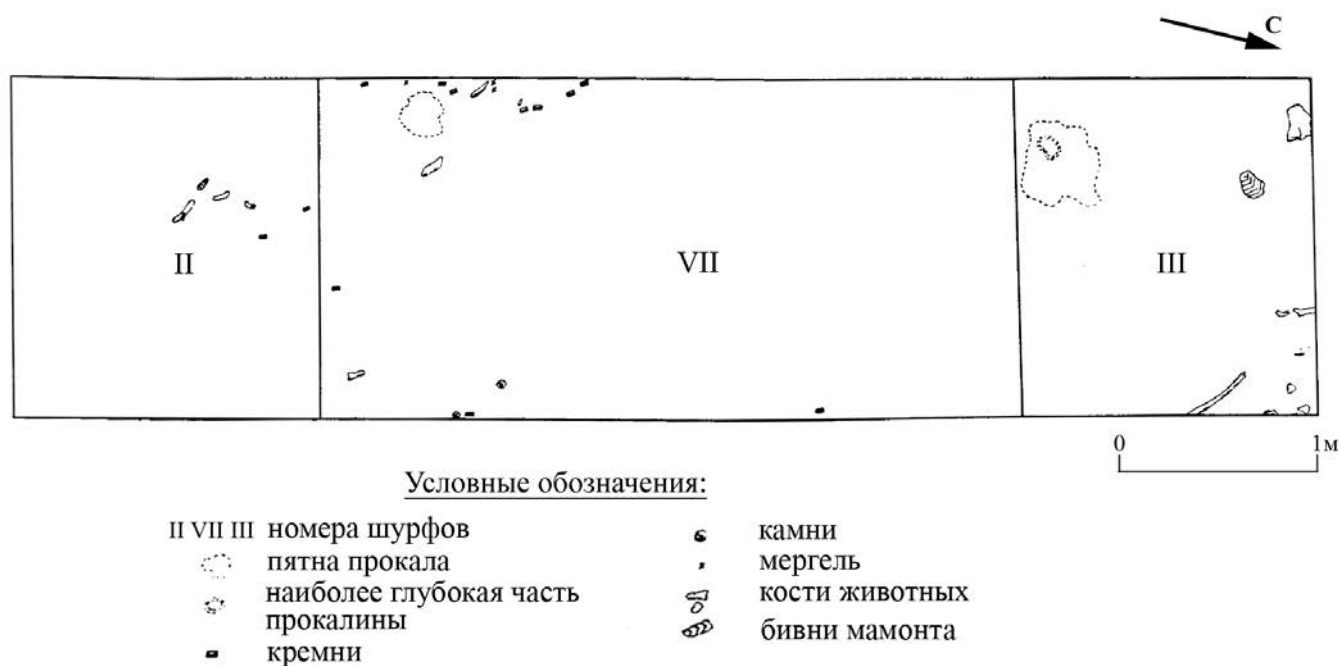

Рис. 5. Костенки 9 (Бирючий лог). План расположения находок в разведочной траншее 1937 г. (шурфы II, VII, III)

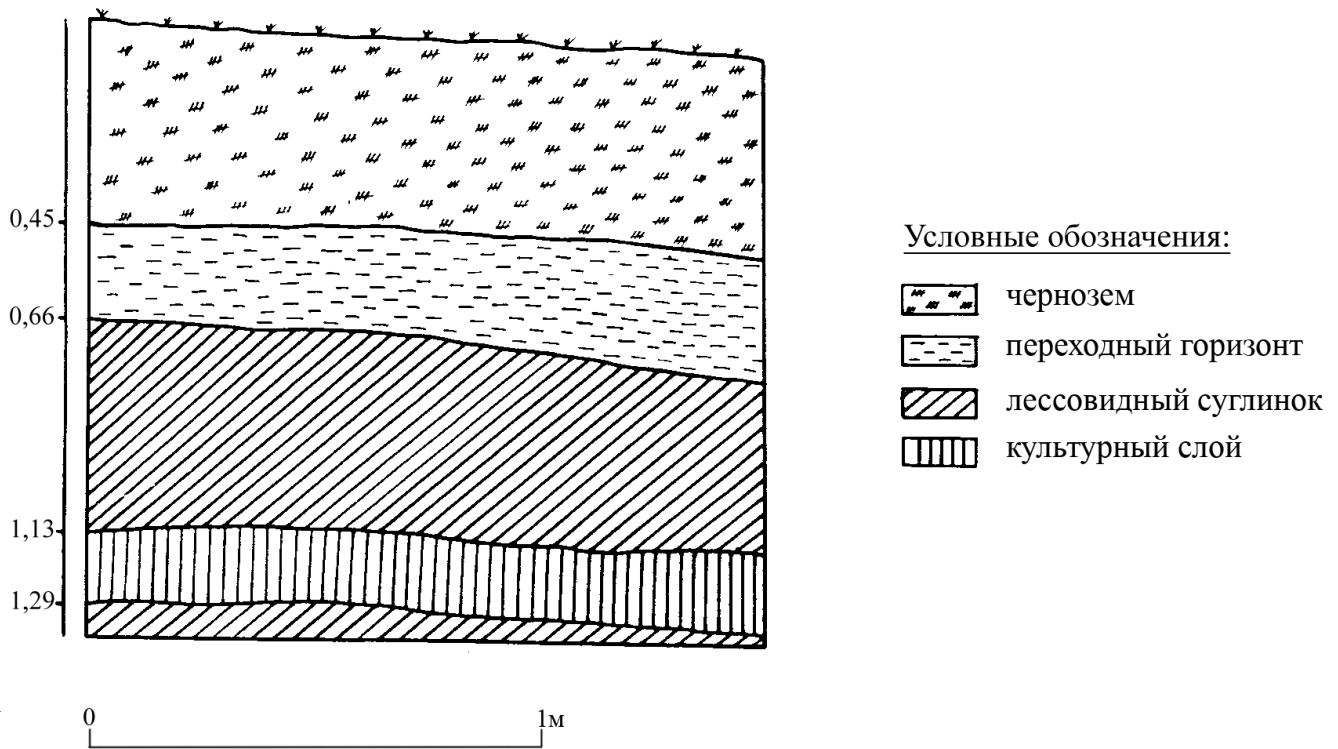

Рис. 6. Костенки 9 (Бирючий лог). Разрез западной стенки шурфа III 1937 г.

Имеется лишь 1 обломок поделки из мергеля. Это круглый в сечении стержень с заостренным концом, диаметр сечения 1,7 см.

Среди расщепленных кремней без следов вторичной обработки выделяются 18 обломков пластин, 3 обломка микропластин, 25 отщепов, 1 осколок жженого кремня. Встречен 1 кварцитовый отщеп. Эти сборы были пополнены в 1953 г., когда в интересах показа членам комиссии, созданной Институтом археологии АН СССР, на стоянке Бирючий лог был углублен и расширен шурф II 1937 г. В нем была выявлена обычная для второй надпойменной террасы Дона стратиграфия (рис. 7). На глубине 1–1,2 м от поверхности, в верхнем суглинке, т. е. на уровне залегания культурного слоя в шурфах 1937 г., были расчищены небольшие обломки костей мамонта и расщепленные кремни в количестве 27, в том числе 17 — со следами вторичной обработки. Среди них выделяются 3 резца, 2 скребка, 2 обломка пластин с ретушью, 6 обломков пластин с мелкой ретушью, 1 проколка, 1 обломок микропластины с притупленным краем, 2 отщепов с мелкой ретушью.

Среди расщепленных кремней без следов вторичной обработки имеются 2 микропластины, 6 отщепов, 1 осколок призматического нуклеуса, 1 скол с нуклеуса (поскольку эти орудия по всем признакам оказались идентичными орудиям из основного раскопа на Бирючьем логге,

то характеристика последних, которая дается ниже, в равной мере будет относиться и к находкам из шурфов 1937 и 1953 гг.).

2. Описание остатков жилища

В 1959 г. на стоянке Бирючий лог ниже по склону от описанных шурфов А. Н. Рогачевым был вскрыт культурный слой на площади 50 м² (рис. 2). Нужно заметить, что археологические работы 1959 г. на этой стоянке были в известной мере вынужденными, так как гражданин М. Е. Титов при рытье глины рядом со своим строившимся домом разрушил значительный участок культурного слоя. Именно поэтому работы были начаты с расчистки этой глинокопной ямы. В беседе с разрушителем памятника было установлено, что на всей площади глинокопной ямы в верхней части лессовидного суглинка залегал мощный культурный слой, содержащий осколки костей, костные угли и расщепленные кремни, а в северо-западном углу ямы М. Е. Титовым были разрушены остатки очага. Рассказ М. Е. Титова подтвердился при зачистке стен глинокопной ямы, которая имела овальную форму размером 4,2×2,95×2 м.

В процессе расчистки этой ямы и зачистки ее стен были собраны находки, несомненно происходящие из разрушенного культурного слоя: 3 скребка, 17 микропластин с притупленным краем, 7 резцов и пластин с резцовыми сколами, 7 чешуйчатых орудий, 23 пластины с ретушью,

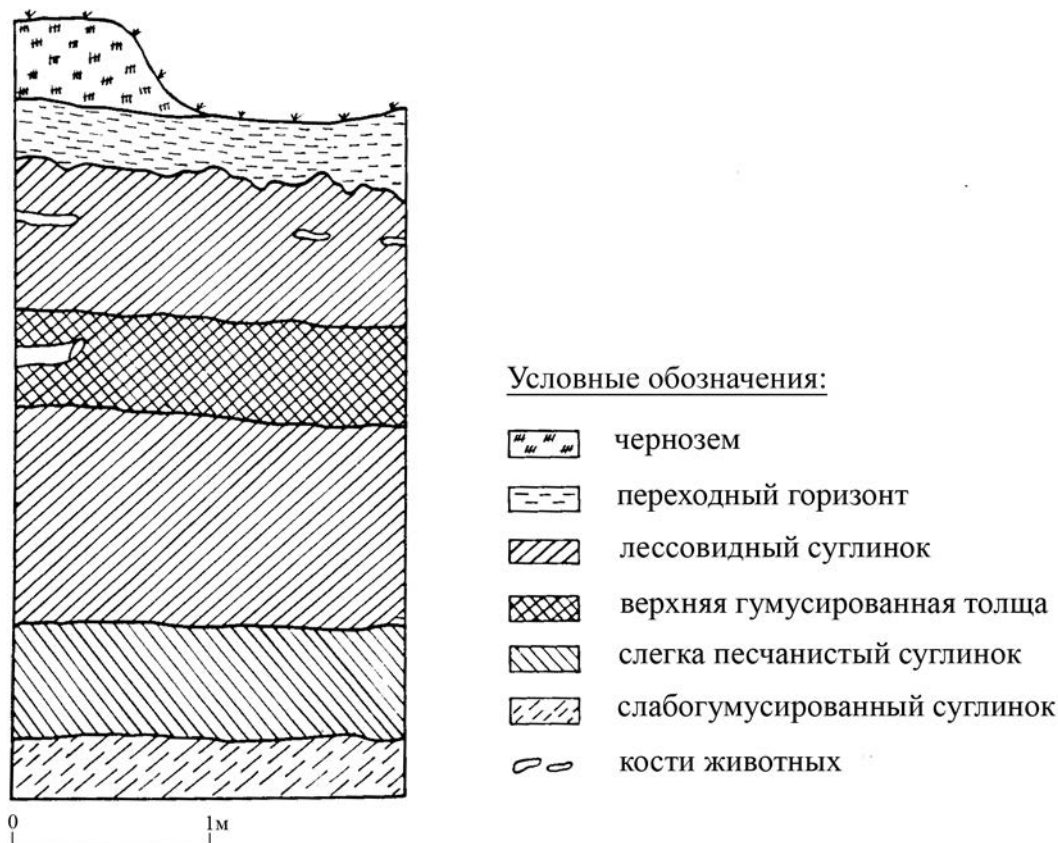

Рис. 7. Костенки 9 (Бирючий лог). Разрез северной стенки шурфа II 1937 г.

38 пластин и отщепов с мелкой ретушью, 5 мелких ядрищ и 696 пластин и отщепов без следов вторичной обработки. Вместе с этими находками были собраны следующие кости мамонта: крупный обломок плечевой, 6 крупных обломков эпифизов трубчатых и около 80 мелких обломков и осколков; около 3 дм³ мелких обломков, происходящих, вероятнее всего, от одного бивня; 2 крупных и 20 мелких обломков ребер. Кроме того, при расчистке глинокопной ямы собрано 45 крупных и мелких костных углей, обломок грифельной кости лошади, 2 мелких кусочка желтой и 1 кусочек красной охры, 11 небольших кусков мергеля.

В разрезе западной стены глинокопной ямы на глубине 40 см от поверхности суглинка наблюдалось скопление культурных остатков (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 4, 9, 17).

После тщательного осмотра и зачистки стен на месте глинокопной ямы был заложен раскоп 10×5 м, охвативший со всех сторон эту яму (рис. 8), поэтому он был вытянут вдоль обочины грейдерной дороги Костенки — Борщево, так же как и разведочные шурфы 1937 г. Обстоятельства дела требовали расширения раскопа, но этому мешали, с одной стороны, строившийся дом М. Е. Титова, а с другой — центральная дорога села, объезд которой затруднен.

Разделяя досаду исследователя стоянки Бирючий лог А. Н. Рогачева относительно ограниченности сведений, собранных на этом важном памятнике, мы постараемся по возможности детальнее описать и проанализировать имеющийся в нашем распоряжении материал.

При вскрытии культурного слоя на пространстве вокруг глинокопной ямы, начиная с поверхности, находки собирались по штыкам, отдельно в южной и северной половине раскопа. Ввиду обилия находок в основании чернозема пятый штык лопаты решено было взять с особенно тщательным просмотром земли по квадратам.

Стратиграфическое положение культурного слоя в раскопе 1959 г. такое же, как и в шурфах 1937 г., т. е. культурные остатки залежали в верхней части лессовидного суглинка, непосредственно под черноземом, но несколько глубже из-за того, что толща суглинка, перекрывавшего культурный слой, вниз по склону несколько увеличивалась (рис. 9).

При взгляде на раскоп с расчищенными культурными остатками бросалась в глаза концентрация последних вокруг частично разрушенного очага, располагавшегося на кв. у-55 и прилегающих соседних квадратах в центральной части раскопа, у его западной стены (рис. 8), т. е. культурный слой продолжался в направлении к новому

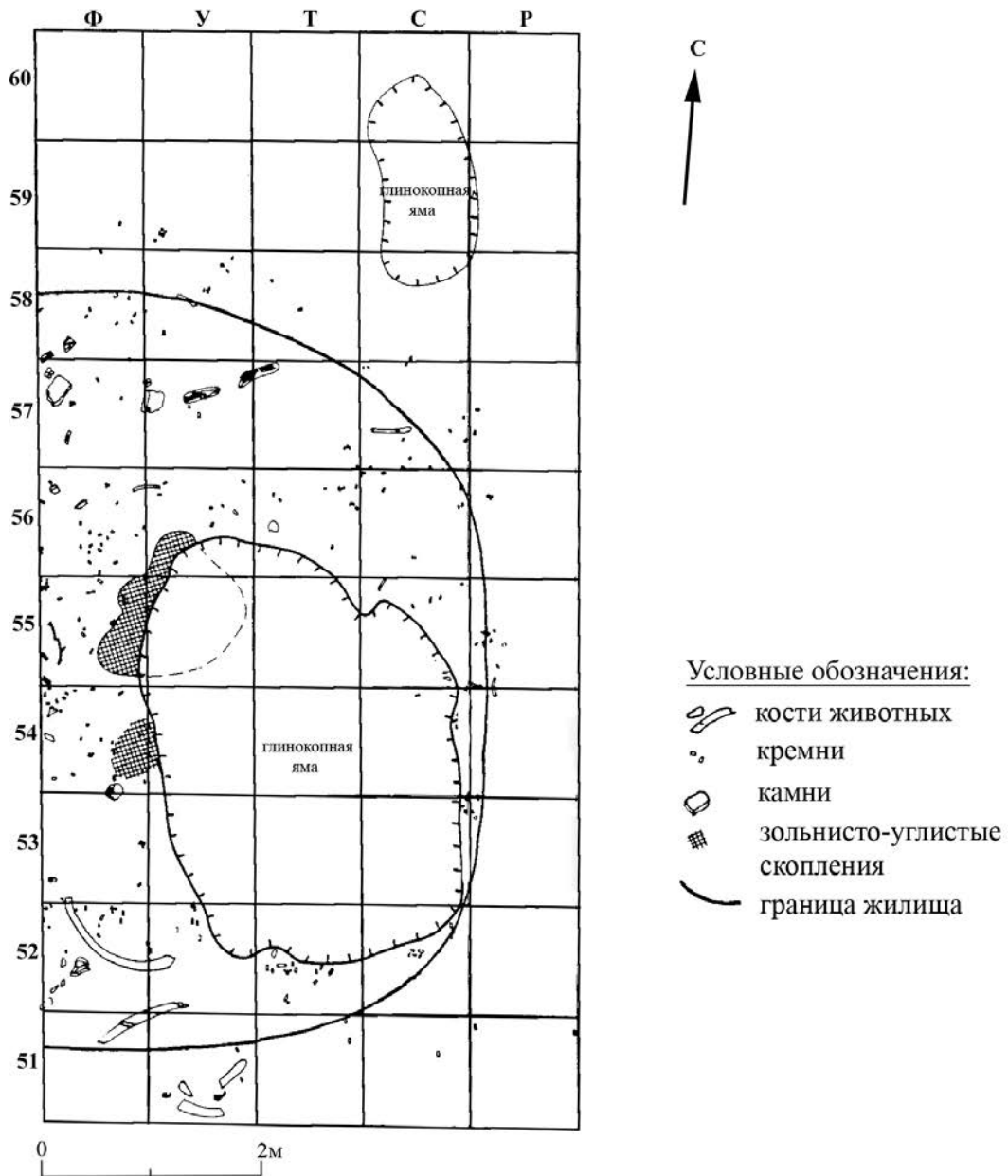

Рис. 8. Костенки 9 (Бирючий лог). План культурного слоя в раскопе 1959 г.

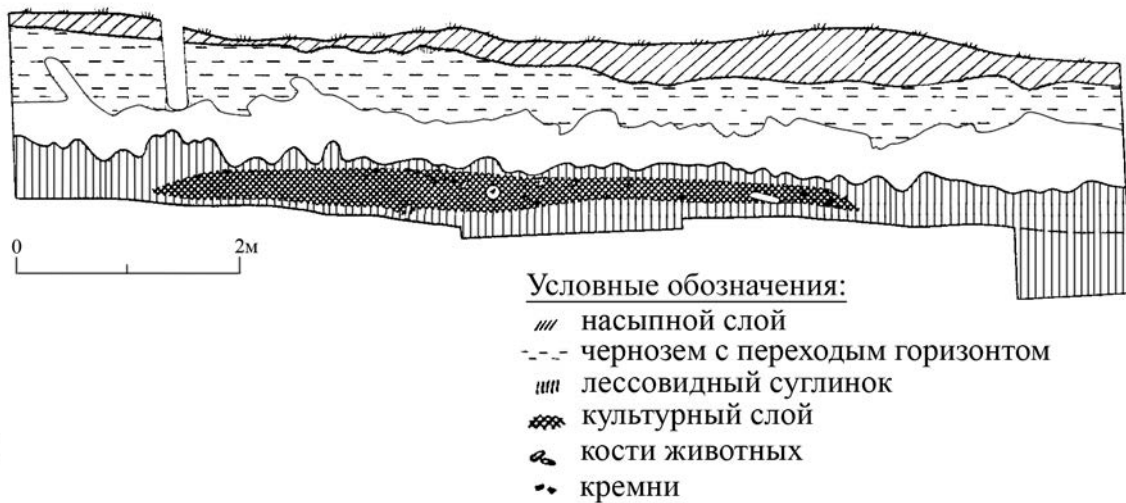

Рис. 9. Костенки 9 (Бирючий лог). Разрез западной стенки раскопа 1959 г.

дому М. Е. Титова, причем последний своей ямой разрушил участок, наиболее богатый находками. Очень мало находок было собрано в северном конце раскопа на кв. 59-й и 60-й линий, а также в южном конце раскопа на кв. 51-й линии. Линза культурного слоя достаточно четко вырисовывалась на западной стене раскопа, выделяясь наличием расщепленных кремней, обломков костей и других культурных остатков. Она выклинивалась с северной стороны в центре кв. ф-52 и с южной — в центре кв. ф-58 (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 60).

Концентрация значительного количества культурных остатков вокруг частично разрушенного очага, наличие последнего, а также крупных, но плохо сохранившихся бивней мамонта, имевших, по-видимому, конструктивное значение, позволяют сделать вывод о том, что на стоянке Бирючий лог частично исследованы остатки плохо сохранившегося жилища (рис. 10).

Границы этого жилища, следует полагать, более или менее отвечали границам концентрации находок на плане. Вполне возможно, что северная граница жилища определяется залеганием на кв. 57-й линии двух крупных камней и сохранившихся во вкопанном положении остатков толстых проксимальных концов двух крупных бивней мамонта (рис. 8, 11). Южная граница,

соответственно, отмечена положением бивней на кв. уф-52 (рис. 8, 12) (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 58, 59, 71). Восточная граница жилища проходила, вероятнее всего, по кв. е-54–55, на которых было собрано по 42 расщепленных кремня, тогда как на кв. р-53 и р-56 обнаружили всего лишь 15 и 9 расщепленных кремней. Здесь же уместно отметить, что на каждом из квадратов, расположенных ближе к очагу, было собрано свыше 50 расщепленных кремней, а на квадратах, непосредственно примыкавших к очагу, — свыше 100.

Установленный на ряде квадратов пол жилища внутри скопления культурных остатков, а также уровень древней дневной поверхности вне границ их скопления свидетельствовали вместе с разрезами, образованными глинокопной ямой, о том, что культурные остатки располагались, по-видимому, в небольшой впадине, в центре которой, на ее дне, была сконцентрирована в значительном количестве углистая зольная масса. Впадина эта имела очень пологие края и наибольшей глубины (–111, –122 см от нулевой плоскости) достигала на месте очага. Пол жилища на других участках, окружающих очаг, в том числе и расположенных от очага вниз по склону, не опускался ниже отметок –100, –105 см (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13а, с. 7).

Рис. 10. Костенки 9 (Бирючий лог). Общий вид остатков жилища в раскопе 1959 г.

Рис. 11. Костенки 9 (Бирючий лог). Вкопанные бивни мамонта и крупные камни на кв. уф-57 (северный край жилища)

Рис. 12. Костенки 9 (Бирючий лог). Бивни мамонта на кв. уф-52 (южный край жилища)

Остатки жилища были размещены на относительно выраженном склоне, направление которого проходит по линии ЮЗ–СВ и составляет на предполагаемых границах жилища разницу в 33 см или 5 см на 1 погонный метр (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13а, с. 7). Значительной крутизной склона, по-видимому, следует объяснить некоторое нарушение локализации культурных остатков у северо-восточной границы жилища.

Жилище, очевидно, имело округлую форму размером 5–6 м в диаметре. Округлую форму его можно предполагать более или менее уверенно, так как неизвестно ни одного факта, когда удлиненные жилища располагались бы поперек склона, обычно они вытянуты по склону. В таком случае, в западном направлении жилище продолжалось, надо полагать, не далее 3 м. При подчистке пола на кв. ф-55 наблюдалось крутое падение пола к востоку, а в самом основании культурного слоя, в углублении, срезанном глинокопной ямой, было расчищено значительное скопление золы и костного угля, порой очень крупного (рис. 8). Размеры скопления — 53×37 см, мощность — 10–12 см. Рядом с этим скоплением золы, представлявшим остатки очага *in situ* (рис. 13), в северо-восточной четверти квадрата была расчищена сверху и прорезана ка-

навкой зольная и углистая масса иной концентрации, содержащая значительную примесь суглинка. Эта линза золы мощностью 5 см залегала несколько глубже дна северной окраины расчищенной очажной лунки и как бы подстилала последнюю, отделяясь от нее тонкой прослойкой суглинка. Линза золы с примесью суглинка залегала не горизонтально, ее северный край, как и вся линза, опускался до –127 см (Архив ЛОИА, 1359 г., ф. 35, арх. № 13, с. 43, 61–63, 72, 73). А. Н. Рогачев отмечает, что у него создается впечатление о покоробленности этой зольной линзы вместе с породой, ее вмещающей, но от утверждения наличия здесь явления солифлюкции он воздержался за недостатком ярких фактов (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13а, с. 8).

Было обнаружено еще два скопления углистой и зольной массы. На кв. ф-54 такое скопление имело округлую форму размером 56 см в диаметре, мощностью 10–12 см, а на кв. у-56 оно было овальной формы длиной 40 см, мощностью 5–8 см (рис. 8). Последнее залегало на глубине –103, –111 см от нулевой плоскости.

Трудность понимания остатков расчищенных зольных скоплений на кв. ф-54–55 и у-56 объясняется сильным их повреждением глинокопной ямой. По свидетельству М. Е. Титова, мощное

Рис. 13. Костенки 9 (Бирючий лог). Остатки очага на кв. ф-55

скопление очажной массы занимало почти всю площадь кв. у-55 и находилось, по его словам, «почти на дне глинокопной ямы», что на 10–15 см ниже самой нижней отметки дна очажной лунки (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 61, 71–73).

3. Инвентарь

В целом во время раскопок 1959 г. на стоянке Бирючий лог были собраны хотя и небольшие, но весьма своеобразные коллекционные материалы. Культурный слой на месте расчищенных остатков жилища содержал, помимо вышеописанных находок из глинокопной ямы и помимо находок, залежавших в черноземе и в суглинке выше культурного слоя, но относящихся несомненно к последнему, 2340 расщепленных кремней, в том числе 506 орудий и их обломков. Среди них выделяются 24 обломка листовидных острий, 59 пластин и их обломков с ретушью, 6 обломков пластин с частичной крутой ретушью по краю или на конце, 129 пластин и их обломков с мелкой ретушью, 92 отщепы с крупной и мелкой ретушью, 17 скребков, 15 резцов, 1 обломок пластины с плоскими резцовыми сколами, 30 резцовых сколов с ретушью, 4 краевых скола с ретушированных пластин, 18 чешуйчатых орудий (*pièces écaillées*) и их обломков, 10 проколов, 69 микропластин и их обломков с притупленным краем, 16 обломков микропластин с очень мелкой ретушью, 9 скребел, 2 ретушера, 1 обломок ножа типа ргани. Наиболее своеобразными орудиями в кремневом инвентаре стоянки Бирючий лог являются острия и микропластины с притупленным ретушью краем. Все острия листовидной формы представлены только обломками, за исключением одного целого экземпляра (рис. 14: 1). На последнем плоская широкая ретушь формирует острый конец, а более мелкая идет по одному краю. Нижний конец острия имеет округлую форму. Но несколько обломков нижних концов этих острий имеют слегка заостренную форму (рис. 14: 4, 6). На большинстве экземпляров плоская широкая ретушь оформляет оба края, сходясь на острие (рис. 14: 2, 3). Особо следует отметить, что 4 обломка этих орудий имеют верхние концы подпрямоугольной формы (рис. 14: 5). Подправки с бруска ни на одном из экземпляров нет.

Аналогии остриям из Бирючьего лога можно отыскать среди симметричных острий в инвентаре стоянки Пушкари 1 (Борисковский, 1953: 217). В отличие от Пушкарей 1, на стоянке Бирючий лог нет острий со скошенным кон-

цом и острий с затупленным краем. Кроме того, среди симметричных острий Пушкарей 1 есть ряд двойных орудий, у которых на противоположном конце имеется тщательно отретушированное лезвие выпуклого или слегка вогнутого скребка. Такая категория орудий также отсутствует в инвентаре Бирючьего лога.

В согласии с П.И. Борисковским можно предположить, что острия нашей стоянки могли употребляться для резания и прокалывания, но могли также использоваться и как наконечники копий и дротиков. Близкими к листовидным остриям по характеру обработки, а в некоторых случаях и по своей форме, являются пластины с ретушью, представленные в инвентаре Бирючьего лога 5 целыми экземплярами и 52 их обломками. Ретушь на них в большинстве случаев нанесена по обоим краям (рис. 14: 7, 8). Особо следует отметить 1 обломок очень массивной широкой пластины с ретушью по краям, сходящейся на нижнем конце (рис. 14: 11). О том, что эта пластина была ножом, свидетельствуют характерные следы, просматривающиеся под микроскопом. Этот нож позже использовался в качестве вторичного ядрища для скалывания микропластин техникой резцового скола.

Кроме того, в качестве ножей и режущих орудий в быту и в производстве были использованы 7 целых пластин и 122 их обломка с очень мелкой, но тщательно выполненной ретушью по одному или по двум краям, со спинки или с бруска, есть экземпляры с противоположащей ретушью (рис. 14: 9, 10). В этой же связи отметим наличие в коллекции 62 отщепов с мелкой ретушью и 30 с более крупной, которые, следует предполагать, удовлетворяли потребности режущих орудий, например при обработке дерева.

В кремневом инвентаре Бирючьего лога имеется 17 скребков: 14 концевых на пластинах, из них 8 на ретушированных (рис. 14: 14, 15). Среди этих скребков выделяется 1 своей треугольной формой, ретушь по обоим его краям сходится на нижнем заостренном конце (рис. 14: 16). Кроме того, имеются 2 скребка овальной формы (рис. 14: 13) и 1 округлый.

Резцы на стоянке встречены почти в таком же количестве, что и скребки. Их насчитывается 15 экземпляров: 9 на углу сломанных пластин, из них 6 двойных (рис. 15: 9, 10, 16), 3 боковых резца на пластинах (рис. 15: 17), 3 срединных (рис. 15: 11). В своем большинстве резцы представляют собой вторично использованные обломки пластин с ретушью. Но есть среди них экземпляры и на неретушированных пластинах.

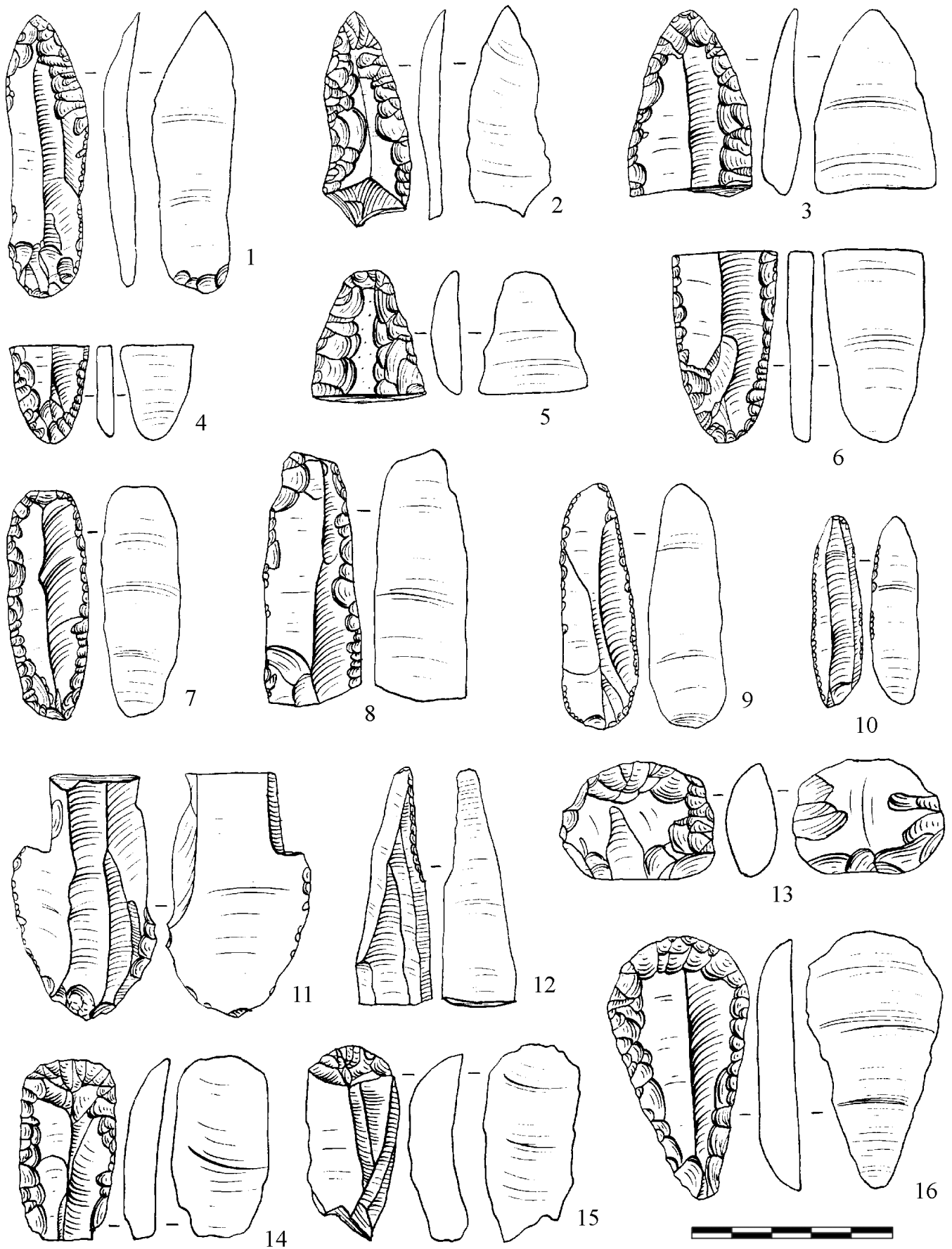

Рис. 14. Костенки 9 (Бирючий лог). Кремневый инвентарь: 1-6 — листовидные остря; 7-10 — пластины с ретушью; 11 — вторичный нуклеус на широкой пластине с ретушью; 12 — нож типа ргани; 13 — скребок овальной формы; 14-16 — концевые скребки

Рис. 15. Костенки 9 (Бирючий лог). Кремневый инвентарь: 1–8 — микропластины с притупленным ретушью краем; 9, 10, 16 — угловые резцы; 11 — срединный многофасеточный резец; 12 — микропластина с крутой ретушью на концах; 13 — микропластина с мелкой ретушью; 14, 18, 19 — чешуйчатые долотовидные орудия; 15, 20, 24 — проколки; 17 — боковой резец; 21, 25 — скребла; 22, 23 — призматические нуклеусы

В культурном слое стоянки Бирючий лог обнаружены чешуйчатые орудия (*pièces écaillées*), крупные и мелкие, на пластинах и на отщепках (рис. 15: 18, 19). Всего 12 целых экземпляров и 6 их обломков. Среди целых орудий можно выделить 2 четырехлезвийных, 9 двухлезвийных и однолезвийное. Среди них, в свою очередь, можно выделить 4 орудия этого типа, изготовленных на пластинах, имеющих ярко выраженную подтеску не на концах, а по краям (рис. 15: 14). Проколки представлены 10 экземплярами. Из них у 2 проколов на пластинках более или менее выделенные жальца оформлены крутой ретушью, которая продолжается по одному и по двум краям этих пластинок (рис. 15: 15); 5 проколов на пластинках имеют невыделенные жальца, оформленные мелкой ретушью, продолжающейся по одному или по двум краям пластинок (рис. 15: 20), 3 проколки на отщепках с более или менее выделенными жальцами, оформленными мелкой ретушью (рис. 15: 24).

Наряду с остриями в инвентаре Бирючьего лога выделяются своеобразием микропластинки с притупленным ретушью краем. Они представлены 10 целыми экземплярами и 55 их характерными обломками. В их общей массе они меньше микропластин с притупленным краем Александровской стоянки, но крупнее таковых из второго слоя Тельманской стоянки. В подавляющем большинстве микропластины Бирючьего лога помимо крутой ретуши по одному краю имеют мелкую приостряющую ретушь на противоположном краю и плоскую ретушь на концах со стороны брюшка. Концы подпрямоугольной формы (рис. 15: 2, 3), у некоторых экземпляров — закругленной формы (рис. 15: 1, 4, 5).

Среди обломков этих микропластин можно выделить 33 экземпляра с обломанными верхними концами. На уцелевших нижних концах имеется, как правило, плоская ретушь с брюшка (рис. 15: 7)

У десяти микропластин обломаны нижние концы, из них 6 с ретушью с брюшка на конце.

И, наконец, 12 микропластин, у которых повреждены оба конца.

К вышеперечисленным пластинам необходимо добавить 1 микропластину, имеющую крутую ретушь по обоим краям и на концах, 1 микропластину с концами, оформленными крутой ретушью, 1 обломок острия микрограветт; 1 обломок микропластины, имеющей крутую ретушь по двум краям, сходящуюся на притупленном ретушью конце (рис. 15: 12).

Сама форма микропластин, имеющих тупые концы и один притупленный ретушью край, го-

ворит о том, что они могли применяться в качестве вкладышей, оснащавших костяные или деревянные орудия.

Аналогии основной массе микропластин Бирючьего лога, которые имеют крутую ретушь по одному краю, приостряющую — по другому, и плоскую ретушь на концах с брюшка, встречаются в инвентаре чехословацкой палеолитической стоянки Павлов, исследованной Б. Климой. В инвентаре Бирючьего лога имеется небольшое число микропластин, которые оформлены крутой ретушью по одному краю и плоской — на концах с брюшка, но не имеют приостряющей ретуши со спинки по другому краю. Такие орудия встречаются на нескольких стоянках: в Гварджилас-Клде (Закавказье), Каменной балке I и II на нижнем Дону, в верхнем слое Костенок 1 (Замятнин, 1957: 491; Гвоздовер, 1959: 10; Борисковский, Праслов, 1964: табл. XV–XVI; Ефименко, 1953: 259).

Появился ли этот тип орудия самостоятельно в инвентаре каждой из этих стоянок или же здесь имело место влияние одних племен на другие — это вопрос достаточно сложный и требует дополнительных исследований. Важно отметить при этом, что в культурном слое стоянки Бирючий лог было обнаружено еще одно характерное для Закавказья орудие — обломок ножа типа ргани без подправки его рабочего конца со стороны брюшка (рис. 14: 12).

Кроме микропластин с притупленным краем в инвентаре Бирючьего лога имеется 16 обломков микропластин с очень мелкой приостряющей ретушью по одному или по двум краям, со спинки или с брюшка (рис. 15: 13).

Из пережиточных форм орудий в инвентаре стоянки Бирючий лог имеются скребла, представленные 9 экземплярами. Из них 6 скребел с овальным ретушированным рабочим краем и обушком, оформленным резцовыми сколами (рис. 15: 21), 2 с вогнутым ретушированным рабочим краем (рис. 15: 25) и 1 массивное скребло из обломка каменной плиты с грубой ретушью по рабочему овальному краю. Особо следует отметить, что у 5 скребел из 9 имеется подтеска на одном конце с брюшка.

В интересах полноты описания кремневого инвентаря необходимо отметить наличие всего лишь 4 ядрищ; из них 3 призматические (рис. 15: 22, 23) и одно имеет форму, близкую к дискообразной. Имеется также 4 вторичных ядрища (рис. 14: 11), 8 осколков и 9 сколов с ядрищ.

Среди кремневого материала без вторичной обработки выделяются 355 пластин и их обломков, 129 обломков микропластин, 1300 отщепов,

в том числе 9 из цветного кремня, 29 резцовых сколов. Кроме того, обнаружено 2 обломка кварцитовых пластин, 2 обломка сланцевых пластин, 31 отщеп кварцитовый, 7 отщепов сланцевых, 3 обломка кварцитовых плит.

Встречен 1 обломок гальки, имеющей на конце следы использования ее в качестве отбойника.

Интересными находками на стоянке Бирючий лог являются стержни из сланца, изготовленные техникой шлифования. Эти находки вполне аналогичны сланцевым стержням из верхнего горизонта Александровской стоянки (Рогачев, 1955а: 67). Один из стержней длиной 6,5 см и толщиной 0,9×1,6 см имеет в сечении подчетыреугольную форму. Один конец заострен. Основание его и все грани тщательно пришлифованы (рис. 16: 1). Второй стержень из сланца совсем небольшой: длина 2,2 см и толщина 0,4×0,9 см (рис. 16: 7). Форма и характер обработки те же, что и у большего стержня. Эти орудия, так же как и стержни на стоянке Костенки 4, могли использоваться в качестве пестов или ретушеров. Имеются 4 сланцевых обломка и отщепы со следами шлифования, 1 из которых имеет явные следы использования его в качестве ретушера.

Доказательством того, что шлифованные орудия были изготовлены на месте, являются находки 5 обломков песчаниковых и кварцитовых плит со стертymi и пришлифованными поверхностями с одной или с двух сторон (рис. 16: 2). Производственное назначение этих плит было, вероятно, разнообразным. Их могли использовать для шлифования сланцевых орудий, для растирания или толчения растительной пищи (дикорастущих злаков и плодов, съедобных кореньев и других продуктов собирательства), а также для растирания охры. В коллекции из Бирючьего лога совсем нет курантов (верхних камней), наличие которых наряду с пришлифованными плитами отмечается А. Н. Рогачевым и М. В. Воеводским на стоянках Костенки 4 (Рогачев, 1955а: 74, 75) и Чулатово II (Воеводский, 1952: 122–125). Находки в Бирючьем логе еще раз свидетельствуют, что техника шлифования камня не была чуждой для людей верхнего палеолита Восточной Европы. Наличие приемов шлифования было отмечено в верхнем слое Костенок 1 (Ефименко, 1953: 323), на Афонтовой горе II (Ауэрбах, Сосновский, 1932: 85), в Бурети (Окладников, 1950: 143), в пещере Петерсфельс (южная Германия) (Peters, 1930), в пещере Лакав (Франция) (Viré, 1905).

Костяных орудий на стоянке Бирючий лог очень мало. Обнаружено 1 ложилообразное ору-

дие из трубчатой кости крупного животного (рис. 16: 9), 2 обломка круглого в сечении стержня из бивня мамонта (рис. 16: 3, 6) и 1 подвеска из клыка песца с просверленным отверстием (рис. 16: 5).

Следует отметить, что обычной находкой в слое были куски рыхлого мергеля, но более или менее законченных поделок из мергеля только две. Среди них очень интересной является головка какого-то животного (рис. 16: 8). Она имеет уплощенную форму, симметрично расположенные глаза, прорезью намечена пасть, выделена шея.

Второй поделкой из мергеля является маленький обломок стерженька, округлого в сечении (рис. 16: 4).

Если рассматривать инвентарь Бирючьего лога в целом, то прямых сходств его с комплексами инвентаря других памятников нет. Но аналогии отдельным типам орудий отыскиваются на различных стоянках, в том числе и на стоянках Костенковско-Борщевского палеолитического района. Выше были указаны таковые для наиболее интересных орудий Бирючьего лога. Остальные типы орудий, такие как скребки, резцы, чешуйчатые орудия, скребла, в тех формах, в которых они обнаружены на стоянке Бирючий лог, можно отыскать на очень многих памятниках, причем на протяжении всего верхнего палеолита.

Интересен вопрос о соотношении культурного слоя Бирючьего лога и верхнего слоя Тельманской стоянки. Инвентарь обеих этих стоянок изготовлялся из одной и той же породы кремня. Территориально они очень близки друг к другу, более того, стоянка Бирючий лог перекрывает периферию культурных слоев Тельманской стоянки. Это видно на примере шурфа 2, вторично вскрытого в 1953 г. (рис. 7). В нем были встречены культурные остатки не только на уровне залегания Бирючьего лога, но и значительно ниже, на уровне залегания верхних слоев Тельманской стоянки.

В этом смысле большое значение имеет и другой шурф размером 2×2×4,4 м, заложный в 1952 г. на усадьбе О.И. Шаевой за ее погребом, выше по склону от обеих стоянок (рис. 17). В верхней гумусированной прослойке этого шурфа было обнаружено ядрище, которое может относиться ко второму культурному слою Тельманской стоянки, залегающему на этом уровне.

Если учесть вышеприведенные факты, то можно сделать вывод, что культурный слой Бирючьего лога является самым поздним слоем

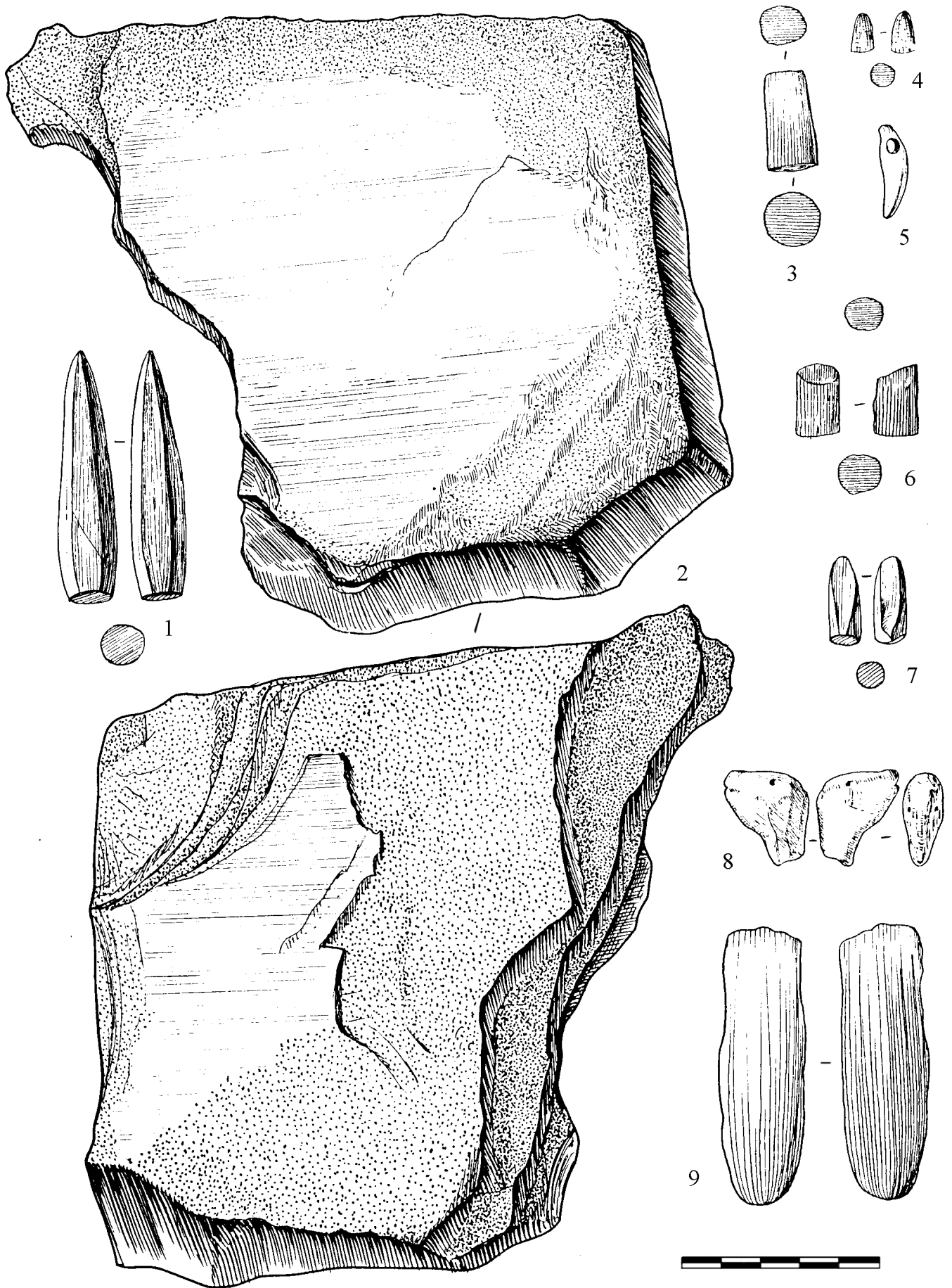

Рис. 16. Костенки 9 (Бирючий лог). Изделия из сланца, кости и мергеля: 1, 7 — сланцевые стержни; 2 — кварцитовая плита с шлифованными поверхностями; 3, 6 — костяные стержни; 4 — стержень из мергеля; 5 — подвеска из клыка песца; 8 — головка животного из мергеля; 9 — костяное ложило

Тельманской стоянки. Он несколько моложе верхнего слоя Тельманской стоянки, хоть и очень незначительно, так как оба они залегают в одном и том же геологическом слое и примерно на одинаковом уровне. Они приурочены к верхней части лессовидного суглинка, выше верхней гумусированной прослойки. Предположение о синхронности культурного слоя Бирючьего лога и верхнего слоя Тельманской стоянки невероятно, так как в этом случае пришлось бы

говорить о двух жилищах единого поселения. Но допустить синхронность существования жилищ с различным инвентарем в одном и том же поселении невозможно.

Итак, стоянка Бирючий лог является самым верхним слоем Тельманской стоянки, которую при такой постановке вопроса следует рассматривать не как пятислойный, а как шестислойный памятник. В этом заключается главный интерес инвентаря Бирючьего лога.

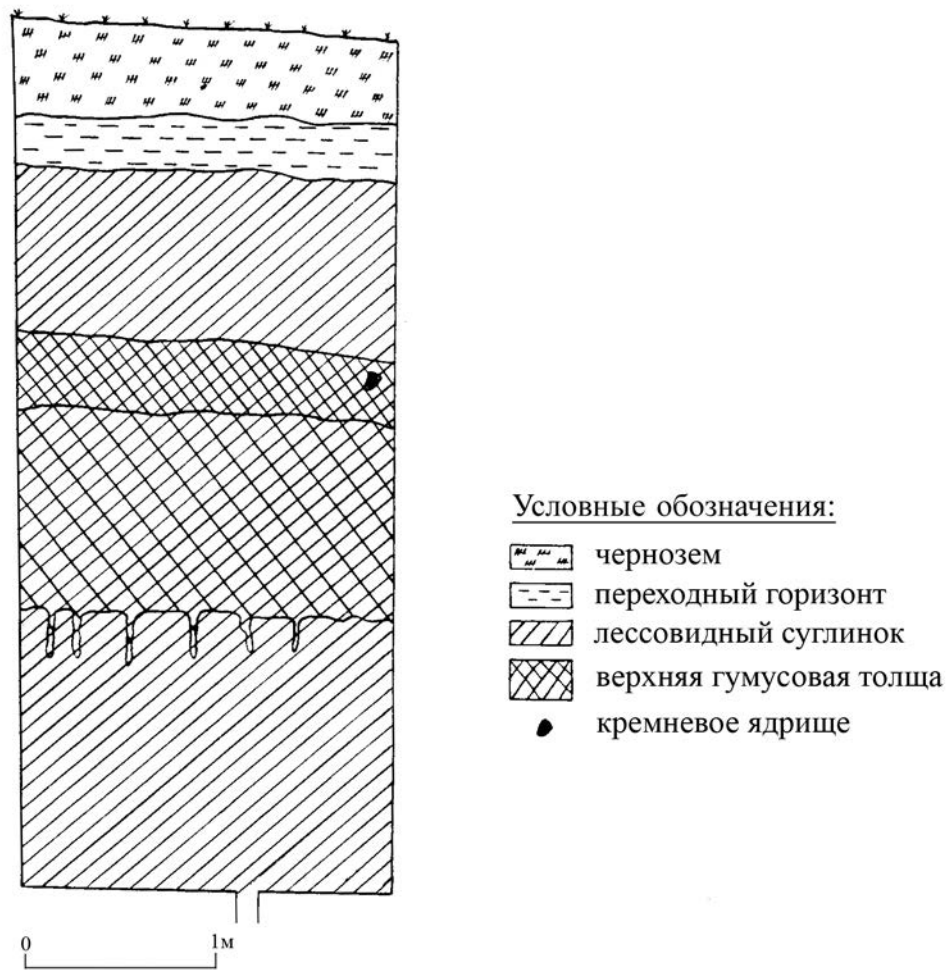

Рис. 17. Тельманский мыс. Разрез стенки шурфа 1952 г. на усадьбе О. И. Шаевой

ГЛАВА IV

ПЕРВЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ

1. Описание остатков жилища

Первый культурный слой Тельманской палеолитической стоянки исследовался в 1937 г. под руководством П. П. Ефименко и в 1949–1950 гг. под руководством А. Н. Рогачева. Вскрытая их раскопами площадь около 80 м² была почти полностью занята первым культурным слоем.

Культурные остатки, представленные расщепленными кремнями, осколками костей четвертичных животных, костными и древесными углями, охрой, залежали выше гумусированных прослоек, в верхней части желтовато-бурого лессовидного суглинка, на глубине 1,80–2,00 м от поверхности (рис. 18). Отдельные кремни и фаунистические остатки этого культурного слоя были обнаружены в перекрывающих его черноземе и переходном горизонте. Они были вынесены сюда по кротовинам, прорезавшим в ряде мест культурный слой.

Последний представлял собой остатки палеолитического жилища типа полужемлянки, которая имела правильные округлые очертания диаметром 5,20–5,60 м (рис. 19). Пол жилища был углублен по сравнению с окружающей древней поверхностью поселения приблизительно на 50 см и являлся относительно ровным, без заметного уклона и западин. Почти в центре полужемлянки, несколько ближе к ее западной и юго-западной границе (кв. ГД-44), были обнаружены остатки очага, округлого в плане, чашеобразной формы, диаметром 75–80 см (рис. 19).

Его дно постепенно понижалось по направлению к центральной части очага и было в среднем на 15–20 см ниже окружающих участков пола жилища. Очажное углубление оказалось заполненным углисто-зольным веществом черного цвета, верхняя часть которого содержала большое количество хорошо сохранившихся крупных костных углей. В свою очередь, очажное углубление было перекрыто скоплением крупных костей в основном мамонта: ребрами, лопаткой, трубчатыми костями и пр. (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 320: 32, 33).

В заполнении углубленной части жилища было найдено большое количество костей животных, местами они образовывали небольшие скопления. Некоторые из костей лежали непосредственно на полу жилища (рис. 19). Так, на кв. ЕЖ-45–46 было расчищено скопление трубчатых костей молодого мамонта, состоящее из верхней части локтевой кости и прислоненной к ней верхней части лучевой. Несколько выше находилась малая берцовая со сбитым сочленением на более толстом конце. Рядом лежала плечевая кость молодого мамонта. В этом же скоплении и вокруг него залежало около десятка мелких обломков костей. На границе кв. ДЕ-45 лежала в анатомическом порядке группа костей волка: лопатка, плечевая и лучевая кости. В средней части кв. Е-45 на полу помещался нижний эпифиз предплечья мамонта и с ним несколько костей стопы мамонта и другие неопределимые

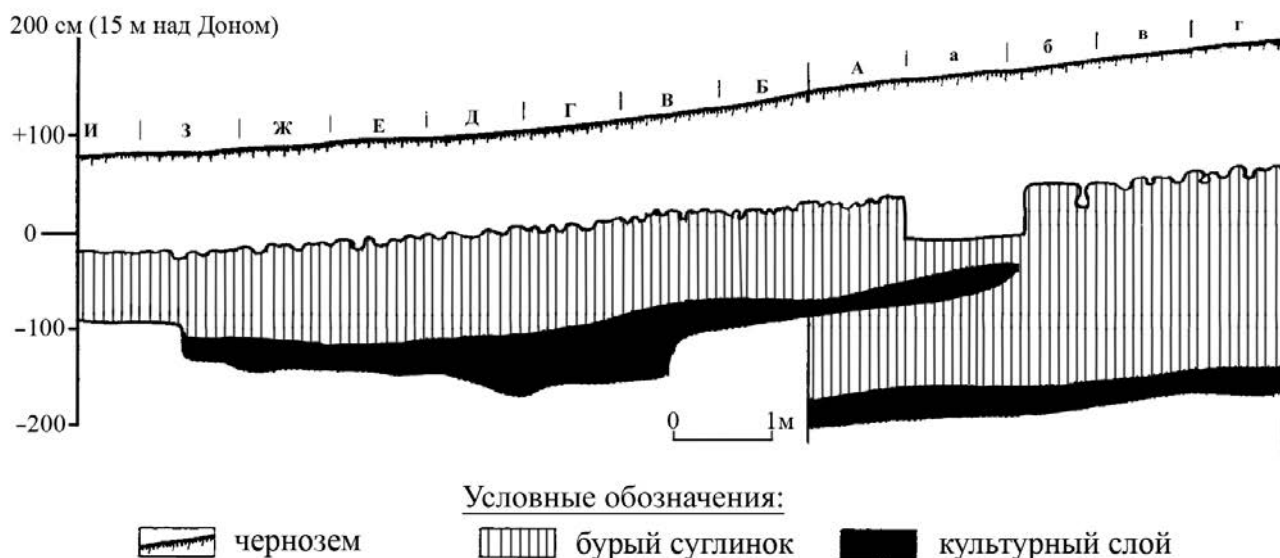

Рис. 18. Костенки 8 (Тельманская стоянка). I культурный слой. Разрез полужемлянки по линии Г–Д

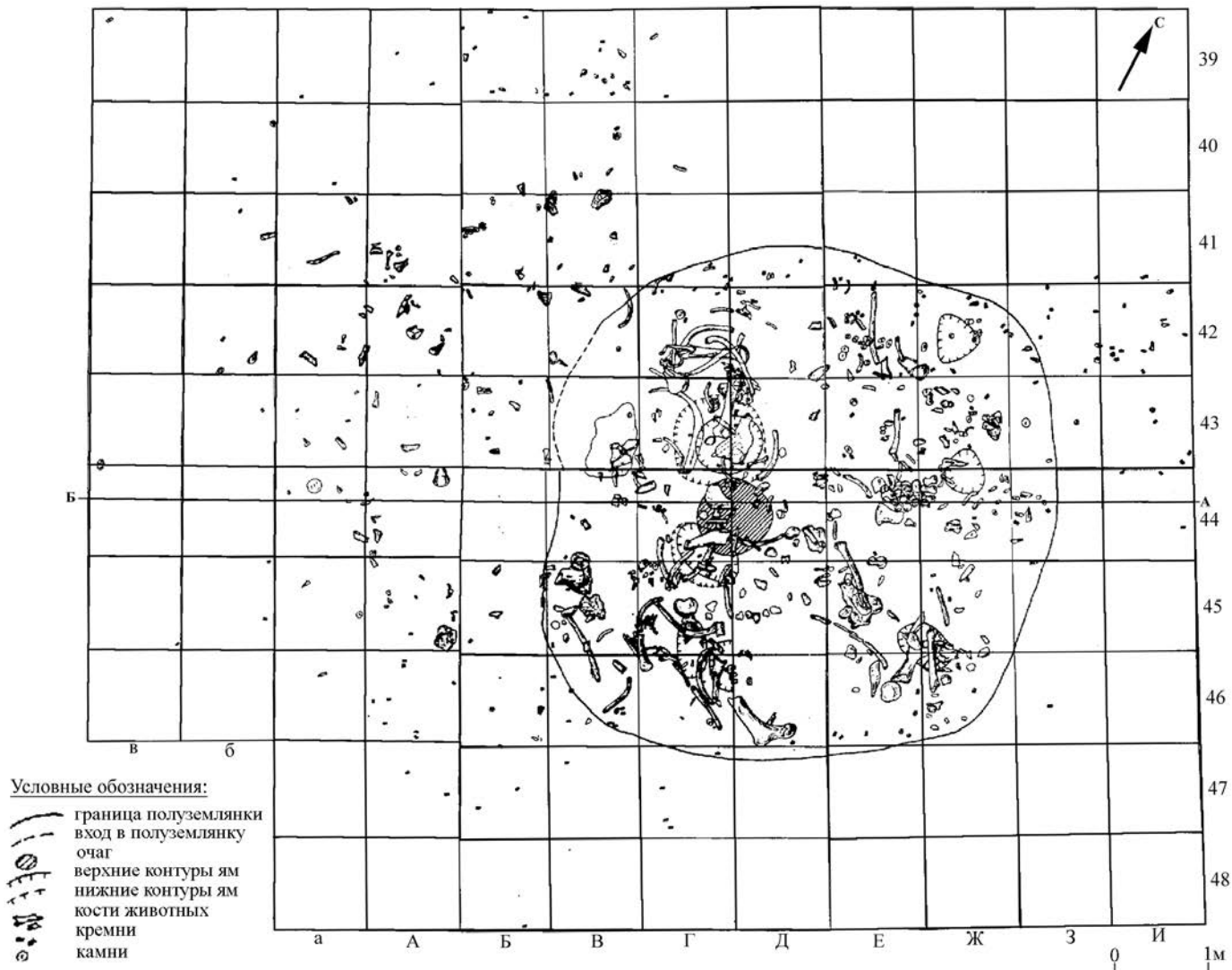

Рис. 19. Костенки 8 (Тельманская стоянка). I культурный слой. План жилища I культурного слоя

обломки костей. На полу кв. Е-44 лежала группа костей мамонта, в частности остатки двух стоп. На кв. Е-41 у стенки землянки залегала группа обломков костей. На кв. Г-42 и ГД-43 было расчищено значительное скопление костей мамонта, обломок нижней челюсти, преимущественно ребра, по-видимому, намеренно положенные сюда. Здесь же находился череп пещерного льва. На кв. В-43 выше общего уровня стены полуземлянки залегала группа обломков черепа мамонта. По соседству с очагом (кв. Д-44–45) расчищен ряд костей мамонта и волка. На кв. Г-45 обнаружена лежавшая в анатомическом порядке группа позвонков и других костей волка. Лежавшие в анатомическом порядке кости лапы волка обнаружены и на полу кв. Г-44 и т. д.

Значительное количество костей животных было встречено в культурном слое землянки несколько выше ее пола, причем большинство из них имело наклонное или торчащее вертикальное положение.

Расщепленные кремни, обнаруженные в заполняющем землянку культурном слое, залегали преимущественно на полу жилища. Но часть кремней была встречена и выше пола. Эти кремни имели в своем большинстве также наклонное или вертикальное положение.

Расположение и условия залегания костей и кремней, обнаруженных выше пола землянки, позволяют восстановить картину происшедшего в течение длительного времени разрушения жилища, оставленного людьми. Все эти кости, кремни и прочие отбросы могли попасть в заполнение землянки лишь в результате разрушения и обвала внутрь жилища его кровли вместе со всем, что находилось на ее поверхности, а также, очевидно, в результате сползания в жилище различных отбросов жилья, накопившихся на окружающей его площади. Что же касается культурных остатков, обнаруженных непосредственно на полу землянки, то часть из них, быть может, оказалась там также в результате разру-

шения жилища. Но совершенно очевидно, что такие культурные остатки, как очажное заполнение, расщепленные кремни, в том числе орудия, и некоторые скопления костей, сохранились на полу жилища еще со времени, когда оно было обитаемым. Это относится, например, к группам костей волка, сохранившим свой анатомический порядок. Обращает на себя внимание факт почти полного отсутствия хвостовых позвонков и черепов этих животных. Можно предположить, что с волков снимались шкуры вместе с хвостами. Черепа могли храниться особо, если их попросту не оставляли на месте охоты. Мощность культурного слоя землянки достигает 30–50 см. Верхняя граница культурного слоя заметно падает по направлению к центральным участкам жилища. У северной, восточной и южной краин жилища она не возвышается над стенкой полуземлянки, а находится даже несколько ниже уровня, соответствующего краю стенки. Толще всего культурный слой в юго-западной части жилища, где его мощность достигает 55 см, а на кв. В-44–70–80 см, в результате чего он на этом участке возвышается над стенками полуземлянки (рис. 18).

Здесь же следует отметить, что в западной части жилища на расстоянии около 1,5 м от стены пол заметно поднимался под углом 20–22° до самой границы полуземлянки. В дневнике встреча-

ем такую запись: «Повышение пола землянки заметно на кв. ВГД-42–43» (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 320: 32). Эта часть жилища составляла исключение, так как на остальных участках пол был относительно ровным (рис. 20). Кроме этого, следует отметить, что именно на юго-западном участке пола жилища (кв. линий В, Г и Д) наблюдалась интенсивная зольная прослойка светло-серого цвета, которая в северо-восточной части полуземлянки заметно уменьшалась по направлению к стенам жилища, а у самых стен почти исчезала (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 320: 30). Объяснить факт интенсивности зольной прослойки именно в той части жилища, где его пол заметно повышался, можно, лишь предположив, что здесь больше всего ходили люди, разнося ногами содержимое очага. Надо полагать, что именно здесь находился вход в полуземлянку. Обращает на себя внимание положение входа — на запад и со стороны склона, хотя и не крутого. Вероятно, это объясняется господствующими в то время восточными ветрами, для которых жилье было открыто со стороны лога и долины Дона.

Тот факт, что зольная прослойка в северо-восточной части жилища постепенно исчезала, а также что культурный слой на участках, непосредственно примыкающих к линии стен,

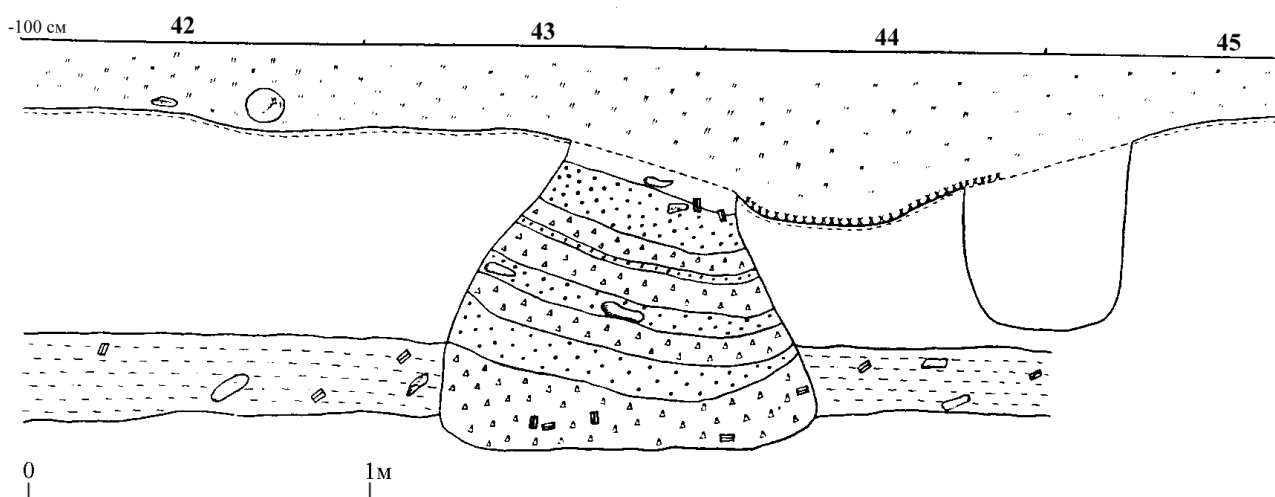
Рис. 20. Костенки 8 (Тельманская стоянка). I культурный слой

был очень слабо выражен и представлен единичными находками, сильно затруднял прослеживание линии стены жилища. Вероятно, глинистая стенка землянки, которая, надо полагать, была отвесной на всем своем протяжении, кроме западного участка, где находился пологий спуск в жилище, обрушилась после оставления ее человеком. Чтобы убедиться в достоверности прослеженных в ходе раскопок очертаний жилища, пришлось заложить ряд контрольных шурфов вокруг полуземлянки на расстоянии 20–30 см и более от ее стенок. В этих шурфах культурные остатки отсутствовали (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 320: 30).

При зачистке пола жилища и при его углублении в нем были обнаружены ямы, вырытые обитателями этого жилища. Две из них располагались частично под очажным углублением и в последний период обитания, по-видимому, уже не существовали. Наиболее крупная яма располагалась на кв. ГД-43–44 (рис. 19). Она имела колоколовидную форму с широким плоским дном и сужающимися кверху краями (рис. 21). Диаметр ямы на уровне пола жилища достигал 50 см, а диаметр дна ямы — 115 см. Глубина ямы 96 см. Она была заполнена суглинком, насыщенным остатками обитания и чередующимся с суглинком, почти лишенным этих находок. Всего в яме было обнаружено 8 обломков кремневых листовидных острий, 3 пластины с резцовыми сколами, 15 пластин и отщепов с ретушью, ядри-

ще, 452 мелкого и мельчайшего отщеп кремня, 12 мелких обломков лошил из ребер крупных животных, обломки трубчатой кости небольшого животного в виде трубочки с нарезками по концам, 32 мелких осколка трубчатых костей мамонта, больше сотни мелких осколков и обломков костей, а также большое количество древесных углей, обычно не сохраняющихся в слоях верхнего суглинка. С противоположной стороны очажного углубления, на кв. Г-44–45, была расчищена вторая яма глубиной 55 см (рис. 19). Она имела овальную форму 80×45 см и была заполнена суглинком с обычными культурными остатками. Стены ее были отвесными; только в сторону, противоположную от очажного углубления, наблюдался подбой вдоль всего края глубиной до 10 см. В заполнении ямы найдены 2 кремневых листовидных острия, одно из которых сломано пополам, и части его найдены в разных местах ямы, 4 отщепов с ретушью, 140 мелких отщепов, обломок лошила из ребра крупного животного, крупный фрагмент трубчатой кости и обломок ребра мамонта, костные угли.

Третья яма, расположенная на кв. Г-45–46, была разобрана лишь частично, она продолжается на кв. Д-45–46 (рис. 19). Видимая ширина ямы 50 см, глубина от пола жилища 56 см. На дне ямы залегал крупный осколок трубчатой кости мамонта. В заполнении ямы обнаружены следующие находки: 5 пластин и отщепов с ретушью, 20 пластин и отщепов, небольшой обожженный обло-

Условные обозначения:

••••• насыпная земля, раскопки 1937 г.	••••• много угля
----- пол полуземлянки	☞ кости
xxxxx очажная яма	☞ кремни
▲•▲•▲ суглинок с редкими углями	--- III культурный слой

Рис. 21. Костенки 8 (Тельманская стоянка). I культурный слой. Разрез пола полуземлянки по линии кв. Г–Д

мок ложила из кости, обломок ребра крупного животного с нарезками, 10 небольших осколков костей крупных животных, 12 осколков трубчатых костей мелких животных, 24 крупных костных угля, 5 кусочков жженого песчаника, осколок железистой конкреции и осколок сланца.

Рядом с этой ямой на кв. Г-45–46 была обнаружена небольшая западина, заполненная обычным культурным слоем, содержащим кремневый наконечник с выраженным черешком, обломок пластины с ретушью, 14 мелких отщепов кремня, обломок поделки из стенки трубчатой кости мамонта в виде притупленного острья, 5 мелких обломков костей со следами нарезок, около 50 мелких осколков костей крупных и мелких животных, десятков крупных костных углей, 12 мелких осколков железистых конкреций и обломки створки перловицы. Размеры западины — 55×30 см, глубина — 15 см. В северо-восточной части землянки в полу были обнаружены еще три неглубокие ямки (рис. 19).

Ямка, расположенная на границе кв. ЕЖ-45–46, имела округлые очертания неправильной формы. Ее размеры — 35×50 см, глубина — 23 см. В заполнении ямки в виде обычного культурного слоя было собрано 38 расщепленных кремней, в том числе одно листовидное острие. Сверху яму перекрывало скопление крупных костей мамонта, продолжающееся на соседних участках.

Ямка, расположенная на границе кв. Ж-43–44, также имела неправильные округлые очертания около 45 см в поперечнике и 20 см глубины. Заполнена она была обычным культурным слоем: расщепленными кремнями, осколками костей и костным углем.

И, наконец, последняя ямка (кв. Ж-42) имела те же неправильные округлые очертания и была заполнена обычным культурным слоем. Ее размеры: 55 см в поперечнике и 20 см глубины.

Судя по характеру заполнения всех описанных ям, их расположению и размерам, вероятнее всего, обитатели землянки использовали эти ямы для хранения хозяйственных запасов или предметов обихода.

Участки культурного слоя, расположенные за пределами землянки, носили иной характер. Лучше всего культурный слой был выражен на участках к западу и юго-западу от жилища, со стороны входа (линии А и Б). Здесь он достигал 20 см толщины и имел протяженность около 3 м от границы жилища (рис. 19). Слой содержал расщепленные кремни (от 30 до 70 экземпляров на 1 м²), многочисленные обломки костей, мелкие костные угольки и кусочки красной краски.

Интересна в дневнике такая запись: «Начиная с границы кв. А-41, культурный слой довольно резко повышается, утоньшаяся примерно до средней линии кв. Б-41, затем снижается» (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 320: 12). Быть может, этот факт можно связать с наличием здесь остатков небольшой насыпи, окружавшей всю землянку. На других участках вокруг жилища ее трудно было проследить, возможно потому, что культурный слой там был очень беден. Эта насыпь могла служить для укрепления крупных костей мамонта, служивших как бы фундаментом, на котором держалась куполообразная или коническая кровля жилища, состоявшего из жердей и лежавших на них шкур и ветвей. На перекрытии жилища, несомненно, помещалась и значительная часть различных отходов производства и продуктов питания, попавших после разрушения землянки в ее заполнение.

На участках вне жилища, расположенных к северу, востоку и югу от последнего, культурный слой, представленный лишь очень редкими и рассеянными кремнями, угольками и мелкими обломками костей, был выражен слабо и по мере удаления от границ жилища вовсе исчезал. Цвет его здесь был почти одинаков с цветом окружающего делювиального суглинка (Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, арх. № 320: 36).

Скопление культурных остатков против входа и отсутствие их в таком количестве около других краев жилища является вполне естественным. Здесь, против входа, могла протекать хозяйственная деятельность в летнее время, здесь же могли существовать легкие постройки, которые должны были утеплять вход в жилище.

2. Кремневый инвентарь

Для изготовления орудий обитатели Тельманской полуземлянки использовали высококачественный меловой кремль. Как указывалось выше, таким же кремнем пользовались и обитатели стоянки Бирючий лог, представляющей самый верхний культурный слой этого памятника. Изделия из цветного валунного кремня в культурном слое Тельманской полуземлянки отсутствовали, за исключением единичных экземпляров. Такое же место занимал и кварцит. Большая часть меловых кремней из культурного слоя покрыта густой молочно-белой патиной. Нередки случаи, когда верхняя и нижняя поверхности одного и того же кремня имеют разную степень обесцвечивания. Признаки окатывания на поверхности кремней отсутствуют; очевидно, что после того как это поселение оставили люди, оно

не подвергалось размыву. Отдельные кремни обожжены.

Обитатели полуземлянки предварительно обрабатывали кремнь где-то на стороне, по-видимому, у места его добычи, принося на поселение заготовки, из которых изготавливали различные орудия. Последние в свою очередь могли подвергаться подправке или переделке. Это подтверждается несколькими фактами: отсутствием на поселении отбойников, которые могли бы использоваться для расщепления кремня; почти полным отсутствием кремневых ядрищ, малым размером отщепов и осколков, среди которых преобладают мелкие чешуйки (1–2 см в поперечнике), тогда как крупные отщепы, превышающие 5 см в поперечнике, вовсе отсутствуют; почти полным отсутствием отщепов, сохранивших следы корки кремневого желвака, — того, что могло бы указывать на первичную обработку кремня; и, наконец, относительно малым процентом отбросов раскалывания кремня — отщепов и осколков, по сравнению с законченными орудиями. На поселении во время раскопок 1937 и 1949–1950 гг. собрано 6030 расщепленных кремней и другого материала, из них 1093 имеют следы вторичной обработки, что составляет 18,2% от всего наличного расщепленного материала. Остальную массу кремня в своем большинстве представляют мелкие отщепы и осколки, много резцовых сколов, — иными словами, кремневые отбросы поселения могли получиться в результате подправки, восстановления и переоформления затупившихся или сломанных орудий.

подавляющее большинство орудий, собранных в культурном слое поселения, изготовлено из правильных удлиненных кремневых пластин.

Наиболее характерной группой кремневых орудий этого культурного слоя Тельманской стоянки являются листовидные острия (табл. 6). Вполне вероятно, что количество обломков этих орудий в действительности гораздо больше, но многие из них не поддаются точному определению. Эти орудия изготовлены в большинстве случаев из массивных пластин и являют собой пример листовидных наконечников, обработанных отжимной плоской ретушью. Объединяет их общность формы заготовки и техника изготовления. Среди них различается несколько видов, являющихся, очевидно, специализированными орудиями, выполнявшими определенные функции.

С целью уточнения характера работы, выполнявшейся листовидными остриями, по-

следние были исследованы с помощью бинокулярной лупы. Следует заранее отметить, что при описании кремневого инвентаря первого культурного слоя Тельманской стоянки нами широко используются данные об исследовании орудий этого слоя с помощью бинокулярной лупы, приведенные в статье П. П. Ефименко и П. И. Борисковского за 1957 г. (Ефименко, Борисковский, 1957).

Такое исследование показало, что часть из них, а именно те, на которых не было обнаружено характерных следов сработанности, могла служить наконечниками метательного оружия. На остальных экземплярах на острие, а иногда и по краю хорошо просматривались следы интенсивной заполированности, которая могла получиться от того, что этими орудиями работали повседневно — кололи, резали. Но при этом, естественно, возникает вопрос, почему обитатели полуземлянки подвергали столь трудоемкой обработке отжимной ретушью орудия, которые они использовали в качестве колющих и режущих. Ведь более рационально для этой цели использовать правильные, естественно заостренные пластинки, иногда подправленные ретушью на рабочем конце или по краю, что имело место на очень многих стоянках верхнепалеолитического времени. В данном случае это объясняется, скорее всего, отсутствием навыка в получении подходящих по величине и форме тонких пластинок. Поэтому им приходилось с помощью отжимной ретуши снимать значительные участки поверхности кремневой заготовки, срезая при этом ее края у концов. Листовидных острий, целиком обработанных плоской ретушью, здесь обнаружены лишь единичные экземпляры.

Среди листовидных острий можно выделить острия с двухсторонней обработкой и острия с односторонней обработкой. В свою очередь внутри каждой из этих групп различаются острия по форме концов. Так, среди острий с двухсторонней обработкой имеются такие, у которых оба конца заостренные, у некоторых закруглено основание или, наоборот, рабочий конец (рис. 22: 1–4, 6–8, 10). Приемом широкой плоской ретуши обитатели стоянки в данном случае пользовались именно для того, чтобы придать концам этих орудий определенную форму. Края листовидных острий оформлены иногда лишь частично, причем нередко более мелкой ретушью. С брюшка плоской ретушью подправлены лишь концы орудий, один или оба, а в некоторых случаях ретушь с брюшка очень мелкая (рис. 22: 9).

Таблица 6. Типологический состав коллекции инвентаря I культурного слоя Тельманской стоянки

№	Типы орудий	Кол-во предметов целых / фрагментов	% от общего кол-ва орудий
1	Листовидные острия:	65/150	19,7
	а) с двухсторонней обработкой	24/50	
	б) с односторонней обработкой	29/84	
	в) наконечники с черешком	12/16	
2	Острия ручные	16	1,4
3	Ретушированные ножевидные пластины:	33/412	40,7
	а) с двухсторонней обработкой	4/43	
	б) с односторонней обработкой	29/369	
4	Ретушированные отщепы	85	7,8
5	Резцы:	121	11,1
	Угловые:	58	
	а) на пластинах	53	
	б) на отщепах	5	
	Срединные:	31	
	а) простые	15	
	б) на углу пластины	12	
	в) на отщепах	4	
	Боковые:	21	
	а) пряморетушные	2	
	б) косоретушные	11	
	в) на отщепах	8	
	Срединные многофасеточные:	4	
	а) простые	1	
	б) на углу пластины	1	
	в) на отщепах	2	
	Комбинированные:	7	
	а) угловые-срединные	3	
б) угловые-боковые	2		
в) боковые-срединные	2		
6	Скребки:	18	1,6
	а) концевые на пластинах	4	
	б) концевые на отщепах	3	
	в) на отщепах округлой формы	3	
	г) на отщепах овальной формы	8	
7	Скребловидные орудия:	43	3,9
	а) на отщепах овальной формы	27	
	б) на пластинчатых отщепах	16	
8	Долотовидные орудия	23	2,1
9	Обломки орудий неопределимой формы и назначения	127	11,6
ИТОГО: 1093 орудия – 18,2% от общего количества расщепленного кремня			

Особо выделяются листовидные острия с черешками. У них плоская ретушь со спинки и с брюшка формирует прежде всего острие и черешок, причем с брюшка в большинстве случаев оформлен только черешок. Иногда плоская ретушь снимает и значительную часть поверх-

ности кремневой пластины (рис. 22: 22–24). Переход к черешку плавный, рабочий конец в ряде случаев слегка закруглен.

Среди листовидных острий с односторонней обработкой также различаются орудия по форме своих концов, причем повторяются те же типы,

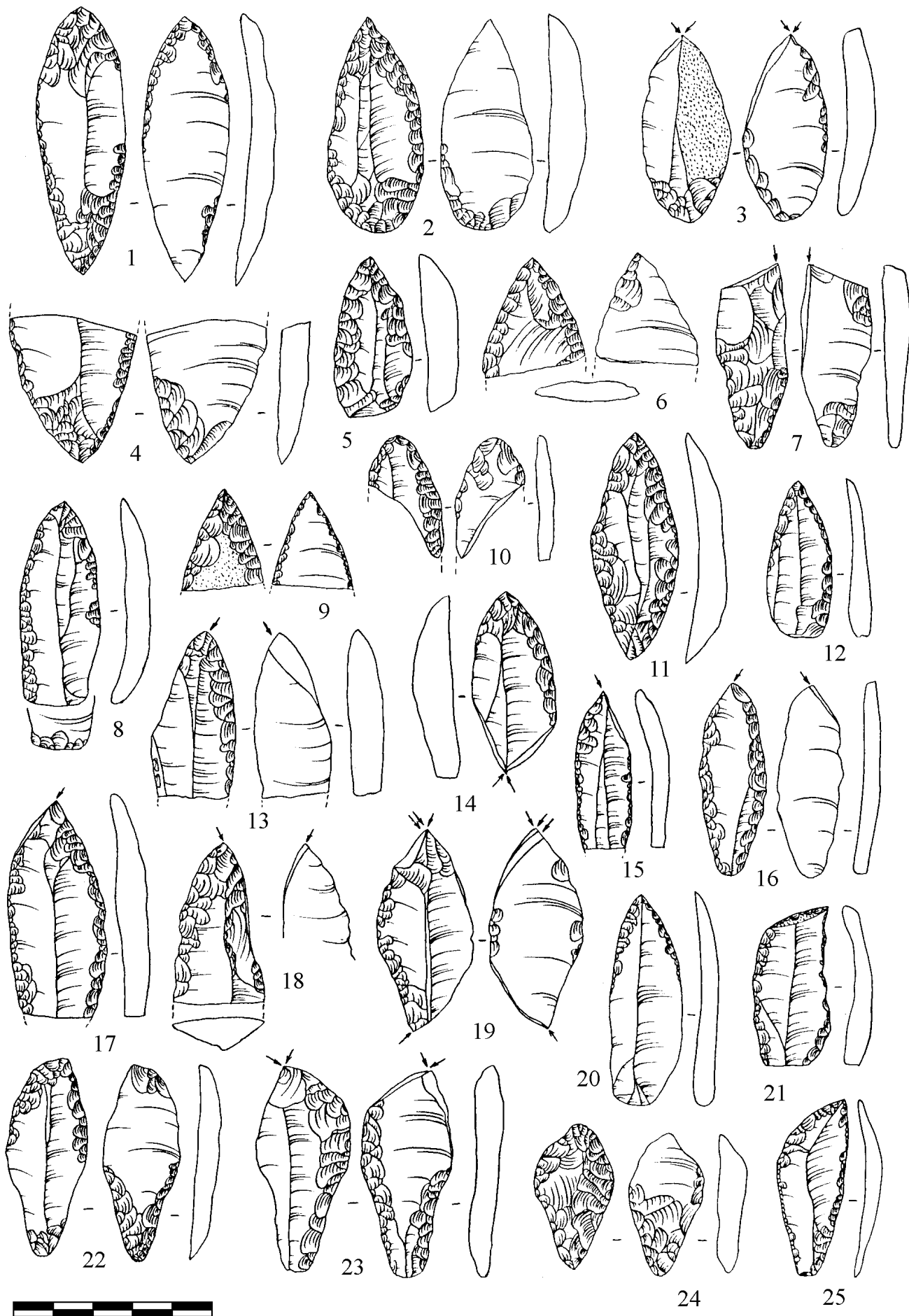

Рис. 22. Костенки 8 (Тельманская стоянка). I культурный слой.
Кремневый инвентарь. Листовидные острия

что и среди двухсторонне обработанных острий. Повторяются и характер ретуши со спинки, и ее расположение (рис. 22: 5, 11, 13, 14, 16–19).

Встречаются и такие односторонне обработанные листовидные острия, у которых довольно мелкой ретушью со спинки оформлен лишь рабочий конец, противоположный при этом остается естественно закругленным, иногда таким образом оформлены и края (рис. 22: 11, 15, 20). Среди них имеются 2 экземпляра, у которых заостренные ретушью рабочие концы естественно скошены вправо (рис. 22: 21, 25). Необходимо отметить, что пластины, из которых изготовлены эти орудия, более тонкие. Чувствуется, что в тех случаях, когда обитателям поселения удавалось получить подходящую по форме тонкую пластину, они ограничивались подправкой рабочего конца лишь мелкой ретушью, уменьшая при этом затрату труда на изготовление этих орудий.

Можно предполагать, что те листовидные острия, которые имеют удлиненное, а зачастую заостренное основание, могли употребляться, будучи насаженными на рукоять. Очень часто на этих орудиях имеются резцовые сколы, оформляющие рабочий край или основание с одной или двух сторон. Резцовым сколом на верхнем конце могли подправлять сработанное острие, а их основание техникой резцового скола оформлялось для более удобного закрепления орудия в рукояти.

Размеры листовидных острий с закругленным или заостренным основанием приблизительно следующие: длина — 6–10 см, ширина — 2,5–4 см, толщина в среднем — 0,8 см. Наконечники с черешками имеют длину 4,5–10,5 см, ширину — 0,2–0,37 см, толщина не превышает 1,5 см.

Функционально близки к той части листовидных острий, которые использовались в качестве колющих и режущих, и острия, изготовленные не из пластин, а из отщепов. Как указывалось выше, подавляющее большинство отщепов и осколков кремня в этом культурном слое являются просто отбросами и имеют очень небольшие размеры, вплоть до мельчайших. И лишь несколько отщепов довольно массивны и достигают 4–5 см в поперечнике.

Из таких отщепов, иногда естественно заостренных на одном конце, нередко скошенном в сторону, приемом той же широкой плоской ретуши, а в некоторых случаях и мелкой ретуши изготовлены острия, которые ввиду непригодности их формы для закрепления в рукояти были названы нами ручными остриями. Размеры этих орудий достигают 4–6 см в длину при 2,5–3,5 см в ширину (рис. 23: 1, 4, 5). Рабочим краем

у них является заостренный конец, полученный с помощью широкой плоской ретуши, а иногда и мелкой. По краям острий также имеется мелкая ретушь, по одному краю или по обоим. Лишь у двух массивных острий широкая плоская ретушь оформляет всю спинку, причем у одного и половину брюшка (рис. 23: 2, 3). Стоит заметить, что последнее орудие по своей форме тяготеет скорее к листовидным остриям с двухсторонней обработкой, но в силу своей большей массивности отнесено нами к группе ручных острий. На рабочих концах этих орудий хорошо прослеживаются следы заполированности. Это говорит о сравнительно долгом их употреблении, что возможно было без повторной подправки рабочего края лишь при условии работы по очень податливому материалу, например при расчленении туши животного.

Функции режущих орудий выполняли и пластины с ретушью, которые являются самой многочисленной группой орудий в нашей коллекции (табл. 6). Интересно отметить, что в инвентаре Тельманской полуземлянки имеется сравнительно немного кремневых пластин с параллельным ограничением без следов вторичной обработки. А между тем такие пластины составляют основную массу кремневого инвентаря многих верхнепалеолитических стоянок. В отношении размеров кремневые пластины самые различные: от 3 до 7, а иногда даже до 10 см и больше в длину при ширине до 4 см. Очертания их довольно правильные, спинка обычно в виде 2–3 граней, концы чаще всего обломаны.

По форме некоторые ретушированные кремневые пластины близки к листовидным остриям, но отличаются от них характером заготовки. Они менее массивны, и ретушь на них чаще всего мелкая (рис. 24: 1–3). Ретушь на ножевидных пластинах, как правило, не изменяет формы заготовки, хотя среди этих орудий и имеются экземпляры, напоминающие по форме листовидные острия.

Часть ретушированных кремневых пластин обработана с одной стороны, а часть — с двух сторон, по одному или обоим краям (рис. 24: 4–7, 10, 22). В своем большинстве ретушь по краям пластин частичная, образовавшаяся в некоторых случаях естественным путем в процессе работы.

К разновидности ножей производственного и бытового употребления относятся и более крупные из имеющихся отщепов с частичной ретушью со спинки или брюшка; иногда обработка двухсторонняя (рис. 24: 21).

Обитатели Тельманского поселения при обработке кремня широко практиковали прием

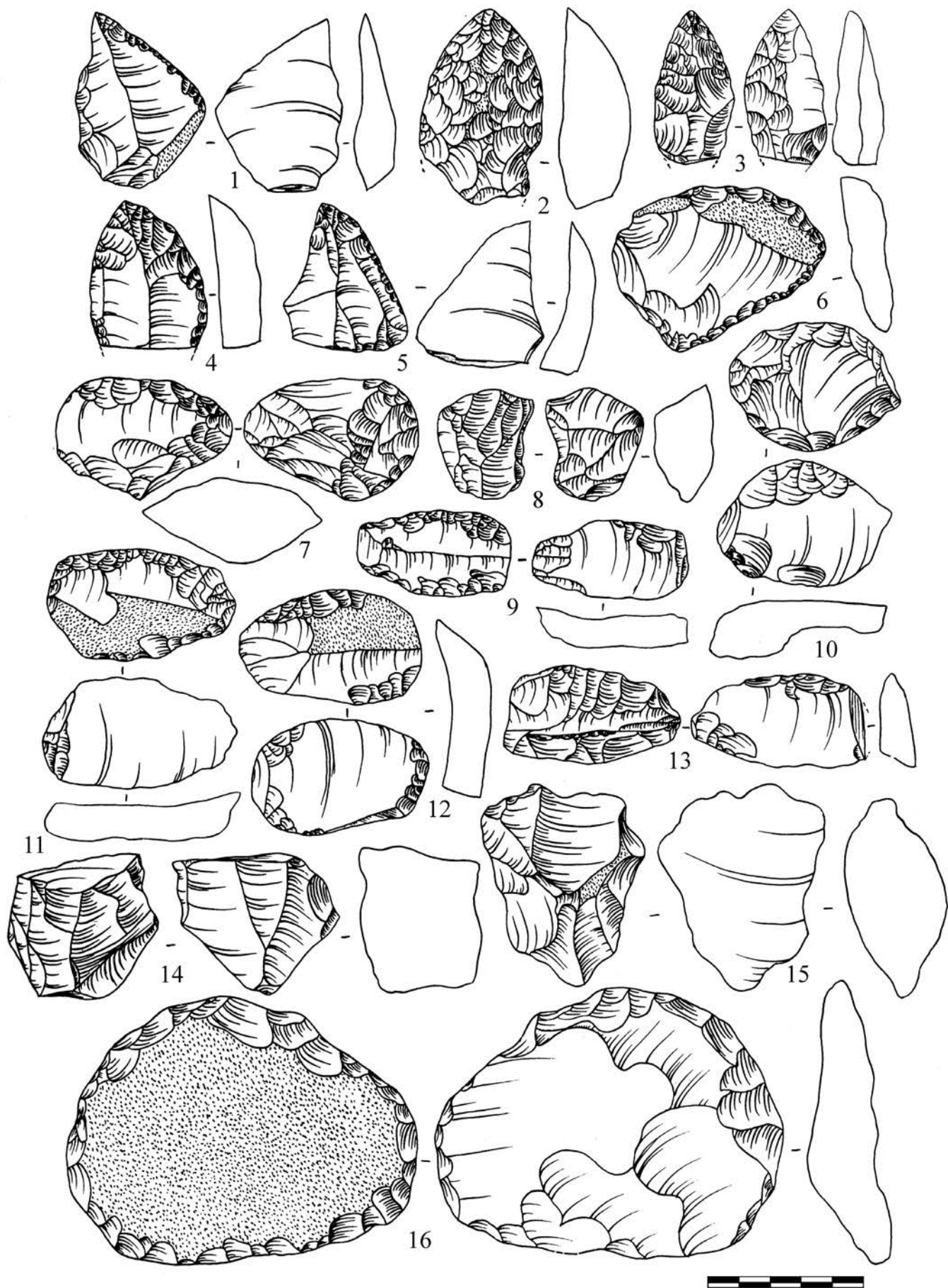

Рис. 23. Костенки 8 (Тельманская стоянка). I культурный слой. Кремневый инвентарь: 1–5 – ручные острия; 6–7, 9–13, 16 – скребловидные орудия; 8, 14, 15 – призматические нуклеусы и скол с нуклеуса

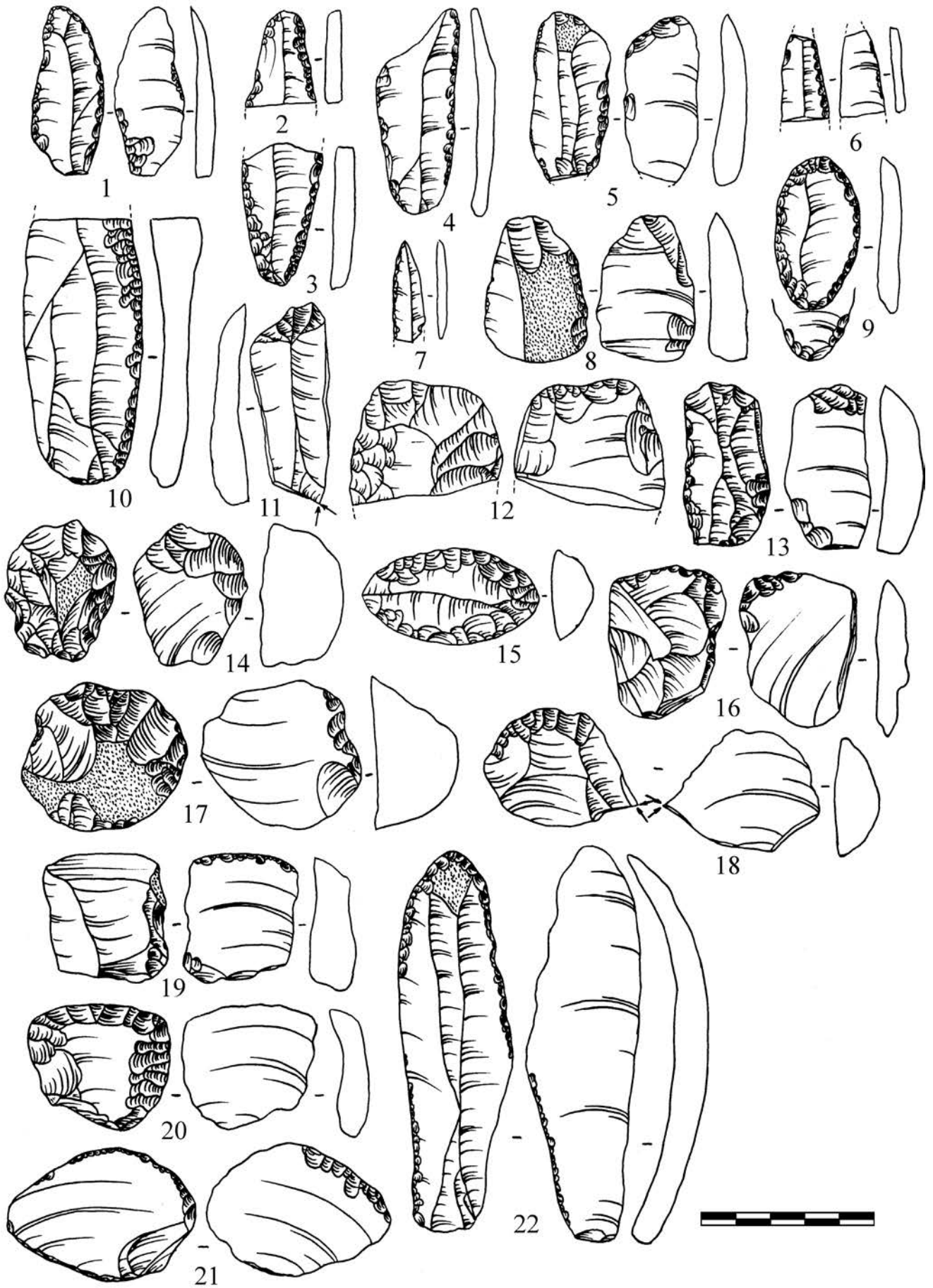

Рис. 24. Костенки 8 (Тельманская стоянка). I культурный слой. Кремневый инвентарь: 1–7, 10, 22 – ретушированные пластины; 14, 15, 17, 18, 20 – скребки на отщепах; 8, 12, 16, 19 – долотовидные орудия; 11–13 – концевые скребки; 21 – ретушированный отщеп

снятия резцового скола. Резцы составляют крупную группу кремневых орудий этого поселения (табл. 6), причем многие из них являются вторично использованными орудиями. Поэтому резцы нередко носят следы предшествующей ретуши. Подавляющее большинство их ограничивается 4–5 см в длину при ширине 2,5–3 см. Только отдельные экземпляры достигают более значительных размеров (7 см в длину). Изготовлены они в основном из пластин.

Среди этого типа орудий выделяются следующие группы: резцы угловые, срединные, боковые, срединные многофасеточные и комбинированные.

Самой многочисленной группой являются угловые резцы, в том числе 7 двойных (рис. 25: 1–5, 7, 8). Среди них лишь 15 экземпляров не имеют ретуши по краям пластин. Резцов на углу сломанных отщепов очень мало (рис. 25: 6).

За угловыми резцами по своему количеству следуют резцы срединные, но поскольку многие из них сделаны на листовидных остриях, а их резцовые сколы зачастую плоские, т. е. сильно развернуты в сторону брюшка, то, вероятнее всего, они не использовались по своему прямому назначению. Как мы уже отмечали выше, техникой резцового скола в этом случае могли подправлять сработанное острие или оформлять черешок для закрепления в рукояти. Поэтому такие орудия учтены в группе листовидных острий, а не в группе резцов.

Насчитывается 11 целых и 13 обломков листовидных острий в сочетании со срединными резцами. Различаются простые срединные резцы (рис. 25: 10, 15, 26) и срединные на углу пластин (рис. 25: 9, 12, 17). Имеется лишь 1 двойной экземпляр (рис. 25: 11), и только 10 сделаны на пластинах без ретуши. Срединных резцов на отщепках очень мало (рис. 25: 11).

Следующими типами резцов, представленных в нашей коллекции, являются боковые. Сюда не причислены по вышеизложенным соображениям те, которые сделаны на верхних концах листовидных острий (11 экземпляров, в том числе 1 целый). Среди боковых резцов различаются прямо и косо ретушированные (рис. 25: 14, 16, 19, 20), причем лишь один сделан на пластине без ретуши по краям (рис. 25: 13). Имеется два двойных экземпляра (рис. 25: 16), 8 боковых резцов сделаны на отщепках (рис. 25: 18).

Меньше всего обнаружено срединных многофасеточных резцов. Они представлены простыми резцами на ретушированных отщепках (1 двойной) и ретушированной по краю пластине (рис. 25: 21, 23, 27), а также срединным мно-

гофасеточным на углу пластины без ретуши по краям (рис. 25: 22).

В нашей коллекции имеются и комбинированные резцы. Среди них различаются угловые-срединные (рис. 25: 24), угловые-боковые (рис. 25: 25) и боковые-срединные (рис. 25: 28). Все сделаны на ретушированных пластинах, за исключением одного.

Многочисленность резцов объясняется не тем, что изготовление этих орудий обитателями поселения было главной целью при обработке кремня. По мере срабатывания ими после поломки других орудий их обломки использовались в качестве материала для получения резцов. Более того, срединные и боковые резцы в сочетании с листовидными остриями, скорее всего, не служили по своему прямому назначению, как это уже отмечалось выше.

В отличие от других режущих орудий, резцы поселения лишь в редких случаях имеют на своем рабочем конце следы заполированности, несмотря на то что они предназначались, как известно, для обработки твердых материалов, в первую очередь кости. Очевидно, лезвие резца не успевало заполироваться, как его вновь оживляли новыми сколами. В культурном слое наряду с резцами найден 261 резцовый скол, из них 185 имеют на себе следы предшествующей ретуши. Размеры их сильно колеблются — от 6,5 до 1,6 см. Эти колебания зависят как от величины пластин, превращавшихся в резцы, так и от характера самого резцового скола. Интересно отметить, что ряд резцовых сколов обнаруживает на своем остром кончике залощенность. Вполне вероятно, что эти отбросы обработки кремня затем вторично использовались в качестве прокаливающих, а может быть, и режущих орудий.

В инвентаре Тельманской полуземлянки почти отсутствуют столь обычные, встречающиеся почти на всех поселениях верхнепалеолитического времени концевые скребки на пластинах. В нашей коллекции таких скребков всего лишь 4 экземпляра, причем 1 из них имеет немного скошенный рабочий край, а на противоположном конце — срединный резец на углу пластины (рис. 24: 11). Он же является единственным, сделанным на неретушированной пластине. Один концевой скребок кроме ретуши по краям имеет подправку с брюшка у рабочего края и на нижнем конце (рис. 24: 13).

Остальные скребки малотипичны, они изготовлены из отщепов. Среди них 3 по форме рабочего края близки к концевым скребкам, причем 2 из них имеют по бокам ретушь со спинки, а 1 сочетается со срединным резцом (рис. 24: 18, 20).

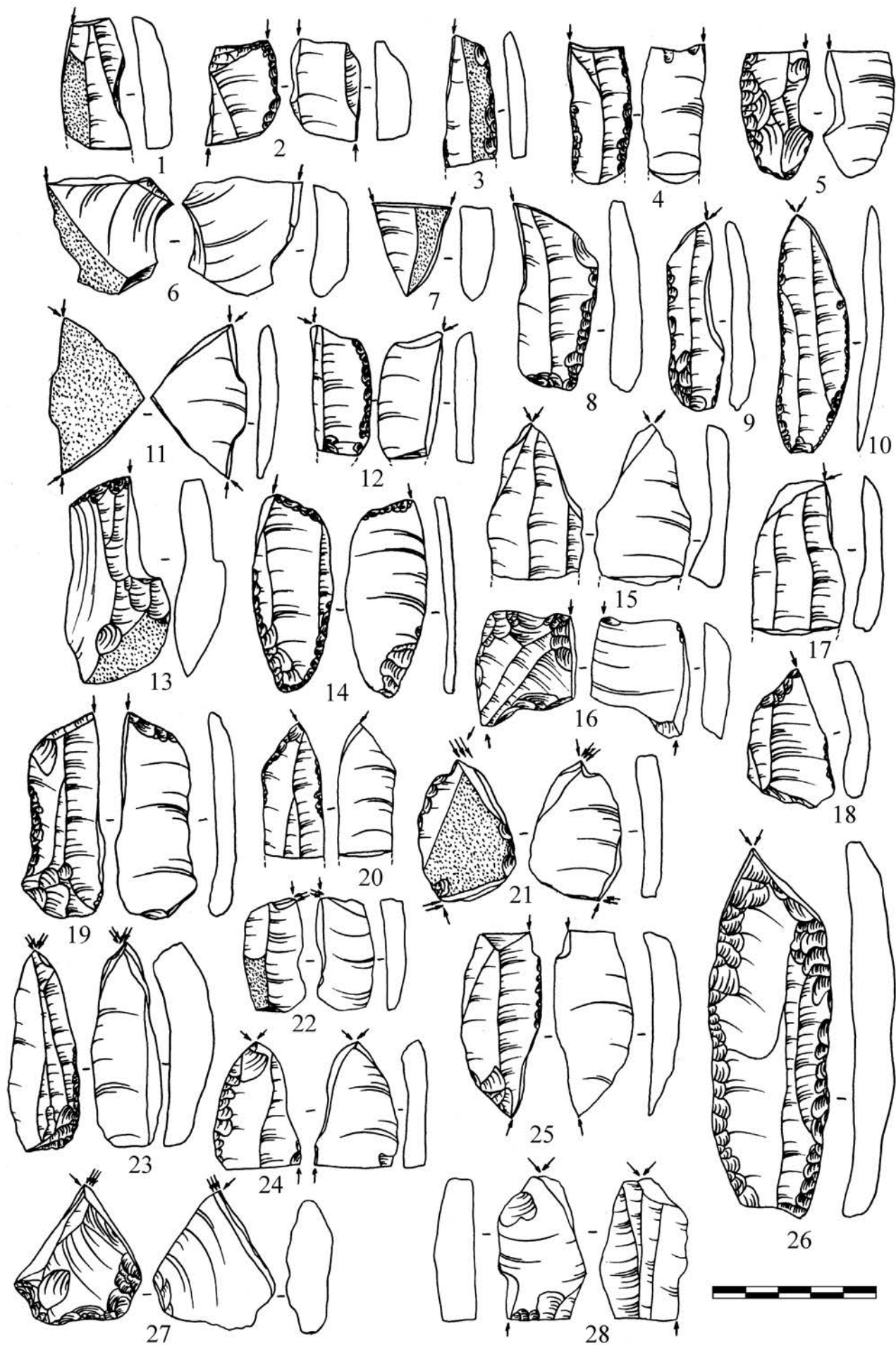

Рис. 25. Костенки 8 (Тельманская стоянка). I культурный слой. Кремневый инвентарь. Резцы

3 скребка изготовлены из массивных отщепов округлой формы и имеют с брюшка подтеску по одному краю (рис. 24: 14, 17); рабочие края их оформлены по типу высоких скребков. Еще 8 скребков сделаны на отщепах овальной формы, из них 2 оформлены ретушью по всему овалу, а 1, кроме того, имеет подправку на конце с брюшка (рис. 24: 9, 15).

К скребкам примыкают скребловидные орудия, изготовленные из отщепов овальных очертаний и пластинчатых форм (табл. 6). Рабочие лезвия оформлены крупной ретушью по одному или обоим длинным краям отщепов (рис. 23: 6, 7, 9–13). Почти все имеют в той или иной степени подправку с брюшка, как правило, снимающую ударный бугорок, а нередко и подправляющую рабочий край. Один из концов скребловидных орудий в большинстве случаев уплощен с помощью ретуши (это хорошо видно на рисунке их профилей) и мог употребляться в качестве режущего. Такую же функцию, а также функцию сверления, мог выполнять довольно толстый и короткий выступ в виде шипа, имеющийся иногда на конце этих орудий (рис. 23: 10). От жальца прокол он отличается значительной шириной и толщиной. Особо следует отметить одно орудие этого типа, изготовленное из крупного массивного отщепа овальных очертаний. Его размеры 11,5×9 см (рис. 23: 16). На спинке полностью сохранилась желвачная корка. Рабочий край оформлен крупной ретушью по всему овалу со спинки и с брюшка. На брюшке имеются, кроме того, следы нескольких крупных сколов. Скребки и скребловидные орудия выполняли, очевидно, широкие функции — скребущих, скоблящих, а иногда, возможно, режущих и сверлящих орудий.

Своеобразную небольшую группу образуют долотовидные орудия (табл. 6). Все они изготовлены из отщепов подпрямоугольной формы, имеющих 4–6 см в длину при ширине 3–4 см (рис. 24: 8, 12, 16, 19). Рабочее лезвие оформлено на одном из более коротких краев отщепа с помощью подтески или ретуши с одной или двух сторон. Некоторые имеют ретушь по краю. Вероятно, они употреблялись в качестве рубящих или раскалывающих орудий. Каждый из вышеуказанных типов орудий можно было бы, очевидно, пополнить еще их обломками. Но дело в том, что 107 обломков орудий со следами вторичной обработки, найденные в культурном слое полуземлянки, не поддаются точному определению.

Следует отметить, что первый культурный слой Тельманской стоянки по результа-

там раскопок 1937 г. был описан в совместной статье П. П. Ефименко и П. И. Борисковского (Ефименко, Борисковский, 1957). Наша интерпретация отдельных типов орудий в инвентаре первого слоя отличается от интерпретации, предложенной этими авторами. Не представляется возможным рассматривать как мустьерские остроконечники орудия, которые являются, на наш взгляд, лишь разновидностью листовидных острий в их более грубой и укороченной форме и названы ручными остриями. В пользу этого свидетельствует одинаковый характер ретуши, оформляющей все острия, и одинаковый способ обработки их рабочего конца (ср. рис. 22: 1, 2, 5, 12, 20, 25 и рис. 23: 1–5). Различие только в форме заготовок. Листовидные острия изготовлены из массивных или, наоборот, из довольно тонких пластин, а ручные острия — из отщепов. Причем треугольная форма отдельных отщепов не является еще достаточным основанием, чтобы говорить о наличии здесь пережитков мустьерской техники. Ядрищ мустьерского характера в инвентаре первого слоя не обнаружено.

Среди резцов П. П. Ефименко и П. И. Борисковский выделяют резцы особого типа, которые функционально близки к режущим остриям. Так как последнему обстоятельству не противоречат ни форма этих орудий, ни характер их обработки, они отнесены нами к листовидным остриям, рабочие концы которых подправлены плоскими резцовыми сколами. Такое явление обычно для листовидных острий первого слоя (рис. 22: 13, 15–19; ср. Ефименко, Борисковский, 1957, рис. 17: 3, 11).

Итак, в основе кремневого комплекса Тельманской полуземлянки лежат удлиненные пластины, отколотые от призматических ядрищ. Последние представлены здесь лишь небольшим числом (20) предельно сработанных ядрищ и поперечных сколов с них (рис. 23: 8, 14, 15). Некоторые из них могли употребляться в качестве случайных орудий.

Среди расщепленных кремней и других материалов без следов вторичной обработки в инвентаре полуземлянки имеются 37 кремневых пластин и 282 их обломка, 10 кремневых микропластин и 33 их обломка, 2 обломка кварцитовых пластин, 1 сланцевая пластина, 4285 кремневых отщепов и осколков, 5 кварцитовых отщепов, 1 обломок сланца.

Таким образом, как это явствует из приведенного выше описания, кремневый инвентарь Тельманской полуземлянки весьма своеобразен. В нем полностью или почти полностью

отсутствуют такие характерные позднепалеолитические орудия, как концевые скребки, проколки, геометрические формы орудий, микропластинки с притупленным краем и т. п., хорошо представленные в других позднепалеолитических поселениях, например во втором культурном слое Тельманской стоянки, следовательно, набор орудий в типологическом отношении в инвентаре полуземлянки весьма ограничен. Но это совсем не значит, что виды работ, выполнявшихся обитателями поселения, были столь же ограниченными. Просто некоторые орудия выполняли совмещенные функции нескольких типов орудий. Например, скребловидные орудия могли выполнять функции скребущих, скобящих, а иногда режущих и сверлящих орудий. В качестве прокалывающих использовались отбросы производства — резцовые сколы, представленные на поселении в большом количестве. Для изготовления резцов очень часто вторично использовались обломки других орудий. Таким образом, создается впечатление, что обитатели поселения вынуждены были экономить материал, возможно, в связи с трудностью добычи такого высококачественного кремня, из которого они изготавливали свои орудия. Быть может, в пользу этого говорит и тот факт, что немногочисленные ядрища, обнаруженные на поселении, оказались предельно сработанными, а также то обстоятельство, что среди расщепленного кремневого материала без следов вторичной обработки пластин-заготовок имеется сравнительно немного, а отщепы, пригодные для изготовления орудий, представлены вообще единичными экземплярами. Последнее обстоятельство очень хорошо согласуется с тем, что кремневый инвентарь Тельманской полуземлянки изготовлен приблизительно на 80% из удлиненных, довольно правильной формы пластин. У обитателей поселения отсутствовал навык получения именно и только тонких пластин-заготовок, как это имело место, например, во втором культурном слое Тельманской стоянки. В инвентаре полуземлянки тонкие пластины очень часто сочетаются с довольно массивными, но техника обработки орудий высока. Для изготовления орудий обитатели поселения, очень разумно комбинируя, использовали приемы широкой и плоской, крупной и мелкой ретуши, подтески. Очень широко применялась техника резцового скола. При всем своеобразии кремневый комплекс Тельманской полуземлянки сохраняет типичные черты верхнепалеолитической эпохи, причем отнюдь не раннего периода этой эпохи.

3. Костяной инвентарь

Количество костяных изделий в инвентаре поселения очень незначительно. Это объясняется как тем, что костяные изделия как более ценные были унесены обитателями поселения, так и тем, что костяной инвентарь полуземлянки, очевидно, вообще не отличался большим разнообразием форм. Кстати, с подобной картиной мы сталкиваемся и при исследовании костяного инвентаря второго культурного слоя Тельманской стоянки, что совершенно не соответствует богатству кремневого инвентаря этого же слоя. Костяные изделия Тельманской полуземлянки представлены в основном лишь остриями и закругленными, заглаженными на конце обломками ребер животных, превращенных в ложила.

Острия в костяном инвентаре поселения представлены в количестве 9 экземпляров. Они сделаны из стенок трубчатых костей, сохранивших на своей внутренней стороне характерную губчатую поверхность. Рабочий конец этих орудий заострен, вероятно, путем обстругивания с двух сторон, а затем заполирован (рис. 26: 1–4). У большинства экземпляров острый конец сохранился, в то время как противоположный часто обломан, быть может в процессе работы. В сечении все они уплощенные. Длина самого крупного острия, сохранившегося целиком, — 12 см, ширина в основании 1,4 см при толщине 0,3 см (рис. 26: 1). Рабочий конец его тщательно заострен и отшлифован, противоположный закруглен и слегка заточен.

Другую категорию костяных орудий Тельманской полуземлянки составляют ложила в количестве 18 экземпляров. Это более или менее крупные обломки ребер животных, иногда продольно расколотые, закругленные и уплощенные на одном конце. На некоторых из них на закругленном рабочем конце видны продольные штрихи, получившиеся в результате употребления этих орудий для каких-то производственных целей (рис. 26: 7, 8). На одном ложиле, на конце, противоположном рабочему, очень хорошо видны следы подрезов с обеих сторон ребра, для того чтобы его было легче переломить именно в этом месте (рис. 26: 7). Особенно интересным среди них является крупное целое, дугообразно изогнутое ребро мамонта, закругленное, слегка заостренное и заполированное на одном конце. Этот рабочий конец с одной стороны уплощен, с противоположной — выпуклый, в соответствии со строением ребра. Размеры орудия: длина — 58 см, длина по хорде — 47 см, средняя ширина — 3,5 см.

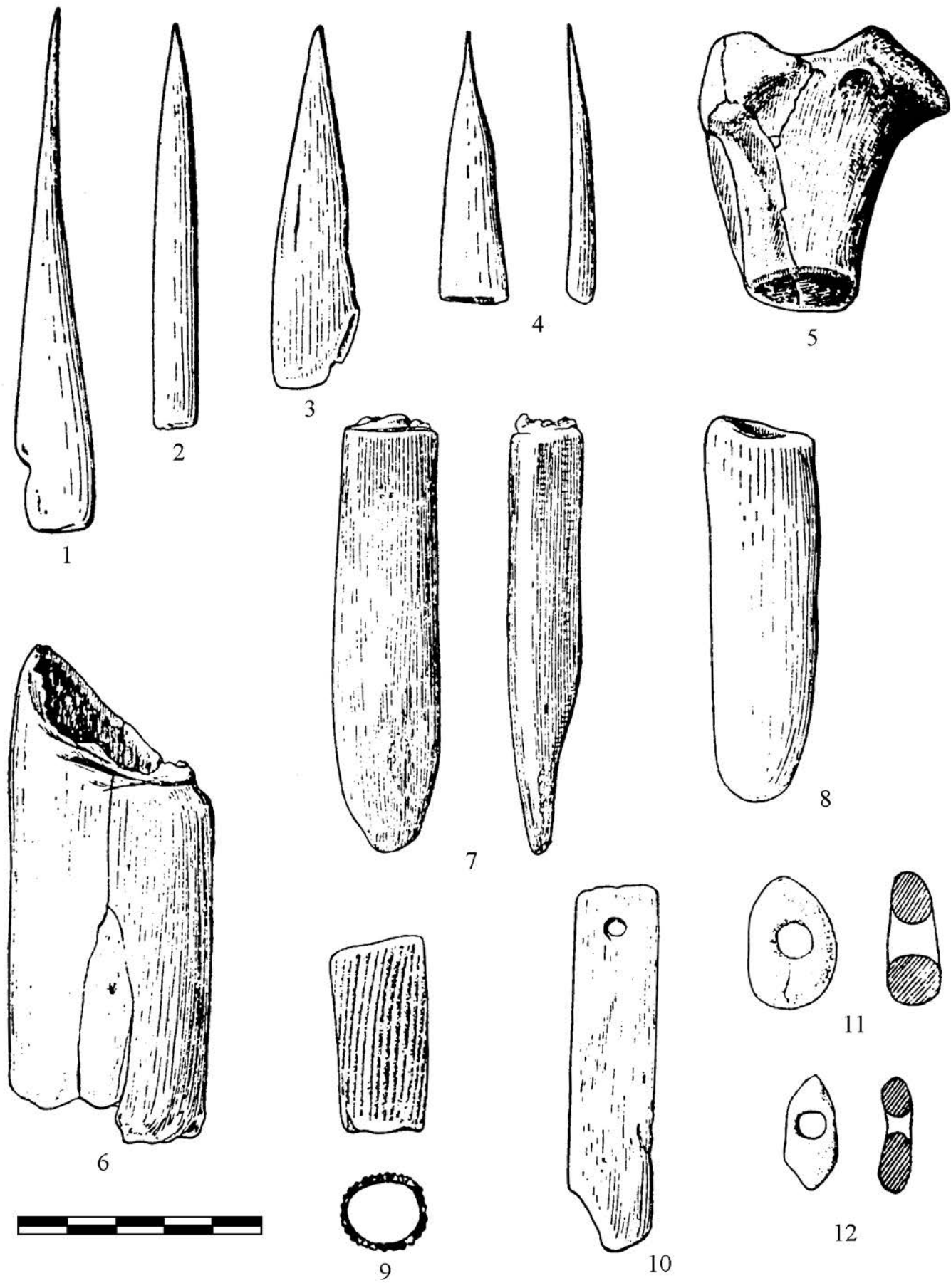

Рис. 26. Костенки 8 (Тельманская стоянка). I культурный слой. Костяной инвентарь: 1-4 — острия; 5, 6 — обломки костей со следами резания; 7, 8 — ложила; 9-12 — украшения

Кость в качестве материала для подобных изделий довольно широко использовалась обитателями Тельманской полуземлянки. Об этом свидетельствуют найденные в культурном слое многочисленные обломки костей со следами раскалывания и резания (рис. 26: 5, 6). Очень часто обломки ребер носят на своей поверхности глубокие, врезанные кремневым резцом желобки в том месте, где ребро разламывали. Наряду с обломками ребер среди подобных остатков отмечено несколько обломков оленьего рога, срезаемых на обоих концах, — возможно, заготовки втулок-рукояток. Имеется тонкий осколок трубчатой кости или ребра мамонта длиной около 10 см со слегка подточенным и сильно заполированным от работы полукруглым краем. Судя по заполированности и исключительной тонкости этого осколка, можно полагать, что он употреблялся в качестве ножа для разделки мяса.

Столь же немногочисленны костяные подвески и украшения. К ним относятся 3 просверленных у основания клычка песка, носившихся в качестве подвесок или нашивавшихся на одежду. Сюда же можно причислить 3 подвески из бивня мамонта неправильных овальных очертаний, довольно толстые (0,7–1,2 см толщиной), со сравнительно широким круглым отверстием, прорезанным с двух сторон (рис. 26: 11, 12), причем одна из этих подвесок с отломанным по отверстию ушком, а нижний конец ее отрезан и заглажен. Четвертый овальный экземпляр, но без отверстия, быть может, представляет собой заготовку такой же подвески.

К украшениям примыкают плоский прямоугольный обломок косточки с небольшим отверстием на одном конце (рис. 26: 10) и две небольшие трубчатые кости, ровно и тщательно обрезанные на обоих концах и превращенные в короткие трубки. Одна из них по всей поверхности орнаментирована врезанными продольными бороздами (рис. 26: 9).

Несколько обломков костей, судя по находящимся на их поверхности вмятинам и бороздам, служили наковаленками при обработке кремня.

Имеется 2 фрагмента ребер крупного животного, разрезанных поперек и имеющих у отрезанных концов характерные для каменных и костяных ретушеров изъяны.

Кроме этого, следует отметить находку 3 мелких обломков стержня из мергеля.

В культурном слое были встречены многочисленные обломки и плитки песчаника, которые, вероятно, служили наковальнями и шлифовальниками для обработки костяных орудий. Обнаружена небольшая овальная галька, начатая сверлением.

4. К вопросу о культурной принадлежности первого слоя Тельманской стоянки

Как уже отмечалось выше, кремневый инвентарь поселения весьма своеобразен. Основным типом орудий, входящих в состав этого инвентаря, являются листовидные острия, изготовленные из удлиненных пластин с помощью так называемых «солотрейских» приемов ретуширования кремня. Сходный тип орудий, изготовленных с помощью плоской ретуши нередко в сочетании с применением техники резцового скола, как это имеет место и на Тельманском поселении, обнаружен в верхнем культурном слое Александровской стоянки (Рогачев, 1955а). Во всем остальном состав этих коллекций различен, но сходство между верхними культурными слоями Тельманской и Александровской стоянок хорошо прослеживается кроме того в характере их жилищ. На обоих памятниках жилища имеют округлую форму, углублены в землю, для их строительства применялись, помимо прочего материала, крупные кости мамонта; в центре жилищ имеется по одному очагу округлых очертаний, немного углубленному в землю; в полу жилищ обнаружены хозяйственные ямы, заполненные обычными остатками культурного слоя; расположение входа в эти жилища с западной стороны и скопление культурных остатков у входа вне жилищ, что может свидетельствовать о существовании и тут и там легких пристроек типа сеней, утеплявших вход в жилища в холодное время года; и, наконец, наличие в заполнении этих жилищ черепов льва, обнаруженных недалеко от входа и размещавшихся, быть может, на кровле жилищ над входом. Все эти факты позволяют сделать вывод о существующей генетической связи культуры указанных памятников, причем верхний слой Тельманской стоянки, по-видимому, предшествует круглым жилищам Александровки, залегавшим в отложениях первой надпойменной террасы и давшим нам более богатый кремневый, сланцевый и костяной инвентарь. Эти поселения, как справедливо отметил А. Н. Рогачев, несомненно, принадлежат к одному и тому же костенковско-александровскому типу верхнепалеолитических памятников, который отличается от костенковско-авдеевского и костенковско-стрелецкого типов как по форме жилищ, так и по характеру инвентаря.

С другой стороны, обращает на себя внимание большое сходство кремневого инвентаря верхнего культурного слоя Тельманской стоянки и ежмановской культуры в Польше, представленной

там 6–4-м культурными слоями в пещере Нетопежова (Chmielewski, 1961). Инвентарь указанных культурных слоев польской пещеры немногочислен и состоит почти из одних листовидных острий. Скорее всего, это было стойбище охотников на пещерных медведей, костные остатки которых в изобилии обнаружены в отложениях пещеры. Сходство между основным типом орудий — листовидными остриями Тельманского поселения и таковыми из пещеры Нетопежова — поразительное. Оно прослеживается и в форме заготовок (удлиненные довольно массивные пластины, сколотые с призматических ядрищ), и в форме верхних и нижних концов листовидных острий (заостренных или слегка закругленных), и в применении на обеих стоянках приема плоской ретуши при оформлении этих острий, очень часто расположенной только у острого конца и у основания с одной или двух сторон орудия. Даже случаи подправки острых концов листовидных острий с помощью резцового скола также имеют место в памятниках ежмановской культуры. Сходство между культурой верхнего слоя Тельманской стоянки и ежмановской культурой наблюдается и в таких характерных деталях: обломки орудий, в частности листовидных острий, на обоих памятниках превращались в резцы, один тип орудий выполнял функции нескольких типов орудий. Например, на Тельманской стоянке листовидные острия применялись в качестве наконечников охотничьих орудий, а также в качестве колющих и режущих орудий, скребловидные орудия выполняли функции скребущих, скоблящих, режущих орудий; листовидные острия пещеры Нетопежова употреблялись в качестве наконечников охотничьих орудий, в качестве ножей, скребел и скребков, атипичные скребловидные орудия польской пещеры, представленные единичными экземплярами, выполняли и функции скребков. Все эти факты свидетельствуют о существующем сходстве культуры верхнего слоя

Тельманской стоянки и 6–4 культурных слоев пещеры Нетопежова, что дает возможность говорить о наличии костенковско-ежмановского типа памятников. При этом Тельманское поселение является более поздним по сравнению с 6–4-м культурными слоями пещеры Нетопежова. Это подтверждается следующими фактами: в инвентаре Тельманской стоянки отсутствуют типичные двухсторонне обработанные листовидные острия (плоская ретушь оформляет в основном острый конец и основание орудий), а в польской пещере они имеются, размеры заготовок для листовидных острий на Тельманской стоянке более мелкие, в пещере Нетопежова отсутствуют великолепные наконечники с черешком, нет там и такого разнообразия резцов, как на нашей стоянке. В. Хмелевский, высказавший мнение относительно более позднего возраста Тельманского поселения по сравнению с 6–4-м культурными слоями пещеры Нетопежова, абсолютно прав (Chmielewski, 1961). В подтверждение своего вывода В. Хмелевский освещает картину эволюции культурных слоев в пещере Нетопежова, последовательно перекрывающих друг друга (6-й, 5-й и 4-й слои) и относящихся к одной ежмановской культуре. От нижележащего к вышележащему слою наблюдается тенденция к уменьшению размера заготовок, уменьшению типичных двухсторонне обработанных плоской ретушью листовидных острий, наконец, в самом молодом из этих слоев (4) наблюдается тенденция к выделению черешка у листовидных острий, в то время как на Тельманском поселении острия с черешком представлены уже великолепной серией этих орудий (Chmielewski, 1961: 53, 54). Говорить в данном случае о генетической связи культуры Тельманской стоянки и пещеры Нетопежова затруднительно, так как инвентарь польской пещеры состоит почти из одних листовидных острий, хронологический разрыв между этими памятниками велик, а промежуточных памятников пока не обнаружено.

ГЛАВА V

ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ Iа КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ

В полевом дневнике за 1950 г. мы встречаем такую запись: «На кв. в-48 на 45 см выше уровня пола второго культурного слоя, в чистом суглинке расчищены локтевая и лучевая кости крупного животного и примыкавшие кости стопы в анатомическом порядке. Эти находки залегают на одном уровне с костью предплечья крупного животного на кв. б-46, крупным обломком ребра мамонта на кв. а-45, осколком кости на кв. г-45, крупным осколком камня на кв. г-48 и двумя крупными осколками кремня, залегающими рядом на кв. А-46» (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 18).

Значительно позже, во время исследования Тельманской стоянки в 1959 г., на территории раскопа на кв. А-Г-63–69 в чистом лессовидном суглинке выше верхней гумусированной прослойки были обнаружены культурные остатки, которые залежали на 40–70 см выше уровня второго культурного слоя и были отделены от последнего стерильным суглинком (рис. 2, 27, 28). Находки располагались в основном в средней части этого участка на двухметровой полосе, протянувшейся с севера на юг, и были представлены расщепленными кремнями, в том числе

Рис. 27. Костенки 8 (Тельманская стоянка). Iа культурный горизонт. Условия залегания находок. В центре — остатки II культурного слоя, на останцах — находки Iа культурного горизонта. Вид с юго-запада

Рис. 28. Костенки 8 (Тельманская стоянка). Iа культурный горизонт. Уровень залегания находок на разрезе юго-восточного жилища II культурного слоя в направлении ЮЗ–СВ

орудиями, обломками костей животных, в том числе со следами пребывания в огне, небольшими линзочками углистой массы и мелкими кусочками охры (рис. 29). Большая часть находок имела торчащее и круто наклонное положение. Среди костных остатков обнаружены трубчатая кость мамонта без эпифизов, десяток мелких обломков бивня и зуб мамонта, эпифизная часть большой берцовой кости и зуб лошади, а также несколько мелких обломков костей. Две небольшие линзочки углистой массы, очевидно, переложенные остатки кострища, располагались на кв. Г-64 и В-66 (рис. 29).

На этом же уровне в чистом лессовидном суглинке расчищены крупные кости мамонта на кв. БВ-56, В-54, Г-52–53 и Д-51 (рис. 2).

В шурфе 1959 г. на кв. ГД-73 (рис. 2) в таком же стратиграфическом положении, выше верхней гумусированной прослойки (рис. 30), были встречены культурные остатки, представленные двумя трубчатыми костями и обломком трубчатой кости крупного животного, 9 расщепленными кремнями, в том числе 3 орудиями, и мелкими кусочками охры (рис. 31) (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 67, 68).

Описанные находки, залегающие в чистом лессовидном суглинке выше верхней гумусированной прослойки, нельзя отнести ни к первому

культурному слою, залегающему на более высоком уровне в лессовидном суглинке, ни ко второму слою, залегающему под верхней гумусированной прослойкой. От указанных культурных слоев эти находки отличались не только по определенному уровню их залегания, но и по характеру кремневого инвентаря, а от второго слоя их отличала еще и порода кремня, из которого изготовлялись орудия. Совершенно очевидно, что эти находки представляют собой совершенно самостоятельный культурный горизонт, выделенный как Ia. Относительно небольшое число культурных остатков Ia горизонта на исследованной территории Тельманской стоянки может свидетельствовать о том, что поселение это было недолговременным. Если же принять во внимание, что находки были значительно растянуты в толще суглинка по вертикали (мощность горизонта находок около 30–40 см), то можно говорить о залегании их не на месте своего первоначального положения. Впрочем, весьма вероятно, что главное скопление остатков Ia культурного горизонта еще не обнаружено.

Коллекция, собранная на месте залегания этого культурного горизонта, небольшая. В ней насчитывается 108 расщепленных кремней, из них 10 со следами вторичной обработки, в том числе 3 скребка (рис. 32: 1–3). Все три —

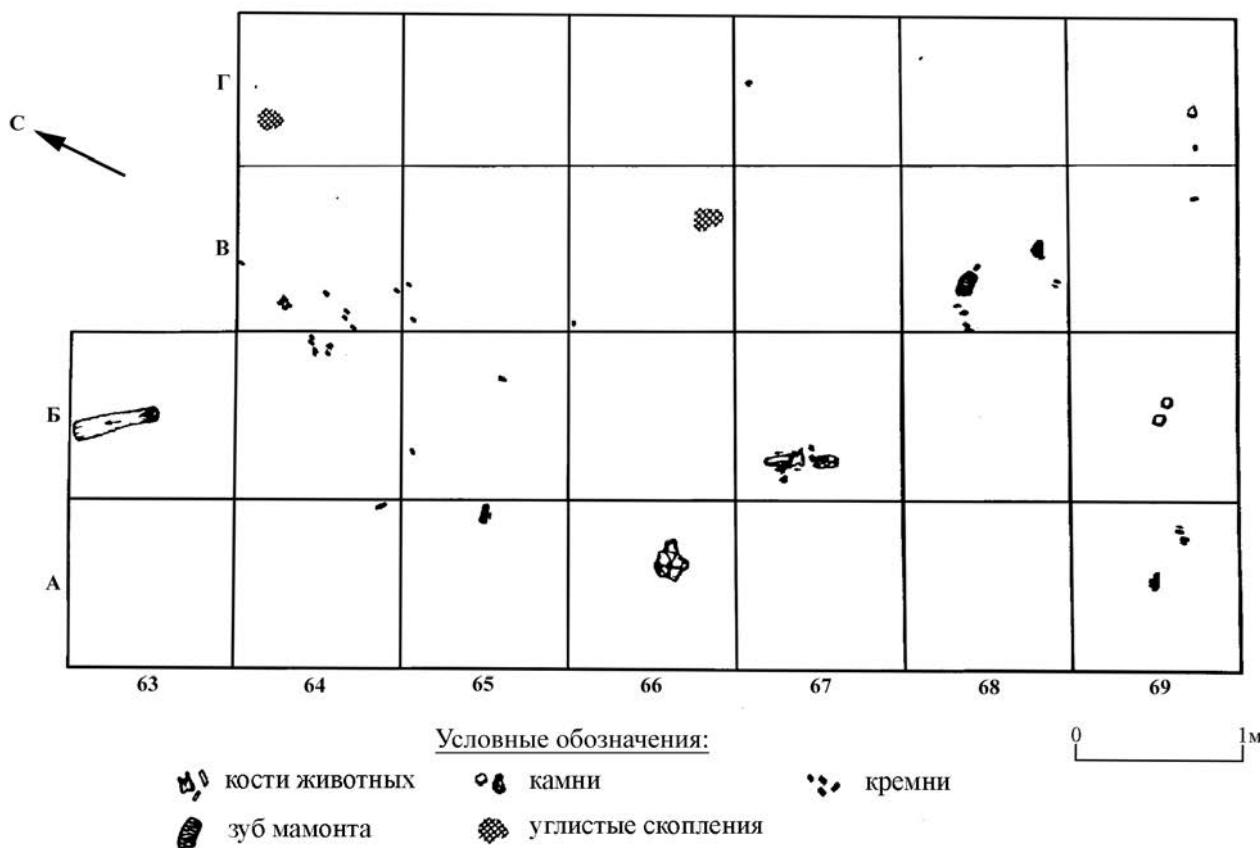
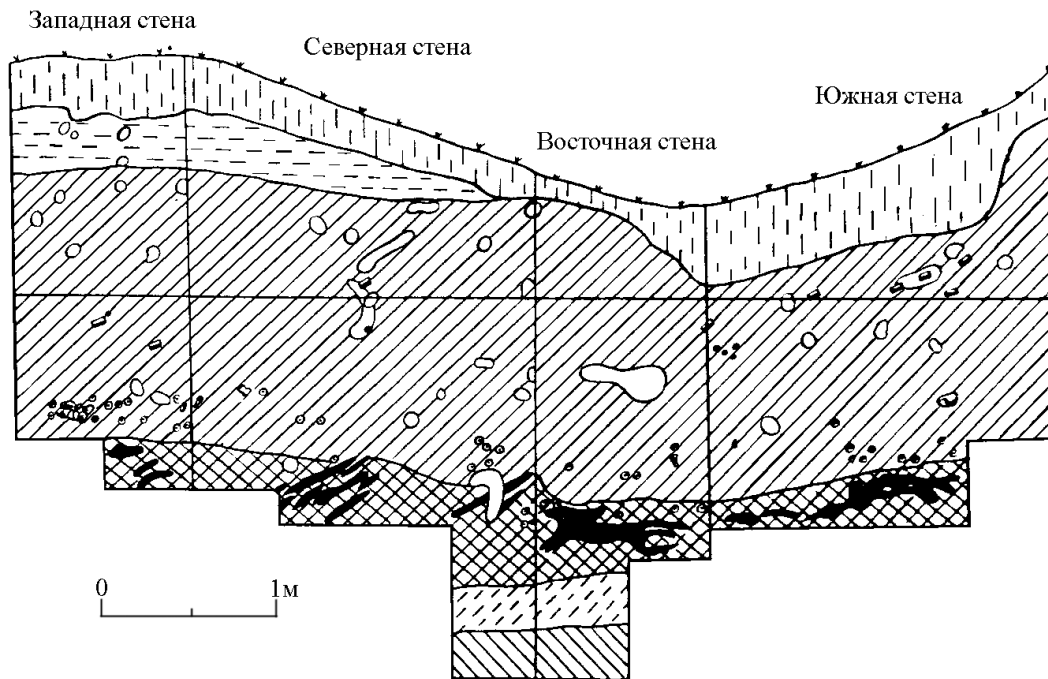

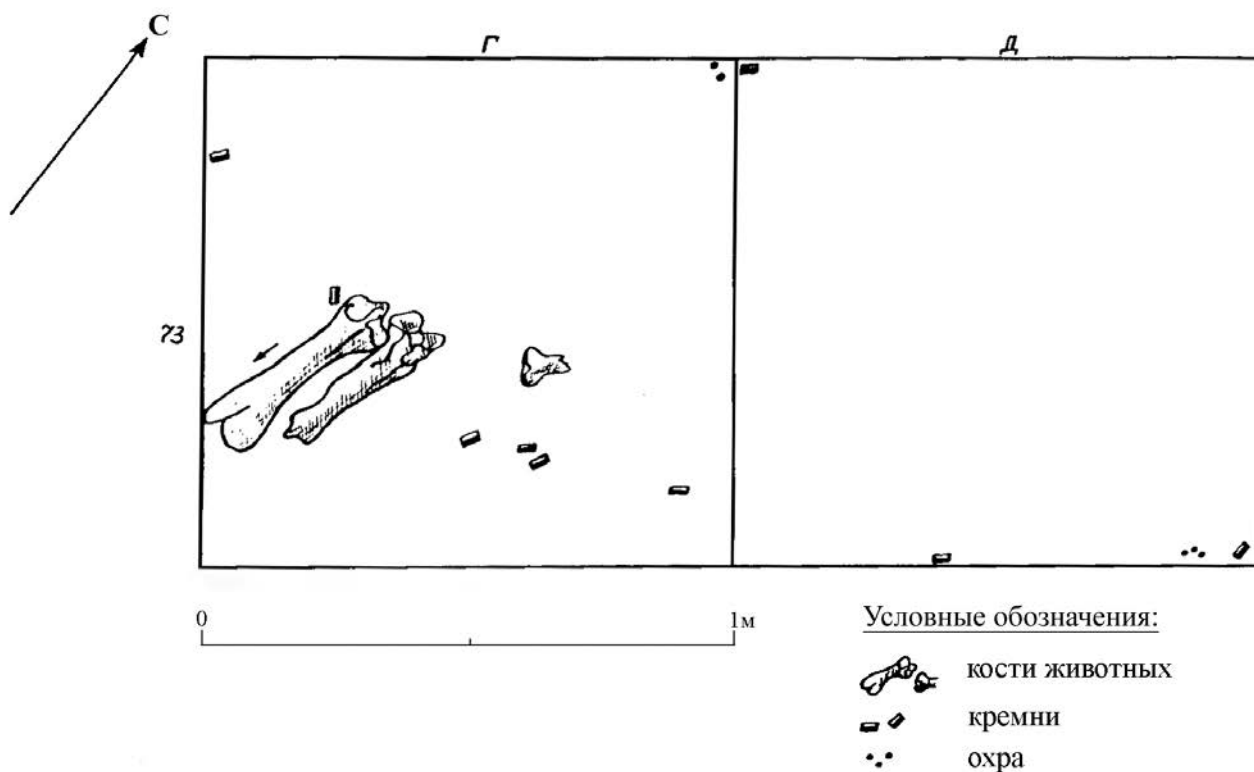
Рис. 29. Костенки 8 (Тельманская стоянка). Ia культурный горизонт. План культурных остатков

Условные обозначения:

	насыпная земля		черные линзы гумуса
	переходный слой		кротовины
	лессовидный суглинок		белоглазка
	верхняя гумусированная толща		кости животных
	песчаный суглинок		кремни
	серо-коричневый суглинок		охра

Рис. 30. Костенки 8 (Тельманская стоянка). Стратиграфическое положение Ia культурного горизонта на разрезе шурфа ГД-73 1959 г.

Условные обозначения:

	кости животных
	кремни
	охра

Рис. 31. Костенки 8 (Тельманская стоянка). Ia культурный горизонт. План культурных остатков в шурфе ГД-73 1959 г.

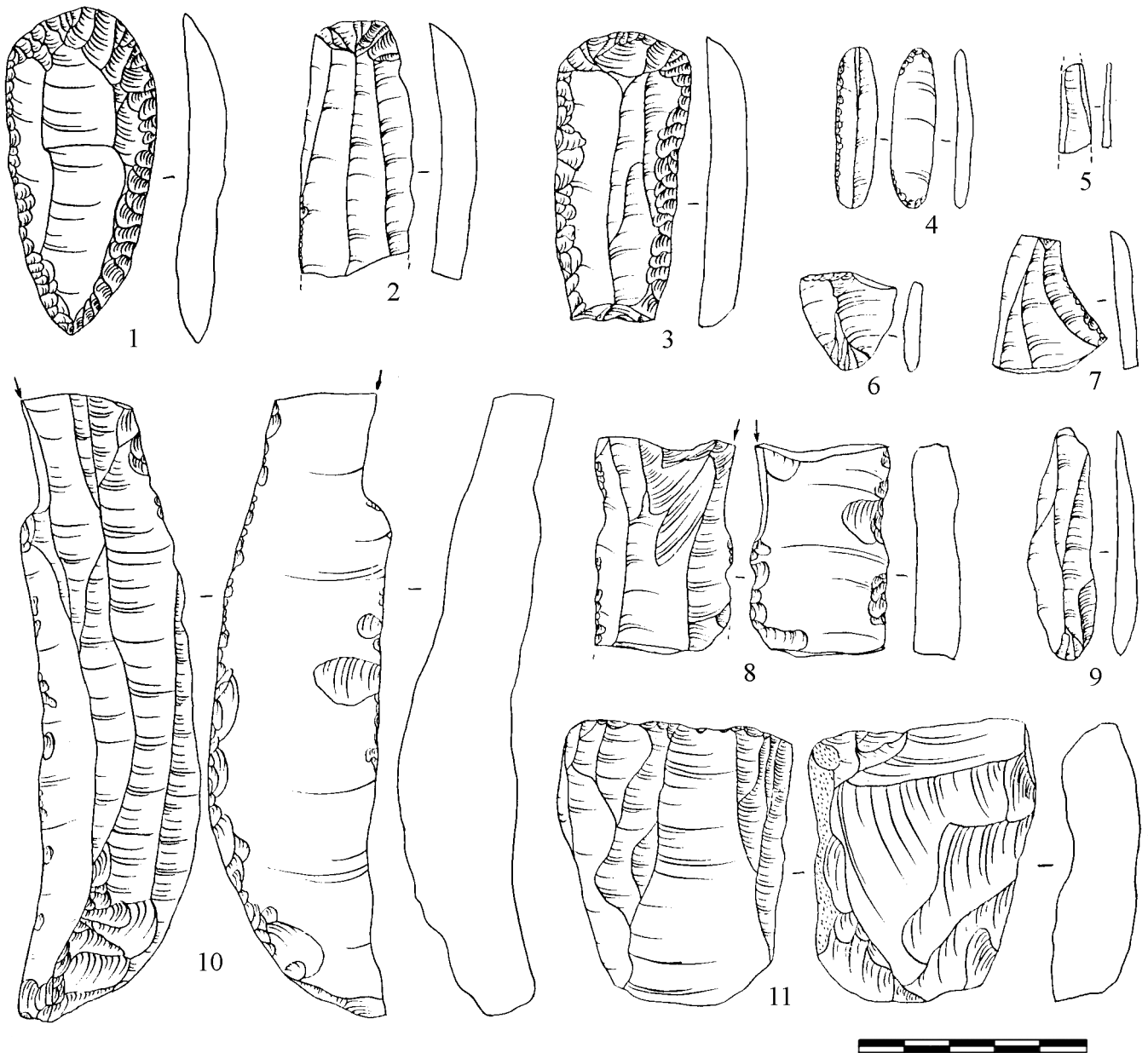

Рис. 32. Костенки 8 (Тельманская стоянка). Ia культурный горизонт. Кремневый инвентарь: 1–3 — концевые скребки; 4, 5 — микропластинки; 6, 7 — обломки пластин с ретушью; 8, 10 — угловые резцы; 9 — пластина; 11 — призматический нуклеус

концевые и сделаны на правильных удлиненных пластинах. Один из них является двойным с прямым и выпуклым рабочими краями на концах пластины, тщательно оформленной довольно крупной ретушью по обоим краям. Второй оформлен по краям такой же ретушью, сходящейся на нижнем конце скребка, образуя острие, и, наконец, третий скребок изготовлен на неретушированной пластине. Обнаружено 2 угловых резца. Один из них на довольно массивной пластине, по обоим краям которой со спинки и с брюшка имеются следы неровной частичной ретуши, образовавшейся, скорее всего, естественным путем (рис. 32: 8). Три обломка пластин имеют по краю мелкую ретушь со спинки,

которая могла образоваться и естественным путем (рис. 32: 7). Еще 1 небольшой обломок основания пластины имеет частичную крутую ретушь на линии слома (рис. 32: 6). Обнаружена 1 микропластина с мелкой приостряющей ретушью со спинки по одному краю и такой же ретушью с брюшка на обоих закругленных концах. Ее длина 3,7 см при ширине 0,8 см (рис. 32: 4).

Второй угловой резец сделан на нижнем обломанном конце продольного скола с призматического ядрища. Его длина 14 см, а ширина 3,5 см. По одному краю резца имеется очень неровная с зазубринами ретушь с брюшка, образовавшаяся, очевидно, тоже естественным путем (рис. 32: 10).

Среди расщепленных кремней без следов вторичной обработки следует отметить 2 сильно сработанных призматических ядрища (рис. 32: 11); 4 продольных скола с призматических ядрищ; 8 пластин длиной от 5,2 до 2,4 см при ширине от 1,5 до 1 см (рис. 32: 9); 16 обломков пластин, в том числе 1 из цветного кремня (большинство обломков имеет ширину от 3 до 1,5 см), 1 целую и 7 обломков микропластин (рис. 32: 5); 60 отщепов, из них 27 очень мелкие, остальные среднего размера (самый крупный — 3,5×3 см).

Следует отметить, что большинство орудий было обнаружено у южного края участка с находками Ia культурного горизонта. Единственная микропластина с ретушью залегала у северного края этого участка среди скопления мелких пластинок и отщепов на границе кв. БВ-44 (рис. 29).

Кроме расщепленных кремней в инвентаре Ia культурного горизонта имеется 1 обломок сланца с частично пришлифованной поверхностью с одной стороны (обнаружен в шурфе ГД-73) и еще 2 десятка обломков сланца и известняка.

Среди остатков фауны обнаружен лишь 1 фрагмент кости с частично заполированной поверхностью.

Кремневый инвентарь Ia культурного горизонта отличается от инвентарей вышележащего первого и нижележащего второго культурных слоев Тельманской стоянки. Из 10 орудий, обнаруженных в Ia горизонте, 3 экземпляра являются типичными концевыми скребками, причем 2 из них тщательно обработаны довольно крупной ретушью по обоим краям. В первом же слое концевые скребки почти отсутствуют, а среди единичных экземпляров, которые там все же имеются, нет обработанных по краям такой ретушью. Среди концевых скребков второго слоя подобные также отсутствуют. Довольно массивные пластины, на которых сделаны скребки и резцы Ia горизонта, несвойственны второму слою. Микропластин такого типа, как обнаруженная в единственном экземпляре в Ia горизонте, нет во втором слое, а в первом обработанные микропластины вообще отсутствуют.

С другой стороны, орудия, обнаруженные в Ia культурном горизонте, имеют некоторое сходство с соответствующими типами орудий в инвентаре Бирючьего лога. На стоянке Бирючий лог также были обнаружены концевые

скребки, тщательно оформленные по обоим краям крупной ретушью, на таких же довольно массивных пластинах. В коллекции Бирючьего лога имеется 1 концевой скребок подтреугольной формы, у которого тщательная крупная ретушь по обоим краям сходится на заостренном нижнем конце. По своей внешней форме этот экземпляр напоминает точно так же оформленный концевой скребок из Ia горизонта с острием на противоположном конце пластины. Кстати сказать, эта крупная ретушь не похожа ни на плоскую, так называемую «солотрейскую» ретушь, характерную для первого слоя, ни на крупную полукруглую так называемую «ориньякскую» ретушь, оформлявшую некоторые орудия, в частности концевые скребки и несколько пластин, обнаруженные в третьем и четвертом культурных слоях нашей стоянки. Единственная микропластина Ia культурного горизонта тоже имеет некоторое сходство с немногими микропластинами Бирючьего лога, а именно, у них одинаково оформлены концы, имеющие закругленную форму и мелкую ретушь с брюшка. Правда, край микропластины из Ia горизонта оформлен мелкой приотстригающей ретушью со спинки, а микропластины из Бирючьего лога — крутой притупляющей ретушью. Кремль, из которого изготовляли орудия Ia культурного горизонта, той же породы, что и кремль первого слоя Тельманской стоянки и стоянки Бирючий лог. Проследить дальнейшее сходство инвентарей Ia горизонта и Бирючьего лога, к сожалению, нет возможности из-за слишком малого количества орудий, обнаруженных на первом поселении. Ia горизонт культурных остатков на Тельманской стоянке важен, хотя и труден для понимания из-за небольшого количества материала и не совсем ясных условий его залегания. Более или менее уверенно можно говорить о том, что орудиям Ia горизонта, так же как и орудиям нижележащего второго слоя, несвойственна ни так называемая «солотрейская» техника обработки кремня вышележащего первого слоя, ни так называемая «ориньякская» техника, присущая инвентарю третьего и четвертого культурных слоев Тельманской стоянки. Причем, в свою очередь, инвентарь Ia горизонта и II слоя по всем признакам отличается друг от друга, даже породой кремня, из которого изготовлялись орудия этих поселений.

ГЛАВА VI

ВТОРОЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Второй культурный слой Тельманской стоянки исследован на площади 353 м². Он состоит из группы отдельных скоплений культурных остатков, представленных большим количеством расщепленного кремня, мелкими обломками костей животных (крупные обломки костей встречались очень редко), большим количеством костного и древесного угля и мелкими кусочками охры.

Культурные остатки второго слоя залегают приблизительно на 1 м ниже первого, представляющего собой остатки круглого полуземляного жилища, и находятся непосредственно под верхней гумусированной прослойкой, состоящей из разорванных и покоробленных линз гумусированного суглинка кирпично-красного цвета, получившегося в результате пожара, охватившего огромную площадь мыса. О пожаре свидетельствуют мелкие древесные угольки, которыми насыщена гумусированная прослойка, абсолютно лишенная вместе с тем культурных остатков. Последние залегают несколько ниже, в слабо гумусированном лессовидном суглинке и зачастую приурочены к темным гумусированным линзам, окрашенным красной охрой. От верхней гумусированной прослойки

они отделены 15–20 см стерильного суглинка (рис. 33).

Культурные остатки на исследованной территории второго слоя располагались двумя четкими и тремя менее четкими скоплениями. За пределами этих скоплений находок было значительно меньше, а в некоторых случаях они почти отсутствовали. В средней части каждого из этих пяти линзообразных скоплений культурных остатков была сосредоточена зольная масса, насыщенная мелкими костными и древесными углями, а также расщепленным кремнем со следами пребывания в огне, что указывает на наличие остатков очагов. Несмотря на то что культурные остатки располагались на достаточно выраженном склоне, соответствующем современному, и несмотря на частичную связанную с этим деформацию культурного слоя, находки залежали более или менее компактно. Принимая все это во внимание, можно утверждать, что во втором культурном слое Тельманской стоянки исследованы остатки древних жилищ, слегка углубленных в землю, хотя проследить это во время полевых исследований оказалось не всегда возможным из-за деформации культурного слоя вместе с породой, его вмещающей.

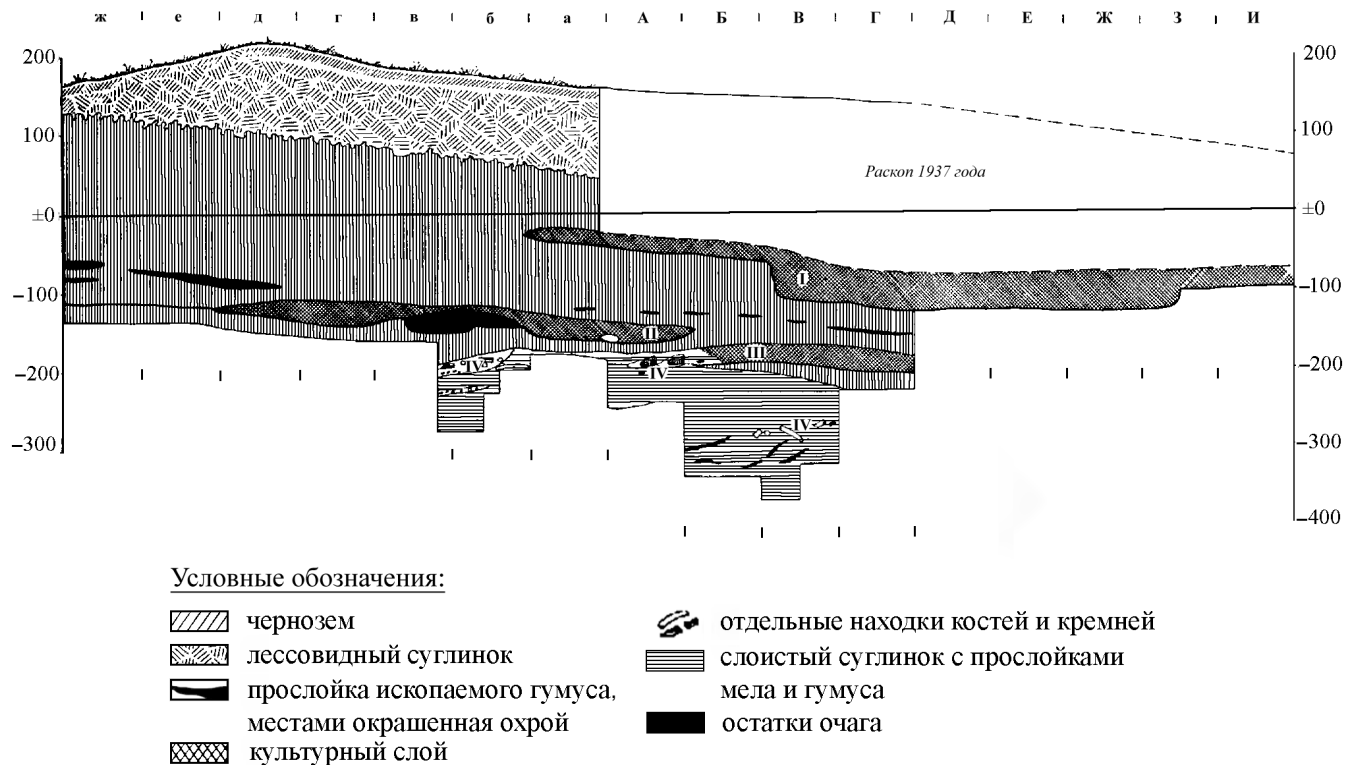

Рис. 33. Костенки 8 (Тельманская стоянка). Стратиграфическое положение I, II, III и IV культурных слоев (разрез по линии кв. 42–43)

Обращает на себя внимание то, что на месте жилищ не было костей крупных животных, в частности мамонта, которые могли бы использоваться в качестве строительного материала, как это имеет место на многих верхнепалеолитических стоянках Восточной Европы. Здесь были обнаружены преимущественно небольшие кости и осколки костей животных, мясом которых питались обитатели поселения. Очевидно, для строительства своих жилищ люди использовали иные материалы, не сохранившиеся до наших дней, — скорее всего, дерево.

1. Описание остатков северного жилища

Северное скопление культурных остатков, имевшее довольно четкие границы, залегало в слабо гумусированном лессовидном суглинке непосредственно под верхней гумусированной прослойкой кирпично-красного цвета (рис. 33). Вот, например, как описаны в дневнике условия залегания культурных остатков этого скопления на участке кв. де-42–43: «На глубине –84 см от 0, на уровне залегания верхней гумусированной прослойки наблюдается скопление черной массы в виде небольших пятен, сплошь окрашенной в красный цвет. На кв. д-42 мощность окрашенного слоя достигает 15 см. Местами в этом слое наблюдается черная углисто-золевая масса и древесные угли. Находки кремней и осколков костей — ниже окрашенной гумусированной прослойки, на глубине –112...–119 см от 0» (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 9). Культурные остатки зачастую были приурочены к темным гумусированным линзам, окрашенным охрой. В культурном слое нередко встречались пятна сильно окрашенного охрой суглинка. При горизонтальной зачистке слоя повсеместно наблюдались ветвистые трещины 2–3 см шириной, заполненные светлым суглинком.

Северное скопление культурных остатков было представлено огромным количеством расщепленного кремня, мелкими обломками и осколками костей животных, мелкими костными и древесными углями и кусочками охры. Вся эта масса находок концентрировалась вокруг мощного скопления золы, представлявшего собой остатки очага, насыщенного костным и древесным углем и обожженными расщепленными кремнями. Характер культурных остатков северного скопления, строгая концентрация их вокруг остатков очага убеждают в том, что они представляют собой остатки древнего жилища, названного северным. Очажное скопление

(кв. бв-42–43) имело вид кучи золы неправильной формы, слегка возвышающейся над уровнем пола жилища (рис. 34). Диаметр этого скопления около полутора метров. Основание очага не углублено в пол жилища. Пол очага очень неровный. В его восточной части имелось небольшое углубление с подбоем к центру очага, заполненное золой. В южной и северной частях очага также имелись небольшие углубления, заполненные окрашенным охрой суглинком и золой. Сильно окрашенный охрой суглинок наблюдался под золевой массой наибольшей мощности (до 15 см) в западной части очажного скопления. Мощность золевого слоя в его восточной части достигала 5–10 см, а на месте ямки, заполненной золой, — 25 см. К югу и северу мощность золы незначительна. В полу очага при горизонтальной зачистке наблюдались ветвистые трещины, заполненные гумусом, окрашенным охрой суглинком, золевой массой. В этих трещинах встречались находки в вертикальном положении. В средней части очага в толщу золевой массы, насыщенной культурными остатками, вклинивалась прослойка стерильного суглинка (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 22). Сходные явления имели место и в культурном слое. Это объясняется деформацией культурного слоя вместе с породой, его вмещающей, в результате солифлюкционных процессов. Подобный вывод подтверждается и тем фактом, что большинство культурных остатков находилось в вертикальном или наклонном положении, а некоторые из них были обнаружены ниже пола древнего жилища. Деформация объясняет, по-видимому, и значительную мощность культурного слоя (в некоторых местах до 30 см), и не всегда четко прослеживаемый пол.

Как было сказано выше, основная масса находок в жилище концентрировалась вокруг очага (рис. 35). Осколков костей больше всего было обнаружено к юго-западу от очага. На каждый квадрат в указанных местах приходится от 100 до 400 и более расщепленных кремней. На квадратах, прилегающих непосредственно к западной и восточной стенам жилища, кремней встречено меньше — от 25 до 100. За пределами границ жилища находок было ничтожно мало, благодаря чему границы жилища вырисовывались четко, особенно с северной стороны. Исключение составлял лишь небольшой участок, примыкающий к жилищу с юго-востока. На этом месте на нескольких квадратах было собрано около 300 кремней, относящихся к коллекции из северного жилища. Не исключена возможность, что именно здесь, с юго-востока, находился вход

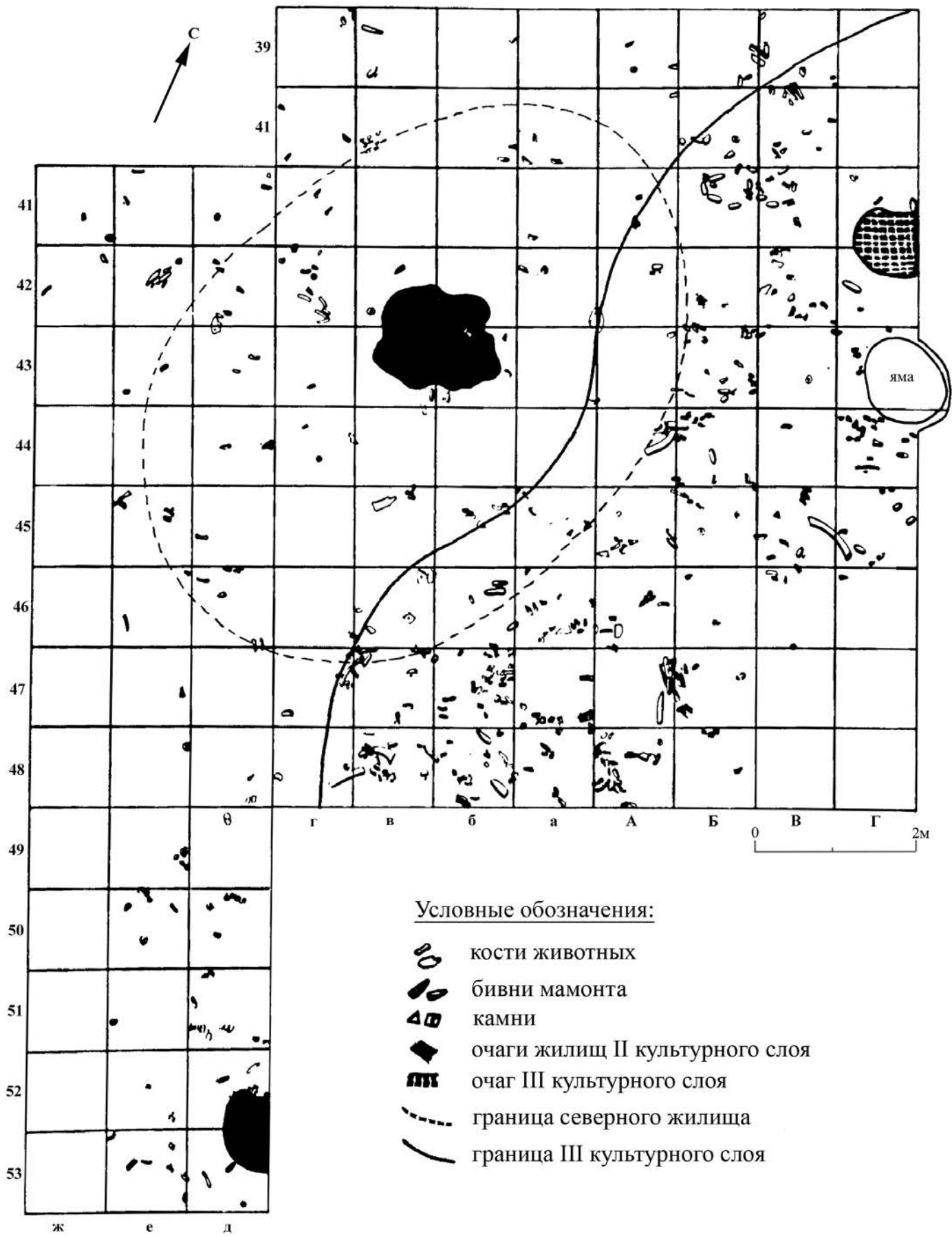

Рис. 34. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. План остатков северного жилища (участок, обильно насыщенный мелкими обломками бивня мамонта, принадлежит III культурному слою)

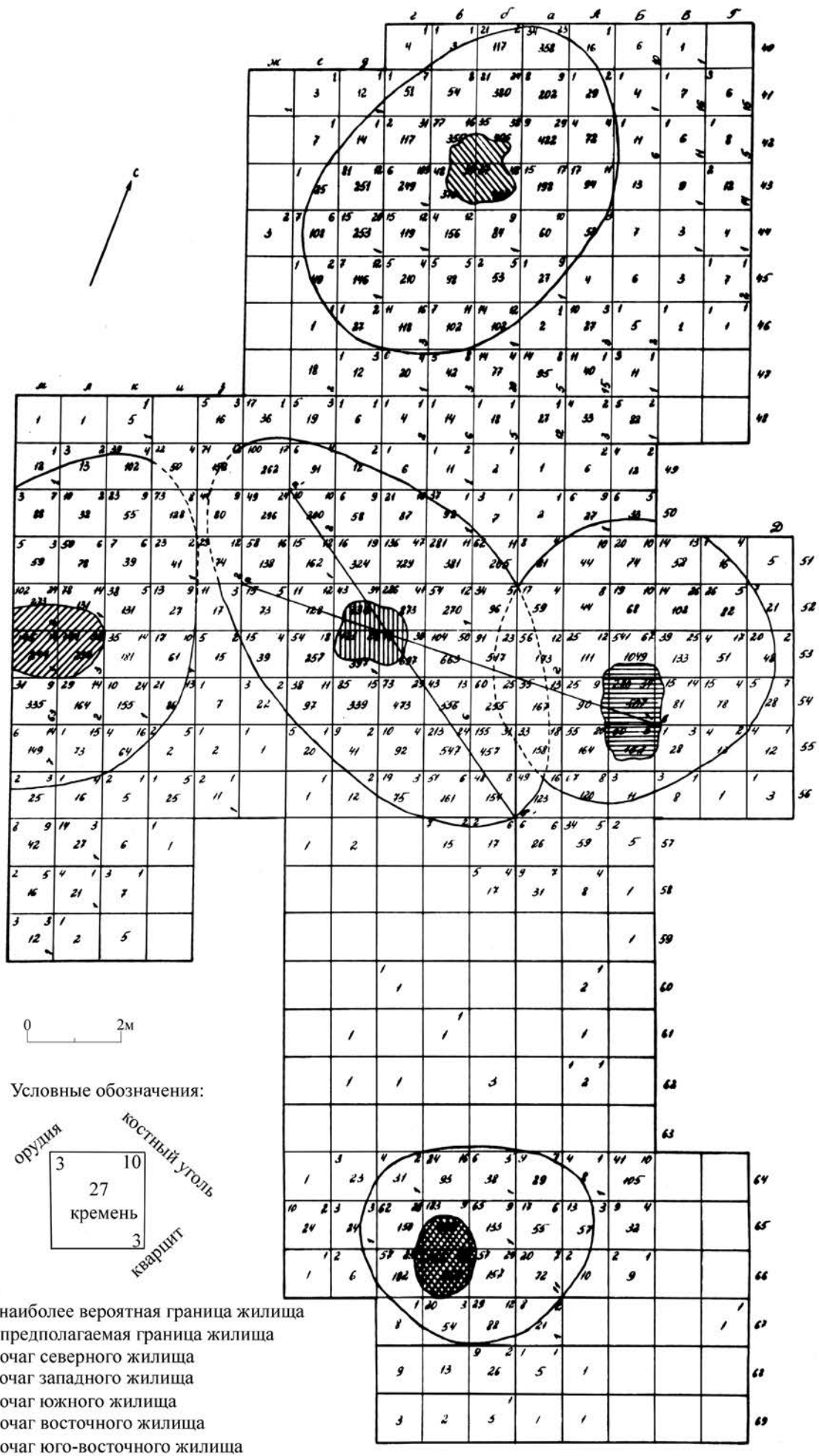

Рис. 35. Костенки 8 (Тельманская стоянка). Таблица насыщенности II и III культурных слоев находками по квадратам (участок с регулярными находками расщепленного кварцита принадлежит III культурному слою)

в жилище. В теплое время года рядом со входом могла протекать трудовая деятельность обитателей поселения, а в холодное время здесь могла существовать легкая пристройка типа сеней для утепления входа в жилище. Рядом обнаружены остатки кострища. О том, что оно было деформировано в результате солифлюкционных процессов, свидетельствуют следующие записи в полевом дневнике: «В южной четверти кв. г-47 в задранной кверху линзе ископаемого гумуса обнаружено скопление мелких костных углей и зольной массы, залегающей на уровне пола и выклинивающейся вниз по склону средней части квадрата, значительно выше общего уровня нижней границы культурного слоя. Под этой линзой залегает крупный осколок бивня мамонта, не имеющий следов пребывания в огне. Рядом с ним ребром торчит кремневый отщеп без следов пребывания в огне. Линза как бы напозла на часть культурного слоя. При горизонтальной зачистке линзы обнаружена ее трещиноватость. Трещины заполнены светлым суглинком. На кв. д-47 наблюдается скопление зольной массы, насыщенной костным и древесным углем. Мощность скопления 10–15 см, диаметр — 40–50 см. В западной части участка кв. е-48–49 — скопление зольной массы с древесными углями и кремнями со следами пребывания в огне и без таковых» (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 31, 32; см. рис. 34).

Таким образом, северное жилище имело овальную, слегка вытянутую по направлению с севера на юг форму размером 5,5×7,5 м, с одним очагом в центре и с выходом на юго-восток. «Оно

было слегка углублено в землю, хотя и представляется весьма трудным определить пол за пределами скопления находок» (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 25).

2. Описание остатков юго-восточного жилища

Второе скопление культурных остатков, границы которого вырисовываются довольно четко, образовалось на месте юго-восточного жилища (рис. 2). Оно залегало непосредственно под верхней гумусированной прослойкой, имеющей здесь, как и повсюду на Тельманской стоянке, вид разорванных и покоробленных в результате солифлюкции линз гумуса кирпично-красного цвета, в слегка гумусированном лессовидном суглинке (рис. 36). Уровень культурного слоя падал в юго-восточном направлении вниз по склону, соответствующему современному, и был насыщен расщепленными кремнями, мелкими обломками и осколками костей животных, костными и древесными угольками, кусочками красной охры (рис. 37, 38). Культурные остатки нередко были приурочены к темным линзам гумуса, окрашенным красной охрой. При горизонтальной зачистке слоя очень часто наблюдались пятна интенсивно окрашенного охрой суглинка, особенно к западу и востоку от остатков очага, вокруг которого в основном концентрировались находки (рис. 37). Остатки очага на кв. в-65–66 имели в плане овальные очертания размером 1,7×1,3 м и представляли собой линзообразное скопление углистой массы, достигающей наибольшей мощности (16 см) в своей южной части (рис. 36).

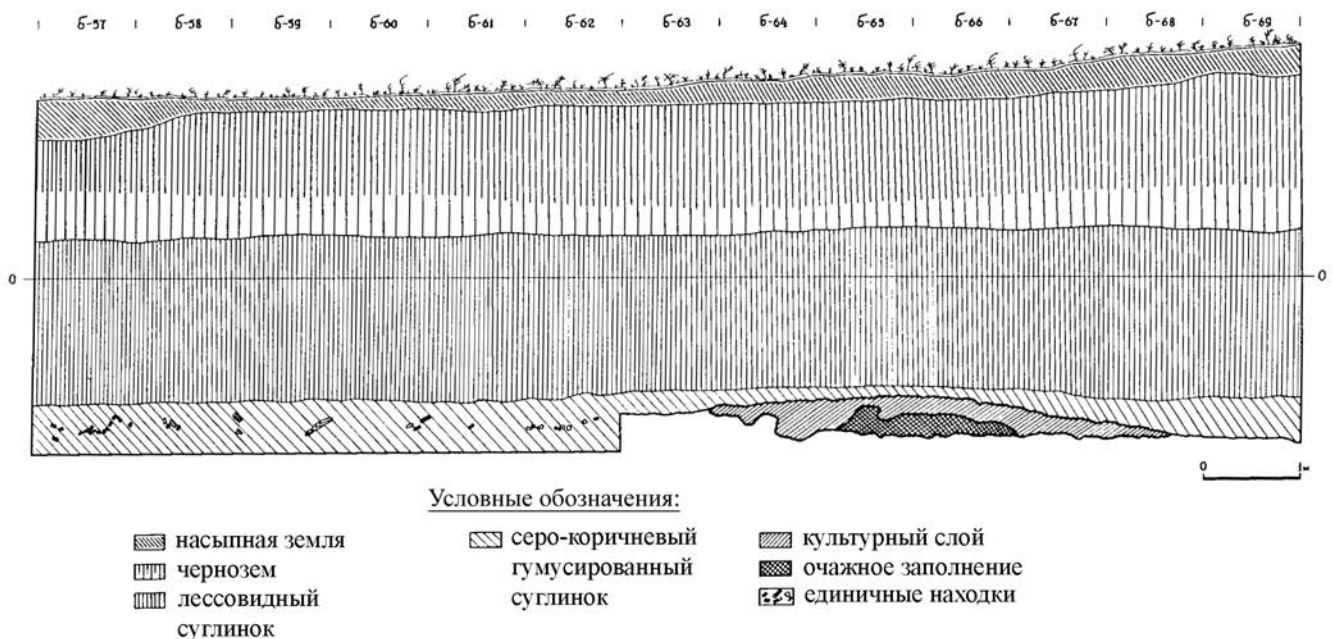

Рис. 36. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Разрез остатков юго-восточного жилища по линии С–Ю

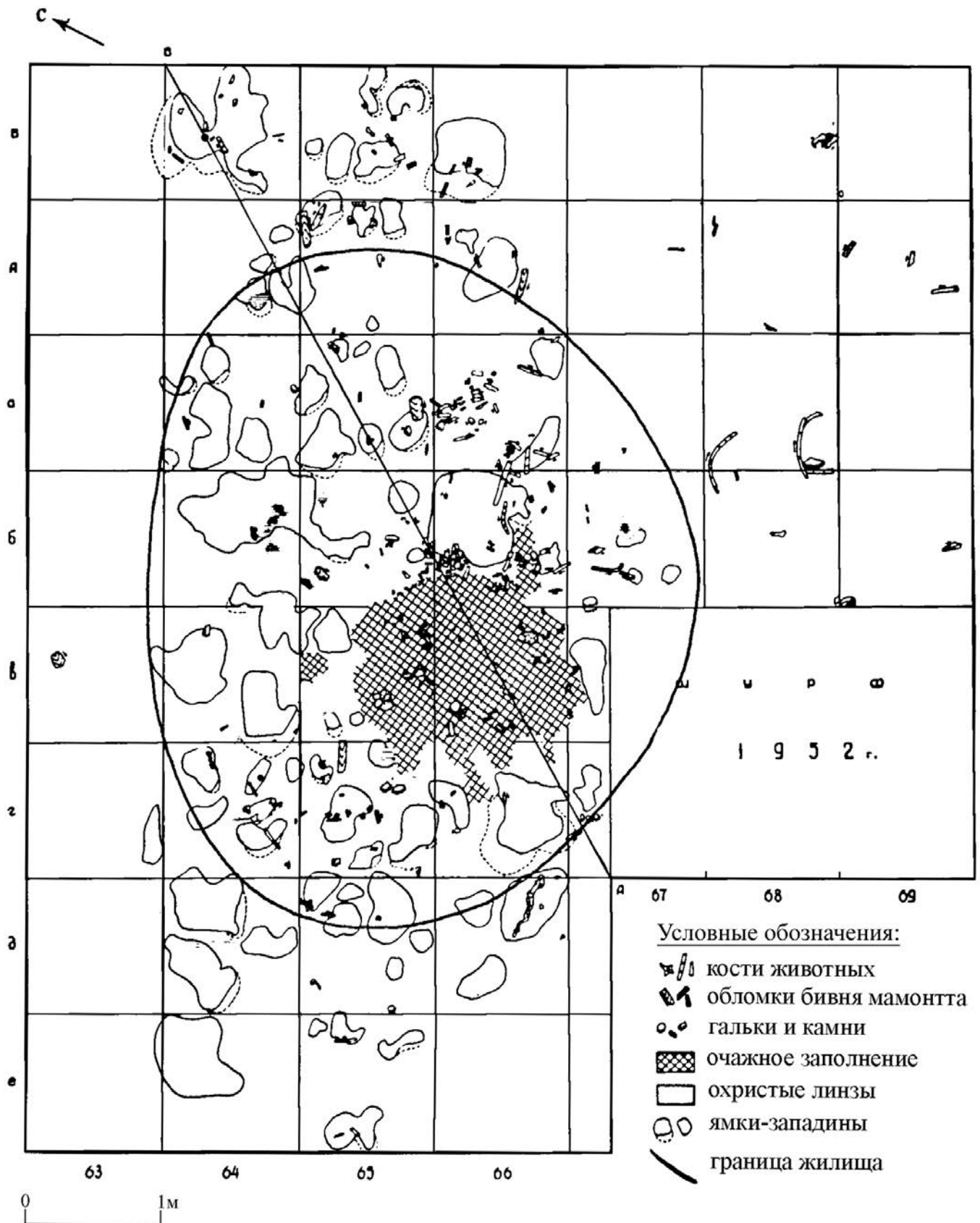

Рис. 37. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
План остатков юго-восточного жилища

Рис. 38. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Остатки юго-восточного жилища. Общий вид с востока

К северу мощность углистого скопления уменьшается до 4 см. С юга на 4 см ниже поверхности углистой массы в нее врезался клин суглинка красноватого цвета. Повсюду углистая масса была прорезана многочисленными тонкими ветвистыми трещинами усыхания, заполненными светлым суглинком (рис. 39). Эта масса подстилалась прослойкой красновато-бурого суглинка. Пол очага был очень неровным и имел много небольших углублений. Наибольшая мощность очага в таких местах достигала 23 см. В средней части очажного заполнения на черной углистой массе лежала линза зеленовато-серого цвета, имевшая в диаметре 70 см. Эта линза, в свою очередь, подстилала прослойку рыхлого светло-желтого заполнения, на которой лежали обломки крупных костей, кремни и гальки — все без следов пребывания в огне. Вся площадь очага была перекрыта слоем сероватого золистого суглинка мощностью 10–12 см, который почти не содержал находок. Масса находок со следами пребывания в огне была встречена в черном углистом скоплении — это жженые кремни, костные и древесные угли (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 79, 84, 85).

Границы юго-восточного жилища, очевидно, соответствовали границам скопления культурных остатков, образовавшегося на месте это-

го жилища (рис. 35). На двух квадратах, занятых очагом, было собрано 165 и 264 расщепленных кремней, на непосредственно примыкающих к очажному скоплению квадратах — приблизительно по полторы сотни кремней. У краев жилища, наиболее удаленных от очага, собрано от 30 до 95 кремней. Граница северного края жилища очень четкая, за ее пределами нет никаких находок на протяжении 1 м и более. Такая же картина наблюдалась и с юго-восточной стороны. К югу и западу от жилища находок встречено мало. Зато у северо-восточного края на двух квадратах, примыкающих к жилищу, было собрано 32 и 105 кремней. Вполне возможно, что это явление не случайно. В этом месте, наиболее удаленном от очага, мог находиться вход в жилище с утепляющей пристройкой в холодное время года. Интересно отметить, что по бокам от входа за пределами жилища на кв. В-64, Г-64, В-66 и б-69 обнаружены углисто-зольные линзы, представляющие собой, возможно, остатки кострищ (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 68, 78, 80). Рядом с ними на кв. Б-68 залегал череп волка в вертикальном положении, затылочной частью вниз (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 80).

Характер очажного заполнения, залегание находок в наклонном и вертикальном положении,

Рис. 39. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Остатки юго-восточного жилища. Общий вид с запада

значительная мощность культурного слоя на месте юго-восточного жилища (до 50 см), не всегда четко прослеживаемый пол свидетельствуют о деформации культурного слоя в результате солифлюкционных процессов, точно так же как разорванность и покоробленность линз верхней гумусированной прослойки, перекрывающей культурный слой, говорят о деформации этой прослойки.

Итак, юго-восточное жилище имело слегка овальную форму, размером 4×5 м, один очаг внутри и выход на северо-восток. Основание жилища и очага было лишь слегка углублено в суглинок.

3. Описание культурных остатков южного жилища

Более сложную картину представляет собой скопление культурных остатков, отложившихся между северным и юго-восточным жилищами, на расстоянии 2–2,5 м от первого и 7 м от второго. Это скопление вытянуто в направлении с запада на восток (рис. 2). Внутри него почти на одной линии обнаружены остатки трех очагов, вокруг которых концентрировалась основная масса находок. Расстояние между очагами с за-

пада на восток 5 и 4,5 м. Условия залегания этого огромного скопления культурных остатков обычны для второго культурного слоя Тельманской стоянки. Характер заполнения культурного слоя однороден на всем протяжении скопления. Уровень его падает в юго-восточном направлении, т. е. в направлении естественного склона древней поверхности. Необходимо было решить сложный вопрос, является ли это скопление остатками одного длинного трехочажного жилища, или же это остатки трех самостоятельных жилищ с одним очагом в каждом из них, как это имело место в северном и юго-восточном жилищах. Для решения этого вопроса имели большое значение не только полевые наблюдения, так как вытянутое скопление культурных остатков было вскрыто не в течение одного экспедиционного сезона, а в течение пяти лет (1950, 1958–1959, 1963–1964 гг.), но и сводный план второго культурного слоя, чертежи вертикальных разрезов культурного слоя, таблица насыщенности культурного слоя находками по квадратам. В результате мы пришли к выводу, что имеем дело с остатками еще трех жилищ второго культурного слоя Тельманской стоянки. Учитывая место

их расположения по отношению к северному и юго-восточному жилищу, они получили названия южного, западного и восточного.

Скопление культурных остатков на месте южного жилища залегает под верхней гумусированной прослойкой кирпично-красного цвета, в слабо гумусированном суглинке, причем находки нередко приурочены к линзам сильно гумусированного красноватого от охры суглинка (рис. 40). Самая нижняя часть толщи лессовидного суглинка (10–15 см), лежащая над вторым культурным слоем, обильно насыщена известковистыми образованиями — журавчиками. Здесь же встречаются довольно часто вкрапления окиси железа. В культурном слое обычны линзы суглинка, интенсивно окрашенного охрой. Находки представлены огромным количеством расщепленного кремня, мелких обломков костей животных, костным и древесным углями, мелкими кусочками охры (рис. 41, 42). Они концентрировались вокруг остатков очага на кв. гд-52–53, имевшего неправильной формы округлые очертания (1,5×1,5 м). Остатки очага представляли собой скопление углистой и зольной массы, которая переслаивалась вклинивающимся в нее лессовидным суглинком с отдельными находками расщепленных кремней и мелких осколков костей без следов пребывания в огне (рис. 43). Наибольшей мощности, около 50 см, углисто-зольная масса достигает у восточного края. К западу мощность очажного заполнения уменьшается. Его основание очень неровное, с многочисленными

ямками-западинами. В центральной части очага у его основания, в суглинке, подстилающем углисто-зольную массу, залегают белоглазки, среди которых имеются довольно крупные. Вся поверхность очажного заполнения прорезана многочисленными ветвистыми трещинами в различных направлениях, имеющими ширину до 2–2,5 см и заполненными светлым суглинком (рис. 44). Зольно-углистая масса насыщена большим количеством расщепленного кремня, в основном жженого, содержит много костного и древесного угля. Большинство находок имело вертикальное положение (Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 35, арх. № 9). Такое явление характерно вообще для культурных остатков, отложившихся на месте южного жилища. Оно было вызвано деформацией культурного слоя в результате солифлюкционных процессов, точно так же, как и резкое падение в западном направлении гумусированных окрашенных охрой линз, к которым нередко приурочены находки и залегание некоторых культурных остатков ниже пола жилища, а также вклинивание в очажное заполнение светлого суглинка. На западной окраине южного жилища на всей площади кв. ж-49 залегало еще одно большое зольно-углистое скопление, насыщенное древесным углем, жженой костью, расщепленным кремнем со следами пребывания в огне, крошкой обожженного суглинка, изредка встречались мелкие кусочки красной охры (рис. 42). Наибольшей мощности зольное скопление достигало у восточного края (16 см).

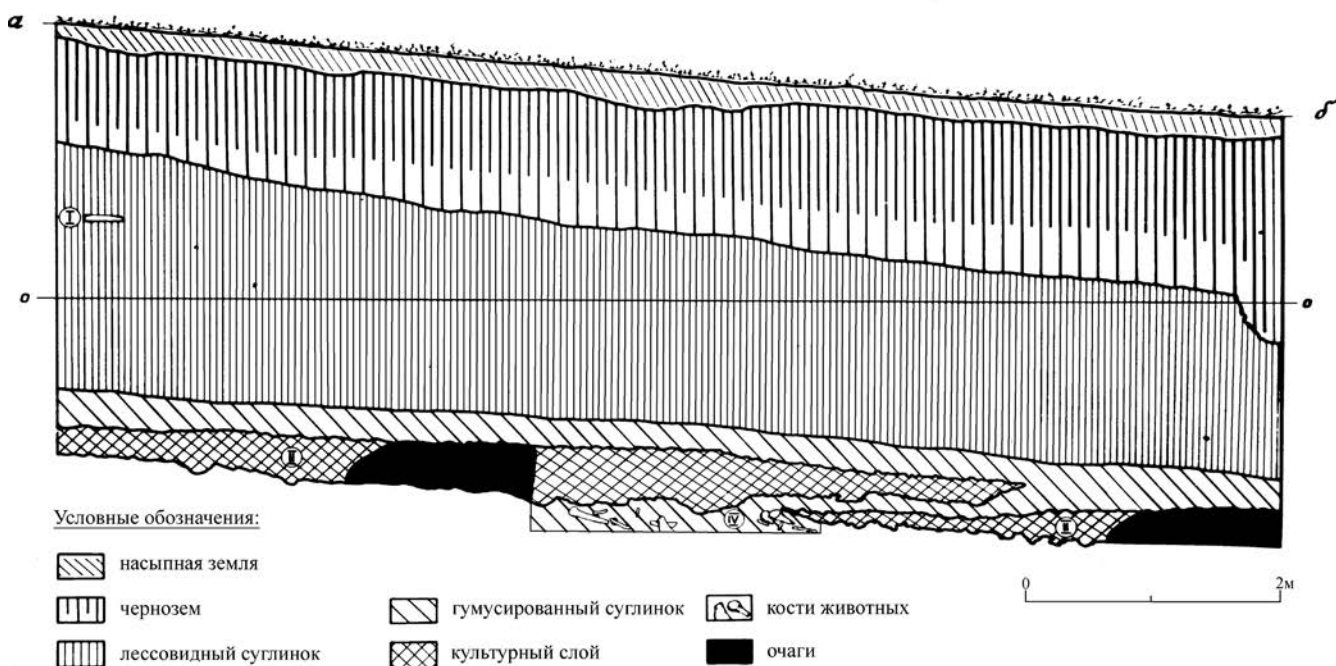

Рис. 40. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
Разрез остатков южного жилища по линии а–б

Рис. 41. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
Общий вид остатков южного жилища

Оно было прорезано в разных направлениях трещинами-затеками, заполненными светлым суглинком. Следы этого же скопления наблюдались на кв. з-49 в виде зольно-углистой линзы со жжеными кремнями и костями (Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 35, арх. № 9, с. 38, 39, 64). Происхождение зольно-углистого скопления на кв. ж-49 объяснить трудно, так как оно находится у самой стены жилища. Можно лишь предположить, что это остатки кострища, располагавшегося за границей жилища, проходившей, быть может, ближе к очагу на кв. гд-52–53. Интересно отметить, что рядом с этим зольным скоплением на кв. з-48 (рис. 42) обнаружен единственный во втором культурном слое крупный кремневый желвак — ядрище со следами нескольких сколов. На большей части желвака сохранилась корка (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 61–63). Небольшие зольные линзы обнаружены на территории жилища на кв. ж-52–53, г-50–51, д-55 (Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 35, арх. № 9, с. 24, 38, 41–42). Вообще следует заметить, что большое пятно культурного слоя на месте южного жилища хорошо выделялось из окружающего суглинка гумусированностью, зольностью, окрашенностью охрой, насыщенностью расщепленным кремнем, мелкими обломками и осколками костей, угольками. Все это отсутствовало за пределами жилища.

Южная и северная границы этого жилища очерчиваются довольно ясно по скоплению находок. Достаточно привести следующие примеры. У северной границы южного жилища на каждом из квадратов было встречено следующее количество расщепленного кремня: 262, 91, 87, 92, 206 (рис. 35). На соседних квадратах к северу, т. е. за пределами жилища, было встречено соответственно 36, 19, 6, 11, 7 расщепленных кремней. Ту же картину мы имеем и у южной границы этого жилища. Внутри его обнаружено на квадратах расщепленных кремней: 73, 39, 97, 41, 75, 161, 154. Южнее, за пределами жилища — 15, 22, 20, 12, 15, 17 кремней. Южное жилище отделено от северного и юго-восточного пространством, почти свободным от культурных остатков (рис. 35, 45). Как обстоит дело с восточной границей южного жилища? Приблизительно от середины линии квадратов «б» и далее к востоку находки залегают заметно ниже, чем западнее на территории южного жилища (рис. 35). Их верхняя граница проходила приблизительно на уровне нижней границы культурного слоя в южном жилище. Это хорошо видно на разрезе по линии а–в, проходящем через очаг южного жилища и очаг, расположенный восточнее его (рис. 46). Интересно отметить, что такое заметное снижение уровня находок было не по всей линии «б» квадратов. Это доказыва-

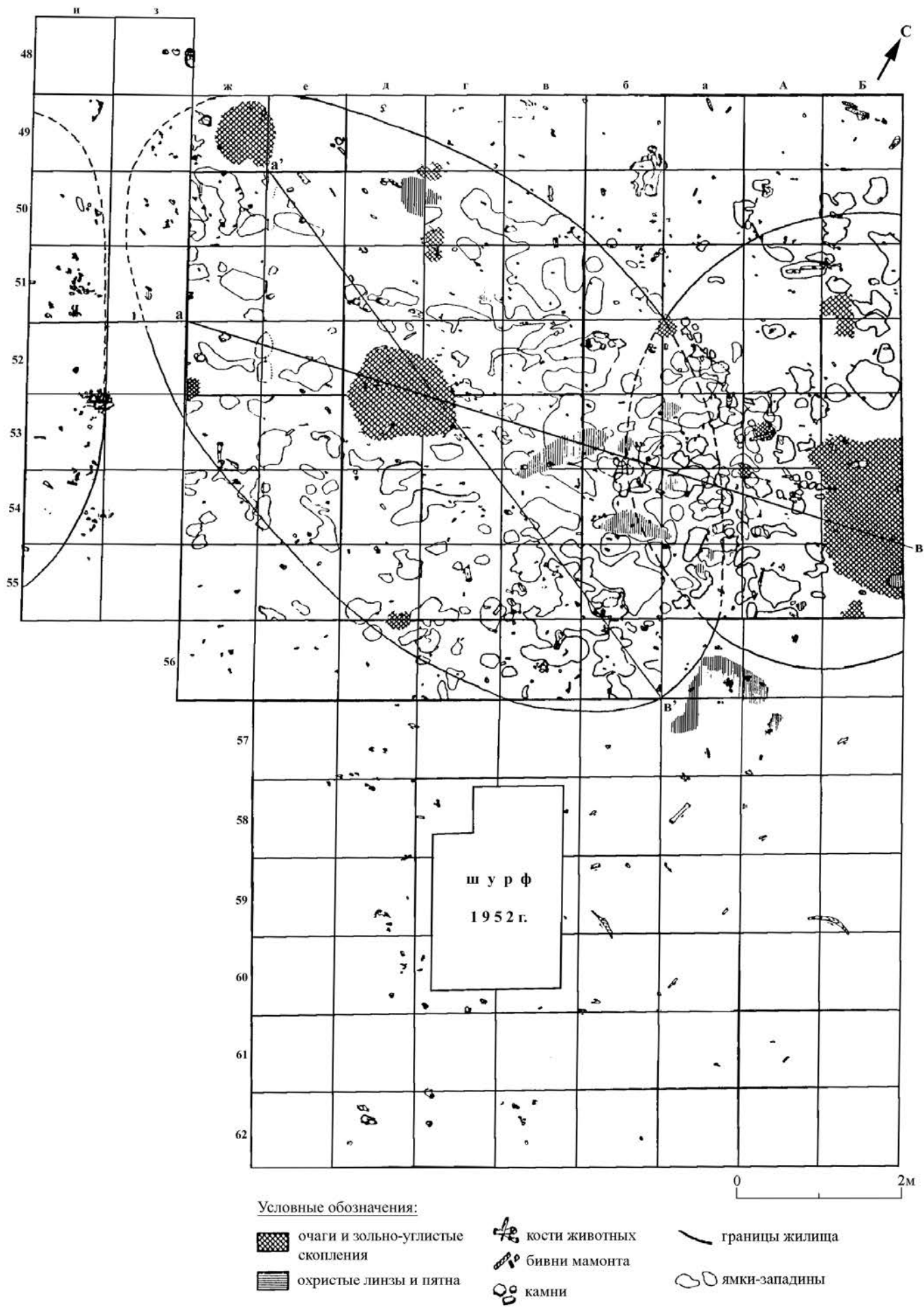

Рис. 42. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
План остатков южного жилища

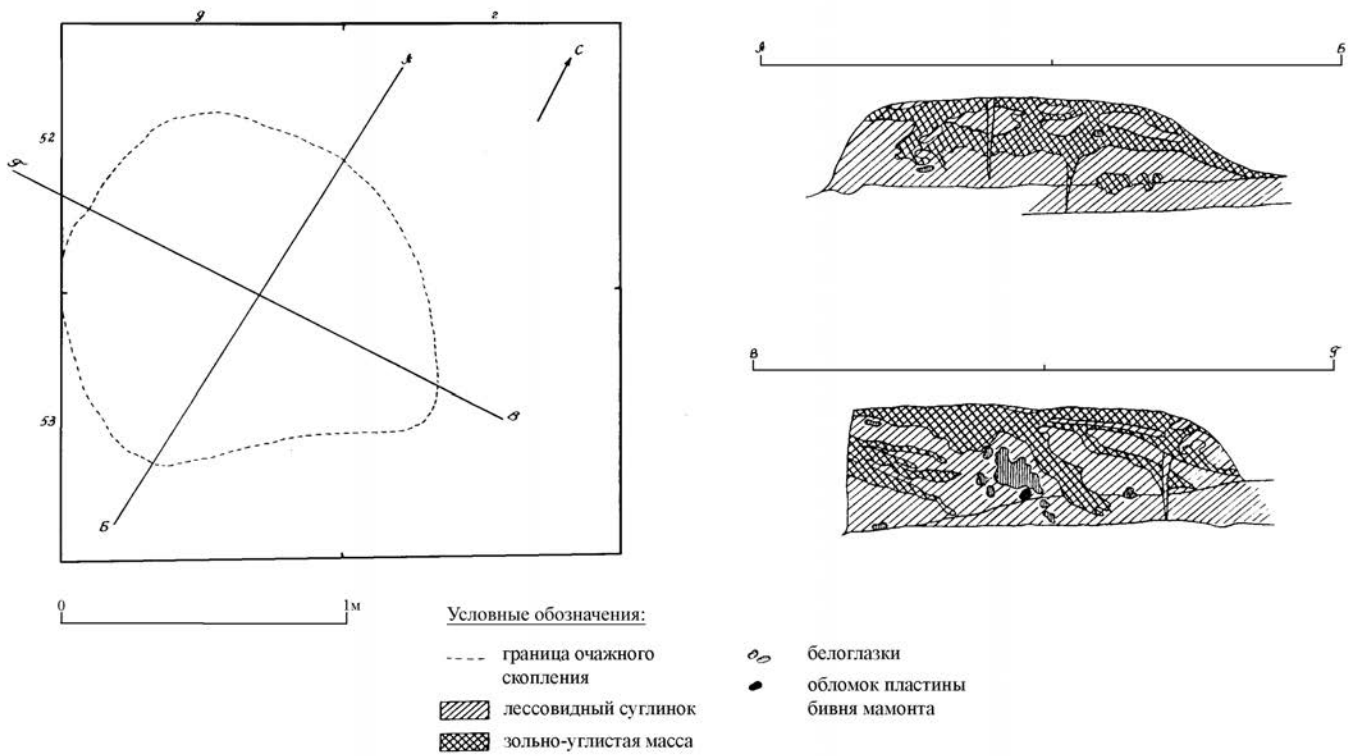

Рис. 43. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Линии разрезов и разрезы очага южного жилища

Рис. 44. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Остатки очага южного жилища. Общий вид с юга

Рис. 45. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Участок между южным и юго-восточным жилищами (на переднем плане). Общий вид с юга

ется разрезом через очаг южного жилища по линии а-в (рис. 46). Здесь мы видим довольно плавное понижение уровня находок почти до их конца в направлении к юго-востоку, что соответствует естественному склону древней поверхности. В полевом дневнике мы встречаем записи о том, что на кв. А-53–54 находки наблюдались лишь у западного края, остальная часть квадратов была занята светлым лессовидным суглинком, зато под 6–8-сантиметровой прослойкой стерильного суглинка снова встречено мно-

го находок того же характера, причем на всей площади квадратов. На уровне залегания культурных остатков южного жилища на кв. А-52 светлый лессовидный суглинок был лишен каких бы то ни было находок, последние в большом количестве встречены здесь ниже, на уровне залегания находок на кв. А-53–55 и А-50–51. На кв. а-51–53, б-53 большое количество культурных остатков одного характера были разделены друг от друга 4–8-сантиметровой прослойкой стерильного суглинка. Итак, культурные

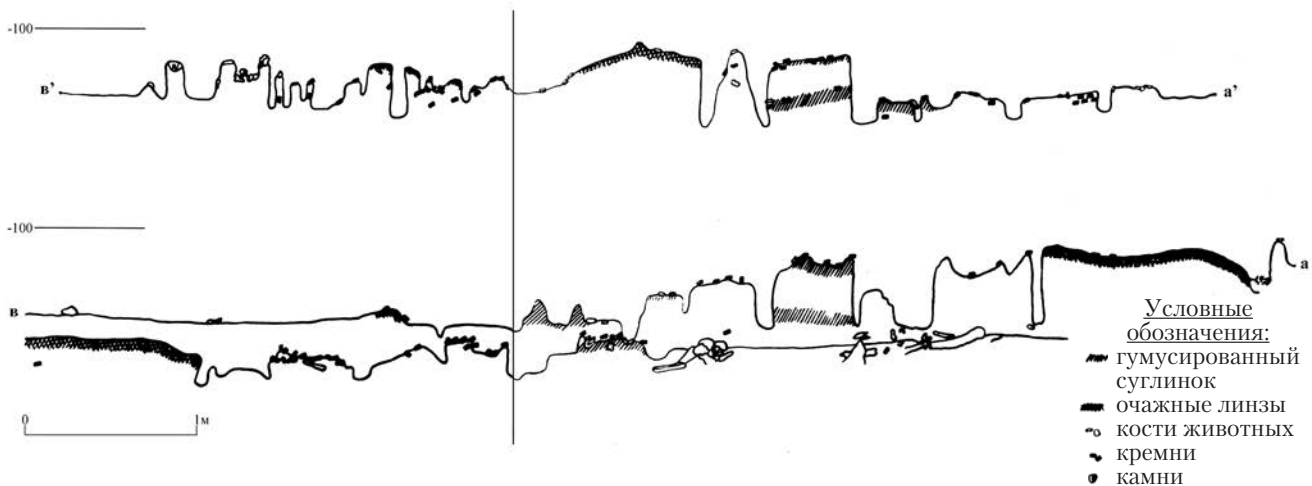

Рис. 46. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Разрезы южного и восточного жилищ по линиям а-б и а'-б'

остатки, концентрирующиеся вокруг очажно-го скопления на кв. Б-53–55 (рис. 35), залегают значительно ниже по уровню, чем культурные остатки лежащего рядом южного жилища, и принадлежат, несомненно, другому жилищу, названному восточным (Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 35, арх. № 9). Юго-западная граница восточного жилища проходит по линии «б» квадратов. Где же проходил восточный край южного жилища? Там, где начиналась юго-западная граница восточного? Но в таком случае у этой границы на каждом из квадратов восточного жилища находок было бы несравненно больше, чем на квадратах остальной части жилища, включая и те, которые непосредственно примыкают к очагу (рис. 35). Это маловероятно. Скорее всего, на этом участке на квадратах линий «а» и «б» залежали культурные остатки обоих жилищ. Иными словами говоря, на этом месте край южного жилища перекрывал край восточного, учитывая, что находки последнего залежали глубже, чем первого. В этом случае восточная граница южного жилища могла проходить по линии «а» квадратов, причем она легко замыкается с довольно четкими юго-восточной и северной границами этого жилища (рис. 35). Возможно, что в то время, когда восточное жилище стало по каким-либо причинам непригодным для жилья, рядом с ним и даже захватив его юго-западную окраину, было выстроено южное жилище. Но мы не можем абсолютно отрицать возможности того, что склон древней поверхности на месте залегания культурных остатков восточного жилища был более крутым, и именно этим объясняется то обстоятельство, что культурный слой этого жилища находится ниже, чем таковой в южном жилище. Тем более что редкие находки, встреченные выше культурного слоя восточного жилища, могли оказаться там и в результате естественной деформации. В этом случае оба жилища могли быть одновременны. А так как расстояния по горизонтали между ними нет, то не являлись ли они тогда одним продолговатым жилищем с двумя очагами внутри? Против такого решения свидетельствует тот факт, что насыщенность и мощность культурного слоя вокруг восточного очага несравненно меньшая, чем вокруг южного очага (рис. 35). Такая неравномерность для двух половин одного и того же жилища вряд ли возможна, особенно если учесть, что остатки восточного жилища расположены ниже по склону. Просто они могли быть выстроены близко друг к другу, и в настоящее время проследить границу между ними невозможно. В этом случае юго-западная граница восточного жилища могла бы прохо-

дить где-то рядом с восточной границей южного жилища, которая в свою очередь могла бы проходить ближе к очагу южного жилища. А многочисленность находок на квадратах по линиям «а» и «б» можно объяснить тем, что они оползли сюда вниз по склону, более крутому в этом месте, чем в иных местах. В любом случае очевидным является то, что перед нами остатки двух жилищ, а не одного. Но вопрос об их синхронности может решаться двояко.

Западная граница южного жилища вырисовывается тоже не совсем ясно. От западного жилища его отделяет участок, который вклинивается между этими жилищами с юго-востока на северо-запад и который имеет очень мало культурных остатков: от 1 до 17 расщепленных кремней на квадрат (рис. 35). Но севернее этого участка никакого расстояния между западным и южным жилищами не прослеживается. Вклинившийся между ними участок, почти свободный от находок, не позволяет объединить эти два жилища в одно с двумя очагами. Очевидно, они были выстроены очень близко друг к другу. Вполне можно допустить, что площадь южного жилища была в действительности меньше, чем у нас на плане (рис. 35). Культурные остатки могли несколько сползти вниз по склону, так как склон на этом участке был, очевидно, более крутой. Кстати, нельзя не заметить, что именно в восточной части южного жилища обнаружено больше всего находок. Если здесь на некоторых квадратах было встречено около пятисот и более расщепленных кремней, то в западной части жилища их количество на квадрате достигало трехсот экземпляров и менее. Интересна еще одна особенность. Так же как и в северном продолговатом жилище, находки концентрировались здесь непосредственно вокруг очага и по концам жилища, вплоть до границ. На это обстоятельство уже обращал внимание А. Н. Рогачев в отношении северного жилища (Рогачев, 1957: 42–47). Объяснял он это тем, что удлиненное жилище могло иметь кровлю с пологими боковыми скатами и с более крутыми скатами в его концах. Естественно, что хозяйственная деятельность в таком случае сосредоточивалась в концах жилища с обеих сторон от очага. Наибольшей мощности, до 50 см, культурный слой достигал на месте очага и рядом с ним, уменьшаясь к краям жилища (рис. 40).

Вход в жилище мог располагаться с юго-восточной стороны, где рядом с ним было обнаружено около полутора сотен расщепленных кремней, в то время как за его пределами с северной и южной сторон находки почти отсутствовали (рис. 35). Говорить в этом же смысле о западном конце

южного жилища не приходится, так как он был очень близок к границе западного жилища. С южной стороны, недалеко от предполагаемого входа в жилище, на кв. ж-55–56 обнаружены углистые линзы. Особенно мощной, до 20 см и более, среди них была линза углистой массы с включениями красноватого суглинка на кв. ж-56. Длина ее с севера на юг около 1 м. Но культурных остатков в этих линзах не встречено. Скорее всего, они относятся не к культурному слою, а к верхней гумусированной прослойке кирпично-красного цвета, насыщенной древесными угольками и деформированной в результате солифлюкционных процессов (Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 35, арх. № 9, с. 82–83).

Таким образом, южное жилище по площади было, очевидно, довольно большим. Оно имело форму овала размером 10×5,5 м, один очаг в центре и выход на юго-восток.

4. Описание культурных остатков восточного жилища

Скопление культурных остатков на месте восточного жилища залегало немного ниже пола южного жилища (рис. 40, 47) под верхней гуму-

сированной прослойкой, имевшей здесь такой же вид, как и на остальной территории Тельманской стоянки. Культурные остатки находились в слабо гумусированном суглинке, а нередко были приурочены к линзам сильно гумусированного суглинка, окрашенного охрой в красноватый цвет, и представлены массой расщепленных кремней, в том числе орудиями, мелкими обломками костей животных, многочисленными костными и древесными угольками и мелкими кусочками красной охры (рис. 48–51). В культурном слое обычны линзы интенсивно окрашенного в красный цвет охрой суглинка (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 82). Находки, относящиеся к восточному жилищу, были сосредоточены вокруг остатков очага на кв. Б-53–55 (рис. 49). Насыщенность ими каждого квадрата в этом жилище была гораздо меньшей, чем в соседнем южном (рис. 35). Даже на квадратах, непосредственно примыкавших к очагу, было встречено расщепленных кремней от 164 экземпляров и меньше.

Остатки очага восточного жилища имели вытянутую овальную форму размером 2×1,2 м и представляли собой углисто-зольное скопле-

Рис. 47. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Остатки восточного жилища (две узкие полосы на переднем плане — основание южного жилища). Вид с запада

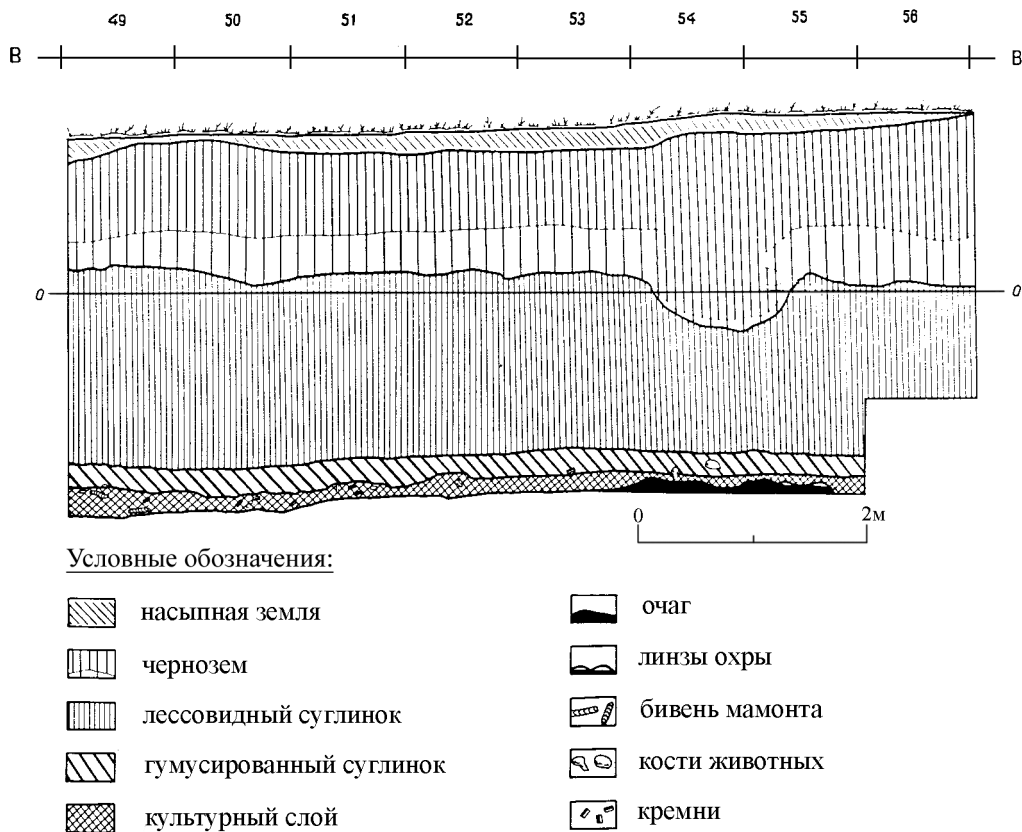
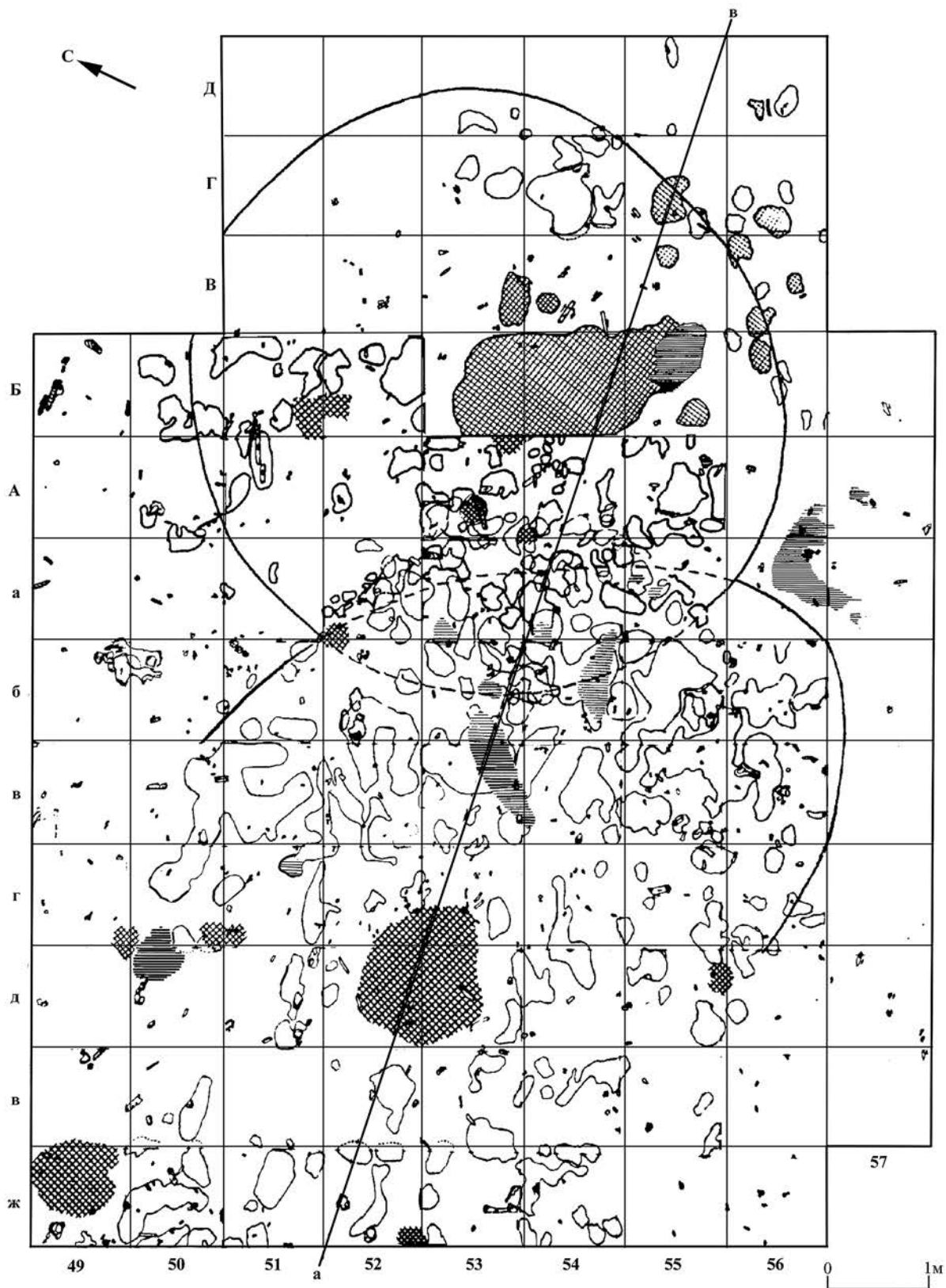

Рис. 48. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
Разрез восточного жилища по линии кв. Б–В

ние, которое переслаивалось желто-коричневым лессовидным суглинком. Основание очага, не углубленного в суглинок, было неровным и подстилалось серо-коричневым суглинком с мелкими пятнами ожелезнения. Встречалась крошка обожженного суглинка. В основании очага прослеживались крупные белоглазки, залегавшие примерно 30 см полосой. При горизонтальной зачистке очажного скопления хорошо видны многочисленные ветвистые трещины, заполненные светлым суглинком (рис. 52, 53). Углисто-зольное заполнение очага насыщено расщепленным кремнем, в основном обожженным, костным и древесным углем (Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 35, арх. № 9, с. 55, 56). Следы очажного скопления в виде зольно-углистых линз обнаружены во многих местах на территории восточного жилища, главным образом к западу от очага на кв. АБВ-51, Б-52, Ааб-53, Аа-54. Эти линзы насыщены жженым кремнем и угольками. Особенно большая среди них зольно-углистая линза залежала на кв. Б-51–52 (рис. 49). Она имела вытянутую с севера на юг форму размером 55×40 см и была пересечена трещинами — затеками светлого суглинка. Поверхность этой линзы лежала на уровне верхних находок культурного слоя и опускалась в сторону понижения основания слоя, т. е. в восточном направлении. Зольное заполнение линзы

было насыщено древесными угольками и жженым кремнем. На кв. а-51–52 залежали зольно-охристые линзы с костными угольками (Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 35, арх. № 9, с. 32, 33, 76, 80). Многие находки, как в очажном скоплении, так и вообще в культурном слое, находились в вертикальном или наклонном положении, что связано с деформацией слоя в результате солифлюкционных процессов. Мощность культурного слоя, отложившегося на месте восточного жилища, была больше всего на месте очага, достигая 30 см и уменьшаясь к краям жилища до 15 см.

Границы этого скопления культурных остатков хорошо прослеживались благодаря гумусированности, охристости, зольности культурного слоя, а также его обильной насыщенности расщепленными кремнями и мелкими обломками костей. Наиболее четко вырисовываются северо-западная и юго-восточная границы восточного жилища, так как на этих участках за его пределами находок обнаружено очень мало (рис. 35). В северо-восточном направлении от жилища культурные остатки уходили под стену раскопа 1959 г. (рис. 2). Но более или менее уверенно границу жилища можно провести и на этом участке по скоплению находок в пределах вскрытой площади (рис. 35). Юго-западная граница восточного жилища проходит по линии «б» квадратов.

Условные обозначения:

	очаги и зольно-углистые скопления		кости животных		границы жилища
	охристые линзы и пятна		обломки бивня мамонта		ямки-западины
			камни		

Рис. 49. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
План культурных остатков восточного жилища

Рис. 50. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Западная часть восточного жилища в процессе расчистки (у левого края — очаг). Вид с севера

Рис. 51. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Восточная часть восточного жилища (у правого края — очаг). Вид с северо-запада

Рис. 52. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Остатки очага восточного жилища. Вид с юга

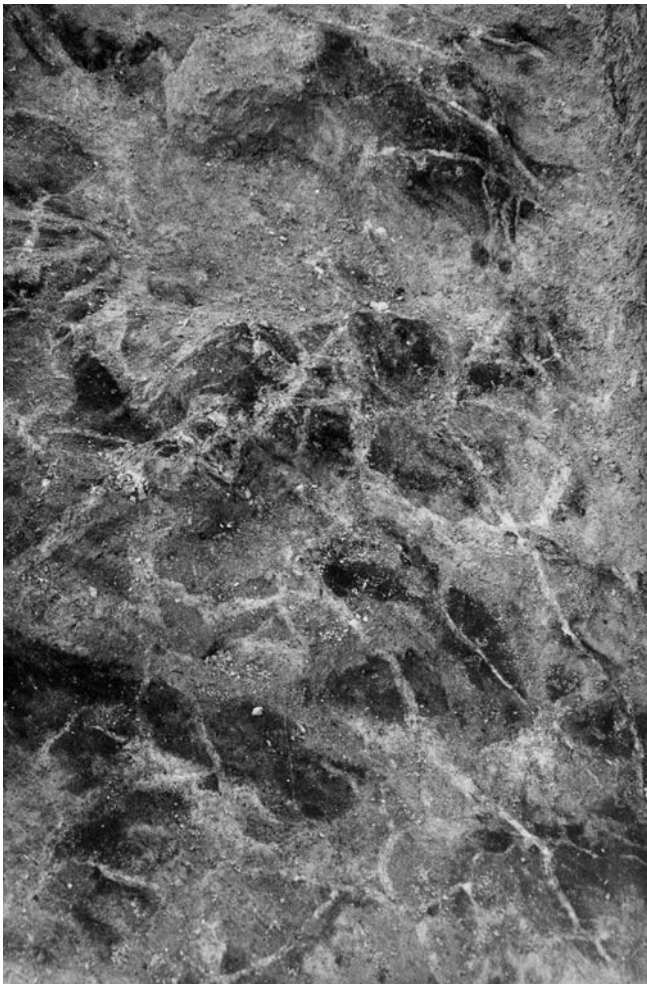

Рис. 53. Костенки 8 (Тельманская стоянка).
II культурный слой. Поверхность очага
восточного жилища

Об этом подробно говорилось выше. Следовательно, восточное жилище имело округлые очертания в диаметре около 6 м. Оно располагалось на склоне в юго-восточном направлении, что подтверждается залеганием культурных остатков на квадратах линии Д ниже, чем на квадратах линии Г, а на линии В выше, чем на линии Г (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 82).

Говорить о расположении выхода из этого жилища трудно в силу ограниченности территории, вскрытой вокруг него в 1959 г. (рис. 2). Но все же можно предположить, что выход из восточного жилища находился рядом с выходом из южного, где на кв. Д-54, ГД-55 и БВГД-56 за пределами восточного жилища обнаружены зольно-углистые линзы с жженым расщепленным кремнем, представляющие собой, возможно, остатки кострища у выхода из жилища по аналогии с таким же явлением у северного и юго-восточного жилищ (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 81, 82).

5. Описание культурных остатков западного жилища

Остатки западного жилища вскрыты лишь наполовину (рис. 2). Большое количество их, в том числе и часть очажного скопления, уходит под западную стену раскопа 1964 г. Это очень хорошо видно на разрезе стены (рис. 54). Этот же разрез показывает нам, что культурные остатки, отложившиеся на месте западного жилища, залегают непосредственно под линзами верхней гумусированной прослойки кирпично-красного цвета с многочисленными включениями древесных угольков (рис. 55, 56), в слабо гумусированном суглинке, а зачастую приурочены к сильно гумусированным линзам суглинка, окрашенным охрой. И такие линзы, и линзы интенсивно окрашенного охрой суглинка хорошо просматривались как при горизонтальной зачистке, так и при вертикальном разрезе культурного слоя (рис. 57, 57а). В нижней части суглинка, перекрывавшего культурный слой, очень часто встречались известковистые образования — журавчики и вкрапления окиси железа ржавого цвета. Находки на месте западного жилища представлены огромным количеством расщепленного кремня, в том

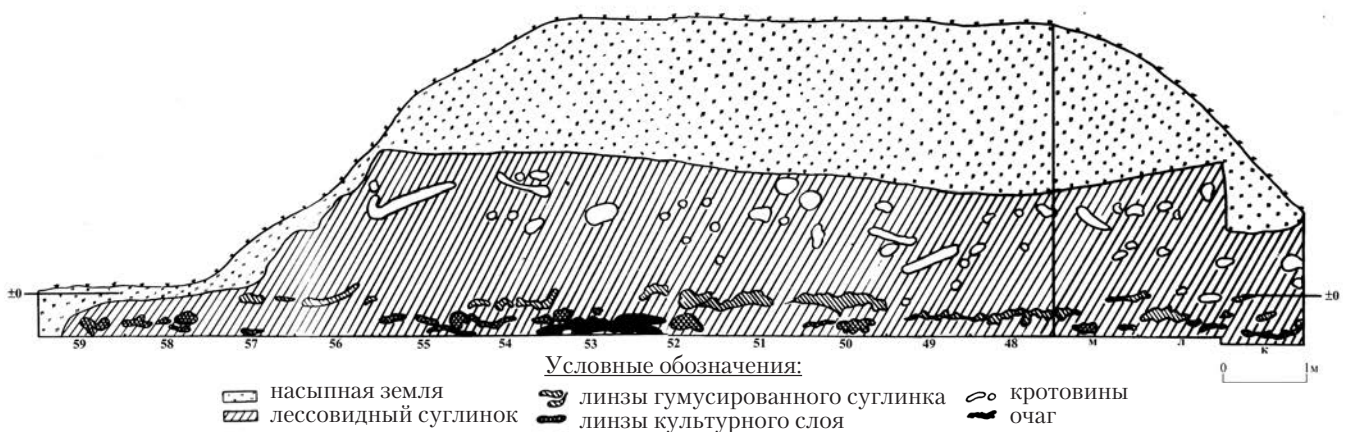

Рис. 54. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
Разрез западного жилища (западная стена раскопа 1964 г.)

Рис. 55. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Линзы верхней гумусированной прослойки над культурными остатками западного жилища в северной стенке раскопа

Рис. 56. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Линзы верхней гумусированной прослойки над культурными остатками западного жилища в западной стенке раскопа

Рис. 57. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Гумусированные линзы культурного слоя западного жилища, перекрытые линзами верхней гумусированной прослойки в разрезе западной стены раскопа 1964 г.

Рис. 57а. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Гумусированные линзы культурного слоя западного жилища при горизонтальной зачистке

числе со следами вторичной обработки, мелкими обломками костей животных, костными и древесными углями и мелкими кусочками красной охры (рис. 58). Находки концентрировались вокруг остатков очага на кв. лм-52–53. На квадратах, непосредственно примыкавших к очагу, было обнаружено от 335 до 100 расщепленных кремней (рис. 35). Больше этого количества кремней ни на одном из квадратов встречено не было, даже на тех, на которых располагались остатки очага.

Очажное скопление имело овальную форму, видимые размеры его 2×1,5 м, вытянуто с юго-запада на северо-восток. Оно представляло собой зольно-углистую массу, в которую с северо-востока вклинивались прослойки желтого лессовидного суглинка (рис. 59). В юго-западной части очажное скопление подстилалось тонкой прослойкой обожженного суглинка кирпично-красного цвета мощностью 5 см. Основание очага было неровным, суглинок, подстилавший его, прорезан ветвистыми углисто-зольными линзами (рис. 60). При горизонтальной зачистке очажного скопления, точно так же, как и на остальной площади культурного слоя, хорошо были видны ветвистые трещины усыхания, заполненные светлым суглинком. Очажное скопление было насыщено большим количеством жженных кремней, костных и древесных углей. Его мощность на кв. л-52–53 достигала 25–30 см, что соответствует мощности культурного слоя в центре жилища. У стены, под которую уходили остатки очажного скопления, его мощность уменьшалась до 15 см (рис. 60). Это может свидетельствовать о том, что в западном направлении остатки очага, должно быть, продолжают не на большое расстояние (Архив ЛОИА, 1964 г., ф. 35, арх. № 4). Рядом с очагом, на кв. м-54 обнаружено 63 целых и обломка мелких кварцитовых пластин и микропластин без следов вторичной обработки (рис. 58). Такой находки не было ни в одном из остальных четырех жилищ, в которых расщепленный кварцит встречен в ничтожном количестве. Очевидно, это большое количество заготовок из кварцита для орудий было сложено в западном жилище рядом с очагом в одну кучку. На остальной территории западного жилища расщепленный кварцит почти отсутствовал. С северной стороны рядом с очагом залежали два крупных куса одного камня со следами шлифования (рис. 58, 60).

Особо следует отметить замечательную находку на территории западного жилища на участке восточнее остатков очага. Здесь, на кв. л-52–53, к-53–54, и-52–54, з-52 обнаружены отдельные

кости человека, к сожалению, плохой сохранности. Среди них мелкие обломки костей черепа, фаланги пальцев, зубы. Можно предположить, что человек, кости которого обнаружены, не смог по той или иной причине уйти вместе с обитателями поселения, покинувшими место своей стоянки, был оставлен в жилище и погиб (Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 62, 63, 67, 70; 1963 г., ф. 35, арх. № 9; 1964 г., ф. 35, арх. № 4).

Культурному слою западного жилища также свойственны признаки естественной деформации. Границы скопления культурных остатков прослеживались довольно четко с южной и северной сторон (рис. 35). На этих участках за пределами жилища находки были очень редкими. С восточной стороны культурные остатки западного жилища были отделены от южного вклинившимся между ними довольно широким участком, почти лишенным каких бы то ни было находок. Не совсем ясно, где проходила северо-восточная граница западного жилища, так как в этом месте не чувствуется расстояния между ним и южным жилищем. Очевидно, как говорилось уже об этом выше, границы двух жилищ располагались здесь очень близко друг от друга. Какую форму имело западное жилище, судить трудно, так как исследовано оно не полностью. Во всяком случае, с севера на юг вскрытая часть скопления находок вытянута на 7,5 м, а от западной стены раскопа, под которой продолжают находиться, к востоку — на 4 м. Говорить о расположении входа в это жилище трудно по той же причине. Судя по тому, что находок встречено больше к юго-востоку от очага и именно в этом же направлении за пределами жилища обнаружено около сотни расщепленных кремней, можно лишь предположить, что вход в жилище находился в этом месте, т. е. с юго-востока.

6. К вопросу о синхронности жилищ второго культурного слоя Тельманской стоянки

Итак, во втором культурном слое Тельманской стоянки исследованы остатки пяти верхнепалеолитических жилищ. Принадлежность их к одному и тому же культурному слою не вызывает сомнения. Признаки, характеризующие эти жилища, совершенно одинаковы. Культурные остатки всех жилищ залегают непосредственно под верхней гумусированной прослойкой кирпично-красного цвета, имевшей вид разорванных и покоробленных линз. Культурному слою каждого из пяти жилищ присущи гумусированность, окрашенность охрой, насыщенность

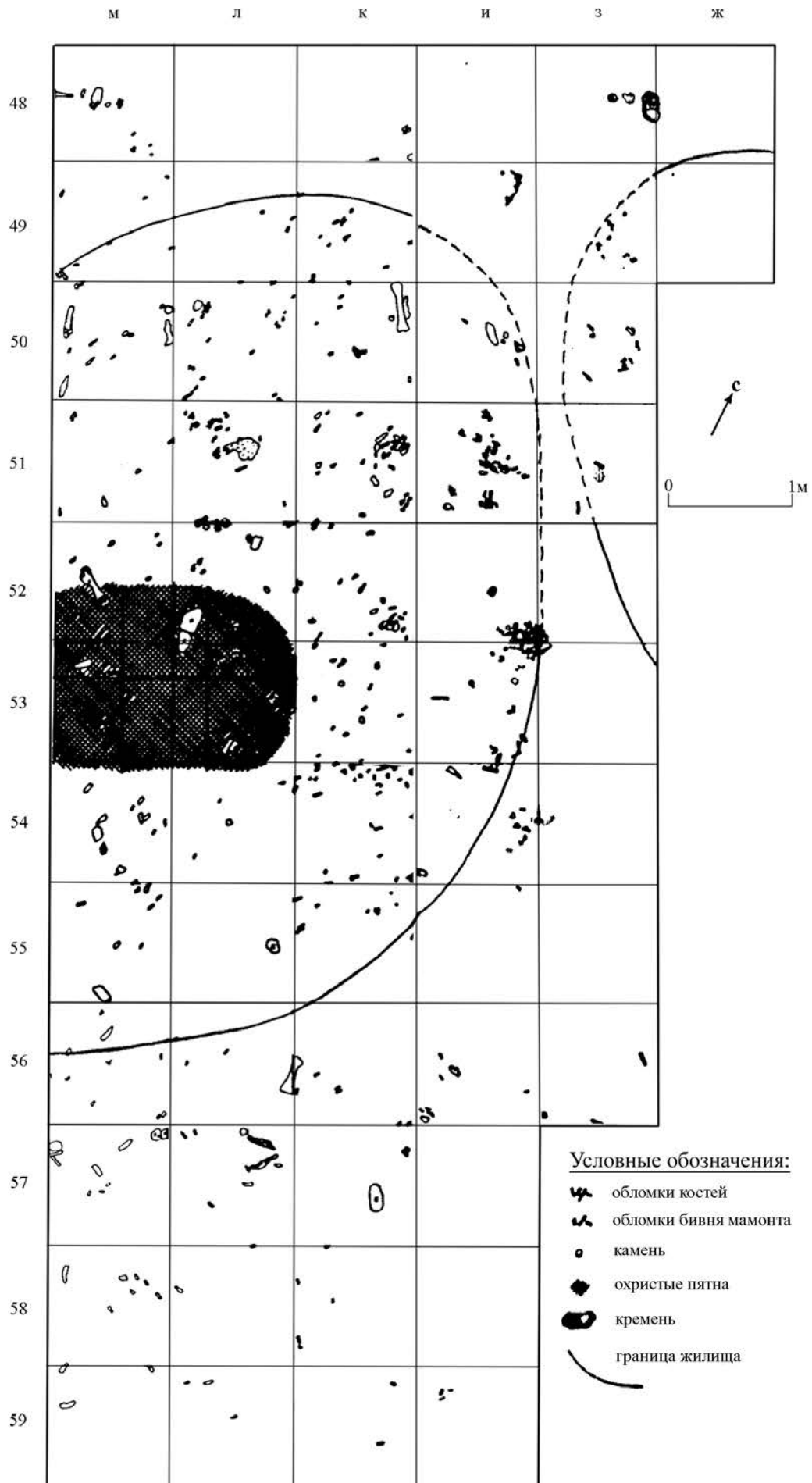
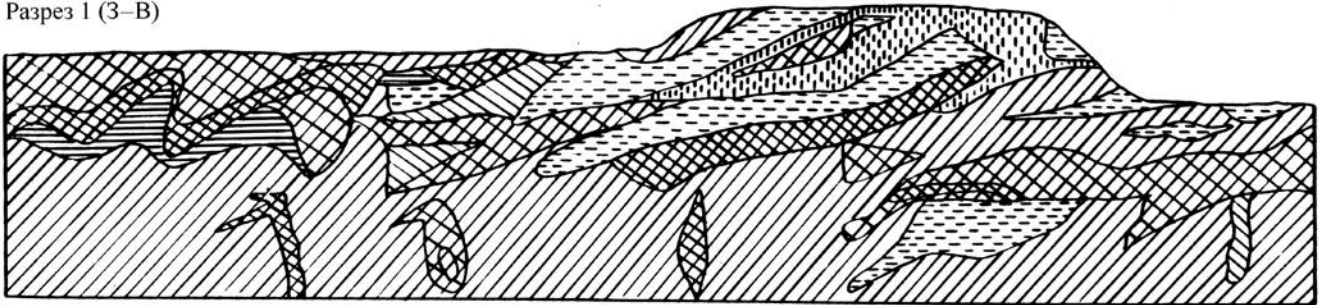

Рис. 58. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. План остатков западного жилища

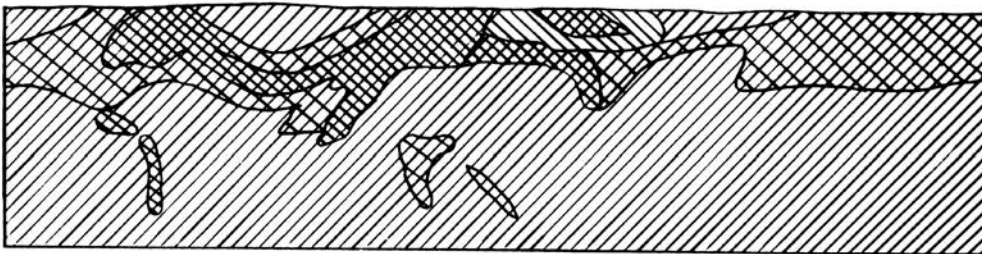
расщепленными кремнями, мелкими обломками костей животных, костными и древесными углями и кусочками охры. Находки на местах жилищ концентрировались вокруг остатков очагов, строение и заполнение которых совершенно одинаковы. Все они представлены углисто-зольной массой с вклинившимися прослойками суглинка и насыщены большим количеством жженных кремней и костей. Дно очагов не углублялось в суглинок. Основание жилищ было лишь слегка углублено в землю, причем проследить это в полевых условиях оказалось очень трудным из-за деформации культурного слоя всех жилищ вместе с породой, его вмещающей, в результате солифлюкционных процессов. Хотя бы небольшую углубленность пола жилищ в суглинок подтверждает тот факт, что скопления культурных

остатков на месте жилищ, располагаясь на пологом склоне в юго-восточном направлении, соответствующем современному склону, остались все же более или менее компактными. Жилища имели округлую или овальную форму с выходом вниз по склону. Ни одно из жилищ не имело признаков расположения выхода из него с северной стороны. Люди защищали себя от холодных северных ветров. К тому же расположение выхода вниз по склону могло предохранить жилища от попадания в них вод, сбегающих по склону. Характерной особенностью культурного слоя всех конструкций является то, что в них не обнаружены крупные кости животных, в частности мамонта, которые могли бы использоваться в качестве строительного материала, как это имело место, например, в первом культурном слое Тельман-

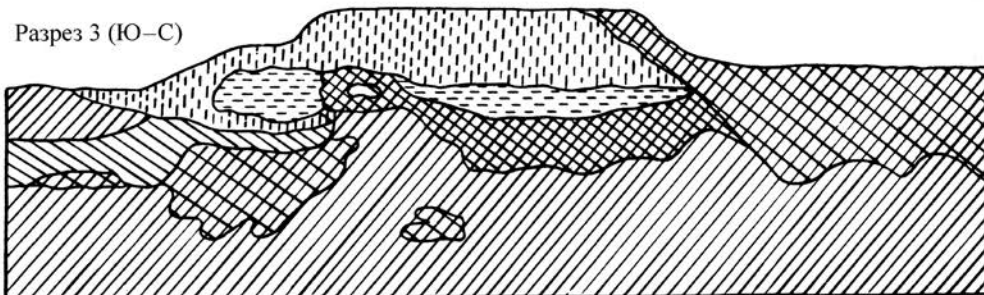
Разрез 1 (З-В)

Разрез 2 (Ю-С)

Разрез 3 (Ю-С)

Условные обозначения:

	лессовидный суглинок желтого цвета		гумусированный суглинок красноватого цвета
	сильно гумусированный суглинок с большой примесью костных и древесных углей		зола с примесью древесных и костных углей
	слабо гумусированный суглинок		пепел
	менее гумусированный суглинок коричнево-серого цвета		

Масштаб 1:5

Рис. 59. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Разрезы очага западного жилища

ской стоянки. Для строительства жилищ второго культурного слоя использовались, очевидно, дерево и шкуры животных. Как будет подробно изложено ниже, кремневый и костяной инвентарь этих жилищ тоже в основном идентичен. Все вышеизложенные факты говорят не только в пользу принадлежности всех жилищ к одному и тому же культурному слою, но и в пользу одновременности их существования. Некоторые сомнения в отношении последнего вывода вызывают остатки юго-восточного жилища. Во-первых,

это жилище является самым маленьким по своим размерам. Во-вторых, если северное, южное, западное и восточное жилища расположены рядом друг с другом, то юго-восточное является отдельным и отстоит от них на значительном расстоянии (рис. 2). И, наконец, в-третьих, только в этом жилище кроме обычного инвентаря второго культурного слоя, характерного для всех жилищ нашей стоянки, были обнаружены концевые скребки с вытянутым асимметричным рабочим краем, обломки толстых пластин с глубокой

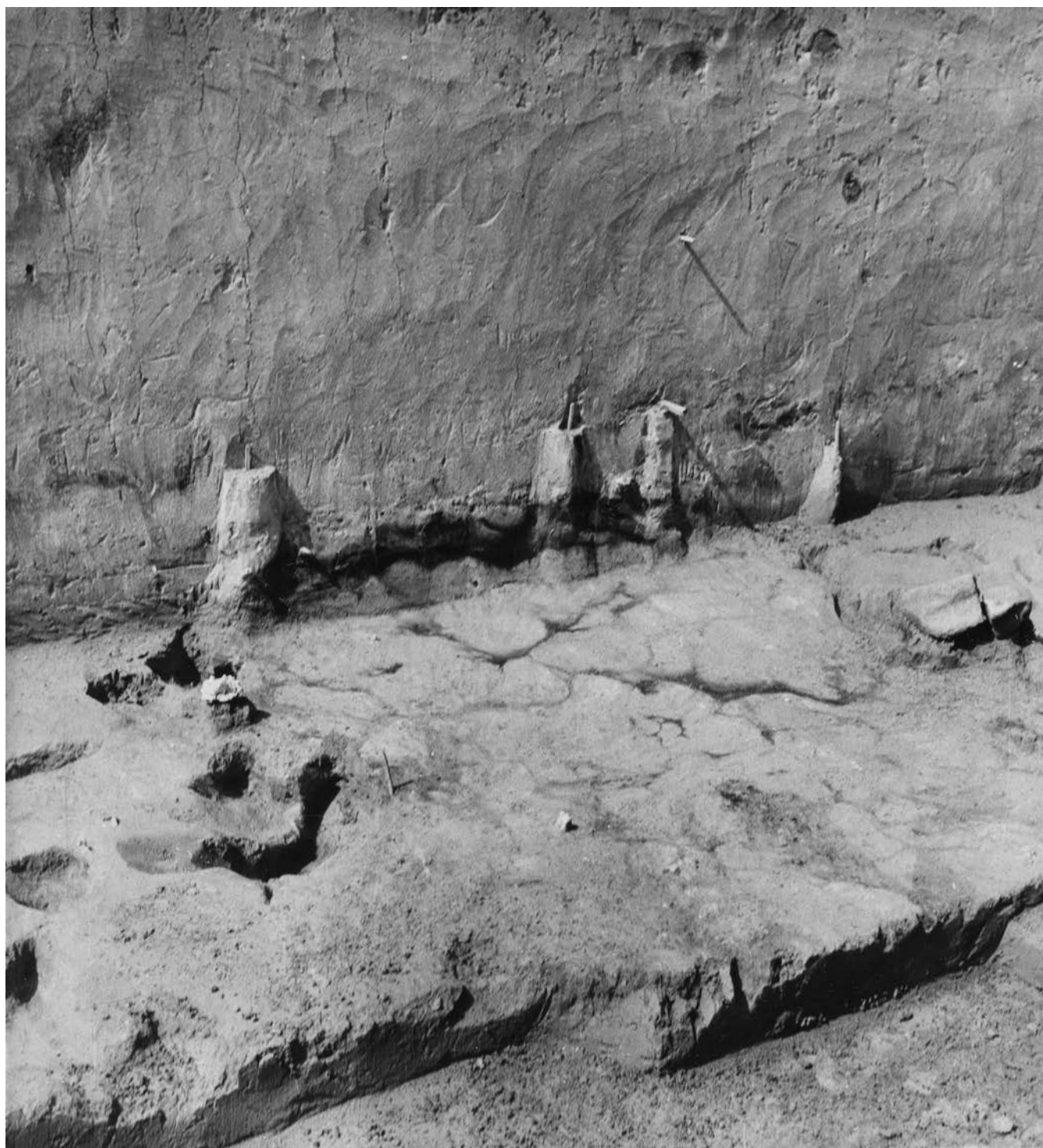

Рис. 60. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Основание очага западного жилища в разрезе западной стены раскопа 1964 г.

подтеской с брющка и великолепные миниатюрные сегменты. К этому следует добавить, что костяной инвентарь юго-восточного жилища также несколько богаче и разнообразнее, чем в остальных жилищах. Эти факты могут свидетельствовать о том, что юго-восточное жилище, возможно, существовало не совсем одновременно, т. е. не синхронно с остальными, а, вероятно, несколько позже, чем остальные жилища. Но промежуток времени, который их, быть может, разделял, был очень незначительным. Находки второго культурного слоя южнее и восточнее этого отдельного жилища, в шурфах на кв. лмн-74–75 и НО-70, позволяют заключить, что в этой части поселения возможен и другой комплекс жилищ. Выше уже разбирался вопрос о синхронности или непрерывной во времени последовательности восточного и южного жилищ. Если допустить, что южное жилище было выстроено рядом с пришедшим в негодность восточным жилищем, и что юго-восточное жилище существовало несколько позже, чем остальные, то напрашивается вывод, что верхнепалеолитический поселок второго культурного слоя Тельманской стоянки состоял из трех одновременных жилищ. Но мы не можем абсолютно отрицать предположения, что четыре жилища (северное, южное, западное и восточное), а может быть, и все пять, существовали одновременно. Они были заселены, вероятно, целой родовой общиной, жители которой могли выстроить их одновременно, либо, обитая длительное время на этом месте, могли перестраивать свой поселок. Жилища второго культурного слоя Тельманской стоянки не приходится сравнивать с такими, для строительства которых использовались крупные кости животных, преимущественно мамонта, или каменные плиты, как это имело место, например, на Гонцовской, Юдиновской, Елисеевичской, Мезинской, Тельманской (верхний слой), Аносовской 2 (верхний слой), Гагаринской, Мальгинской и других верхнепалеолитических стоянках (Левицкий, 1947; Поликарпович, 1940; Поликарпович, 1968; Будько, 1965; Ефименко, Борисковский, 1957; Рогачев, 1957; Замятнин, 1935; Герасимов, 1935; Шовкопляс, 1965). Кроме того, большинство из перечисленных стоянок имеет жилища полуземляного типа. Не имеют ничего общего наши

жилища с такими обширными многоочажными жилищами, какие исследованы на стоянках Костенки 1 (верхний слой), Авдеево, Костенки 4 (нижний горизонт) (Ефименко, 1953; Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950; Рогачев, 1953а; Рогачев, 1955а). Без крупных костей животных или каменных плит в качестве строительного материала, не углубленное в землю, с незначительно углубленными в землю очагами исследовано жилище Б. Климой в Дольних Вестониках в 1948–1952 гг. (Klíma, 1950). Но оно было очень обширным, овальным в плане, с пятью очагами, расположенными не по одной линии. Как предполагает исследователь этого жилища, оно состояло из простых навесов от ветра, не имело крыши и было населено целой общиной. На стоянке Вороновица 1 А. П. Чернышом исследовано одно очень небольшое круглой формы жилище, строительный материал которого также не сохранился. Оно было незначительно углублено в землю и имело в центре очаг, но дно очага было углублено в землю и выложено известняковыми плитами (Черныш, 1956). Более всего наши жилища имеют сходство по своему типу с жилищем, исследованным в 1962 г. С. Н. Астаховым на стоянке Кокорево IV (пятый слой) (Архив ЛОИА, 1962 г., ф. 35, арх. № 1). Последнему присущи все характерные особенности типа жилищ второго культурного слоя Тельманской стоянки. Близким к ним по своему типу является жилище на стоянке Бирючий лог, исследованное А. Н. Рогачевым в 1959 г. (Литоўчанка, 1966). Но, к сожалению, на этих стоянках обнаружены остатки лишь одного жилища, а во втором культурном слое Тельманской стоянки исследованы остатки целого верхнепалеолитического поселка. Этот поселок не является единственным из исследованных у нас и за рубежом. Нам известны верхнепалеолитические поселки на стоянках Мальта, Буреть (в Сибири), в Петржковице, Павлове (Чехословакия) (Окладников, 1941; Klíma, 1954; Klíma, 1955). Два жилища в одном культурном слое исследованы А. Н. Рогачевым на Александровской стоянке в нижнем и верхнем горизонтах (Рогачев, 1955а). Но по своему типу жилища этих верхнепалеолитических поселков непохожи на наши (Литовченко, 1966).

ГЛАВА VII

КРЕМНЕВЫЙ И КОСТЯНОЙ ИНВЕНТАРЬ II КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ

1. Кремневый инвентарь

Кремневый инвентарь II культурного слоя Тельманской стоянки богат и поражает своеобразной и очень высокой техникой первичного расщепления и вторичной обработки кремня. Для изготовления орудий использовался черный меловой кремень с легким налетом голубоватой патины. Такого кремня не было ни в верхних, ни в нижних культурных слоях Тельманской стоянки. Следует отметить, что как заготовки, так и сами орудия, обнаруженные на поселении, за редким исключением, отличаются небольшими размерами. Подавляющее большинство составляют мелкие отщепы и мельчайшие чешуйки кремня, полученные при ретушировании кремневых орудий.

Характерной особенностью типологического состава коллекции кремневого инвентаря является то, что самую многочисленную группу ору-

дий составляют микроострия с притупленным ретушью краем и то, что при наличии большого количества разнообразных резцов скребков здесь встречено очень мало.

Ввиду идентичности кремневого инвентаря, собранного на территории поселения, состоящего из остатков пяти жилищ, его описание дается в целом, а количественные характеристики инвентаря по отдельным жилищам приводятся в табл. 7, 8.

Как уже отмечалось выше, скребков в инвентаре Тельманского поселения мало (табл. 8). Представлены они преимущественно концевыми скребками на пластинах, ретушированных (16 экз.) и не ретушированных по краям (рис. 61: 1–6, 12, 15, 17, 19, 23, 25). Ретушь, чаще всего неполная, оформляет один или оба края пластины со спинки, очень редко встречается ретушь с брюшка или противоположная. Рабочий край, оформленный скребковой ретушью, слегка выпуклый.

Таблица 7. Распределение состава каменного инвентаря II культурного слоя Тельманской стоянки по жилищам

Каменный инвентарь	Жилища					ВСЕГО
	С	Ю	ЮВ	В	З ⁴	
Изделия со вторичной обработкой	619 (10,2 %)	755 (8,0 %)	236 (11,8 %)	248 (12,4 %)	203 (7,3 %)	2061 (9,2 %)
Кремень без вторичной обработки	5421	8711	1746	1744	2521	20 143
Кварцит без вторичной обработки	15	3	18	2	74	112
Сланец без вторичной обработки	19	–	1	–	3	23
ВСЕГО	6074	9470	2001	1994	2801	22 340

Примечания: Жилища: С – северное, Ю – южное; ЮВ – юго-восточное; В – восточное; З – западное.

Таблица 8. Орудийный состав коллекции каменного инвентаря II культурного слоя Тельманской стоянки

Типы орудий	Жилища					ВСЕГО
	С	Ю	ЮВ	В	З ⁴	
1. Скребки	10 (1,6%) ²	15 (2,0%)	14 (5,9%)	6 (2,4%)	6 (3,0%)	51 (2,5%)
А. Концевые:	8	13	13	6	5	45
а) на пластинах	7	8	11	6	4	36
б) на отщепах	1	5	2	–	1	9
Б. Высокой формы	–	1	1	–	–	2
В. Овальные на отщепах	2	1	–	–	1	4
2. Резцы	89 (14,4%)	166 (22,0%)	61 (25,8%)	83 (33,3%)	98 (48,3%)	497 (24,1%)
А. Боковые:	24	55	31	36	23	169

⁴ Западное жилище вскрыто неполностью

Типы орудий	Жилища					ВСЕГО
	С	Ю	ЮВ	В	З ¹	
а) косоретушные	17	22	14	17	12	82
б) пряморетушные	5	19	13	10	6	53
в) продольно ретушированные	1	13	2	4	1	21
г) на отщепах	1	1	2	5	4	13
Б. Угловые:	20	66	15	21	49	171
а) на углу сломанных пластин	17	56	14	21	43	151
б) резцовая кромка образована резцовым сколом и краем	3	7	–	–	1	11
в) на углу сломанных отщепов	–	3	1	–	5	9
В. Срединные:	12	19	9	9	12	61
а) простые	5	5	3	6	4	23
б) на углу пластины	7	12	4	3	7	33
в) на отщепах	–	2	2	–	1	5
Г. Срединные многофасеточные:	21	15	4	7	6	53
а) простые	18	15	2	6	2	43
б) на углу пластины	2	–	2	–	4	8
в) на отщепах	1	–	–	1	–	2
Д. Комбинированные:	12	11	2	10	8	43
а) боковые-угловые	7	3	1	5	2	18
б) боковые-срединные	1	5	1	4	2	13
в) угловые-срединные	–	3	–	1	4	8
г) угловые-срединные многофасеточные	3	–	–	–	–	3
д) боковые-срединные многофасеточные	1	–	–	–	–	1
3. Проколки:	3 (0,5%)	8 (1,1%)	7 (3,0%)	5 (2,0%)	5 (2,0%)	25 (1,2%)
а) с хорошо выделенным жальцем	–	3	7	1	2	13
б) с плохо выделенным жальцем	1	1	–	1	–	3
в) с совсем невыделенным жальцем	2	4	–	3	–	9
4. Пластины с краевой ретушью	118 (19,1%)	138 (18,3%)	56 (23,7%)	60 (24,2%)	46 (22,6%)	418 (20,3%)
А. С ретушированными выемками:	31	25	8	18	5	87
а) по одному краю	11	7	7	10	4	39
б) по обоим краям	9	14	1	8	1	33
в) с одной продолговатой выемкой	11	4	–	–	–	15
Б. Ножевидные:	86	104	48	42	41	321
а) с ретушью со спинки	72	87	47	41	34	281
б) с ретушью с брюшка	11	9	1	1	5	27
в) с противоположащей ретушью	3	8	–	–	2	13
В. С частичной крутой ретушью	1	9	–	–	–	10

Типы орудий	Жилища					ВСЕГО
	С	Ю	ЮВ	В	З ¹	
5. Пластины с вентральной подтеской	–	–	8 (3,4%)	–	–	8 (0,4%)
6. Усеченные пластины	2 (0,3%)	6 (0,8%)	2 (0,8%)	5 (2,0%)	–	15 (0,7%)
а) косо	2	4	2	3	–	11
б) прямо	–	2	–	1	–	3
в) вогнуто	–	–	–	1	–	1
7. Трапеции	6 (1,0%)	3 (0,4%)	–	–	–	9 (0,4%)
8. Орудия с чешуйчатой вентральной подтеской	–	3 (0,4%)	–	–	2 (1,0%)	5 (0,2%)
9. Отщепы с ретушью	10 (1,6%)	24 (3,2%)	31 (13,1%)	35 (14,1%)	8 (3,9%)	108 (5,2%)
а) со спинки	7	20	24	27	5	83
б) с брюшка	3	4	7	8	3	25
10. Микроострия с притупленным краем (целые / фрагменты)	376 (60,7%)	383 (50,7%)	40 (17,0%)	53 (21,4%)	40 (19,7%)	892 (43,3%)
А. Край, противоположный притупленному, не обработан	7/82	4/104	1/6	1/6	1/8	14/206
Б. Край, противоположный притупленному, оформлен мелкой ретушью	15/50	3/60	2/3	1/12	–/7	21/132
В. Край, противоположный притупленному, оформлен ретушью у одного или обоих концов	41/107	24/92	10/4	5/17	3/19	83/239
Г. На конце плоская поперечная вентральная подправка	9/13	2/35	2/5	–/1	1/–	14/54
Д. Один из концов косо усечен крутой ретушью	–/19	6/19	–/2	2/1	–	8/41
Е. С частично притупленным крутой ретушью краем	11/21	6/12	4/1	4/3	–/1	25/38
Ж. Острия граветт	–/1	2/14	–	–	–	2/15
11. Сегменты	–	–	14 (5,9%)	–	–	14 (0,7%)
12. Микропластины с мелкой краевой ретушью (целые и обломки)	5 (0,8%)	7 (0,9%)	2 (0,8%)	–	1 (0,5%)	15 (0,7%)
13. Скребловидные орудия	–	2 (0,3%)	1 (0,4%)	–	–	3 (0,1%)
14. Кусочек шлифованного сланца	–	–	–	1 (0,4%)	–	1 (0,05%)
ИТОГО	619	755	236	248	203	2061

Примечания: ¹ Западное жилище вскрыто не полностью. ² Процентное отношение указано относительно общего количества орудий для каждого жилища.

Следует отметить, что 8 концевых скребков сочетаются с резами на противоположных концах пластин, среди которых имеются: 1 угловой резец, 2 боковых пряморетушных (1 двойной), 2 боковых косоретушных, 1 срединный простой, 1 срединный на углу пластины и 1 срединный многофасеточный (рис. 61: 13, 16, 24, 26).

Своеобразную группу среди концевых скребков на пластинах в инвентаре юго-восточно-

го жилища представляют 3 скребка, имеющих не слегка выпуклый, а заметно вытянутый, причем асимметричный рабочий край (рис. 61: 14, 18). Один из них является двойным экземпляром и имеет подтеску с брюшка по краям пластины (рис. 61: 27). Выделяется еще один концевой скребок на ретушированной пластине с вытянутым, почти заостренным, но симметричным рабочим лезвием (рис. 61: 22).

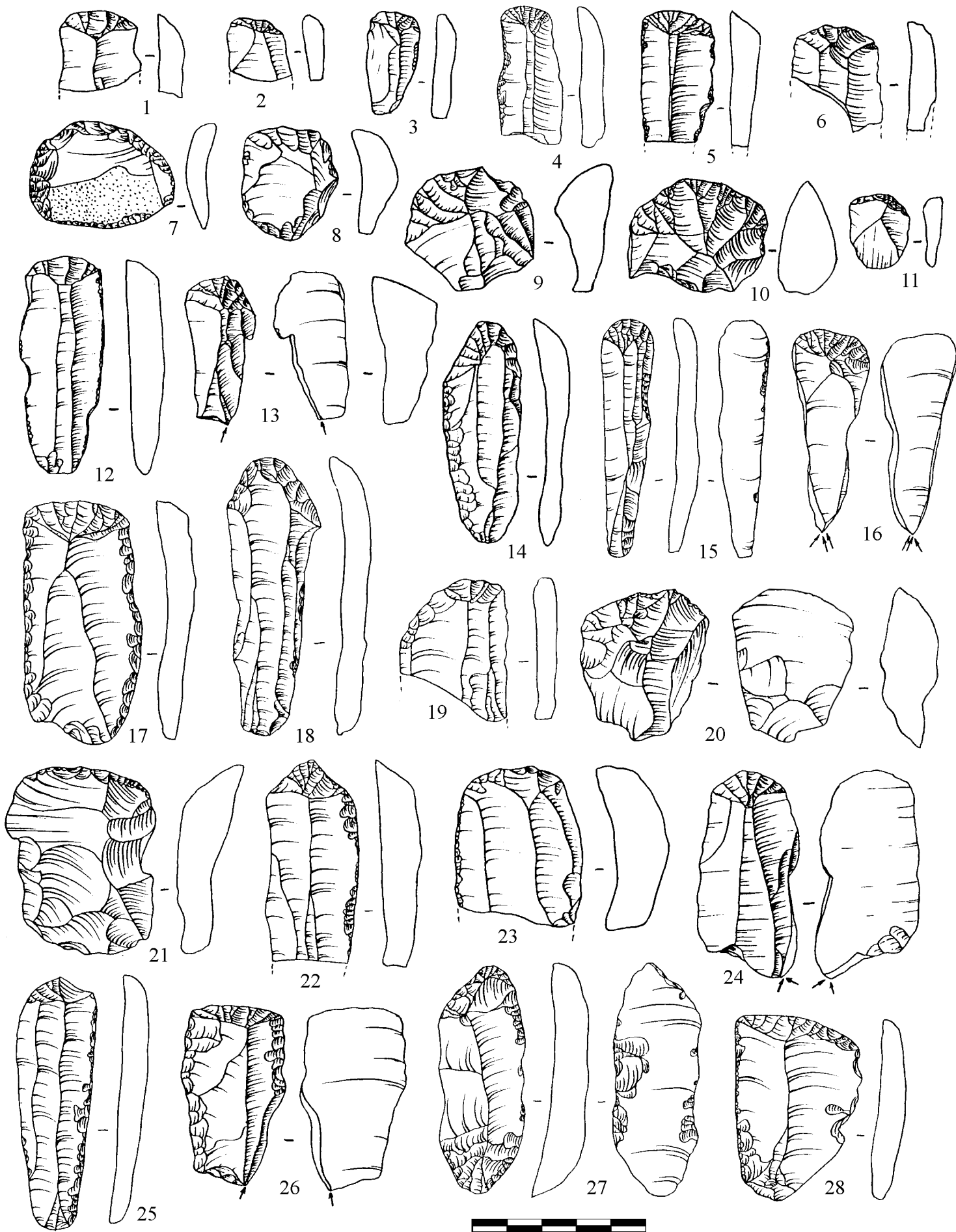

Рис. 61. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Кремневый инвентарь. Скрепки

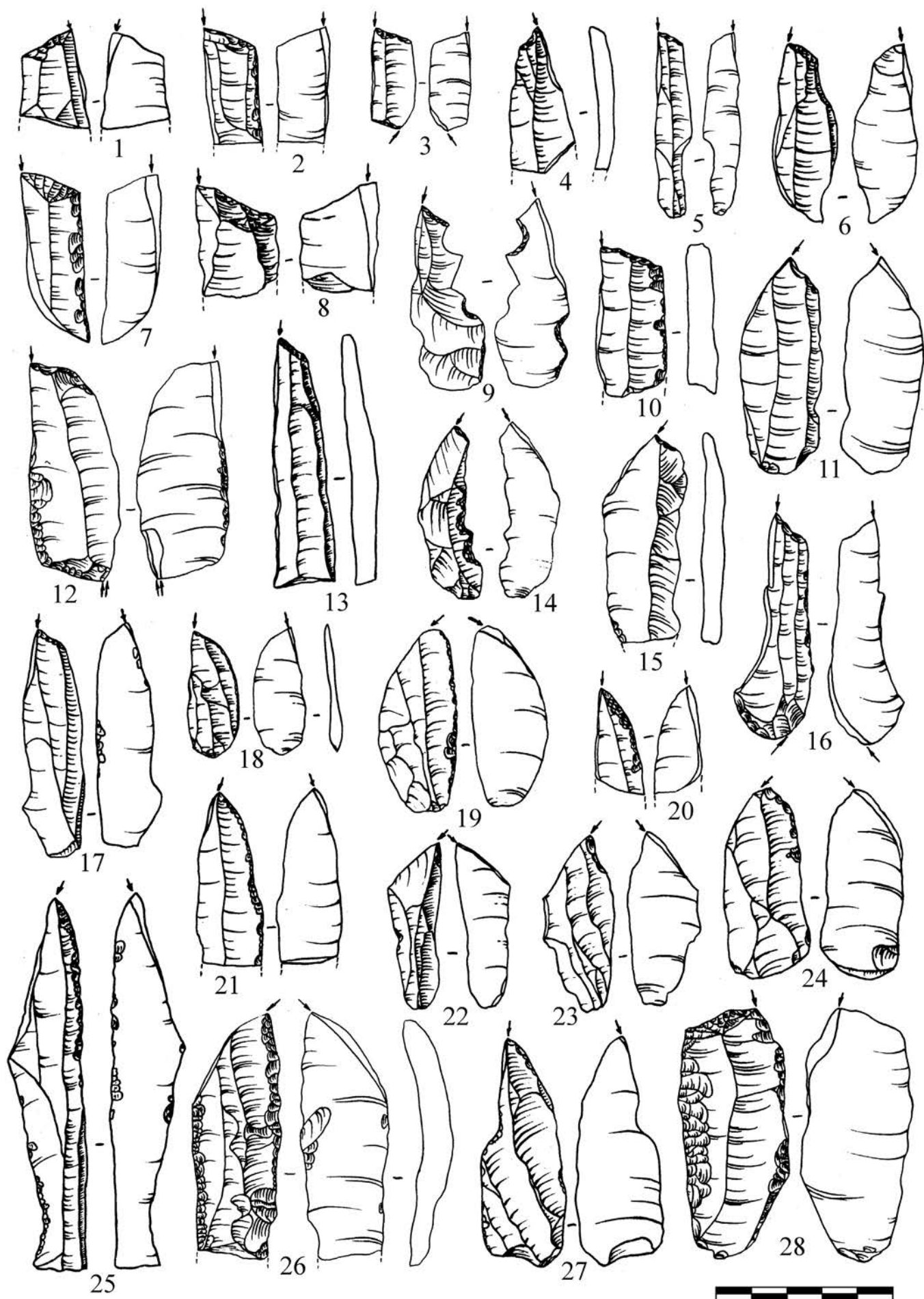

Рис. 62. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой. Кремневый инвентарь. Боковые резцы

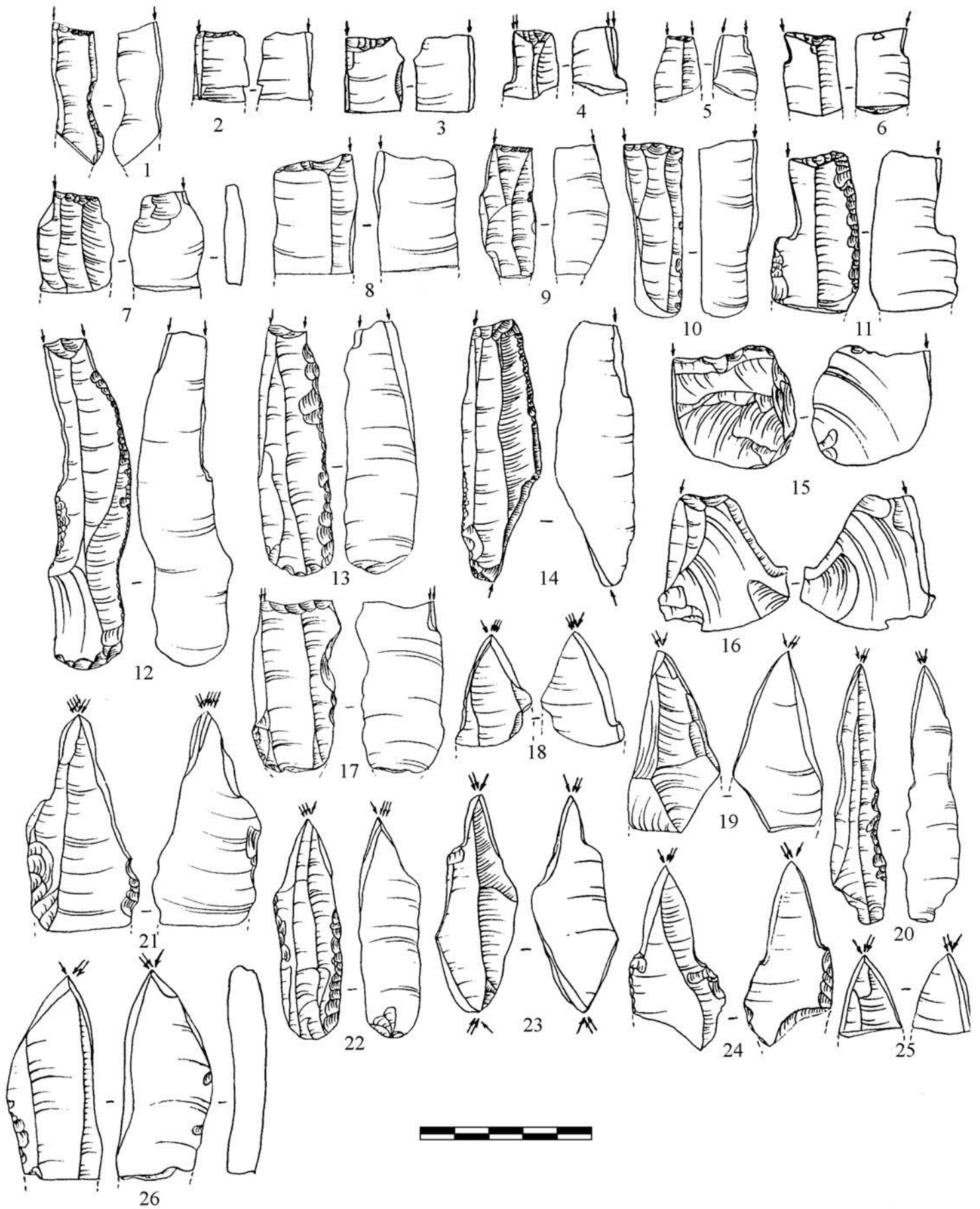

Рис. 63. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
 Кремневый инвентарь: 1-17 — боковые резцы; 18-26 — многофасеточные резцы

Двойных экземпляров среди концевых скребков, включая упомянутый, всего два. Столько же концевых скребков сделано на ретушированных кварцитовых пластинах. Некоторые концевые скребки изготовлены на отщепках, как ретушированных по краям (3 экз.), так и без краевой ретуши (рис. 61: 8, 11, 21, 28). Один из них имеет на противоположном рабочему краю конце подтеску с брюшка (рис. 61: 20).

Выделяется один скребок высокой формы, который сочетается на противоположном конце пластины с угловым резцом (рис. 61: 13) и один скребок на толстом небольшом отщепе округлой формы, рабочий край которого оформлен в манере, сходной с манерой оформления рабочего края скребка высокой формы на пластине (рис. 61: 9).

Выделяются также овальные скребки на отщепках, рабочий край которых оформлен ретушью по всему овальному контуру или по длинным сторонам овала (рис. 61: 7, 10).

В отличие от скребков, орудия категории резцов в инвентаре II культурного слоя Тельманской стоянки представлены многочисленной и разнообразной серией (табл. 8). Почти все они изготовлены на пластинах, нередко ретушированных дорсальной ретушью по одному или по обоим краям. Характер ретуши тот же, что и на краях концевых скребков. Больше всего на поселении обнаружено ретушных и угловых резцов, гораздо меньше двугранных, двугранных многофасеточных и, наконец, комбинированных резцов.

Среди боковых резцов на пластинах (63 экз. на ретушированных пластинах) выделяются косоретушные (рис. 62: 1, 2, 4–8, 10–11, 13, 15, 17, 28), пряморетушные (рис. 63: 1–11, 17) и поперечные, рабочий край которых образован резцовым сколом и ретушированным дорсальной ретушью продольным краем пластины (рис. 62: 18–27). Преобладающей группой среди ретушных резцов являются косоретушные на пластинах, один конец которых косо усечен притупляющей ретушью. Аналогичным образом оформлены концы пряморетушных резцов. Обращает на себя внимание то, что у подавляющего большинства ретушных резцов резцовые сколы расположены с левой стороны и многие из них имеют несколько скошенное в сторону брюшка лезвие. Следует отметить, что среди ретушных резцов 11 являются двойными (рис. 62: 3, 12, 16; рис. 63: 12–14), а 2 резца изготовлены на пластинах с ретушированными краевыми выемками (рис. 62: 9, 14). Боковых резцов на отщепках очень мало (рис. 63: 15, 16).

Столь же многочисленной группой представлены и угловые резцы. Среди них различаются

резцы на углу сломанных пластин (рис. 64: 1–3, 6–8, 11–16, 18, 22, 23, 26–30) и, очень редко, отщепов (рис. 64: 19, 20, 25), а также резцы, рабочий край которых образован резцовым сколом и продольным краем пластины (рис. 64: 9, 31), аналогично группе поперечных ретушных резцов. Резцовые сколы расположены преимущественно с левой стороны. Обращает на себя внимание то, что большинство угловых резцов сделано на пластинах без краевой ретуши (113 экз.), что характерно и для ретушных резцов. Двойных экземпляров среди угловых резцов 18 штук (рис. 64: 4, 10, 17, 21, 24, 27). Имеется один экземпляр с тремя рабочими краями (рис. 64: 28). Один двойной резец изготовлен на углу сломанной пластины с ретушированными выемками по одному краю (рис. 64: 24).

Двугранных или срединных резцов обнаружено на поселении гораздо меньше, чем угловых и ретушных. Среди них выделяются срединные резцы на пластинах с угловым положением лезвия (рис. 65: 1–3, 5, 8, 13, 16, 19, 21) и простые (с симметричным положением) (рис. 65: 4, 6, 9, 10, 14, 15, 20, 22). Преобладают первые.

Большинство резцов сделано на пластинах без краевой ретуши (36 экз.). Имеются два двойных экземпляра (рис. 65: 17) и два срединных резца на пластинах с ретушированными выемками по одному и обоим краям (рис. 65: 12, 18). Срединных резцов на отщепках очень мало (рис. 65: 7, 11, 23).

Далее по своему количеству следуют срединные многофасеточные резцы (рис. 63: 18–22, 24–26). В их числе имеется небольшое количество срединных многофасеточных на пластинах с угловым положением лезвия (рис. 65: 25, 26). Их рабочие лезвия образованы чаще тремя, реже четырьмя и более резцовыми сколами. Подавляющее большинство многофасеточных резцов (41 из 53) изготовлены на неретушированных пластинах; имеются три двойных экземпляра (рис. 63: 23) и один, сделанный на ретушированной кварцовой пластине. Следует отметить, что многие резцы этого типа лишены удобной режущей кромки (рис. 65: 24) и поэтому вряд ли могли использоваться по своему прямому назначению. Скорее всего, они являлись вторичными ядрищами, с которых приемами резцового скола осуществлялось снятие многочисленных микропластин, наличие которых в огромном количестве является характерной особенностью кремневого инвентаря поселения II культурного слоя Тельманской стоянки.

Кроме того, в инвентаре рассматриваемого комплекса имеются комбинированные резцы,

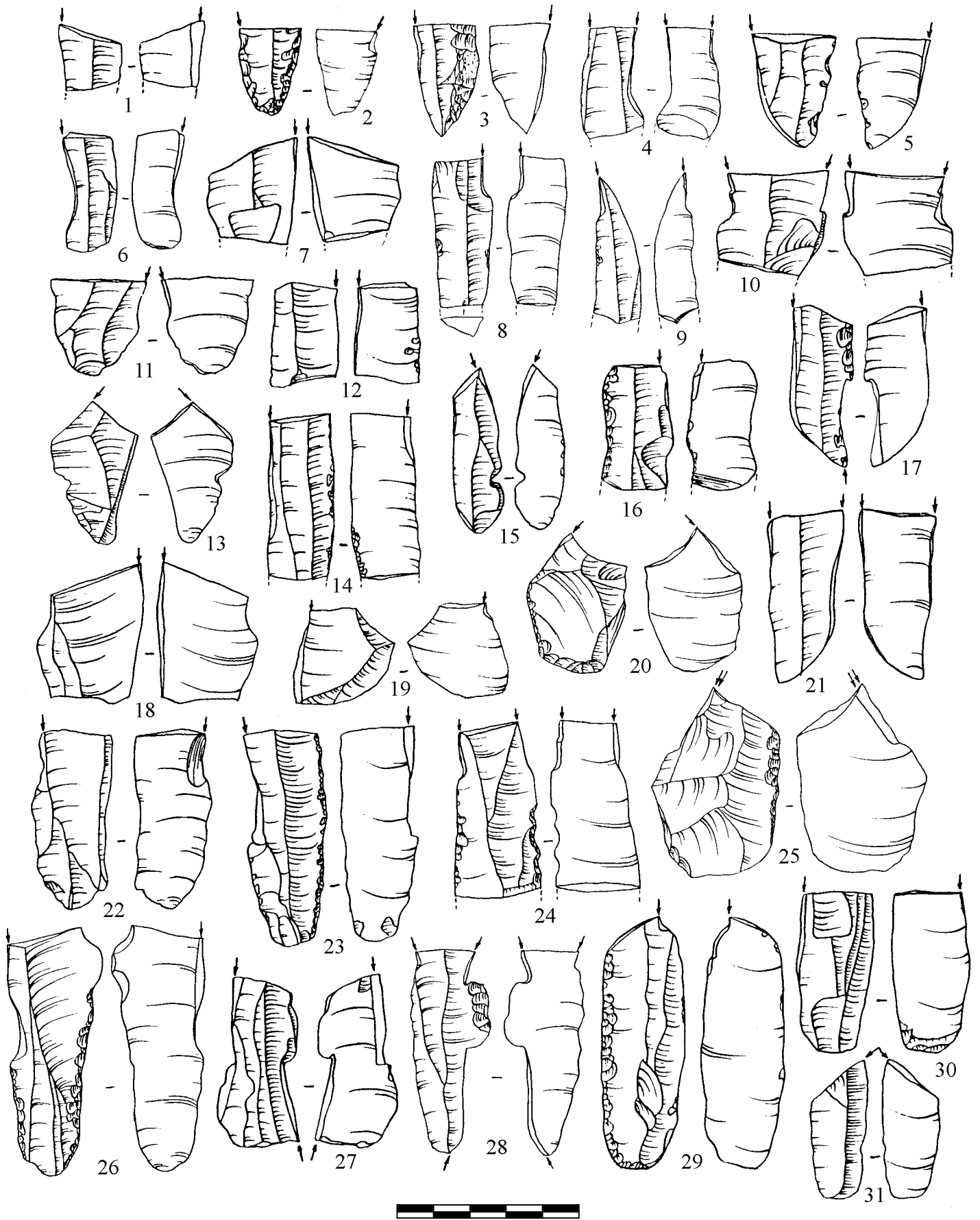

Рис. 64. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
Кремневый инвентарь. Угловые резцы

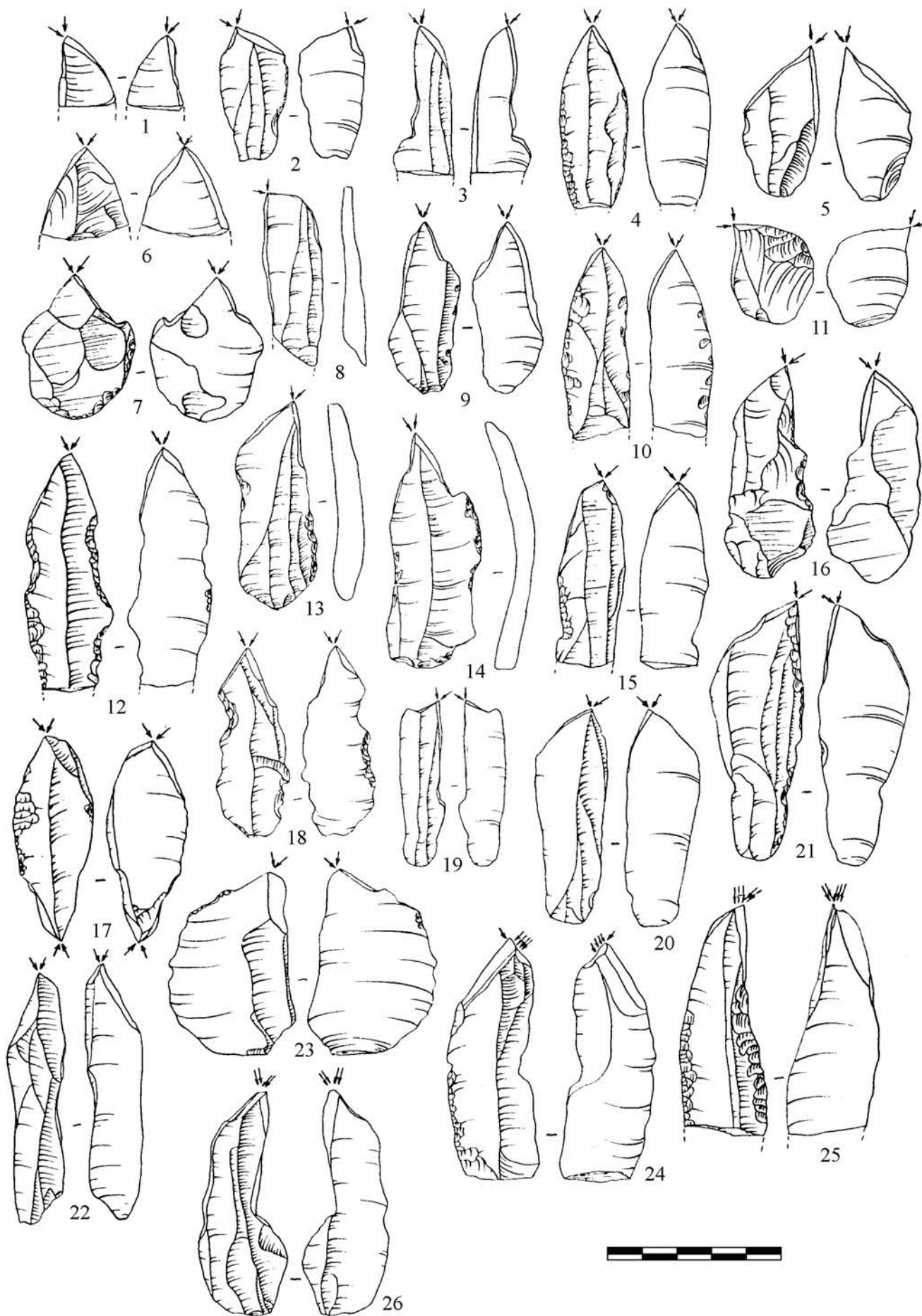

Рис. 65. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
 Кремневый инвентарь: 1–23 — срединные резцы; 24–26 — срединные многофасеточные резцы

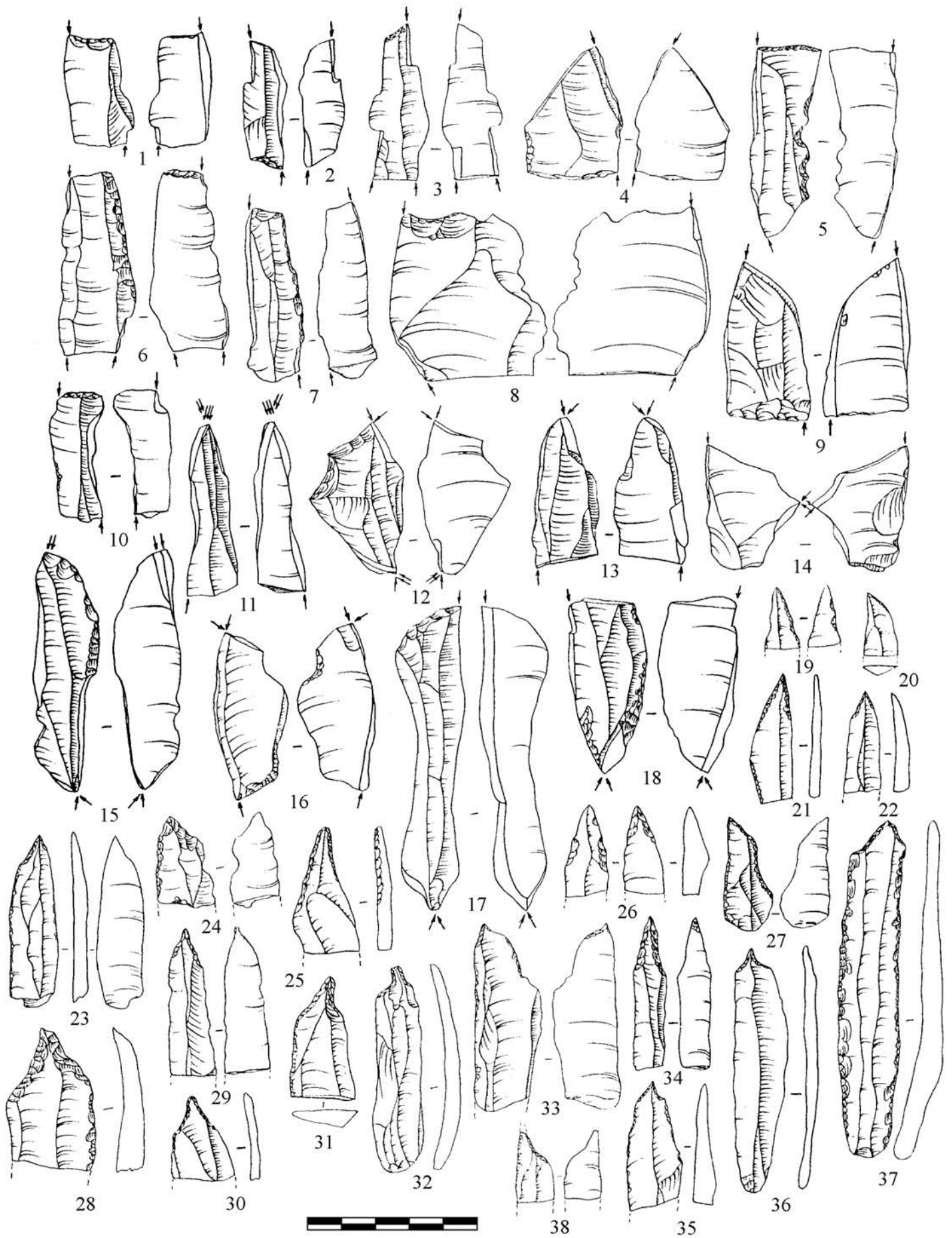

Рис. 66. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
 Кремневый инвентарь: 1–18 — комбинированные резцы; 19–37 — проколки

которые представляют собой сочетание двух различных типов резцов на противоположных концах одной и той же пластины. Следует отметить, что на этих орудиях повторяются только вышеописанные типы резцов. Преобладающей группой среди них являются ретушные-угловые резцы (рис. 66: 1–10), затем следуют срединные-боковые (рис. 66: 15–17) и срединные-угловые (рис. 66: 13, 14, 18), угловые-срединные многофасеточные (рис. 66: 11) и ретушные-срединные многофасеточные (рис. 66: 12). Комбинированные резцы сделаны в основном на пластинах, как ретушированных (21 экз.), так и не ретушированных. При этом 2 экземпляра изготовлены на пластинах с ретушированными краевыми выемками (рис. 66: 5, 16). Комбинированных резцов на отщепах зафиксировано всего 4 экземпляра (рис. 66: 8, 12, 14).

В связи с подавляющим преобладанием в коллекции орудий категории резцов логичным является и наличие большого количества резцовых сколов как со следами ретуши, так и без нее (табл. 9).

В инвентаре II культурного слоя Костенок 8 в небольшом количестве представлены проколки (табл. 8), изготовленные на пластинах, преимущественно не ретушированных (15 экз.). Среди них различаются проколки с хорошо выделенными, плохо выделенными и совсем не выделенными жальцами. Преобладают первые. Их жальца оформлены крутой, реже полукрутой дорсальной ретушью, причем некоторые из них являются симметричными со срединным положением лезвия (рис. 66: 29, 30, 33, 35, 36), а некоторые имеют клювовидную форму (рис. 66: 28, 31, 32). Последних среди проколок с хорошо выделенными жальцами насчитывается 7 экз. (4 из них обнаружены на площади юго-восточного жилища). Острия проколок с плохо выделенными или совсем не выделенными жальцами оформлены по-разному: крутой, полукрутой или мелкой ретушью, иногда комбинированной, как правило, дорсальной. 4 проколки среди них имеют боковое положение лезвия (рис. 66: 20, 27, 38), остальные — срединное (рис. 66: 19, 21, 26, 34, 37). Двойных экземпляров нет.

Таблица 9. Нуклеусы и продукты расщепления II культурного слоя Тельманской стоянки

Типы орудий	Жилища					ВСЕГО
	С	Ю	ЮВ	В	З ¹	
1. Нуклеусы кремневые	10	22	10	4	9	55 (0,3%)
а) одноплощадочные	4	2	1	1	1	9
б) двуплощадочные	2	10	4	1	4	21
в) многоплощадочные	–	10	1	2	3	16
г) вторичные	4	–	4	–	1	9
2. Отщепы	3801	7180	1435	1247	1935	15 598 (76,9%)
А. Кремневые:	3767	7177	1416	1247	1909	15 516
а) меловой кремь	3767	7149	1405	1247	1907	15 475
б) цветной кремь	–	28	11	–	2	41
Б. Кварцитовые	15	2	18	–	23	58
В. Сланцевые	19	–	1	–	3	23
Г. Обсидиановые	–	1	–	–	–	1
3. Пластины и их обломки	463	824	162	242	311	2002 (9,9%)
А. Кремневые:	463	823	162	240	292	1980
а) меловой кремь	463	822	162	240	292	1979
б) цветной кремь	–	1	–	–	–	1
Б. Кварцитовые	–	1	–	2	19	22
4. Микропластины и их обломки	819	385	59	68	174	1505 (7,4%)
а) кремневые	819	385	59	68	142	1473
б) кварцитовые	–	–	–	–	32	32
5. Резцовые сколы кремневые	362	304	99	185	169	1119 (5,5%)
а) со следами ретуши	139	170	23	47	41	420
б) без ретуши	223	134	76	138	128	699
ИТОГО	5455	8715	1765	1746	2598	20 279 (90,8%)

Примечание: ¹ Западное жилище вскрыто не полностью.

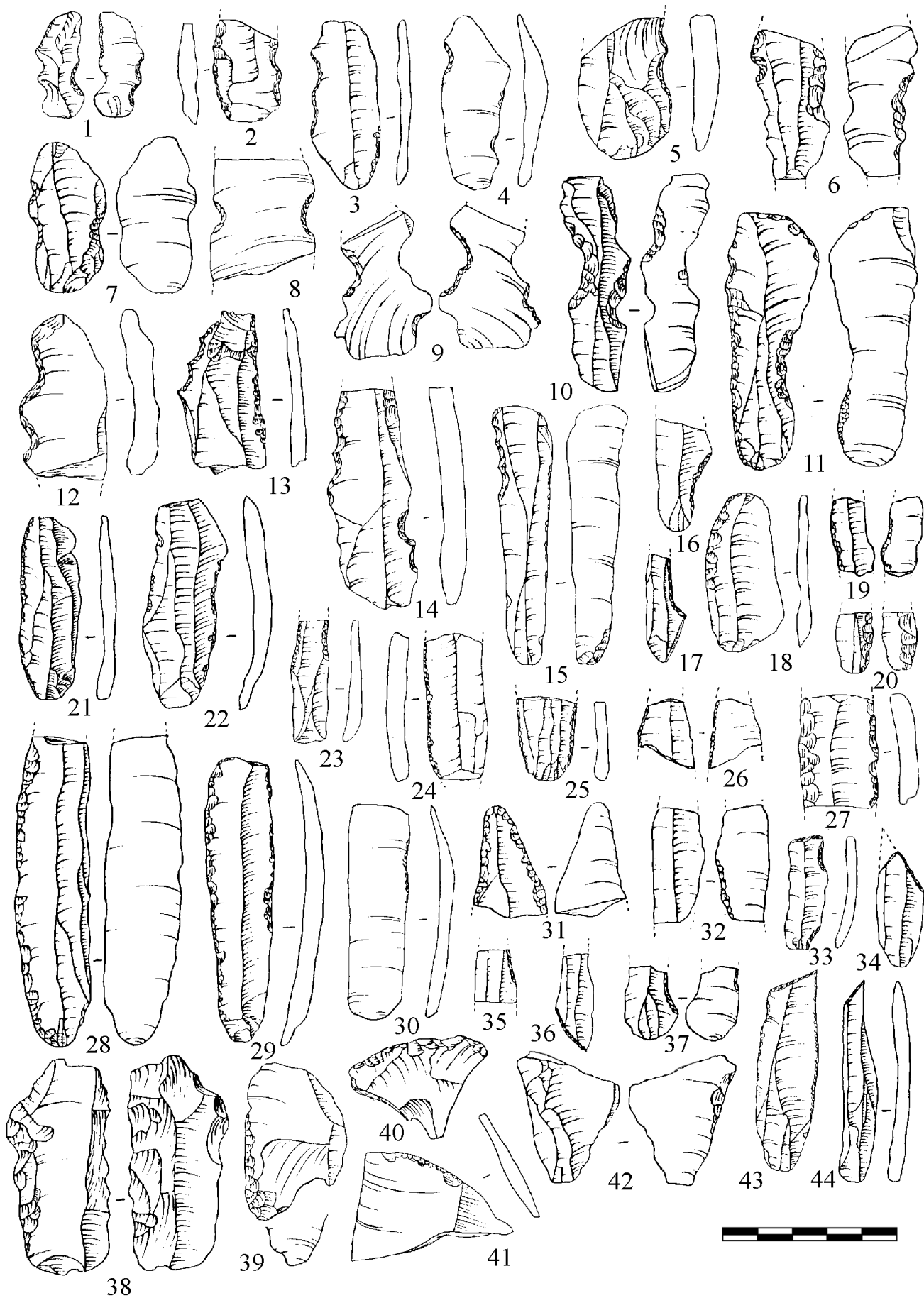

Рис. 67. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
 Кремневый инвентарь: 1-17 — пластины с выемками; 18-32 — ножевидные пластины;
 33-37 — обломки пластин с частичной крутой ретушью; 38 — пластина с глубокой подтеской с брюшка;
 39-42 — отщепы с ретушью

В инвентаре II культурного слоя Тельманской стоянки имеется очень много различным образом обработанных пластин (табл. 8). Среди них наиболее архаическим элементом верхнепалеолитической техники являются пластины с ретушированными выемками, широкими и узкими, по одному или по обоим краям пластины (рис. 67: 1–12). В тех редких случаях, когда выемки расположены рядом, они образуют зубчатые выступы (рис. 67: 13–15). Обычно пластины с выемками имеют неровные очертания самой заготовки. Выемки оформлены преимущественно крутой дорсальной ретушью, очень редко вентральной, на единичных экземплярах отмечена их комбинация. Одна пластина с выемками по обоим краям изготовлена из кварцита. Сюда же можно отнести и пластины, имеющие одну продолговатую выемку у верхнего (9 экз.) или нижнего (6 экз.) конца пластины, оформленную крутой дорсальной ретушью (рис. 67: 16–17).

Большой серией представлены ножевидные пластины с приостряющей краевой ретушью, главным образом дорсальной, редко вентральной или противоположающей. Длина целых экземпляров составляет 4–8 см, редко — 10–12 см (рис. 67: 18–32). В подавляющем большинстве случаев ретушью (преимущественно мелкой и ровной, чаще всего частичной) оформлен один, редко оба края пластины. Такие пласти-

ны могли употребляться в качестве ножей, а мелкая ретушь, скорее всего, является ретушью утилизации. Для тех же целей, что и ножевидные пластины, могли использоваться ретушированные отщепы (рис. 67: 39–42). Характер ретуши у них такой же, как и на пластинах, но представлены они гораздо меньшим количеством (табл. 8).

Особо следует отметить 2 пластины, обнаруженные на территории восточного жилища. Одна из них, длиной 22 см при ширине 2,3 см (рис. 68: 1), была найдена сломанной на три части разной длины, причем два куса имели одинаковую светлую патину, а один — более темную. Оба края пластины обработаны крупной ретушью, а на верхнем конце имеется резцовый скол. Можно полагать, что эта великолепная пластина использовалась в качестве ножа и была сломана на две части в древности, причем один фрагмент был выброшен, а другой, тот, который сохранил темный цвет, близкий естественному цвету кремня, был использован вторично, в качестве резца. Этот фрагмент был найден вдали от первых двух фрагментов, обнаруженных рядом. Другая пластина, точнее, обломок ее нижнего конца, имеет крупную ретушь по овалу и является довольно массивной (рис. 69: 23). В этой связи следует отметить, что в южном жилище

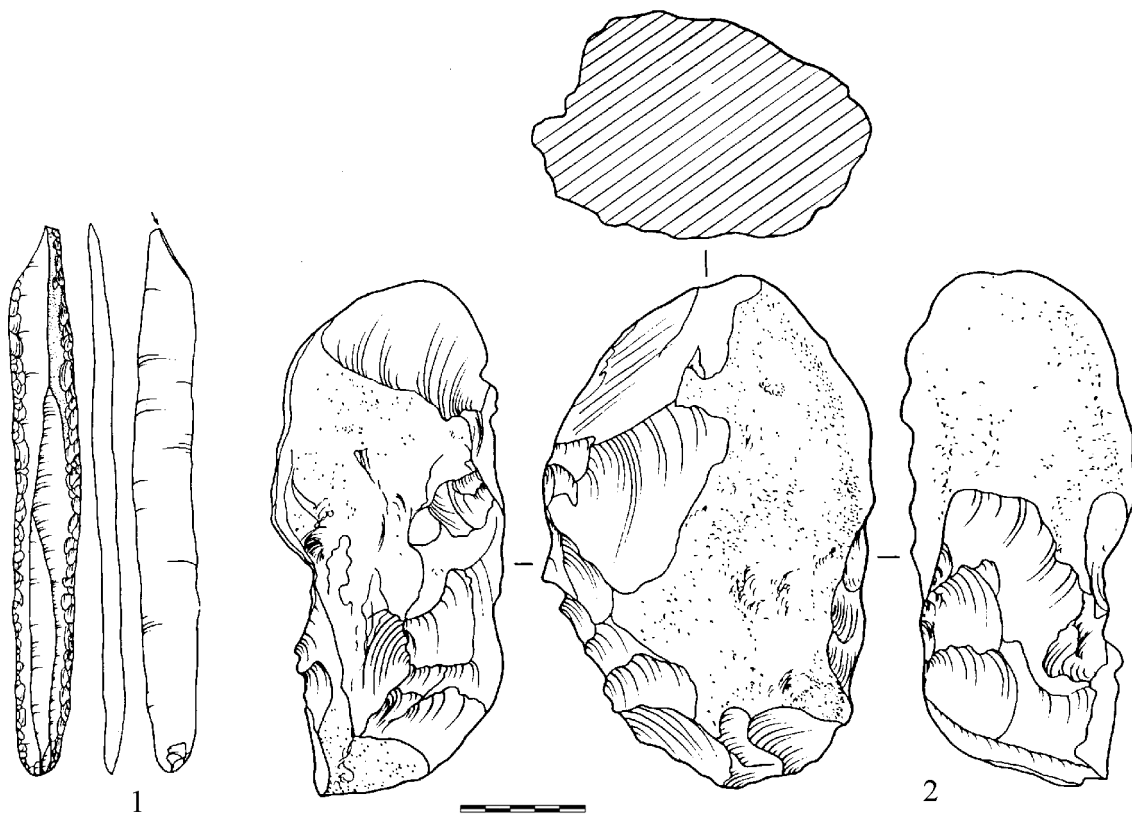

Рис. 68. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
Кремневый инвентарь: 1 — пластина с крупной ретушью по краям; 2 — нуклеус

Рис. 69. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
 Кремневый инвентарь: 1–11, 15 — призматические нуклеусы; 12–14 — вторичные нуклеусы;
 16–19 — чешуйчатые орудия; 20, 21 — скребловидные орудия; 22, 23 — обломки массивных пластин
 с крутой ретушью

был обнаружен один обломок верхнего конца такой же толстой пластины со слегка заостренным концом, с такого же типа крупной ретушью. Эта находка типологически похожа на обломок остря (рис. 69: 22).

Десятком экземпляров в инвентаре представлены обломки пластин с частичной крутой ретушью по краям (рис. 67: 35–37).

Обращает на себя внимание небольшая серия пластин, обнаруженных только на территории юго-восточного жилища. Все они выделяются своей толщиной и имеют по краям глубокую вентральную подтеску, что формирует волнистый край пластины (рис. 67: 38). Кроме того, три обломка среди них имеют частичную дорсальную ретушь по одному или по двум краям. Назначение этих орудий неясно, так как отсутствует удобное рабочее лезвие.

В небольшом количестве в коллекции представлены усеченные крутой ретушью пластины (рис. 67: 34, 43, 44). Краевая ретушь имеется лишь на одном экземпляре (рис. 67: 43); у большинства из них острый конец поврежден. Скорее всего, большая часть этих орудий употреблялась в качестве проколов или острий. Три экземпляра с прямо усеченным верхним концом (рис. 67: 33), видимо, имели иное назначение.

Среди геометрических форм орудий, обнаруженных на поселении, следует отметить несколько трапеций на пластинах (табл. 8), по форме неравносторонних (рис. 70: 107). Боковые стороны этих трапеций оформлены крутой ретушью, основание — мелкой приостряющей дорсальной ретушью, вершина — не ретуширована. Из 5 трапеций 4 происходят с площади северного жилища. Есть незаконченные экземпляры (рис. 70: 106). Судя по тому, как тщательно оформлены ретушью острые концы у основания трапеций, можно предполагать, что эти орудия использовались в качестве проколов или острий, но не исключена возможность употребления их в качестве вкладышей составных костяных или деревянных орудий.

В инвентаре поселения имеется 5 орудий с чешуйчатой вентральной подтеской (табл. 8). Все они изготовлены на отщепах и имеют одно или два рабочих лезвия (рис. 69: 16–19).

Самой многочисленной группой орудий в инвентаре II культурного слоя Костенок 8 являются микроострия с притупленным крутой ретушью краем (табл. 8), заготовками для которых служили тонкие узкие микропластины и, довольно часто, треугольные в сечении резцовые сколы. Эти орудия свидетельствуют о необычайно высокой и совершенной технике расще-

пления и ретуширования кремня. Удивительно малые размеры заготовок для микроострий свидетельствуют о том, что они не могли быть получены с обычных ядрищ. В качестве нуклеусов в этих случаях использовались пластины и отщепы, с которых приемом резцового скола получали микропластины столь малых размеров. Подавляющее большинство среди них имеет длину 25–30 мм при ширине 3–4 мм и толщине 1,5–2 мм. Имеется значительное количество и более мелких микроострий, длиной до 15 мм при ширине 1,5–2 мм и толщине 1 мм. Есть и более крупные экземпляры, длиной до 50 мм при ширине 6 мм и толщине 3–4 мм. Таких, однако, немного.

Общей чертой всех микроострий является то, что один край у них притуплен крутой ретушью. Различаются они по характеру оформления противоположного края.

Есть микроострия, у которых край, противоположный притупленному, не имеет вторичной обработки (рис. 70: 1–6). Есть изделия с полностью ретушированным мелкой дорсальной ретушью краем, что в сочетании с противоположным притупленным придает им вид двухконечных острий. Преобладает дорсальная ретушь (рис. 70: 31–39).

У некоторых микроострий дорсальная или вентральная ретушь края, противоположного притупленному, локализована лишь у концов (иногда только у одного конца, нижнего или верхнего), при наличии разнообразных комбинаций (рис. 70: 7–30).

Среди микроострий имеются такие, у которых один острый конец оформлен поперечной плоской вентральной подправкой, которая иногда дополнена мелкой дорсальной ретушью у одного из концов, у обоих или по всему краю (рис. 70: 40–52).

Выделяются микроострия с косо усеченным крутой ретушью нижним или верхним концом. На некоторых экземплярах, кроме этого, имеется дорсальная ретушь по всему краю или локализованная только у верхнего конца (рис. 70: 53–61). Микроострия с косо усеченным концом напоминают по форме низкие треугольники.

Среди микроострий встречаются и такие, которые имеют вид микроострий с незаконченной обработкой: один край у них притуплен крутой ретушью не полностью, а частично, у одного или обоих концов. При этом другой край оформлен также по-разному, как и у экземпляров с полностью притупленным краем (рис. 70: 68–90). Четыре обломка микроострий имеют частичную крутую ретушь по обоим краям (рис. 70: 79).

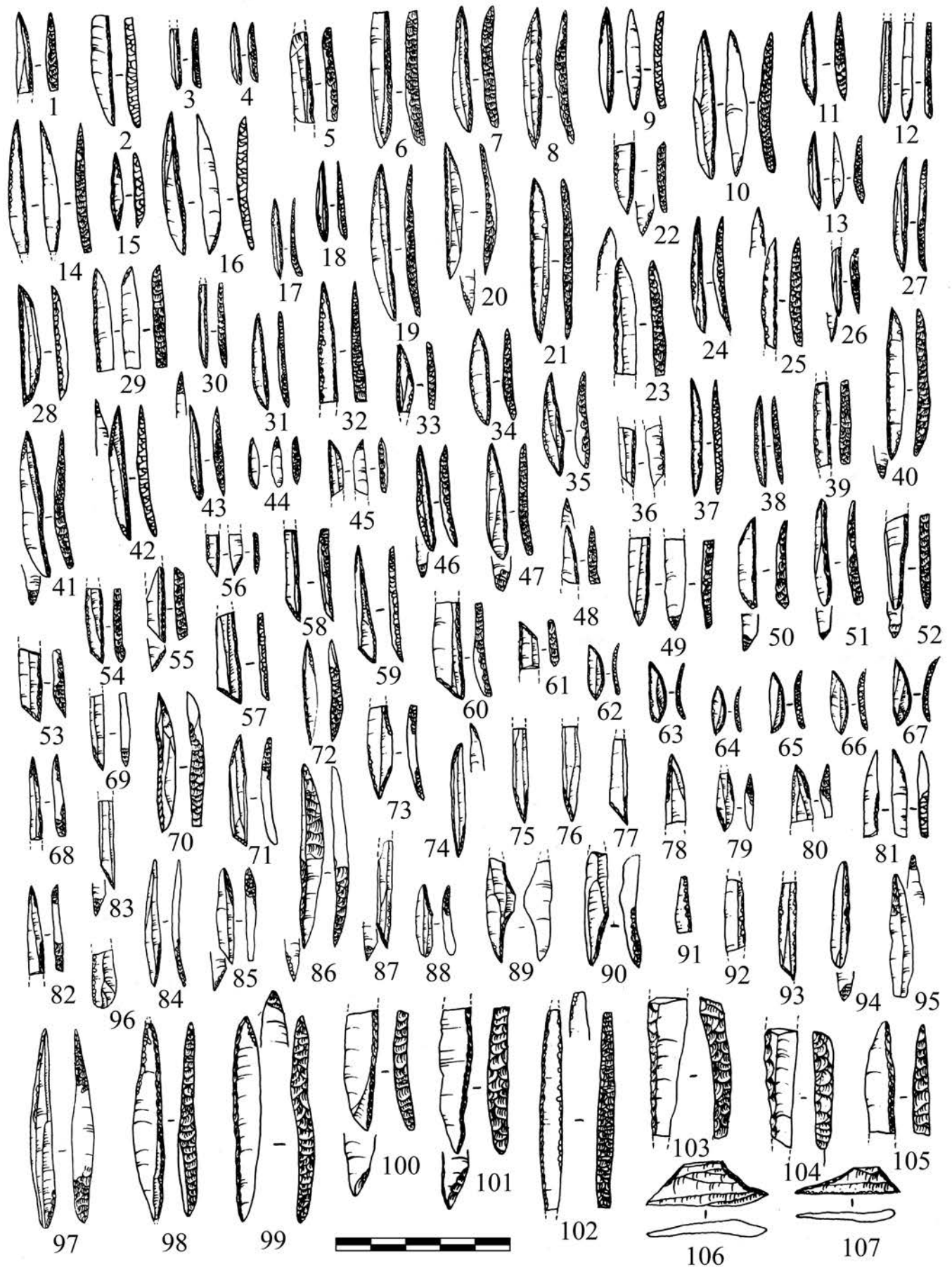

Рис. 70. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.

Кремневый инвентарь: 1-61 — микропластинки с притупленным ретушью краем; 62-67 — сегменты; 68-90 — микропластинки с частичной ретушью краев; 91-97 — микропластинки с мелкой приостряющей ретушью краем; 98-105 — острия типа граветт; 106, 107 — трапеции

Несколько экземпляров выделяются своими более крупными размерами: длина 58–60 мм при ширине 7–8 мм и толщине 4 мм. По облику они близки остриям граветт, но оформлены той же ретушью, что и прочие микроострия коллекции. Среди них имеются такие, у которых по краю, противоположному притупленному, мелкой дорсальной ретушью обработан верхний или нижний конец (рис. 70: 98, 100, 101). У одного экземпляра верхний конец оформлен плоской поперечной вентральной подправкой и мелкой дорсальной ретушью по краю (рис. 70: 99). Одно острие граветт имеет по краю, противоположному притупленному, частичную мелкую чередующуюся ретушь (рис. 70: 102), а у некоторых экземпляров край, противоположный притупленному, вообще не обработан (рис. 70: 103–105). Они представлены только обломками.

Наиболее выразительным признаком орудий этой группы микроострий является многообразие приемов и высокая степень совершенства техники их обработки. Наличие огромного количества микроострий в инвентаре II культурного слоя Тельманского поселения является его основной характерной особенностью.

Микроострия с притупленным ретушью краем присутствуют в инвентаре многих отечественных и зарубежных верхнепалеолитических стоянок. Перед исследователями этих индустрий стоял и стоит вопрос о назначении этих многочисленных орудий. Судя по тому, как тщательно обработаны и заострены их концы, именно они являлись рабочими лезвиями, несли основную функциональную нагрузку. Существуют различные мнения специалистов на этот счет. Одни предполагают, что микроострия могли использоваться как инструменты для татуировки, другие — как проколки, сверла, режущие орудия или вкладыши для охотничьих орудий (наконечников). В этой связи следует отметить, что некоторые из микроострий Тельманского поселения имеют следы употребления их в качестве проколки. Имеет основания предположение А. Н. Рогачева о возможном использовании наиболее миниатюрных, игловидных форм микроострий в качестве составной части рыболовных крючков. В какой-то степени это подтверждается фактом наличия среди фаунистических остатков II культурного слоя стоянки костей рыб, представляющих довольно редкое явление в фауне палеолитических стоянок (Lacotte, 1960: 184; Гвоздовер, 1952; Борисковский, 1953: 268–269, 336–339; Рогачев, 1957: 54, 55). Вопрос о назначении многочисленных микроострий остается неясным.

Столь же неясным является вопрос о назна-

чении совершенно своеобразной и очень интересной серии микроострий, обнаруженных на территории юго-восточного жилища Тельманского поселения. Речь идет о 14 миниатюрных сегментах (рис. 70: 62–67). Они имеют длину 13–17 мм при ширине 4 мм и толщине 1 мм. Тонкой крутой ретушью у них притуплен дугообразный край сегмента. По противоположному, прямому краю на 7 предметах имеется мелкая дорсальная ретушь, у 2 сегментов такая ретушь оформляет лишь один конец, а у остальных прямой край вообще не обработан. В профиле все сегменты имеют выпуклую дорсальную и, соответственно, вогнутую вентральную поверхности.

Небольшой группой в инвентаре поселения представлены микропластины с мелкой, чаще всего частичной ретушью по одному или по обоим краям (табл. 8; рис. 70: 91–93, 96). Среди них три микропластины имеют поперечную вентральную подправку концов (рис. 70: 94–95, 97), одна — косо усеченный крутой ретушью нижний конец (рис. 70: 93).

Остается указать три скребловидных орудия (табл. 8). Одно из них изготовлено на толстом отщепе овальной формы и имеет по краю, противоположному рабочему, частичную мелкую дорсальную ретушь (рис. 69: 20). Два других скребловидных орудия, одно из которых кварцитовое, сделаны на толстых отщепах и имеют по два рабочих края (рис. 69: 21).

Наконец, следует отметить небольшой кусочек сланца со следами шлифовки, обнаруженный на территории восточного жилища.

Из приведенного описания следует, что кремневый инвентарь II культурного слоя Тельманской стоянки характеризуется пластинчатой техникой первичного расщепления с использованием призматических нуклеусов. Те 45 ядрищ, которые были обнаружены на поселении (табл. 9), оказались совсем маленькими, сработанными до предела. Среди них имеются как одноплощадочные, так и двухплощадочные со скошенными и параллельными площадками, а также многоплощадочные нуклеусы (рис. 69: 1–11, 15). Лишь единственным экземпляром представлено крупное ядрище из кремневого желвака с сохранившейся галечной коркой, найденное рядом с северной границей западного жилища. Его прямая ударная площадка подготовлена одним крупным сколом. С ядрища сняты несколько продолговатых пластин с параллельной огранкой и краями, а также несколько отщепов (рис. 68: 2). Показательно, что в инвентаре отсутствуют отщепы с желвачной коркой, а подавляющее большинство расщепленных кремней составляют мелкие

отщепы и мельчайшие чешуйки кремня, получившиеся при ретушировании кремневых орудий (табл. 9). Это свидетельствует о том, что на поселении производились в основном завершающие операции по изготовлению орудий.

Многочисленные микроострия, скорее всего, были получены не с обычных призматических ядрищ, а со вторичных ядрищ — массивных пластин и отщепов — с использованием приемов, близких к технике снятия резцового скола. В коллекции представлено 9 бесспорно вторичных нуклеусов, несущих на себе следы очень узких параллельных небольших снятий (рис. 69: 12–14). Кроме того, часть срединных многофасеточных резцов, а именно те, которые не имеют характерного резцового рабочего лезвия, тоже являлись, очевидно, вторичными ядрищами. Одним широким резцовым сколом у них подготовлена площадка, с которой последующими параллельными сколами осуществлялось снятие заготовок для микроострий.

Кроме отщепов и чешуек, составляющих большинство расщепленных кремней коллекции, на поселении обнаружено много пластин (табл. 9). Подавляющее большинство из них характеризуется небольшими размерами и параллельной огранкой, в большинстве случаев — тре-

угольным сечением. Ударные площадки почти отсутствуют, ударные бугорки очень небольшие.

Заготовками для микроострий являются многочисленные микропластины, миниатюрные и тонкие, с параллельными краями (табл. 9).

Кроме кремня обитатели Тельманского поселения использовали кварцит и сланец, правда, в очень небольшом количестве. Обнаружен даже один маленький обсидиановый отщеп (табл. 9).

На стоянке найдены 3 отбойника из крупных галек, на которых хорошо видны следы использования их в качестве орудий для расщепления кремня.

Анализ кремневого инвентаря II культурного слоя Тельманской стоянки свидетельствует о гомогенности инвентаря всех пяти жилищ поселения, несмотря на наличие специфических особенностей в коллекции каждого из них.

2. Костяной инвентарь

Если кремневый инвентарь II культурного слоя Тельманской стоянки отличается высокой, совершенной техникой первичного расщепления и вторичной обработки кремня, разнообразием форм орудий, то этого нельзя сказать о костяном инвентаре поселения, который прост и не отличается разнообразием (табл. 10).

Таблица 10. Костяной инвентарь II культурного слоя Тельманской стоянки

№	Типы костяного инвентаря	Жилища					ВСЕГО
		С	Ю	ЮВ	В	З ¹	
1	Стержни	2	6	—	14	5	27
2	Шилья	—	2	—	1	4	7
3	Острия	—	1	—	3	2	6
4	Наконечник с черешком	—	1	—	—	—	1
5	Лоцила	—	2	1	—	2	5
6	Поделки неопределимого назначения	1	—	3	1	1	6
7	Плоские бусины	—	—	2	1	3	6
8	Трубчатые бусины	—	—	8	—	1	9
9	Обломки костей с насечками	8	21	3	18	6	56
10	Обломки костей с заглаженными участками	—	—	—	1	5	6
11	Обломки костей со следами срезов на концах	—	—	1	—	2	3

Примечание: ¹ Западное жилище вскрыто не полностью.

Нужно отметить, что большинство поделок из кости, таких как стержни, шилья, лоцила, обнаружены в обломках.

Самым характерным типом орудий для костяного инвентаря являются стержни различной формы в сечении, и, как правило, плохой сохранности (рис. 70а: 1–6). На территории северного жилища обнаружены 2 обломка стержней из бивня мамонта, имеющих в сечении фор-

му квадрата и прямоугольника с закругленными краями. Их концы обломаны, размеры — 16,5×1,5 и 7×1,4 см. На территории южного жилища обнаружены: 1 обломок стержня, круглого в сечении, 1 обломок, имеющий в сечении форму квадрата с закругленными краями, 2 обломка прямоугольных с закругленными краями, 1 обломок, уплощенный в сечении, и 1 — полукруглый. У всех стержней повреждены оба конца, их

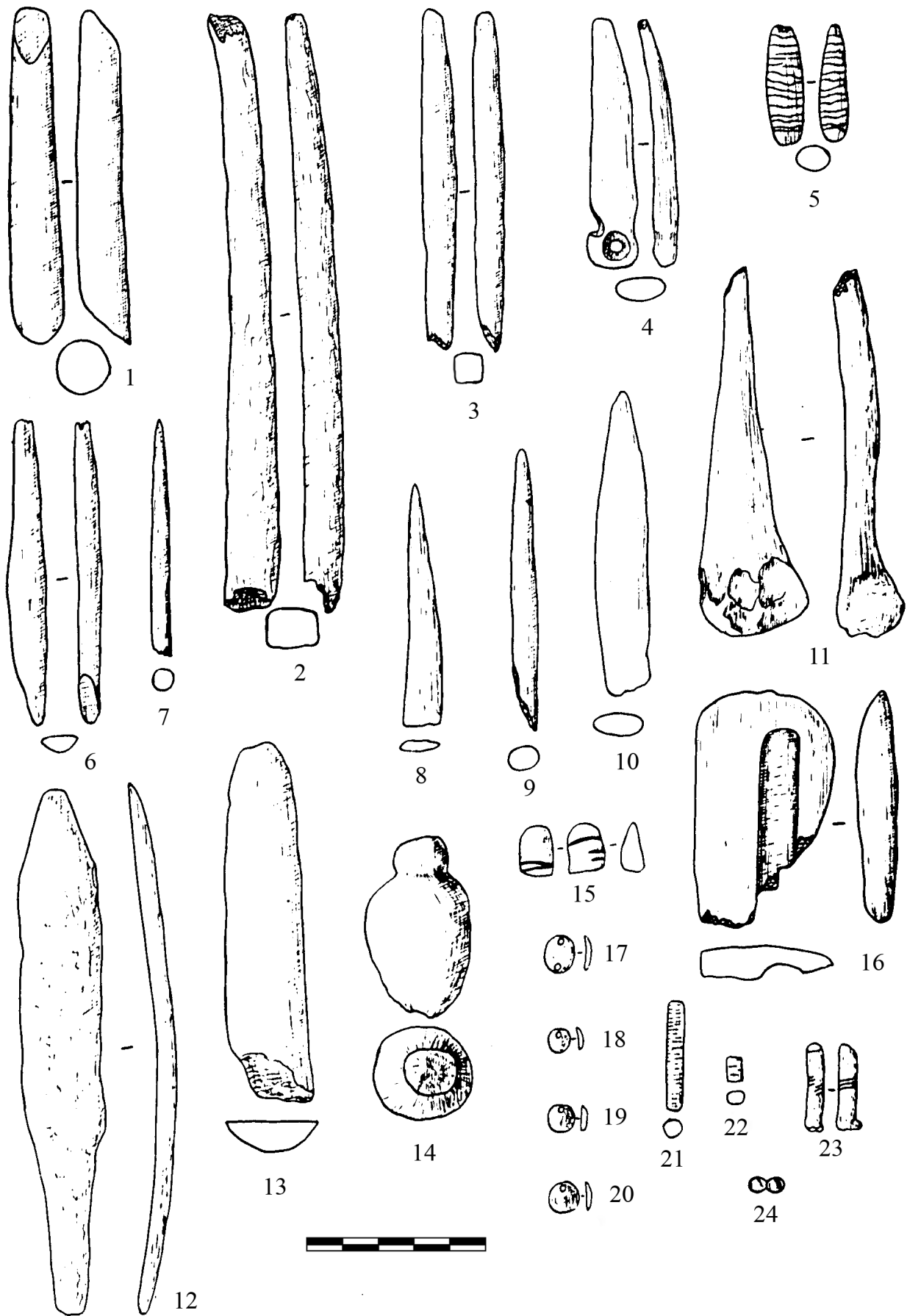

Рис. 70а. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.
 Костяной инвентарь: 1-6 — стержни; 7-9 — шилья; 10, 11 — острия; 12 — наконечник с черешком;
 13 — лошило; 14 — антропоморфная поделка; 15, 16 — поделки неизвестного назначения;
 17-24 — украшения (бусы)

размеры: длина от 16,4 до 1,2 см и ширина от 1,5 до 0,4 см. Больше всего встречено стержней среди культурных остатков юго-восточного жилища. Из них 4 обломка имеют круглую в сечении форму, 1 обломок квадратный с закругленными краями, 2 овальных, 3 уплощенных, 3 прямоугольных с закругленными краями и 1 полукруглый в сечении. У всех стержней повреждены оба конца, за исключением 2 экземпляров, у которых поврежден только один конец. Обломки стержней имеют длину от 6,7 до 0,8 см и ширину от 1,2 до 0,4 см. В инвентаре западного жилища имеется 1 целый стержень, круглый в сечении, его длина 9 см и ширина 1,8 см. Остальные стержни представлены в обломках, с обоими поврежденными концами, имеют также круглую в сечении форму, их длина от 3,5 до 1,4 см и ширина 1,3–0,5 см. Как видно из вышесказанного, большинство стержней в сечении круглые.

Близки к ним по форме квадратные с закругленными краями. Вторую группу стержней, близких друг к другу по форме в сечении, составляют овальные, прямоугольные с закругленными краями и уплощенные. И тех, и других насчитывается одинаковое количество. К большому сожалению, обнаружено лишь 3 стержня, которые сохранились неплохо (рис. 70а: 1, 4, 5). Один из них, целый (западное жилище), круглый в сечении, утоньшается к одному концу, оба конца стержня усечены косо и параллельно друг другу, его поверхность заполирована. Второй стержень из юго-восточного жилища имеет уплощенную в сечении форму, острый конец немного поврежден, на противоположном конце круглая головка с круглым отверстием посередине, головка выделена небольшими углублениями по бокам стержня, его поверхность заполирована, длина 6,6 см при ширине 1,2 см и толщине 0,5 см. И, наконец, последний стержень (юго-восточное жилище), у которого сохранился один несколько уплощенный и закругленный конец, имеет в сечении овальную форму. По всей поверхности поделки хорошо видны поперечные, параллельные, почти не прерывающиеся нарезки на расстоянии 1–1,5 мм друг от друга, длина обломка 3,1 см при ширине 1 см. Таким образом, у всех этих стержней сохранившиеся концы имеют тенденцию к уплощению.

Костяные шилья представлены также обломками. На территории западного жилища обнаружены 3 шила круглых в сечении и 1 овальное, длина обломков от 11 до 1,8 см и ширина 0,6–0,3 см. В южном жилище — 2 обломка шильев уплощенной в сечении формы (3,5–1,2×0,3–0,4 см), а в юго-восточном — 1 острый конец овального шила, длина обломка 2,1 см, ширина 0,5 см (рис. 70а: 7–9).

Костяные острия изготавливались из стенок трубчатых костей. Среди 3 острий, обнаруженных на территории юго-восточного жилища, 2 сохранились целиком (рис. 70а: 10, 11). Их длина 11,8 и 4,8 см. Остальные острия в обломках различной длины, от 3 до 2,3 см (табл. 10).

Очень интересна находка плоского наконечника с черешком, обнаруженного на территории южного жилища (рис. 70а: 12). Длина этой костяной поделки 14,3 см при максимальной ширине 2,1 см, поверхность заглажена. По своей форме среди кремневого инвентаря второго культурного слоя Тельманской стоянки эта интересная поделка аналогий не имеет.

Костяные ложила представлены в инвентаре обломками различной длины, от 9,8 до 4,4 см (рис. 70а: 13).

Имеется несколько поделок, назначение которых неясно. Так, на территории юго-восточного жилища обнаружена любопытная поделка грушевидной формы, круглая в сечении, с заглаженной поверхностью (рис. 70а: 14). Длина ее 5,1 см, диаметр наиболее утолщенной части 3,5 см, а наиболее тонкой — 1,8 см. На территории восточного жилища обнаружены 3 поделки со следами срезов на утолщенном конце, противоположный конец уплощен и закруглен (рис. 70а: 15). Причем у одного экземпляра имеется на одной стороне 2 параллельных поперечных нарезки, а на другой — 3. Сюда же можно добавить поврежденную костяную поделку, найденную в восточном жилище, с уплощенным и закругленным концом и продольным желобком с одной стороны (рис. 70а: 16).

Интересен обломок поделки из северного жилища с заполированной поверхностью и следами пребывания в огне. О ее форме и назначении судить трудно ввиду фрагментарности поделки. Можно только сказать, что она была уплощенной (толщина 1 см при ширине 3,5 см), а сохранившийся конец имел закругленную форму наподобие ложила. Она сделана из бивня мамонта. И еще один обломок поделки со следами пребывания в огне — с заполированной поверхностью и закругленным краем.

Имеются в костяном инвентаре украшения. Это прежде всего плоские круглые бусинки с дырочками для нанизывания (рис. 70а: 17–20). Часть из них с территории восточного жилища имеет следы пребывания в огне. Диаметр всех приблизительно 0,8 см. На одной бусинке имеются две дырочки для нанизывания, а на остальных — по одной. Дырочки расположены ближе к краям бусинок. Похожи на трубчатые бусы поделки, обнаруженные на территории восточного

жилища (табл. 10). Они сделаны из тонких трубчатых костей животных (рис. 70а: 21, 22). По всей поверхности этих бус имеются поперечные параллельные круговые прерывистые нарезки через 1–1,5 мм друг от друга. У одного целого экземпляра на обоих концах хорошо видны следы поперечных срезов, у остальных со следами срезов сохранилось лишь по одному концу (длина трубочек от 0,6 см до 2,9 см). Одна такая поделка с обоими срезанными концами не имеет поперечных нарезок, длина ее — 1,3 см. Сюда же, возможно, относится и 1 обломок мелкой трубчатой косточки из западного жилища — застежка с тремя параллельными нарезками, идущими спирально (рис. 70а: 23). Длина — 2,4 см. Миниатюрная поделка из западного жилища, похожая на два сросшихся сплошных кружочка, выпуклых с одной стороны и плоских — с другой, являлась, очевидно, составной частью какого-нибудь украшения. Размер ее 1×0,3 см (рис. 70а: 24).

Среди костяного инвентаря много обломков костей животных, имеющих на своей поверхности следы продольных или поперечных насечек (возможно, результат начатого расчленения), несколько обломков трубчатых костей со следами среза на конце и со следами заглаженности на концах (табл. 10).

Таким образом, в костяном инвентаре второго культурного слоя Тельманской стоянки наблюдаются зачатки примитивного орнамента в виде параллельных круговых или спиральных нарезок.

3. К вопросу о культурной принадлежности инвентаря второго культурного слоя Тельманской стоянки

Во втором культурном слое Тельманской стоянки совершенно отсутствуют какие-либо элементы так называемой «солютрейской» техники, характерной для кремневого инвентаря верхнего культурного слоя и так называемой «ориньякской ретуши», оформляющей некоторые орудия в двух нижележащих культурных слоях. Ретушь на кремневых орудиях второго слоя обычно мелкая и ровная.

Если строго учесть техническую, типологическую и статистическую стороны кремневого инвентаря Тельманского поселения, то близких аналогий ему, к сожалению, пока не найти ни на соседних территориях Восточной Европы, ни в Закавказье, ни в Центральной и Западной Европе. Нам неизвестны памятники, в которых был бы аналогичный набор орудий и в качественном, и в количественном отноше-

ниях. Поэтому о культурной принадлежности Тельманского поселения к какой-то группе памятников говорить пока трудно. Остается искать отдаленные аналогии. Поэтому обращаемся к памятникам, в инвентаре которых имеются микроострия.

В Костенковско-Борщевском палеолитическом районе, рядом с Тельманской стоянкой находится Александровская верхнепалеолитическая стоянка (Рогачев, 1955а). В инвентаре верхнего горизонта этого памятника имеются микроострия с притупленным ретушью краем, и небольшая их часть похожа на наши микроострия. Но микроострия Александровской стоянки в своей основной массе более крупные по размеру, и среди них много таких, у которых край, противоположный притупленному, оформлен мелкой ретушью у обоих концов со спинки, а посередине с брюшка, чего совершенно не встретишь среди микроострий Тельманского поселения. Кроме того, в инвентаре Александровки имеется много микропластин с притупленным ретушью краем и закругленными концами, что также совершенно отсутствует в нашем инвентаре. Что же касается прочего инвентаря, то он различен на этих двух памятниках: в Александровке много листовидных острий, обработанных солютрейского типа ретушью, большое количество скребков, резцы в основном срединные, имеются скребла и т. д.

Микроострия, похожие на наши, были обнаружены в Амвросиевском костеце. Но там нет такого разнообразия в оформлении этих орудий. Там представлены лишь микроострия, у которых край, противоположный притупленному, или вообще не оформлен ретушью, или оформлен мелкой ретушью у конца. Никаких других орудий со следами вторичной обработки в Амвросиевском костеце не обнаружено, инвентарь же Амвросиевской палеолитической стоянки не имеет ничего общего с инвентарем второго культурного слоя Тельманской стоянки. В Амвросиевке большинство резцов изготовлено на отщепках неправильных очертаний и из нуклевидных кусков кремня, боковых резцов очень мало, преобладают срединные и нуклевидные; имеются скребки, сужающиеся в основании, сделанные на коротких сечениях пластин и т. д. (Борисковский, 1953).

Единичные экземпляры микроострий, похожих на микроострия Тельманского поселения, имеются в коллекции палеолитической стоянки Молодово V (6-й слой). Но микроострий там обнаружили очень мало, а кремневый инвентарь этой стоянки в остальном различен с тельманским инвентарем (Черныш, 1961).

Микроострия, у которых край, противоположный притупленному, никак не обработан, имеются в инвентаре палеолитической стоянки Девис-Хврели. Но, кроме этого, там обнаружено много микроострий, имевших не прямой притупленный ретушью край, а слегка выпуклый, представлены микроострия с косо усеченным под тупым углом к притупленному краю концом (на Тельманском поселении у некоторых микроострий косо усечен один конец под острым углом к притупленному краю), много микропластин с притупленным краем и закругленными концами, одним или обоими. В Девис-Хврели обнаружены сегменты, но они более крупные, чем сегменты Тельманского поселения, к тому же их основания, т. е. прямые края, не обработаны мелкой ретушью. В остальном набор орудий в инвентаре грузинской стоянки также различен с нашим инвентарем. Там имеются косоретушные боковые резцы, но почти нет угловых, причем резцы сделаны не на пластинах, много скребков на отщепах и коротких сечениях пластин, много нуклевидных форм и т. д. (Замятнин, 1957).

Таким образом, на территории Восточной Европы и в Закавказье среди известных нам палеолитических стоянок нет таких, кремневый инвентарь которых был бы аналогичен инвентарю второго культурного слоя Тельманской стоянки. Что же касается микроострий, обнаруженных на вышеуказанных памятниках, то они не отличаются таким многообразием оформления, как микроострия Тельманского поселения.

Принимая во внимание наличие в тельманском инвентаре микроострий с притупленным краем, среди которых имеются более крупные экземпляры, близкие к остриям типа граветт, обращаемся в поисках аналогий этому инвентарю к памятникам перигорской культуры, исследованной во Франции⁵.

Среди различных периодов перигорской культуры наиболее приемлемым для нас в смысле поиска аналогий инвентарю Тельманского поселения является «Périgordien III», согласно классификации Д. Пейрони (Peugny, 1946), который в настоящее время интерпретируется как «Périgordien final», следующий за слоями с резцами типа «noaille» (Sonneville-Bordes, 1960), так как инвентарь стоянок, принадлежащих к другим периодам перигорской культуры, слишком отличен от Тельманского инвентаря, чтобы можно было отыскать черты сходства между ними (Sonneville-Bordes, 1960; Lacorre, 1960). К вышеу-

казанному периоду перигорской культуры относятся инвентарь французских стоянок Верхнее Ложери Восточное, слои В и В¹ и Верхнее Ложери Западное, слой В¹ (Sonneville-Bordes, 1960). В инвентаре слоя В стоянки Ложери Восточное так называемым «руководящим ископаемым» являются острия микрограветт, среди которых некоторые экземпляры очень похожи на микроострия Тельманского поселения, те, у которых край, противоположный притупленному, никак не обработан. Но среди острий типа микрограветт французской стоянки имеются и такие, у которых притупленный край слегка изогнут. Кроме того, там много различных микропластин: усеченных, с выемками, зубчатых с притупленным краем и просто микропластин с притупленным краем. Такие типы микроинвентаря отсутствуют на Тельманском поселении. В инвентаре французской стоянки процент скребков по сравнению с резцами гораздо выше, чем на нашей стоянке. Кроме концевых скребков на пластинах, там много скребков на отщепах. Среди резцов Верхнего Ложери Восточного большинство боковых (часто двойные), мало срединных, нет угловых. Имеются проколки на пластинах, напоминающие наши клювовидные, но процент их, так же как и у нас, невелик. Имеются пластины с продолговатой круто ретушированной выемкой на конце. Такие орудия встречены и на Тельманском поселении. На французской стоянке обнаружены трапеции, напоминающие трапеции в нашем инвентаре. Они также неравносторонние, их боковые стороны оформлены крутой ретушью, но основания их, в отличие от таковых на Тельманском поселении, не обработаны. В инвентаре французской стоянки имеются пластины с косо усеченными обоими концами в форме треугольника. Такие орудия отсутствуют в нашем инвентаре.

То же самое нужно сказать и об инвентаре слоя В¹ этой же стоянки. Следует добавить только, что здесь скребков на отщепах уже больше, чем на пластинах, а среди резцов появляются очень миниатюрные, близкие к резцам типа ноай (noaille).

Что же касается инвентаря слоя В стоянки Верхнее Ложери Западное, то его различия с инвентарем Тельманского поселения проявляются в количестве скребков, преобладающих на французской стоянке над количеством резцов, среди скребков почти половина сделана на отщепах, а также имеется довольно высокий процент зубчатых форм орудий.

⁵ С «граветтскими» комплексами Центральной Европы инвентарь второго слоя нашей стоянки имеет мало общего (ср. Broglio, Laplace, 1966).

Таким образом, различия между инвентарем указанных западноевропейских стоянок, с одной стороны, и инвентарем Тельманской стоянки, с другой стороны, слишком велики, чтобы можно было принять вывод П. П. Ефименко о принадлежности инвентаря второго культурного слоя Тельманской стоянки к перигорской культуре (Ефименко, 1953: 314–317).

Не имеет под собой основания и вывод П. П. Ефименко о том, что кремневый инвентарь второго культурного слоя Тельманской стоянки обнаруживает черты, свойственные южному, так называемому гримальдийскому типу позднепалеолитической культуры (гrotы Гримальди в окрестностях Ментоны на берегу Средиземного моря) (Ефименко, 1950: 81–89; Ефименко, 1956: 47, 48). Свою мысль П. П. Ефименко подкрепляет тем, что в инвентаре Тельманского поселения имеются своеобразные неправильные пластины с зубчатым краем. На самом же деле это всего лишь пластины с выемками, расположенными в очень редких случаях так близко друг к другу, что создается впечатление зубчатости края пластины. Далее П. П. Ефименко отмечает наличие в нашем инвентаре характерных для гримальдийской культуры скребков, часто подтреугольной формы, сужающихся к основанию посредством ретуши. Но это ведь совершенно не характерно для скребков Тельманской стоянки, так как последние сделаны на пластинах с параллельными краями и вообще их очень мало (2,5%). Наконец, П. П. Ефименко отмечает как особо интересный факт наличие в инвентаре Тельманского поселения трапеций, которые он считает небольшими наконечниками (один угол этих трапеций использовался в качестве черешка). Такие орудия составляют в нашем инвентаре 0,4%. Инвентарь гримальдийских гrotов в основном резко отличается от тельманского

инвентаря. Возьмем, к примеру, один из гrotов Ментоны — гrot Детей, который чаще всего упоминается в связи с инвентарем второго культурного слоя Тельманской стоянки. Самому нижнему, древнейшему слою гrotа Детей присущи грубые отщепы, возможно, мустьерские, и округлые скребки. В вышележащем слое К встречаются крупные пластины, преобладают скребки над резцами, причем среди скребков имеются толстые, грубые, короткие нуклеидные формы. В слое G опять-таки преобладают многообразные скребки над резцами. Для слоев H и G характерны наконечники с выемкой. В слое F особенно много пластин и аморфных отщепов с выемками, с переходом к ориньякским пластинам с выемками. Кроме этого, в трех верхних слоях гrotа (G, F и J) преобладают скобели с выемками (Villeneuve, 1906). Совершенно очевидно, что инвентарь второго культурного слоя нашей стоянки не принадлежит к гримальдийской культуре.

Совершенно очевидно и то, что инвентарь второго культурного слоя Тельманской стоянки принадлежит к особой, очень своеобразной верхнепалеолитической культуре, пока представленной единственным памятником, что, без сомнения, объясняется недостаточной изученностью территории. Эта культура, назовем ее «костенковско-тельманской», могла быть строго локализована территориально так же, как, например, представленные рядом памятников, столь же оригинальные костенковско-стрелецкая культура в Восточной Европе, селетская культура в Центральной Европе и перигорская культура в Западной Европе. Это лишний раз подтверждает, что конкретно-исторический процесс развития верхнепалеолитической культуры совершался своеобразно в различных регионах Европы.

ГЛАВА VIII

ТРЕТИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ

Третий культурный слой был выделен на основании залегания своеобразных, отличных от второго слоя, культурных остатков в основном раскопе 1950 и 1958 гг. и находок в шурфах мр-26–28 и ру-41–43, заложенных в 1950 г., в шурфе бг-32–33, заложенном в 1952 г., которые невозможно было отнести ко второму культурному слою по их внешнему облику, а к четвертому — по различным условиям их залегания (рис. 2). Не исключена возможность того, что третий культурный слой состоит из двух или больше горизонтов.

1. Описание находок третьего культурного слоя в раскопе

В восточной части раскопа 1950 г. и на квадратах линий 49 и 50 в раскопе 1958 г. на месте залегания культурных остатков второго слоя, а иногда и в смешении с ними обнаружены находки, по своему характеру резко отличающиеся от второго культурного слоя. В полевом дневнике мы встречаем такую запись: «Следует отметить, что слой с культурными остатками на площади раскопа различен по составу находок. В восточном углу раскопа на кв. БА-бвг-45–48 обычные находки в виде кремневых пластинок и острий с притупленным краем редки или совсем отсутствуют, вместе с тем в этой части раскопа обычны отщепы и пластинки из кварцита, и наблюдается обилие обломков бивней мамонта, отсутствующих в средней части раскопа» (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 20). И еще: «Находки на кв. БВГ-40–42 представляют собой особый слой по составу находок и по уровню залегания. Он продолжается во все стороны от расчищенных квадратов. В яме-хранилище верхнего слоя на кв. ГД-43–44 встречено несколько желтых кремневых отщепов и кварцитовых пластин, возможно происходящих из этого глубокого слоя» (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 29).

Культурные остатки третьего слоя залегают под верхней гумусированной прослойкой в обычном лессовидном суглинке, местами слабо гумусированном и содержащем большое количество известковых конкреций, образующихся в основном около костей, и были представлены расщепленным кварцитом и цветным кремнем, в том числе орудиями, мелкими обломками бивня мамонта и скоплениями зольной массы

(рис. 71). Глубина залегания культурных остатков третьего слоя в основном раскопе была несколько различной. На 39–44-й линиях квадратов находки этого слоя залежали приблизительно на 15 см ниже пола северного жилища, относящегося ко второму культурному слою. В полевом дневнике отмечено, например, что находки второго слоя в южном углу кв. А-40 перекрывают находки с кварцитами на соседнем кв. Б-40, не имея с ними ничего общего; на кв. Б-42–43 обломки костей залегают в чистом суглинке на 15 см ниже пола второго слоя (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 28, 33). Вышеуказанное обстоятельство хорошо подтверждается и разрезом культурных слоев между 42-й и 43-й линиями квадратов (рис. 33). Это позволило считать культурные остатки третьего слоя более древними, чем остатки жилищ второго слоя. Несколько иная картина наблюдалась на 45–50-й линиях квадратов. Здесь культурный слой с расщепленными кварцитами и осколками бивней мамонта залегал в смешении с находками второго культурного слоя (рис. 72, 73). Лишь резкое различие находок этих слоев позволило и на этом участке раскопа выделить два самостоятельных культурных слоя.

Показательно то, что среди культурных остатков третьего слоя мощностью 20–25 см, залегавших глубже второго слоя, обнаружено скопление зольной массы, располагавшейся на кв. Г-41–42 (рис. 71, 74, 75). Это скопление представляло собой темную линзу золы, слабо насыщенной мелкими костными углями, кварцитовыми отщепами, жженым кремнем, мелкими обломками бивней и других костей животных, охрой (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 29). Скопление золы являлось остатками очага или кострища, которые наряду с культурными остатками третьего слоя уходили под восточную стену раскопа 1950 г. (рис. 2). Говорить о том, что здесь вскрыты остатки плохо сохранившегося древнего жилища, нет достаточных оснований, так как на всей этой площади среди расщепленных кварцитов и кремней обнаружено лишь 4 обломка пластин с ретушью по краям. Почти все находки этого слоя залежали в наклонном или вертикальном положении, что объясняется, очевидно, солифлюкционными явлениями, деформировавшими культурный слой.

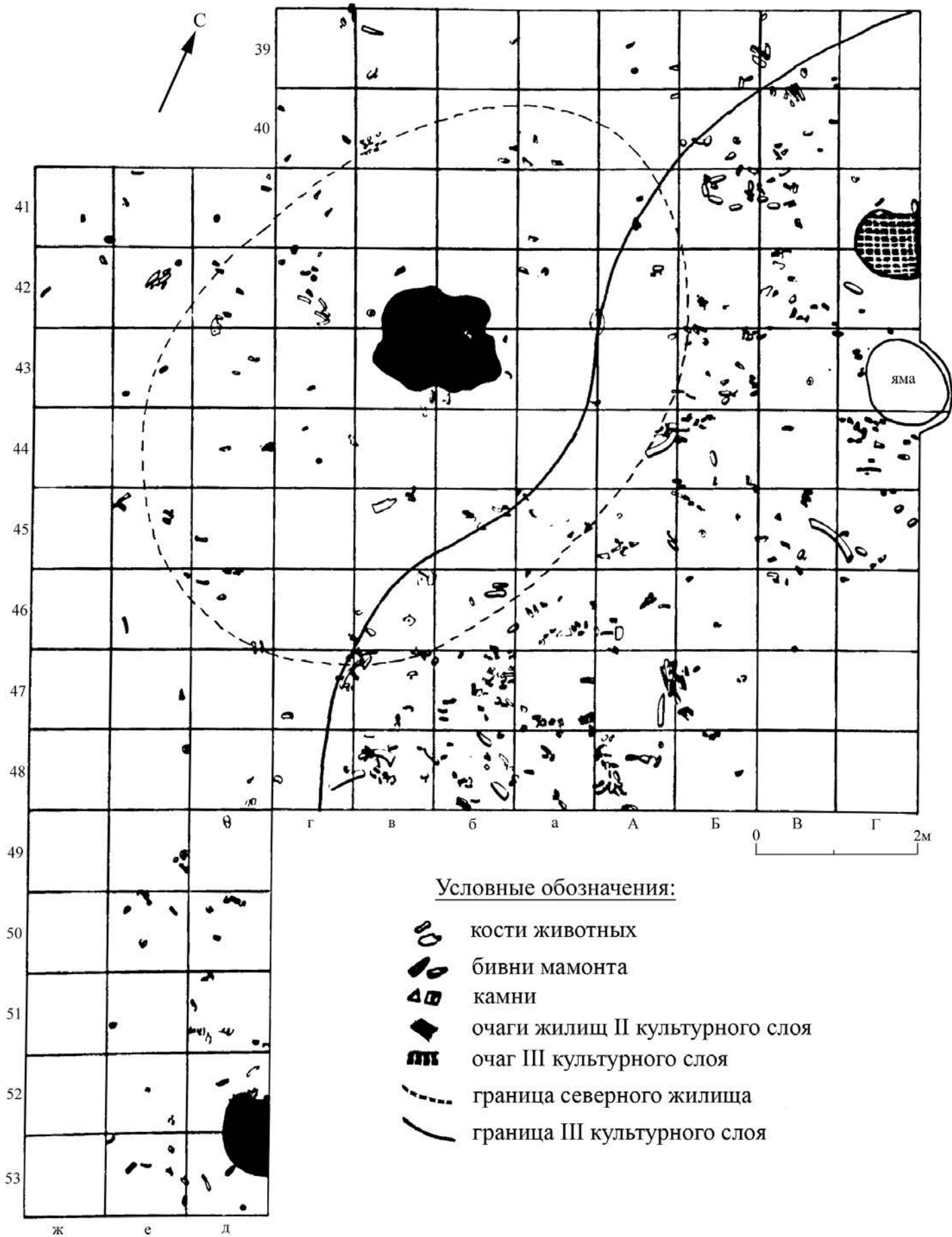
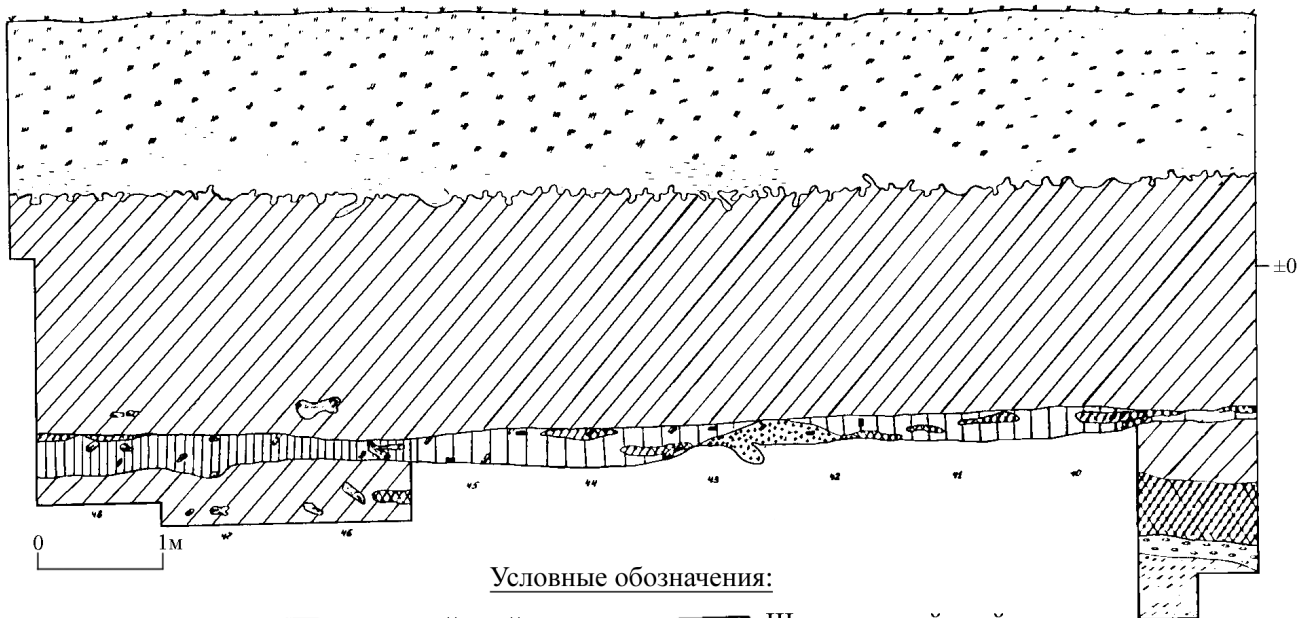

Рис. 71. Костенки 8 (Тельманская стоянка). II культурный слой.

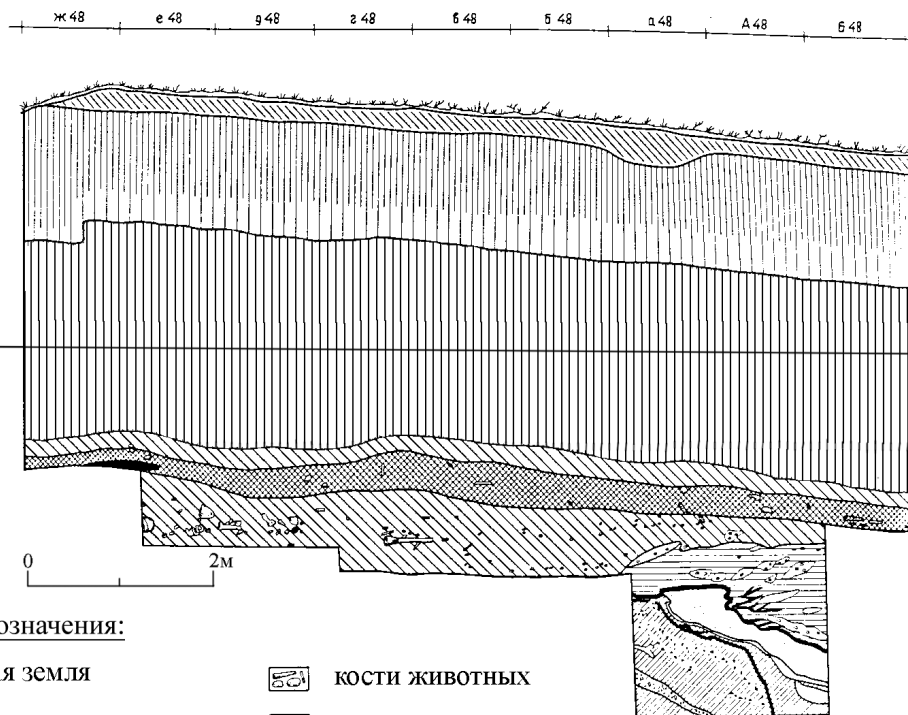
План остатков северного жилища (участок, обильно насыщенный мелкими обломками бивня мамонта, принадлежит III культурному слою)

Условные обозначения:

	насыпной слой		III культурный слой
	чернозем		меловая галька с песком
	переходный горизонт		зеленая глина с примесью белого песка
	лессовидный суглинок		очаг
	гумусированный суглинок		кости животных
	II культурный слой		кремни

Рис. 72. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой.
Условия залегания культурных остатков (разрез по линии кв. б-в)

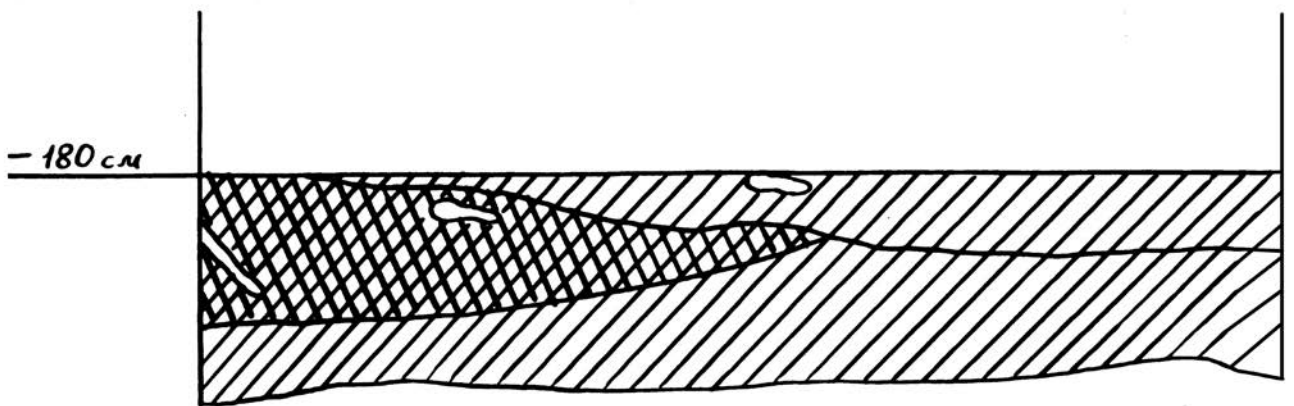
Условные обозначения:

	насыпная земля		кости животных		зеленоватый песок
	чернозем		бивень мамонта		мергелистый суглинок
	лессовидный суглинок		зольное скопление		белесый суглинок с белоглазкой
	гумусированный суглинок		прослойка гумуса		окатанная меловая галька
	культурный слой		кремь		
	серо-коричневый суглинок		кварцит		

Рис. 73. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой.
Условия залегания культурных остатков (разрез по линии кв. 48-49)

Рис. 74. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой. Остатки очага в раскопе. Вид с севера

Масштаб 1:10

Условные обозначения:

- лессовидный суглинок
- зольная масса
- КОСТИ ЖИВОТНЫХ

Рис. 75. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой. Разрез очага в раскопе

2. Описание находок третьего культурного слоя в шурфах

Культурные остатки, относящиеся к третьему слою, обнаружены также в трех шурфах, заложённых на территории Тельманской стоянки в 1950 и 1952 гг. В шурфе на кв. мр-26–28 (рис. 2) находки этого слоя залежали под верхней гумусированной прослойкой кирпично-красного цвета в виде разорванных и покоробленных линз гумуса, в обычном лессовидном суглинке, местами слабо гумусированном (рис. 76), и были представлены осколками бивней мамонта и костей других животных, расщепленными кварцитами и цветными кремнями, в том числе орудиями, характерными для третьего культурного слоя, обнаруженного в основном раскопе (рис. 77). Интересно то, что находки в этом шурфе концентрировались возле частично исследованного на кв. м-27 скопления темной зольной

массы, слабо насыщенной мелкими костными углями, жжеными кремнями, кварцитовыми отщепами, обломками бивня и других костей, охрой. Многие находки в этом зольном скоплении, как и вообще в культурном слое шурфа, залежали в наклонном и вертикальном положении (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 30). Скопление зольной массы, несомненно, представляет собой остатки очага, по своему характеру очень сходные с таковыми в третьем культурном слое на территории раскопа. Это дает возможность предполагать наличие в шурфе остатков плохо сохранившегося древнего жилища. То, что культурные остатки, приуроченные к верхней гумусированной прослойке и представленные осколками бивней мамонта, покрытых известковой коркой и расщепленными кварцитами, и на территории раскопа, и в шурфе мр-26–28 относятся к одному и тому же третьему культурному слою,

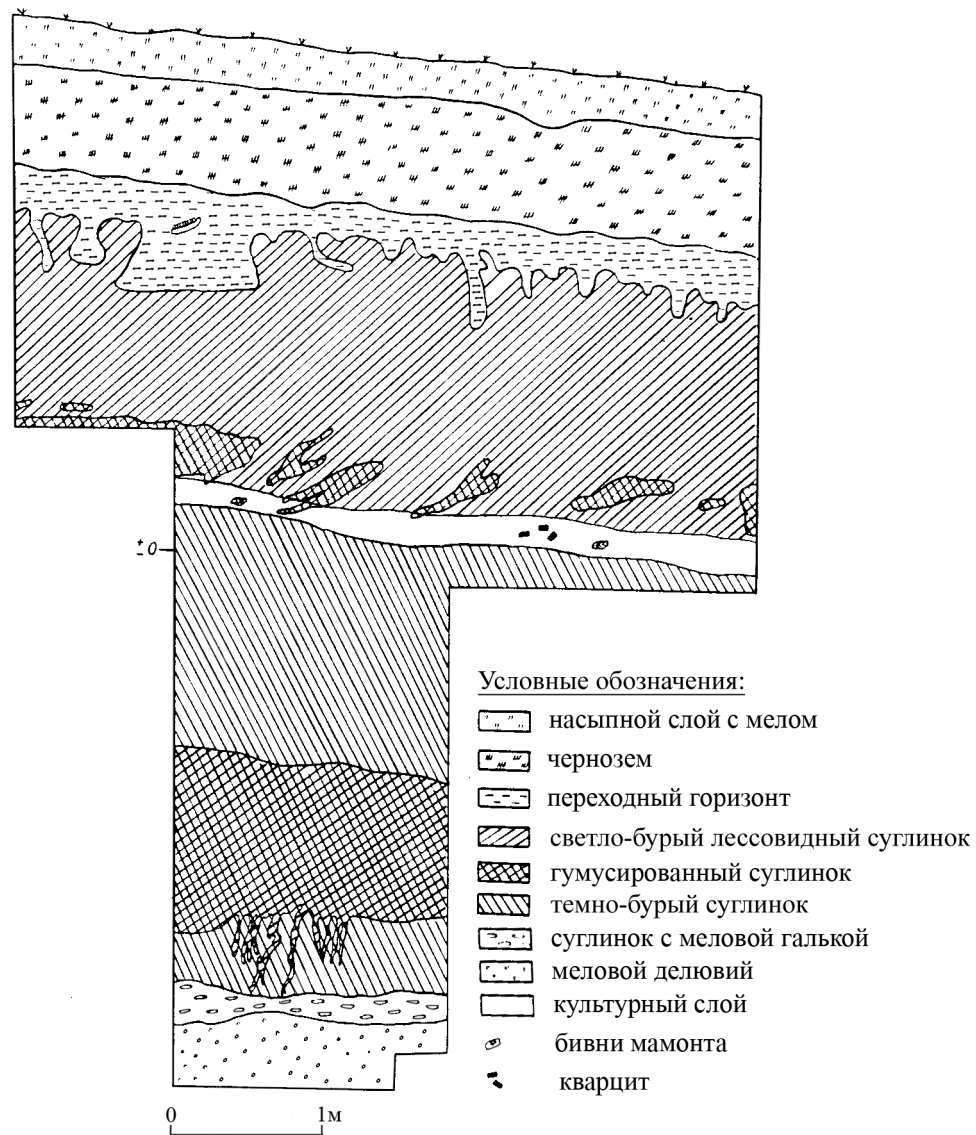

Рис. 76. Костенки 8 (Тельманская стоянка). Положение III культурного слоя в разрезе северной стенки шурфа мнор-26–28 1950 г.

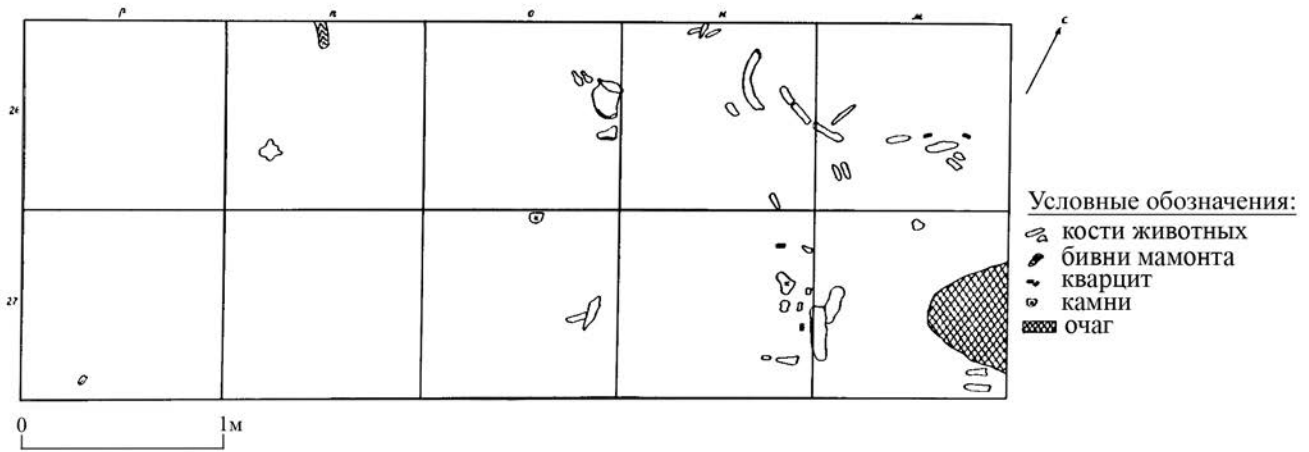

Рис. 77. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой.
План расположения культурных остатков в шурфе мнопр-26–28 1950 г.

не вызывает сомнения. Но на вопрос, являются ли эти остатки древнего очень плохо сохранившегося поселения синхронными по времени, ответить нет возможности из-за недостаточных размеров раскопанной площади.

Культурные остатки, по своему характеру и условиям залегания близкие к находкам третьего культурного слоя, обнаружены в шурфе ру-41–43 (рис. 2). Они были приурочены к верх-

ней гумусированной толще и залегали ниже разорванных и покоробленных гумусированных линз кирпично-красного цвета, в верхней части второй группы гумусированных линз, относящихся к той же верхней гумусированной толще, значительно ниже которой в шурфе обнаружена нижняя гумусированная толща мощностью до 50 см (рис. 78). Культурные остатки в этом шурфе были расположены в основном

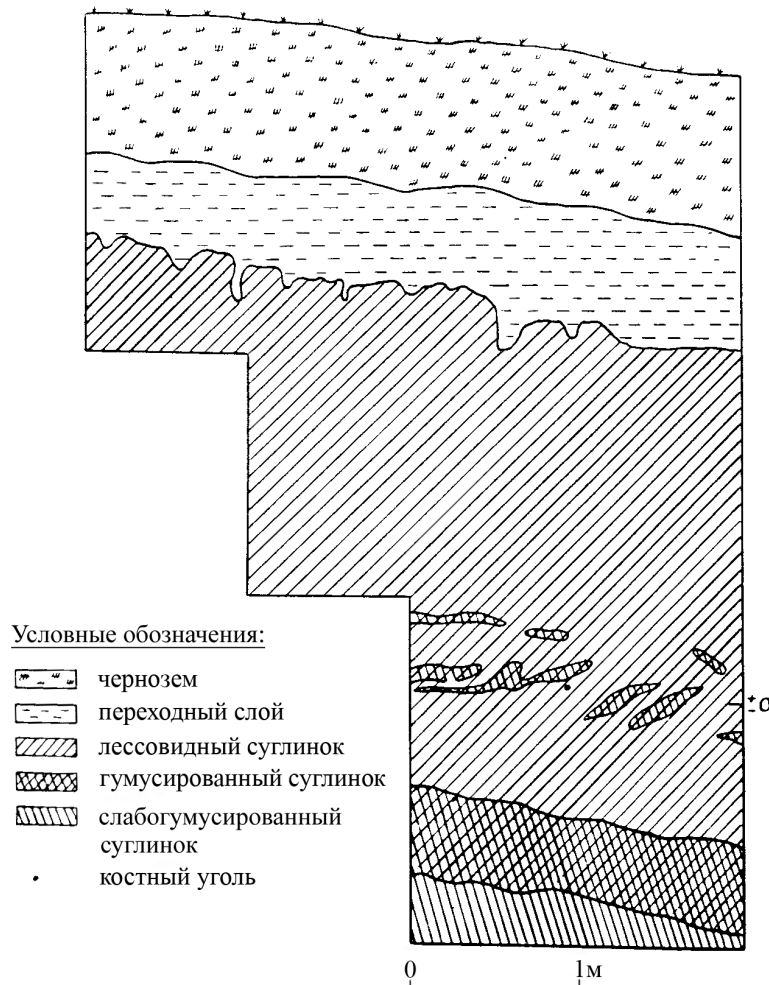

Рис. 78. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой.
Разрез северной стенки шурфа ру-41–43 1950 г.

в его восточной части и представлены обломками бивней и ребер мамонта, мелкими обломками костей крупных животных, расщепленными кварцитами и кремнями, а также мелкими костными углями (рис. 79). Всего в шурфе обнаружено 2 кварцитовых и 2 кремневых отщепа без следов вторичной обработки.

Между шурфом мр-26–28 и основным раскопом с находками третьего слоя в 1952 г. был заложен шурф бг-32–33 (рис. 2). Значительно выше верхней гумусированной прослойки, на глубине 200–240 см от поверхности почвы, в этом шурфе обнаружены культурные остатки, характерные для первого слоя Тельманской стоянки: расщепленные меловые кремни светло-серого цвета, сильно патинизированные. В нижней части верхней гумусированной прослойки, представляющей собой такие же, как и везде, разорванные линзы гумуса кирпично-красного цвета, залегали культурные остатки, характерные для третьего слоя: осколки бивней мамонта, расщепленный кварцит и цветной кремнь (рис. 80, 81).

Находки располагались в основном в северо-восточной части шурфа. Среди них встречены 1 кварцитовый отщеп и 4 из цветного кремня без следов вторичной обработки.

3. Описание инвентаря третьего культурного слоя

Обращает на себя внимание то, что в коллекции третьего культурного слоя Тельманской стоянки преобладает расщепленный кварцит и гораздо меньше имеется расщепленных кремней. Причем создается впечатление, что у обитателей этого поселения не было хорошего мелового кремня, и орудия они изготовляли, помимо кварцита, из собранного на морене цветного кремня и других пород камня, мало пригодных для изготовления орудий. Этим, пожалуй, и следует объяснить относительно слабую насыщенность достаточно мощного культурного слоя каменными орудиями и отбросами от их изготовления. Ядрищ в коллекции третьего культурного слоя нет. Имеются лишь обнаруженные в основном раскопе 2 крупных куски кварцита и 3 крупных камня со следами, свидетельствующими о попытках их расщепления. Несмотря на грубость и плохое качество сырья, техника обработки камня была достаточно высока, так как среди расщепленных кварцитов имеется много тонких и правильных удлиненных пластин. Законченных орудий в коллекции третьего слоя немного, причем они были встречены

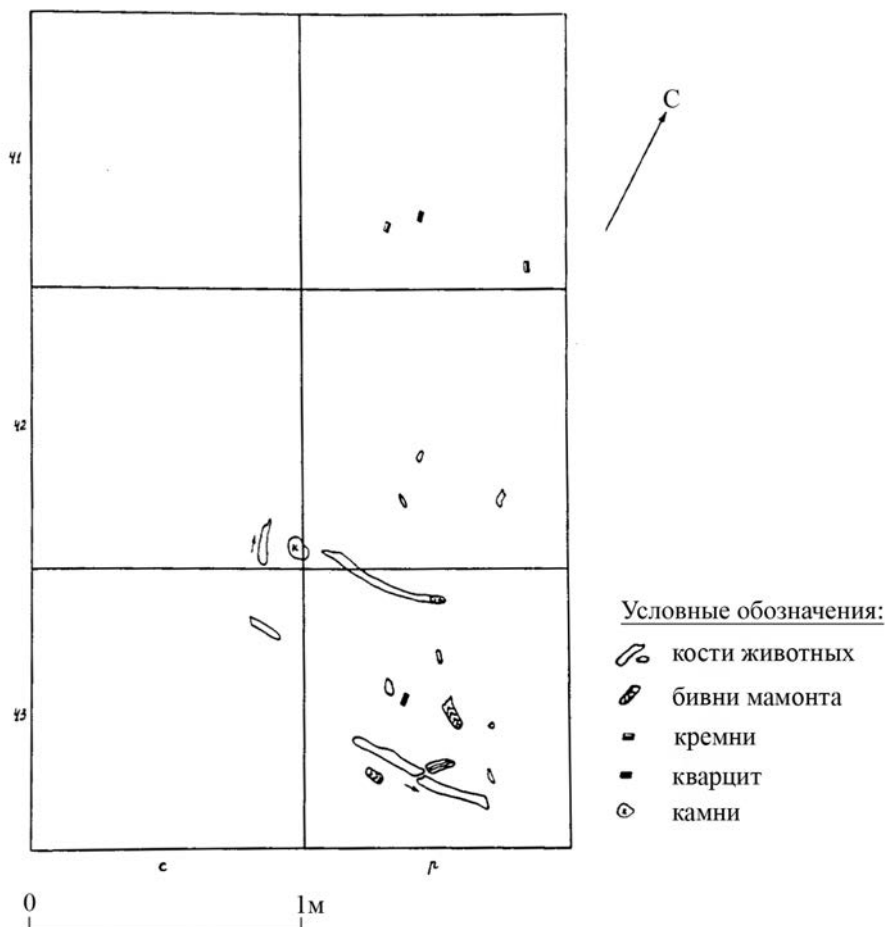
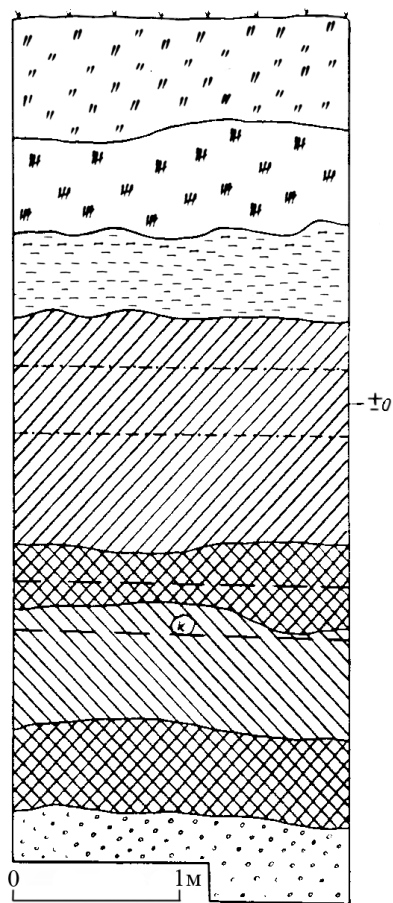

Рис. 79. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой. План культурных остатков в шурфе ру-41–43 1950 г.

Условные обозначения:

- насыпной слой
- чернозем
- переходный слой
- лессовидный суглинок
- гумусированный суглинок
- рыжий суглинок, менее гумусированный
- слой меловой щебенки с гнездами песка
- границы I культурного слоя
- границы III культурного слоя
- Ⓚ камень

Рис. 80. Костенки 8 (Тельманская стоянка).
III культурный слой. Разрез восточной стенки
шурфа бг-32–33 1952 г.

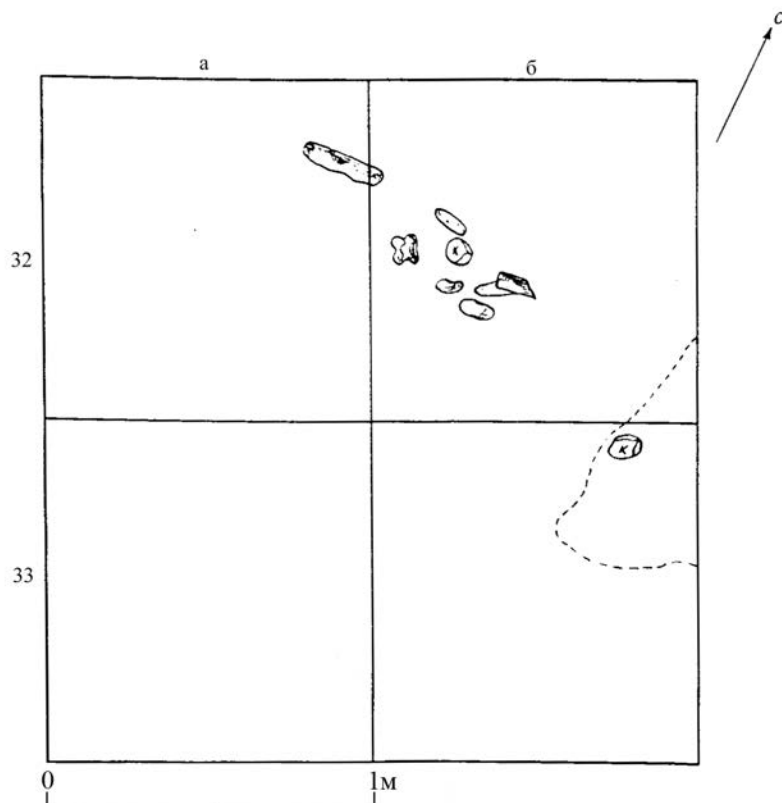
среди находок этого слоя на территории основного раскопа и в шурфе мр-26–28. Описание их дается отдельно, поскольку возможна принадлежность этих находок третьего культурного слоя к различным комплексам.

В раскопе среди 250 расщепленных кварцитов, 150 расщепленных кремней и 2 сланцевых отщепов, относящихся к третьему культурному слою, обнаружено 1 кварцитовое и 3 кремневых орудия. Все представлены обломками пластин с ретушью по краям. Среди них 1 обломок нижнего конца широкой кварцитовой пластины имеет неровную ретушь по обоим краям со спинки (рис. 82: 11).

Второй — обломок довольно массивной цветной кремневой пластины — оформлен по краям крупной полукруглой ретушью (рис. 82: 12). Такого же типа ретушь имеется по краю еще одного обломка цветной кремневой пластины, причем другой край оформлен мелкой ретушью (рис. 82: 13). И, наконец, последний обломок широкой, довольно массивной пластины из мелового кремня имеет по одному краю крупную полукруглую ретушь так называемого «ориньякского типа» (рис. 82: 10). Обнаружен еще один обломок широкой кварцитовой пластины, по краям которого прослеживается очень мелкая частичная ретушь, образовавшаяся, несомненно, естественным путем (рис. 82: 14). Среди расщепленных кварцитов и кремней без следов вторичной обработки подавляющее большинство составляют отщепы, пластин и их обломков всего лишь 12 кремневых и 5 кварцитовых.

Обработанной кости в третьем слое на этом участке найдено очень мало: 2 обломка стержней из бивня мамонта, несколько уплощенных в сечении (рис. 83: 1). Длина этих обломков — 14–20 см, толщина — 1–1,5 см. Обнаружено еще несколько незначительных обломков орудий из этого же материала, 1 обломок рога оленя с двумя параллельными и глубокими пазами, и, наконец, 1 зуб небольшого хищника, просверленный у корня.

В коллекции третьего культурного слоя из шурфа мр-26–28 среди 26 расщепленных кварцитов и 56 расщепленных кремней имеется 12 орудий. Прежде всего отметим наличие 5 концевых скребков. 2 из них кварцитовые: 1 сделан на правильной удлинённой пластине с естественно зауженным нижним концом (рис. 82: 1), оба края пластины оформлены крупной ретушью «ориньякского типа», рабочий конец скребка выпуклый; второй экземпляр представлен лишь небольшим обломком верхнего, слегка закругленного рабочего конца. Третий скребок сделан на поперечном сколе с кремневого нуклеуса, рабочий конец слегка закруглен, мелкая ретушь следует за очертаниями одного плоского края, на спинке у рабочего конца частично сохранилась корка (рис. 82: 2). И, наконец, 2 концевых скребка на отщепках с ретушью по обоим краям (рис. 82: 3, 4). Кроме этого, имеется 1 обломок срединного резца на массивной пластине (рис. 82: 5), у которого резцовые сколы не образуют удобного рабочего лезвия. Интересна находка 1 обломка массивной пластины со следами довольно глубокой подтески с брюшка по обоим краям (рис. 82: 9). Обнаружены 4 обломка ножевидных пластин с ретушью. Из них 2 обломка

Условные обозначения:

- кости животных
  граница скопления
 камень
 древесных углей

Рис. 81. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой.
 План культурных остатков в шурфе бг-32-33 1952 г.

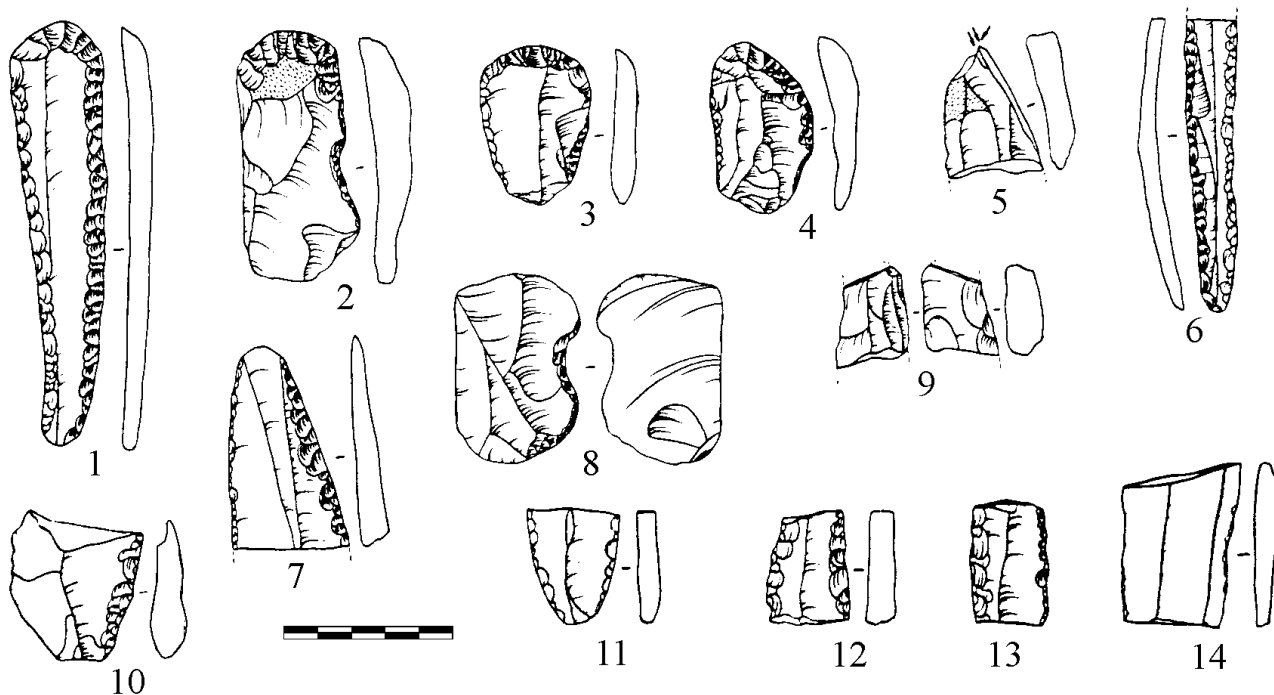

Рис. 82. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой.
 Кремневый и кварцитовый инвентарь (1-9 — из шурфа мнпр-26-28; 10-14 — из раскопа):
 1-4 — концевые скребки; 5 — срединный резец; 6, 7, 10-14 — пластины с ретушью; 8 — отщеп с ретушью;
 9 — обломок массивной пластины с глубокой вентральной подтеской

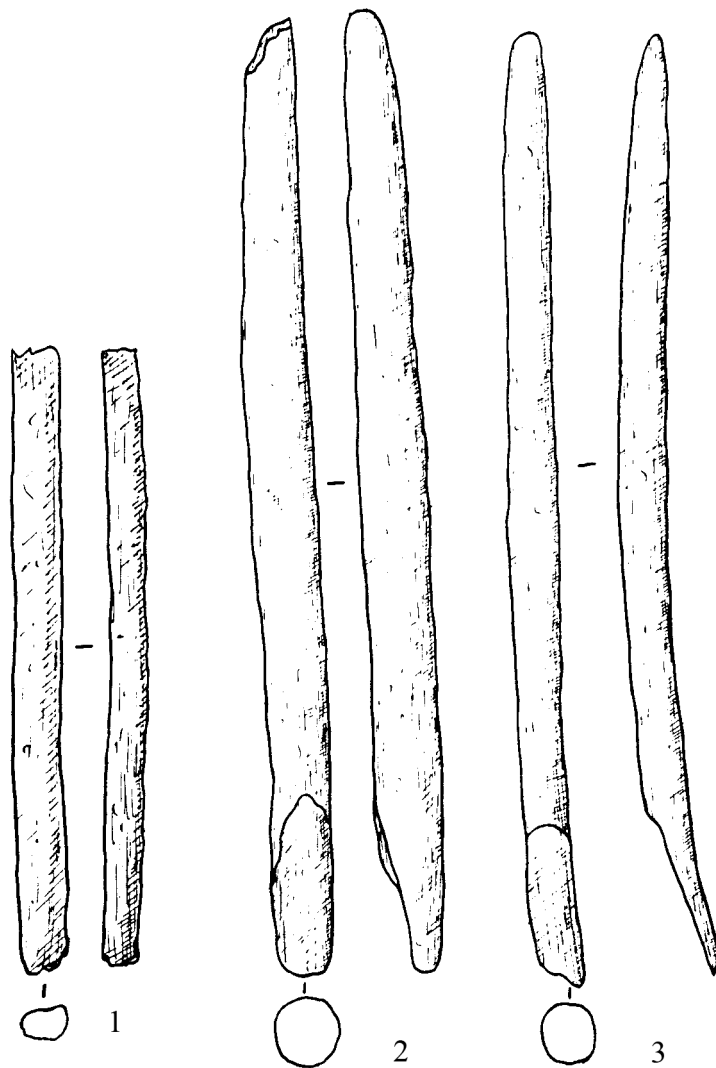

Рис. 83. Костенки 8 (Тельманская стоянка). III культурный слой.
Костяной инвентарь. Стержни из бивня мамонта

довольно широких кварцитовых пластин с крупной ретушью «ориньякского типа» по одному краю и более мелкой — по другому, и 2 обломка узких удлиненных кремневых пластин с такого же типа крупной ретушью по обоим краям (рис. 82: 6, 7). И, наконец, один кремневый отщеп с ретушью по одному краю (рис. 82: 8). Итого: 4 орудия из кварцита и 8 из кремня.

Здесь также найдены 2 веретенообразных стержня из бивня мамонта, округлых в сечении (рис. 83: 2, 3). Концы их несколько повреждены, но форма легко угадывается: верхние закругленные концы немного заужены, а нижние — в форме лопаточки — косо усечены с одной стороны. Оба стержня почти одинакового размера: 22×1,2–1,4 см.

Инвентарь третьего культурного слоя Тельманской стоянки производит общее впечатление более древнего, чем поздняя пора верхнего палеолита. Наличие крупной полукрутой ретуши на некоторых орудиях этого слоя, изготовленных

из длинных кварцитовых и кремневых пластин, преобладание концевых скребков над резцами, изготовленными из довольно массивных пластин грубой формы, — все это лишний раз подтверждает вывод о принадлежности инвентаря третьего слоя к более ранней, а именно к средней поре палеолитической эпохи, основанный на геологических условиях залегания этого культурного слоя. Следует отметить, что инвентарь средней хронологической группы памятников в Костенках, несмотря на большое многообразие, имеет и общие черты, прежде всего широкое использование кварцита и наличие в большем или меньшем количестве довольно архаичных форм орудий, в частности остроконечников и скребел мустьерского типа. Из общей картины в этом смысле выпадает инвентарь второго культурного слоя Тельманской стоянки, находящийся в одинаковом стратиграфическом положении с третьим слоем. Будучи близкими по времени, эти два слоя очень различны по своей культурной принадлежности.

ГЛАВА IX

К ВОПРОСУ О IV КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ

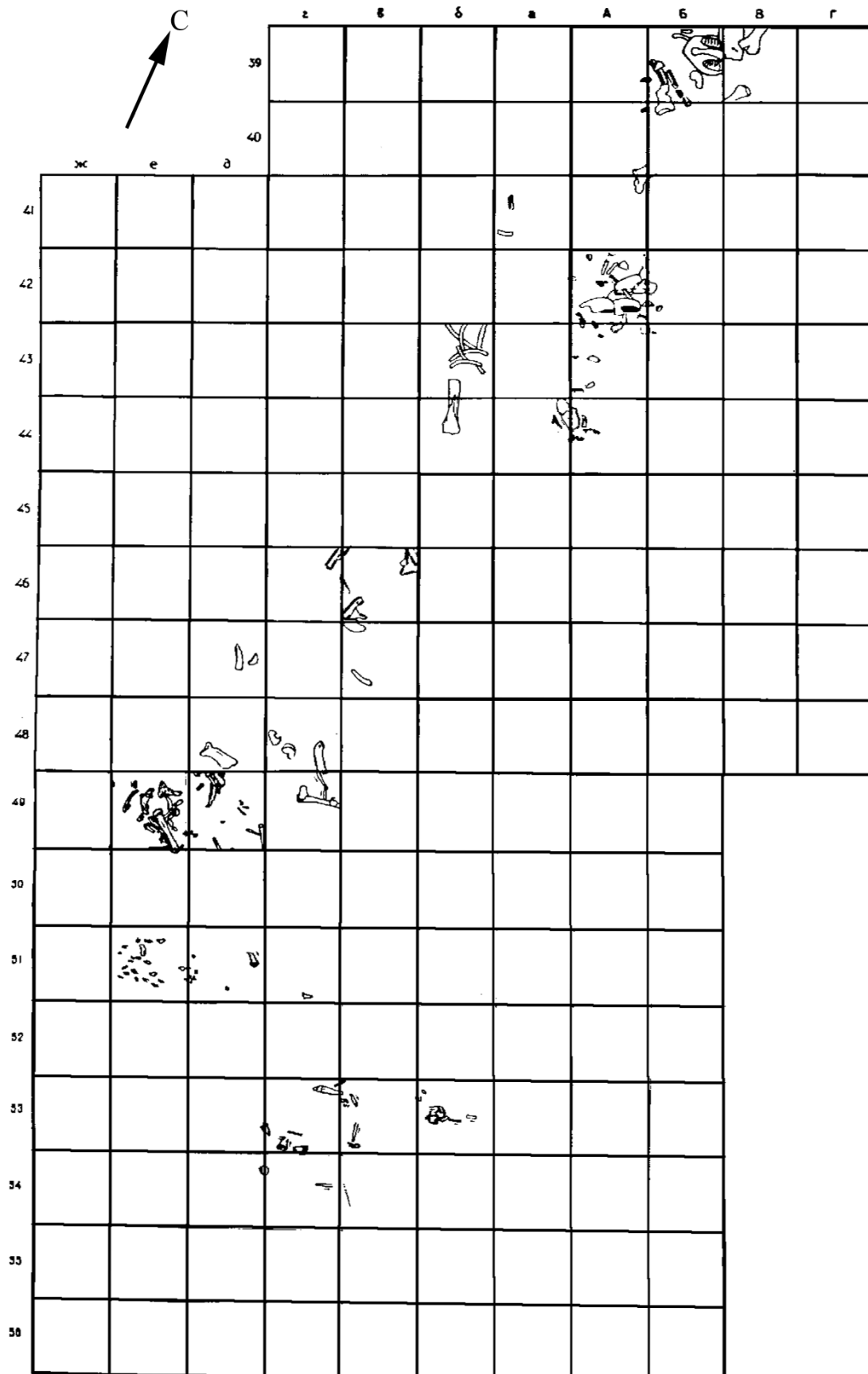
Вопрос о древнейшем культурном слое Тельманской стоянки поставлен, но исследование этого слоя не ведется. Наше намерение исследовать четвертый культурный слой осуществить не удалось из-за ограниченности средств и большой глубины его залегания. Это не удалось сделать и А. Н. Рогачеву, проводившему многолетние исследования памятника. По существу, зафиксирован только факт его существования. Между тем четкое стратиграфическое положение этого слоя заставляет сожалеть о его недостаточной изученности.

Четвертый культурный слой был полностью разрушен и переотложен в древности, до основания поселения третьего культурного слоя. На территории основного раскопа Тельманской стоянки находки нижнего слоя были обнаружены в виде отдельных скоплений разной мощности на глубине 4–5 м от поверхности, в слоистых породах, подстилающих лессовидный суглинок, в нижней гумусированной толще (рис. 33, 72). Процесс разрушения этого слоя был, по-видимому, постепенным и длительным, поэтому находки, относящиеся к нему, встречались и выше и ниже переотложенной в древности погребенной почвы. Культурные остатки четвертого слоя представлены в основном костями мамонта плохой сохранности, залежавшими часто в вертикальном или сильно наклонном положении, с нагромождением одних на другие. Кости залежали иногда такими мощными скоплениями, что их верхняя граница находилась непосредственно у основания третьего или второго культурных слоев. Тем не менее находки этих слоев хорошо отделялись друг от друга по своему характеру. На кв. БВ-39 было зафиксировано особенно большое и мощное скопление крупных обломков трубчатых костей и лопаток мамонта, залежавшее в буром, местами гумусированном суглинке, и продолжавшееся на 1,5 м вглубь от основания третьего культурного слоя (рис. 84). Никаких других культурных остатков здесь не было, в частности не было столь обычных в культурных слоях верхнего палеолита осколков костей, угольков и т. п. (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 28, 30). Это скопление до конца исследовать не удалось. Важно отметить, что кв. БВ-39 был углублен на 170 см ниже пола второго культурного слоя (рис. 72). На глубине –180, –247 см от 0, в основании мощной толщ

видного суглинка залегал сильно гумусированный суглинок, содержащий 2–3 прослойки ископаемого гумуса. Эти прослойки, как и прослойка подстилающего желтого песка с меловой галькой (мощностью 20–30 см), имели падение в направлении, противоположном современному склону местности. Под ними залегал слой зеленоватой илистой вязкой глины, вскрытая мощность которого составляла 50–55 см. Находки на этом квадрате встречались лишь на уровне пола второго культурного слоя. Никаких культурных остатков, относящихся к четвертому слою, здесь не было, так же как и на остальных исследованных участках к западу от раскопа на кв. БВ-39, где было обнаружено скопление костей мамонта, уходившее далеко вглубь.

Южнее указанного скопления костей мамонта, на кв. А-42, всего лишь на 20 см ниже основания второго культурного слоя было расчищено еще одно большое скопление костей мамонта, состоящее из обломков нижней челюсти, ребер, тазовых костей, позвонков и мелких осколков других костей (рис. 84). В основании этого скопления, круто падая в направлении, противоположном современному склону местности, залегала слоистая ископаемая почва (нижняя гумусированная толща), переслоенная светло-желтым суглинком (рис. 33). В верхушках клиньев этого желтого лессовидного суглинка наблюдалась слабая, постепенно исчезающая окрасенность розового цвета. В прослойках гумуса между обломками костей мамонта были встречены отдельные кремневые отщепы, в том числе обожженные, и костные угли (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 34).

Южнее отдельные находки нижнего культурного слоя, представленные различными костями мамонта и залежавшие на 20–40 см ниже основания второго культурного слоя, были вытянуты по прямой вплоть до 49-й линии квадратов, где заканчивались еще одним крупным скоплением костей мамонта на кв. де-49 (рис. 84, 85). Такое расположение находок можно объяснить тем, что они, вероятно, отложились здесь в каком-то овражке. На кв. де-51 и бвг-53 еще ближе к основанию второго культурного слоя также были расчищены отдельные кости мамонта, относящиеся к четвертому слою. Следует отметить, что единичная находка расщепленного кремня вместе с отдельными осколками костей

Условные обозначения:

 КОСТИ ЖИВОТНЫХ

 БИВЕНЬ МАМОНТА

0 2м

Рис. 84. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой. План расположения находок в раскопе

мамонта, залежавшими на глубине 1 м от основания третьего культурного слоя и относящаяся к нижнему слою, была обнаружена на кв. В-44 (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 34, 37–38; 1958 г., ф. 35, арх. № 9, с. 53, 60, 71, 78).

При расчистке скопления костей на кв. А-42, на соседнем кв. А-41 была обнаружена мощная слоистая переотложенная прослойка углисто-зольной массы, которая круто падала в направлении, противоположном современному склону местности (рис. 86). Эта зольная масса была обильно насыщена древесными углями (костных углей не было) и продолжалась на кв. Б-41–42, выклиниваясь в виде тонкой линзы на кв. а-41, где в ней был расчищен осколок трубчатой кости мамонта. На этом же квадрате наблюдалось несколько прослоек ископаемого гумуса. При разборке зольного скопления встречены 3 обожженных расщепленных кремня (Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, арх. № 2, с. 38). Есть все основания полагать, что переотложенная зольная масса представляет собой остатки очага, а это, в свою очередь, приводит к выводу, что скопление костей мамонта плохой сохранности на ограниченной площади и отдельные расщепленные кремни, в том числе и происходящие из очажной массы, не являются случайными находками, а представляют собой остатки переотложенного в древности поселения. Обитатели этого поселения охотились на мамонтов, крупные кости которых,

Рис. 85. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой. Кости животных на кв. где-49. Вид с востока

Рис. 86. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой. Линзы переотложенной очажной массы, залежавшей против современного склона местности (кв. А-41)

обнаруженные в четвертом культурном слое, могли использоваться в качестве строительного материала. Поэтому вполне возможно предполагать наличие жилой конструкции типа Аносовки 2 (Рогачев, 1957) на поселении IV культурного слоя Тельманской стоянки.

На территории основного раскопа находки IV культурного слоя были расчищены к югу от описанных выше, в шурфах 1952 г. на кв. бвг-58-60 и бвг-67-69 (рис. 2). В шурфе бвг-58-60, ниже

толщи бурого лессовидного суглинка, в которой не было никаких находок, залегала верхняя гумусированная прослойка (рис. 87), в верхней части которой на кв. г-58 был расчищен крупный обломок ребра мамонта, а в нижней части на кв. в-60 было найдено 3 кремневых отщепа, относящихся ко второму культурному слою. На дне шурфа, в его южном углу, ниже прослойки ископаемого гумуса, в буром гумусированном суглинке (отметки -165, -225) было обнаружено скопление

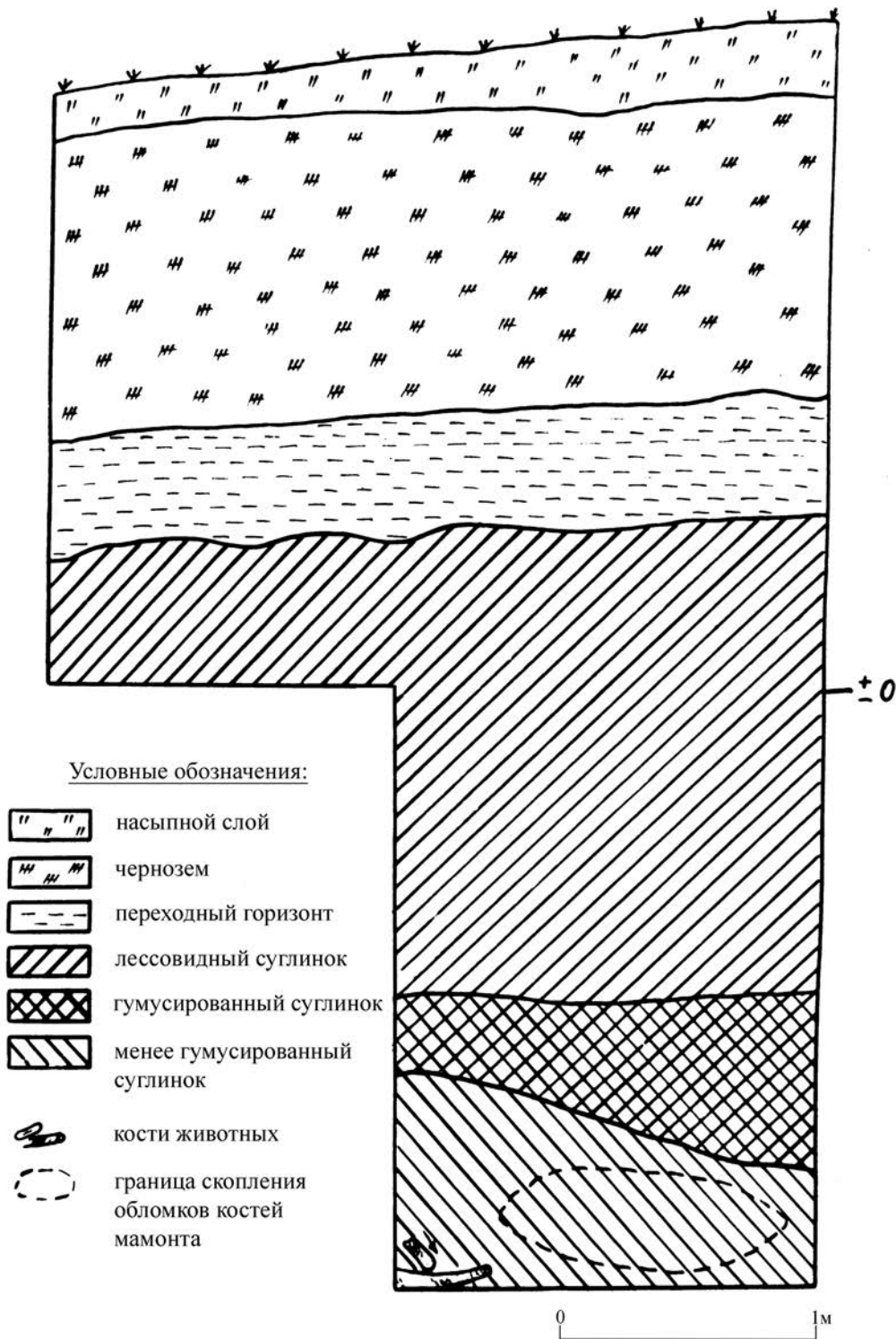
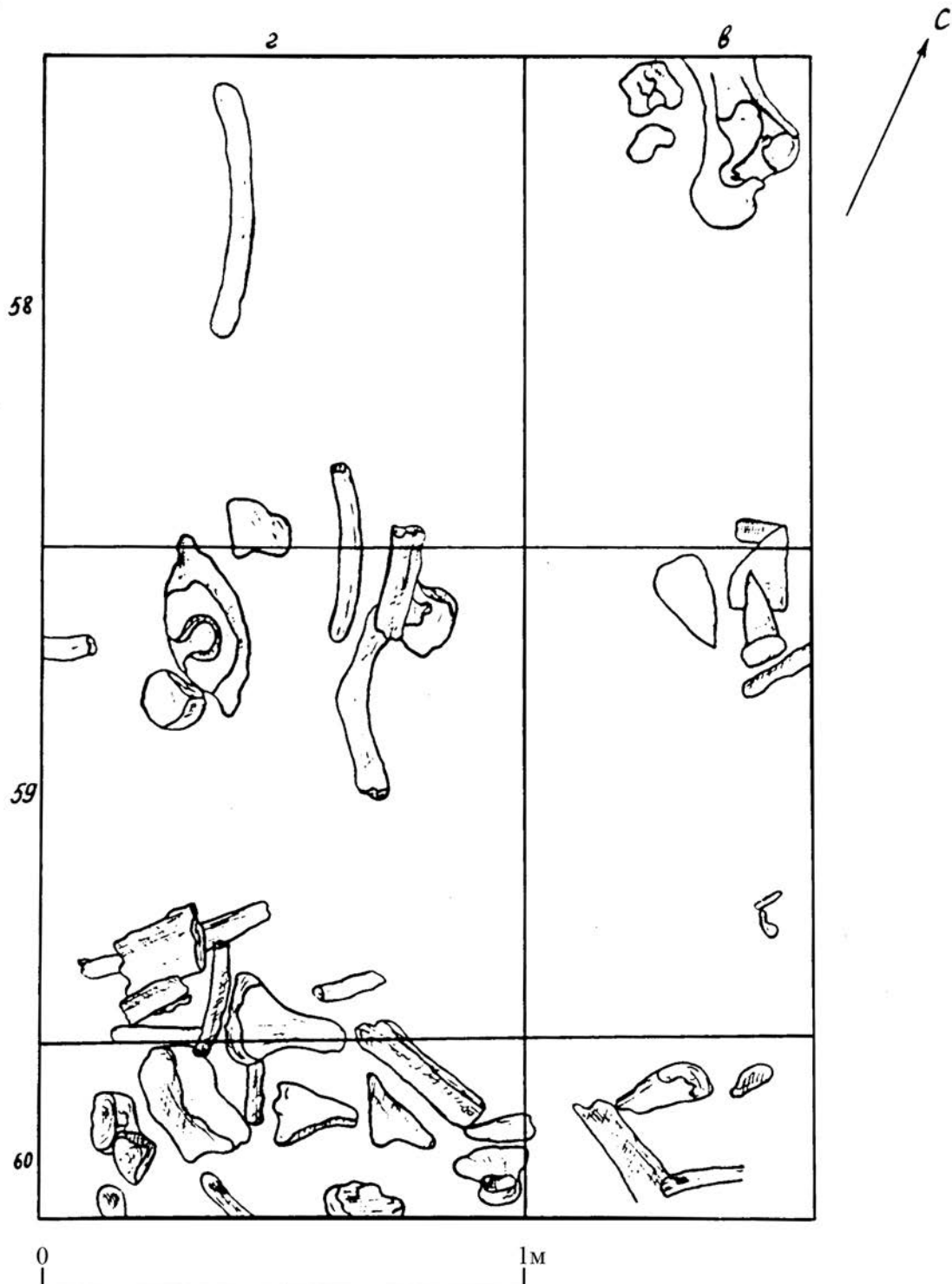

Рис. 87. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой. Разрез восточной стенки шурфа бвг-58-60 1952 г.

костей мамонта мощностью до 50 см, состоящее из обломков трубчатых костей, обломков ребер, двух стопных и других костей мамонта (рис. 88). Несколько севернее, на кв. вг-59 было расчищено еще одно скопление мощностью до 30 см, состоящее из губчатой массы двух позвонков, атлан-

та, 7 обломков ребер и других костей мамонта. Еще севернее, на кв. в-58 была расчищена локтевая кость мамонта, продолжавшаяся на кв. в-57, и две другие кости. Скопления костей мамонта в шурфе бвг-58-60, залегающие несколько ниже кремневых отщепов II культурного слоя,

Условные обозначения:

 КОСТИ ЖИВОТНЫХ

Рис. 88. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой.
План культурных остатков в шурфе бвг-58-60 1952 г.

представляют собой культурные остатки IV слоя Тельманской стоянки (Архив ЛОИА, 1952 г., ф. 35, арх. № 5).

К этому же слою относятся и кости мамонта плохой сохранности, обнаруженные в шурфе бвг-67-69 (рис. 2). В верхней гумусированной прослойке шурфа, имевшей местами кирпично-красный цвет, залегал мощный второй культурный слой (рис. 89). Около 1 м ниже, в нижней гумусированной прослойке, которая является

более плотной, чем верхняя, и имеет каштановый цвет, залегали более или менее равномерно по всей площади шурфа кости мамонта плохой сохранности, состоявшие из обломка нижней челюсти с зубом, обломков малой берцовой, трубчатых костей, ребер, лопатки, позвонков и других костей мамонта (рис. 90). Мощность скопления не превышает 20-25 см. На кв. в-68 расчищено скопление черной сильно гумусированной массы, залегавшей в виде линзы, округлой

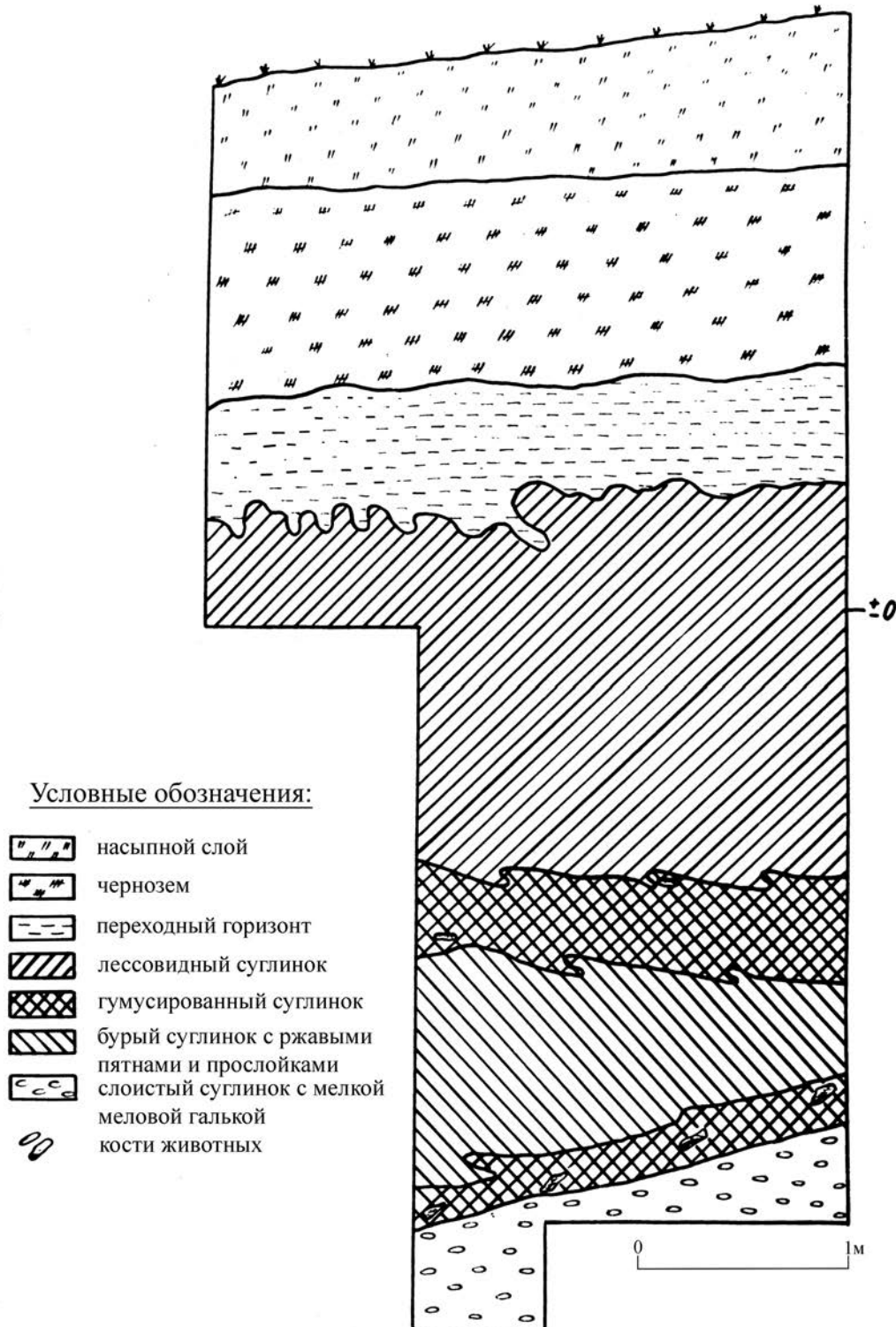

Рис. 89. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой. Разрез восточной стенки шурфа бвг-67-69 1952 г.

в плане и напоминавшей скопление углистой массы. Мощность ее не превышала 10 см. В этой углистой массе не было выраженной зольности, костных углей, жженных кремней. Рядом с ней и внутри ее залежали обломки ребер, кость стопы и губчатая масса других костей мамонта, совершенно лишенных признаков пребывания в огне. При расчистке костей мамонта в нижней гумусированной прослойке, относящихся к четвертому культурному слою, в шурфе бвг-67-69

были обнаружены 15 отщепов и пластин темного мелового кремня с голубоватой патиной (Архив ЛОИА, 1952 г., ф. 35, арх. № 5; 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 66, 67, 69).

За пределом основного раскопа находки нижнего культурного слоя были обнаружены в шурфах 1952 г. ДЕ-30-33 и ЖК-54-55 и в шурфе 1962 г. кн-61-63 (рис. 2). В шурфе ДЕ-30-33, расположенном в 5 м к северу от основного раскопа с находками четвертого культурного слоя, четко

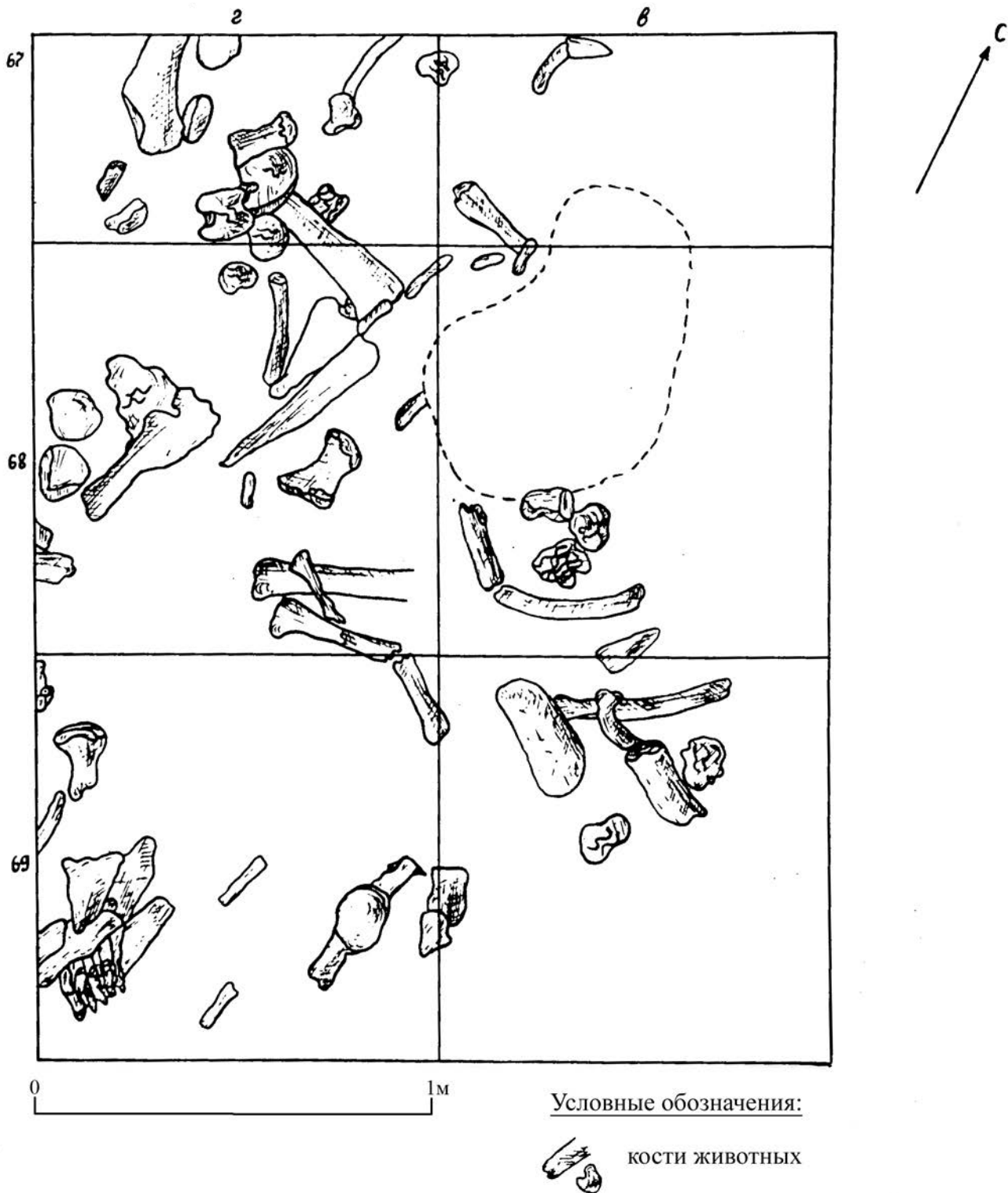

Рис. 90. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой. План культурных остатков в шурфе бвг-67-69 1952 г.

различаются верхняя и нижняя гумусированные прослойки (рис. 91). На уровне залегания первого культурного слоя Тельманской стоянки в толще бурого лессовидного суглинка был встречен расщепленный кремь светлого-серого цвета, сильно патинизированный. В верхней гумусированной прослойке залежали немногочисленные культурные остатки второго слоя. А в верхней

части нижней гумусированной прослойки были расчищены: крупный обломок плечевой кости, две бедренных, малая берцовая, 3 обломка трубчатых костей и около 10 мелких обломков костей мамонта плохой сохранности, 3 осколка трубчатых костей лошади, а также 7 кремневых отщепов и 2 мелких обломка кварцита (рис. 92). Все эти находки и по своему характеру, и по страти-

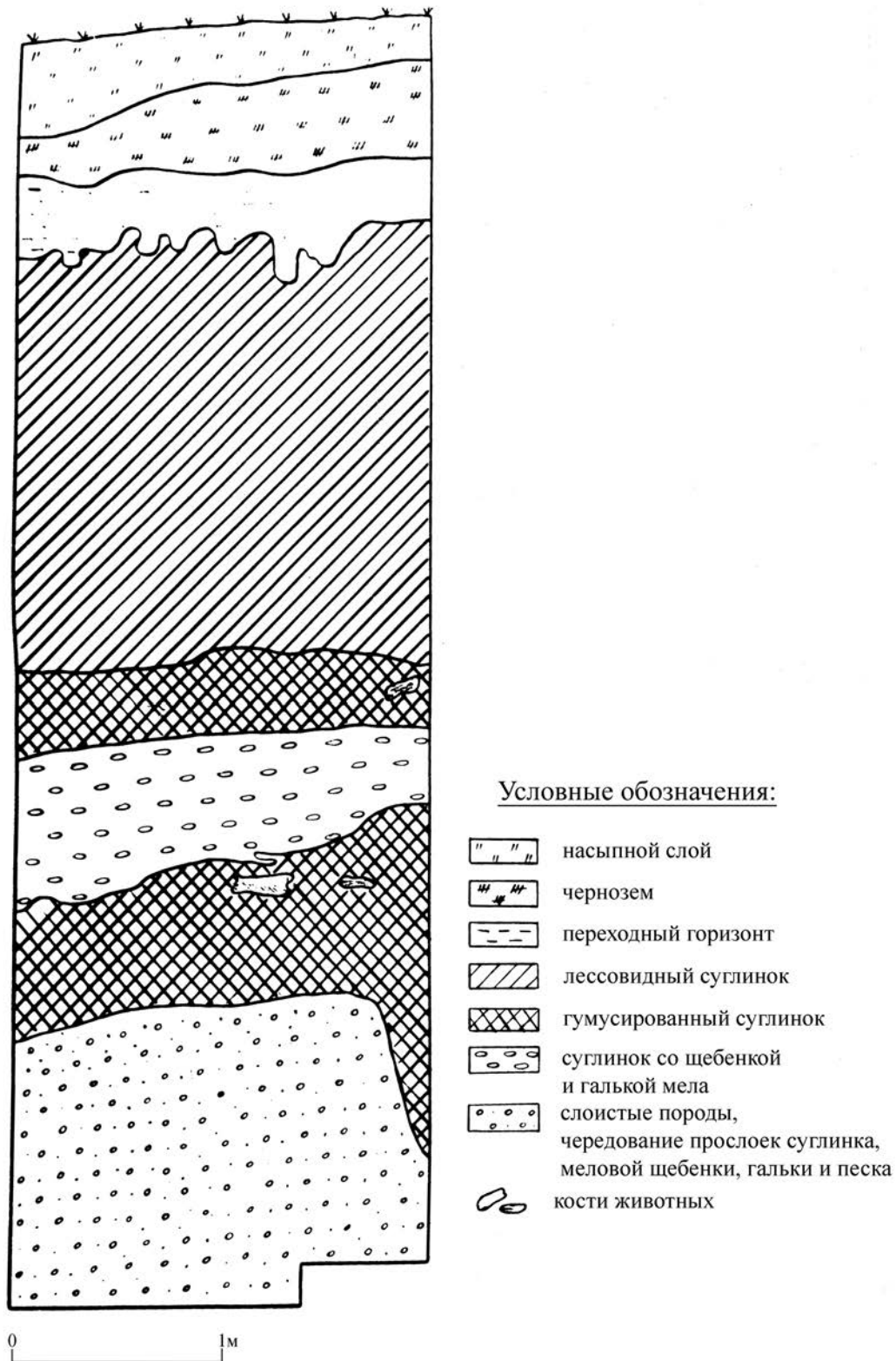

Рис. 91. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой. План культурных остатков в шурфе бвг-67-69 1952 г.

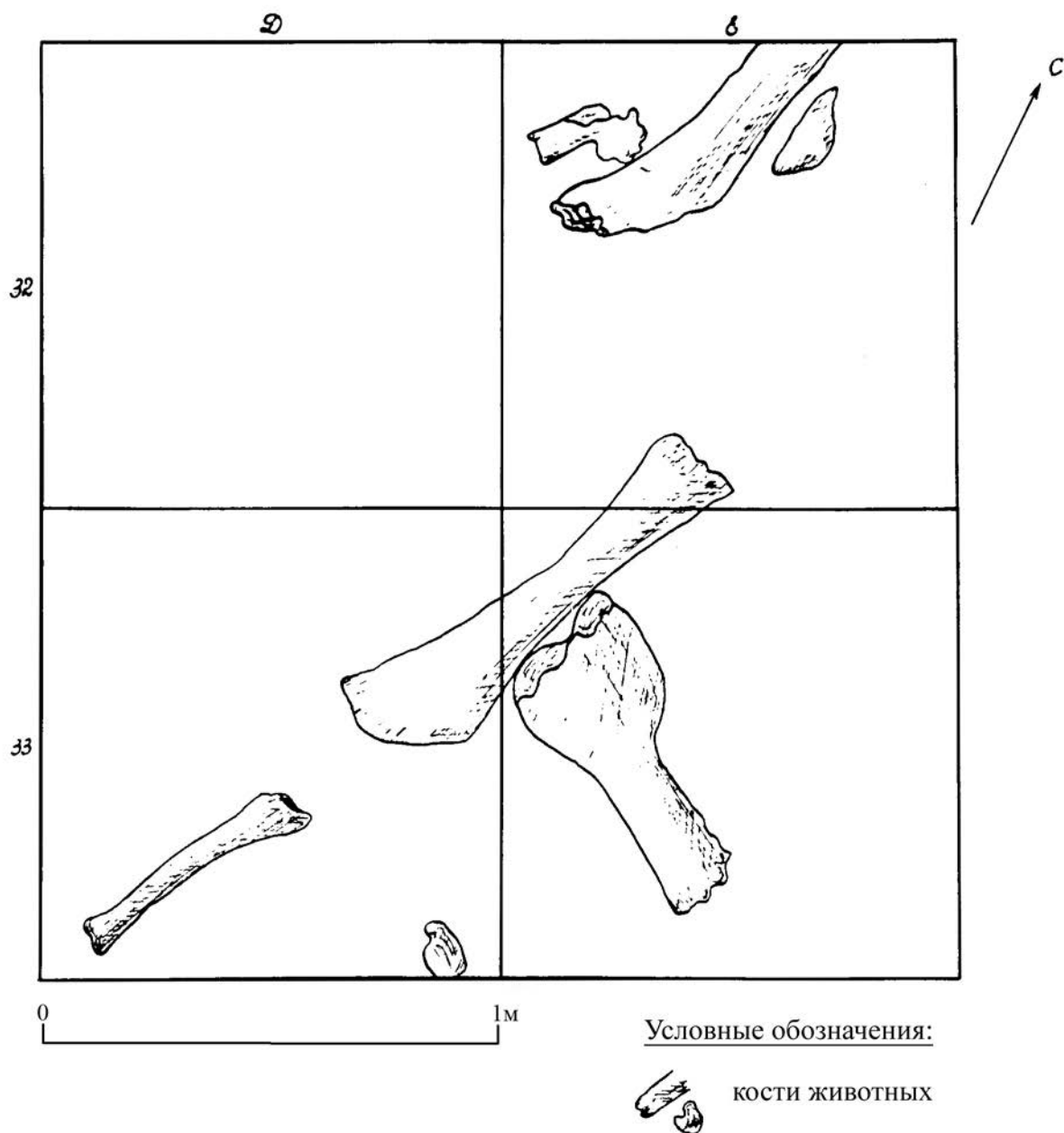

Рис. 92. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой.
План культурных остатков в шурфе ДЕ-30–33 1952 г.

графическому положению относятся к четвертому культурному слою (Архив ЛОИА, 1952 г., ф. 35, арх. № 5).

В шурфе ЖК-54–55, расположенном к востоку от основного раскопа, рядом с последним, также очень четко различаются верхняя и нижняя гумусированные прослойки (рис. 93). В этом шурфе обнаружены немногочисленные находки на соответствующих уровнях залегания первого, первого «а» и второго культурных слоев Тельманской стоянки. В нижней гумусированной прослойке, круто падающей в направлении, соответствующем современному склону местности, на кв. Ж-54–55 залегали культурные остатки четвертого слоя, представленные позвонком,

стопными костями, обломками ребер, осколками трубчатых, мелкими обломками других костей мамонта, осколком трубчатой кости лошади и губчатой массой костей (рис. 94). Находки залегали в юго-западном конце шурфа, за пределами их распространения наметился и наиболее крутой склон нижней гумусированной прослойки в сторону тальвега Большого Бирючьего лога (Архив ЛОИА, 1952 г., ф. 35, арх. № 5).

Шурф кн-61–63 заложен к югу от основного раскопа, рядом с последним. Стратиграфия его обычная для Тельманской стоянки. В нижней части толщи бурого лессовидного суглинка, приуроченные к тонким линзам нижней гумусированной прослойки, по всей площади

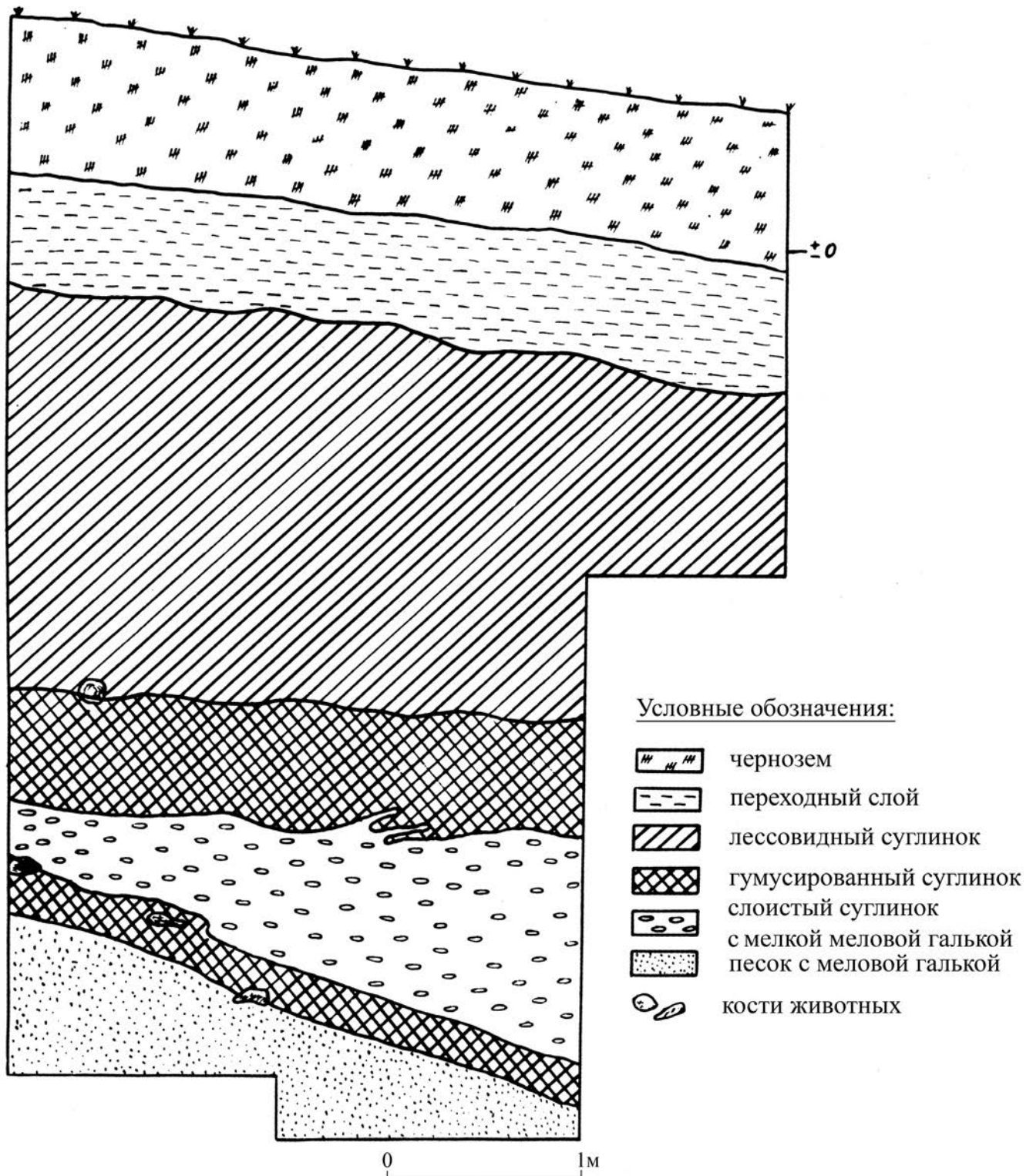

Рис. 93. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой.
План культурных остатков в шурфе ЖК-54-55 1952 г.

шурфа были расчищены отдельные кости мамонта плохой сохранности (рис. 95). Вниз по склону, т. е. в юго-восточной части шурфа, их больше, вверх по склону кости мамонта единичны. Здесь были представлены обломки бивней, позвонков, ребер, стопные кости, фаланга, эпифиз плечевой кости, обломок эпифиза бе-

дра, пластинки от зуба и мелкие обломки других костей мамонта.

Почти все кости залегали в вертикальном или сильно наклонном положении, что вообще характерно для находок четвертого слоя, переотложенных еще в древности. Кроме этого, в шурфе при расчистке костей мамонта были обна-

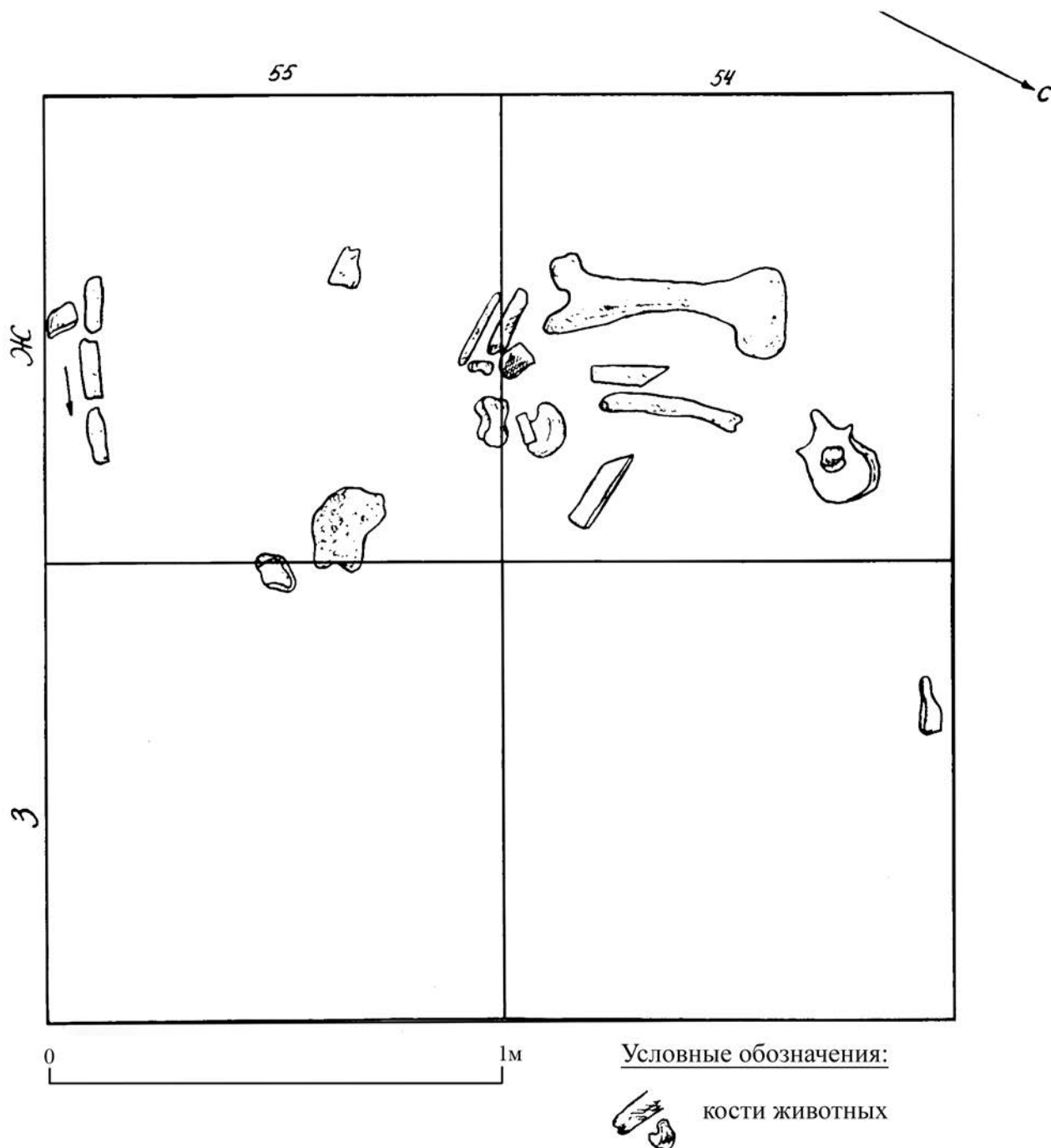

Рис. 94. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой.
 План культурных остатков в шурфе ЖК-54-55 1952 г.

ружены 4 обломка кремневых пластин (Архив ЛОИА, 1962 г., ф. 35, арх. № 9).

Всего в коллекции четвертого культурного слоя Тельманской стоянки имеется 29 расщепленных кремней, из них 4 со следами вторичной обработки. Это, к сожалению, очень немного для коллекции, которая благодаря четкой стратиграфии имеет весьма большое значение для решения вопроса хронологии памятников верхнепалеолитического времени. Обитатели самого раннего поселения на Тельманской стоянке при изготовлении орудий ис-

пользовали темного цвета кремнь с легким налетом голубоватой патины. Среди кремневых орудий четвертого слоя имеется 3 концевых скребка на пластинах: 1 сделан на ретушированной по обоим краям пластине, ретушь крупная, «ориньякского типа» (рис. 96: 2); второй скребок изготовлен из короткой пластины без ретуши по краям (рис. 96: 4); и, наконец, третий представляет собой комбинированное орудие, сделанное на ретушированной по одному краю пластине (ретушь крупная), на одном конце скребок, а на противоположном — косо

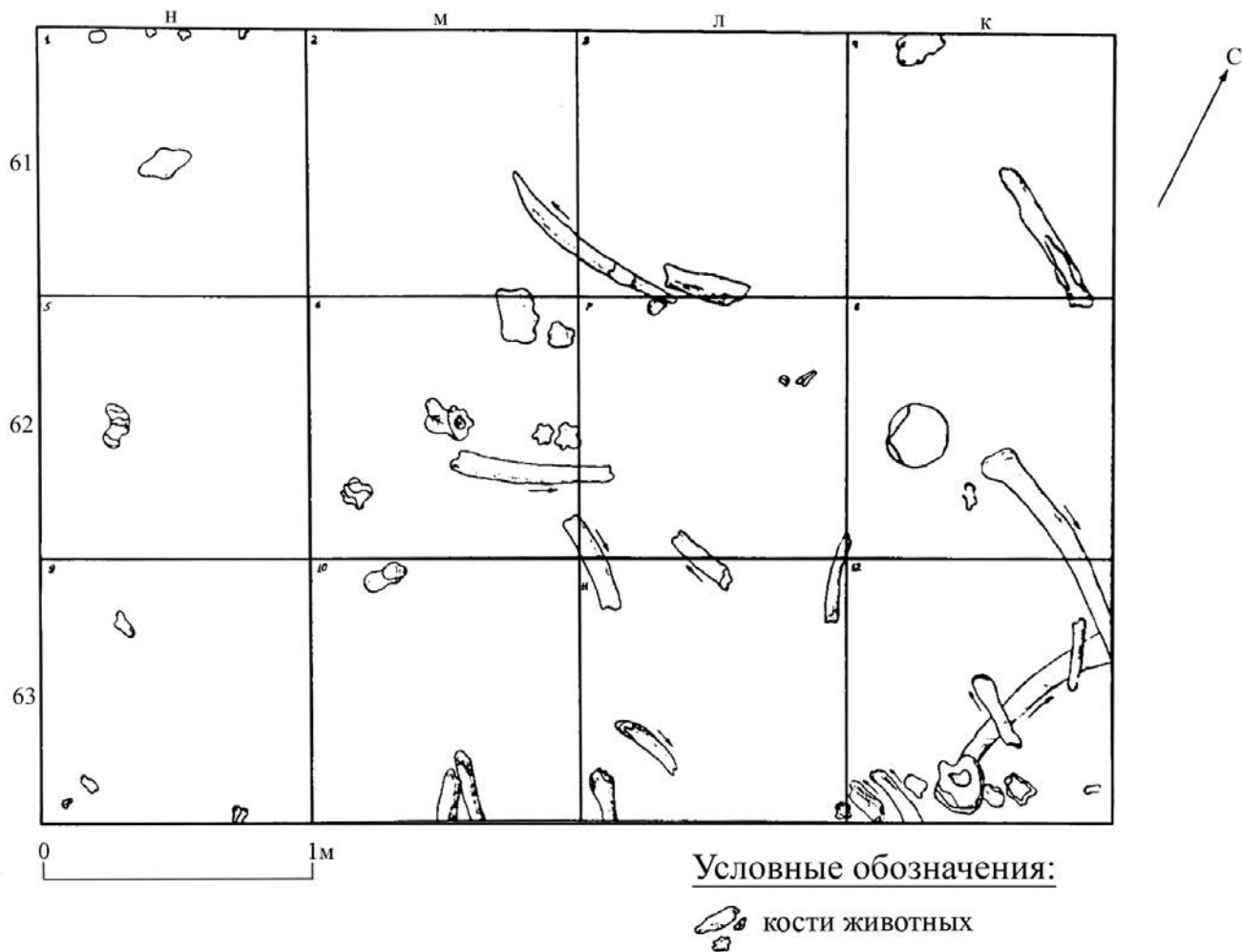

Рис. 95. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой.
План культурных остатков в шурфе клмн-61–63 1962 г.

ретушированный боковой резец, причем резцовый скол проходит вдоль всего второго, неретушированного края пластины (рис. 96: 3). На спинке этого орудия сохранилась корка. Рабочие края всех трех скребков имеют слегка выпуклую форму. Кроме этих орудий в коллекции

имеется 1 обломок нижнего конца микропластины с притупленным краем. Ретушь, притупляющая край, неровная (рис. 96: 1).

Среди расщепленных кремней без следов вторичной обработки имеются 5 удлиненных типично верхнепалеолитических пластин и 5 их

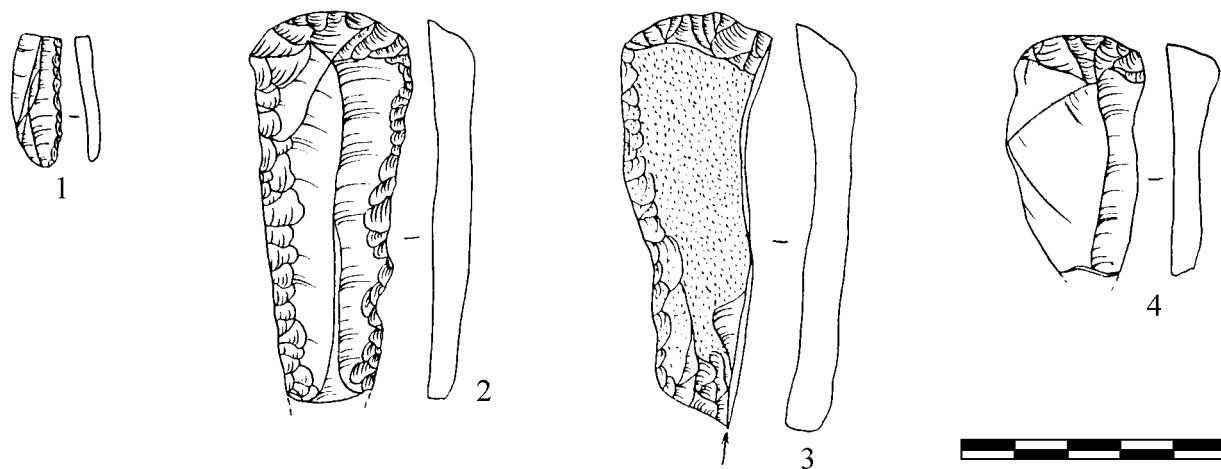

Рис. 96. Костенки 8 (Тельманская стоянка). IV культурный слой.
Кремневый инвентарь: 1 — микропластинка с притупленным ретушью краем; 2–4 — концевые скребки

обломков (размеры большего экземпляра целой пластины 7,5×1,8 см, а меньшего — 4,5×1,5 см), 3 обломка микропластин и 12 отщепов, причем из них 3 экземпляра со следами пребывания в огне.

Слишком малочисленная кремневая коллекция, в которой насчитывается всего лишь 4 орудия, не позволяет говорить о культурной принадлежности памятника. Но совершенно четкое стратиграфическое положение культурных остатков нижнего слоя нашей стоянки (нижняя гуму-

сированная толща) позволяет отнести это плохо сохранившееся поселение к ранней поре верхнепалеолитической эпохи. Такому выводу не противоречит и кремневый инвентарь этого слоя, даже в том количестве, в каком он имеется у нас. Показательно то, что из четырех имеющихся орудий три являются концевыми скребками, причем два из них на ретушированных довольно крупной «ориньякского типа» ретушью пластинах. В памятниках ориньякской культуры такой признак свидетельствует о древности материалов.

ГЛАВА X

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУССКОЙ РАВНИНЕ В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ

На примере богатой материалом многослойной Тельманской стоянки можно убедиться в том, насколько совершенными уже в то далекое время были формы организации первобытного общества и распорядка труда, насколько многообразной и развитой была домашне-хозяйственная деятельность обитателей поселений, какими сложными были процессы социальной жизни поселений в эпоху верхнего палеолита. Обитатели Тельманской стоянки жили в довольно суровых климатических условиях. Это подтверждается и фаунистическими, и палеоботаническими, и геологическими данными. Такие условия определяли необходимость строительства прочных утепленных жилищ, остатки которых были вскрыты в четырех культурных слоях Тельманской стоянки (стоянка Бирючий лог, I, II, III слои). Следует заметить, что остатки жилищ являются одним из главных элементов материальной культуры и имеют огромное значение для понимания общественного строя жизни их бывших обитателей. Выдающийся исследователь общественной жизни и культуры североамериканских индейцев Л. Морган по этому поводу высказал следующую мысль: «Факты их социальной жизни, остающиеся, к сожалению, далеко не достаточно объяснимыми, говорят нам значительно меньше, чем развалины их жилищ» (Морган, 1934). Выводы о первобытнообщинном строе и первобытной культуре не могут быть полными и точными без изучения жилищ и поселений древнекаменного века. Ведь совершенно ясно, что построить жилище, а тем более группу жилищ могли только общины, состоявшие из десятков взрослых мужчин и женщин, совместно ведущих свое хозяйство.

Впервые совершенно по-новому к раскопкам палеолитических стоянок подошли такие исследователи, как П. П. Ефименко и С. Н. Замятнин. Они доказали, что при удовлетворительной сохранности культурного слоя и при тщательном его изучении на палеолитических стоянках, как правило, можно обнаружить остатки жилищ и поселений. Последние были исследованы на Гагаринской стоянке С. Н. Замятниным (Замятнин, 1935); в Костенках 1 — П. П. Ефименко (Ефименко, 1953); на Авдеевской стоянке — М. В. Воеводским (Воеводский, 1950) и А. Н. Рогачевым (Рогачев, 1953в); в Пушкарях 1 — П. И. Борис-

ковским (Борисковский, 1940; Борисковский, 1953); в Гонцах — И. Ф. Левицким (Левицкий, 1947); в Мальте — М. М. Герасимовым (Герасимов, 1935); в Бурети — А. П. Окладниковым (Окладников, 1941); в Елисеевичах и Юдиново — К. М. Поликарповичем (Поликарпович, 1940); на Александровской — А. Н. Рогачевым (Рогачев, 1955а) и на многих других. На Тельманской палеолитической стоянке в разных слоях обнаружены остатки жилищ двух типов, а именно: жилище, в качестве строительного материала для которого использовались крупные кости животных, в частности мамонта, а также жилища, для строительства которых использовался какой-то иной материал, скорее всего дерево, не сохранившийся до наших дней. Жилище первого типа исследовано в первом культурном слое. Это остатки полуземлянки, круглой в плане, со слегка углубленным в пол очагом в центре, с хозяйственными ямами в полу, стены которых были выложены из крупных костей мамонта и других животных, а коническая кровля состояла из жердей и лежавших на них шкур и ветвей; полуземлянку, возможно, окружала невысокая земляная насыпь. Такого типа жилища обнаружены и исследованы на многих верхнепалеолитических стоянках.

Совершенно иной тип жилищ обнаружен на стоянке Бирючий лог во втором и третьем культурных слоях Тельманской стоянки. Остатки жилища в третьем культурном слое исследованы на слишком небольшой площади, чтобы о них можно было говорить вполне определенно. Зато во втором культурном слое нашей стоянки на площади в 353 м² исследованы пять жилищ. Синхронны по времени три из них, а может быть, и все пять, т. е. вскрыт настоящий верхнепалеолитический поселок. Характерной особенностью его является то, что в качестве строительного материала для жилищ не использовались ни крупные кости животных, ни каменные плиты, как это имело место на многих верхнепалеолитических поселениях. Очевидно, эти жилища строились из дерева. Они имели округлую или овальную в плане форму, их основание было незначительно углублено в суглинок, полы очагов, располагавшихся по одному в центре каждого жилища, почти не углублялись в пол, хозяйственных ям в полу не было. Кровля округлых в плане жилищ

имела, очевидно, коническую форму, а удлиненные жилища имели, возможно, двускатное перекрытие, опирающееся на края иных углублений и на коньковую жердь вверху. Аналогичным по типу является жилище, остатки которого исследованы, к сожалению, не полностью, в самом верхнем культурном слое Тельманской стоянки (стоянка Бирючий лог). На других верхнепалеолитических поселениях жилища, по всем признакам сходные с этими, неизвестны. Но группы жилищ, связанных единством культурного слоя, были изучены в ряде мест.

Строительство долговременных жилищ требовало длительного и организованного труда взрослых членов общины, так как необходимо было отыскать и заготовить строительные материалы и топливо, построить жилища, содержать их в пригодном состоянии, поддерживать огонь в очаге, служившем для отопления, освещения жилища и для приготовления пищи. Вместе с тем необходимо было заниматься добыванием и заготовкой продовольственных запасов, приготовлением пищи, изготовлением одежды, для чего обитатели древних поселений охотились, собирали съедобные растения, ягоды и т. п., занимались примитивным рыболовством. Обо всем этом свидетельствуют археологические материалы, добытые при исследовании Тельманской стоянки. Большой затраты труда и времени требовало изготовление орудий труда и добывание сырья для их изготовления. Не забывали обитатели поселений и о своих украшениях. В эту пору развивается искусство. Это подтверждают находки вырезанной из мергеля головки животного на стоянке Бирючий лог, грушевидной поделки из кости мамонта, напоминающей антропоморфную фигурку во втором культурном слое Тельманской стоянки, наличие примитивного орнамента в виде продольных или поперечных круговых и спиральных нарезок на костях животных, обнаруженных в первом и втором культурных слоях нашей стоянки и т. д. Все это говорит о необычайно разносторонней и сложной деятельности древнего человека, свидетельствует о том, что жилища являлись главными центрами производственной, домашне-хозяйственной, общественной и духовной жизни, и подтверждает мысль К. Маркса о том, что «уже задолго до введения земледелия общий дом был одной из материальных основ прежних форм общины» (Маркс, Энгельс, 1935: 680). Причем общественные отношения обитателей общинных жилищ не могли быть стадными, это были семейные отношения, возникшие в результате осознания родства.

Вопрос о том, каким образом, какими путями осуществлялся процесс развития культуры в эпоху верхнего палеолита, является одним из основных вопросов советской археологической науки. Решение этого вопроса крайне затруднено тем обстоятельством, что на сегодняшний день наша наука располагает весьма немногочисленным материалом, освещающим эту эпоху, если принять во внимание, что продолжительность последней равнялась нескольким десяткам тысяч лет. Заслуга советских археологов заключается в том, что они никогда не уклонялись от решения этой проблемы и добились немалых успехов в этом направлении. Большую роль сыграло в этом смысле открытие и исследование многослойных поселений верхнепалеолитической эпохи, особенно в Костенковско-Борщевском районе, центральном на Восточно-Европейской равнине, где на сравнительно ограниченной территории по правобережью Дона известны двадцать верхнепалеолитических стоянок с одним и несколькими культурными слоями (Рогачев, 1957; Борисковский, 1963). Один из многослойных памятников Костенковско-Борщевского района — Тельманская стоянка — оказался в центре борьбы двух точек зрения относительно процесса развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине: с одной стороны — точка зрения П. П. Ефименко и П. И. Борисковского, с другой — А. Н. Рогачева.

Первое сообщение в печати об открытии верхнего (I) слоя Тельманской стоянки появилось в 1940 г. П. П. Ефименко писал: «Дело мы имеем здесь с каким-то очень ранним временем верхнего палеолита». И дальше: «Очевидно, Тельманская стоянка — памятник ранней ступени верхнего палеолита с чертами культуры, складывающейся на основе предшествующей культуры позднейшего мустье — типа Ильской, Чокурчи» (Ефименко, 1940: 46–48).

К этому времени была обнаружена многослойность многих стоянок Костенковско-Борщевского района. Значение этого факта трудно переоценить, так как именно на примере памятников, где различные по характеру культурные слои сменяли друг друга, можно с большей степенью уверенности решить вопрос о процессе развития верхнепалеолитической культуры на данной территории. Очень сложная и неожиданная картина предстала перед исследователями стоянок Костенковско-Борщевской группы. На Тельманской стоянке под верхним культурным слоем оказались еще три слоя, совершенно не содержащих каких-либо признаков так называемой «солотрейской» техники обработки

кремня. Причем, если кремневый инвентарь третьего и четвертого культурных слоев обработан крупной ретушью «ориньякского типа», то во втором культурном слое и этого тоже нет. Инвентарь второго культурного слоя поражает своим совершенством и изяществом форм. На Костенках 1 между верхним и нижним (V) культурными слоями с орудиями, оформленными плоской ретушью, залежали три слоя, не содержащие орудий, обработанных подобным образом. На Костенках 4 «солотрейский» слой подстилался слоем с инвентарем так называемого «мадленского» типа. Все это никак не могло соответствовать той стройной схеме развития верхнепалеолитической культуры, состоящей из шести стадий, которую предложил П. П. Ефименко, и которая отражает эволюцию кремневого инвентаря на различных ступенях его развития. Именно в это время появляются работы А. Н. Рогачева, в которых высказывается мысль, что процесс развития культуры в эпоху верхнего палеолита был гораздо сложнее, чем это отразил П. П. Ефименко в своей теории. А. Н. Рогачев считает, что необходимо искать и устанавливать генетическую связь между поселениями, которая проявляется во всех элементах культуры — в типе жилища и его деталях, в одинаковом составе кремневых и костяных орудий, в памятниках религиозной обрядности, как это имеет место на Костенках 1 (верхний слой) и Авдеево, или же генетическую связь памятников, которая проявляется лишь в отдельных элементах культуры. Примером последней могут служить верхние слои Тельманской стоянки и Костенок 4. «Установление генетической связи между поселениями является весьма важным средством, помогающим в конкретно-историческом, а не в стадильном схематизированном виде осветить историю культуры верхнепалеолитического времени» (Рогачев, 1953а: 159). Причем вопрос относительной древности памятников, по мнению А. Н. Рогачева, может быть решен только и прежде всего с учетом стратиграфического положения этих памятников. При таком положении вещей верхний слой Тельманской стоянки оказывается не столь уж древним памятником, залегающий в верхней части лессовидных суглинков второй надпойменной террасы (Рогачев, 1951а; Рогачев, 1951б; Рогачев, 1953а; Рогачев, 1953б). Нижний слой Костенок 1, который относится П. П. Ефименко к той же тельманской стадии, оказывается несомненно более древним, так как приурочен к нижней гумусированной толще второй надпойменной террасы. Между тем орудия этого слоя по совершенству форм и технике их

обработки следовало бы датировать эпохой раннего металла (Рогачев, 1950; Рогачев, 1953а; Рогачев, 1953б). Верхние слои Тельманской стоянки и Костенок 1, относимые П. П. Ефименко к двум разным стадиям — тельманской и костенковской, оказываются весьма близкими друг к другу по времени, так как они залегают в одинаковых геологических условиях (Рогачев, 1950; Рогачев, 1953а). «К каким ошибочным выводам, — писал А. Н. Рогачев, — приводит предрассудочный взгляд, что форма кремневых орудий и состав инвентаря верхнепалеолитических стоянок сами по себе могут служить основанием для датировки» (Рогачев, 1955б: 31).

П. П. Ефименко продолжает отстаивать свою точку зрения. В 1953 г. на основании изучения нижних слоев Тельманской стоянки он дополнил свою схему стадильного развития верхнепалеолитической культуры седьмой, наиболее ранней раннетельманской стадией. П. П. Ефименко отмечает, что верхний слой Тельманской стоянки обнаруживает необычайно архаические черты — сочетание признаков позднего мустье и примитивного солютре. Носители культуры второго слоя Тельманской стоянки, по его мнению, пришли с юга, так как инвентарь этого слоя обнаруживает характерные черты капсийской культуры и близок к инвентарю из культурных отложений гротов Ментоны. Поэтому и первый, и второй культурные слои Тельманской стоянки относятся к достаточно ранней поре верхнего палеолита (Ефименко, 1953).

При участии геологов М. Н. Грищенко, Г. И. Лазукова и А. А. Величко в Костенках проводится систематическое исследование стратиграфии четвертичных отложений района и геологических условий залегания многослойных стоянок. В 1953 г. ИИМК АН СССР организовал специальную комиссию из геологов и археологов, целью которой было изучение геологических условий залегания верхнепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района (состав комиссии: С. Н. Замятин — председатель комиссии, М. М. Герасимов, М. Н. Грищенко, В. И. Громов, А. И. Москвитин, И. Г. Пидопличко, В. М. Фридлянд). Признав стратиграфическое значение ископаемых гумусовых толщ второй террасы Дона и балок для палеолитических стоянок Костенковско-Борщевской группы и геологическую одновременность покрывающего обе надпойменные террасы делювиального шлейфа, комиссия тем самым подтвердила хронологическую близость верхних культурных слоев Костенок 1, Костенок 4 и Тельманской стоянки, залегающих в делюви-

альном шлейфе обеих террас, т. е. в верхней части лессовидного суглинка. Следовательно, комиссия подтвердила относительно поздний возраст верхнего слоя Тельманской стоянки. Иными словами говоря, в решениях комиссии найдено подтверждение точки зрения А. Н. Рогачева об относительном возрасте верхнепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района (протокол комиссии опубликован в МИА, 1955, № 45: 162–163).

В 1953 г. вышла из печати большая работа П. И. Борисковского по палеолиту Украины, в которой он и после работы комиссии оспаривал стратиграфическое значение гумусированных прослоек, ссылаясь на расслоенность верхней гумусированной толщи на стоянке Костенки 17 и не придавая значения тому, что на этой стоянке, как и в других местах, имеется прослойка вулканического пепла, четко отделяющая нижнюю гумусированную толщу от двух прослоек верхнего погребенного гумуса (Борисковский, 1953: 405). П. И. Борисковский предложил схему семи периодов развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. Исходными для него явились те же костенковские памятники, расположенные в той же хронологической последовательности, как и стадии схемы П. П. Ефименко. Относительно культурной принадлежности инвентаря второго слоя Тельманской стоянки и по вопросу относительной древности культурных слоев этой стоянки мнения П. П. Ефименко и П. И. Борисковского совпадают. Причем П. И. Борисковский считает, что все культурные слои Тельманской стоянки, залегающие на различных уровнях отложений второй надпойменной террасы, разделены не очень большим промежутком времени, а нижний слой стоянки не относится к самой начальной поре верхнего палеолита, т. е. наиболее ранние верхнепалеолитические памятники в Костенках пока не обнаружены (Борисковский, 1955; ср. Борисковский, 1951).

А П. П. Ефименко снова писал: «Инвентарь второго культурного слоя Тельманской стоянки сбил с толку А. Н. Рогачева, заставил его отказаться от представления о какой-либо общей закономерности в развитии позднепалеолитического общества и его культуры, от признания познавательной ценности археологических фактов в этой области как основы для восстановления общеисторического процесса». И дальше: «Рогачев, отвергая, таким образом, всякую возможность решения проблемы исторического размещения памятников позднего палеолита исходя из археологических данных, ищет выход в при-

влечении наблюдений по стратиграфии четвертичных отложений района Костенок» (Ефименко, 1958: 443–446). А между тем, по мнению П. П. Ефименко, открытие второго культурного слоя Тельманской стоянки несколько не нарушило схему стадийного развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине, так как «единственное объяснение для появления подобного памятника — это проникновение на территорию среднего Дона какой-то первобытной группы с юга, из области так называемой капсийской культуры. В стоянках Италии и южной Франции, например, в древних слоях гротов Гримальди у Ментоны, обработанный кремьен носит тот же характер, что и в Тельманской стоянке. Очевидно, в этой части Европы, в культуре ее первобытного населения и следует в первую очередь искать объяснение особенностей, отличающих второй горизонт Тельманской стоянки» (Ефименко, 1958: 446). По поводу верхнего культурного слоя этого памятника П. П. Ефименко еще раз высказался в пользу его раннего возраста и большей древности по сравнению с первым слоем Костенок 1 и ему подобных (Ефименко, 1958: 442–443).

В итоге многолетних исследований верхнепалеолитических памятников в Костенках, особенно многослойных, были собраны богатейшие материалы по стратиграфии верхнего палеолита Русской равнины. Эти материалы дали возможность по-новому осветить вопрос об относительной древности верхнепалеолитических стоянок, в частности тех, на основании которых построена хронологическая схема П. П. Ефименко и П. И. Борисковского; они существенно расширили и во многом изменили сложившиеся в науке представления об истории верхнепалеолитического населения Русской равнины и развитии его культуры. Опираясь на вновь обнаруженные в Костенках материалы, А. Н. Рогачев предложил новую схему хронологической комиссии памятников палеолита в Костенках (Рогачев, 1957). Основой для этой схемы послужили результаты наблюдений Г. И. Лазукова над условиями залегания и особенно над соотношением культурных слоев палеолитического времени с ископаемыми почвами и прослойками вулканического пепла (Лазуков, 1957а). В соответствии с этим А. Н. Рогачев предложил хронологическое разделение памятников Костенковско-Борщевского района на четыре хронологические группы, в целом отражающие своеобразное последовательное развитие культуры в эпоху верхнего палеолита. К первой, наиболее ранней хронологической группе памятников, он отнес стоянки,

залегающие в нижней части гумусированной толщи отложений второй надпойменной террасы. Сюда вошли нижние, наиболее древние культурные слои многослойных стоянок, в том числе и нижний (IV) слой Тельманской стоянки. К средней хронологической группе относятся стоянки, залегающие в верхней гумусированной толще, в том числе III и II культурные слои Тельманской стоянки. Памятники поздней хронологической группы, охватывающей, по-видимому, значительный промежуток времени, залегают в делювиальном шлейфе обеих надпойменных террас. Наряду с другими сюда относятся Ia и I культурные слои Тельманской стоянки, а также стоянка Бирючий лог. К позднейшей хронологической группе памятников Костенковско-Борщевского района отнесены все три горизонта Борщево 2, залегающие в отложениях первой надпойменной террасы. Согласно хронологической схеме А. Н. Рогачева, памятники с совершенно различным по своему характеру инвентарем оказываются близкими по времени в связи с одинаковыми геологическими условиями их залегания. И наоборот, памятники, относящиеся к одной хронологической стадии по схеме П. П. Ефименко — П. И. Борисковского, оказываются в различных хронологических группах, разделенных значительным промежутком времени, по схеме А. Н. Рогачева (например, I слой Тельманской стоянки и V слой Костенок 1 или же II, III и IV слои Тельманской стоянки). А. Н. Рогачев возражает тем исследователям, которые видят в хронологической смене палеолитических памятников выражение преемственной эволюции культур, в основном эволюции кремневого инвентаря, одного и того же населения в духе классической французской схемы Г. Мортилье. По мнению А. Н. Рогачева, в эпоху верхнего палеолита на определенной территории в одно и то же время сосуществовали разные общины, обладавшие разными культурными традициями, сохранявшимися и закреплявшимися на протяжении многих поколений. Иными словами говоря, А. Н. Рогачев выдвигает положение об этнографическом своеобразии культуры отдельных групп палеолитического населения, живших зачастую одновременно. В связи с этим очень важно отыскать генетическую связь между памятниками, проявляющуюся в различных элементах культуры. Примером таких генетически связанных между собой памятников являются стоянки, относящиеся к костенковско-авдеевской культуре (верхний слой Костенок 1 — Авдеево), костенковско-стрелецкой (нижние слои Костенок 1, Костенок 12 и Стрелецкая 2), костенковско-

александровской, представленной верхними слоями Тельманской стоянки и Александровки (Рогачев, 1957).

В это же время П. П. Ефименко и П. И. Борисковский опубликовали богатые и яркие материалы, полученные при раскопках верхнепалеолитического жилища в первом культурном слое Тельманской стоянки в 1937 г. Говоря о времени этого поселения, они пишут: «В свое время, до того, как были открыты памятники вроде нижнего горизонта Костенок 1, Квасовской и Стрелецкой 2 стоянки, интересующее нас Тельманское поселение можно было относить, основываясь на особенностях его инвентаря, к той ранней поре позднего палеолита, когда технические приемы и производственные навыки, сложившиеся в эпоху мустье, почти полностью сохранили еще свое реальное значение и жизненную силу. В Тельманском поселении можно было видеть своего рода звено, связывающее культуру среднего и позднего палеолита. Новые факты существенно изменили прежние точки зрения» (Ефименко, Борисковский, 1957: 233). И особенное значение, подчеркивают авторы, имело в этом смысле открытие второго культурного слоя Тельманской стоянки, в котором совершенно отсутствуют орудия с признаками, характерными для солютрейской, а также пережиточной мустьерской техники и присутствия инвентарю вышележащего слоя стоянки. П. П. Ефименко и П. И. Борисковский указывают еще раз на то, что кремневый инвентарь второго слоя обнаруживает весьма своеобразные и выдержанные черты, свойственные более южному, так называемому гримальдийскому типу позднепалеолитической культуры, и снова утверждают, что совершенно очевидна принадлежность верхнего слоя Тельманской стоянки к группе раннесолютрейских памятников Восточной Европы, только теперь этот слой нельзя считать знаменующим собой начало позднего палеолита. По мнению авторов, раннесолютрейским местонахождениям вроде верхнего слоя Тельманской стоянки и нижнего культурного горизонта Костенок 1 должен был в свою очередь предшествовать долгий период становления современного человека позднепалеолитического общества (Ефименко, Борисковский, 1957).

Таковы две различные точки зрения по вопросу относительной древности культурных слоев Тельманской стоянки, высказанные в печати. С одной стороны, точка зрения П. П. Ефименко и П. И. Борисковского, согласно которой все культурные слои этого памятника относятся к двум первым ранним стадиям хронологиче-

ской схемы, предложенной ими, и с другой — точка зрения А. Н. Рогачева, который считает, что культурные слои Тельманской стоянки являются представителями начальной, средней и поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине. Каким же образом помогает решить этот вопрос проделанное в данной работе детальное исследование материалов по Тельманской стоянке, имеющихся на сегодняшний день?

Основной причиной, позволяющей датировать первый культурный слой Тельманской стоянки ранним периодом верхнего палеолита, по мнению П. П. Ефименко и П. И. Борисковского, является наличие в этом слое пережиточной мустьерской формы орудий — остроконечников в сочетании с раннесолютрейской формой листовидного острья. Орудия, которые эти авторы относят к мустьерским остроконечникам, на наш взгляд, не являются таковыми. Мы полагаем, что не следует называть мустьерскими остроконечниками орудия, которые представляют собой попросту более укороченные и более грубые формы листовидных острий; орудия, изготовленные из отщепов овальной формы и вообще не имеющие острого конца; отщепы случайных форм, подправленные иногда по краю мелкой ретушью; острья, изготовленные из удлиненных узких и тонких пластин с помощью тонкой плоской или мелкой ретуши (Ефименко, Борисковский, 1957: 207–213). Наряду с листовидными острьями, которые являются основным типом орудий этого культурного слоя, нами выделена небольшая группа острий, изготовленных не из пластин, как обычно, а из отщепов. Орудия этой группы использовались, несомненно, в качестве колющих и режущих, так как рабочим краем у них был острый конец и прилегающие к нему боковые участки, несущие на себе следы интенсивной заполированности. Форма этих острий очень неудобна для закрепления их в рукояти. Скорее всего, эти орудия захватывались прямо рукой, поэтому мы и назвали их ручными острьями.

Мнение П. П. Ефименко и П. И. Борисковского относительно того, что листовидные острья Тельманского поселения представляют собой раннесолютрейские формы таких орудий, в данном случае не соответствует действительности. В памятниках костенковско-ежмановского типа, к которым относится верхний слой Тельманской стоянки наряду с 6–4-м культурными слоями пещеры Нетопежова в Польше, являясь более поздними по сравнению с этими культурными слоями, листовидные острья подобного типа знаменуют собой развитую фазу культуры

(Chmielewski, 1961), в то время как в памятниках солютрейской культуры Франции листовидные острья подобного типа, когда плоская ретушь расположена в большинстве случаев лишь у острого конца и основания с одной или двух сторон, появляются действительно на ранних этапах этой культуры (Sonneville-Bordes, 1960; Smith, 1966). И наоборот, листовидные острья, полностью обработанные плоской ретушью с двух сторон, относятся к более развитым фазам солютрейской культуры, в то время как в пещере Нетопежова такие орудия имеются в наиболее ранних культурных слоях (6-м и 5-м).

Архаический вид кремневному инвентарю первого культурного слоя Тельманской стоянки, по мнению П. П. Ефименко и П. И. Борисковского, придают и своеобразные ладьевидные орудия (Ефименко, Борисковский, 1957: 218–222). Между тем это не что иное, как разнообразные скребловидные орудия, изготовленные из отщепов овальных очертаний и пластинчатых отщепов с помощью ретуши различного характера, имеющие нередко подправку со стороны брюшка и выполняющие функции скребущих, скобящих, а иногда режущих и сверлящих орудий. Ретушированные пластины и их обломки, которые, по мнению П. П. Ефименко и П. И. Борисковского, не дают устойчивой серии этих орудий, представляют собой, тем не менее, вторую по величине группу орудий инвентаря Тельманского поселения.

Как уже указывалось выше, такие особенности кремневого инвентаря верхнего культурного слоя Тельманской стоянки, как отсутствие в его составе проколов и микропластин с притупленным краем, почти полное отсутствие концевых скребков на пластинах, сравнительно небольшое количество пластин-заготовок среди расщепленных кремней без следов вторичной обработки и т. п., характерных для инвентаря других верхнепалеолитических стоянок, необходимо рассматривать скорее как черту своеобразия этого кремневого инвентаря, а не как датирующий фактор. Функция скребков выполнялась, очевидно, многочисленными резцовыми сколами, нередко имеющими следы заполированности на своих острых концах и т. д. Таким образом, своеобразие этого инвентаря могло быть вызвано попросту необходимостью экономить сырье. Инвентарь Тельманского поселения изготовлен в подавляющем большинстве из удлиненных правильной формы пластин, сколотых с призматических нуклеусов.

Вышеизложенные факты дают нам основные рассматривать первый культурный слой

Тельманской стоянки как далеко не ранний памятник верхнепалеолитической эпохи. В данном случае археологический материал лишней раз подтверждает датировку этого памятника поздней порой верхнепалеолитической эпохи, согласно его стратиграфическому положению. Первый культурный слой Тельманской стоянки залегает в самой верхней части толщи лессовидных суглинков на второй надпойменной террасе, в условиях, весьма близких к верхнему слою Костенок 1. Первый слой Тельманской стоянки подстилается еще четырьмя культурными слоями (Ia, II, III, IV), причем Ia культурный горизонт залегает в сходных с I слоем геологических условиях и относится к тому же периоду развития верхнепалеолитической культуры.

Значение открытия и исследования второго культурного слоя нашей стоянки трудно переоценить. Он интересен и богатством своего материала, и своим стратиграфическим положением. Кремневый инвентарь этого слоя поражает присущей ему высокой техникой расщепления и обработки кремня, обусловившей наличие в нем разнообразных и изящных форм орудий, вплоть до кремневых игл. В инвентаре этого слоя мы не встречаем так называемых «ориньякских» приемов, присущих нижележащим слоям этой стоянки. По характеру кремневого инвентаря второй культурный слой можно было бы отнести к поздней поре развития верхнепалеолитической культуры, но, поскольку он перекрывался первым культурным слоем, П. П. Ефименко и П. И. Борисковский отнесли его к самой начальной, раннетельманской стадии своей хронологической схемы развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине, сославшись на то, что культура второго слоя принесена на эту территорию откуда-то с юга, из области распространения так называемой гримальдийской культуры. Проведенный нами сравнительный анализ инвентаря второго культурного слоя и всех его возможных родственников, если можно так выразиться, как на территории СССР, так и за рубежом, показал, что в настоящее время этот культурный слой не имеет аналогий и является, на наш взгляд, пока единственным представителем оригинальной костенковско-тельманской культуры. Согласно геологическим условиям залегания этого слоя в верхней гумусированной толще отложений второй надпойменной террасы, вполне справедливо датировать его средней порой верхнепалеолитической эпохи. К этому же периоду относится и третий культурный слой Тельманской стоянки, залегающий тоже в верх-

ней гумусированной толще, непосредственно под вторым слоем.

Несмотря на близость второго и третьего культурных слоев по времени, они резко отличаются друг от друга по характеру инвентаря. Для инвентаря третьего слоя характерна так называемая «ориньякская» техника обработки кремня. Основным орудием этого слоя являются скребки на длинных кварцитовых и кремневых пластинах. Кстати сказать, кварцит и цветной кремень довольно широко использовались в качестве материала для изготовления орудий во многих ранних культурных слоях Костенковско-Борщевского района. На Городцовой стоянке, расположенной на том же центральном мысу Александровского лога, что и Тельманская, и залегающей в условиях, сходных с третьим культурным слоем нашей стоянки, изобилуют мелкие концевые скребки и мелкие долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской концов при незначительном количестве иных форм орудий. Уже на этих примерах мы видим, как разнообразен инвентарь средней хронологической группы памятников, залегающих в верхней гумусированной толще второй надпойменной террасы.

Инвентарь самого древнего культурного слоя Тельманской стоянки по технике обработки орудий близок к третьему слою. Он состоит из концевых скребков на длинных пластинах, оформленных по краям крупной ретушью. Четкое стратиграфическое положение четвертого слоя заставляет особенно сожалеть о недостаточной изученности этого слоя и малочисленности его коллекции. Культурные остатки самого древнего слоя Тельманской стоянки залегают в нижней гумусированной толще на второй надпойменной террасе. Интересно то, что в таких же условиях залегают нижние культурные слои Костенок 1 и Костенок 12 и стоянка Стрелецкая 2, причем два последних памятника перекрыты прослойкой вулканического пепла, разделяющей две гумусированные толщи отложений второй надпойменной террасы. Эти памятники относятся к костенковско-стрелецкой культуре, для которой характерно наличие так называемой «солотрейской» двухсторонней техники обработки орудий. Более того, в них обнаруживаются определенные традиции эпохи позднего мустье, свойственные, например, инвентарю Ильской стоянки (Замятнин, 1934; Городцов, 1941; Рогачев, 1957). Следовательно, большого хронологического разрыва между позднемустьерскими и древними костенковскими памятниками нет. А залегание в сходных геологических условиях, с одной стороны, памятников костенков-

ско-стрелецкой культуры и, с другой, четвертого культурного слоя Тельманской стоянки, имеющийся материал которого свидетельствует об отсутствии здесь двухсторонней техники обработки кремня и о наличии так называемой «ориньякской» техники обработки, лишней раз подтверждает этот вывод. Памятники различных культур сосуществуют друг с другом.

Каким же видится нам процесс развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине через призму культурных слоев Тельманской стоянки? Очевидно, что начальная пора верхнего палеолита на Русской равнине характеризуется одинаково как «ориньякскими», так и «солотрейскими» типами памятников. Не вызывает сомнения и тот факт, что развитие культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине не происходило по стадиям, закономерно и последовательно сменявшим друг друга, как это представляется П. П. Ефименко и П. И. Борисковскому, создавшим хронологическую схему развития верхнепалеолитической культуры, состоящую из семи стадий, отражающих развитие кремневого инвентаря. Изучение культурных слоев Тельманской стоянки наряду с другими многослойными стоянками Костенковско-Борщевского района, и в первую очередь их стратиграфического положения, показало, что в одно и то же время существовали рядом поселения, резко отличающиеся друг от друга по характеру культуры. Не то чтобы одна группа людей заметно отстала в своем развитии от другой группы. Никто не станет отрицать существование неравномерности в развитии культур у различных коллективов людей. Но объяснять только этим, да еще привнесением отдельных культур откуда-то со стороны на территорию Русской равнины, такое поразительное смешение различных по своему характеру культурных слоев в Костенковско-Борщевском районе, как это делает, например, П. И. Борисковский (Борисковский, 1957), мы не можем. Если наиболее древним культурным слоям этого района присущи черты архаизма, то последние постепенно исчезают в памятниках средней и тем более поздней хронологической группы. Дело не только в неравномерности развития культуры. В первую очередь дело в том, что разным коллективам людей, жившим в одно и то же время, а иногда и по соседству друг с другом, были присущи различные культурные традиции. Эти традиции закреплялись и передавались от одного поколения к другому.

Поэтому наша задача, как справедливо указывает А. Н. Рогачев, состоит в том, чтобы отыскивать генетические связи культур различных памятников, проявляющиеся либо во всех элементах культуры, либо в некоторых из них. Уже достигнуты немалые успехи в этом направлении. Так, мы знаем о существовании костенковско-стрелецкой культуры, присущей только нашей территории, селетской культуры, известной только в Центральной Европе, перигорской культуры, имевшей место на территории Западной Европы. Нам известны и культуры, подтверждающие нарастание связей населения средневропейского и восточноевропейского районов приледниковой области к концу поздней поры эпохи верхнего палеолита. К таким культурам относится прежде всего костенковско-виллендорфская. Имеются памятники костенковско-ежмановского типа и сходные памятники нижнего культурного горизонта Александровки и Квица. Замечательно то, что на археологическом материале прослеживается существование одной и той же культуры на протяжении длительного времени. Отдельные элементы костенковско-стрелецкой культуры, представленной стоянкой Стрелецкая 2 и нижними слоями Костенок 1 и Костенок 12, наблюдаются и в более поздних памятниках, например в пятом и третьем культурных слоях Аносовки 2 и верхнем слое Костенок 12. К костенковско-ежмановскому типу памятников относятся 6–4-й культурные слои пещеры Нетопежова в Польше, из них для 6-го слоя получена абсолютная дата $38\,160 \pm 1250$ (Chmielewski, 1961: 68), а также верхний слой Тельманской стоянки, относящийся к поздней поре верхнепалеолитической эпохи, согласно геологическим условиям его залегания. Таким образом, материалы Тельманской стоянки свидетельствуют о том, что процесс развития верхнепалеолитической культуры на Русской равнине был очень сложным. В связи с этим подтверждается вывод А. Н. Рогачева о том, что решающим фактором при датировке верхнепалеолитического памятника должен быть не археологический материал, а геологические условия залегания этого памятника с учетом, безусловно, его культурных особенностей.

На Днестре, в Крыму и в юго-восточном углу Восточной Европы, в частности в Закарпатье, процесс развития верхнепалеолитической культуры совершался по схемам, предложенным А. П. Чернышом, Е. А. Векиловой и С. Н. Замятниным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОСТИ ЧЕЛОВЕКА ВО ВТОРОМ КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ

Во время исследования Тельманской стоянки в 1958–1959 и 1963–1964 гг. среди костных остатков второго культурного слоя обнаружены отдельные кости человека. Они располагались в основном на территории западного жилища, восточнее его очага, и вблизи от границ жилища за его пределами и были представлены обломками черепа, фалангами, обломками позвонков, зубами и другими костями человека (рис. 58).

На небольшом участке на границе кв. и-52–53 и з-52 обнаружено скопление интенсивно обожженных черепных костей. Большая их часть расчищена на юго-восточном участке кв. и-52. Здесь собрано 134 обожженных обломка черепа, различных по величине: от очень мелких до наиболее крупного из них — 11×7 см. Кроме этого, на квадрате встречены 2 обломка позвонков, причем 1 из них необожженный, 2 обломка верхней челюсти с 15 полными и 6 неполными альвеолами зубов (размеры обломков — 3×2,5 и 2×1,5 см), 3 мелких обломка челюсти с остатками альвеол и 1 корень зуба — все со следами пребывания в огне.

На кв. и-53, в северо-восточной части, собрано 25 обломков черепа, и лишь 1 среди них необожженный (6×4 см). На этом же квадрате найдены 1 обломок нижней челюсти с 3 полными и 2 неполными альвеолами и 1 коренной зуб со следами пребывания в огне, а также 2 фаланги кисти и 2 обломка позвонка без следов пребывания в огне.

На кв. з-52 на юго-западном участке собрано 17 обломков черепа, 1 обломок верхней челюсти с 4 полными и 5 неполными альвеолами зубов и 1 сохранившимся в альвеоле корнем зуба, 1 обломок атланта — все жженые.

На кв. и-54 найдены 1 зуб (резец), незначительно обожженный, 1 обломок фаланги, 1 обломок эпифиза крупной трубчатой кости, 1 плечевая кость без эпифизов, 1 кость стопы и 2 мелких обломка таких же костей — все без следов пребывания в огне.

Единичные кости были собраны и на других квадратах:

- на кв. л-52 — 1 фаланга кисти,
- на кв. к-53 — 3 фаланги кисти,
- на кв. к-54 — 2 фаланги кисти и 1 зуб (резец),
- на кв. л-53 — 1 сильно обгоревший зуб,
- на кв. ж-48 — 1 коренной зуб (обожженный),
- на кв. з-48 — 1 резец и 1 обломанный атлант (обожженный),

- на кв. з-49 — 1 обломок позвонка и несколько обломков фаланг кисти,
- на кв. з-50 — 1 обломок позвонка, 1 целая и обломки костей стопы,
- на кв. з-53 — 1 обломок позвонка,
- на кв. ж-52 — 1 коренной зуб,
- на кв. г-56 — 1 обломок коренного зуба.

(Архив ЛОИА, 1959 г., ф. 35, арх. № 13, с. 62, 63, 67, 70; арх. № 13а (Отчет), с. 41–43; 1963 г., ф. 35, арх. № 9; 1964 г., ф. 35, арх. № 4).

Приведенный выше перечень собранных костей человека является предварительным, так как не получены еще результаты определения костей человека, обнаруженных в 1958–1959 гг. (отданы на определение М. М. Герасимову). Лишь очень небольшая часть костей человека (коллекция за 1963–1964 гг.) определена И. И. Гохманом, после чего они переданы М. М. Герасимову, так как есть основания полагать, что все человеческие кости, обнаруженные во втором культурном слое Тельманской стоянки, принадлежат одному скелету. Ниже приводится заключение И. И. Гохмана.

Заключение о скелетных остатках человека из II слоя Тельманской стоянки

(Раскопки А. Н. Рогачева в 1963–1964 гг.)

Переданные на изучение костные остатки действительно являются человеческими. Перечислим их, указав номера полевого шифра и степень сохранности:

1. Пястная кость 5-го пальца правой кисти. Верхняя треть кости разрушена. Шифр ТП 172.
2. Обломок — верхняя треть основной фаланги 2-го пальца правой кисти. Шифр ТП 175.
3. Основная фаланга 3-го пальца правой кисти. Верхний эпифиз с правой стороны частично разрушен. Шифр ТП 174.
4. 2-я фаланга 3-го пальца правой кисти. Сохранность хорошая. Шифр ТП 173.
5. Обломок — верхняя треть основной фаланги 4-го пальца правой кисти. Шифр ТП 171.
6. Фрагмент суставной головки, скорее всего, пястной кости. Шифр ТП 177.
7. Боковой резец правой стороны, стертость 50–60%. ТП 178.

Все кости характеризуются довольно большой длиной, но небольшой шириной эпифизов

и диафизов, малой массивностью, слабо выраженным, сглаженным рельефом.

Зуб небольшой величины с коротким корнем. Коронка не широкая. На этом основании можно полагать, что костные остатки, скорее всего, женские. О возрасте можно судить на основании степени стертости зуба. У современных людей такая степень стертости обычно соответствует возрасту 50–60 лет. У древних людей сильная стертость

зубов обычно связана со щипцеобразным прикусом, возможно, и с характером пищи, и наступает гораздо раньше. Судя по тому, что на фалангах и пястной кости никаких следов возрастных изменений не наблюдается, возраст приблизительно может быть определен в пределах 35–40 лет.

(Отдел антропологии Института этнографии
АН СССР, к. и.н И. И. Гохман)

7 мая 1968 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные данные

- Архив ЛОИА, 1936 г., ф. 2, оп. 1, арх. № 415.
Архив ЛОИА, 1937 г., ф. 2, оп. 1, арх. № 320–330.
Архив ЛОИА, 1949 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 6, 7.
Архив ЛОИА, 1950 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 2, 3, 5.
Архив ЛОИА, 1952 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 5.
Архив ЛОИА, 1953 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 1, 2.
Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 9.
Архив ЛОИА, 1958 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 13, 13а.
Архив ЛОИА, 1962 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 1, 9, 10.
Архив ЛОИА, 1963 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 9.
Архив ЛОИА, 1964 г., ф. 35, оп. 1, арх. № 4, 5.
Архив ЛОИА, 1968 г., ф. 35, оп. 2, арх. № 1698. Отчет Г. И. Лазукова об изучении геоморфологических и геологических условий залегания палеолитических стоянок на Среднем Дону в 1949–1953 гг.

Библиография

- Ауэрбах Н. К., Сосновский Г. П. 1932. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова гора // ТКИЧП. Т. I. С. 45–114.
- Борисковский П. И. 1940. Пушкаревское палеолитическое жилище // КСИИМК. Вып. VII. С. 81–86.
- Борисковский П. И. 1951. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины // СА. Вып. XV. С. 96–121.
- Борисковский П. И. 1953. Палеолит Украины. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. (МИА; № 40).
- Борисковский П. И. 1957. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // МИА. № 59. С. 174–190.
- Борисковский П. И. 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. (МИА; № 121).
- Борисковский П. И., Праслов Н. Д. 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л.: Наука. (САИ; вып. А1–5).
- Будько В. Д. 1965. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение // Доклады АН БССР. Т. IX, № 10. С. 705–707.
- Величко А. А. 1961. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М.: Наука.
- Величко А. А. 1963. Стоянка Спицына (Костенки 17) и ее значение для решения основных вопросов геологии Костенковско-Борщевского района // Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. (МИА; № 121). С. 201–219.
- Воеводский М. В., Алихова-Воеводская А. Е. 1950. Авдеевская палеолитическая стоянка // КСИИМК. Вып. XXXI. С. 7–16.
- Воеводский М. В. 1952. Палеолитическая стоянка Рабочий ров (Чулатово II) // Ученые записки МГУ. Вып. 158. С. 101–132.
- Гвоздовер М. Д. 1952. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого // Ученые записки МГУ. Вып. 158. С. 207–210.
- Гвоздовер М. Д. 1959. Разведки палеолита на Нижнем Дону в 1957–58 гг. // Известия Ростовского областного краеведческого музея. № 1 (3). С. 5–12.
- Герасимов М. М. 1935. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальте. Предварительный отчет о работах 1928–1932 гг. // Известия ГАИМК. Вып. 118. С. 78–124.
- Городцов В. А. 1941. Результат исследования Ильской палеолитической стоянки // МИА. № 2. С. 7–25.
- Гричук В. П. 1961. Ископаемые флоры как палеонтологическая основа стратиграфии четвертичных отложений // Марков К. К. (ред.). Рельеф и стратиграфия четвертичных отложений Северо-Запада Русской равнины. М.: АН СССР. С. 25–71.
- Грищенко М. Н. 1939. Неогеновые и четвертичные террасы бассейна Дона // БМОИП. Нов. сер. XLVII. Отд. геологии. Т. XVII (6). С. 3–33.
- Грищенко М. Н. 1950. Палеография Костенковско-Борщевского района эпохи верхнего палеолита // КСИИМК. Вып. XXXI. С. 75–88.
- Грищенко М. Н. 1951. Опыт геологического сопоставления верхнепалеолитических стоянок Авдеево на Сейме и Костенки 1 (Полякова) на Дону // БКИЧП. Вып. 16. С. 51–60.
- Грищенко М. Н. 1952. К палеогеографии бассейна Дона в неогене и четвертичном периоде // Герасимов И. П. (ред.). Материалы по четвертичному периоду СССР. Вып. 3. М.: Изд-во АН СССР. С. 145–157.
- Ефименко П. П. 1934. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины // Бутин В. Ф., Быковский С. Н., Герасимов А. П. и др. (ред.). Труды II международной конференции АИЧПЕ. Вып. V. Л.; М.; Новосибирск: ГНТГНИ. С. 88–113.
- Ефименко П. П. 1940. Новая палеолитическая стоянка в Костенках // БКИЧП. Вып. 6–7. С. 46–48.
- Ефименко П. П. 1950. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке // Материалы по четвертичному периоду СССР. Вып. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 81–89.
- Ефименко П. П. 1953. Первобытное общество. Изд. 3-е. Киев: Изд-во АН УССР.
- Ефименко П. П. 1956. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы (о памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа) // СА. Вып. XXVI. С. 28–53.
- Ефименко П. П. 1958. Костенки I. М.; Л.: АН СССР.
- Ефименко П. П., Борисковский П. И. 1957. Тельманское палеолитическое поселение (Раскопки 1937 г.) // МИА. № 59. С. 191–234.
- Замятнин С. Н. 1934. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Бутин В. Ф., Быковский С. Н., Герасимов А. П. и др. (ред.). Труды II международной конфе-

- ренции АИЧПЕ. Вып. V. Л.; М.; Новосибирск: ГНТГНИ. С. 207–218.
- Замятнин С. Н. 1935. Раскопки у с. Гагарино (Верхнее Дона ЦЧО) // Известия ГАИМК. Вып. 118. С. 26–77.
- Замятнин С. Н. 1957. Палеолит Западного Закавказья // Сборник МАЭ. Вып. XVII. С. 432–499.
- Лазуков Г. И. 1954а. Географическая среда эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.
- Лазуков Г. И. 1954б. Геолого-геоморфологическая характеристика Костенковско-Боршевского района и природные условия времени обитания верхнепалеолитического человека // Материалы по палеогеографии. Вып. 1. М.: Изд-во МГУ. С. 89–148.
- Лазуков Г. И. 1957а. Геология стоянок Костенковско-Боршевского района // МИА. № 59. С. 135–173.
- Лазуков Г. И. 1957б. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе // СА. № 3. С. 84–104.
- Левицкий І. Ф. 1947. Гоньцівська палеолітична стоянка // Палеоліт і неоліт України. Т. І. Київ: Вид-во АН УРСР. С. 197–248.
- Литовченко Л. М. 1966. О группе жилищ второго культурного слоя Тельманской стоянки // Вопросы истории и археологии. Минск: Изд-во АН БССР. С. 298–305.
- Літоўчанка Л. М. 1966. Палеалітычная стоянка Біручы лог (Касценкі IX) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 3. С. 110–116.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1935. Сочинения. Т. XXVII. Приложение. М.: Партийное изд-во.
- Морган Л. Г. 1934. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л.: Изд-во Института народов севера ЦИК СССР.
- Москвитин А. И. 1961. По следам палеолита и погребенным почвам через Днестр в Чехословакию // Бадер О. Н., Величко А. А., Иванова И. К., Рогачев А. Н. (ред.). Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита: К IV Конгрессу INQUA в Варшаве. М.: Изд-во АН СССР. (ТКИЧП; т. XVIII). С. 160–171.
- Окладников А. П. 1941. Палеолитические жилища в Бурети // КСИИМК. Вып. X. С. 16–31.
- Окладников А. П. 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. (МИА; № 18).
- Поликарпович К. М. 1940. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. // СА. Вып. V. С. 285–290.
- Поликарпович К. М. 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск.
- Рогачев А. Н. 1950. О нижнем горизонте Костенок I // КСИИМК. Вып. XXXI. С. 64–74.
- Рогачев А. Н. 1951а. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках // КСИИМК. Вып. XXXVII. С. 23–29.
- Рогачев А. Н. 1951б. Раскопки Тельманской стоянки в Костенках в 1950 г. и некоторые вопросы хронологии верхнепалеолитического времени // Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и на пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946–50 гг. М. С. 81–83.
- Рогачев А. Н. 1953а. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита (по материалам Тельманской стоянки в Костенках) // СА. Вып. XVII. С. 149–160.
- Рогачев А. Н. 1953б. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины // МИА. № 39. С. 39–55.
- Рогачев А. Н. 1953в. Исследование остатков первобытно-общинного поселения у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. // МИА. № 39. С. 135–191.
- Рогачев А. Н. 1955а. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. (МИА; № 45).
- Рогачев А. Н. 1955б. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV // СЭ. № 1. С. 29–38.
- Рогачев А. Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. № 59. С. 9–134.
- Федорова Р. В. 1963. Природные условия в период обитания верхнепалеолитического человека в районе с. Костенок Воронежской области (по данным спорово-пыльцевого анализа отложений из стоянки Спицына — Костенки XVII) // Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. М.: Изд-во Академии наук СССР. (МИА; № 121). С. 220–229.
- Черныш А. П. 1956. Палеолитическая стоянка Вороныца I (по данным раскопок 1951–1953 гг.) // КСИИМК. Вып. 63. С. 40–47.
- Черныш О. П. 1961. Палеолітична стоянка Молодове V. Київ: АН УРСР.
- Шовкопляс И. Г. 1965. Мезинская стоянка. Киев: Наукова думка.
- Broglio A., Laplace G. 1966. Etudes de typologie analytique des complex leptolithiques de l'Europe centrale. II. Les complexes gravettiens de la Basse Autriche: Willendorf II // Rivista di scienze preistoriche. Vol. 21 (2). P. 303–364.
- Chmielewski W. 1961. Civilisation de Iezzmanowice. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy.
- Klima B. 1950. Sidelni objekt na táborašti lovcu mamutů v Dolnich Vestonicich. Brno. (Časopis Moravského Musea v Brně; vol. XXXV).
- Klima B. 1954. Pavlov. Nově paleolitické sídliště na Jižní Moravě // Archeologické rozhledy. Vol. VI. Praha.
- Klima B. 1955. Výsledky archeologického výzkumu na táborašti lovců mamutů v Petřkovicich. okr. Ostrava v roce 1952 a 1953 // Časopis Slezského musea. Vol. IV. Opava.
- Lacorre F. 1960. La Gravette. Laval.
- Peyrony D. 1946. Une mise au point au sujet de L'Aurignacien et du Pefigordien // BSPF. Vol. 43. P. 232–237.
- Peters E. 1930. Die altsteinzeitliche Kulturstätte Petersfels. Augsburg.
- Smith Ph. 1966. Le Solutréen en France. Bordeaux.

- Sonneville-Bordes D. 1960. Le paleolithque supérieur en Périgord. Vol. 1–2. Bordeaux, Delmas.
- Villeneuve L. 1906. Les grottes de Grimaldi (Baoussé Roussé) // Historique et description. T. I (I). Monaco: Imprimerie de Monaco.
- Viré A. 1905. Grotte préhistorique de Lacave (lot) // L'Anthropologie. Vol. XVI (4–5). P. 411–429.

КОСТЕНКИ 8 (ТЕЛЬМАНСКАЯ): СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ВТОРОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 8 (ТЕЛЬМАНСКАЯ) В 2005–2013 ГГ.

А. Е. Дудин¹, А. Ю. Пустовалов¹, А. М. Родионов²

¹ Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», Воронеж

² Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», Воронеж

Возобновление полевых работ на памятнике в 2005 г. было связано с деятельностью Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН (КБАЭ) под руководством М. В. Аниковича. В этот период работа экспедиции осуществлялась в сотрудничестве с археологическим музеем-заповедником «Костенки». Непосредственным автором и руководителем исследований на стоянке в 2005–2009 гг. являлся В. В. Попов (директор музея-заповедника). В 2010 г. раскопки на стоянке не производились. В 2011–2013 гг. исследования были продолжены силами сотрудников музея-заповедника «Костенки» (А. Ю. Пустовалов, А. Е. Дудин).

Первоначальной задачей полевых работ на памятнике в 2005 г. являлось обнаружение старых реперов А. Н. Рогачева, их привязка и закладка разведочного шурфа. Локальный раскоп (к юго-западу от площади раскопов 1950–1979 гг.) был заложен со второй попытки, так как первая закладка попала на остатки современного погребца (рис. 1: а). Рабочее состояние шурфа поддерживалось в течение 2005–2006 гг.: его первоначальные размеры составляли 2×2 м, в 2006 г. площадь была расширена до 12 м² (3×4 м) (рис. 1: а). Общая рабочая площадь раскопа составила 6 м². Шурф 2005–2006 гг. выявил на данном участке наличие второго культурного слоя со значительным количеством находок каменного инвентаря (включая высокий процент микроострий) и отдельными предметами из кости со следами обработки. Признаков структурированных объектов обнаружено не было.

В 2007 г. был заложен новый шурф размерами 3×2 м, который располагался к юго-востоку от основной площади раскопов прошлых лет (рис. 1: а). В нем была обнаружена компактная линза второго культурного слоя с концентрацией пятен зольности и углистой массы, интерпретированная как остатки очага. В частности, в полевом отчете за 2007 г. отмечалось: «Границы очага, представляющего собой вытянутые, ра-

зорванные линзы мощностью до 25 см, проследить не удалось. Значительная часть очажной массы уходит под юго-восточный угол шурфа. В разрезе восточной и южной стен хорошо различимо строение остатков очага: а) прокаленный суглинок буро-коричневого цвета мощностью до 3–4 см с отдельными находками обожженных и необожженных каменных изделий и фрагментов мелких костей; б) суглинок сильно гумусированный сажеподобный, насыщенного черного цвета мощностью до 10 см, также содержащий отдельные находки; в) зольная масса, насыщенная остатками костного угля, обожженного кремня и костей, зеленовато-коричневого цвета мощностью до 10 см» (Попов, 2007: 12). Результаты полевых работ 2007 г. дали основания полагать, что к юго-востоку от площади исследований 1950–1979 гг. продолжается зона распространения остатков структурированного поселения, вскрытого раскопами А. Н. Рогачева. В 2008–2009 и 2011 гг. полевые работы на памятнике были сконцентрированы на исследовании уровней локализации культурных слоев I и Ia в его юго-восточной части с конечной задачей подготовить исследования второго культурного слоя на максимально большой площади. В этот период исследования II культурного слоя носили предельно ограниченный характер. К 2012 г. была подготовлена площадь в 56 м², на которой были проведены работы в 2012–2013 гг. (рис. 1: б; рис. 2: в). По их результатам были определены западная и северо-восточная границы зоны распространения культурных остатков, концентрирующихся к востоку и юго-востоку от раскопов А. Н. Рогачева. Южная и юго-восточная границы зоны распространения культурного слоя не были выявлены (по границе южной и восточной стен раскопа). Целостность планиграфической картины вскрытой части нового (юго-восточного) скопления оказалась серьезно нарушена серией современных перекопов. Они же стали причиной определенных сложностей при стратиграфическом

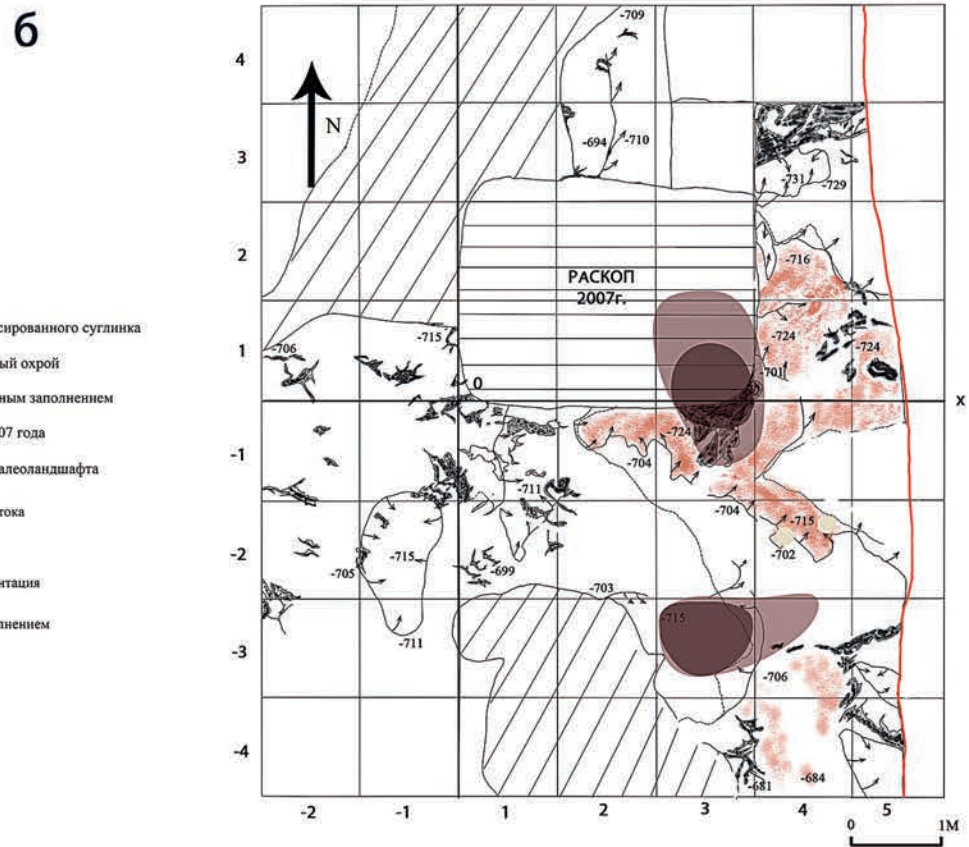
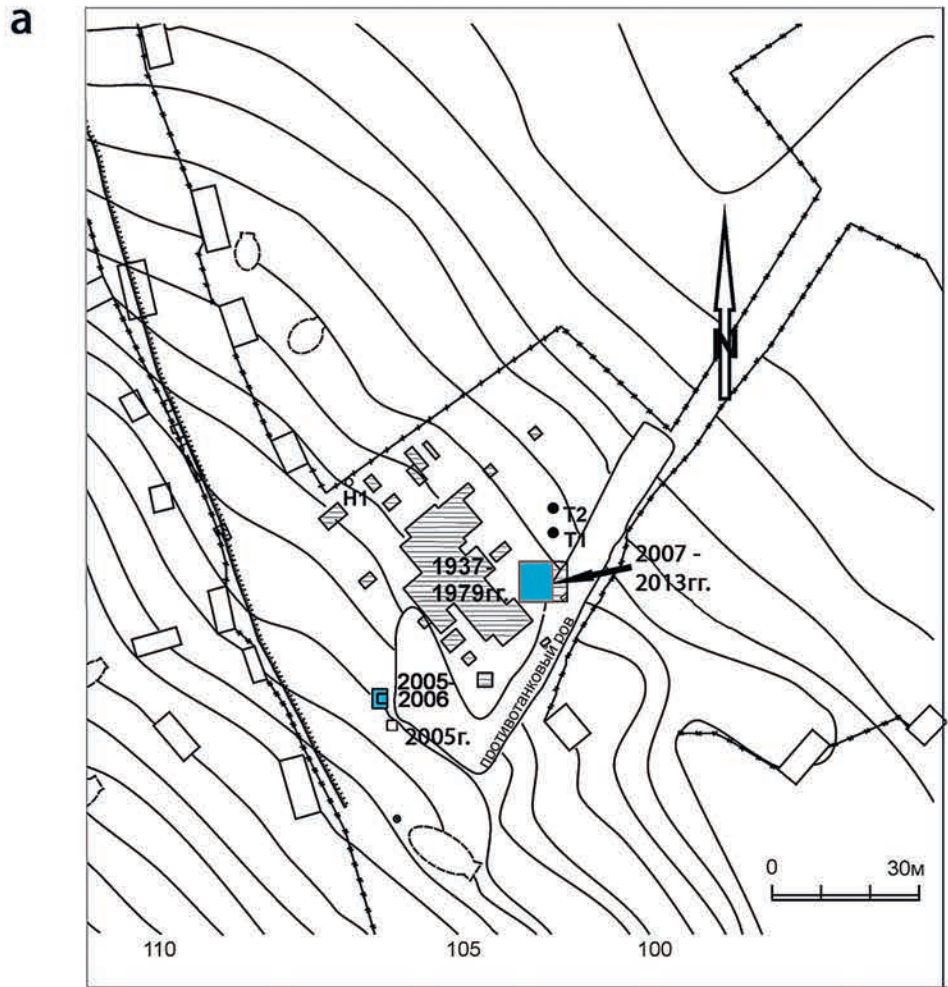

Рис. 1. Полевые работы на стоянке Костенки 8 (Тельманская) в 2007–2013 гг.: а – план раскопов и шурфов; б – план остатков II культурного слоя в раскопе 2012–2013 гг. с контурами очагов

описании открытых профилей. С западной и северной сторон раскопа 2012–2013 гг. были вскрыты отложения сельской мусорной свалки, организованной на месте раскопок А. Н. Рогачева (рис. 2: в). С юга была открыта часть траншеи со вторичным заполнением.

Стратиграфическое положение

По итогам исследований 2005–2013 гг. был подтвержден факт стратиграфической связи культурных остатков II слоя с гумусированным горизонтом, который традиционно относят к верхней части отложений так называемой «верхней гумусированной толщи» (рис. 2: а, б). Этот литологический горизонт наблюдается как неоднородная прослойка (в шурфе 2005–2006 гг. она двухуровневая), включающая в себя линзы серого гумусированного суглинка в сочетании с включениями серовато-желтого, сильно ожелезненного суглинка. В стратиграфической колонке он занимает пограничную позицию между толщей неслоистых покровных суглинков, его перекрывающих, и пачкой слоистых отложений, над которой он залегает. В южной части площади раскопа 2012–2013 гг. гумусированный суглинок залегает на прослойке сеноманского песка. Для горизонта характерно наличие значительного количества известковистых конкреций различной формы. Как правило, они локализованы в плане в виде своеобразных стяжек с тенденцией наибольшего проявления в его основании. Мощность прослойки различна, но в среднем варьируется от 5–12 до 17–22 см. Ее структура деформирована вторичными природными процессами (растрескиванием, вспучиванием), что нашло свое отражение и в характере залегания культурных остатков. Они локально переотложены без признаков значительного смещения по вектору склона. Находки культурного слоя не распространяются за пределы данного горизонта, всегда вмещены в него, вне зависимости от его мощности на отдельных участках площади раскопа.

По итогам исследования скопления находок второго культурного слоя (прежде всего на площади раскопа 2012–2013 гг.) была выявлена одна интересная закономерность: прослойки и линзы окрашенного охрой гумусированного суглинка, как правило, перекрывают прослойки и линзы неокрашенного гумусированного суглинка. Такая двухуровневая структура прослежена на большей части площади исследованного скопления, где присутствовали обе прослойки (рис. 3). В то же время слабосклоновый харак-

тер поверхности в пределах площади локализации культурных остатков определяет известную специфику их проявления на разных позициях склона по выявленным границам скопления. Так, по северному краю скопления (кв. х4у2 и частично кв. х4у1), в нижних позициях склона, мощность гумусированного слоя и, соответственно, культурного слоя резко уменьшаются. При этом гумусированная прослойка, не окрашенная охрой, выклинивается. Характерно, что и по трещинам-«карманам» в основании горизонта находок фиксируется заполнение их окрашенным суглинком. Обратная ситуация была отмечена на юго-восточном участке раскопа 2012–2013 гг., где по верхним позициям в основании заполнения лежит охристый горизонт, выше — преимущественно неокрашенный.

Планиграфическая локализация культурных остатков

Шурф 2005–2006 гг. По причине небольшой исследованной площади вскрытый участок II слоя сложно рассматривать с точки зрения выделения объектной локализации культурных остатков. Выраженных углисто-очажных линз здесь выявлено не было, как и не были пойманы какие-либо границы распространения культурного слоя в плане. При этом культурные остатки были распределены по поверхности неравномерно с основной концентрацией в пределах площади в 1,5 м², где фиксировалось «значительное количество мелких фрагментов обожженных костей животных» (Попов, 2006: 12).

Иная ситуация наблюдалась на площади юго-восточного скопления, открытого в 2007 г. Большой раскоп 2012–2013 гг., начало которому положил шурф 2007 г., выявил в пределах его площади наличие остаточной объектной структурированности и ряд особенностей в характере распределения культурных остатков в плане и по мощности залегания.

Раскоп 2012–2013 гг. В плане гумусированная прослойка, вмещающая находки второго культурного слоя, сегментирована и не являет собой единого целого. Причиной этому являются трещины с отличным типом заполнителя — бурым негумусированным суглинком со значительным количеством меловой крошки, линзами песка и признаками ожелезненности. Источник инверсии — нижележащие литологические горизонты. В южной части площади раскопа, где прослойка лежит на сеноманских песках, сегментированность культурного слоя выражена в меньшей степени. Находки культурного слоя

Рис. 2. Костенки 8 (Тельманская). Положение II культурного слоя в шурфах и раскопе:
 а – шурф 2005–2006 гг., вид с севера; б – шурф 2007 г., вид с запада;
 в – раскоп 2012–2013 гг., вид с юго-востока

локализованы строго в языках и линзах гумусированной прослойки. Отличительной особенностью ее на площади локализации открытой части скопления культурных остатков является

визуально хорошо наблюдаемая окрасенность охрой. В пограничной зоне по западному краю скопления интенсивность окрасенности резко падает. Характер поверхности верхней границы

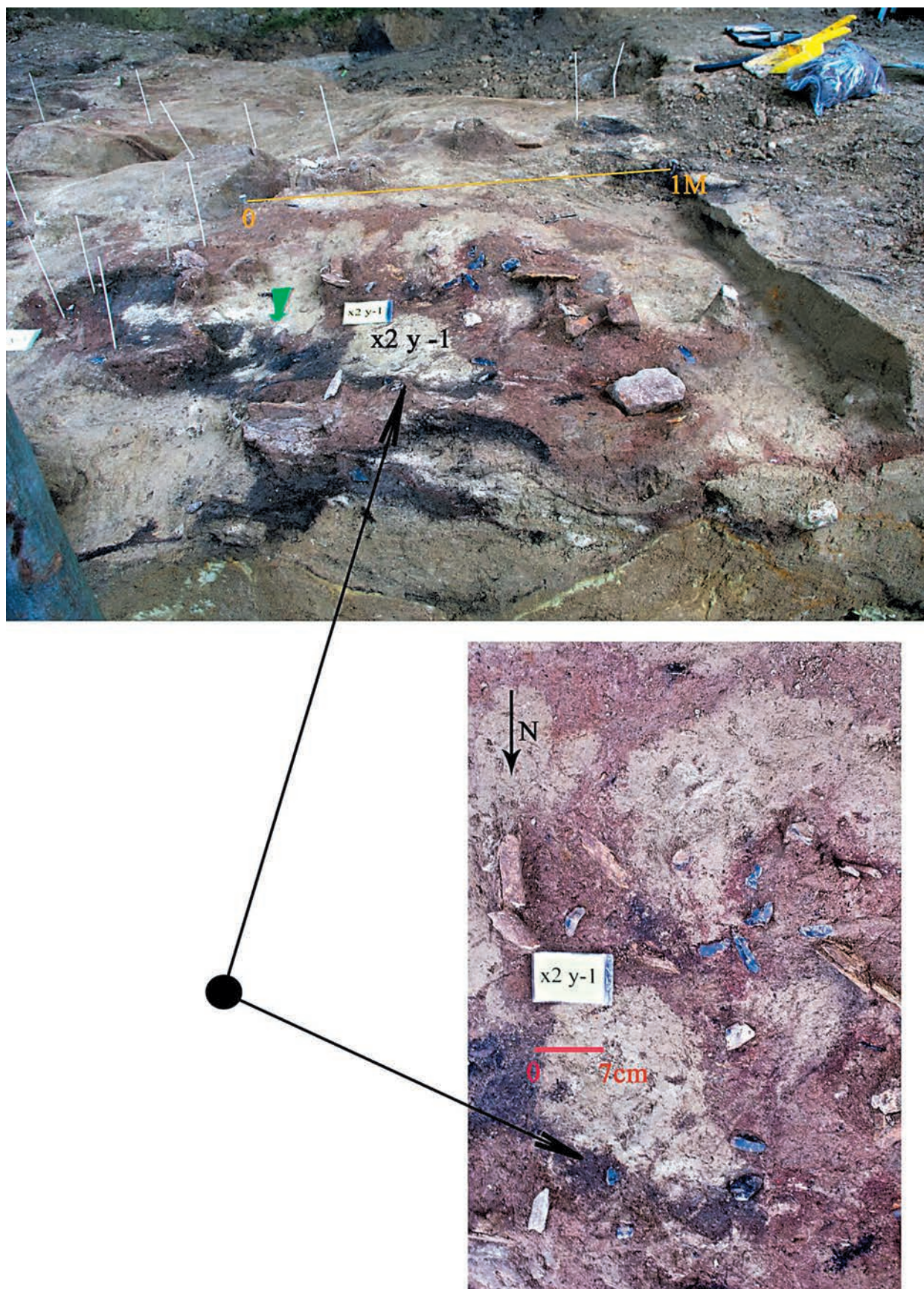

Рис. 3. Костенки 8(II). Характер культурного слоя на участке раскопа 2012 г.

отложений, содержащей находки второго культурного слоя, — полого-волнистый, местами кочкообразный. Наиболее высокие нивелировочные отметки по находкам связаны с квадратами в юго-восточной части площади раскопа. Падение значений нивелировок к северу (по склону) незначительное.

На исследованном участке второго культурного слоя планиграфически выделены две очажные линзы, расположенные между собой на расстоянии менее чем 2 м от их внешних гра-

ниц по линии юг — север (рис. 1: б; рис. 4). Одна из этих линз (далее — очаг № 2 «южный») первоначально визуально не наблюдалась. Между ними, с небольшим отходом к востоку, зафиксированы две ямки зольности с мощностью заполнения до 8 см. В разрезе южной стены раскопа 2012–2013 гг. отмечены признаки наличия третьего зольно-углистого объекта.

Очаг № 1 «северный» расположен на кв. хЗу1, хЗу-1 (рис. 4: б). Шурфом 2007 г. была открыта его северная часть. Южная часть объекта полностью

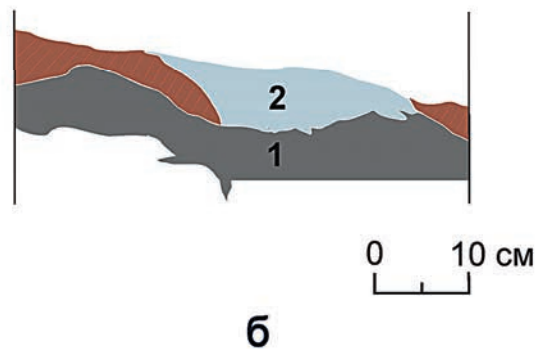
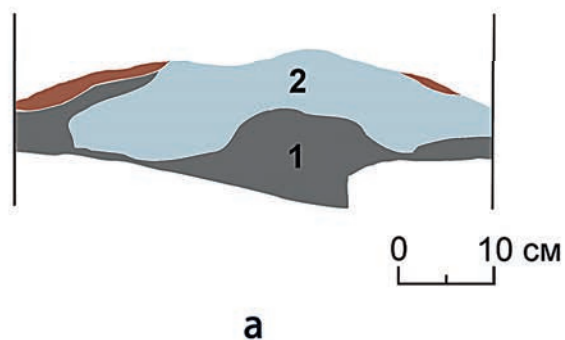
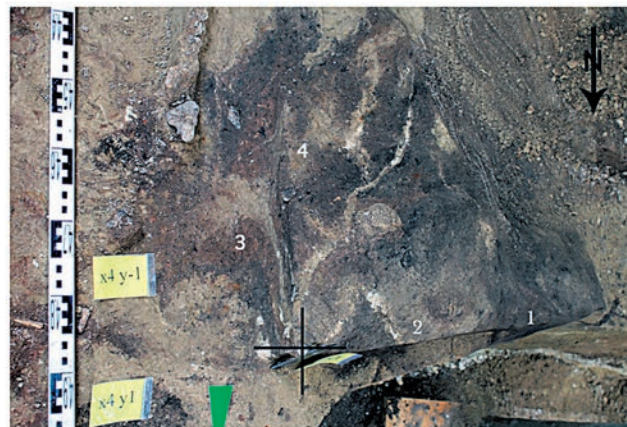
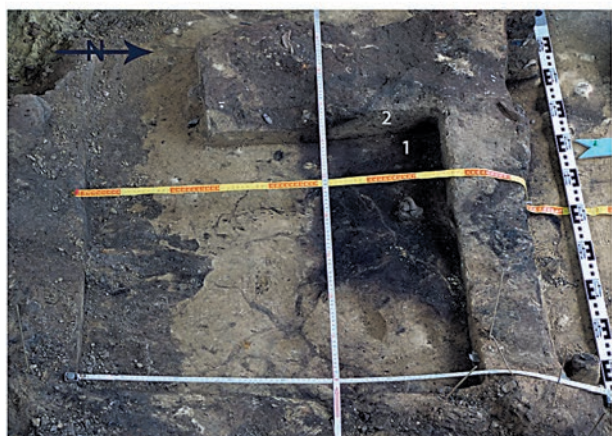

Рис. 4. Костенки 8(II). Очажные линзы раскопа 2012–2013 гг.: а — «южный» очаг; б — «северный» очаг; 1 — темно-серый гумусированный суглинок; 2 — зольная масса; 3 — суглинок, окрашенный охрой; 4 — стерильное заполнение по трещинам

исследована в 2012 г. (Дудин и др., 2016: 43–46). Структура объекта носит выраженный остаточный характер, основной причиной чему являются вторичные природные процессы. В 2012 г. вскрытый профиль остатков очага по границе кв. х3у1, х3у-1 показал следующее строение (рис. 4: б):

- в основании объекта находится своеобразное «блюде» из прослойки гумусированного, частично пережженного суглинка темно-серого цвета мощностью до 7 см;
- прослойка окаймляет заполнение из саже-подобной очажной массы пепельного цвета с включением фрагментов, в основном мельчайших, пережженного кремня. Его мощность в центральной части профиля — до 8 см.

По всей южной и восточной границе очага культурный слой был сегментирован трещинами со стерильным заполнением из нижележащего литологического горизонта. Тем не менее в плане конечная площадь очага выделялась отчетливо. Его сегментированные южный и юго-восточные края уже не однородны по составу и включают в себя линзы окрашенного охрой суглинка. В силу того факта, что рассматриваемый объект оказался серьезно деформирован по причине поверхностного вспучивания и частичной сегментации в сочетании с небольшим склоновым смещением, его изначальные размеры определить сложно. Центральная, частично сохранившаяся часть (уже не *in situ*, растащенная, но в целом на месте своего первичного положения) представляла собой в плане овал, вытянутый по линии юг — север (кв. х3у-1, х3у1), с примерными размерами 1,4×1 м. В связи с этим есть определенные основания предполагать его изначальную существенно более компактную площадь.

Очаг № 2 «южный» расположен на расстоянии 1,6 м к югу от границы очага № 1 на кв. х3у-3, х4у-3 (рис. 4: а). Был открыт и исследован в 2013 г. (Дудин и др., 2016: 46–48). На уровне верхней границы скопления очаг никак не выделялся в плане, так как был перекрыт гумусированным суглинком, содержащим значительное количество чешуек, отщепов и изделий из камня, а также мелких, в большинстве своем неопределимых фрагментов костей животных, древесных угольков, кусочков и пятен охры. В результате очаг № 2 был «пойман» непосредственно в процессе разборки культурного слоя. В процессе полевого исследования этот очаг, так же как и очаг № 1, предстал в виде классического геоархеологического объекта. Верхняя часть очага оказалась растащена и переотложена шлейфом в северо-восточном направлении. Место исходного

положения объекта четко фиксировалось границами небольшого искусственного углубления. Первоначально площадка под очаг была заглублена в суглинок на 2,5–3 см от уровня основания культурного слоя (т. е. фактически от уровня дневной поверхности). С восточной, южной и западной сторон наблюдалось плавное выполаживание стенок углубления. Северная граница резкая, четкая. Состав основания объекта формирует серо-черный гумусированный, с включением отдельностей углистой массы, суглинок мощностью 7–9 см. Обращает на себя внимание присутствие в этой части заполнения значительного количества мелких фрагментов кремня, чешуек и отщепов без видимых следов термического воздействия. В придонной части, по периметру объекта, а также по бортам углубления фиксируются следы прокала суглинка. В пределах очажной ямки, выше нижнего уровня заполнения, локализованы две зольные «шапки» — центральная, диаметром 30 см, и вторая (западная), диаметром ~20 см. Мощность заполнения — до 8 см. В основании последней лежал камень. Зольные шапки окружены серо-черным углистым суглинком, аналогичным заполнению очажного углубления. Ближе к границам объекта суглинок приобретает красновато-оранжевый оттенок, что обусловлено включениями охры. Суглинок насыщен большим количеством мелких осколков и отщепов кремня, в основном без следов видимого термического воздействия. Примерно в 40 см к востоку от центральной зольной шапки фиксируется небольшое по размерам (8 см в диаметре) зольное пятно: меньшее по мощности (до 5 см), аналогичное по характеру заполнения, но имеющее явно вторичные включения «углистого» суглинка. В отличие от «северного» очага «южный» не был разорван трещинами и структурно сохранился более целостным. Еще одно серьезное отличие заключается в том, что изначально он не наблюдался визуально, так как был перекрыт прослойкой культурного слоя, не имевшего никакого отношения к очажному заполнению. То есть переотложенным слоем был перекрыт объект, уже находившийся в стадии смещения.

Основная концентрация культурных остатков на площади открытой части нового скопления локализовалась в зонах, окаймляющих очажные линзы (до 1,5 м по внешнему периметру). Здесь фиксировалась наибольшая плотность и мощность культурного слоя. При этом площадь распространения разрозненных фаунистических остатков и предметов каменного инвентаря выходила за пределы приочажных зон и была

ограничена лишь западной и северной границами скопления. В пределах локализации очажной массы «северного» очага находки из камня представлены в основном мельчайшими пережженными фрагментами. Показательно, что выявленный характер распространения предметов из камня на площади скопления одинаково применим как к необожженному, так и к обожженному материалу. Фрагменты обожженного камня встречены на всей вскрытой площади скопления, в том числе в периферийных зонах западного и северного секторов раскопа. На участках концентрации находок центрального сектора раскопа, где фиксируется наибольшая мощность культурного слоя и сложная микростратиграфическая структура, удалось определить несколько отдельных зон, где обожженный и необожженный кремнь были локализованы изолированными группами. При этом было выявлено, что группы и отдельные необожженные предметы, как правило, связаны с прослойками и линзами гумусированного суглинка, окрашенного охрой (рис. 3).

Положение предметов из камня в культурном заполнении — преимущественно горизонтальное-субгоризонтальное. В северо-восточном секторе раскопа, в нижнесклоновой позиции рельефа процент предметов в наклонно-субвертикальном положении увеличивается.

Предметы костяной индустрии открытой площади нового скопления (раскоп 2012–2013 гг.) локализуются в пределах приочажных пространств, в зонах наибольшей концентрации культурных остатков по плотности и мощности заполнения.

Каменный инвентарь

Коллекция каменного инвентаря, полученная в 2005–2013 гг., принципиально не отличается от коллекции предыдущих этапов исследования. Техника первичного расщепления — призматическая. Ведущий тип заготовки — узкая, тонкая пластина. Микропластины снимались со вторичных ядрищ. При их изготовлении применялась также техника резцового скола. При значительной доле сломанных, в том числе намеренно фрагментированных форм отмечается высокий уровень утилизации сырья.

Коллекция предметов каменного инвентаря, полученная в период 2005–2013 гг., насчитывает 4382 экз. Количество предметов со вторичной обработкой, с учетом фрагментированных форм, составляет 597 единиц.

Основной тип сырья — черный меловой кремнь, часто с легкой серо-голубой патиной.

Встречается также дымчатый серо-коричневый меловой кремнь и сильно патинизированный белый. Предметы из цветного кремня представлены в крайне незначительном количестве. В коллекции присутствуют отдельные находки из мелкозернистого кварцита серого и розового цветов. Есть единичные экземпляры изделий из сланца и окварцованного песчаника. Обращает на себя внимание значительный процент предметов, подвергшихся воздействию высоких температур, — более одной трети с площади раскопа 2012–2013 гг. Из них, в свою очередь, около 40% — в пережженном состоянии. Количество нуклеусов в коллекции незначительное — 18 предметов. Они представлены остаточными формами либо вторичными ядрищами (рис. 5: 11–13). Основной тип заготовки — пластины разных размеров, от относительно крупных (до 8 см) до микропластинок (рис. 5: 1; рис. 7: 1–9; 12). В коллекции камня с площади шурфа 2005–2006 гг. зафиксирован высокий процент присутствия микроострий (рис. 5: 2–7). Эта особенность не распространяется на состав коллекции с площади раскопа 2012–2013 гг., но была характерна для исследованных участков второго культурного слоя в 1950–1960-е гг. (Литовченко, 1969: 111). Их общее количество — 74, включая фрагменты. Значительную часть коллекции каменного инвентаря составляют чешуйки, мелкие обломки и осколки, технические сколы, фрагменты отщепов и пластин (как правило, со следами утилизации). Ведущий тип орудий — резцы (90 единиц), среди которых преобладают боковые и угловые (рис. 5: 9, 10). В коллекции также присутствуют комбинированные орудия с оформленной резцовой кромкой (рис. 5: 14). Среди незначительного количества скребков (30 предметов) большая часть — концевые на пластинах или их обломках с ретушированными или не ретушированными краями (рис. 6: 7–10). Проколки (31 единица) выполнены на разных типах заготовок — на пластинах, отщепах, а также на резцовых сколах (рис. 6: 4; рис. 7: 14). Их жальце оформлялось, как правило, крутой притупляющей ретушью; жальца нескольких проколов на сколах выделены выемкой. На двух изделиях рабочая область формировалась при помощи сколов усечения конца заготовки. Среди 93 микропластинок с притупленным краем преобладают экземпляры с обработкой только одного края (рис. 5: 2, 5, 8; рис. 7: 10, 13, 15, 17). Встречены единичные экземпляры этого типа орудий с частичной подработкой противоположного края у острия, а также с зубчато-выемчатой ретушью. Количество целых ретушированных пластин невелико:

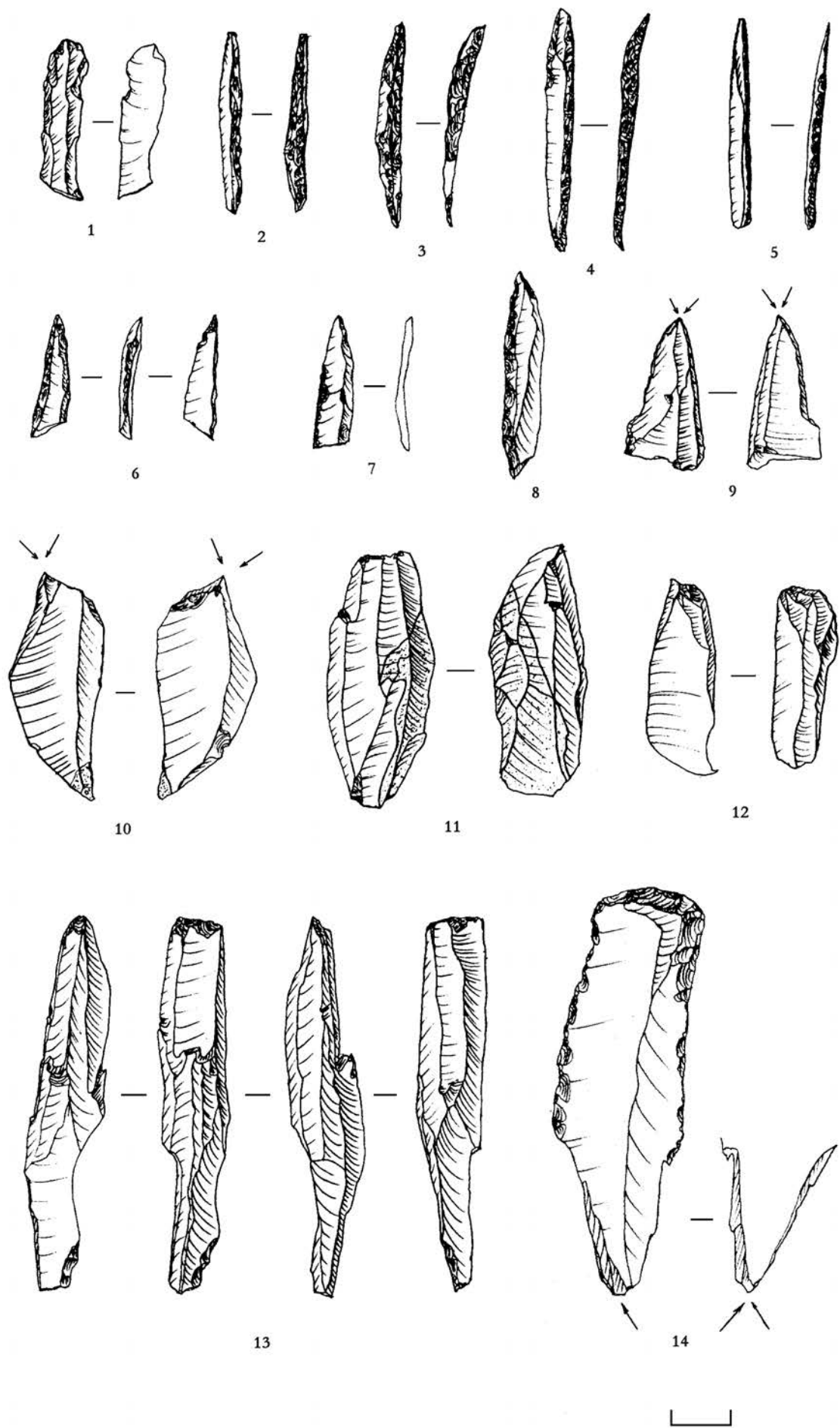

Рис. 5. Костенки 8 (Тельманская). Каменный инвентарь II культурного слоя из шурфа 2005–2006 гг.:
 1 – микропластина; 2–5, 8 – МППК и игловидные острия; 6, 7 – микроострия; 9, 10 – резцы;
 11–13 – нуклеусы; 14 – комбинированное орудие

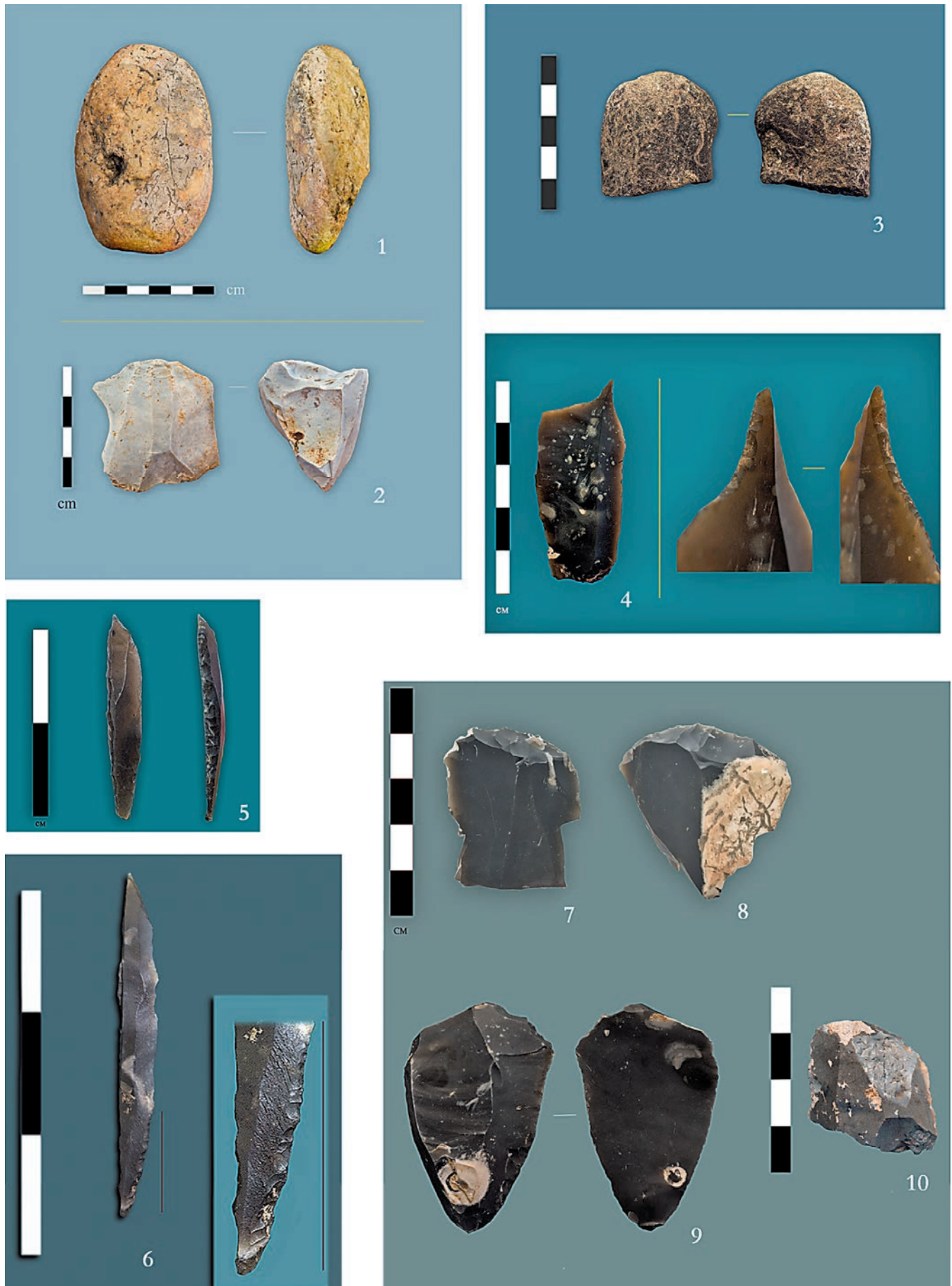

Рис. 6. Костенки 8 (Тельманская). Каменный инвентарь II культурного слоя (2012 г.): 1 – отбойник; 2 – нуклеус; 3 – ретушер; 4 – проколка; 5 – микропроколка; 6 – МППК; 7–10 – скребки

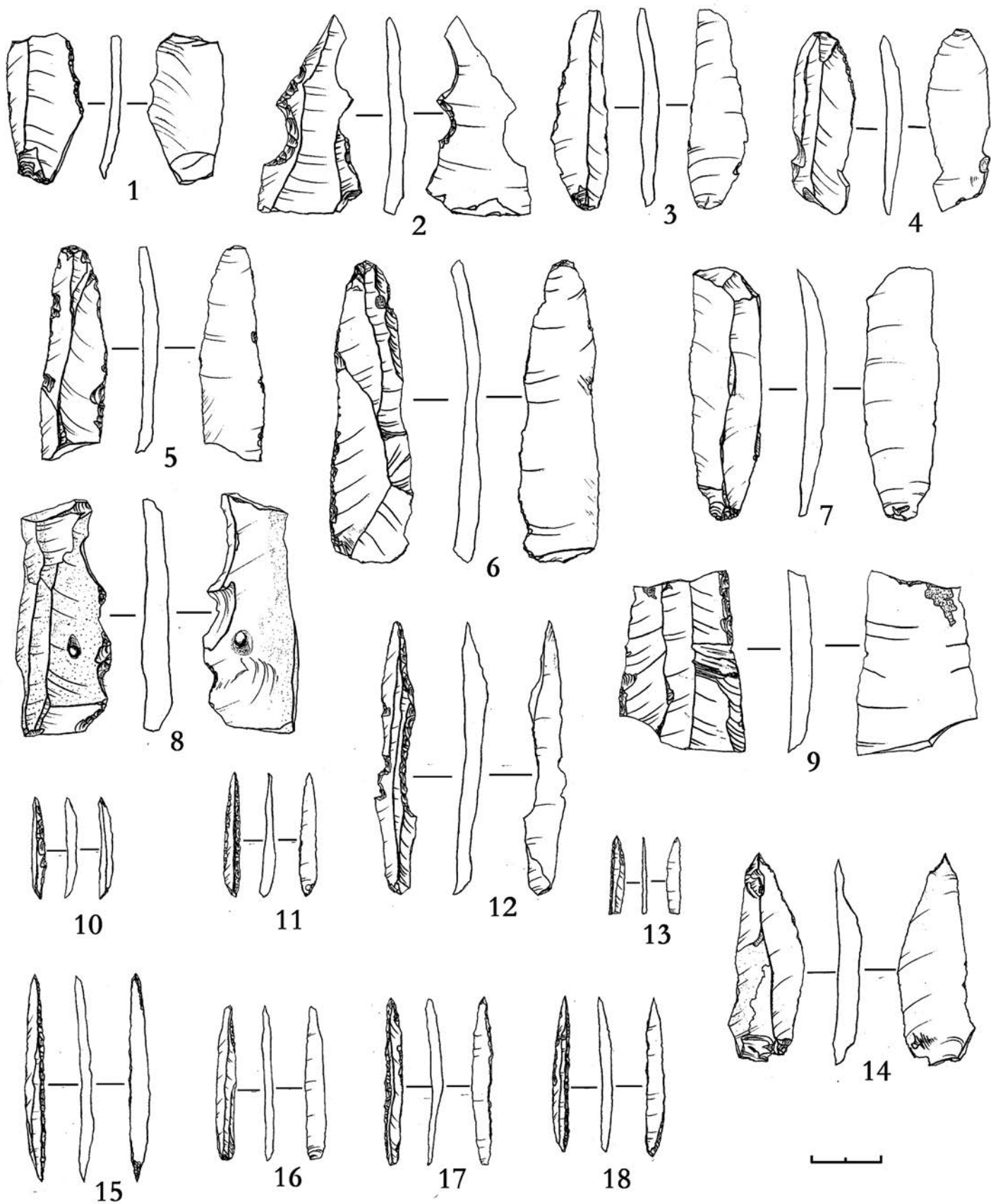

Рис. 7. Костенки 8 (Тельманская). Каменный инвентарь II культурного слоя (2013 г.):
 1-9, 12 — пластины; 10, 11, 13, 15-18 — МППК и игловидные острия; 14 — проколка

Рис. 8. Костенки 8 (Тельманская). Костяной инвентарь и украшения II культурного слоя: 1, 11 — шилья; 2, 4, 5 — украшения; 3 — фрагменты с орнаментом; 6 — дистальная часть острия; 7 — фрагмент трубчатой кости с изображением; 8 — бивневая пластина с прорезанным пазом; 9 — предмет неясного назначения; 10 — проколка; 12 — раковина аммонита с прорезанным отверстием

насчитывается до 10 пластин, обработанных легкой плоско-полукрутой краевой ретушью. В то же время необходимо отметить наличие в коллекции значительного количества фрагментов ретушированных пластин, представленных дистальными, проксимальными частями и медиальными сегментами. Помимо этого, в коллекции имеются 7 скоблевидных форм, 2 отбойника (рис. 6: 1) и 1 ретушер (рис. 6: 3).

Костяной инвентарь

Общее количество предметов из кости и бивня мамонта с признаками антропогенного воздействия составляет 53 единицы. Из них к изделиям (целым и фрагментированным) можно отнести 28 предметов (Дудин и др., 2019: 145). Семь предметов относятся к украшениям. Остальная часть коллекции представлена изделиями с прорезанными пазами, неопределимыми фрагментами с нарезками — бессистемными и с признаками орнаментации (рис. 8: 3), а также отдельными предметами неясного назначения.

Наиболее многочисленным типом орудий являются шилья (рис. 8: 1, 11). Для их изготовления использовались в основном мелкие трубчатые кости. К простейшим вариантам получения шильев можно отнести использование целых мелких лучевых костей небольших животных с предварительной шлифовкой естественного острого конца. В одном случае с диафизной части трубчатой кости приемом пологого среза отделялась заготовка плоско-го остря. Выборочный трасологический анализ четырех орудий показал, что большая часть шильев (три из четырех) представляют собой заготовки без каких-либо следов использования. Помимо шильев в коллекции присутствуют дистальные фрагменты костяных острей (рис. 8: 6). Из трех предметов, рассмотренных на предмет сработанности, один оказался с выраженными признаками использования.

Как отмечалось выше, среди изделий из кости есть несколько предметов, которые можно отнести к украшениям, — это пронизки и бусины. В этой небольшой по составу коллекции отдельно стоит выделить орнаментированное изделие каплевидной формы с плоско-слабовыпуклым сечением (3,2×1,6 см) (рис. 8: 2). При нанесении орнамента применялись два приема: первый — краевая орнаментация, когда при помощи ножевидной пластины по ребру заготовки наносились равноудаленные друг от друга нарезки V-образного сечения; второй — линейная, по поверхности одного из фасов. В последнем

случае были выполнены пять параллельных нарезок, четыре из которых примерно одной длины и равноудалены друг от друга. Нарезки легкие, не глубокие, сделанные с разной степенью давления.

Орнаментом покрывались не только украшения, но и орудия, в частности, шилья (рис. 8: 1). Он встречается и на мелких фрагментах неопределимых изделий (рис. 8: 3), где прослеживается элементарная композиция из субпараллельно расположенных двух рядов насечек, формирующих вместе «елочный» орнамент. Интересен и фрагмент стенки трубчатой кости, на лицевой поверхности которого, возможно, фиксируется изображение (рис. 8: 7).

Большинство предметов с прорезанными пазами являются использованными заготовками при производстве шильев (рис. 8: 8). В одном случае имеется орудие неясного назначения, представляющее собой фрагмент стенки трубчатой кости мамонта с пазом и отверстиями по краям (рис. 8: 9).

Использовавшееся для изготовления предметов из кости сырье полностью соответствует представленным на памятнике фаунистическим остаткам. В первую очередь это мелкие и средних размеров трубчатые кости (заяц, волк, крупная птица и т. д.), а также фрагментированные части костей крупных животных и бивня мамонта (бивневые пластины и отщепы).

Фаунистическая коллекция и малакофауна

Число целых и фрагментированных фаунистических остатков насчитывает чуть более 100 единиц, из которых 85 происходят с площади раскопа 2012–2013 гг.

Видовой состав животных, представленный на памятнике по итогам исследований 2005–2013 гг., включает в себя мамонта (*Mammuthus primigenius*), зайца (*Lepus tanaiticus*), песца (*Vulpes lagopus*), лошадь (*Equus ferus*), волка (*Canis lupus*), медведя (*Ursus arctos*), бобра (*Castor fiber*). В составе коллекции предметов костяной индустрии есть проколка, выполненная из стенки трубчатой кости крупной птицы (рис. 8: 10). Из группы неопределимых костей следует выделить два фрагмента зубов травоядного животного, возможно, принадлежащих оленям, а также метатарзальную кость крупного полорогого (Попов, 2009: 27).

Помимо фаунистических остатков, в коллекции имеются три целых и один фрагмент аммонита, которые происходят с площади раскопа

2012–2013 гг. Один из аммонитов, вероятно, имеет преднамеренно прорезанное биконическое отверстие по центру (рис. 8: 12).

Трасологические наблюдения

Часть коллекции была исследована трасологическим методом, в результате чего был сделан ряд наблюдений. Одним из наиболее интересных был вопрос о малочисленности скребков в коллекции 2005–2013 гг., доля которых в орудином наборе составляет 5,9% (30 экз.). По результатам выборочных трасологических исследований (Пустовалов, Родионов, 2011; Родионов, Платонова, 2017) было, в частности, определено, что все изученные скребки использовались для работы по коже (обработка шкур).

Незначительная доля присутствия скребков в коллекции камня может объясняться фактом широкого использования для обработки кожи отщепов, сечений пластин и любых форм, имеющих удобный рабочий край. Из 200 просмотренных на предмет следов утилизации изделий более 50 экз. имеют выраженные следы работы по коже. Возможно, это свидетельствует о единовременной и оперативной потребности в массовой обработке шкур, когда для этих целей использовались любые подходящие формы.

Наличие в костяной индустрии II слоя пазов на костяных и бивневых заготовках послужило основой предположения о их прорезании резцами, в большом количестве представленными в коллекции. Однако в результате трасологического анализа пазов на костяных и бивневых изделиях, а также выборочного изучения резцов и пластин выяснилось, что пазы вырезались преимущественно при помощи последних. С этим выводом хорошо согласуется факт отсутствия узкой, удобной для прорезания резцовой кромки на большинстве резцов в коллекции.

Другим объектом трасологического изучения стала серия скоблевидных орудий с оформленными выемками, размер которых не превышает 7 мм. Представляется, что эти предметы также связаны с изготовлением орудий из кости — прежде всего шильев, на что указывают характер их рабочей части и выявленные следы сработанности. Это предположение косвенно подтверждается как наличием в культурном слое большого количества трубчатых костей мелких животных, которые активно использовались в производственной деятельности в виде практически готовых заготовок, так и небольшим размером конечных форм костяных изделий (шилья, остря).

Отдельного внимания заслуживает процесс изготовления отверстий, представленных на нескольких предметах обработанной кости и, возможно, одном аммоните. Небольшая выборка, вероятно, не открывает всего разнообразия использовавшихся в работе приемов, однако основные принципы этого процесса на базе имеющегося материала просматриваются достаточно отчетливо. Имеющиеся данные свидетельствуют в пользу отсутствия сверления, а для изготовления отверстий применялись такие приемы, как надрезание, совмещенное с пропиливанием, и процарапывание.

Заключение

По итогам исследования второго культурного слоя Тельманской стоянки в 2005–2013 гг. можно констатировать, что как минимум юго-западная и юго-восточная границы памятника остаются не установленными. Стратиграфическая позиция находок второго культурного слоя связана с гумусовым горизонтом, подстилающим толщу покровных неслоистых суглинков. В пределах юго-восточного раскопа было открыто очередное скопление культурных остатков с выраженной объектной структурой и резкой границей их распространения с запада. Основными его составляющими являются два асинхронных очага по линии юг — север с мощной концентрацией культурных остатков на прилегающем к очагам пространстве. Отличительными признаками исследованной площади скопления являются интенсивная окрашенность культурного слоя охрой, насыщенность углистой массой разной степени концентрации, значительное количество предметов из камня и кости вне зоны очагов с признаками термического воздействия. Полученная по итогам исследований коллекция камня указывает на выраженный пластинчатый характер индустрии, направленный на получение заготовок разных размеров — от относительно крупных до микропластин. Характерные типы орудий — резцы, микропластины с притупленным краем, микроострия. К особенностям состава коллекции следует отнести отсутствие нуклеусов, соответствующих средним и крупным заготовкам, незначительное количество скребков, наличие проколов (выполненных на разных типах заготовок), присутствие скоблевидных и зубчато-выемчатых форм. Характерными приемами обработки являются притупляющая ретушь, плоская-полукрутая ретушь для заготовок крупных и средних размеров, техника

резцового скола. Коллекция предметов из кости и бивня характеризуется наличием шильев, стержней, украшений, также имеется серия предметов с прорезанными пазами. Часть изделий орнаментирована.

Открытие нового структурированного участка поселения, типологически разнообразные и оригинальные коллекции камня, кости и малакофауны можно отнести к важным итогам исследования второго культурного слоя Тельманской стоянки в период 2005–2013 гг.

Литература

- Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Платонова Н. И. 2016. Второй культурный слой стоянки Костенки-8 (Тельманская): структура, объекты, микростратиграфия // Вестник НГУ. История, филология. Вып. 15. С. 41–52.
- Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Родионов А. М., Платонова Н. И. 2019. Новые данные о костяной индустрии второго культурного слоя Тельманской стоянки // Бессуднов А. А., Захарова Е. Ю. (отв. ред.). ВДАС. Вып. 11. С. 141–154.
- Литовченко Л. М. 1969. Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. № 3. С. 110–123.
- Пустовалов А. Ю., Родионов А. М. 2011. Трасологический анализ скребков II культурного слоя стоянки Костенки 8 (Тельманская) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14. Воронеж: ВГПУ. С. 9–12.
- Родионов А. М., Платонова Н. И. 2017. Сравнительный анализ пластинчатого инвентаря культурных слоев Костенки 8/II и Костенки 11/II: трасологический аспект // ЗИИМК. Вып. 16. С. 7–19.
- Попов В. В. 2006. Отчет о работе археологической экспедиции государственного археологического музея-заповедника «Костенки» в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 31015.
- Попов В. В. 2007. Отчет о работе археологической экспедиции государственного археологического музея-заповедника «Костенки» в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 48314.
- Попов В. В. 2009. Отчет о работе археологической экспедиции государственного археологического музея-заповедника «Костенки» в 2009 г. на стоянке Костенки 8 (Тельманская) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37866.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГРАВЕТТСКОЙ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 9

С. Н. Лисицын¹, Н. Рейнольдс², Д. К. Еськова³, Н. А. Цветкова⁴, А. Ю. Пустовалов⁵

¹ *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

² *Университет Бордо, Франция*

³ *Институт археологии РАН, Москва*

⁴ *СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе», Санкт-Петербург*

⁵ *Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», Воронеж*

Введение

Стоянка Костенки 9 (Бирючий Лог) приурочена к окончанию мыса, образованному слиянием двух балок: Александровского лога и его отвершка — Бирючьего лога. Высотная привязка — 100–104 м над уровнем моря (~20 м выше уреза р. Дон).

Памятник был открыт П. П. Ефименко в 1937 г., который заложил серию из семи шурфов (I–VII) в одну линию с целью определения границ распространения культурных остатков на северо-западной периферии стоянки Костенки 8 (Ефименко, 1940: рис. 1). В шурфах II, III и VII им был обнаружен культурный слой, залегающий в кровле подстилающего черноземом лессовидного суглинка. В 1953 г. стратиграфию ряда костенковских стоянок изучала комиссия, состоявшая из археологов и геологов-четвертичников в составе В. И. Громова, А. И. Москвитина, М. В. Грищенко и В. М. Фридлянд — под председательством С. Н. Замятина. На Костенках 9 тогда был вновь вскрыт и расширен шурф № II 1937 г., в котором, помимо основного культурного слоя в нижележащей пачке суглинков, были зафиксированы еще три уровня залегания культурных остатков, стратиграфически соответствовавшие поселениям I и II культурных слоев стоянки Костенки 8.

В 1959 г. А. Н. Рогачев севернее шурфа № VI на территории частной усадьбы, на месте выкопанной крестьянами в дорожной обочине глинокопной ямы, заложил раскоп 5×10 м (рис. 1). В раскопе под черноземом в лессовидном суглинке была зафиксирована насыщенная находками линза культурных остатков, которые концентрировались вокруг кострища. Скопление было исследовано почти целиком, кроме западной части, где линза распространялась за пределы раскопа вверх по склону на территорию частной усадьбы. Коллекция артефактов из раскопа

1959 г. составила более 3 тыс. экз., включая предметы из кремня, сланца, кварцита, а также изделия из бивня мамонта. Вне пределов скопления находки были единичны. А. Н. Рогачев интерпретировал вскрытый участок памятника как остатки наземного округлого жилища с кострищем в центре (Рогачев, Аникович, 1982: 111).

После работ А. Н. Рогачева исследования на Костенках 9 продолжительное время не были систематическими и ограничивались сбором случайных поверхностных находок кремня на дороге. В 2006 г. при прокладке трубы подземного газопровода строителями на территории памятника была частично вскрыта линза культурного слоя в центральной части стоянки, чуть южнее раскопа А. Н. Рогачева. Спасательные раскопки этого поврежденного участка проводились А. Ю. Пустоваловым в виде траншеи размерами 3×1 м (рис. 1). Культурный слой в траншее оказался насыщен угольками и кусочками охры, находки залегали бессистемно с вертикальным разбросом до 0,8 м. Коллекция каменного инвентаря из траншеи насчитывала 306 предметов, но в положении, близком к *in situ*, были зафиксированы лишь 80 артефактов, остальные собраны на полностью разрушенной площади. С целью уточнения стратиграфии в 2007 г. А. Ю. Пустоваловым в западной части мыса был заложен шурф 2×3 м общей глубиной 4,8 м, однако культурный слой в нем полностью отсутствовал, за исключением нескольких расщепленных кремней, обнаруженных в кровле лессовидного суглинка (Пустовалов, 2011). В 2019 г. С. Н. Лисицыным был заложен шурф размерами 2×3 в 6 м северо-восточнее шурфа 2007 г. А. Ю. Пустовалова и в 2,5 м западнее раскопа 1959 г. А. Н. Рогачева (рис. 1) (Reynolds et al., 2021). В шурфе была исследована периферия скопления находок, вероятно, относящегося к линзе культурного слоя раскопа 1959 г.

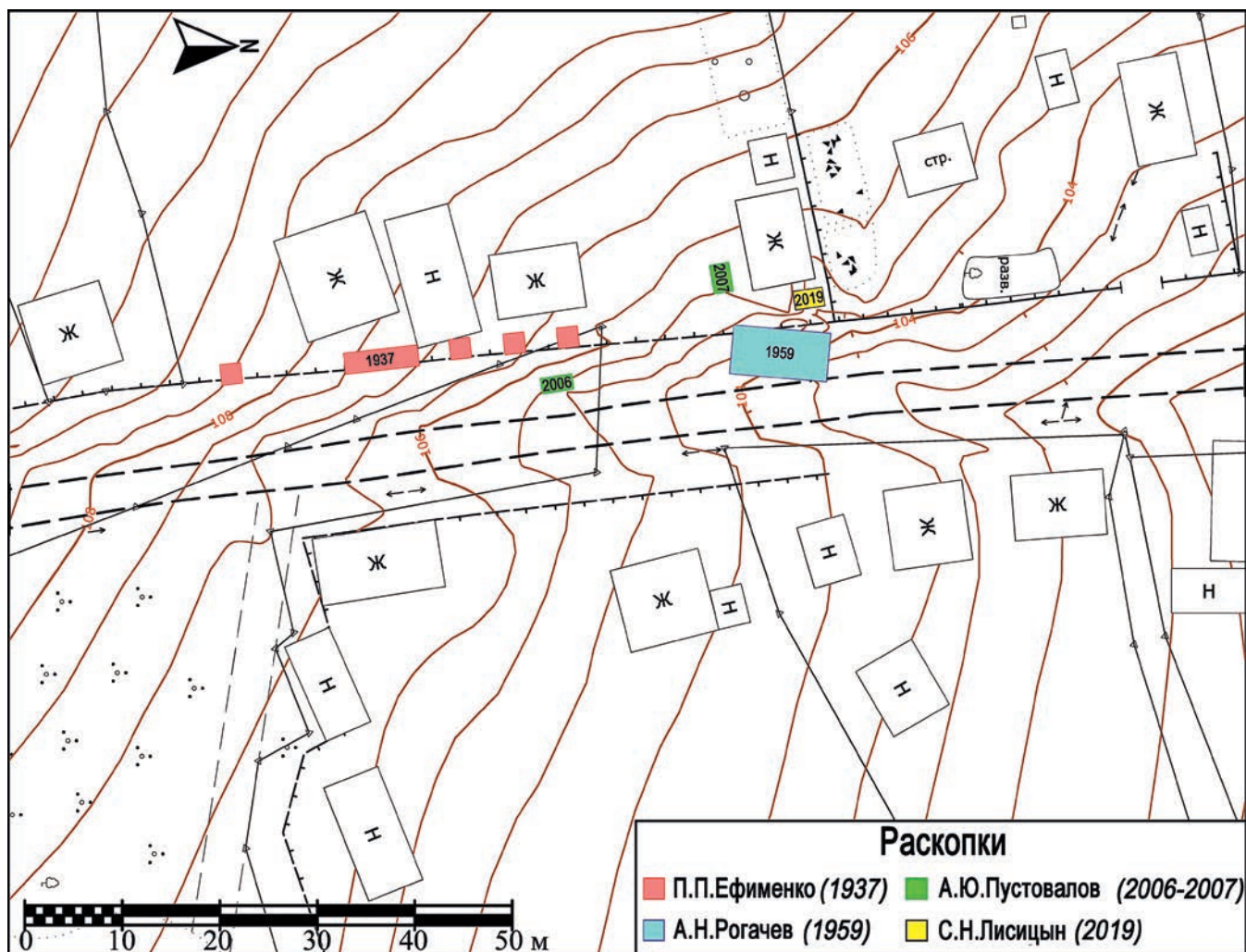

Рис. 1. План раскопов 1937–2019 гг. на Костенках 9

Костенки 9 долгое время не имели радиоуглеродного определения возраста, но памятник неоднократно сопоставлялся с комплексом Борщево 5 (I) из-за явного типологического сходства между двумя комплексами (Sinitsyn, 2007; Sinitsyn, 2015; Reynolds, 2014; Lisitsyn, 2015; Lisitsyn, 2019). Новые работы по датированию Борщево 5 (I) и стоянки Костенки 4, показали, что эти памятники несколько старше, чем считалось ранее, когда они относились к позднему граветту (Lisitsyn, 2015). Обе стоянки датируются 25–24 тыс. ^{14}C л. н. (около 29,5–29 тыс. кал. л. н.), что расширяет хронологию граветтских стоянок Костенковско-Борщевского района в целом, позволяя выделить фазу «среднего граветта», предшествующую стоянкам «костенковско-авдеевской культуры» с датировками 24–22 тыс. ^{14}C л. н. (ок. 28,5–28 тыс. кал. л. н.) (Reynolds, 2014; Reynolds et al., 2015; Lisitsyn, 2019). Единственная граветтская стоянка в регионе, возраст которой древнее, — Костенки 8 (II) — с датировкой 27 650 тыс. ^{14}C л. н. (Reynolds et al., 2015). Временной промежуток 27,5–25 тыс. ^{14}C л. н. (~31,5–29,5 тыс. кал. л. н.),

пока еще не документированный граветтскими находками, соответствует, по крайней мере частично, климатическому похолоданию, связанному с событием Хайнрих 3 (Haesaerts et al., 2009).

Корреляция Костенок 9 в контексте костенковской хроностратиграфической последовательности с близлежащей стоянкой Костенки 8 была подробно рассмотрена Л. М. Челидзе (Литовченко). Она предположила, что культурный слой Костенок 9 стратиграфически залегает или выше самого верхнего слоя I на Костенках 8 (Литоўчанка, 1966), или потенциально может быть коррелирован непосредственно со слоем I или с нижележащим слоем Ia того же памятника (Рогачев, Аникович, 1982: 113). По результатам работ в шурфе 1937/1953 г. культурные остатки были обнаружены как в бурых лессовидных суглинках, так и в подстилающих гумусированных суглинках (Рогачев, Аникович, 1982: 109). В ходе раскопок 1959 г. на стоянке обнаружено скопление находок диаметром 5–6 м с очагом в центре, которое было интерпретировано как остатки круглого жилого сооружения, залегавшего

в лессовидном суглинке непосредственно под черноземом (Літоўчанка, 1966: 110). При спасательных раскопках 2006 г. артефакты также были обнаружены в бурых негумусированных и слабогумусированных суглинках (Пустовалов, 2011), так же как и единичные артефакты, обнаруженные в шурфе 2007 г. Находки в шурфе С. Н. Лисицына 2019 г. включали каменные изделия и немногочисленные фрагменты костей мамонта, найденные на глубине ок. 2 м в лессовидном суглинке со слабо выраженным гумусированным горизонтом.

Коллекции из раскопок 1937, 1959 и 2019 гг. на Костенках 9 хранятся в ИИМК РАН, коллекции 2006–2007 гг. — в фондах музея-заповедника «Костенки». Коллекция каменного инвентаря 1937 г. сравнительно невелика — 106 предметов. Коллекция 1959 г. является самой многочисленной, хотя подсчеты по разным публикациям различаются (ср. Літоўчанка, 1966; Челидзе, 1968; Рогачев, Аникович, 1982). По самым полным подсчетам (Челидзе, 1968), при раскопках в 1959 г. было найдено 3136 предметов расщепленного камня, в том числе 597 с ретушью. К ретушированным изделиям относятся осколки, скребки, «листовидные остря», резцы, проколки, пластинки и отщепы с ретушью и/или следами утилизации (Літоўчанка, 1966). Костяные артефакты раскопок 1959 г. включают фрагмент кончика лопатки из ребра мамонта, два фрагмента стержней из бивня мамонта и просверленный зуб песка. Также был обнаружен аморфный мергелевый артефакт со следами абразивной обработки (Рогачев, Аникович 1982: 113).

Коллекция из шурфа С. Н. Лисицына 2019 г. насчитывает 285 каменных изделий: 83 предмета найдены в культурном слое и 202 — в черноземе. Единственным костяным артефактом, обнаруженным в шурфе, оказалась пуговица с перехватом из бивня мамонта. Поскольку шурф 2019 г. находился недалеко от раскопа 1959 г., находки из него могут относиться к периферийной части выделенного А. Н. Рогачевым «жилища».

Имеющаяся информация о фаунистическом комплексе стоянки позволяет предположить, что он относительно небогат. Н. К. Верещагин и И. Е. Кузьмина в коллекции из раскопок 1959 г. выделили следующие виды животных: песец (1/9), заяц-русак (1/2), мамонт (1/1), лошадь (1/1) (Верещагин, Кузьмина, 1977). В ходе более поздних раскопок (определения Н. Д. Буровой, ИИМК РАН) были обнаружены лишь фрагментарные кости мамонта (6 фрагментов ребер и 3 осколка бивня).

Радиоуглеродные даты

По образцам из Костенок 9 получены три радиоуглеродные даты. Все образцы для датирования происходят из основного скопления археологических находок, раскопанного в 1959 г. (квадраты Ф-56, С-56 и Ф-52; табл. 1). Специфика стоянки — небольшой размер и однородность каменной индустрии, наличие единственной жилой конструкции, отсутствие свидетельств повторного заселения — убедительно свидетельствует о том, что стоянка была заселена в течение относительно короткого периода времени, возможно, даже в течение одного сезона. Поэтому мы попытались смоделировать и откалибровать результаты как датирующие одно событие, используя функцию объединения («Combine») в OxCal 4.4 и кривую IntCal20 (Bronk Ramsey, 2009; Reimer et al., 2020). Однако результаты радиоуглеродного анализа не прошли статистические тесты, проведенные до комбинирования, с общим значением Acomb 0,0%.

В результате моделирования фазовой продолжительности в OxCal функция Span дала результат 1000–1640 лет (вероятность 68,2%) или 640–1910 лет (вероятность 95,4%), что явно превышает разумные рамки периода непрерывного обитания на памятнике.

Не исключено, что кости мамонта могли принадлежать животному, погибшему до или после времени обитания стоянки, а впоследствии смешались с основным археологическим слоем, что может объяснить значительный разброс дат. Кость K9-01 подверглась более сильному выветриванию, чем две другие кости и, следовательно, может быть более древней, попавшей каким-то образом в культурный слой памятника. Впрочем, различия в степени выветривания могли быть и результатом тафономических процессов, повлиявших на кости одного и того же возраста. Нельзя исключать, что расхождения между датировками могут быть результатом присутствия в образцах в небольших количествах примеси современного углерода (с учетом неглубокого залегания находок). Недавние работы показали, что использование многоступенчатых методов датирования (например, датирования по отдельной аминокислоте/гидроксипролину (см. Deviese et al., 2018)) является более точным, чем традиционное датирование костных образцов верхнего палеолита, и что предварительная обработка костного коллагена не может надежно удалить все возможные загрязнения (Bourrillon et al., 2018; Dinnis et al., 2019; Reynolds, 2020). Если образцы содер-

жат современный углерод, результаты окажутся заметно омоложенными. Поэтому следует предположить, что самая древняя дата (т. е. $24\,370 \pm 170$ ^{14}C л. н., ОхА-38932) будет наиболее близкой к реальному времени обитания на стоянке. До проведения датирования по гидроксипролину могут оставаться определенные сомнения в надежности полученных результатов, особенно двух более молодых датировок.

При использовании OxCal 4.4 и IntCal20 (Bronk Ramsey, 2009; Reimer et al., 2020) калиброванный возраст самого древнего образца (ОхА-38932) составляет 29040–28040 л. н. (диапазон вероятности 95,4%). При сравнении с хронологией ледяных кернов Гренландии (Rasmussen et al., 2014) и озерными данными

Бергзее (Duprat-Oualid et al., 2017; Banks et al., 2019) данный временной отрезок соответствует периоду Гренландского межстадиала (GI) 4, сопоставимый с событием Хайнрих (HE) 3 / Гренландским стадиалом (GS) 5.1.

Следует отметить, что значение $\delta^{15}\text{N}$ для одного из образцов (К9-02) повышено и составляет 12,3‰ (табл. 1). Такие высокие значения обычно ассоциируются не с травоядными, а с хищниками (Bocherens, 2003). В этом случае отклонение, скорее всего, объясняется тем, что кость принадлежит самке мамонта, выкармливавшей детеныша (Bocherens et al., 1996; Rountrey et al., 2007), тем более что датированное ребро имело весьма небольшие размеры, что вполне соответствует такому предположению.

Таблица 1. Полученные радиоуглеродные даты для стоянки Костенки 9

Лабораторный индекс	Номер образца	Материал	Шифр	Метод очистки	Масса обр., мг	Масса жел., мг.	Выход (%)	%C	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰)	C: N	^{14}C дата л. н. $\pm 1\sigma$	Календарный возраст, 68,2% вероятность л. н.	Календарный возраст, 95,4% вероятность л. н.
ОхА-38932	К9-01	Фрагмент крупной кости мамонта	К9, Ф-56	AF*	731	8,67	1,2	44,5	-19,79	10,4	3,3	24,370±170	28807–28349	29022–28031
ОхА-38933	К9-02	Ребро мамонта	К9, С-56	AF*	732	13,1	1,8	45,3	-19,90	12,3	3,3	22,810±140	27280–27055	27355–26904
ОхА-38934	К9-03	Ребро мамонта	К9, Ф-52, 704	AF*	710	14,7	2,1	44,4	-20,59	9,5	3,3	23,270±150	27645–27362	27746–27278

Примечания: AF* = ультрафильтрованный коллаген с экстракцией растворителем с использованием ацетона, метанола и хлороформа (Brock et al., 2010). Выход (%) представляет собой процентный выход полученного коллагена в зависимости от исходного веса кости. %C — углерод, присутствующий в сгоревшей пробе (желатин или гидроксипролин). C/N представляет собой атомное соотношение углерода и азота (приемлемый диапазон 2,9–3,5). Диапазон календарного возраста построен в программе OxCal v. 4.4 с использованием кривой IntCal20 (Bronk Ramsey, 2020; Reimer et al., 2020).

Каменный инвентарь

Анализ каменного инвентаря основан на трех основных коллекциях, полученных из раскопок П. П. Ефименко в 1937 г. (106 экз.), А. Н. Рогачева в 1959 г. (3266 экз.) и С. Н. Лисицына в 2019 г. (285 экз.). Коллекции 1959 и 2019 гг. имеют схожий типологический состав и оцениваются как одинаково репрезентативные. Коллекция 1937 г. невелика и нерепрезентативна. Однако в типологическом анализе были использованы все ретушированные орудия, в том числе из раскопок 1937 г.

Общее количество предметов каменного инвентаря Костенок 9 насчитывает 3410 экз. (табл. 2).

Метрические, морфологические и технологические характеристики были изучены и описаны с использованием терминологии, опубликованной в работе (Inizan et al., 1999). Подробный анализ изделий с притупленным краем из коллекции Костенок 9, а также описание методики исследования опубликованы в дополнительных материалах к статье Н. Рейнольдс с соавторами (Reynolds et al., 2021: SI3, SI4).

Таблица 2. Костенки 9 (Бирючий лог). Общий состав коллекции каменных артефактов из раскопок А. Н. Рогачева 1959 г. и С. Н. Лисицына 2019 г.

Категория		Меловой кремь		Цветной кремь		Опочный кремь		Кварцит		Сланец			
Без обработки		–		–		–		–		–			
Нуклевидные фрагменты		–		–		4		–		–			
Пренуклеусы		–		–		–		–		–			
Нуклеусы		12		–		1		–		–			
Нуклевидные и технические сколы		44		–		–		–		–			
Отщепы с коркой	>2 см	253	159	1	–	10	5	2	2	–	–		
	<2 см		94				1		5		–	–	
Отщепы без корки	>2 см	1073	320	13	3	5	2	6	2	2	1		
	<2 см		753				10		3		4	1	
Чешуйки		290		4		78		–		1			
Биполярные сколы с pièces esquillées		33		1		–		–		–			
Пластины без ретуши (шириной >12 мм)	Целые	375	16	–	–	–	–	4	1	–	–		
	Проксимальные фрагменты		166						–		–	3	–
	Медиальные фрагменты		134						–		–	–	–
	Дистальные фрагменты		59						–		–	–	–
Пластинки без ретуши (шириной <12 мм)	Целые	350	51	–	–	–	–	–	–	–	–		
	Проксимальные фрагменты		123						–		–	–	–
	Медиальные фрагменты		103						–		–	–	–
	Дистальные фрагменты		73						–		–	–	–
Пластинчатые отщепы		50		–		–		–		–			
Орудия		460		3		–		1		11			
Резцовые сколы		94		–		–		–		–			
Микросколы ретуширования (<5 мм)		376		1		–		1		–			
Количество		3410		22		98		14		14			
%		95,8		0,6		2,7		0,4		0,4			

Каменное сырье коллекции достаточно разнообразно. Преобладают высококачественный черный меловой кремь, но также представлен опочный белый кремь, составляющие 95,8 и 2,7% каменного инвентаря соответственно. Артефакты из разных видов «цветного» кремья, белого кварцита и сланца единичны (табл. 2). Отсутствие отдельностей кремья со следами пробного расщепления и пренуклеусов из мелового кремья, а также небольшой процент отщепов с коркой (19%) свидетельствуют о том, что первоначальная подготовка нуклеусов происходила где-то за пределами памятника. С другой стороны, присутствие истощенных ядрищ и относительно большое количество сколов их оживления указывает на то, что регулярное производ-

ство заготовок происходило непосредственно на стоянке. Ретушированные орудия и резцовые сколы составляют соответственно 13,4 и 2,7% изделий из мелового кремья. С другой стороны, в каменном инвентаре Костенок 9 среди артефактов из белого опочного кремья встречаются первичные куски с негативами пробных сколов. При этом 66% отщепов из этого кремья имеет корку, что указывает на доставку отдельностей этого сырья в неподготовленном состоянии. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо ретушированных орудий и пластинок регулярного облика из опочного кремья (табл. 2), что явно говорит о его второстепенной роли.

На Костенках 9 использовались разнообразные заготовки, включая пластины, пластин-

ки, отщепы, пластинчатые отщепы, нуклеидные сколы, технические и резцовые сколы. Все нуклеусы (13 экз.) представлены истощенными формами (рис. 2). Производство пластин непосредственно на памятнике подтверждается наличием истощенных нуклеусов с негативами пластинчатых снятий, а также сколов оживления (некоторые из которых поддаются ремонту).

Пластины и пластинки (729 экз.) относительно тонкие и правильные (табл. 2), их ширина варьирует от 4 до 37 мм, толщина — от 1 до 11 мм. Однако присутствуют несколько крупных и массивных целых пластин, которые можно было ис-

пользовать в качестве заготовок для достаточно крупных орудий (рис. 3).

Орудия с ретушью выполнены преимущественно на пластинах и пластинках, которые использовались в качестве заготовок в 56,8 и 9,1% случаев соответственно (табл. 3). Интенсивно ретушированные пластины представлены в основном массивными проксимальными фрагментами (рис. 4). Единичные изделия имеют вентральную подтеску на концах, аналогичную ножам костенковского типа (рис. 4: 6, 8–9) (Klaric et al., 2015), но ни настоящих ножей, ни связанных с ними сколов оживления лезвий

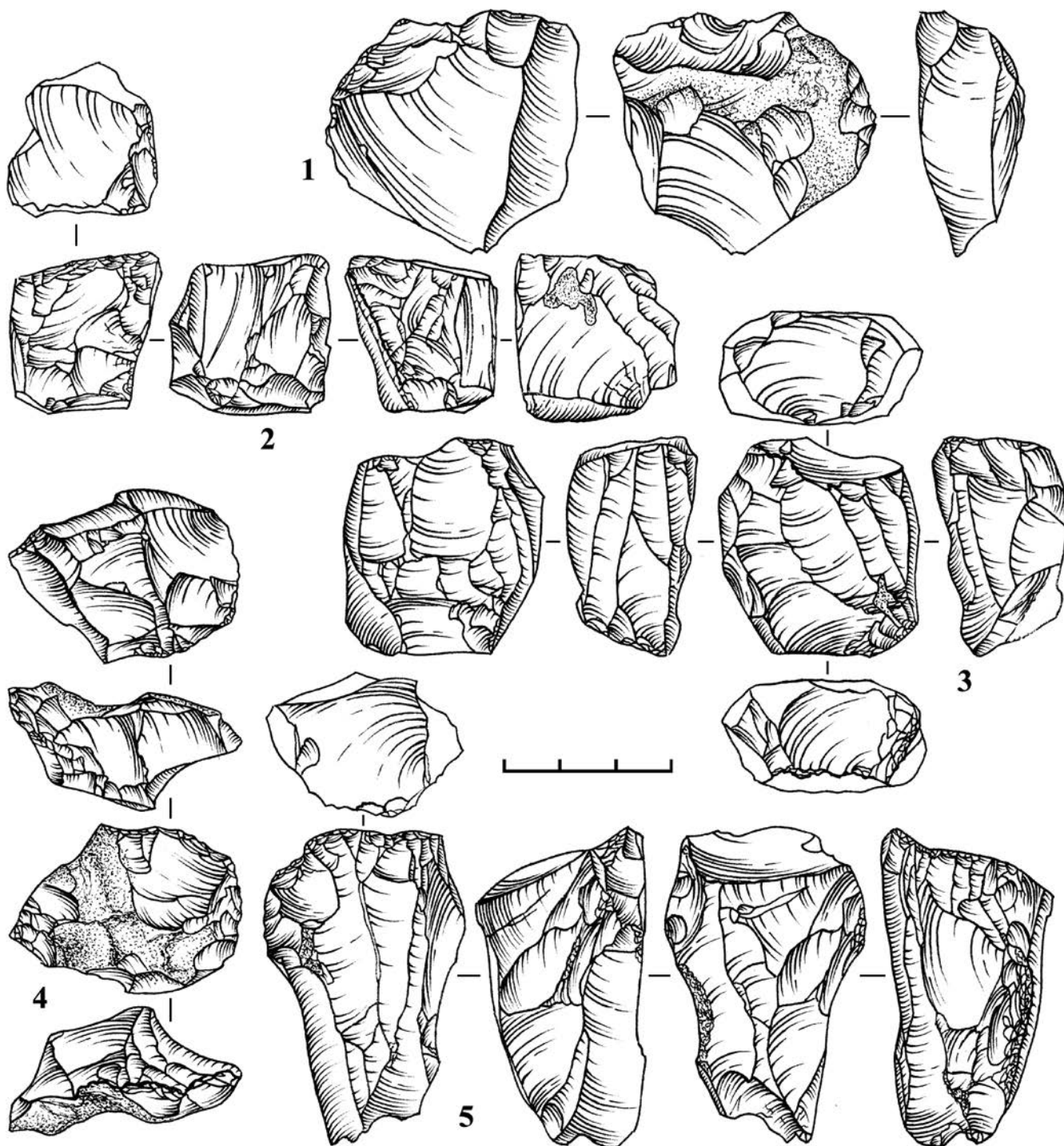

Рис. 2. Костенки 9. Нуклеусы

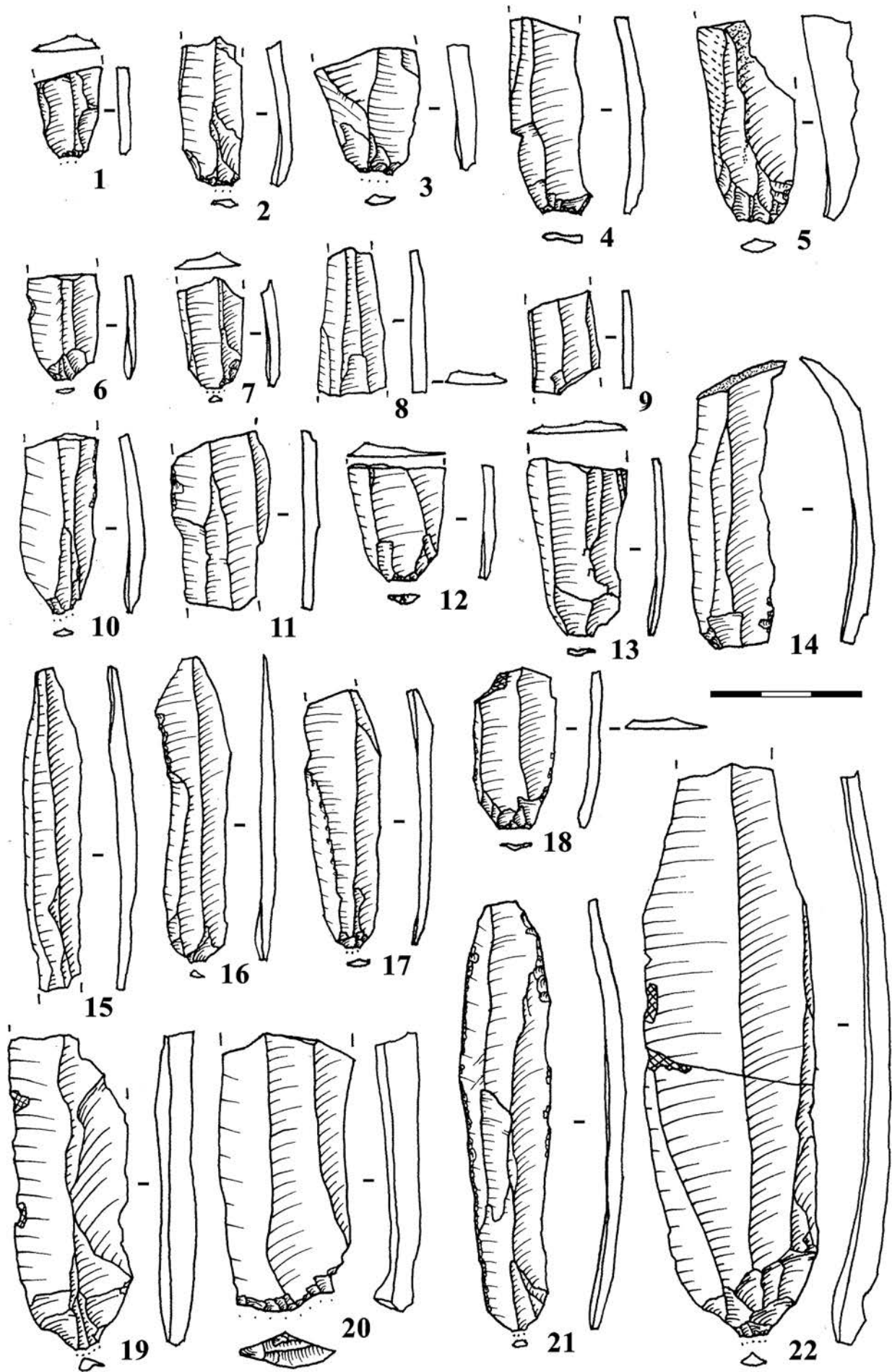

Рис. 3. Костенки 9. Выборка пластин

в коллекции не обнаружено. Оформленные таким образом базальные части могут относиться к фрагментам крупных листовидных наконечни-

ков, поскольку отдельные экземпляры последних имеют вентрально ретушированную базальную часть (рис. 5: 7, 11).

Таблица 3. Костенки 9 (Бирючий лог). Типологический состав орудий и предметов с вторичной обработкой и их распределение по типам заготовок. Коллекции из раскопок П. П. Ефименко 1937 г., А. Н. Рогачева 1959 г. и С. Н. Лисицына 2019 г.

Тип артефактов	Тип заготовки									
	пластины	пластинки	пластинчатые отщепы	отщепы	сколы с pièces esquillées	нуклеонидные сколы	резцовые сколы	неопределимые	общее кол-во	%
Резцы	27	–	–	11	–	–	–	1	39	7,40
Скребки	12	–	2	4	–	2	–	4	24	4,50
Скребла	–	–	–	1	–	–	–	–	1	0,20
Pièces esquillées	10	3	1	17	–	–	–	9	40	7,60
Проколки	–	–	–	2	–	1	–	–	3	0,60
Комбинированные формы	1	–	–	–	–	–	–	–	1	0,20
Острия	14	5	–	–	–	–	–	1	20	3,80
Транше	2	–	–	–	–	–	–	–	2	0,40
Изделия с регулярной краевой ретушью	86	13	6	38	1	6	–	1	151	28
Изделия с иррегулярной краевой ретушью	79	6	8	16	1	10	1	1	122	23
Изделия с притупленным краем	65	19	–	–	–	–	–	–	84	15,80
Пластины и пластинки с концевой ретушью	1	2	–	–	–	–	–	–	3	0,60
Неопределимые фрагменты орудий с ретушью	2	–	–	2	–	–	–	31	35	6,70
Количество	299	48	17	91	2	19	1	48	525	100
%	56,80	9,10	3,20	17,30	0,30	3,60	0,20	9,10	100	–

Острия

На памятнике обнаружена небольшая серия острий с притупленным краем (6 экз.). Некоторые из них можно отнести к мелким остриям типа граветт (Demars, Laurent, 1992: 100), хотя они и значительно различаются между собой по общей морфологии и характеру ретуши (рис. 5: 1–6). Все такие острия изготовлены из черного мелового кремня, кроме одного — аккуратно оформленного острия граветт из мраморно-серого матового кремня, которое резко контрастирует с остальными видами сырья, найденными на стоянке (рис. 5: 3).

Встречается также серия ретушированных ланцетообразных пластин с дорсально заостренными концами (14 экз.), которые можно назвать

«листовидными остриями». Эти изделия различаются формой и размерами заготовок, а также деталями обработки. Одно из них имеет сплошную многорядную ретушь, целиком покрывающую дорсальную поверхность, и вентрально ретушированный кончик (рис. 5: 13). Другой фрагмент подобного острия не имеет такого приострения (рис. 5: 16).

Пластинки с притупленным краем

Одной из ключевых особенностей Костенок 9 является наличие в кремневом инвентаре большой серии пластинок с двойным вентральным усечением концов. Массовое производство пластинок с двуконечным усечением, по-видимому, в граветте Восточной и Центральной Европы

связано с хронологически узким периодом в рамках ~25–24 тыс. ¹⁴С л. н. (ок. 29,5–29 тыс. кал. л. н.). Такие изделия были обнаружены на ряде памятников, в том числе в Тренчанске Богуславице (Polanská, Hromadová, 2015; Wilczyński et al., 2020a), Петржковице I (Svoboda, 2008; Polanská, Hromadová, 2015), Якшице II (Wilczyński et al., 2015), Миловице I (Wilczyński et al., 2019)

и, возможно, Бодрогкерестур-Хенье (Lengyel, 2015; Lengyel, 2016). В Костенковско-Боршевском районе на Дону они также известны на стоянках Борщево 5 (I) и Костенки 4 (Sinitsyn, 2007; Sinitsyn, 2015; Reynolds, 2014; Lisitsyn, 2015; Lisitsyn, 2019). Исследования, связанные с пластинками с вентрально-тронкированными концами в центральноевропейских комп-

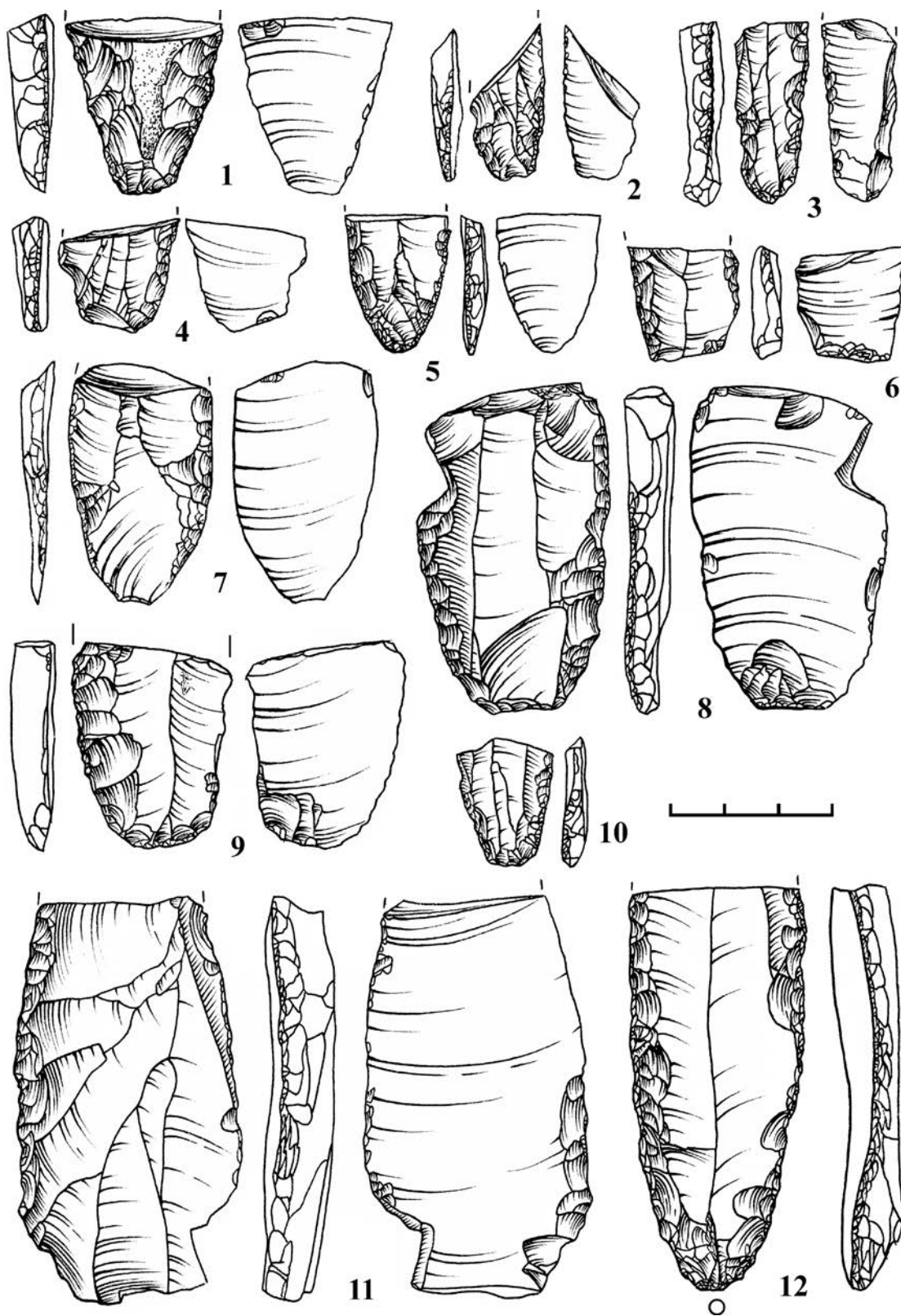

Рис. 4. Костенки 9. Пластины с краевой ретушью

лексах, привели к определению их как *éléments bitronqués* на основе материалов стоянок Тренчанске Богуславице (Словакия) и Петржкови-

це I (Чехия) (Polanská, Hromádová, 2015) или Late Gravettian rectangles — на основе материалов Якшице II (Польша) (Wilczyński et al., 2015).

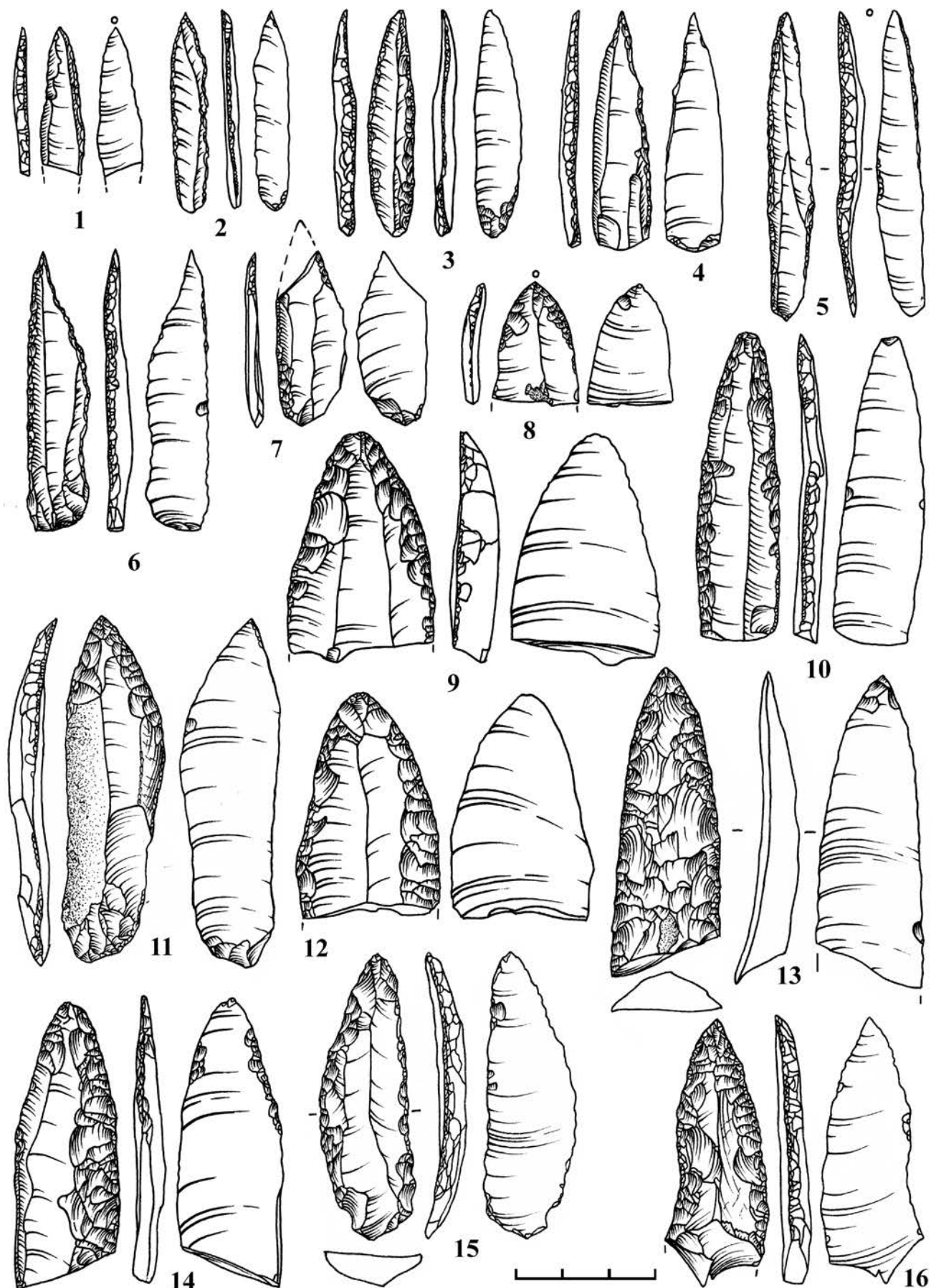

Рис. 5. Костенки 9. Острия

Однако, независимо от определения, артефакты могут иметь вариации как с двойными и одинарными вентральными усечениями, так и без них. Детали хронологии, распространения и дефиниции таких изделий, их технологические, морфологические и функциональные вариации, а также их культурное содержание внутри граветта еще предстоит оценить.

В изученной коллекции Костенок 9 выявлено 84 пластинки по крайней мере с одним притупленным краем (рис. 6) (см. Reynolds et al., 2021: SI3, SI4), в соответствии с определением этих изделий в (Inizan et al., 1999: 130). Пластинки с притупленным краем преимущественно прямые в профиле, правильной морфологии, с очень прямой вентральной поверхностью и субпарал-

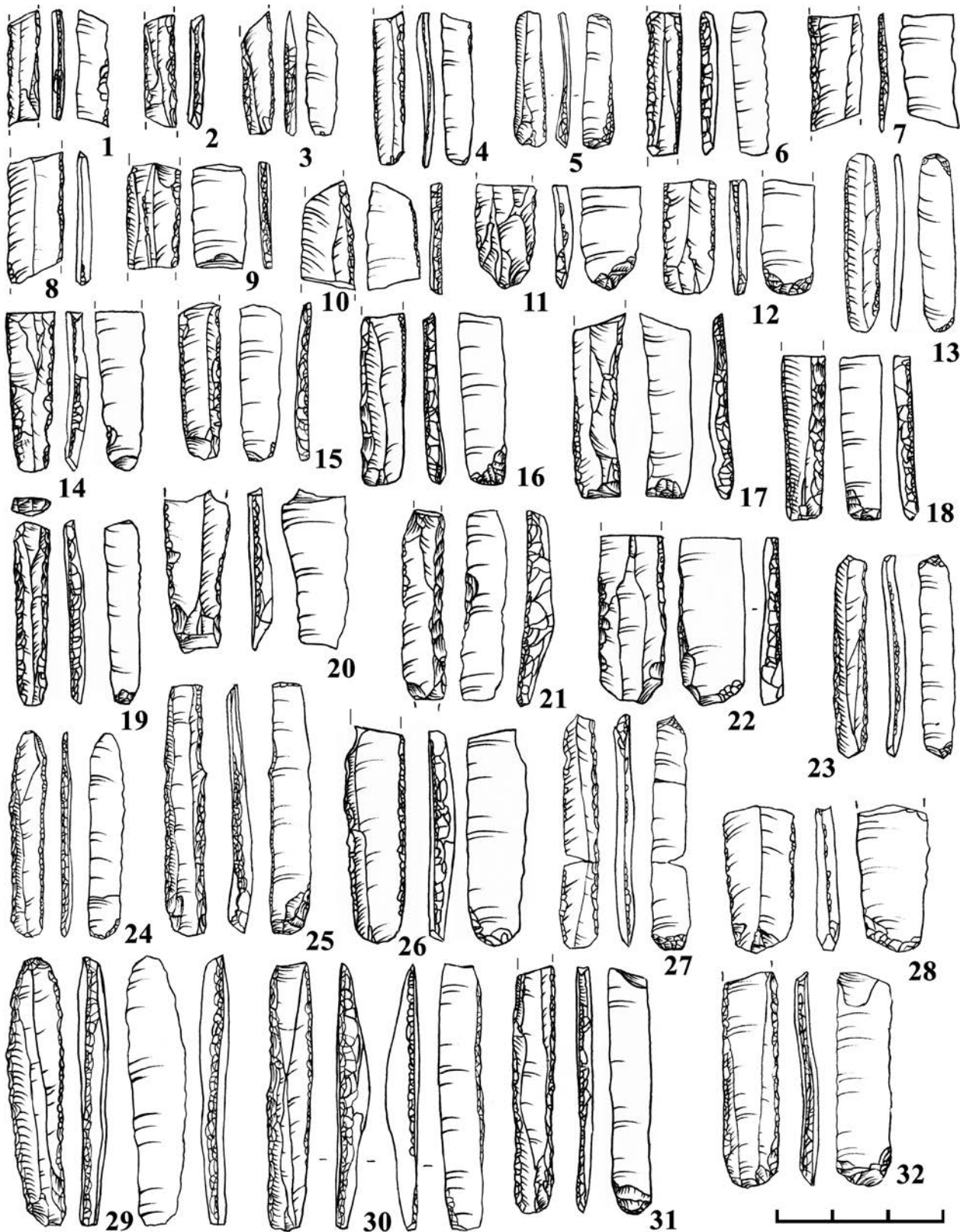

Рис. 6. Костенки 9. Пластинки с притупленным краем

лельными боковыми краями. Однако существуют значительные вариации в дорсальной огранке (количество и расположение ребер, внешняя морфология) и в общих размерах артефактов. Они могут быть как трапециевидными, так и треугольными в поперечном сечении. Длина цельных экземпляров колеблется от 27 до 47 мм (все фрагменты гораздо меньше), а ширина — от 3 до 13 мм. Толщина варьирует от 1 до 5 мм.

Концы изделий часто подтесаны вентральной ретушью, обычно полукрутой, до округлой или прямоугольной формы. Семь из одиннадцати (64%) цельных пластинок с притупленной спинкой имеют именно такое оформление обоих концов; три из оставшихся (27%) — только на проксимальном конце. Среди проксимальных фрагментов почти все изделия имеют подтеску концов — 39 из 42 (93%). Из дистальных фрагментов более половины определяемых экземпляров — 8 из 14 (57%) — тоже вентрально ретушированы на концах. Таким образом, подтеска проксимальных концов пластинок с притупленной спинкой встречается в этом комплексе почти повсеместно, почти так же, как и вентральное оформление дистальных концов. Возможно, большая встречаемость такой обработки на проксимальных концах может быть связана с удалением бугорка и/или неровностей ударной площадки.

Среди вентрально обработанных концов чаще всего встречается закругленная форма: 30 из 44 определяемых проксимальных концов (68%), а у 14 (32%) — прямая/скошенная. Восемь из 14 определяемых дистальных концов были закругленными (57%), а 6 (43%) — прямыми или заостренными.

Основной притупленный край обычно формируется с помощью прямого ударного ретуширования. Ретушь может быть крутой или полукрутой, а также различаться по интенсивности и охвату. Притуплению обычно подвергался правый край заготовки (72%, или 59 из 82 определяемых случаев). Противоположный притупленному край имеет разную степень интенсивности ретуширования, угол обычно близок к острому. Вариации ретуши — от прерывистой краевой полукрутой до непрерывной крутой — демонстрируют тенденцию к намеренному спрямлению краев. Ретушь на крае, противоположном притупленному, в целом разнофасеточная, но там, где она переходит в сплошную, она довольно мелкая. Контур такого края правильный, зачастую даже более прямой, чем у основного притупленного края. Краевая ретушь на вентральной стороне иррегулярная, встречается редко и, вероятно, представляет собой следы от работы. Артефакты, вероятно, использовались как вкладыши, хотя

явных макроскопических признаков крепления в пазах орудий у них не наблюдается.

Большинство цельных пластинок с притупленным краем, найденных на Костенках 9, можно охарактеризовать как пластинки с усечением обоих концов, а большинство обломков таких пластинок могли быть частями таким же образом оформленных изделий. Эти артефакты соответствуют *éléments bitronqués*, согласно (Polanská, Hromádová, 2015), или *Late Gravettian rectangles* по (Wilczyński et al., 2015). Однако артефакты из Костенок 9 часто имеют закругленные концы, что несколько контрастирует с материалами центральноевропейского граветта, в котором отмечен акцент на прямые тронкированные концы в описании позднеграветтских прямоугольников (Wilczyński et al., 2015). Ретуширование концов в Костенках 9 также почти никогда не бывает двусторонним, как это имеет место для *éléments bitronqués* типа Петржковице (Polanská, Hromádová, 2015; Polanská et al., 2021). Однако общее технологическое и морфологическое сходство артефактов, описанных как *éléments bitronqués*, или позднеграветтские прямоугольники с двуконечно усеченными вентральной ретушью пластинками с притупленным краем из Костенок 9 (и I слоя Борщцево 5), на наш взгляд, важно, несмотря на нюансы вариаций между комплексами.

Резцы

Резцы (39 экз.) изготовлены на пластинках и крупных отщепах, большая часть из них интенсивно ретуширована (рис. 7: 1–11, 13). Угловых резцов больше, чем двугранных и ретушных (табл. 4). Имеется небольшая серия многофасеточных резцов, иногда с тронкированными концами, служивших ударными площадками для нанесения плоских сколов, часто развернутых к вентральной поверхности (рис. 7: 9–11). Последние морфологически весьма близки к резцам типа раисс (Klaric, 2007).

Таблица 4. Костенки 9. Категории резцов

Категория	Кол-во	%
Двугранный	1	2,5
Ретушные	4	10,2
Уловые	21	53,8
Многофасеточные	7	17,9
Трансверсальный	1	2,5
Двойной (ретушный — на сломе)	1	2,5
Другие изделия с резцовым сколом	4	10,2
Всего	39	100

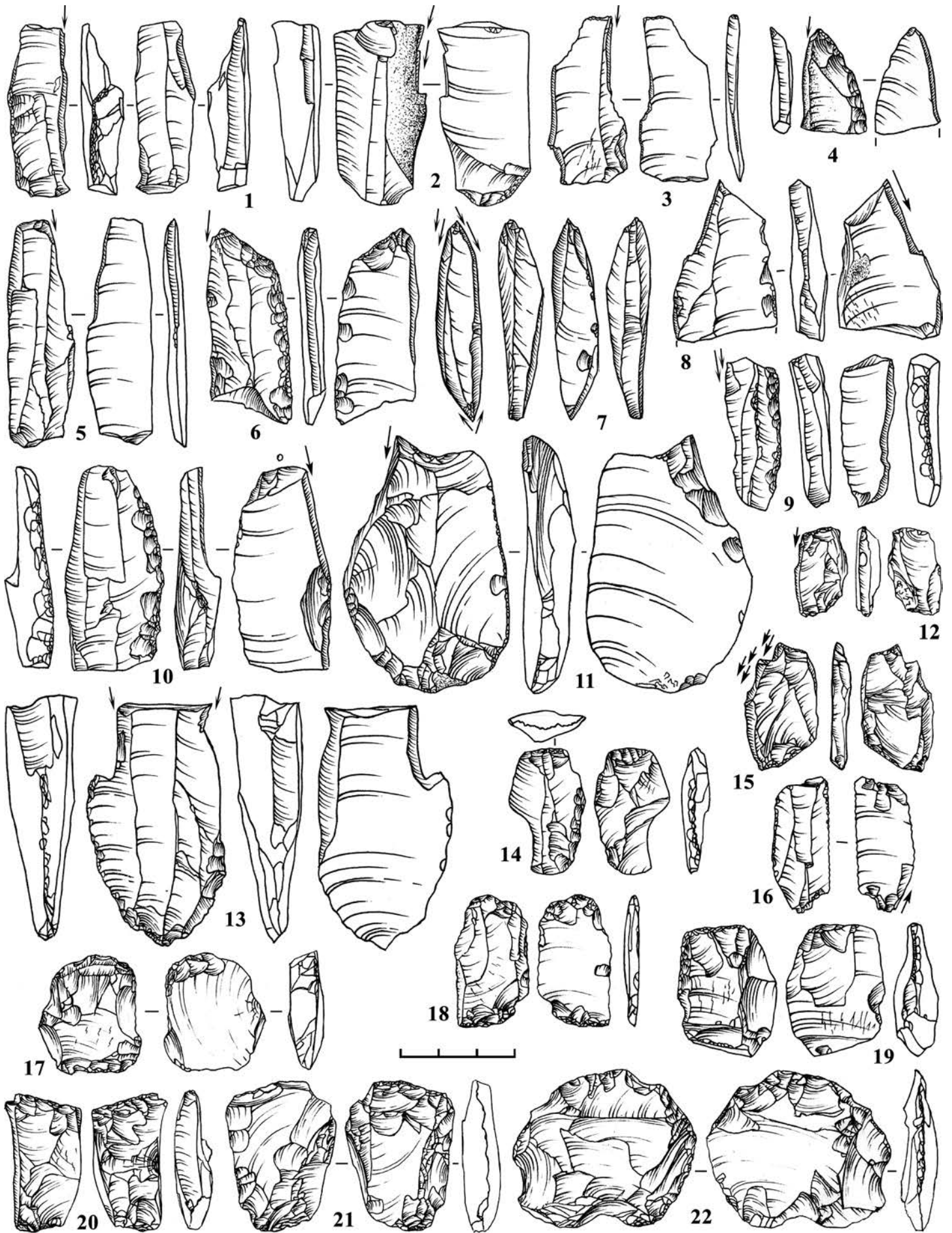

Рис. 7. Костенки 9. Резцы (1-11, 13) и pièces esquillées (12, 14-22)

Pièces esquillées

Долотовидные орудия (40 экз.) составляют значительную серию (см. рис. 7: 12, 14–22). Для изготовления изделий более или менее одинаково использовались все виды заготовок, включая пластины, отщепы и пластинчатые отщепы (табл. 3). Pièces esquillées функционально интерпретируются либо как долотовидные орудия/клинья для обработки твердых органических материалов, либо как нуклеусы для отщепов, полученных с помощью биполярной техники расщепления (Schott, 1999; Le Brun-Ricalens, 2006). Коллекция деби-тажа действительно содержит по крайней мере несколько ретушированных отщепов с характеристиками, соответствующими биполярному расщеплению. Однако технологически выраженных биполярных отщепов немного по сравнению с довольно гораздо большим числом pièces esquillées, что может быть связано и с утратами мелких сколов при старых методах раскопок. В настоящее время невозможно с уверенностью интерпретировать серию данных изделий как серийные биполярные нуклеусы.

Скребки

В кремневом инвентаре имеется серия скребков (24 экз.) и одно скребло (табл. 3). Скребки выполнены на пластинах, пластинках и отщепках (рис. 8). Они имеют преимущественно симметрично-округлый рабочий край, оформленный крутой ретушью. Какой-либо типологически выраженной специфики в их обработке не отмечается, однако в серии имеются три удлиненно-каплевидных скребка с интенсивной контурной ретушью по обоим краям (рис. 8: 10–12).

Изделия с абразивной обработкой

Помимо расщепленного кремня в коллекции присутствуют изделия из сланца с признаками обработки при помощи абразивной техники (14 экз.) (Литоўчанка, 1966; Рогачев, Аникович, 1982; Lisitsyn, 2015). В раскопе 1959 г. обнаружено 5 отщепов и 3 обломка сланцевой гальки со следами шлифовки. Два фрагмента гальки не имеют определенной морфологии, а третий имеет вид обломка шлифованного диска (рис. 9: 3). В 1959 г. также были найдены два сланцевых острия под четырехугольного сечения. Острия тщательно отполированы по всей поверхности (рис. 9: 1–2). Еще один сланцевый диск, имеющий незначительные повреждения, происходит из раскопок 2006 г. Он почти идеально закруглен и хорошо отполирован (рис. 9: 4). Третий диск, неправиль-

ной округло-ромбовидной формы, был обнаружен при раскопках в 2019 г. (рис. 9: 5).

В инвентаре соседнего с Костенками 9 памятника Костенки 4 (Александровская стоянка) известны аналогичные шлифованные/полированные двояковыпуклые и плоско-выпуклые диски и «ограниченные» острия из сланца (Рогачев, 1955; Zheltova, 2015; Желтова, Лисицын, 2023). Подобные же диски были найдены в граветтском комплексе стоянки Борщево 5 (I) (Желтова, Лисицын, 2017; Желтова и др., 2022). Функция таких дисков до сих пор четко не установлена. Обычно их считают ретушерами, следуя первичной интерпретации александровских дисков С.А. Семеновым (Семенов, 1957). Однако следы интенсивного использования на дисках сосредоточены не на выпуклых краях или же наиболее выступающих участках (что характерно для ретушеров), а на скошенных к краям почти плоских поверхностях — по окружности вокруг наиболее выпуклой центральной части изделия. Гипотеза об использовании дисков в скорняжном производстве, проверенная экспериментально, также не нашла своего подтверждения (Лисицын и др., 2020).

В Костенках 9 имеется пять плиток-абразивов из розово-коричневого мелкозернистого кварцита, большая часть из которых непригодна для изучения из-за минеральных натечков. Анализ одной плитки, проведенный К.Н. Степановой, показал, что, судя по сохранившимся следам, она была сильно изношена посредством однонаправленных линейных движений, аналогичных тем, что возникают на точильном камне, используемом для обработки мягкого волокнистого растительного материала (Stepanova, 2020). Не исключено, что кварцитовые абразивы имели комплексное применение:

- 1) для шлифования мягкого камня;
- 2) в качестве терочных плит для измельчения органических материалов.

Эксперименты по шлифовке на идентичных по сырью плитках показали, что абразивная поверхность кварцита при шлифовке сланца очень быстро утрачивает свои свойства, что исключает повторное ее использование (Лисицын, Кузьмин, 2023), но не противоречит возможности растирания на таких абразивах мягких материалов типа растений или гематита.

Костяные изделия

Костяные артефакты из раскопок 1959 г. включают обломок ложилообразного орудия из ребра мамонта, два фрагмента округлых в сечении стержней из бивня мамонта (Рогачев, Аникович, 1982),

может быть, происходящие от одного предмета, и просверленный зуб песка (Литоўчанка, 1966). Следы обработки имеет еще один очень небольшой фрагмент бивня. В изученной нами коллекции 1959 г. обнаружен лишь один из этих предметов — обломок бивневого стержня (рис. 10: 2). При раскопках 2006 г. были найдены еще несколько костяных изделий (Пустовалов, 2011): неопределимый фрагмент трубчатой кости мамонта с пазом (рис. 10: 3), фрагмент бивневой пластины с двумя прорезанными отверстиями, по одному из которых произошел слом изделия (рис. 10: 4), а также два фрагмента ребер мамонта с поперечными нарезками по краям (рис. 10: 5, 6). Раскопки 2019 г. доставили находку бивневой пуговицы с перехватом (рис. 10: 1).

Обсуждение

Культурная принадлежность Костенок 9 долгое время оставалась невыясненной. При общепринятой граветтской атрибуции памятника прямые аналогии комплексу отсутствовали. Ранее уже было предложено объединить Костенки 4, Костенки 9 и Борщево 5 (I) в александровский культурный комплекс (по эпонимному названию стоянки Костенки 4 — Александровская стоянка), который соответствует средней фазе граветта (25–24 тыс. ^{14}C л. н.) (Lisitsyn, 2019). Однако датировки и новые материалы для Костенок 9 для уверенной атрибуции отсутствовали, что стало побудительным мотивом для возобновления в 2019 г. работ на памятнике.

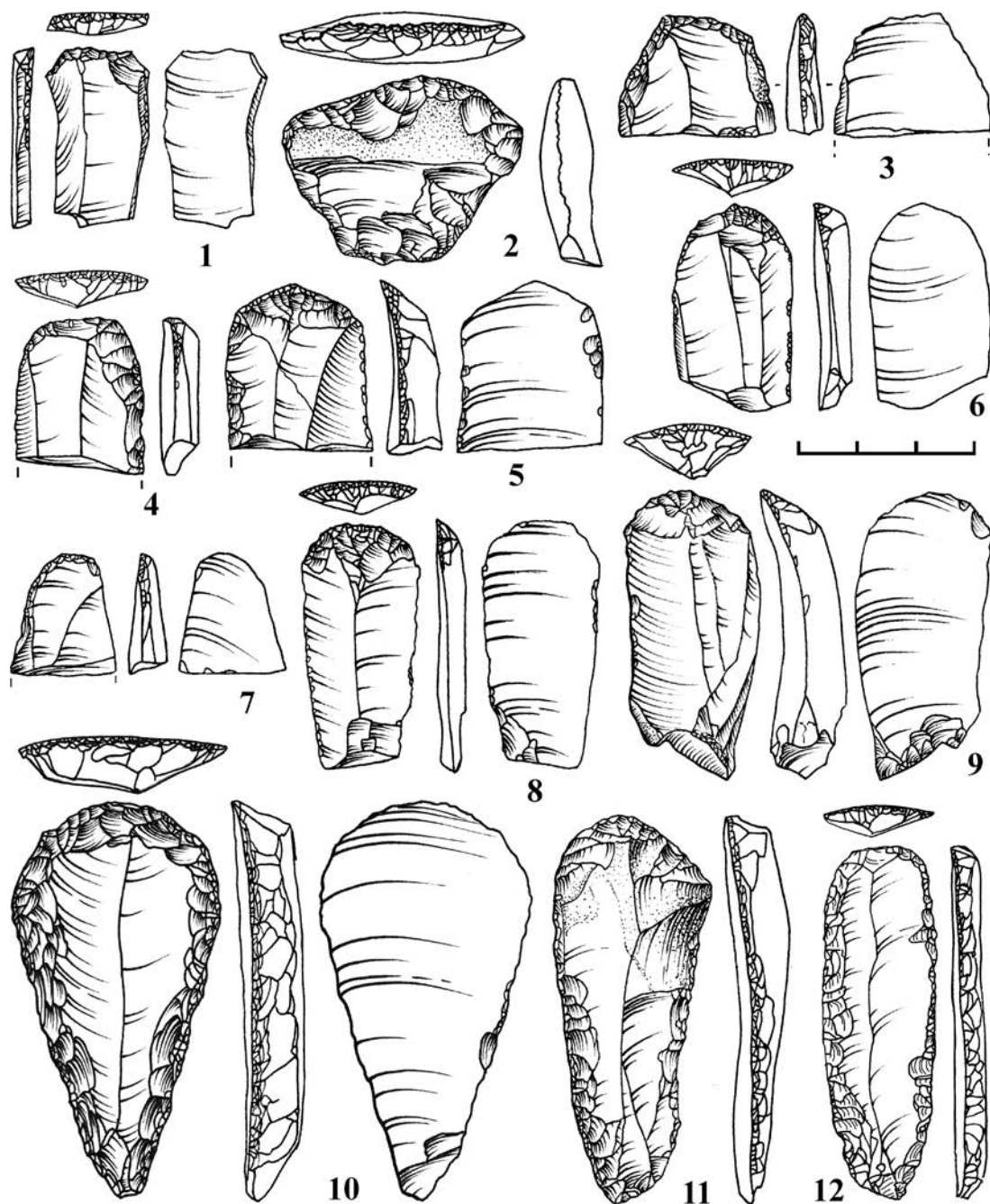

Рис. 8. Костенки 9. Скрепки

Рис. 9. Костенки 9. Сланцевые изделия с абразивной обработкой: 1–3 — из раскопок 1959 г.; 4 — из раскопок 2006 г.; 5 — из раскопок 2019 г.

Рис. 10. Костенки 9. Изделия из кости и бивня: 1 — из раскопок 2019 г.; 2 — из раскопок 1959 г.; 3–6 — из раскопок 2006 г.

Полученные для Костенок 9 радиоуглеродные даты предполагают, что этот памятник несколько моложе, чем Борщево 5 (I) и Костенки 4, но вписывается в ту же хронологическую фазу «среднего граветта», занимающую промежуточное положение между «ранним граветтом» Костенок 8 (II) и позднеграветтскими памятниками костенковско-авдеевской культуры (Reynolds, 2014; Lisitsyn, 2019). Костенки 9 также, по-видимому, старше комплекса типа Костенки 11 (III) и чуть старше или практически синхронны материалам Костенок 8 (I). Последнее позволяет предположить, что относительная стратиграфическая корреляция между Костенками 9 и слоями I/Ia Костенок 8 (Рогачев, Аникович, 1982: 113) остается принципиально верной.

Типологическое сходство каменного инвентаря Костенок 9 и Борщево 5 (I) и близость датировок можно уже считать доказанными (Sinitsyn, 2007; Sinitsyn, 2015; Lisitsyn, 2015; Lisitsyn, 2019). Важно также абсолютное сходство Костенок 9, Борщево 5 (I) и Костенок 4 по находкам сланцевых шлифованных изделий и бивневых пуговиц с перехватом, которые в таком сочетании более нигде не известны (Lisitsyn, 2015; Lisitsyn, 2019; Желтова, Лисицын, 2017).

Отсутствие наконечников с боковой выемкой и ножей костенковского типа на всех трех памятниках указывает на явное их отличие от памятников костенковско-авдеевской культуры, которые обычно датируются в пределах 24 тыс. ¹⁴С л. н. и моложе (Dambon et al., 1996; Синицын и др. 1997; Амирханов, 2000; Abramova et al., 2001; Gavrilov et al., 2015). Однако, хотя материалы Александровского культурного комплекса и памятников костенковско-авдеевской культуры весьма отличаются друг от друга, окончательное хронологическое соотношение между ними до сих пор окончательно не установлено. Мы склоняемся к тому, что самая древняя радиоуглеродная дата Костенок 9 является наиболее достоверной. Это позволяет предположить, что данная стоянка чуть старше 24 тыс. ¹⁴С л. н. Следовательно, все три памятника Александровского комплекса старше памятников костенковско-авдеевской культуры. Однако нельзя полностью исключить возможность того, что хронология Костенок 9 определяется двумя более поздними датами (около 23 тыс. ¹⁴С л. н.), почти синхронными датировкам памятников костенковско-авдеевской культуры.

В любом случае новые даты стоянки подтверждают, что Костенки 9 в целом одновременны другим стоянкам, где были идентифицированы *éléments bitronqués*. Помимо комплекса Борще-

во 5 (I), к ним относятся следующие памятники в Центральной Европе:

- Якшице II, датируется ок. 24–23,5 тыс. ¹⁴С л. н. (около 28,5–27,5 тыс. кал. л. н.) (Wilczyński et al., 2015);
- Тренчанске Богуславице, датируется ок. 26–24 тыс. ¹⁴С л. н. (около 31–27,5 кал. л. н.) (слои A2-3 и A2-2) (Polanská, Hromadová, 2015; Wilczyński et al., 2020b);
- Петржковице I, датируется ок. 23,5–22 тыс. ¹⁴С л. н. (ок. 28–26 тыс. кал. л. н.) (Svoboda, 2008; Polanská, Hromadová, 2015; Polanská et al., 2021);
- Миловице I, сектор G, датируется ок. 26–25 тыс. ¹⁴С л. н. (ок. 31–28,5 тыс. кал. л. н.) (Wilczyński et al., 2019; Wilczyński et al., 2020a);
- Бодрогкерестур-Хенье, датируется ок. 23,5–21,5 тыс. ¹⁴С л. н. (ок. 28–25 тыс. кал. л. н.) (Lengyel, 2015; Lengyel, 2016; Wilczyński et al., 2020a), хотя целых пластинок с притупленным краем и вентральным усечением на обоих концах здесь и не отмечено.

Артефакты, обработанные шлифовкой, характерные для Костенок 4, Костенок 9 и Борщево 5 (I) (Желтова, Лисицын, 2017; Желтова, Лисицын, 2023), были обнаружены как минимум на трех памятниках: Якшице II (Wilczyński et al., 2015), Тренчанске Богуславице (Б. Громадова, личное сообщение), Павлов 1 (северо-запад) (Škrdla, 1997) и Миловице (Oliva, 2009).

Пуговицы с перехватом из бивня, подобные найденным на Костенках 9, Костенках 4 (Abramova, 1995: fig. 87) и Борщево 5 (I) (Lisitsyn, 2019), известны также в Центральной Европе на стоянке Груб/Кранаветберг (Antl, Bosch, 2015). Никаких свидетельств *éléments bitronqués* для данного памятника не опубликовано, но основной слой стоянки датируется ок. 25,5–24,5 тыс. ¹⁴С л. н. (ок. 30–28,5 тыс. кал. л. н.) (Antl-Weiser et al., 2010), что близко к возрасту Костенок 4, Борщево 5 (I) и Костенок 9. Пуговицы с перехватом редки в археологических материалах. Аналогичные по морфологии, но уплощенные с одной стороны изделия из Павлова, обсуждаемые в работе В. Антль и М. Бош (Antl, Bosch, 2015), демонстрируют некоторые отличия от полностью объемных изделий, найденных на стоянках Груб/Кранаветберг, Костенки 4, Костенки 9 и Борщево 5, которые имеют несомненное сходство между собой.

Сходство материальной культуры между памятниками Восточной и Центральной Европы возрастом 25–23,5 тыс. ¹⁴С л. н. (~29,5–27,5 тыс. кал. л. н.) предполагает существование

социальных и культурных связей на огромной территории. Ранее параллели в археологических материалах обсуждались в течение долгого времени лишь для памятников «восточного граветта» с наконечниками с боковой выемкой и/или женскими статуэтками (например, Григорьев, 1968; Kozłowski, 1986; Kozłowski, 2007; Grigor'ev, 1993; Gvozdover, 1995; Svoboda et al., 2000; Svoboda, 2007). Указанный массив памятников обычно датируется возрастом не ранее 24 тыс. ¹⁴С л. н. (ок. 28,5–28 тыс. кал. л. н.) (Dambon et al., 1996; Сидницын и др., 1997; Амирханов, 2000; Abramova et al., 2001; Gavrilov et al. 2015), хотя те из них, что расположены в Центральной Европе, возможно, чуть старше (Haesaerts et al., 1996; Wilczyński et al., 2012; Polanská, Hromadová, 2015). По крайней мере некоторые комплексы с *éléments bitronqués* и/или пуговицами с перехватом могут быть старше, чем комплексы с наконечниками с боковой выемкой. Такая ситуация однозначно характерна для Русской равнины, где Борщево 5 (I), Костенки 4 и Костенки 9, по-видимому, древнее памятников костенковско-авдеевской культуры, но также наиболее вероятна и для Центральной Европы, где Миловице I (сектор G), Груб/Кранаветберг и Тренчанске Богуславице древнее памятников с наконечниками с боковой выемкой (Antl-Weiser et al., 2010; Polanská, Hromadová, 2015; Wilczyński et al., 2020a).

Пластинки с притупленным краем с *éléments bitronqués* и пуговицы с перехватом пока неизвестны в синстадиальных комплексах Западной Европы. Ситуация с наконечниками с выемкой аналогична: костенковско-виллендорфский тип наконечника отсутствует в западноевропейских позднеграветтских комплексах. Можно предположить, что принципиальные различия между памятниками граветта в Западной и Центральной/Восточной Европе, ранее очевидно установленные на основании комплексов с наконечниками с боковой выемкой, относятся к более раннему эпизоду ок. 25 тыс. ¹⁴С л. н. (около 29,5–29 тыс. кал. л. н.). Такая картина может быть связана с региональным обособлением групп населения и с соответствующими культурными различиями во время и после периода НЕЗ и GS5.1. Этот чрезвычайно холодный интервал был причиной депопуляции на ряде территорий Европы, а также, возможно, он же является основанием перерыва в археологической летописи Костенковско-Борщевского района в промежутке 27,5–25 тыс. ¹⁴С л. н. (около 31,5–29,5 тыс. кал. л. н.). Пробелы в хроностратиграфии граветта примерно в это же время были отмечены и для других регионов, включая Украину, Италию

и Северную Францию (Demidenko, 2008; Klaric, 2013; Peresani et al., 2018).

Пластинки с притупленным краем с подтепкой обоих концов *éléments bitronqués* (они же Late Gravettian rectangles), по-видимому, могут выступать определенными культурными индикаторами, представляя собой хронологически ограниченную и четко географически очерченную группу памятников Восточной и Центральной Европы (Sinitsyn, 2007; Sinitsyn, 2015; Reynolds, 2014; Lisitsyn 2015; Lisitsyn, 2019; Polanská, Hromadová, 2015; Wilczyński et al., 2015; Lengyel, 2016; Wilczynski et al., 2020b).

Выводы

Стоянка Костенки 9 — не самый яркий представитель памятников граветта в Костенковско-Борщевском районе на Дону. Стоянка выделяется относительно небольшими размерами и скромным типологическим набором каменного инвентаря. В орудийном наборе преобладают пластинки с притупленным краем, многие из которых усечены вентральной ретушью на одном или обоих концах. Среди других количественно выделяются следующие категории артефактов: долотовидные орудия, резцы различных типов, ланцетовидные «листовидные острия» на массивных пластинах и мелкие граветтские острия. Здесь же обнаружены диски из сланца, обработанные шлифовкой, а также сопутствующие кварцитовые плитки-абразивы. Помимо каменного инвентаря найдено несколько атипичных изделий из кости и бивня мамонта. Особенно примечательна находка в 2019 г. бивневой пуговицы с перехватом, имеющая типологические аналогии на целом ряде ближайших и территориально удаленных памятников.

Между Костенками 9 и стоянками Борщево 5 (I) и Костенки 4 установлено сходство, позволяющее говорить об их однокультурности. Мы предполагаем, что самая древняя радиоуглеродная дата для Костенок 9 наиболее соответствует фактическому возрасту памятника, что помещает его в хронологическую фазу «среднего граветта» наряду с Борщево 5 (I) и Костенками 4. Показательно, что эти три памятника предшествуют наиболее известной группе памятников костенковско-авдеевской культуры «позднего граветта» с датировками 24–22 тыс. ¹⁴С л. н., выделяющейся наличием наконечников с боковой выемкой и ножей костенковского типа.

Типологически однородная серия пластинок с притупленным краем из Костенок 9 имеет

принципиальную важность для текущей дискуссии о значении изделий с признаками *éléments bitronqués* в граветтских комплексах Центральной и Восточной Европы. Вкладышевый набор демонстрирует явное сходство с материалами, характерными для памятников центрально-европейского граветта, которым стоянка Костенки 9 по крайней мере относительно синхронна. Пластинки с притупленным краем Костенок 9 отличаются преобладанием скругленных вентрально усеченных концов, наличием намеренной ретуши на противоположном притупленному краю, а также особенностями краевого износа, которые могут быть связаны с их основной функцией. Хотя среди комплексов из Центральной и Восточной Европы можно выявить отдельные различия по деталям оформления концов, эта широко представленная категория артефактов с *éléments bitronqués*, по-видимому, была ограничена как географическими, так и хронологическими рамками, и, следовательно, может представлять собой определенный культурный маркер (*index fossil*).

Скромные размеры поселения на Костенках 9 резко контрастируют с наиболее известными граветтскими стоянками Русской равнины, в том числе с соседней стоянкой Костенки 8, исследованными на значительной площади. Явные аналогии Костенок 9 не только с близлежащими, но и с территориально удаленными памятниками Костенковско-Борщевского региона демонстрируют сложность социальных и культурных связей между Центральной и Восточной Европой в середине верхнего палеолита, о чем свидетельствуют не только сходство кремневой индустрии, параллели в общих типах артефактов, но также и общее присутствие технологии шлифовки мягкого камня, специфических бивневых изделий (пуговиц с перехватом). Эти удаленные культурные связи, очевидно, предшествовали распространению наконечников с боковой выемкой и антропоморфных женских статуэток, характерных для позднейших граветтских комплексов, которые неоднократно интерпретировались как свидетельства социальных и культурных связей на больших расстояниях. Как и наконечники с боковой выемкой, пластинки с притупленным краем с *éléments bitronqués*, по-видимому, встречаются лишь в Центральной и Восточной Европе и отсутствуют в западноевропейских комплексах. Таким образом, материалы Костенок 9 и других подобных памятников свидетельствуют о достаточно ранних культурных различиях в граветте Западной Европы, с одной стороны, и Центральной и Восточной

Европы, с другой. До недавнего времени значенные типологии пластинок с притупленным краем недооценивались. Но благодаря новым исследованиям памятников как Центральной Европы, так и Костенковско-Борщевского района они стали предметом плодотворной научной дискуссии. Именно эти массовые артефакты, точно так же как типологически яркие, но немногочисленные (обработанные шлифовкой) дисковидные изделия из мягкого камня требуют особого внимания, так как демонстрируют устойчивую общность Центральной и Восточной Европы в социальном и культурном ландшафте граветта.

Литература

- Амирханов Х. А. 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир.
- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. 1977. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне // Труды ЗИН. Т. 72. С. 77–110.
- Григорьев Г. П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука.
- Ефименко П. П. 1940. Новая палеолитическая стоянка в Костенках // БКИЧП. Вып. 6–7. С. 46–48.
- Желтова М. Н., Лисицын С. Н. 2017. Шлифованные изделия из камня в палеолите Костенок // Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов. Барнаул: ФГБОУ ВО АлтГУ. С. 368–369.
- Желтова М. Н., Лисицын С. Н. 2023. Шлифованные каменные изделия Костенок 4 из собрания Кунсткамеры (МАЭ РАН) // Camera Praehistorica. № 2 (11). С. 66–95.
- Желтова М. Н., Лисицын С. Н., Степанова К. Н. 2022. Шлифовка камня и усложненное собирательство в палеолите: есть ли связь? // Stratum plus. № 1. С. 171–191.
- Літоўчанка Л. М. 1966. Палеалітычная стоянка Біручы лог (Касценкі IX) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 3. С. 110–116.
- Лисицын С. Н., Желтова М. Н., Кузьмин С. Н. 2020. Шлифованные линзовидные диски из камня в верхнем палеолите: типология, технология, трасология и результаты экспериментов // Деревянко А. П., Макаров Н. А., Мочалов О. Д. (отв. ред.). Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. 3. Самара: СГСПУ. С. 50–52.
- Лисицын С. Н., Кузьмин С. Н. 2023. К реконструкции техники шлифовки в палеолите Костенок: археологические и экспериментальные данные // Шершень И. В. (ред.). Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костенки». Вып. 3. Воронеж: Пресс-Бургер. С. 102–110.
- Пустовалов А. Ю. 2011. Костенки 9: памятник средней поры верхнего палеолита в Костенках // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; М.; В. Новгород: ИИМК РАН. С. 80–81.

- Рогачев А. Н. 1955. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. М.; Л.: Изд-во АН СССР. (МИА; № 45).
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. 1982. Костенки 9 (Бирючий лог) // Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (отв. ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых работ. Л.: Наука. С. 109–113.
- Семенов С. А. 1957. Первообытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР. (МИА; № 54).
- Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д. 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Синицын А. А., Праслов Н. Д. (отв. ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН. С. 21–66.
- Челидзе Л. М. 1968. Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Abramova Z. A. 1995. *L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie*. Grenoble: Jérôme Millon.
- Abramova Z. A., Grigorieva G. V., Zaitseva G. I. 2001. The age of Upper Paleolithic Sites in the Middle Dnieper River Basin of Eastern Europe // *Radiocarbon*. Vol. 43 (2B). P. 1077–1084.
- Antl W., Bosch M. 2015. The use of ivory at the Gravettian site Grub/Kranawetberg, Lower Austria // *Anthropology*. Vol. 53 (1–2). P. 233–244.
- Antl-Weiser W., Fladerer F. A., Nigst P. R., Verpoorte A. 2010. Grub/Kranawetberg (Lower Austria) – Insights into a Gravettian Micro-Region in Eastern Austria // *Neugebauer-Maresch C., Owen L. R. (eds.). New Aspects of the Central and Eastern European Upper Palaeolithic – Methods, chronology, technology and subsistence (Symposium by the Prehistoric Commission of the Austrian Academy of Sciences, Vienna, November 9–11, 2005)*. Vienna: Österreichischen Akademie der Wissenschaften. P. 231–243.
- Banks W. E., Bertran P., Ducasse S., Klaric L., Lanos P., Renard C., Mesa M. 2019. An application of hierarchical Bayesian modeling to better constrain the chronologies of Upper Paleolithic archaeological cultures in France between ca. 32,000–21,000 calibrated years before present // *QSR*. Vol. 220. P. 188–214.
- Bocherens H. 2003. Isotopic biogeochemistry and the palaeoecology of the mammoth steppe fauna // *Deinsea*. Vol. 9. P. 57–76.
- Bocherens H., Picaud G., Lazarev P. A., Mariotti A. 1996. Stable isotope abundances (^{13}C , ^{15}N) in collagen and soft tissues from Pleistocene mammals from Yakutia: Implications for the palaeobiology of the Mammoth Steppe // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. Vol. 126. P. 31–44.
- Bourrillon R., White R., Tartar E., Chiotti L., Mensan R., Clark A., Castel J.-C., Cretin C., Higham T., Morala A., Ranlett S., Sisk M., Deviese T., Comeskey D. J. 2018. A new Aurignacian engraving from Abri Blanchard, France: Implications for understanding Aurignacian graphic expression in Western and Central Europe // *QI*. Vol. 491. P. 46–64.
- Brock F., Higham T., Ditchfield P., Bronk Ramsey C. 2010. Current pretreatment methods for AMS radiocarbon dating at the Oxford radiocarbon accelerator unit (ORAU) // *Radiocarbon*. Vol. 52. P. 103–112.
- Bronk Ramsey C. 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates // *Radiocarbon*. Vol. 51. P. 337–360.
- Damblon F., Haesaerts P., van der Plicht J. 1996. New datings and considerations on the chronology of Upper Palaeolithic sites in the Great Eurasian plain // *Préhistoire Européenne*. Vol. 9. P. 177–231.
- Demars P.-Yv., Laurent P. 1992. *Types d'outils lithiques du Paléolithique supérieur en Europe*. Paris: Presses du CNRS.
- Demidenko Yu. E. 2008. The Early and Mid-Upper Palaeolithic of the North Black Sea region: An overview // *Quartär*. Vol. 55. P. 99–114.
- Deviese T., Comeskey D., McCullagh J., Ramsey C. B., Higham T. 2018. New protocol for compound-specific radiocarbon analysis of archaeological bones // *Rapid Communications in Mass Spectrometry*. Vol. 32 (5). P. 373–379.
- Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Deviese T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. 2019. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *JHE*. Vol. 127. P. 21–40.
- Duprat-Oualid F., Rius D., Bégeot C., Magny M., Millet L., Wulf S., Appelt O. 2017. Vegetation response to abrupt climate changes in Western Europe from 45 to 14.7k cal BP: the Bergsee lacustrine record (Black Forest, Germany) // *Journal of Quaternary Science*. Vol. 32 (7). P. 1008–1021.
- Gavrilov K. N., Voskresenskaya E. V., Maschenko E. N., Douka K. 2015. East Gravettian Khotylevo 2 site: Stratigraphy, archeozoology, and spatial organization of the cultural layer at the newly explored area of the site // *QI*. Vol. 359–360. P. 335–346.
- Grigor'ev G. P. 1993. The Kostenki – Avdevo archaeological culture and the Willendorf – Pavlov – Kostenki – Avdevo cultural unity // *Soffer O., Praslov N. D. From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic – Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press. P. 51–65.
- Gvozdover M. 1995. *Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdevo*. Oxford: Oxbow Books.
- Haesaerts P., Borziac I., Chekha V. P., Chirica V., Damblon F., Drozdov N. I., Orlova L. A., Pirson S., van der Plicht J. 2009. Climatic signature and radiocarbon chronology of middle and late pleniglacial loess from Eurasia: Comparison with the Marine and Greenland records // *Radiocarbon*. Vol. 51 (1). P. 301–318.
- Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Trnka G. 1996. Revised stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence, Lower Austria // *Archaeologia Austriaca*. Vol. 80. P. 25–42.
- Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J., Féblot-Augustins J. 1999. *Technology and Terminology of Knapped Stone*. Nanterre: CREP.
- Klaric L. 2007. Regional groups in the European Middle Gravettian: a reconsideration of the Rayssian technology // *Antiquity*. Vol. 81. P. 176–190.

- Klaric L. 2013. Faciès lithiques et chronologie du Gravettien du sud du Bassin parisien et de sa marge sud-occidentale // Bodu P., Chehmana L., Klaric L., Mevel L., Soriano S., Teyssandier N. (eds.). *Le Paléolithique supérieur ancien de l'Europe du Nord-Ouest. Réflexions et synthèses à partir d'un projet collectif de recherche sur le centre et le sud du Bassin parisien. Actes du colloque de Sens (15–18 avril 2009)*. Paris: Société préhistorique française. (Mémoire; 56). P. 61–87.
- Klaric L., Lev S., Giria Ye., Polanská M. 2015. "Couteaux de Kostienki et lames aménagées par technique de Kostienki": retour sur un malentendu historique // *BSPF*. Vol. 112 (3). P. 421–474.
- Kozłowski J.K. 1986. The Gravettian in Central and Eastern Europe // *Advances in World Archaeology*. Vol. 5. P. 131–200.
- Kozłowski J.K. 2007. Le Gravettien du nord des Carpathes et des Sudètes // *Paléo*. Vol. 19. P. 221–242.
- Le Brun-Ricalens F. 2006. Les pièces esquillées: état des connaissances après un siècle de reconnaissance // *Paleo*. Vol. 18. P. 95–114.
- Lengyel G. 2015. Lithic raw material procurement at Bodrogkeresztúr-Henye Gravettian site, northeast Hungary // *QI*. Vol. 359–360. P. 292–303.
- Lengyel G. 2016. Reassessing the Middle and Late Upper Palaeolithic in Hungary // *Acta Archaeologica Carpathica*. Vol. 51. P. 47–66.
- Lisitsyn S. 2015. The late Gravettian of Borshevo 5 in the context of the Kostenki-Borshevo sites (Don basin, Russia) // *QI*. Vol. 359. P. 372–383.
- Lisitsyn S.N. 2019. The Eastern Frontier of the Gravettian in the Kostenki-Borshevo Palaeolithic Locality, the Don Basin, Russia // *Вестник СПбГУ. История*. Т. 64 (2). С. 525–554.
- Oliva M. 2009. Chipped stone industry in sector G // Oliva M. (ed.). *Milovice: site of the Mammoth people below the Pavlov hills. The question of Mammoth bone structures*. Brno: Moravské Zemské Muzeum. P. 161–215.
- Peresani M., Ravazzi C., Pini R., Margaritora D., Cocolova A., Delpiano D., Bertola S., Castellano L., Fogliazza F., Martino G., Nicosia C., Simon P. 2018. Human settlement and vegetation-climate relationships in the Greenland Stadial 5 at the Piovesello site (Northern Apennines, Italy) // *Quaternary Research*. Vol. 90 (3). P. 503–528.
- Polanská M., Hromadová B. 2015. Réflexion autour des industries gravettiennes "post-pavloviennes" de Slovaquie occidentale et de Moravie (25,500/24,500–22,000 BP non calibré) // Sázelová S., Novák M., Mizerová A. (eds.). *Forgotten Times and Spaces: New Perspectives in Paleoanthropological, Paleoetnological and Archeological Studies*. Brno: Institute of Archeology of the Czech Academy of Sciences; Masaryk University. P. 132–154.
- Polanská M., Hromadová B., Sázelová S. 2021. The Upper and Final Gravettian in Western Slovakia and Moravia. Different approaches, new questions // *QI*. Vol. 581–582. P. 205–224.
- Rasmussen S.O., Bigler M., Blockley S.P., Blunier T., Buchardt S.L., Clausen H.B., Cvijanovic I., Dahl-Jensen D., Johnsen S.J., Fischer H., Gkinis V., Guillevic M., Hoek W.Z., Lowe J., Pedro J.B., Popp T., Seierstad I.K., Steffensen J.P., Svensson A.M., Valdelonga P., Vinther B., Walker M.J. C., Weatley J.J., Winstrup M. 2014. A stratigraphic framework for abrupt climatic changes during the Last Glacial period based on three synchronized Greenland ice-core records: Refining and extending the INTIMATE event stratigraphy // *QSR*. Vol. 106. P. 14–28.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookde A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. Vol. 62. P. 725–757.
- Reynolds N. 2014. *The Mid Upper Palaeolithic of European Russia: Chronology, culture history and context: A study of five Gravettian backed lithic assemblages*. Dr. Phil thesis. Oxford.
- Reynolds N. 2020. *Threading the weft, testing the warp: Population concepts and the European Upper Palaeolithic chronocultural framework* // Groucutt H. (ed.). *Culture History and Convergent Evolution: Can we Detect Populations in Prehistory?* Cham: Springer. P. 187–212.
- Reynolds N., Germonpré M., Bessudnov A.A., Sablin M.V. 2019. The Late Gravettian site of Kostënki 21 Layer III, Russia: A chronocultural reassessment based on a new interpretation of the significance of intra-site spatial patterning // *JPA*. Vol. 2. P. 160–210.
- Reynolds N., Lisitsyn S.N., Sablin M.V., Barton N., Higham T. 2015. Chronology of the European Russian Gravettian: New radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. Vol. 62. P. 121–132.
- Reynolds N., Lisitsyn S.N., Eskova D.K., Tsvetkova N.A., Buckley M., Pustovalov A. Yu. 2021. Kostënki 9: The chronology and lithic assemblage of a Gravettian site in Russia // *QI*. Vol. 587–588. P. 344–367.
- Rountrey A.N., Fisher D.C., Vartanyan S., Fox D.L. 2007. Carbon and nitrogen isotope analyses of a juvenile woolly mammoth tusk: Evidence of weaning // *QI*. Vol. 169–170. P. 166–173.
- Schott M. 1999. On bipolar Reduction and Splintered Pieces // *North American Archaeologist*. Vol. 20. P. 217–238.
- Sinitsyn A.A. 2007. Variabilité du Gravettien de Kostienki (Bassin moyen du Don) et des territoires associés // *Paléo*. Vol. 19. P. 181–202.
- Sinitsyn A.A. 2015. Perspectives on the Palaeolithic of Eurasia: Kostënki and related sites // Sanz N. (ed.). *Human origin sites and the World Heritage convention in Eurasia*. Vol. 1 (HEADS4). Paris & Mexico City: UNESCO. P. 163–189.
- Stepanova K. 2020. Upper Palaeolithic grinding stones from Eastern European sites: An overview // *QI*. Vol. 541. P. 162–181.

- Svoboda J. A. 2007. The Gravettian on the Middle Danube // *Paléo*. Vol. 19. P. 203–220.
- Svoboda J. 2008. Formation of the archaeological layers, structure of the site and features // Svoboda J. (ed.). *Petřkovice. On Shouldered Points and Female Figurines*. Brno: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Czech Republic. (The Dolní Věstonice Studies; vol. 15). P. 31–45.
- Svoboda J., Klíma B., Jarošová L., Škrdla P. 2000. The Gravettian in Moravia: Climate, behaviour and technological complexity // Roebroeks W., Mussi M., Svoboda J., Fennema K. (eds.). *Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 BP*. Leiden: University of Leiden Press. P. 197–217.
- Škrdla P. 1997. The Pavlovian Lithic technologies // Svoboda J. (ed.). *Pavlov I – Northwest*. Brno: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Czech Republic. (The Dolní Věstonice Studies; vol. 4). P. 313–372.
- Wilczyński J., Goslar T., Wojtal P., Oliva M., Göhlich U. B., Antl-Weiser W., Šída P., Verpoorte A., Lengyel G. 2020a. New Radiocarbon Dates for the Late Gravettian in Eastern Central Europe // *Radiocarbon*. Vol. 62. P. 243–259.
- Wilczyński J., Wojtal P., Łanczont M., Mroczek P., Sobieraj D., Fedorowicz S. 2015. Loess, flints and bones: Multidisciplinary research at Jaksice II Gravettian site (southern Poland) // *QI*. Vol. 359. P. 114–130.
- Wilczyński J., Wojtal P., Oliva M., Sobczyk K., Haynes G., Klimowicz J., Lengyel G. 2019. Mammoth hunting strategies during the Late Gravettian in Central Europe as determined from case studies of Milovice I (Czech Republic) and Kraków Spadzista (Poland) // *QSR*. Vol. 223. Art. no. 105919.
- Wilczyński J., Wojtal P., Sobczyk K. 2012. Spatial organization of the Gravettian mammoth hunters' site at Kraków Spadzista (southern Poland) // *JAS*. Vol. 39. P. 3627–3642.
- Wilczyński J., Žaár O., Nemergut A., Kufel-Diakowska B., Moskal-del Hoyo M., Mroczek P., Páll-Gergely B., Oberc T., Lengyel G. 2020b. The Upper Palaeolithic at Trenčianske Bohuslavice, Western Carpathians, Slovakia // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 45. P. 270–292.
- Zheltova M.N. 2015. Kostenki 4: Gravettian of the east – not Eastern Gravettian // *QI*. Vol. 359–360. P. 362–371.

Костенки 8, слой II: современное представление о коллекции с микрограветтами и ее контекст¹

Н. Рейнольдс

Университет Бордо, Франция

Индустрия II культурного слоя Костенок 8 выделяется на фоне памятников раннего граветта Европы. Коллекция каменного инвентаря Тельманской стоянки огромна по европейским меркам и предоставляет хорошую возможность для понимания сути технологии и использования орудий в течение этого хронологического отрезка. В то же время изолированное положение памятника в Восточной Европе ставит сложную задачу понимания его контекста и связи с другими геологически одновременными стоянками.

Представленные в данной работе материалы и интерпретации основаны на моем диссертационном исследовании, проводившемся в 2011–2014 гг. в Университете Оксфорда, частью которого являлось пристальное изучение коллекции микрограветтов из Костенок 8 (II), хранящихся в Музее антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербург.

Датирование и палеоклимат

В течение длительного времени возраст II культурного слоя Костенок 8 основывался на единственной радиоуглеродной дате — $27\,700 \pm 750$ ¹⁴C л. н. (GrN-10509) (Рогачев и др., 1982). В ходе работы над диссертацией мною были отобраны две кости лошади из коллекции Зоологического музея РАН в Санкт-Петербурге для AMS-датирования в лаборатории Оксфорда. На костях имелись древние порезы, свидетельствующие о их непосредственной связи с человеческой деятельностью. Радиоуглеродный возраст этих образцов — $27\,670 \pm 270$ л. н. (OxA-30198) и $27\,620 \pm 270$ л. н. (OxA-30197) (Reynolds et al., 2015) — подтверждает правильность ранее полученной даты.

Данные радиоуглеродного датирования стоянки позволяют сопоставить время ее существования с палеоклиматическими событиями. Возраст климатических колебаний позднего плейстоцена в настоящее время может быть достаточно точно определен благодаря данным, полученным по ледниковым кернам Гренландии (эти флуктуации, известные как Гренланд-

ские стадиялы (GS) и интерстадиялы (GI), имеют нумерацию (Andersen et al., 2006; Svensson et al., 2006)). Климатические колебания, представленные Гренландскими стадиялами и интерстадиялами, хорошо согласуются с лессово-почвенными отложениями Карпат и Сибири (Haesaerts et al., 2009). Следовательно, скорее всего, эти климатические события в равной степени распространялись и на район Костенок. Хотя известно, что между колебаниями климата в Атлантике и далее на восток континентальной Европы могли существовать некоторые задержки, эти интервалы, вероятно, измеряются десятилетиями или столетиями, а не тысячелетиями (см. Lane et al., 2013).

Радиоуглеродный возраст II культурного слоя Костенок 8 $\sim 27\,700$ – $27\,600$ ¹⁴C л. н. позволяет определить время обитания на стоянке первой половиной GS5. Это был долгий холодный период, который, согласно гренландской хронологии, длился приблизительно 3 тыс. лет. К этому похолоданию относится палеоклиматическое событие Хайнриха 3 (HE3), которое ассоциируется с образованием ледниковых щитов в Карпатах и Сибири (Haesaerts et al., 2009), что могло привести к существенному похолоданию в районе Костенок. Эти события могли стать причиной хиатуса в археологических отложениях, следующих за Костенками 8 (II), отмеченного А. А. Сеницыным (Сеницын, 2013).

Граветт предположительно появляется в Центральной Европе до $30\,000$ ¹⁴C л. н. и, бесспорно, не позже чем $29\,000$ ¹⁴C л. н. (Jöris et al., 2010). Это означает, что между появлением первых граветтских стоянок в Европе и наиболее древней стоянки в России существует более чем тысячелетняя задержка. Конечно, это не доказывает, что граветтской традиции не существовало в России до этого времени. Тем не менее есть более весомое возможное объяснение этого хронологического разрыва, чем простое отсутствие стоянок. В отличие от остальной Европы, в России до $28\,000$ ¹⁴C л. н. существуют свидетельства существования городцовой и стрелецкой индустрий (Sinitsyn, 2010). Вполне вероятно, что присутствие людей,

¹ Перевод с английского языка А. А. Бессуднова.

ассоциирующихся с данными индустриями, стало препятствием для быстрого распространения граветта в Россию из места его появления, как это происходило в Европе. Возможно, что наступление холодных стадияльных условий GS5 послужило причиной исчезновения стрелецкой и/или городцовой традиций, и позволило граветту распространиться на восток.

Коллекция микролитов с притупленным краем из II слоя Костенок 8

В ходе диссертационного исследования мною была полностью изучена коллекция микролитов с притупленным краем из Костенок 8 (II), находящаяся на хранении в Кунсткамере, составившая в общей сложности 315 предметов. Также были изучены нуклеусы для производства микропластин (включая нуклевидные резцы).

Основное большинство микролитов с притупленным краем (294 экз.) были определены как микрограветты или их фрагменты в соответствии с критериями П.-И. Демарса и П. Лорана (Demars, Laurent, 1992). Более 80% микрограветтов представлены фрагментами, среди которых наибольшую группу составляют проксимальные части. Самые типичные микрограветтские формы в инвентаре Костенок 8 (II) следующие. Это изделия с притуплением правого края и обоими заостренными концами, у которых дистальный конец имеет более острый угол заострения, чем проксимальный. Оба конца сформированы посредством сочетания дорсальной ретуши левого края, иногда несущего плоскую вентральную ретушь. Ударная площадка полностью снята, также полностью или частично удален ударный бугорок. Проксимальные и дистальные острия расположены на правом крае (т. е. правый край прямой по всей длине) или слегка смещены к центральной оси заготовки (только в одном случае острие размещено на левом крае). Левый край бывает как изогнутый, так и прямой и для создания определенной формы имеет различную степень покрытия ретушью, которая зависит от морфологии заготовки. Если левый край прямой, стороны могут быть прямолинейными или слегка суженными в направлении дистального конца. Если стороны не прямолинейны, наиболее широкая часть изделия находится ближе к проксимальному концу или, реже, в медиальной части. Предметы с прямолинейными краями обычно изготовлены на очень узких заготовках, которые остаются неретушированными на большей части не притупленного края.

Размеры микрограветтов демонстрируют унимодальное распределение. Другими словами, в исследованной коллекции не должно существовать отдельной группы полноразмерных граветтских острий, отличных от микрограветтов. Диапазон длины целых микрограветтов составляет от 13 до 47 мм (среднее значение — 28 мм). Однако Л. М. Литовченко, которая имела возможность работы с целой коллекцией, отмечала, что самые крупные экземпляры острий микрограветт/граветт достигали в длину 58–60 мм, в ширину 7–8 мм и в толщину 4 мм и были ретушированы так же, как и острия меньших размеров.

Присутствие так называемых «нанограветтов» — очень мелких микрограветтов — в настоящее время зафиксировано на многих как граветтских, так и других верхнепалеолитических стоянках (Bordes, 1978; Bazile, Voccaccio, 2007; Bazile, 2011; Floss, Taller, 2011). В инвентаре Костенок 8 (II) нанограветты не образуют очевидного обособленного по размерам класса, основанного только на ширине и толщине предметов. Если за произвольную границу определения нанограветтов принять ширину менее 2,5 мм, 31 изделие (11% от общего количества микрограветтов) попадает в этот класс.

В некоторых случаях микрограветты по форме очень близки к полумесяцам с симметричными концами и неопределимым основанием. При этом, как правило, все предметы с идентифицируемым основанием (с более широким и менее заостренным концом) имеют притупление правого края. В большинстве случаев притупление также совпадает с правым краем заготовки, т. е. основание микрограветтов расположено на проксимальном конце микропластины. Ранее уже было отмечено, что у граветтских острий в целом чаще всего притуплен правый край заготовки (Demars, Laurent, 1992; Harrold, 1993). В этом отношении коллекция из Костенок 8 (II) соответствует общему европейскому контексту для данного вида орудий.

Почти во всех случаях притупленный край сформирован вертикальной ретушью, на 28 экз. (10%) применялась встречная притупливающая ретушь. В 24 случаях (8%) края заготовки, формирующие спинку, уже имели угол около 90° (скорее всего, полученный при помощи снятия резцового скола, как описано ниже); все эти края, за исключением двух, были подвергнуты дальнейшему интенсивному ретушированию с целью выпрямления края и/или увеличения его угла.

Только несколько микролитов (13 экз.) не были отнесены к микрограветтам или их обломкам. Они имеют разнообразную форму,

включая изделия с выемчатым или нерегулярным притуплением (5 экз.), притуплением двух краев (5 экз.) и неоконченным притуплением (3 экз.). Среди них одно интересное орудие имеет двуконечную форму с протяженным притуплением обоих краев, формирующим узкие острия в проксимальной и дистальной частях. Остальные предметы представляют собой незавершенные и/или орудия с различными неопределенными функциями. К сожалению, ни одно из изделий, описанных ранее как «трапеции» или «сегменты» (Литовченко, 1969; Рогачев и др., 1982), не удалось обнаружить в части изученной коллекции.

Как было отмечено в ходе исследования стоянки (Литовченко, 1969; Рогачев, 1957), изготовление микропластинчатых заготовок при помощи техники резцового скола было важной частью производства микропластин во II культурном слое Костенок 8. На памятнике обнаружено большое количество резцовых сколов без обработки (Литовченко, 1969: 116). Среди изделий с притупленным краем довольно значительная часть сохраняет морфологию, свидетельствующую о их возможном снятии с нуклеовидного резца (т. е. близкий к 90° угол на пересечении одного или двух краев с вентральной поверхностью). 43 микрограветта (14%) имеют такой край, включая два изделия с двумя краями этого типа. Можно предположить, что гораздо большее количество изделий изначально могли иметь края с такой морфологией, на которые позже была нанесена ретушь. Это отчетливо видно на предметах, где толщина заготовки была почти такая же или даже больше, чем ее ширина. Тем не менее значительная часть изделий с притупленным краем была изготовлена на микропластинчатых заготовках, снятых с призматических нуклеусов. Более того, 15 микропластин (5%) имеют негативы встречного скалывания на дорсальной поверхности.

Дополнительные доказательства использования резцовых сколов в качестве заготовок обнаружены при изучении коллекции резцов. Среди просмотренных резцов 30 экз. бесспорно были нуклеусами, имеющими до 30 негативов резцового скалывания, и, зачастую, свидетельства подготовки и подживления площадки. Отличительной чертой нуклеовидных резцов является отсутствие стандартизации. Для их изготовления выбирались различные типы заготовок, включая отщепы и пластины, иногда с меловой коркой; некоторые заготовки были ретушированы и/или служили орудиями до их использования в качестве нуклеусов. Обычно резцовые снятия проис-

ходили как с правого, так и с левого края заготовки, формируя двугранную многофасеточную площадку. Также сколы могли сниматься с проксимального и дистального окончаний как одного края, так и двух.

Другие нуклеусы (не нуклеовидные резцы) также присутствуют в изученной коллекции (9 экз.). Все ядрища предельно сработаны, часто у них имеются мелкие отщеповые снятия окончания последовательности расщепления. С некоторых из них на ранних этапах расщепления предположительно могли снимать призматические микропластины, часть из которых служила заготовками для микрограветтов. Только около 20 таких ядрищ известно из всей коллекции Костенок 8 (II) (Аникович и др., 2008: 130). Учитывая тот факт, что общее количество находок насчитывает 22–23 тыс., число нуклеусов в коллекции выглядит ничтожно малым. Это увеличивает вероятность предположения о том, что транспортировка сырья на стоянку осуществлялась не только в виде желваков кремня и пренуклеусов, но и в виде изготовленных пластин и/или микропластин. С другой стороны, после принесения на стоянку нуклеусы могли впоследствии транспортировать в другое место. С точки зрения перспектив исследования особенностей всей последовательности расщепления (*chaine opératoire*) необходимо проведение детального исследования всей коллекции каменного инвентаря.

Европейский контекст Костенок 8 (II)

Вследствие того, что микрограветты повсеместно обнаружены на памятниках европейского граветта и не являются хорошим индикатором определенного временного отрезка (Djindjian et al., 1999), для сравнения с индустрией II культурного слоя Костенок 8 лучше ограничиться стоянками, которые ей относительно синхронны.

Приблизительно один возраст с Костенками 8 (II) имеет граветтская стоянка Миток-Малу Галбен (Румыния), радиоуглеродные даты которой помещаются в промежуток времени между 27 000 и 26 000 ¹⁴C л. н. (Haesaerts et al., 2003). Однако коллекция стоянки очень немногочисленна и содержит всего 37 кремневых предметов с ретушью (Otte et al., 2007). В описании индустрии отмечено граветтское острие, происходящее из этого слоя; единственный нарисованный микрограветт значительно отличается от этих же орудий в Костенках 8 (II). Таким образом, стоянка не предоставляет надежных аналогий для Костенок 8 (II), несмотря на их временную и географическую (относительно) близость.

Стоянка Межигирцы 1 на Верхнем Днестре была описана как «наиболее достоверный комплекс ранней стадии украинского граветта» (Nuzhnyi, 2009: 160) и датируется около 27 тыс. ¹⁴C л. н., согласно единственной дате, полученной по древесному углю (Haesaerts et al., 2004). Однако орудия с притупленным краем из коллекции Межигирцев значительно отличаются от Костенок 8 (II). Хотя здесь присутствует одно изделие, интерпретированное как микрограветт и нарисованное Д. Ю. Нужным (Nuzhnyi, 2009), оно весьма сильно отличается от микрограветтов Костенок 8 (II): имеет подпрямоугольное основание и относительно крупные размеры — чуть более 5 см в длину. Фактически это орудие следует определять как мелкое острие типа граветт. В коллекции также присутствует фрагмент предположительно флешетта и несколько мелких прямоугольников с притупленными краями. Г. В. Григорьева и М. Н. Клапчук (1981) в своей работе, посвященной исследованию коллекции каменного инвентаря Межигирцев, также не отмечали и не приводили рисунков орудий, схожих с микрограветтами Костенок 8 (II). Другими словами, изделия с притупленным краем совершенно не похожи на инвентарь из Костенок 8 (II).

Существует еще одна стоянка, которая пока еще не имеет надежных датировок, однако должна быть рассмотрена из-за недостатка аналогий Костенкам 8 (II) в Восточной Европе. Это стоянка Трояново 4, недавно обнаруженная в Центральной Украине. В ее инвентаре содержится серия микролитов с притупленным краем, включая несколько изделий, которые, весьма вероятно, относятся к обломкам микрограветтов (Залізняк и др., 2013). Авторы отмечают присутствие нескольких изделий с притупленным краем, которые, по их мнению, схожи с «игловидными» граветтскими остриями раннего граветта Европы. Важно отметить, что в коллекции отсутствуют типичные полноразмерные острия типа граветт или наконечники с боковой выемкой. Хотя радиоуглеродные даты для стоянки пока не опубликованы, граветтская атрибуция индустрии кажется надежной как по типологическим признакам, так и по стратиграфическому положению слоя. На основании анализа коллекции изделий с притупленным краем не будет неожиданностью, если стоянка будет датироваться временем раннего граветта, однако для этих выводов следует дождаться результатов дальнейших исследований.

Для того чтобы найти подходящие аналогии коллекции II культурного слоя Костенок 8, необходимо также привлечь материалы памятников

за пределами Восточной Европы. Л. Моро сравнивает стоянку Гайсенкlostерле в Германии, имеющую возраст между 29 000 и 27 000 ¹⁴C л. н., с несколькими другими относительно синхронными стоянками Европы: Виллендорф II (сл. 5), Вайнбергхёлен (Германия), Молодова V (сл. 9 и 10), Абри Пато (сл. 5) (Франция) и Костенки 8 (II) (Mogean, 2010). Коллекции изделий с притупленным краем из Гайсенкlostерле, Вайнбергхёлена, Виллендорфа II и Абри Пато выглядят очень схожими с коллекцией Костенок 8 (II), особенно в количественном преобладании микрограветтов. Слой 6 Виллендорфа II на самом деле может быть ближе возрасту Костенок 8 (II), чем слой 5 (Nigst et al., 2008): он также содержит микролиты с притупленным краем, которые можно сравнить с микролитами из слоя II Костенок 8 (Otte, 1981). Другой стоянкой с богатой коллекцией микрограветтов является Ля Вин-Брюн (Франция) (Digan, 2008). Сделанное П. П. Ефименко и другими исследователями заключение об аналогиях материалов Костенок 8 (II) и грота Пайличчи (Италия) выглядит обоснованным, так как микрограветты в изобилии присутствуют в инвентаре последнего памятника и, бесспорно, имеют сходство с микрограветтами Тельманской стоянки (Borgia, 2009). Существуют также отчетливые аналогии с ранним граветтом грота де ла Кала (Италия), особенно со слоем GL. В этом слое обнаружены только микрограветты (острия типа граветт отсутствуют), включая «игловидные» (aghiformi) микроострия с шириной, равной их толщине (Borgia, 2006). Облик микроострий с притупленным краем и отсутствие полноразмерных граветтских острий делает коллекцию изделий с притупленным краем очень похожей на материалы Костенок 8 (II). Стоянки со значительным количеством микрограветтов в инвентаре не ограничиваются перечисленными памятниками, которые только дают представление о том, насколько широко были распространены такие комплексы в раннем граветте.

Сравнения, сделанные ранее с материалами Павловских стоянок, основаны на присутствии «геометрических микролитов», т. е. трапеций в слое II Костенок 8 (Otte, Noiret, 2003). «Сегменты» из Тельманской стоянки также находят возможные параллели с несколькими иллюстрированными предметами из Павлова I (Klíma, 1997: 306, Fig. 8), хотя, насколько мне известно, ранее это никем не отмечалось. Эти изделия из Павлова I, схожие с костенковскими сегментами, были описаны Б. Климой как «Krissegments» (круговые сегменты). Тем не менее полное сопоставление изделий с притупленным краем из этих

стоянок должно быть сфокусировано на более многочисленном компоненте микрограветтов в коллекции Костенок 8 (II), так как сегменты и трапеции составляют очень небольшую долю среди микролитов с притупленным краем. Сопоставимые изделия в индустриях Павлова и Дольних Вестониц находятся не только среди орудий, опубликованных как микрограветты или «заостренные микропластинки с притупленным краем» (Svoboda, 1997: 185), но также и среди предметов из Павловских стоянок, описанных как полумесяцы, бипойнты, треугольники и трапеции. Наряду с этими сходствами в комплексах присутствуют очевидные различия: морфология павловских микролитов с притупленным краем более разнообразна по сравнению с чрезвычайно однородной коллекцией из Костенок 8 (II). Несмотря на наличие бесспорных аналогий, картина представляется более сложной, что делает дальнейшее сравнительное исследование весьма перспективным.

Изучение технологии производства микропластин показательно при изучении природы разнообразия граветтских коллекций Западной Европы (например, Klaric et al., 2002; Klaric et al., 2009; Borgia et al., 2011; Wierer, 2013). В результате технологических исследований было установлено, что для получения микропластинчатых заготовок в европейском граветте использовались различные методы, включая технику снятия пластинок с нуклеидных резцов. Изучение производства микропластин в слое II Костенок 8 добавляет еще один элемент в эти вариации. Район Костенок находится в отдалении от известных источников высококачественного кремня (Борисковский, 1961). Отсутствие местного сырья хорошего качества также могло повлиять на выбор применявшейся технологии производства микропластин: к примеру, не является сюрпризом присутствие ситуационного (*ad hoc*) расщепления или использование неидеальных заготовок для изготовления орудий. Многие европейские стоянки находятся гораздо ближе к кремневым выходам, чем Костенки. Это следует принимать во внимание при прямых сравнениях технологии получения микропластин на этих стоянках, что должно делать более осторожными итоговые выводы.

Множество стоянок раннего граветта по всей Европе со значительным числом микрограветтов свидетельствует о том, что Костенки 8 (II) являются частью весьма распространенной традиции производства микрограветтов в эпоху раннего граветта. Тем не менее наиболее отличительной чертой между стоянкой в России и другими приблизительно одновременными стоянками явля-

ется отсутствие в коллекции Костенок 8 (II) флешеттов. Флешеттам придается большое значение как (иногда спорному) специфическому типу орудия раннего граветта Центральной, Западной и Средиземноморской Европы (Djindjian et al., 1999; Pesesse, 2008; Moreau, 2010). Они были обнаружены в индустриях стоянок Гайсенклостерле, Виллендорф II (слой 5), Абри Пато (слой 5) (Moreau, 2010), Ля Вин-Брюн (Digan, 2008) и грота Пайличчи (Wierer, 2013); также предположительно два обломка флешеттов найдены в гроте де ла Кала (слой 23) (Borgia, 2006). Значение факта отсутствия флешеттов в Костенках 8 (II) не вполне ясно. Предстоит еще много работы по изучению вариативности микролитов раннего граветта, и сравнительные исследования в будущем, вероятно, помогут пролить свет на истинную природу различий и вариативности среди микролитов этих стоянок.

В целом II культурный слой Костенок 8 следует рассматривать как наиболее восточное проявление общеевропейской традиции. Сходство, прослеженное по всей Европе в раннем граветте, резко контрастирует с тем, что мы можем наблюдать в более позднее время, когда термин «мозаика», так часто применяемый к граветту, становится точным. В России существует много таких стоянок, как Костенки 4 и 9, для которых трудно найти аналогии где-либо в Европе. В позднем граветте стоянки с наконечниками с боковой выемкой принадлежат традиции, ограниченной Восточной и частично Центральной Европой. Костенки 8 (II) является абсолютно уникальной для граветта России стоянкой, не только из-за богатой микролитической коллекции, но и из-за ее близких связей с европейской граветтской традицией, которая еще не распалась на отдельные части.

Благодарности

Я выражаю глубокую благодарность Г.А. Хлопачеву за предоставленную возможность работать с коллекциями, хранящимися в Кунсткамере, и А.А. Синицыну за интересные и продуктивные диалоги о граветте в России. Мое диссертационное исследование осуществлялось под руководством проф. Тома Хайма и проф. Ника Бартона, которым я благодарна за большую поддержку. Отдельное спасибо А.А. Бесуднову за перевод этой статьи. Являющееся основой для этой работы исследование было поддержано стипендией АНРС и тревел-грантами Института археологии и Вольфсонского колледжа, Оксфорд.

Литература

- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. 2008. Ранняя пора верхнего палеолита по материалам Костенковско-Борщевского района // Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. (ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История. С. 74–142.
- Борисковский П. И. 1961. Кремневые мастерские в окрестностях Валуек на реке Оскол // КСИА. Вып. 82. С. 104–111.
- Григорьева Г. В., Клапчук М. Н. 1981. Позднепалеолитическая стоянка Межигирцы I в Ивано-Франковской области // КСИА. Вып. 165. С. 58–63.
- Залізник Л. Л., Ветров Д. О., Хоптинець І. М., Озеров П. І. 2013. Гравет Центральної України // Кам'яна доба України. Вип. 15. Найдавніше минуле Новомиргородщини. Київ: Шлях. С. 106–193.
- Литовченко Л. М. 1969. Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. № 3. С. 110–123.
- Рогачев А. Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. № 59. С. 9–134.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В., Дмитриева Т. Н. 1982. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979: Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука. С. 92–109.
- Синицын А. А. 2013. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Синицына Г. В. (ред.). Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: ИИМК РАН. С. 4–32.
- Andersen K. K., Svensson A., Johnsen S. J., Rasmussen S., Bigler M., Röthlisberger R., Ruth U., Siggaard Andersen M.-L., Steffensen J. P., Dahl Jensen D., Vinther B. M., Clausen H. B. 2006. The Greenland Ice Core Chronology 2005, 15–42 ka. Part 1: constructing the time scale // QSR. Vol. 25. P. 3246–3257.
- Bazile F. 2011. De l'épigravettien à l'ouest du Rhône? // Paleo. Vol. 22. P. 27–52.
- Bazile F., Boccaccio G. 2007. Du Solutréen supérieur au Magdalénien en Languedoc rhodanien. Ruptures et continuités // BSPF. Vol. 104 (4). P. 787–796.
- Bordes F. 1978. Le Protomagdalénien de Laugerie-Haute-Est (fouilles F. Bordes) // BSPF. Vol. 75 (11–12). P. 501–521.
- Borgia V. 2006. L'analisi funzionale degli elementi a dorso come strumento conoscitivo per ricostruire le strategie di sfruttamento delle risorse territoriali nel Gravettiano antico di Grotta Paglicci (strati 23 e 22) // Rivista di Scienze Preistoriche. T. LVI. P. 53–83.
- Borgia V. 2009. Ancient Gravettian in the south of Italy: functional analysis of backed points from Grotta Paglicci (Foggia) and Grotta della Cala (Salerno) // Palethnologie. No. 1. P. 45–65.
- Borgia V., Ranaldo F., Ronchitelli A., Wierer U. 2011. What differences in production and use of Aurignacian and early Gravettian Lithic assemblages? The case of Grotta Paglicci (Rignano Garganico, Foggia, Southern Italy) // Goutas N., Klaric L., Pesesse D., Guillermin P. (eds.). À la recherche des identités gravettiennes: actualités, questionnements et perspectives: actes de la table ronde sur le Gravettien en France et dans les pays limitrophes, Aix-en-Provence, 6–8 octobre 2008. Paris: Société préhistorique française. (Mémoire; 52). P. 161–174.
- Demars P.-Yv., Laurent P. 1992. Types d'outils lithiques du Paléolithique supérieur en Europe. Paris: Presses du CNRS.
- Digan M. 2008. New technological and economic data from La Vigne-Brun (unit KL19), Loire: a contribution to the identification of early Gravettian lithic technological expertise // Quartär. Vol. 55. P. 115–125.
- Djindjian F., Kozłowski J., Otte M. 1999. Le Paléolithique supérieur en Europe. Paris: Armand Colin.
- Floss H., Tallar A. 2011. Aspects de la technologie lithique du site gravettien d'Azé-Camping de Rizerolles (Saône-et-Loire, France) // Goutas N., Klaric L., Pesesse D., Guillermin P. (eds.). À la recherche des identités gravettiennes: actualités, questionnements et perspectives: actes de la table ronde sur le Gravettien en France et dans les pays limitrophes, Aix-en-Provence, 6–8 octobre 2008. Paris: Société préhistorique française. (Mémoire; 52). P. 45–55.
- Haesaerts P., Borziac I., Chirica V., Damblon F., Koulikovska L., van der Plicht J. 2003. The east Carpathian loess record: a reference for the middle and late pleniglacial stratigraphy in central Europe // Quaternaire. Vol. 14 (3). P. 163–188.
- Haesaerts P., Borziac I., Chirica V., Damblon F., Koulikovska L. 2004. Cadre stratigraphique et chronologique du Gravettien en Europe Centrale // Svoboda J. A., Sedláčková L. (eds.). The Gravettian along the Danube: Proceedings of the Mikulov Conference, 20–21 November 2002. Brno: Archeologický ústav AV ČR. (The Dolní Věstonice Studies; vol. 11). P. 33–56.
- Haesaerts P., Borziac I., Chekha V. P., Chirica V., Damblon F., Drozdov N. I., Orlova L. A., Pirson S., van der Plicht J. 2009. Climatic signature and radiocarbon chronology of Middle and Late Pleniglacial loess from Eurasia: Comparison with the Marine and Greenland Records // Radiocarbon. Vol. 51 (1). P. 301–318.
- Harrold F. B. 1993. Variability and function among Gravette points from Southwestern France // Archaeological Papers of the American Anthropological Association. Vol. 4 (1). P. 69–81.
- Jöris O., Neugebauer Maresch C., Weninger B., Street M. 2010. The radiocarbon chronology of the Aurignacian to Mid-Upper Palaeolithic transition along the Upper and Middle Danube // Neugebauer-Maresch C., Owen L. R. (eds.). New Aspects of the Central and Eastern European Upper Palaeolithic — methods, chronology, technology and subsistence (Symposium by the Prehistoric Commission of the Austrian Academy of Sciences, Vienna, November 9–11, 2005). Vienna: Österreichischen Akademie der Wissenschaften. P. 101–137.

- Klaric L., Aubry T., Walter B. 2002. Un nouveau type d'armature en contexte gravettien et son mode de production sur les burins du Raysse (la Picardie, commune de Preuilly-sur-Claise, Indre-et-Loire) // *BSPE*. Vol. 99 (4). P. 751–764.
- Klaric L., Guillermin P., Aubry T. 2009. Des armatures variées et des modes de productions variables: Réflexions à partir de quelques exemples issus du Gravettien d'Europe occidentale (France, Portugal, Allemagne) // *Gallia Préhistoire*. Vol. 51. P. 113–154.
- Klíma B. 1997. Zur Frage der Mikroindustrie aus Pavlov // Klíma B. (ed.) Pavlov I – Northwest: The Upper Paleolithic burial and its settlement context. Brno: Archeologický ústav AV ČR. (The Dolní Věstonice Studies; vol. 4). P. 289–312.
- Lane C. S., Brauer A., Blockley S. P. E., Dulski P. 2013. Volcanic ash reveals time-transgressive abrupt climate change during the Younger Dryas // *Geology*. Vol. 41. P. 1251–1254.
- Moreau L. 2010. Geißenklösterle. The Swabian Gravettian in its European context // *Quartär*. Vol. 57. P. 79–93.
- Nigst P. R., Viola T. B., Haesaerts P., Blockley S., Dambon F., Frank C., Fuchs M., Götzinger M., Hambach U., Mallol C., Moreau L., Niven L., Richards M., Richter D., Zöller L., Trnka G., Hublin J.-J. 2008. New research on the Aurignacian of Central Europe: A first note on the 2006 fieldwork at Willendorf II // *Quartär*. Vol. 55. P. 9–15.
- Nuzhnyi D. Yu. 2009. The industrial variability of the eastern Gravettian assemblages of Ukraine // *Quartär*. Vol. 56. P. 159–174.
- Otte M. 1981. Le Gravettien en Europe Centrale. Bruges: De Tempel. (Dissertationes Archaeologicae Gandenses; vol. XX).
- Otte M., Chirica V., Haesaerts P. (eds.). 2007. L'Aurignacien et le Gravettien de Mitoc-Malu Galben (Moldavie Roumaine). Vol. 72. Liège: Études et Recherches archéologiques de l'Université de Liège.
- Otte M., Noiret P. 2003. L'Europe gravettienne // Debrosse R., Thévenin A. (eds.). *Préhistoire de l'Europe. Des origines à l'Âge du Bronze: Actes du 125e Congrès national des Sociétés historiques et scientifiques (Lille, 2000)*. Paris: CTHS. P. 227–239.
- Pesesse D. 2008. Le statut de la fléchette au sein des premières industries Gravettiennes // *Paleo*. Vol. 20. P. 45–58.
- Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. 2015. Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. Vol. 62. P. 121–132.
- Sinitsyn A. A. 2010. The Early Upper Palaeolithic of Kostenki: Chronology, taxonomy, and cultural affiliation // Neugebauer-Maresch C., Owen L. R. (eds.). *New Aspects of the Central and Eastern European Upper Palaeolithic – methods, chronology, technology and subsistence (Symposium by the Prehistoric Commission of the Austrian Academy of Sciences, Vienna, November 9–11, 2005)*. Vienna: Österreichischen Akademie der Wissenschaften. P. 27–48.
- Svensson A., Andersen K., Bigler M., Clausen H., Dahl Jensen D., Davies S., Johnsen S., Muscheler R., Rasmussen S., Röthlisberger R. 2006. The Greenland ice core chronology 2005, 15–42ka. Part 2: comparison to other records // *QSR*. Vol. 25 (23–24). P. 3258–3267.
- Svoboda J. 1997. Lithic industries of the 1957 area // Klíma B. (ed.) Pavlov I – Northwest: The Upper Paleolithic burial and its settlement context. Brno: Archeologický ústav AV ČR. (The Dolní Věstonice Studies; vol. 4). P. 179–209.
- Wierer U. 2013. Variability and standardization: The early Gravettian lithic complex of Grotta Paglicci, Southern Italy // *QI*. Vol. 288. P. 215–238.

ГРАВЕТТСКОЕ ОХОТНИЧЬЕ ВООРУЖЕНИЕ ОТ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ ДО РУССКОЙ РАВНИНЫ¹

В. Борджиа

Университет Кембриджа, Великобритания

Термин «граветт» включает в себя 10 тыс. лет истории и огромную территорию от Португалии до Русской равнины. Граветт состоит из разных идей, популяций, контактов между группами древних людей. Он определяется как культурная фаза, или как «технокультура» по терминологии (Penley, Ross, 1991), имеет жесткие хронологические рамки (появляясь около 30 тыс. ¹⁴С л. н.) и территориальную привязку (Европа; рис. 1). С граветтом в Европе распространяется новый охотничий инвентарь (пластинки с притупленным краем), погребальный обряд, украшения и другие особенности мировоззрения (Kozłowski, 1986; Palma di Cesnola, 1993; Soffer, Praslov, 1993; Djindjian, Bosselin, 1994; Palma di Cesnola, 1998; Mussi, 2000; Oliva, 2005; Svoboda, 2007; Moreau, 2012; Otte, 2013; Sinitsyn, 2007; Kozłowski, 2015).

Около 30 тыс. ¹⁴С л. н. происходят кардинальные изменения в кремневом инвентаре, появляются новые способы крепления и использования охотничьего вооружения, что привело к повышению качественных характеристик последнего. Особое внимание, которое оказывается факту появления изделий с притупленным краем, не случайно. В первую очередь это обусловлено тем, что большинство исследований в палеолитоведении посвящены именно каменному инвентарю. При этом нельзя не отметить, что костяное вооружение в этот период также претерпевает существенные изменения: острия с расщепленным основанием исчезают, их заменяют плоские и более массивные ромбовидные острия.

В периодизации европейского верхнего палеолита граветт следует за ориньяком и предшествует локальным культурам поздней поры

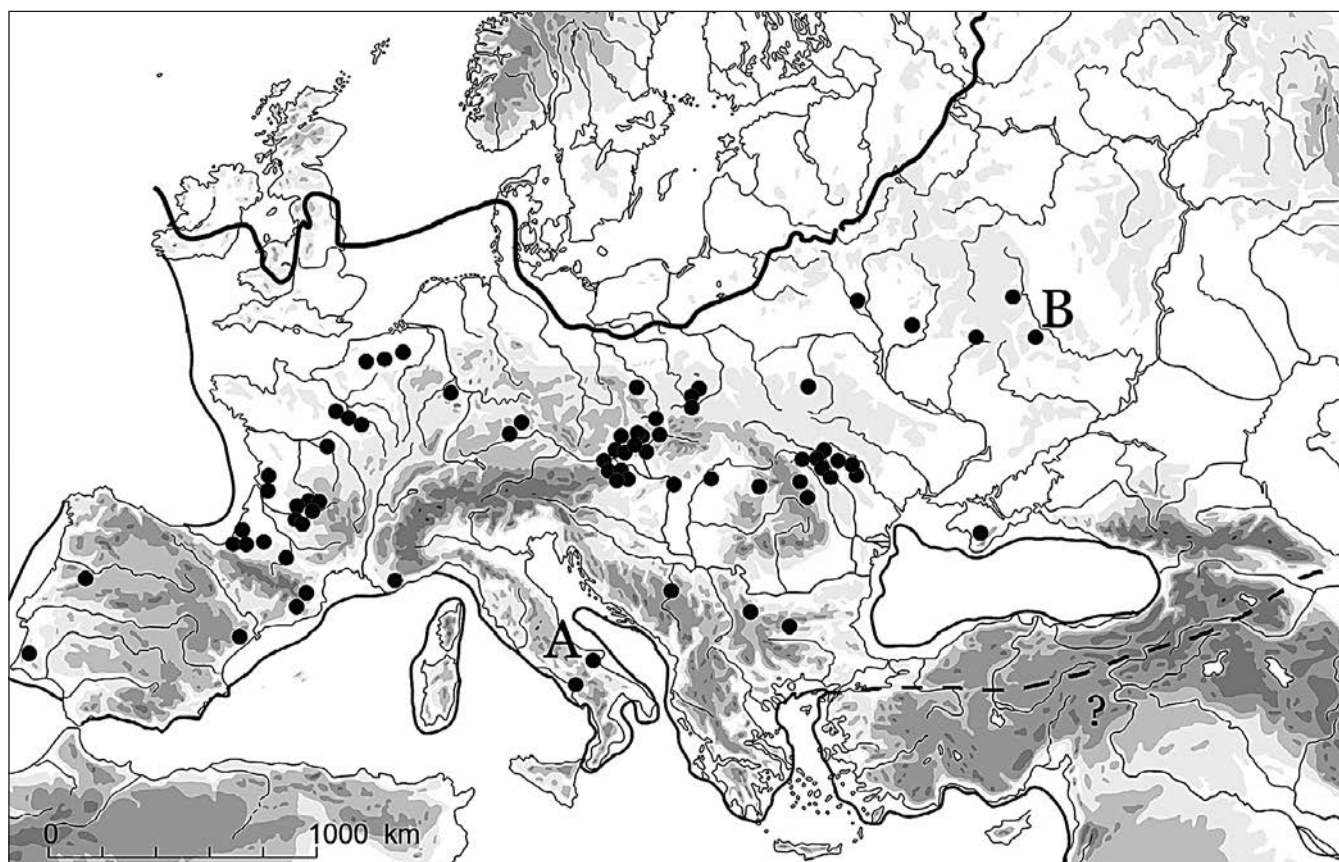

Рис. 1. Расположение основных памятников граветта с местоположением грота Пальичи (А) и Костенок 8 (В).
Источник: (Kozłowski, 2015)

¹ Оригинальная версия статьи: Borgia V. 2017. Hunting high and low: Gravettian hunting weapons from Southern Italy to the Russian plain // Open Archaeology. Vol. 3 (1). P. 376–391. Перевод с английского языка А. Р. Лады.

верхнего палеолита (солютре, эпиграветт, мадлен). Считается, что раньше всего граветт появляется в Центральной Европе и на Дунае, откуда начинается его распространение на Запад. Тем не менее, когда именно он начинает распространяться на юг и на восток и до каких территорий доходят носители этой индустрии, до сих пор неизвестно.

Цель этой статьи — рассмотреть разнообразие охотничьего вооружения двух географически удаленных памятников раннего граветта — грота Пальичи (слои 22–23) и Костенок 8 (II) — в контексте граветтского единства. Сама идея сравнения острий и пластинок с притупленным краем из этих двух стоянок возникла благодаря многократным упоминаниям сходств их инвентаря (Ефименко, 1956; Праслов, Рогачев, 1982; Palma di Cesnola, 1993; Gambassini, 2007; Sinitsyn, 2007; Аникович и др., 2008).

Инвентарь II культурного слоя стоянки Костенки 8 в русскоязычной литературе фигурировал как «гримальдьен» или «граветт средиземноморского типа» (Ефименко, 1960; Sinitsyn, 2007), итальянские авторы, в частности Пальма ди Чеснола, также отмечали культурную близость между двумя стоянками. И это при том, что расстояние между самой восточной граветтской стоянкой (Костенки 8) и одной из самых южных граветтских стоянок (грот Пальичи) составляет 2667 км.

Главный вопрос, который мы должны себе задать: действительно ли изделия с притупленным краем из коллекций этих двух стоянок так похожи? Если да, то чем объясняются сходства? Культурным единством, следствием контактов между коллективами древних людей или существованием такой общности, как граветт?

Методика исследования

Главный постулат для изучения острий и пластинок с притупленным краем основывается на предположении, что, за редким исключением, они были вкладышами метательного вооружения.

Это предположение возникает вследствие нескольких заключений:

1. Случаи (хотя и достаточно редкие) вставки изделий с притупленным краем в костяную основу. Немногие известные находки происходят исключительно из Восточной Европы (Нужный, 2016; Skakun, Terekhina, 2016).
2. Стандартизация морфометрических данных изделий с притупленным краем указывает на необходимость исследования их баллистических свойств.

3. Трасологические исследования, посвященные альтернативным способам использования изделий с притупленным краем, не были достаточно убедительны (Lemorini, Rossetti, 1998/1999; Donahue, 1988; Derndarsky, 2003), кроме того, в этих исследованиях не учитывалась возможность реутилизации вкладышей после их поломки или использования при первичной разделке добычи (Coop, 1971).

4. С поведенческой точки зрения охота представляет собой очень сложный вид деятельности, которая не осуществлялась в эпоху граветта с первым попавшимся предметом: взаимозаменяемость всех каменных орудий в это время была очень низка, и, за исключением редких случаев, например изделий с притупленным краем нетипичной морфологии (см. Borgia, 2006), неизбирательное использование хорошо стандартизированных каменных или костяных орудий ни разу не было задокументировано.

При предложенном подходе акцент делается не на описании морфологии орудий, а на построении chaîne opératoire от цели создания орудия до окончания его использования. Этот подход основывается на допущении, что информация о «жизни» орудий может быть получена посредством изучения следов работы на орудиях и технологии их изготовления (Montoya, 2002; Borgia, 2006; Borgia, 2009). В таком случае изучение изделий с притупленным краем и всего охотничьего вооружения верхнего палеолита должно осуществляться с особым вниманием к археологическому контексту и с привлечением данных вспомогательных дисциплин, включая этнографию (рис. 2).

В основе анализа изделий с притупленным краем лежат и типология, и технология, которые позволяют получить основную информацию о функции этих предметов. Кроме того, типология предоставляет возможность сравнения охотничьего вооружения при помощи универсального языка описания, что позволяет сделать акцент на функциональных особенностях этой категории предметов.

Анализ метательного износа пластинок с притупленным краем в этом контексте более не является основой определения функции вещи, это — величина, которую нужно рассматривать статистически вместе с другими данными. Схема классификации метательного износа каменных орудий основывается на двух основных типах излома — «конусовидном» и «изломе от изгиба» (en languette/en plume) (Perpère, 2000), которые образуются в момент удара и часто

Рис. 2. Методология комплексного подхода к изучению охотничьего вооружения

имеют комплементарное расположение (Fischer et al., 1984; Geneste, Plisson, 1989; Soriano, 1998; Perpère, 2000; Borgia, 2009; Duches, 2012; Sano, Oba, 2015) (рис. 3). Не менее важно при определении следов износа обращать внимание на следы крепления изделий в рукоять.

Грот Пальичи, слои 23–22

Богатые материалом слои 23 и 22 грота Пальичи датируются в диапазоне $28\,100 \pm 400$ тыс. ^{14}C л. н. (слой 23А) — $26\,800 \pm 300$ тыс. ^{14}C л. н. (слой 22В) (Palma di Cesnola, 2005). Оба культурных слоя относятся к древнейшей фазе итальянского граветта «с изделиями с притупленным краем» (Palma di Cesnola, 1993) или к «недифференцированному граветту» (Laplace, 1966). К этой фазе также относятся Рипаро Мочи, слой D, уровень f3.6, грот делла Кала, слой Beta II (Boscato et al., 1997), грот делла Каланца, слой В (Bachechi, Revedin, 1993). Коллекция грота Пальичи хранится на факультете наук о земле в Университете Сиены.

На стоянке преобладают фаунистические остатки трех видов животных — бизона, лошади и козерога.

Коллекция кремневого инвентаря стоянки состоит примерно из 2 тыс. орудий, из которых 1191 — орудия с притупленным краем. Основной вид сырья — высококачественный кремль, выходы которого находятся в непосредственной близости от стоянки (Wierer, 2013).

Заготовки для микролитов с притупленным краем на стоянке получались двумя способами. Первый представляет собой использование сработанных нуклеусов для пластинок в их в конечной стадии. Второй — получение пластинок с массивных отщепов и резцов-нуклеусов (рис. 3: 4) (Borgia et al., 2011; Wierer, 2013). Длина пластинок с притупленным краем достаточно сильно варьирует (от 16 до 72 мм), в то время как ширина (5 мм) и толщина (2–3 мм) более постоянны (рис. 4: 1). Как правило, изделия имеют прямой профиль. Всего в коллекции насчитывается 80 целых предметов (6%), медиальные фрагменты (342 экз.) составляют четверть всех пластинок с притупленным краем (далее — ППК). Происхождение части последних связано с намеренной фрагментацией изделий (рис. 5: 1).

Притупливающая ретушь на пластинках единообразна, плоская присутствует чаще всего в основании на вентральной поверхности. Острия с притупленным краем грота Пальичи могут быть разделены на две группы, каждая из которых может включать изделия с тронкированным основанием (рис. 5: 2с):

1. Двойные острия с одним неретушированным режущим краем и сечением в виде равнобедренного треугольника. Определить, какой именно конец у этой группы предметов является рабочим, достаточно трудно. Однако, как правило, проксимальная часть (основание) этих орудий имеет более округлую форму и покрыта плоской вентральной ретушью (рис. 5: 2а).

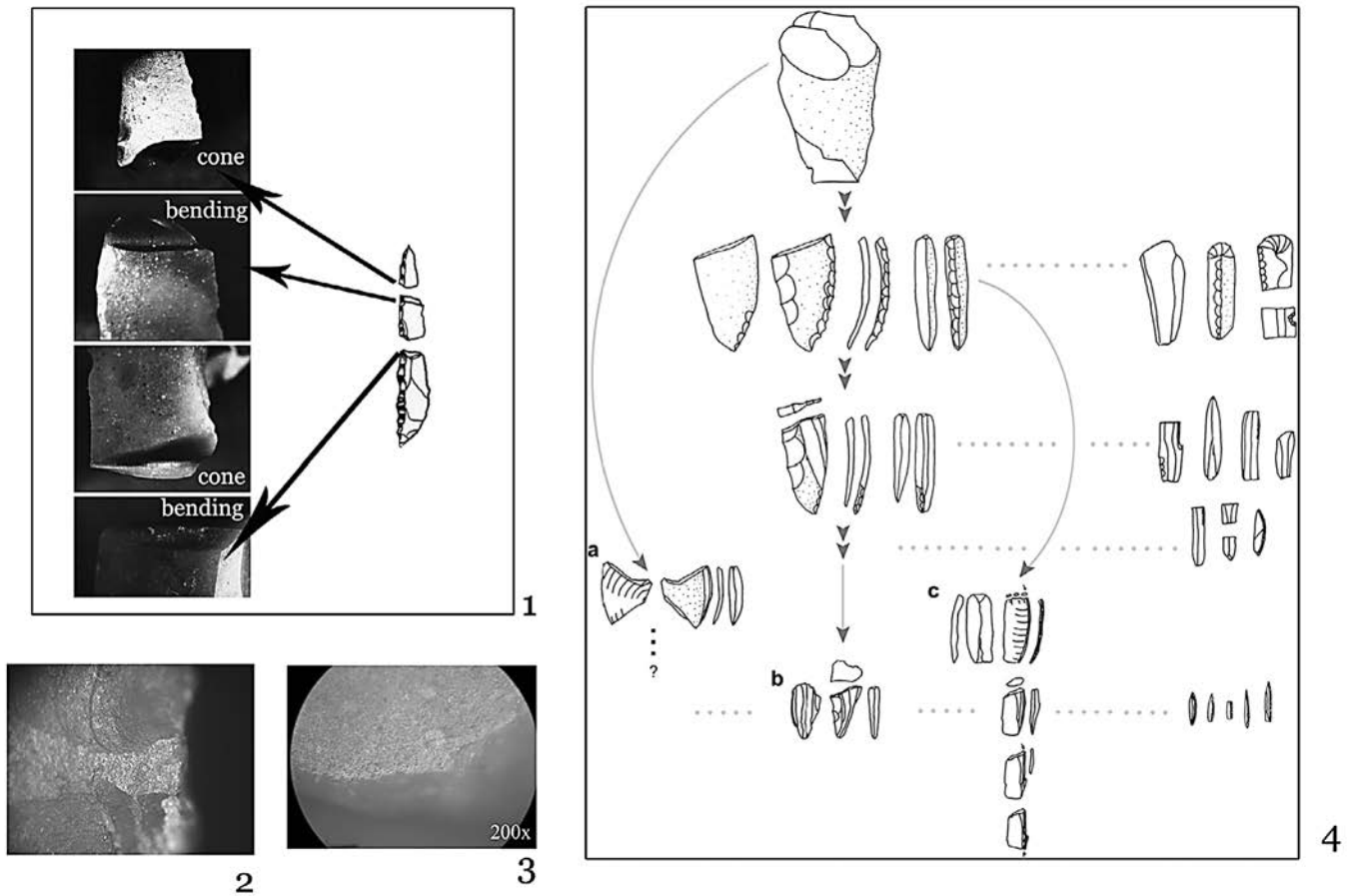

Рис. 3. Микропластинки с притупленным краем: следы и технология изготовления: 1 — взаимное расположение конусовидного излома и излома «от изгиба» (Borgia, 2006); 2 — микроизнос края экспериментального вкладыша метательного вооружения (Borgia, 2009); 3 — микроизнос на проксимальной части ППК; 4 — chaîne opératoire слоя 23 Грота Пальичи: а — небольшие пластины, полученные с массивных технических сколов; б — получение микропластин с истощенных нуклеусов для крупных пластин; с — изготовление пластин с нуклеусов-резцов. *Источник:* (Wierer, 2013: 245, fig. 31)

2. Изделия с двумя обработанными притупляющей ретушью краями (менее распространенные) с сечением в виде равнобедренного треугольника. Среди них изломы встречаются значительно чаще, что указывает на их использование в качестве атипичных наконечников (рис. 5: 2b).

Трасологический анализ показал наличие следов на 15% изделий с притупленным краем. Однако обнаруженные следы заполировки и изломы в большинстве случаев были не диагностичны. Они располагались только вдоль краев и в основании пластинок с притупленным краем (Borgia, 2006) (рис. 3: 2).

В качестве отдельной группы изделий необходимо рассматривать пластинки с притупленным краем прямоугольной формы, полученные путем намеренной фрагментации ППК. Долгое время изделия этой группы ошибочно принимались за сломанные, однако нанесенная поверх трансверсального слома ретушь указывает на то, что они изготавливались умышленно (Borgia, 2006) (рис. 5: 1b).

Костенки 8, II культурный слой

Костенки 8, или Тельманская стоянка, расположены на правом берегу реки Дон, в 40 км к югу от Воронежа, в Костенковско-Борщевском археологическом районе. Всего на стоянке известно пять культурных слоев (Рогачев, 1951). Последняя радиоуглеродная дата, полученная для II слоя Костенок 8: $27\,670 \pm 270$ тыс. ^{14}C л. н. (OxA-30198) (Reynolds, 2014; Sinitsyn, Hoffecker, 2006). Кремневый инвентарь стоянки был описан авторами как раннеграветтский (Djindjian et al., 1999; Otte, Noiret, 2002; Sinitsyn, 2007; Moreau, 2010) или «граветтоидный» (Аникович и др., 2008). Аналогичные II культурному слою Костенок 8 стоянки поблизости отсутствуют. В настоящий момент II слой Костенок 8 является древнейшим известным в Восточной Европе граветтским памятником (Sinitsyn, 2015).

Обнаруженные на памятнике фаунистические остатки включают бизона, лошадь, мамонта, северного оленя, шерстистого носорога, гигантского оленя, разные виды рыбы, птиц,

зайцев, песцов и волков (Верещагин, Кузьмина, 1977: 104).

Коллекция каменного инвентаря стоянки хранится в Институте истории материальной культуры РАН и в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Кремневый инвентарь стоянки насчитывает около 23 тыс. расщепленных кремней, из которых 2100 — орудия (Литовченко, 1969; Праслов, Рогачев, 1982). При работе с коллекцией из раскопок 1937–1964 гг. автором были проанализированы около 900 изделий с притупленным краем и их фрагментов. В каменном инвентаре стоянки широко представлены все верхнепалеолитические категории орудий, включая около 500 резцов.

Общее число нуклеусов в коллекции — 20, они представлены как одно-, так и двуплоща-

дочными формами (Sinitsyn, 2015; Аникович и др., 2008: 130). В эти подсчеты не включены вторичные ядрища, в качестве которых использовалась значительная часть резцов. Эти резцы имели следы подготовки площадки, кроме того, в коллекции были обнаружены микропластинки с морфологией резцовых сколов, как с ретушью, так и без.

Материалом для изготовления изделий с притупленным краем служил высококачественный меловой кремнь. К сожалению, источник происхождения сырья неизвестен, но разнообразие орудийных форм говорит о том, что в сырье древние обитатели стоянки не испытывали нужды. Среди изделий с притупленным краем (рис. 4: 2) наиболее многочисленны проксимальные части — 36% и целые — 19% (Reynolds, 2014: 119). Медиальные фрагменты составляют 12%

Рис. 4. Острия с притупленным краем из слоя 22f грота Пальичи (1) и II слоя Костенок 8 (2).
Фото В. Борджиа

комплекса (Reynolds, 2014), часть из них имеет стандартизированные размеры, что заставляет задуматься о наличии специальной категории прямоугольников (рис. 5: 1). Важно подчеркнуть, что на обеих стоянках преобладает один тип орудий с притупленным краем — двойные острия. Вариабельность пластинок с притупленным краем велика, их длина составляет от 13 до 47 мм, в то время как ширина (4 мм) и толщина (2–3 мм) более постоянны.

Изделия с притупленным краем II слоя Костенок 8 могут быть разделены на следующие типы:

1. Двойные острия с одним притупленным краем с сечением в виде прямоугольного треугольника (рис. 5: 2a). Часто они оформлены ретушью в проксимальной части, формирующей угол в 45° между основанием и краем (рис. 6: 1);
2. Двойные острия игловидной формы с сечением в виде равностороннего треугольника (рис. 5: 2b, c);

3. Очень маленькие и узкие острия (нанограветты). Заготовками для этих орудий служили микропластинки, полученные с резцов;
4. Прямоугольные изделия с притупленным краем.

Результаты

Пластинки с притупленным краем из грота Пальичи (23–22-й слои) и Костенок 8 (II) обладают рядом сходств, представленных в таблице.

Проблема сравнения каменного инвентаря стоянок заключается в отсутствии данных по технологии изготовления изделий с притупленным краем. Тем не менее мы можем с уверенностью сказать, что на обеих стоянках заготовки для ППК получались двумя способами: с нуклеусов для пластинок и со вторичных нуклеусов-резцов. Получение пластинок с резцов было более распространено в Костенках (см. табл.).

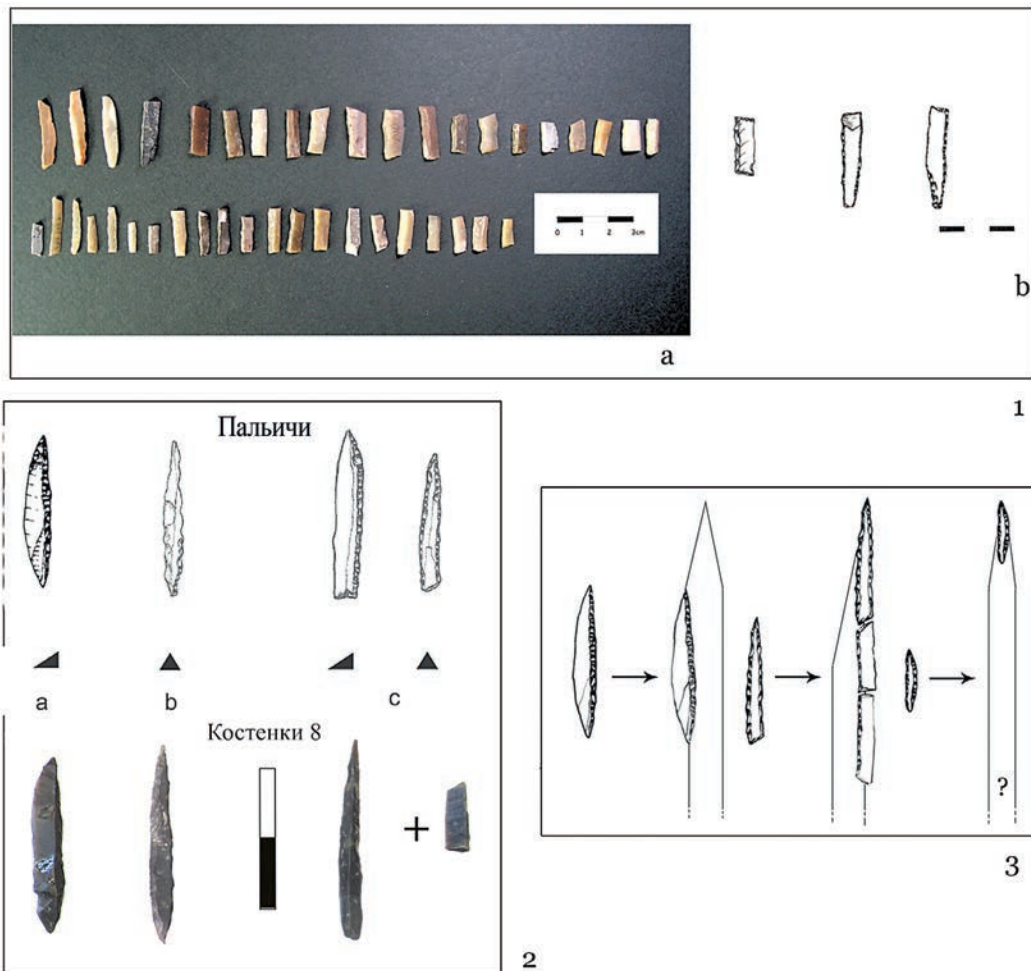

Рис. 5. 1 — фрагментированные (а) и целые (b) прямоугольники из грота Пальичи; ретушь поверх слома указывает на целенаправленное изготовление этой группы изделий; 2 — сходство морфологии изделий из Пальичи и Костенок 8: а — двойные острия с прямым притупленным краем и выпуклым неретушированным; б — двойные острия с сечением в виде равностороннего треугольника; в — острия с одним или двумя притупленными краями и усеченным основанием; 3 — реконструкция вставки вкладышей в оправу по материалам грота Пальичи. *Источник:* (Borgia, 2009)

Сравнение изделий с притупленным краем грота Пальичи (сл. 23–22) и Костенок 8 (II)

Пальичи	Сходства	Костенки 8 (II)
Местное сырье	Сырье высокого качества	Источник сырья неизвестен
Два способа получения микропластин	По крайней мере две разные операционные цепочки по изготовлению заготовок. Прямой профиль заготовок (Пальичи – 66,5 %, Костенки 8 – 70 %)	Данных недостаточно. Широкое использование резцов-нуклеусов
Острия с притупленным краем более массивны	Отличаются длиной изделий	Острия с притупленным краем менее массивны
Притупленный край более стандартизован	Притупливающая и вторичная ретушь всех видов. Положение ретуши на различных поверхностях заготовки	Притупленный край не всегда тщательно сделан. Основание в виде угла
Меньшее разнообразие	Отсутствие четких границ между различными типами изделий с притупленным краем	Большее разнообразие (игловидные острия, нанограветты)
–	Наличие прямоугольников	–

Часть ППК, в частности двойные острия и прямоугольные пластинки, схожи на обеих стоянках (рис. 7). В Костенках ретушь на ППК более разнообразна, не всегда сделана тщательно, а сами пластинки меньше. Наиболее распространенная форма в Костенках – острия с основанием, расположенным под 45° к краю (рис. 6:1) – напоминают ориньякские микролиты из слоя 24 A1 грота Пальичи (Borgia, Ranaldo, 2009) (рис. 6: 2). В Костенках разнообразие изделий с притупленным краем выше: здесь широко представлены нанограветты, редко встречающиеся в гроте Пальичи, но в то же время представленные в значительно большем объеме на более позднем по хронологии памятнике «средиземноморского граветта» – в гро-

те дела Кала, датирующемся $25\,720 \pm 240$ тыс. ^{14}C л. н.

К сожалению, данные трасологического анализа ППК Пальичи немногочисленны (Borgia, 2006), а для Костенок 8 и вовсе отсутствуют. Определение метательного износа на орудиях не позволило сделать однозначное заключение об их функции (Borgia, 2006). До 40% фрагментов пластинок из Пальичи имеют следы, которые могли появиться на орудиях в результате метания, но эти изломы также могли образоваться вследствие постдепозиционных процессов, и точно определить функцию использования ППК не представляется возможным (Rots, Plisson, 2014; Coppe, Rots, 2017). Определенные следы заполировки были обнаруже-

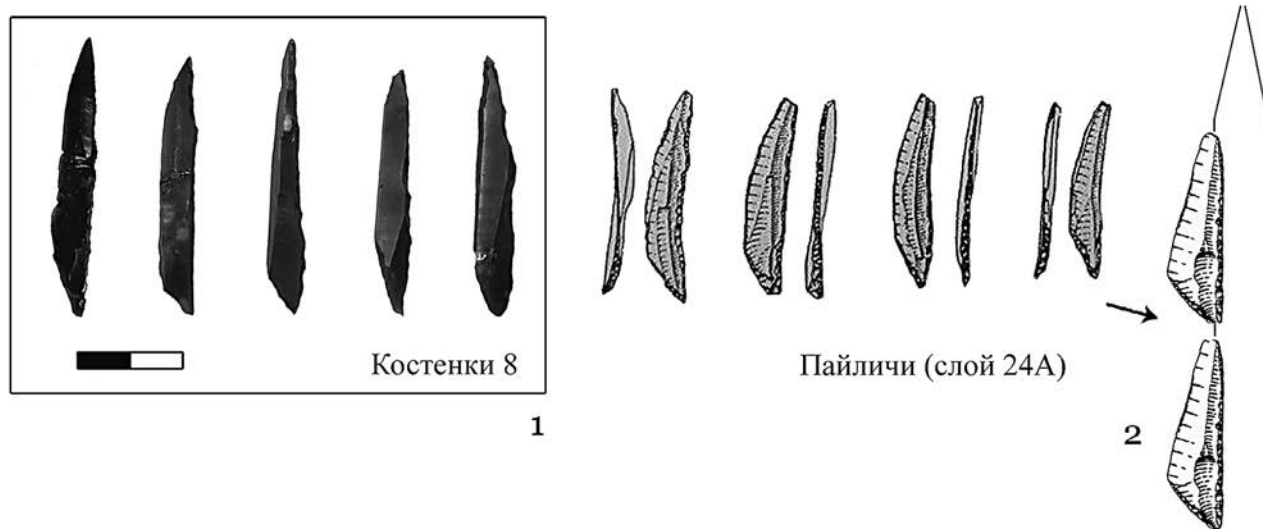

Рис. 6. 1 – острия с притупленным краем, противопоставленным неретушированному, и скошенным основанием из Костенок 8; 2 – ориньякские пластинки с маргинальной притупливающей ретушью и скошенным основанием из слоя 24 A1 (возраст слоя – $29\,400 \pm 600$ тыс. ^{14}C л. н.) (Palma di Cesnola, 2005) и реконструкция крепления этих изделий в оправу. *Источник:* (Borgia, Ranaldo, 2009)

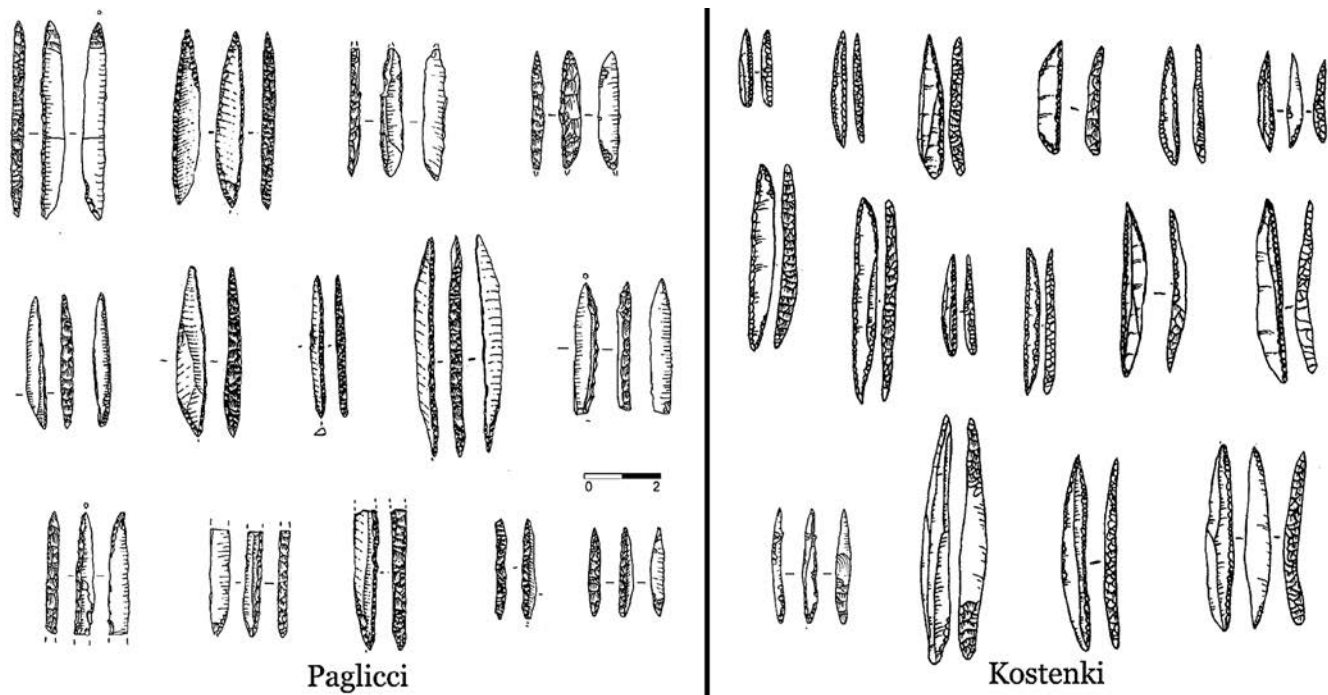

Рис. 7. Острия с притупленным краем из грота Пальичи (Palma di Cesnola, 2005) и Костенок 8 (Sinitsyn, 2015)

ны на изделиях из Пальичи (ППК из Костенок не исследовались), однако условия хранения материалов заставляют нас относиться к следам заполировки с осторожностью.

Костяные орудия и другие компоненты материальной культуры двух стоянок сопоставимы. Костяные острия в обеих коллекциях очень редки. В Пальичи имеются всего шесть костяных острий, в Костенках острия также немногочисленны, но среди них имеется одно изготовленное из бивня мамонта.

Обсуждение

Сопоставление изделий с притупленным краем из двух комплексов дает уникальную возможность глобального изучения доисторических обществ и обсуждения методологии сравнения коллекций.

Сходства между ППК двух стоянок отмечались многими авторами. В некоторых случаях предлагалось даже объединение их в одну археологическую культуру (Gambassini, 2007).

Недавние исследования ДНК (Posth et al., 2016) убедительно продемонстрировали, что гравецкое население Европы от Костенок до Пальичи имело общее генетическое наследство. Эти популяции древних людей имели схожие технологии, стратегии охоты, погребальный обряд и символическое поведение. Основная сложность заключается в том, чтобы найти границы этих обществ. Различия между 23–22-м слоями грота Пальичи и Костенками 8 (II) многочисленны: Пальичи — пещерная стоянка, расположен-

ная неподалеку от моря, в мягком климате; основными объектами охоты древних обитателей стоянки были лошади и бизоны. Костенки 8 — открытая стоянка, расположенная в холодном континентальном климате, охотились обитатели стоянки на различные виды животных, в том числе и на мамонтов.

Охота на мамонта в верхнем палеолите — сложный вопрос. В настоящий момент невозможно даже точно сказать, какие орудия применялись для охоты на этих животных. Достаточно популярна точка зрения, что охота на столь крупных животных совершалась с применением деревянных копий, ям-ловушек и бивневых острий, но прямых подтверждений в археологическом материале она пока не находит. В то же время охота на мамонта в верхнем палеолите с использованием вкладышевого вооружения зафиксирована как минимум в трех случаях (рис. 8). В верхнем культурном слое Костенок 1 было обнаружено ребро мамонта с застрявшим в нем фрагментом кремневого наконечника (Нужный, 2016) (рис. 8: 1). Этот наконечник по своему размеру (16 мм) превосходит большинство ППК «средиземноморского гравецкого». На стоянке Луговское был найден позвонок мамонта с застрявшим в нем изделием с притупленным краем (рис. 8: 2). Радиоуглеродный возраст позвонка составляет $13\,465 \pm 50$ тыс. ^{14}C л. н. (Zenin et al., 2006). На Янской стоянке фрагмент сланцевого наконечника размером 15 мм был обнаружен в правой лопатке мамонта, в другой правой лопатке с этой стоянки был также зафиксирован

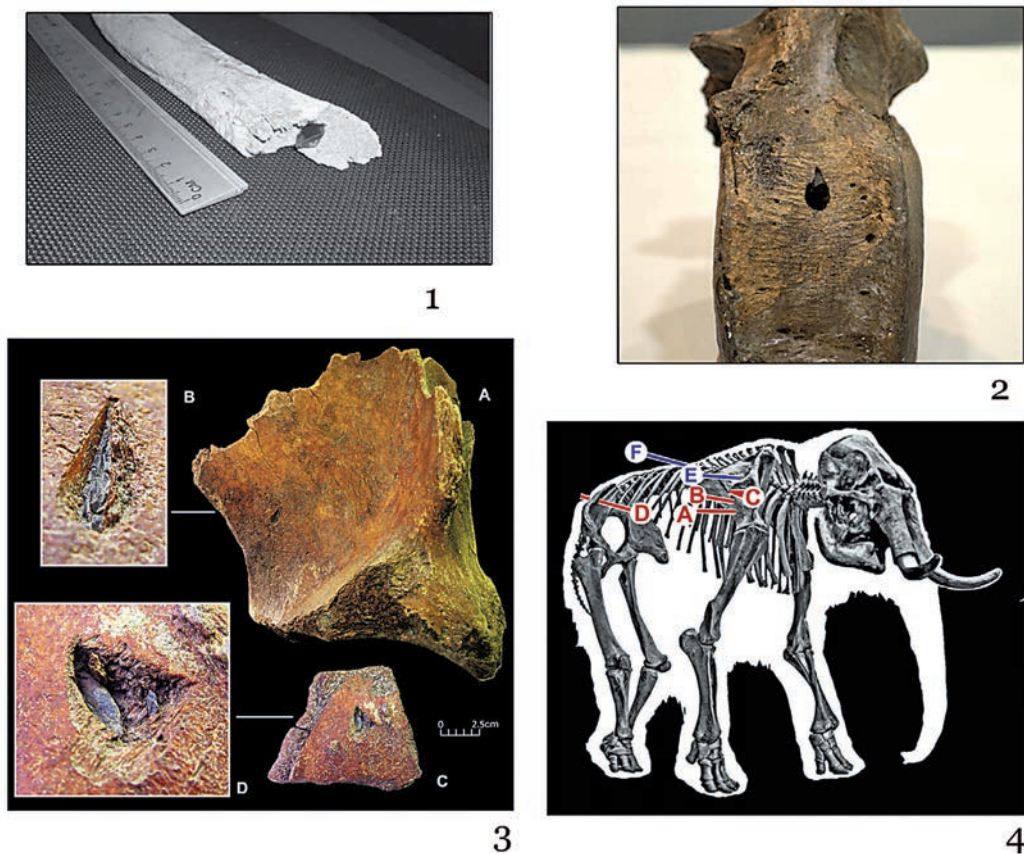

Рис. 8. Примеры каменных острий, застрявших в костях мамонта: 1 — Костенки 1 (I) (Нужный и др., 2014); 2 — Луговское (Zenin et al., 2006); 3 — Янская стоянка (Nikolskiy, Pitulko, 2013); 4 — положение ранений мамонта (Nikolskiy, Pitulko, 2013 с дополнениями)

фрагмент острия, но уже костяного (Nikolskiy, Pitulko, 2013) (рис. 8: 3). Кроме приведенных примеров, охота на мамонтов подтверждается рядом косвенных свидетельств (Baryshnikov et al., 1999; Germonpré et al., 2008; Kufel-Diakowska et al., 2016).

Имеют ли сходства острия из Костенок и грота Пальчи? В некоторых случаях они идентичны. Чем вызвано это сходство? Является ли оно следствием конвергентного развития? Все же эту проблему необходимо рассматривать несколько по-другому. Мы должны задать себе вопрос: являются ли пластинки с притупленным краем культуроопределяющим типом? Можно ли вообще, опираясь на анализ этой категории орудий, выявить локальные особенности, отражающие этнолингвистическое и генетическое разнообразие популяций древних людей?

В первую очередь необходимо отметить, что граветтское население Европы изготавливало одинаковые каменные орудия и поддерживало культурные связи. Под граветтом мы объединяем тысячи лет истории и сотни поколений людей. Однако отдельные комплексы и культурные слои не обладают всей полнотой информации о граветтской культуре, ведь «культура — это больше,

чем сумма компонентов» (Sinitsyn, 2013). Несомненно, охотничье вооружение Костенок 8 более разнообразно по сравнению с Пальчи. Подобное различие может быть следствием большей плотности населения, охоты на более широкий спектр животных.

Можно предположить, что одни и те же орудия в разных природных условиях использовались для охоты на разных животных. Тем не менее применение одинакового охотничьего вооружения в настолько разных экосистемах говорит в первую очередь о том, что вся территория между Костенками и Пальчи была занята граветтским населением.

Для объяснения этого наблюдения необходимо привлечь данные палеодемографии. Новые исследования показали, что в граветтское время плотность населения в Европе составляла от 2,7 до 0,1 человека на квадратный километр (Maier et al., 2016), т. е. в то время в Европе жило от 27 000 до 270 000 людей. Исследователям необходимо учитывать этот факт при выдвижении теорий о распространении идей на столь пустынных территориях.

Новые данные генетики (Fu et al., 2013; Seguin-Orlando et al., 2014) указывают на пре-

емственность верхнепалеолитического населения начиная с 37 тыс. ¹⁴C л. н. с современным населением Европы. Соответственно, постоянные миграции больше не могут служить аргументом при выдвижении различных теорий.

Многие вопросы остаются открытыми, ведь сложность содержания понятия «граветт» и все многообразие связанных с ним вопросов невозможно рассмотреть в рамках одной статьи. В ближайшем будущем применение изотопного анализа, протеомики, генетического и геохимического анализов, анализа сырья и других естественно-научных методов позволит вывести исследования граветтских материалов на новый уровень.

Литература

- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы // Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб.: Нестор-История.
- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. 1977. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне // Труды ЗИН. Т. 72. С. 77–110.
- Ефименко П. П. 1956. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы (о памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа) // СА. Вып. XXVI. С. 28–53.
- Ефименко П. П. 1960. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья (к происхождению мадленской культуры Восточной Европы) // СА. № 4. С. 14–25.
- Литовченко Л. М. 1969. Тельманская палеолитическая стоянка (II слой) // СА. № 3. С. 110–123.
- Нужный Д. Ю. 2016. Уникальная находка ребра мамонта с застрявшим кремневым наконечником со стоянки Костенки 1 // Хлопачев Г. А. (отв. ред.). Верхний палеолит: образы, символы, знаки: каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН. С. 354–355.
- Нужный Д. Ю., Праслов Н. Д., Саблин М. В. 2014. Первый случай подтверждения охоты на мамонта в Европе (стоянка Костенки 1, Россия) // Хлопачев Г. А. (отв. ред.). История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит. СПб.: МАЭ РАН. (Свод археологических источников Кунсткамеры; вып. 4.). С. 108–117.
- Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука.
- Рогачев А. Н. 1951. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках // КСИИМК. Вып. XXXVII. С. 23–28.
- Bachechi L., Revedin A. 1993. Il Gravettiano di Grotta Calanca a Marina di Camerota (Salerno) // Rivista di Scienze Preistoriche. Vol. 45. P. 23–80.
- Baryshnikov G., Haynes G., Klimowicz J. 1999. Mammoths and the mammoth fauna: introduction to the studies of an extinct ecosystem // Deinsea. Vol. 6 (1). P. 3–8.
- Borgia V. 2006. L'analisi funzionale degli elementi a dorso come strumento conoscitivo per ricostruire le strategie sfruttamento delle risorse territoriali nel Gravettiano antico di Grotta Paglicci (strati 23 e 22) // Rivista di Scienze Preistoriche. Vol. LVI. P. 53–83.
- Borgia V. 2009. Ancient Gravettian in the South of Italy: Functional analysis of backed points from Grotta Paglicci (Foggia) and Grotta della Cala (Salerno) // Pétillon J.-M., Dias-Meirinho M.-H., Cattelain P., Honegger M., Normand C., Valdeyron N. (eds.). Projectile Weapon Elements from the Upper Palaeolithic to the Neolithic. Proceedings of session C83, XVth UISPP World Congress, Lisbon, September 4–9, 2006. P@lethnology. Vol. 1. Lisbon. P. 45–65.
- Borgia V., Ranaldo F. 2009. Analyse fonctionnelle des lamelles a dos aurignaciennes de Grotta Paglicci // JHE. Vol. 24. P. 121–130.
- Borgia V., Ranaldo F., Ronchitelli A., Wierer U. 2011. What differences in production and use of Aurignacian and Early Gravettian lithic assemblages? The case of Grotta Paglicci (Rignano Garganico, Foggia, Southern Italy) // Memoire de la Societe Prehistorique Francaise. Vol. LIII. P. 161–174.
- Boscatto P., Ronchitelli A., Wierer U. 1997. Il Gravettiano antico della Grotta della Cala a Marina di Camerota: paleontologia e ambiente // Rivista di Scienze Preistoriche. Vol. 48. P. 97–186.
- Coon C.S. 1971. The hunting peoples. Boston: Little; Brown.
- Coppe J., Rots V. 2017. Focus on the target. The importance of a transparent fracture terminology for understanding projectile points and projecting modes // JAS: Reports. Vol. 12. P. 109–123.
- Derndarsky M. 2003. Functional analysis of the microgravettian points and backed bladelets of Stillfried/Steinschlagertelner — preliminary results // Tsonov T., Montagnari Kokelj E. (eds.). The humanized mineral world: towards social and symbolic evaluation of prehistoric technologies in South Eastern Europe, Proceedings of the ESF Workshop, Sofia. Sofia. (ERAUL; 103). P. 51–57.
- Djindjian F., Bosselin B. 1994. Perigordien et Gravettien: l'epilogue d'une contradiction? // Prehistoire Europeenne. Vol. 6. P. 117–131.
- Djindjian F., Koslowski J., Otte M. 1999. Le paleolithique superieur en Europe. Paris: A. Colin.
- Donahue R. 1988. Microwear analysis and site function of Paglicci Cave, level 4A // World Archaeology. Vol. 19 (3). P. 357–375.
- Duches R. 2012. Pratiche venatorie e dinamiche comportamentali dei gruppi tardoglaciali dell'Italia nord-orientale: analisi tecnologica, economica e funzionale delle armature litiche di Riparo Dalmeri (Altopiano della Marcesina, Trento): unpublished PhD thesis, Universita degli Studi di Ferrara.

- Fischer A., Vemming Hansen P., Rasmussen P. 1984. Macro and micro wear traces on lithic projectile points // *Journal of Danish Archaeology*. No. 3. P. 19–46.
- Fu Q., Mittnik A., Johnson P.L. F., Bos K., Lari M., Bollongino R., Sun Ch., Giemsch L., Schmitz R., Burger J., Ronchitelli A.M., Martini F., Cremonesi R.G., Svoboda J., Bauer P., Caramelli D., Castellano S., Reich D., Pääbo S., Krause J. 2013. A revised timescale for human evolution based on Ancient mitochondrial genomes // *Current Biology*. Vol. 23 (7). P. 553–559.
- Gambassini P. 2007. Traits essentiels du Gravettien en Italie // *Paleo*. Vol. 19. P. 105–108.
- Geneste J.-M., Plisson H. 1989. Analyse technologique des pointes a cran solutréennes du Placard (Charante), du Fourneau du Diable, du Pech de la Boissiere et de Combe-Sauniere (Dordogne) // *Paleo*. Vol. 1 (1). P. 65–106.
- Germonpré M., Sablin M., Khlopachev G.A., Grigorieva G.V. 2008. Possible evidence of mammoth hunting during the Epigravettian at Yudinovo, Russian Plain // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 27 (4). P. 475–492.
- Kozłowski J.K. 1986. The Gravettian in Central and Eastern Europe // *Advances in World Archaeology*. Vol. 5. P. 131–200.
- Kozłowski J.K. 2015. The origin of the Gravettian // *QI*. Vol. 359. P. 3–18.
- Kufel-Diakowska B., Wilczyński J., Wojtal P., Sobczyk K. 2016. Mammoth hunting – Impact traces on backed implements from a mammoth bone accumulation at Krakow Spadzista (southern Poland) // *JAS*. Vol. 65. P. 122–133.
- Laplace G. 1966. Recherches sur l'origine et l'évolution des complexes leptolithiques. Paris: Bocard.
- Lemorini C., Rossetti P. 1998/1999. Analisi funzionale dello strumentario lamellare aurignaziano: risultati ottenuti e prospettive di ricerca, *Annuario Storico Valpolicella*.
- Maier A., Lehmkuhl F., Ludwig P., Melles M., Schmidt I., Shao Yu., Zeeden C., Zimmerman A. 2016. Demographic estimates of hunter – gatherers during the Last Glacial Maximum in Europe against the background of palaeoenvironmental data // *QI*. Vol. 425. P. 49–61.
- Montoya C. 2002. Les pointes a dos epigravettiennes de Saint-Antoine-Vitrolles (Hautes-Alpes): diversite typologique ou homogeneite conceptuelle? // *BSPF*. Vol. 99 (2). P. 275–287.
- Moreau L. 2010. Geißenklosterle. The Swabian Gravettian in its European context // *Quartar*. Vol. 57. P. 79–93.
- Moreau L. 2012. Le Gravettien ancien d'Europe Centrale revisite: mise au point et perspectives // *L'Anthropologie*. Vol. 116. P. 609–638.
- Mussi M. 2000. Heading south: the gravettian colonisation of Italy // *Roebroeks W., Mussi M., Svoboda J., Fennema K. (eds.). Hunters of the Golden Age. The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 BP*. Leiden: University of Leiden Press. P. 355–374.
- Nikolskiy P., Pitulko V. 2013. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting // *JAS*. Vol. 40 (12). P. 4189–4197.
- Oliva M. 2005. Palaeolithic and Mesolithic in Moravia. Brno: Moravske Zemske Muzeum.
- Otte M. 2013. *Les Gravettiens*. Paris: Errance.
- Otte M., Noiret P. 2002. Evolution du Gravettien du moyen Danube // *Svoboda J., Sedlačková L. (eds.). The Gravettian along the Danube*. Brno: Institute of Archaeology CAS. (Dolněvestonické Studie; vol. 11). P. 9–32.
- Palma di Cesnola A. 1993. *Il Paleolitico Superiore in Italia*. Firenze: Garlatti & Razzai.
- Palma di Cesnola A. 1998. Il problema dell'origine del Gravettiano. Commenti sul XII Colloquio del Congresso U.I.S.P.P. 1996 // *Rivista di Scienze Preistoriche*. Vol. XLIX. P. 379–394.
- Palma di Cesnola A. 2005. *Paglicci. L'Aurignaziano e il Gravettiano antico*. Foggia: Claudio Grenzi Editore.
- Penley C., Ross A. 1991. *Technoculture*. Vol. 3. University of Minnesota Press.
- Perpère M. 2000. Les pointes de la Gravette de la couche 5 de l'abri Pataud. Reflexions sur les armes de pierre dans les outillages perigordiens // *Anthropologie et Préhistoire*. Vol. 111. (ERAUL; 51). P. 19–27.
- Posth C., Renaud G., Mittnik A., Drucker D.G., Rougier H., Cupillard Ch., Valentin F., Thevenet C., Furtwängler A., Wißing Ch., Francken M., Malina M., Bolus M., Lari M., Gigli E., Capecchi G., Crevecoeur I., Beauval C., Flas D., Germonpré M., Krause J. 2016. Pleistocene mitochondrial genomes suggest a single major dispersal of non-Africans and a Late Glacial population turnover in Europe // *Current Biology*. Vol. 26 (6). P. 827–833.
- Reynolds N. 2014. The Mid Upper Palaeolithic of European Russia: chronology, culture history and context. A study of five Gravettian backed lithic assemblages: unpublished PhD thesis, University of Oxford.
- Rots V., Plisson H. 2014. Projectiles and the abuse of the use-wear method in a search for impact // *JAS*. Vol. 48. P. 154–165.
- Sano K., Oba M. 2015. Backed point experiments for identifying mechanically-delivered armatures // *JAS*. Vol. 63. P. 13–23.
- Seguin-Orlando A., Korneliussen T.S., Sikora M., Malaspina A.-S., Manica A., Moltke I., Albrechtsen A., Ko A., Margaryan A., Moiseyev V., Goebel T., Westaway M., Lambert D., Khartanovich V., Wall J.D., Nigst Ph. R., Foley R.A., Lahr M.M., Nielsen M., Orlando L., Willerslev E. 2014. Genomic structure in Europeans dating back at least 36,200 years // *Science*. Vol. 346. P. 1113–1118.
- Sinitzyn A. 2007. Variabilite du Gravettien de Kostienki (Bassin moyen du Don) et des territoires associes // *Paleo*. Vol. 19. P. 179–200.
- Sinitzyn A. 2013. Reflexions sur la parure // *de Beaune S. (ed.). Chasseurs-Cueilleurs*. Paris: CNRS. P. 209–220.
- Sinitzyn A.A. 2015. Perspectives on the Palaeolithic of Eurasia: Kostenki and related sites // *Sanz N. (ed.). Human origin sites and the World Heritage convention in Eurasia*. Vol. 1. Paris & Mexico City: UNESCO. (HEADS; 4). P. 163–189.
- Sinitzyn A., Hoffecker J. F. 2006. Radiocarbon dating and chronology of the Early Upper Paleolithic at Kostenki // *QI*. Vol. 151–152. P. 164–174.

- Skakun N., Terekhina V. 2016. Significance of experimental works in research of functions of ancient tools (after materials of the settlement Bodaki of Tripolye culture) // *QI*. Vol. 427. P. 6–24.
- Soffer O., Praslov N.D. (eds.). 1993. *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic – Paleo-Indian Adaptations*. New York: Plenum Press.
- Soriano S. 1998. Les microgravettes du Perigordien de Rabier a Lanquais (Dordogne): analyse technologique fonctionnelle // *Gallia Prehistoire*. Vol. 40. P. 29–75.
- Svoboda J.A. 2007. The Gravettian on the middle Danube // *Paleo*. Vol. 19. P. 203–220.
- Wierer U. 2013. Variability and standardization: the Early Gravettian lithic complex of Grotta Paglicci, Southern Italy // *QI*. Vol. 288. P. 215–238.
- Zenin V.N., Leshchinskiy S.V., Zolotarev K.V., Groottes P.M., Nadeau M.J. 2006. Lugovskoe: geoarchaeology and culture of a Paleolithic site // *AEAE*. Vol. 25 (1). P. 41–53.

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТОЯНОК РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
С ЛИСТОВИДНЫМИ ОСТРИЯМИ НА ПЛАСТИНАХ
(Линкомбьен — Ранис — Ежмановице):
ПРОБЛЕМА I КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ КОСТЕНОК 8¹**

Д. Фляс

Университет Льежа, Бельгия

Введение

В период так называемого перехода от среднего палеолита к верхнему ~40–35 тыс. ¹⁴С л. н. памятники индустрии Линкомбьен — Ранис — Ежмановице (далее — ЛРЕ), характеризующиеся наличием листовидных острий на пластинах, обнаружены в северо-западной части Европейской равнины от Уэльса до Польши. Учитывая редкость и малочисленность этих комплексов, часто смешанных с другими материалами (мустье, ориньяк) в коллекциях старых раскопок, выделение этой индустрии не было легким. Несмотря на эти трудности, ЛРЕ, несомненно, представляет собой интересный феномен, относящийся к началу верхнего палеолита на северо-западе Европы.

Для коллекций каменного инвентаря ЛРЕ характерно пластинчатое расщепление с объемных ядрищ, производство пластин для изготовления листовидных острий с бифасиальной ретушью, которые иногда называют «ежмановицкими остриями» (рис. 1), и присутствие «верхнепалеолитических» типов орудий, таких как скребки, резцы и пластины с ретушью. Учитывая географию и хронологию стоянок, а также полученные прямые даты по антропологическим останкам, наиболее вероятно, что эти индустрии были изготовлены последними популяциями неандертальцев Северо-Западной Европы (см. Flas, 2011 и ссылки в этой работе).

Современное понимание ЛРЕ является результатом длительного процесса, который начался с выделения ежмановициена польским археологом Вальдемаром Хмелевским в 1961 г. В. Хмелевский провел раскопки в пещере Нетопежева, расположенной в деревне Ежмановице (район Кракова, Южная Польша), и пришел к выводу о своеобразии обнаруженной им коллекции с листовидными остриями на пластинах. Он предложил объединить в «цивилизацию Ежмановице» несколько

польских стоянок и верхний культурный слой стоянки Костенки 8 (Тельманская) в Центральной России (Chmielewski, 1961). Часть исследователей разделяла точку зрения В. Хмелевского, в то время как другие подвергали ее сомнению. Таким образом, пересмотр I слоя Костенок 8 обусловлен необходимостью решения вопросов о географическом и хронологическом распространении индустрий ЛРЕ — работы, которая проводилась в рамках написания моей диссертации (Flas, 2006).

Костенки 8 (Тельманская стоянка)

Костенки 8 являются одной из многочисленных верхнепалеолитических стоянок в Костенковско-Борщевском районе. Памятник приурочен к отложениям второй надпойменной террасы правого берега р. Дон. Первые раскопочные работы на Костенках 8 были осуществлены П. П. Ефименко в 1937 г., дальнейшие исследования проводились А. Н. Рогачевым в 1949–1952 гг. (Рогачев, Аникович, 1984: 212). С 2007 г. раскопки возобновились совместной российско-американской группой археологов, однако их результаты к настоящему времени остаются неопубликованными (Дж. Хоффекер — устное сообщение).

На стоянке обнаружено четыре культурных слоя. Верхний (первый) культурный слой, который является предметом рассмотрения в настоящей статье, залегает на глубине около 2 м от современной поверхности в отложениях лесовидного суглинка. На этом уровне П. П. Ефименко идентифицировал жилую структуру, состоящую из круглой ямы с вертикальными стенами от 50 до 70 см в глубину, 5,5 м в диаметре и с предполагаемым входом в западной части. В полу жилища был вырыт очаг, а также три небольших ямы (от 30 до 50 см шириной и 20 см глубиной). Скопление находок внутри конструкции составило большую часть коллекции этого

¹ Оригинальная версия статьи: Flas D. 2015. The extension of Early Upper Palaeolithic with blade leaf-points (Lincombian-Ranisian-Jerzmanowician): the issue of Kostenki 8 level I // Ashton N., Harris C. (ed.). No Stone Unturned: Papers in Honour of Roger Jacobi. London. (Lithics Studies Society Occasional Paper; vol. 9). P. 49–58. Перевод с английского языка А. А. Бессуднова.

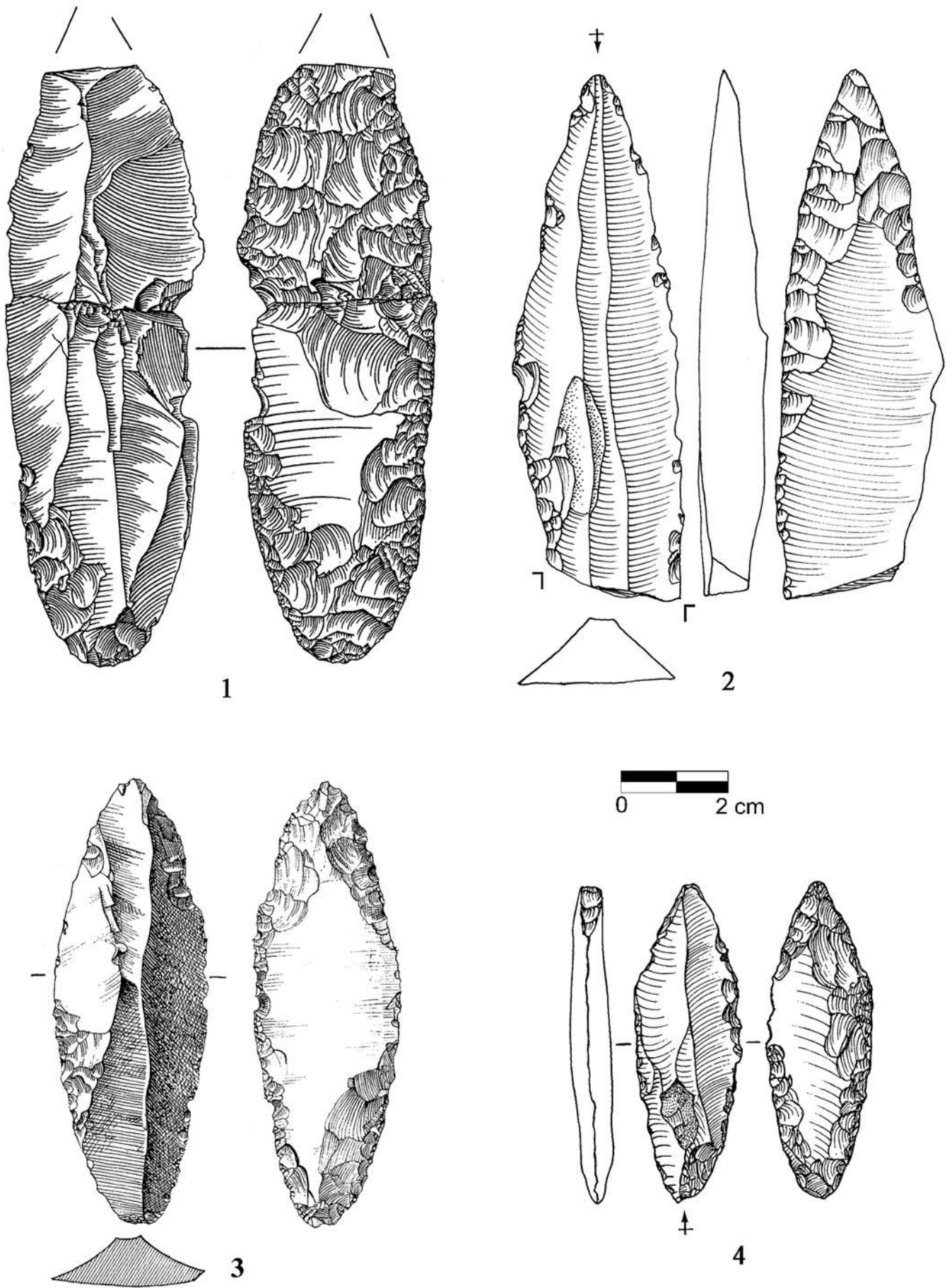

Рис. 1. Ежмановицкие остря из коллекций ЛРЕ: 1 – Бидингс. *Источник:* (Jacobi et al., 2007); 2, 4 – пещера Спи (2 – рис. Д. Фляса; 4 – рис. А.-М. Виттек). *Источник:* (Flas, 2013); 3 – Ранис 2. *Источник:* (Hülle, 1977)

слоя (рис. 2). Раскопками А. Н. Рогачева было вскрыто еще четыре ямы, содержащих материал, аналогичный найденному П. П. Ефименко.

В нижележащих отложениях были обнаружены еще три культурных слоя (Klein, 1969: 141–146; Праслов, Рогачев, 1982; Djindjian et al., 1999: 429–430). Культурный слой II залегает в верхней гумусированной толще и содержит раннеграветтский материал. III культурный слой, также приуроченный к отложениям верхней гумусированной толщи, содержит небольшое количество предметов, так же как и слой IV, обнаруженный на глубине более чем 5 м от поверхности ниже прослойки вулканического пепла (более детальное описание хроностратиграфии костенковских стоянок см. ниже).

Проблема культурной принадлежности каменного инвентаря Костенок 8 (I)

В. Хмелевский (Chmielewski, 1961: 39–45) относил каменную индустрию Костенок 8 (I) к ежмановициену (в настоящее время являющемуся частью более широкого явления ЛРЕ (Flas, 2008; Flas, 2011)), основываясь на публикациях российских археологов и просмотре части коллекции. Сравнивая комплексы польского ежмановициена и Костенок 8 (I), он отмечал «совершенно поразительное сходство» в орудийном наборе (Chmielewski, 1961: 40). Автор выделил ряд общих черт, таких как присутствие листовидных острий, изготовленных на пластинах (он упоминает 135 орудий этого типа из раскопок П. П. Ефименко), и пластинчатое расщепле-

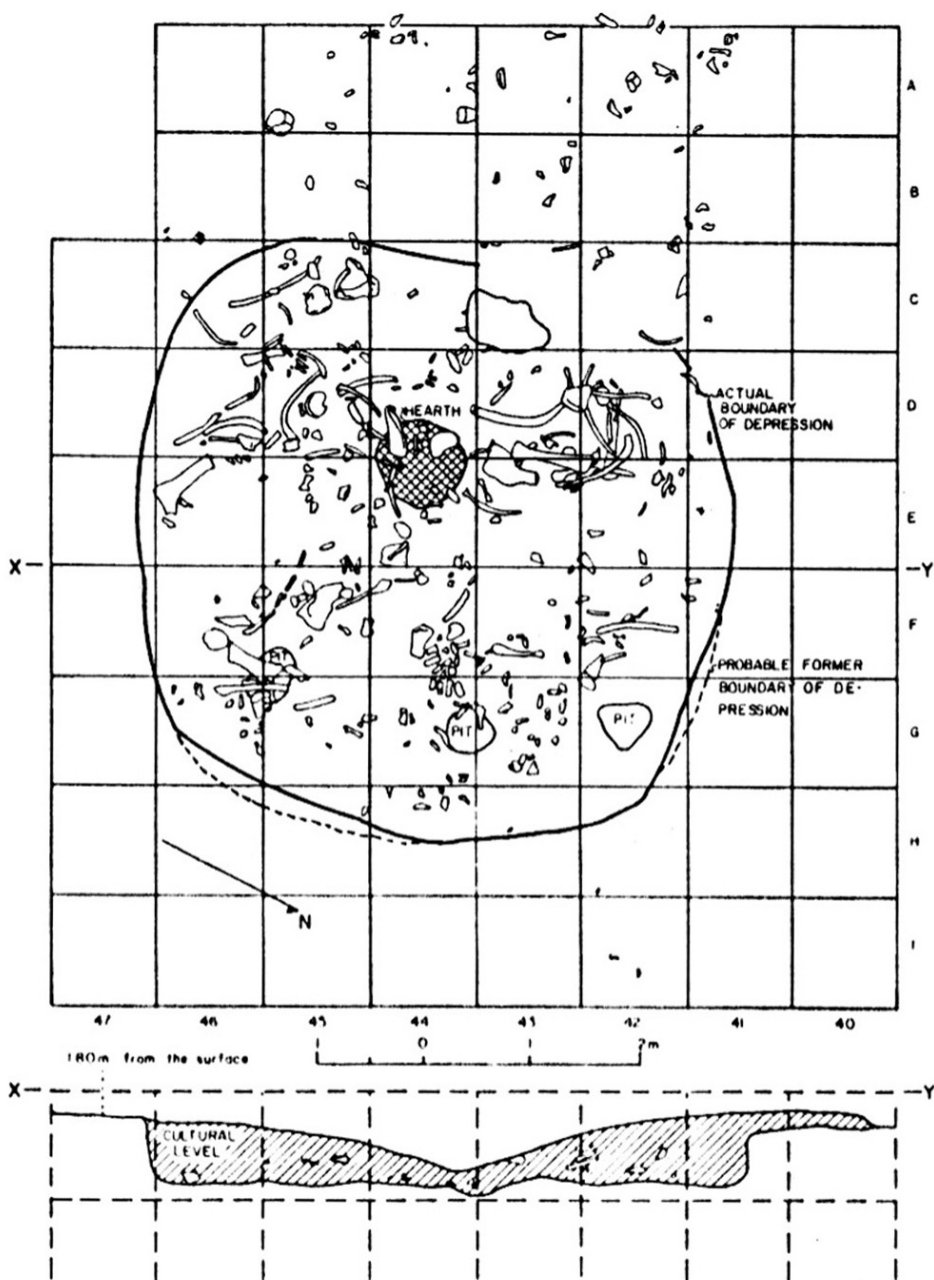

Рис. 2. Жилая конструкция в I культурном слое Костенок 8. Источник: (Klein, 1969)

ние с одно- и двухплощадочных нуклеусов. Он также предположил, что Костенки 8 (I) являются частью поздней стадии ежмановициена, имея такие общие черты с индустрией 4-го культурного слоя пещеры Нетопежева, как отсутствие скребков и бифасиальных листовидных острий, «легковесность» пластин.

Идея связи между ежмановицкими коллекциями из Польши и Германии (Ранис 2) с Костенками 8 была также озвучена Я. К. Козловским (Kozłowski, 1961: 107–110), который даже выбрал последнюю стоянку в качестве эпонимной для обозначения всего комплекса, назвав его «Тельманской индустрией». В своей монографии о солютре П. Смит (Smith, 1966: 145–146) использовал эту гипотезу и относил коллекцию Костенок 8 (I) к ежмановициену. Другие исследователи, напротив, весьма скептически относились к связи между комплексами Костенок 8 (I) и ежмановициена. Хотя Р. Клейн (Klein, 1969: 145–146) прямо не отвергал предположение В. Хмелевского, он тем не менее отметил хронологический разрыв между находками в Костенках 8 (I) (обнаруженными в отложениях второго пленигляциала) и слоем 6 пещеры Нетопежева, имеющего гораздо более древний радиоуглеродный возраст — около 38 тыс. ¹⁴C л. н. По этой же причине Н. К. Анисюткин и Г. П. Григорьев (Анисюткин, Григорьев, 1970) отвергали принадлежность комплекса Костенок 8 (I) ежмановицкой индустрии.

Несмотря на критику, идея связи между ежмановициеном и стоянкой в России имела своих сторонников. В качестве предположения присутствие ежмановициена в Костенках объяснялось результатом миграции населения из Центральной Европы на р. Дон в процессе похолодания во время второго пленигляциала (Kozłowski, Kozłowski, 1979: 37;). Для некоторых исследователей очевидный хронологический разрыв между этими комплексами представлялся неважным, так как возраст 4-го слоя пещеры Нетопежевой оценивался началом второго пленигляциала (Kozłowski, 1983; Desbrosse, Kozłowski, 1988: 47–48). Еще одним способом сократить временной hiatus между стоянками было предложение определять время существования Костенок 8 (I) около 27 тыс. ¹⁴C л. н. (Kozłowski, Kozłowski, 1996: 57).

Эти гипотезы были отвергнуты Н. Д. Прасловым и А. Н. Рогачевым (Праслов, Рогачев, 1982), которые вместо этого констатировали сходство коллекций Костенок 8 (I) и III культурного слоя Костенок 11. Вывод о связи этих двух стоянок также был сделан М. В. Аниковичем (Anikovich,

2000), который даже объединил их в одну «аносовско-тельманскую культуру», вероятное происхождение которой связывалось со стрелецкой культурой (из-за наличия в коллекции Костенок 11 (III) бифасиального треугольного наколенника с вогнутым основанием).

Ф. Олсворс-Джоунс (Allsworth-Jones, 1986: 179–180) обращал внимание на слабость аргументации для объединения Костенок 8 (I) и ежмановициена. В частности, он считал сходство небольшого числа листовидных острий в двух индустриях слишком слабым типологическим аргументом в свете географического и хронологического разрыва между польским ежмановициеном и российской стоянкой. Вероятно, из-за имеющихся радиоуглеродных дат (см. ниже) другие исследователи предлагали относить коллекцию Костенок 8 (I) к кругу граветтских индустрий (Djindjian et al., 1999: 430). Относительно недавно В. Ю. Коэн и В. Н. Степанчук (Cohen, Stepanchuk, 2001), признавая хронологический разрыв, все же интерпретировали инвентарь Костенок 8 (I) как ежмановициен. Подобным образом А. А. Синицын (Sinitsyn, 1999) помещает эту кремневую индустрию в «ежмановицко-тельманскую культуру».

Совершенно очевидно, что единого мнения относительно интерпретации индустрии Костенок 8 (I) и особенно ее связи с ЛРЕ не существует. Тем не менее последние исследования (например, Flas, 2008; Flas, 2011; Jacobi et al., 2007) способствовали формированию более полного представления о хронологии, типологии и технологии ЛРЕ, что позволяет провести детальное изучение коллекции Костенок 8 (I) и попытаться решить проблему интерпретации индустрии с учетом новых данных.

Хронология Костенок 8 (I)

Стратиграфия и хронология отложений в Костенках сравнительно хорошо изучены. Отложения ранневерхнепалеолитического возраста, датируемые примерно между 40 и 25 тыс. ¹⁴C л. н., соответствуют положению «верхней гумусированной толщи» и «нижней гумусированной толщи», разделенных прослойкой вулканического пепла. Над верхней гумусированной толщей залегает толща лессовидного суглинка, время образования которой приходится на похолодание второго пленигляциала (например, см. Sinitsyn, 2003).

Именно в этих лессовидных отложениях обнаружен I культурный слой Костенок 8. Полученные радиоуглеродные даты хорошо коррелируют

со стратиграфической позицией культурного слоя: $22\,000 \pm 160$ ^{14}C л. н. (ГИН-7988) по ребру мамонта и $22\,900 \pm 120$ ^{14}C л. н. (ГИН-7997) по зубу мамонта (Praslov, Soulerzhitsky, 1997; Sinitsyn, 1999). Эти даты также согласуются с полученными датировками для нижележащего культурного слоя II (ранний граветт), залегающего в верхней гумусированной толще: $27\,700 \pm 750$ ^{14}C л. н. (GrN-10509) по древесному углю (Dambon et al., 1996) и $24\,500 \pm 450$ ^{14}C л. н. (ГИН-7999) по кости лошади (Praslov, Soulerzhitsky, 1997).

Костенки 8 (I): пересмотр коллекции каменного инвентаря. Орудийный набор

Насколько мне известно, точное количество находок I культурного слоя Костенок 8 не было опубликовано. В. Хмелевский насчитал 6 тыс. каменных артефактов, половина из которых относилась к отходам расщепления, в то время как Р. Клейн сообщал о примерно 6200 предметах,

включающих несколько сотен орудий и несколько тысяч продуктов расщепления (нуклеусы, резцовые сколы, заготовки без ретуши, отщепы и осколки).

Представленный здесь анализ основан только на работе с коллекцией каменного инвентаря, хранящейся в Музее антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге. Коллекция состоит из 1142 предметов, среди которых 663 изделия с ретушью и только 24 осколка и мелких отщепа (от ретуширования). Очевидно, что материал был сортирован. Часть орудий в коллекции отсутствует, так как некоторые изделия, иллюстрированные в различных публикациях, в ходе работы не удалось обнаружить. Тем не менее, основываясь на подсчетах в публикациях, большинство изделий с ретушью, а также значительная часть неретушированных заготовок и побочных продуктов расщепления были доступны для исследования (см. табл.).

Коллекция I культурного слоя Костенок 8 из фондов Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге

Категории орудий	Типы орудий	%	Кол-во
Пластины и острия с частичной бифасиальной обработкой	Всего	4,67	31
	Острия на пластинах / «ежмановицкие острия»	–	12
	Фрагменты изделий с бифасиальной обработкой	–	19
Листовидный бифас	–	0,15	1
Фрагмент орудия с боковой выемкой (наконечник костенковского типа?)	–	0,15	1
Острия на пластинах	Всего	7,39	49
	Двуконечные, листовидные	–	2
Резцы	Всего	20,51	136
	Неопределимые	–	5
	На сломе заготовки	–	27
	Ретушные	–	29
	Двугранные	–	57
	Комбинированные	–	18
Скребки	Всего	5,88	39
	С вентральной ретушью или подтеской	–	16
	Двойные	–	9
Транке	Всего	3,16	21
	Вентральные	–	4
	С вентральной ретушью или подтеской	–	7
Проколки	–	0,3	2
Комбинированные орудия	Всего	3,61	24
	Резец-острие	–	5
	Резец-транке	–	5
	Скребок-резец	–	5

Категории орудий	Типы орудий	%	Кол-во
	Скребок-острие	–	2
	Скребок-проколка	–	1
	Скребок-транке	–	1
	Скребок – орудие с выемкой	–	2
	Транке-острие	–	3
Пластины с ретушью	Всего	29,11	193
	По одному краю	–	108
	По двум краям	–	85
Микропластины с ретушью	–	0,3	2
Скребла	Всего	4,07	27
	Простые	–	18
	Двойные	–	1
	Конвергентные	–	4
	Дежете	–	4
Отщепы с ретушью	–	2,41	16
Зубчато-выемчатые орудия	–	0,3	2
Орудия с выемкой	–	0,3	2
Долотовидные орудия	–	2,26	15
Неопределимые фрагменты с ретушью	–	15,38	102
Всего орудий		100	663
Отщепы	–	–	53
Пластины	–	–	115
Микропластины	–	–	14
Реберчатые пластины	Всего	–	9
	Вторичные реберчатые пластины (neo-crested blades)	–	2
Нуклеусы	Всего	–	22
	Одноплощадочные для производства пластин	–	2
	Для производства отщепов	–	6
	Вторичные	–	3
	Аморфные	–	11
Таблетки	–	–	3
Сколы оживления плоскости расщепления	–	–	2
Резцовые сколы	Всего	–	209
	С ретушированной площадки	–	196
Осколки	–	–	26
Неопределимые фрагменты	–	–	23
Предметы без расщепления	Всего	–	3
	Отбойники	–	2
	Песчаниковая плита, окрашенная охрой	–	1
Всего			1142

Возможно, что число изделий с ретушью в таблице превышает реальное количество орудий из-за высокой степени фрагментации предметов. К примеру, проксимальный фрагмент, внесенный в категорию пластин с ретушью, и дистальный фрагмент, помещенный в категорию острий на пластинах, могут яв-

ляться частями одного орудия. Из-за ограниченности во времени не было возможности предпринять попытки систематического поиска связей по ремонту. Неопределимые орудия были многочисленны, в основном они представляли собой мелкие фрагменты, поврежденные огнем.

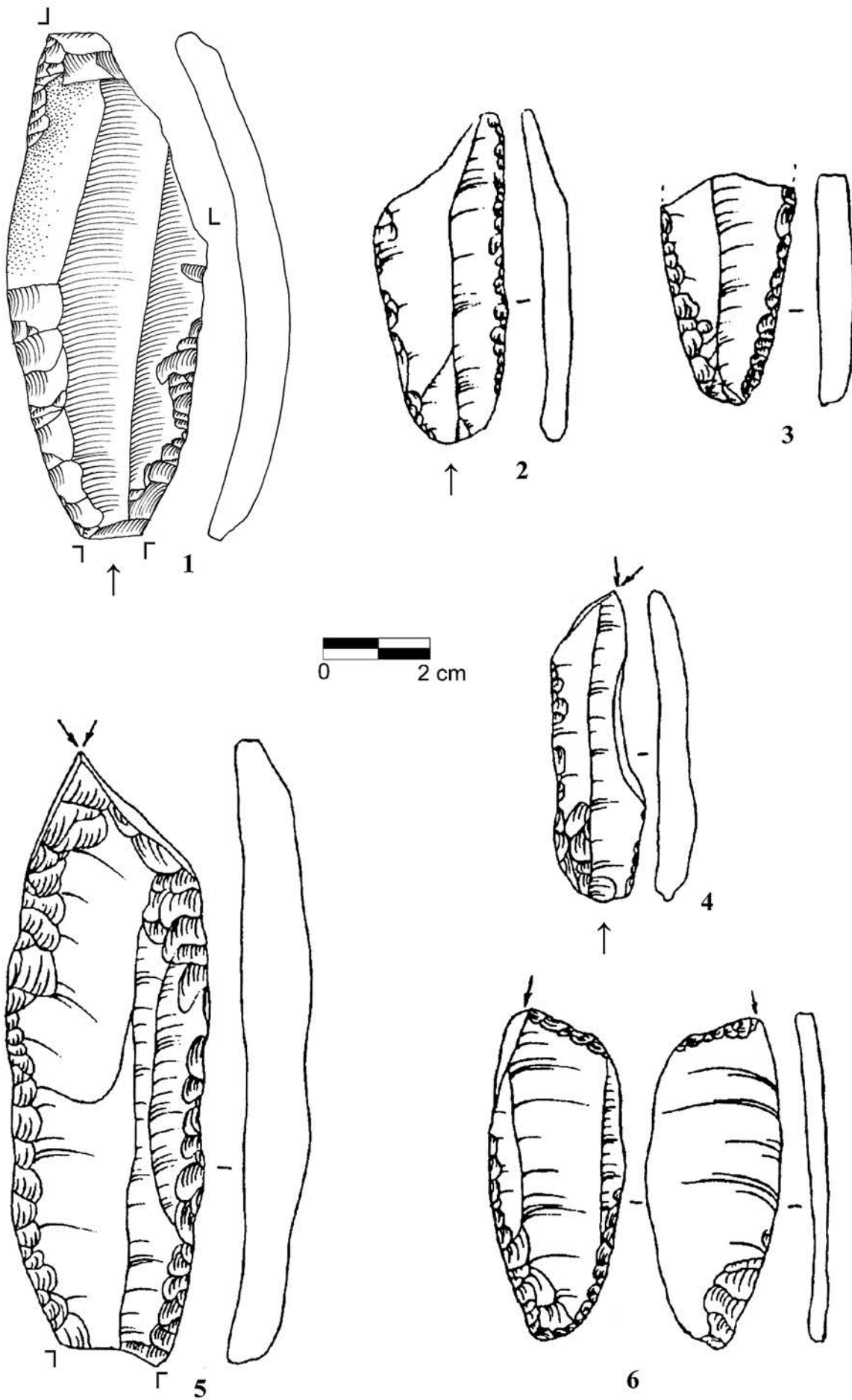

Рис. 3. Костенки 8 (I): 1-3 — пластины с ретушью; 3-6 — резцы
 (1 — рис. Д. Фляса, 2-6 — источник: (Челидзе, 1968))

Пластины с ретушью (рис. 3) являются наиболее распространенным типом орудий и насчитывают 193 экз. (около 27% от общего числа орудий). Помимо этого, значительная часть других орудий имеет ретушь по одному или двум краям (78 из 136 резцов, 34 из 38 скребков, 17 из 21 транке, а также все острия на пластинах). Важность использования краевой ретуши также подтверждается высокой долей резцовых сколов, снимающих часть ретушированного края (более 90% резцовых сколов имеют унаследованную ретушь на кромке). Следующая по распространению категория — резцы, составляет около 20,5% от общего числа орудий

(рис. 3); среди них преобладают двугранные. Интенсивное изготовление резцов отразилось на присутствии в коллекции большого количества резцовых сколов (209 экз., 18,3% от общего числа находок в коллекции).

Среди острий на пластинах 49 экз. имеют только дорсальную ретушь, обычно краевую. Количество этих орудий превышает число острий и пластин с бифасиальной ретушью. Два из них — двуконечные и имеют листовидную форму (рис. 4: 4, 5), однако они значительно отличаются от обычных листовидных острий: ланцетовидная форма изготовлена исключительно при помощи дорсальной краевой ретуши

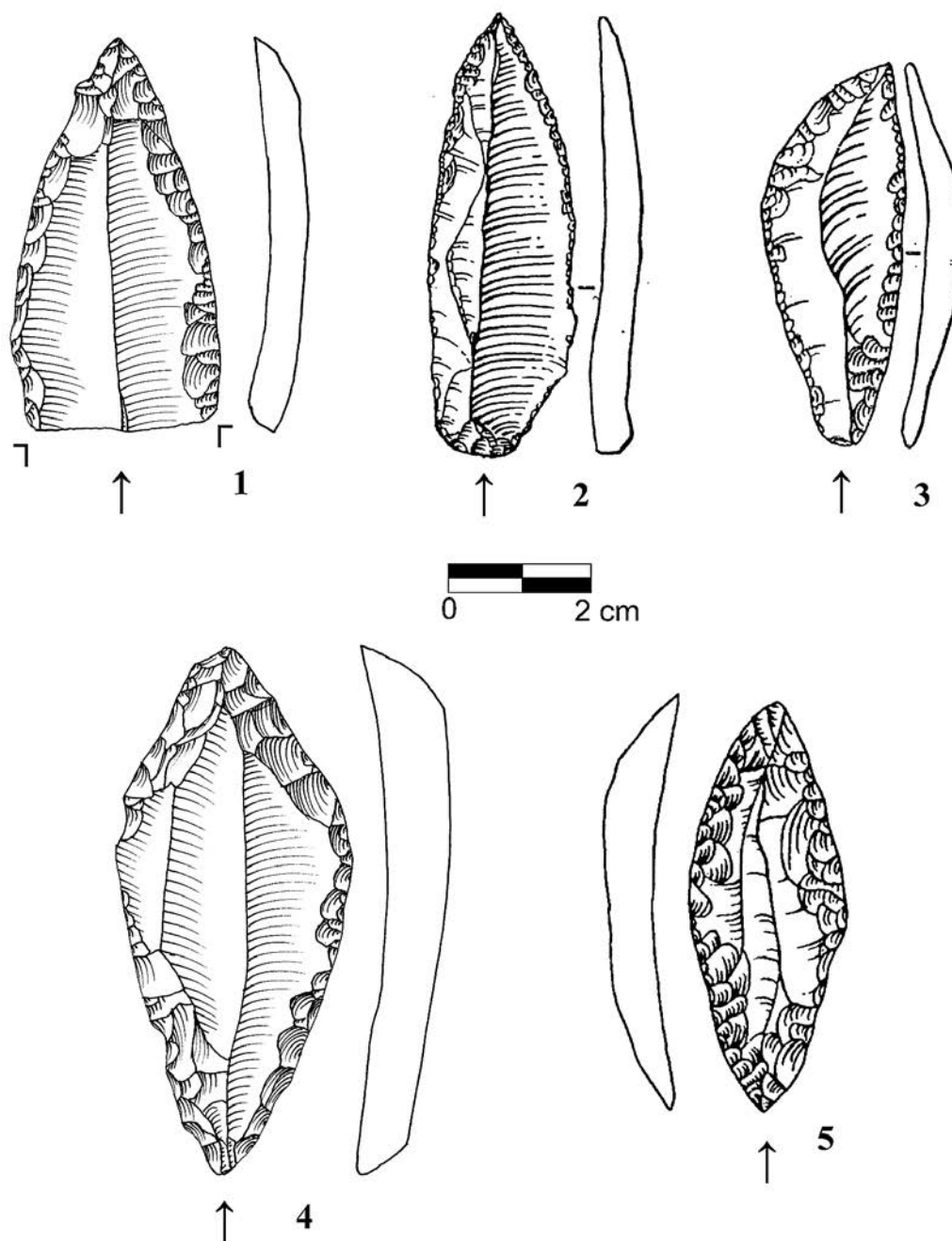

Рис. 4. Костенки 8 (I). Острия на пластинах (1, 4 — рис. Д. Фляса; 2, 3 — источник: (Рогачев, Аникович, 1984); 5 — источник: (Челидзе, 1968))

и не имеет плоской вентральной ретуши, как у острий на пластинах ЛРЕ (рис. 1).

Среди предметов с бифасиальной обработкой (рис. 5–7) лишь несколько (12 экз.) могут сопоставляться с «ежмановицкими остриями»

(рис. 5, 6). Более того, некоторые из них не схожи с остриями ЛРЕ из-за слабого распространения вентральной ретуши (рис. 6: 1, 5, 6). Другие имеют слабовыделенный черешок (4 экз.), что также нехарактерно для ежмановицких острий

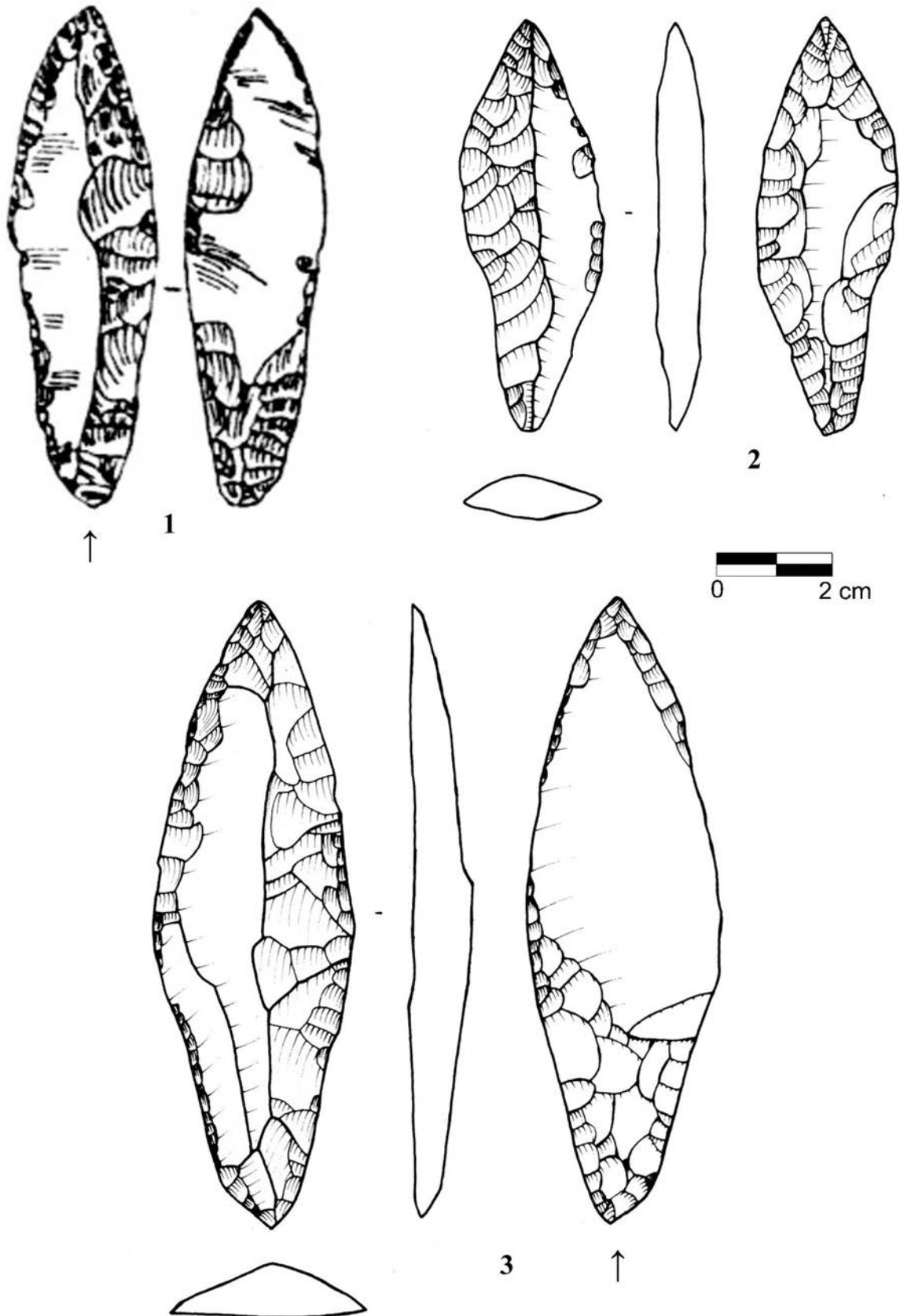

Рис. 5. Костенки 8 (I). Острия на пластинах с бифасиальной обработкой, схожие с ежмановицкими остриями (1 – источник: (Klein, 1969); 2, 3 – источник: (Allsworth-Jones, 1986))

(рис. 5: 2, 3). Такая комбинация черешка и бифасиальной ретуши также прослеживается на других типах орудий, таких как резцы, скребки и транке; они могут соответствовать бывшим остриям, впоследствии использовавшимся в ка-

честве других орудий. Несколько фрагментов узких пластин с бифасиальной ретушью (9 экз.) предположительно являются сломанными черешками (рис. 7: 7). В коллекции присутствует только одно листовидное острие с двусторонней

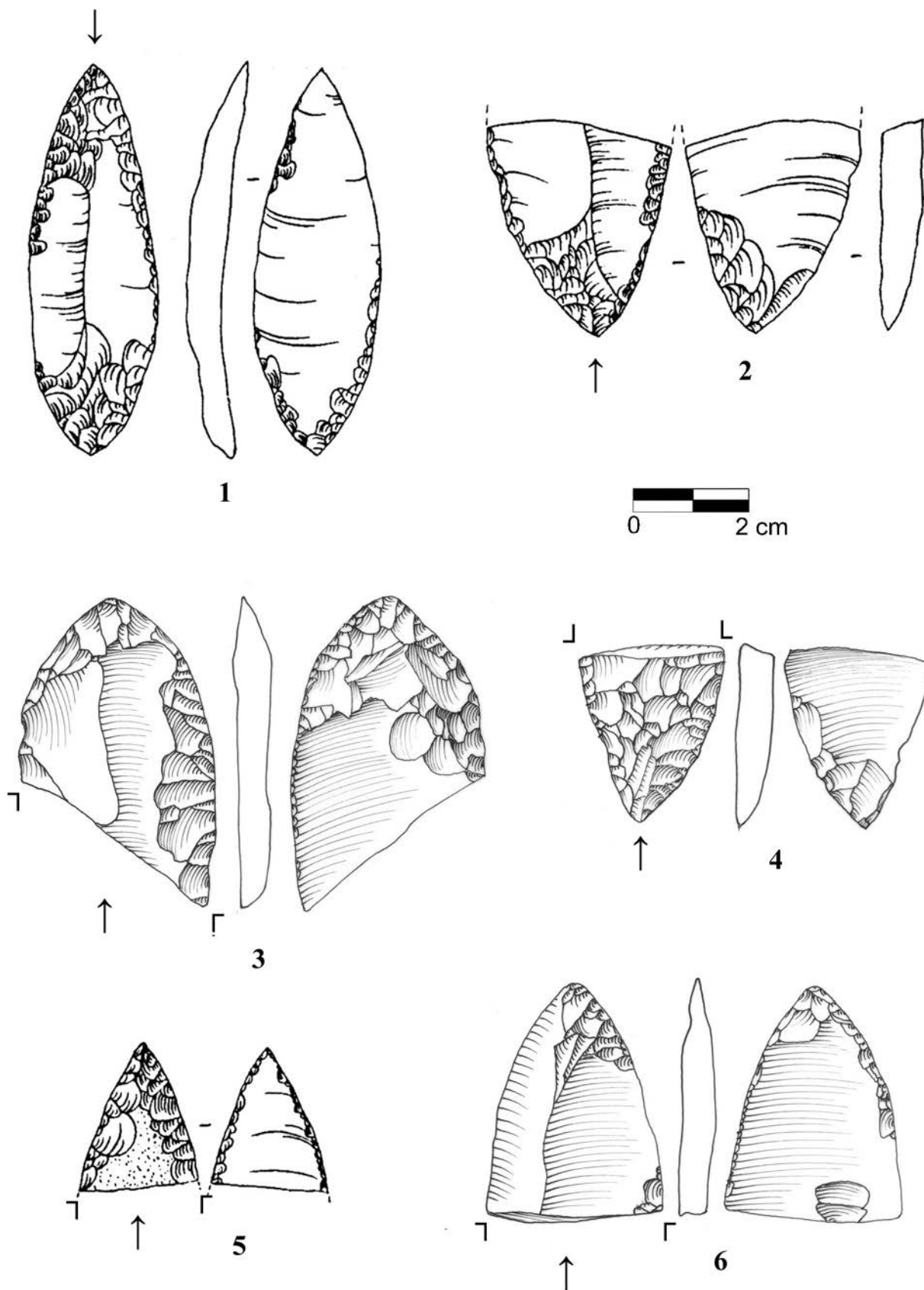

Рис. 6. Костенки 8 (I). Острия на пластинах с бифасиальной обработкой, схожие с ежмановицкими остриями (1, 3, 4, 6 – рис. Д. Фляса; 2, 5 – источник: (Челидзе, 1968))

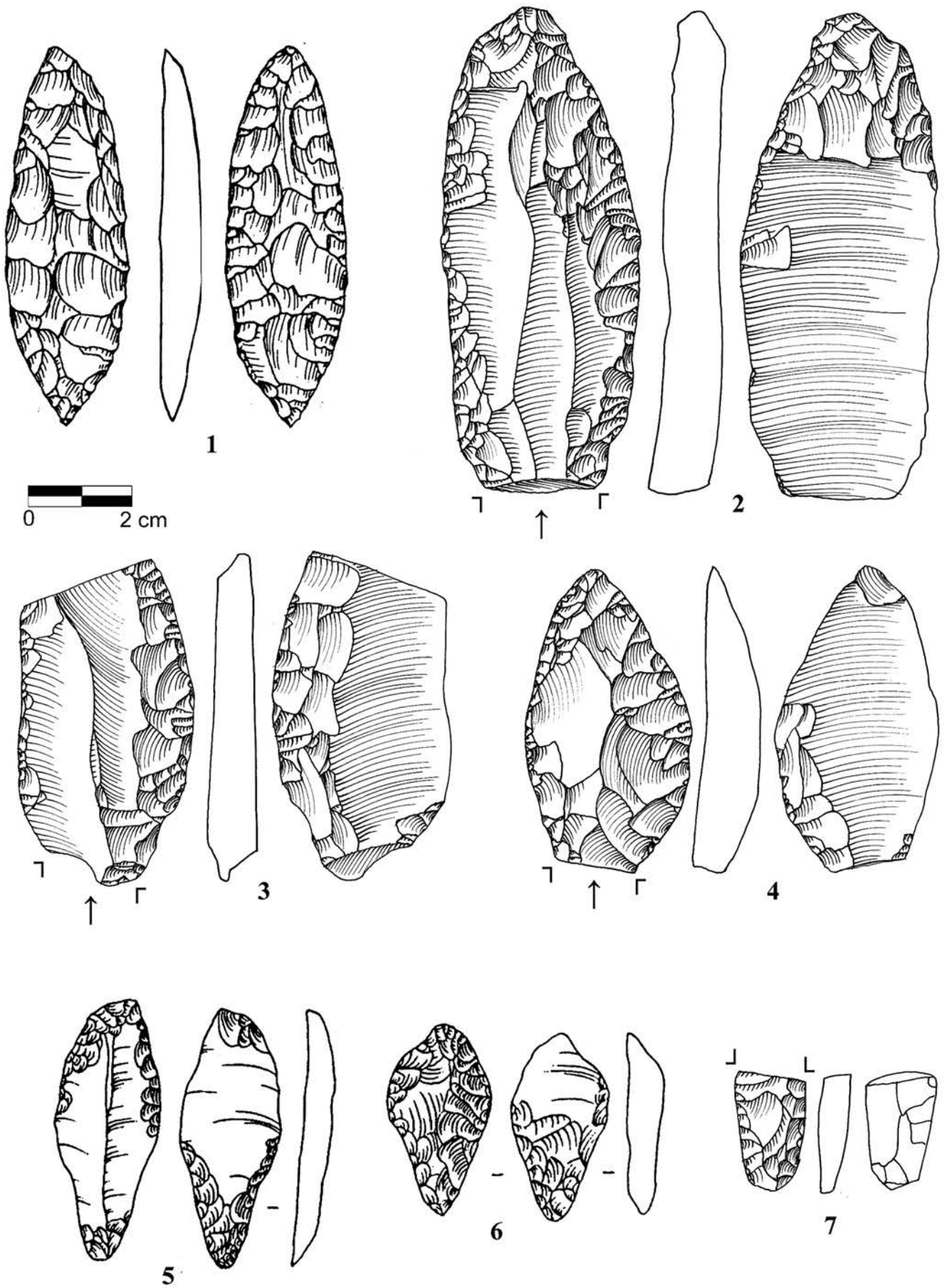

Рис. 7. Костенки 8 (I): 1 — бифасиальное листовидное острие; 2–4 — орудия с двусторонней обработкой; 5–6 — орудия с черешком; 7 — предполагаемый обломок черешка (1 — источник: (Kozłowski, Kozłowski, 1979); 2–4, 7 — рис. Д. Фляса; 5–6 — источник: (Челидзе, 1968))

обработкой (рис. 7: 1). Другие изделия с бифасиальной ретушью (рис. 7: 2–4) представлены пластинами или отщепами, иногда приостренными, которые не соответствуют ежмановицким остриям. Вместо этого они скорее напоминают двусторонне обработанные ножи или скребла. Следует особо отметить присутствие в коллекции фрагмента острия с выемкой, которое имеет сходство с костенковским наконечником с боковой выемкой (рис. 8: 1).

Скребки (рис. 8: 2–4) и усеченные пластины иногда трудно разделить на разные категории, так как скребковое лезвие зачастую бывает скорее прямым, чем скругленным. Как скребки, так и транке нередко имеют вентральную подтеску под ретушированной дистальной частью (рис. 8: 4). Эта вентральная подтеска напоминает скребки из мадленской стоянки Ла Гарене, которые, согласно экспериментальным данным, были оснащены рукояткой и использовались как

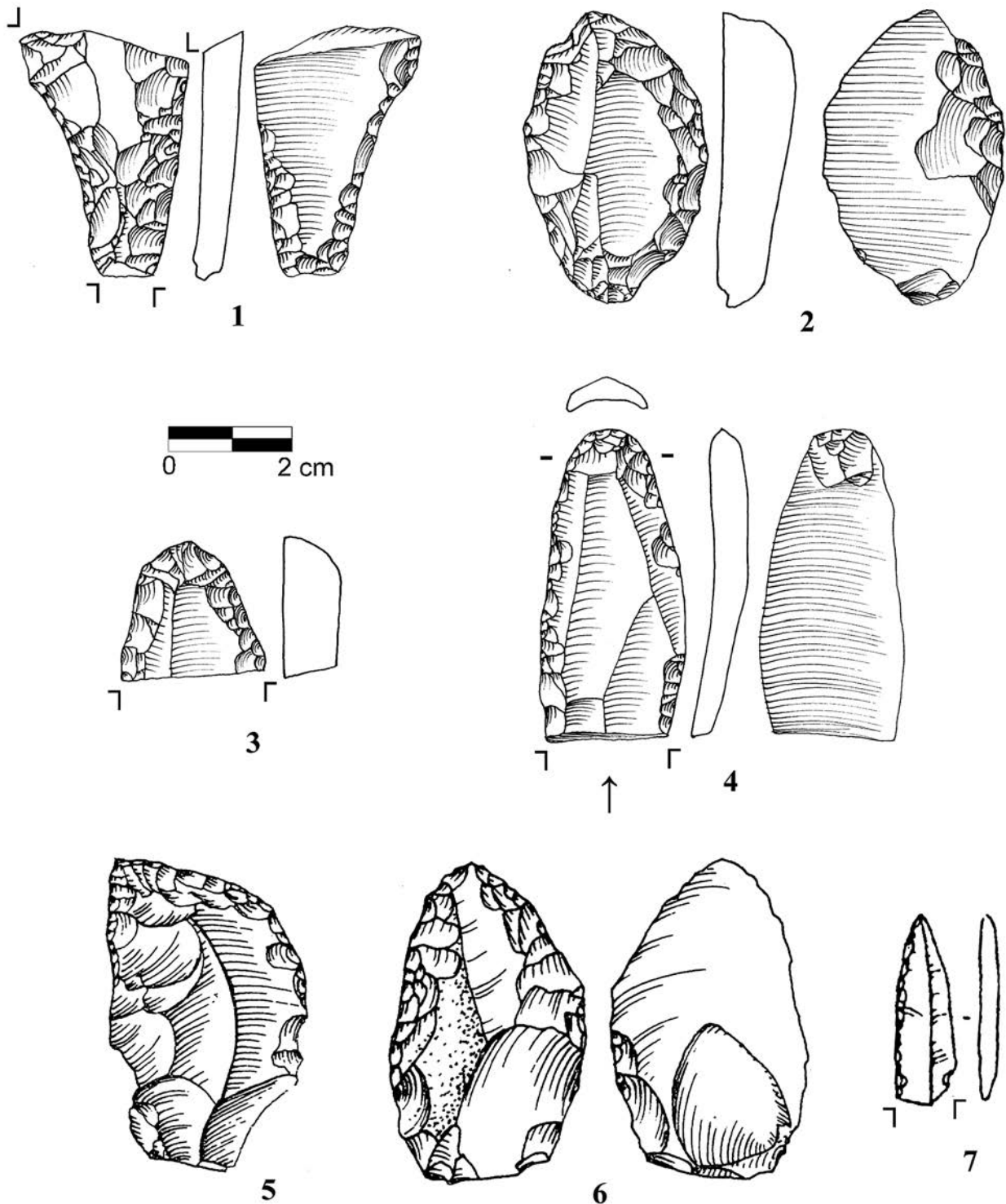

Рис. 8. Костенки 8 (I): 1 — орудие с выемкой (фрагмент костенковского наконечника с боковой выемкой?); 2–4 — скребки; 5–6 — скребла; 7 — микропластинка с ретушью (1–4 — рис. Д. Фляса; 5 — источник: (Kozłowski, Kozłowski, 1979); 6–7 — источник: (Челидзе, 1968))

тесла для работы по твердым материалам, например по дереву (см. Rigaud, 1977). В дополнение к скребкам и усеченным пластинам с вентральной подтеской в коллекции имеется 15 долотовидных орудий. Проколки, зубчато-выемчатые орудия и изделия с выемкой немногочисленны, разнообразнее представлены скребла (27 экз., около 4% от общего числа орудий; рис. 8: 5, 6). Присутствует только одна микропластина с ретушью (не притупливающей), обработанная по одному краю со спинки (рис. 8: 7).

В I культурном слое Костенок 8 также представлена сравнительно бедная коллекция костяных изделий, не являющаяся предметом рассмотрения в настоящей работе. Согласно В. Хмелевскому (Chmielewski, 1961), изделия из кости насчитывают 38 экз., тогда как в работе Р. Клейна (Klein, 1969) упоминается более чем о 19 предметах. Костяная индустрия включает в себя шилья, ложила и костяные трубочки. Присутствуют также подвески, в частности просверленные клыки песцов и бусы.

Технология расщепления

Производство пластин. В изученной коллекции пластины доминируют над другими видами заготовок (пластины — около 600 экз., отщепы — около 100 экз., микропластины — 18 экз.), при этом присутствуют только два нуклеуса для производства пластин. По всей вероятности, остальные нуклеусы для пластин были в значительной степени сработаны и трансформированы посредством снятия мелких нерегулярных отщепов в мелкие аморфные ядрища, которые выбрасывались. Расстояние до источников сырья имеет непосредственное влияние на предельную сработанность нуклеусов — большинство артефактов изготовлено из мелкозернистого темно-серого кремня, происходящего из предположительно далекого (но неизвестного) месторождения. С такими крайне истощенными нуклеусами трудно определить размер отдельных частей сырья, выбранных для производства пластин. Тем не менее длина некоторых целых орудий на пластинах (10–12 см) и фрагментов орудий (9–10 см) позволяет предположить, что по крайней мере некоторые ядрища достигали в длину 15 см и более.

При подготовке нуклеуса иногда создавалось ребро, о чем свидетельствует присутствие 11 реберчатых пластин, но полностью или частично покрытые коркой пластины более многочисленны (75 экз.), чем реберчатые пластины и реберчатые пластины второго снятия (*lame sous crête*)

(48 экз.). Два нуклеуса, наиболее ярко иллюстрирующие пластинчатое расщепление, имеют одну ударную площадку и выпуклый фронт скалывания. Однонаправленное скалывание с одноплощадочных нуклеусов при производстве пластин, дающих изогнутые в профиле сколы, также подтверждается анализом пластинчатых заготовок. Из 188 пластин с различной огранкой дорсальной поверхности 180 имеют негативы однонаправленного снятия и лишь на восьми присутствуют негативы встречного скалывания. Это почти исключительное использование одноплощадочных нуклеусов с выпуклой и конвергентной поверхностью расщепления соответствует высокой доле пластин с изогнутым профилем (152 экз. в сравнении с 46 экз. пластин с прямым профилем). Такая техника пластинчатого расщепления приводила к образованию острого угла между ударной площадкой и поверхностью скалывания, что объясняет присутствие на пластинах площадок с «губой» (на 10 из 135 площадках). Эта губа представляет собой очень толстую площадку, снимающую часть края ударной поверхности, которая иногда получается в процессе расщепления при помощи мягкого органического отбойника с площадок с острым углом (Inizan et al., 1995: 38).

На определенных площадках пластин (135 экз.) нередко встречается очень сильная абразивная подработка, иногда почти полирующая кромку площадки (в 19 случаях). Фасетированные площадки более распространены (58 экз.), чем гладкие (47 экз.), двугранные (24 экз.), точечные (6 экз.) и естественные (1 экз.). Использование мягкого органического отбойника подтверждено высокой долей площадок с губой (114 экз.) и толщиной ударных площадок (112 площадок имеют толщину $\leq 0,5$ см с усредненным значением 0,39 см).

Говоря о размерах изготовленных пластин, следует отметить, что в коллекции существует немного примеров для реконструкции первоначальной длины сколов из-за высокой степени их фрагментации и ретуширования. В просмотренной коллекции целые пластины без ретуши отсутствовали. На основании промеров медиальных фрагментов пластин без ретуши (154 экз.) ширина пластин достигает 3,7 см, однако ширина большей части сколов варьирует в пределах 1,7–2,4 см (82 экз.) с усредненным значением 2,23 см. Толщина пластин, измеренная на 358 заготовках без изменения толщины, составляет 0,3–1,4 см с усредненным значением 0,66 см; в 204 из 358 случаев толщина заготовки варьирует от 0,5 до 0,7 см.

Производство микропластин. Вероятно, систематическое производство микропластин в I культурном слое Костенок 8 отсутствовало. Микропластины (удлиненные заготовки с шириной менее 12 мм) встречаются редко (18 экз.), и только две из них были ретушированы (рис. 8: 7). Столь небольшое количество микропластин не может объясняться несовершенством методики раскопок, так как резцовые сколы многочисленны. В коллекции не представлены нуклеусы для микропластин (призматические, кареноидные или нуклеусы типа «костенковского ножа»). Ширина нескольких микропластин варьирует от 0,8 до 1,2 см, что представляет собой метрическую последовательность ширины пластин; их толщина (0,3–0,6 см) также соответствует толщине пластин. Таким образом, эти несколько микропластин являются просто мелкими заготовками, полученными в ходе пластинчатого расщепления, а не в результате систематического производства микропластин.

Производство отщепов. Примерно половина отщепов (неретушированных или использовавшихся в качестве орудий) полностью или частично покрыты коркой, что свидетельствует об их вероятном происхождении в процессе различных этапов подготовки нуклеусов (удаление корки, снятие ребра, оживление ударной площадки). Дополнительно идентифицированы две техники производства отщепов:

- мелкие (и неретушированные) отщепы, снятые с истощенных нуклеусов для производства пластин;
- отщепы с нуклеусов типа Комбева, снятые с вентральной поверхности массивных сколов. В коллекции обнаружены три нуклеуса типа Комбева, однако лишь один отщеп соответствует такому способу расщепления.

Существуют также некоторые свидетельства изготовления отщепов и пластинчатых отщепов в технике, напоминающей метод леваллуа (массивные фасетированные площадки, расщепление, по всей видимости, твердым отбойником, радиальная огранка дорсальной поверхности). Однако это предположение подтверждается только двумя предметами, чего недостаточно для надежного установления факта использования техники леваллуа в Костенках 8 (I).

Костенки 8 (I) и ЛРЕ: типологическое и технологическое сравнение

Как было подчеркнуто Я.К. Козловским (Kozłowski, 1983: 61), любое прямое сравнение орудийных наборов Костенок 8 (I) и стоянок

ЛРЕ нецелесообразно, так как они представляют собой совершенно различные типы памятников (богатая коллекция из долговременного поселения открытого типа и, напротив, бедные инвентарем культурные слои в пещерах, в большинстве своем, по-видимому, связанные с охотничьей деятельностью). Поэтому высокий процент присутствия некоторых типов орудий в I культурном слое Костенок 8 (резцы, скребла, долотовидные орудия), гораздо реже встречающихся в коллекциях ЛРЕ, не является достаточным основанием для разделения коллекций Костенок 8 (I) и ЛРЕ. Тем же самым можно объяснить присутствие костяного инвентаря и подвесок в Костенках 8 (I).

Главным типологическим аргументом, который ранее использовался для объединения коллекций Костенок 8 (I) и ЛРЕ, являлось наличие каменных изделий (в особенности острий) с бифасиальной ретушью. Действительно, некоторые предметы в Костенках 8 (I) можно сравнить с ежмановицкими остриями — типичными элементами индустрий ЛРЕ. Однако они весьма редки в коллекции и насчитывают всего 12 экз. (1,8% от общего числа орудий), что в четыре раза меньше количества острий на пластинах с дорсальной ретушью (49 экз.). Кроме того, некоторые из этих 12 двусторонне обработанных острий имеют особенности, которые отличают их от ежмановицких (рис. 5, 6).

Часть острий из I культурного слоя Костенок 8 несет минимальную вентральную обработку, что нехарактерно для острий ЛРЕ; у четырех из них присутствует слегка выделенный черешок — особенность, также неизвестная в коллекциях ЛРЕ (Jacobi et al., 2007; Flas, 2008). Остальные орудия с бифасиальной обработкой из Костенок 8 (I) демонстрируют значительное технико-типологическое разнообразие и не могут быть отнесены к ежмановицким остриям, особенно те изделия, которые ближе к скреблам или ножам (рис. 7).

Производство пластин на стоянке Костенки 8 (I) явственно отличается от пластинчатого расщепления памятников ЛРЕ. На Тельманской стоянке почти все пластины были получены с одноплощадочных нуклеусов, а изготовленные заготовки были изогнутыми и легковесными. Напротив, пластины ЛРЕ снимались преимущественно с нуклеусов встречного скалывания, получаясь более прямыми и массивными. Средняя ширина пластин из Костенок 8 (I) составляет 2,23 см, тогда как пластины ЛРЕ (из Бидингса и пещеры Нетопежева) имеют среднюю ширину 2,88 см; средняя толщина пластин

из Костенок 8 (I) — 0,66 см, а в коллекциях ЛРЕ средняя толщина пластин — 0,97 см (про изготовление пластин ЛРЕ см. более подробно: Jacobi et al., 2007; Flas, 2008; Flas, 2011).

Обсуждение

Однозначная и убедительная интерпретация коллекции Костенок 8 (I) является весьма трудной задачей. Р. Клейн сопоставлял ее с индустрией II культурного слоя Костенок 5, руководствуясь прежде всего наличием в инвентаре последней фрагмента листовидного острья (Klein, 1969: 145). Для II культурного слоя этой стоянки имеется три радиоуглеродные даты по кости — $20\,600 \pm 140$ ^{14}C л. н. (ГИН-7996), $20\,900 \pm 100$ ^{14}C л. н. (ГИН-8029) и $22\,920 \pm 140$ ^{14}C л. н. (ГИН-8571) (Djindjian et al., 1999: 429), что сближает хроностратиграфическую позицию Костенок 8 (I) и Костенок 5 (II). Однако коллекция каменного инвентаря из Костенок 5 (II) весьма малочисленна (70 предметов, включая 56 заготовок без ретуши) и не имеет выраженных типологических характеристик (Праслов, Рогачев, 1982: 87).

М. В. Аникович объединял индустрии Костенок 8 (I) и Костенок 11 (III). Так же как и верхний слой Костенок 8, III культурный слой Костенок 11 был обнаружен в лессовидных отложениях второго пленигляциала, и имеет радиоуглеродные датировки от 16 000 до 23 000 ^{14}C л. н. (Praslov, Soulerjytsky 1997; Damblon et al., 1996; Sinitsyn, 1999; Cohen, Stepanchuk, 2001). Наиболее древняя из этих дат, таким образом, хронологически близка возрасту Костенок 8 (I). Коллекция каменного инвентаря Костенок 11 (III) насчитывает около 400 предметов, из которых только 36 имеют ретушь (рис. 9: 3–10). Среди изделий со вторичной обработкой присутствуют острья на пластинах с бифасиальной или вентральной ретушью, которые могут сопоставляться с ежмановицкими острьями (9 экз. согласно Р. Клейну (Klein, 1969: 159)). Кроме того, в этой коллекции, так же как и в коллекции Костенок 8 (I), двугранные и ретушные резцы являются ведущими типами орудий (14 экз.). Однако инвентарь Костенок 11 (III) также содержит наконечник сунгирьского типа, из-за чего эту стоянку часто относили к стрелецкой/сунгирьской культуре, несмотря на более поздний возраст по сравнению с другими памятниками стрелецкой культуры (Kozłowski, Kozłowski, 1979: 117; Desbrosse, Kozłowski, 1988: 48; Anikovich, 2000; Noiret, 2004). Вдобавок, в III культурном слое Костенок 11 обнаружена очажная яма и яма, содержащая остатки волков, — две особенности,

напоминающие Костенки 8 (I). Эти сходства между Костенками 8 (I) и Костенками 11 (III), несомненно, интересны, особенно в свете очевидного отсутствия между ними хронологического разрыва. Однако это предположение носит предварительный характер, поскольку коллекция Костенок 11 (III) детально не опубликована, и инвентарь стоянки не был изучен в рамках данной работы.

Что касается предположения об отнесении индустрии Костенок 8 (I) к граветту (см., например, Djindjian et al., 1999: 430), то стоит отметить, что коллекция содержит фрагмент острья с выемкой, который, вполне вероятно, может быть обломком костенковского наконечника с боковой выемкой (рис. 8: 10) — типичного орудия для костенковьена (поздний граветт). Необходимо также обратить внимание на присутствие в некоторых граветтских коллекциях листовидных острий и острий на пластинах. Такие орудия содержатся в материалах восточноевропейского костенковьена (особенно в Костенках 1 (I) (рис. 9: 1, 2) и Авдеево (Рогачев, Аникович, 1984; Sinitsyn, 2007)), в некоторых граветтских коллекциях Центральной Европы (Neugebauer-Maresch, 1999: fig. 40, 43; Svoboda, 1996: 290–291; Oliva, 1988: 111) и в «прутской культуре» Молдавии (Noiret, 2004). Хотя эти общие типологические характеристики достойны внимания, пока их недостаточно для однозначного определения индустрии Костенок 8 (I) в качестве позднего граветта или костенковьена.

Заключение

Некоторые авторы считали, что индустрия Костенок 8 (I) должна быть включена в ежмановициен (т. е. ЛРЕ) или по крайней мере может рассматриваться как результат миграции ежмановициена из Центральной в Восточную Европу. Однако типологический и технологический анализ хранящейся в Санкт-Петербурге коллекции каменного инвентаря, представленный в этой работе, позволяет признать эту точку зрения несостоятельной. Идея культурной преемственности между Костенками 8 (I) и ЛРЕ, имеющими радиоуглеродный возраст $\sim 22\,000$ ^{14}C л. н. и $\geq 35\,000$ ^{14}C л. н. соответственно, основана исключительно на присутствии в коллекции Тельманской стоянки нескольких орудий, схожих с ежмановицкими острьями. Эти артефакты немногочисленны и имеют некоторые особенности (такие как наличие черешка), которые отличают их от ежмановицких острий. Необходимо также помнить, что схожие острья с частичной

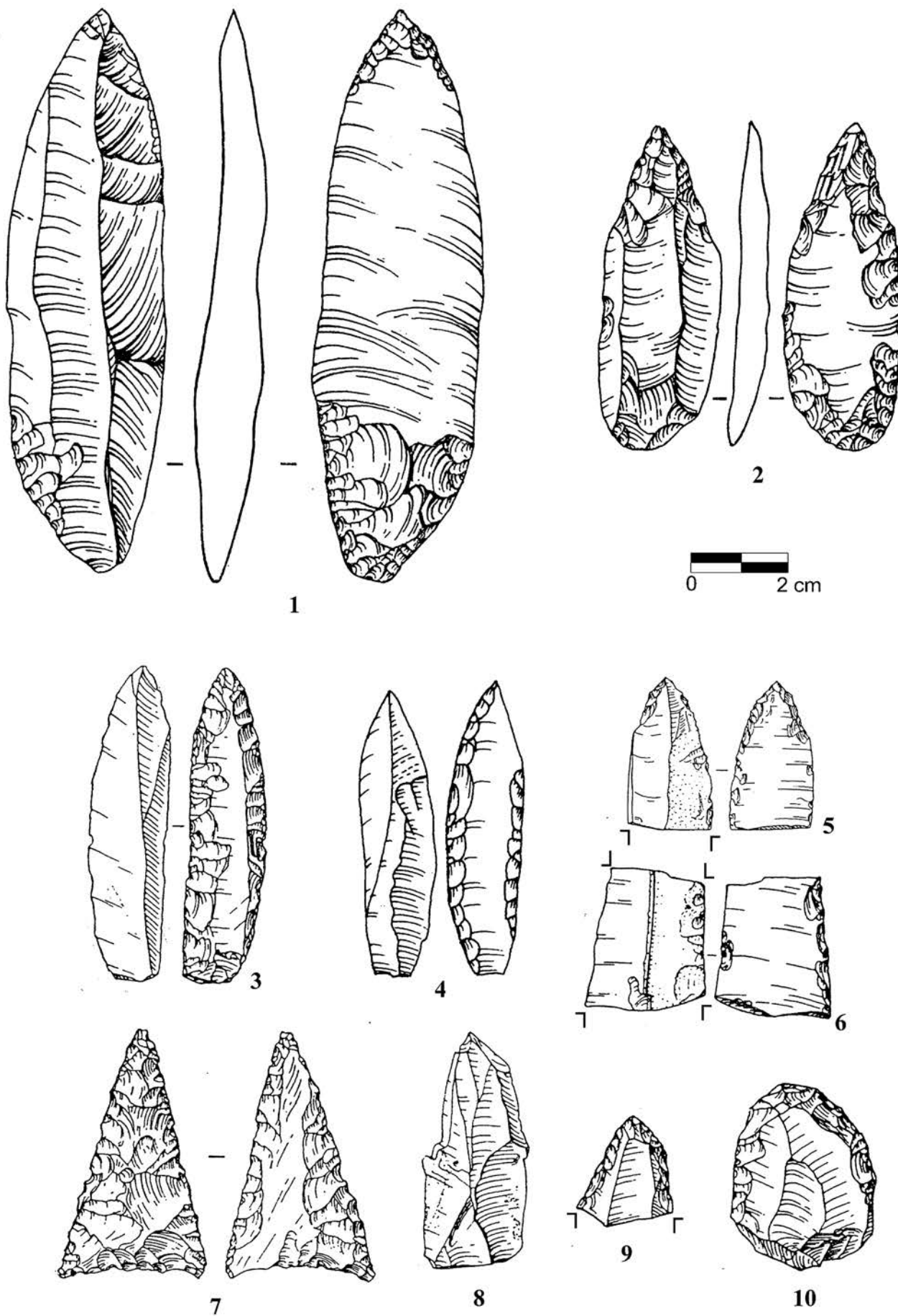

Рис. 9. Каменный инвентарь из Костенок: 1-2 — остря на пластинах с двусторонней обработкой из Костенок 1 (I). *Источник:* (Рогачев, Аникович, 1984); 3-10 — каменный инвентарь из III культурного слоя Костенок 11 (4 — *источник:* (Kozłowski, Kozłowski, 1979); 3, 5-10 — *источник:* (Праслов, Рогачев, 1982))

двусторонней обработкой присутствуют в других индустриях (Костенки 11 (III), костенковские и другие граветтские коллекции), хронологически более близких к I слою Костенок 8 и не имеющих никакой связи с ЛРЕ.

Совокупность географического расстояния (~1700 км между Костенками 8 (I) и самой восточной стоянкой ЛРЕ — пещерой Нетопежева), большого хронологического разрыва, существенных технологических различий и минимум типологических сходств позволяют опровергнуть гипотезу о том, что Костенки 8 (I) могли быть частью индустрий ЛРЕ или даже результатом их эволюции.

Даже если учитывать, что весьма затруднительно точно соотнести индустрию Костенок 8 (I) с другими комплексами в Костенках, относящимися к периоду начала максимума последнего оледенения, то, тем не менее, совершенно очевидно, что коллекции ЛРЕ и Костенок 8 (I) не были изготовлены одним населением или населением, имеющим схожие технологические традиции. «Поразительное сходство», отмеченное В. Хмелевским (Chmielewski, 1961), является всего лишь типологической конвергенцией. Эта конвергенция могла легко появиться в результате аналогичных решений, принимаемых различными плейстоценовыми обществами охотников-собирателей, предпочитающих изготовление острий на пластинах с частичной двусторонней обработкой в качестве важного элемента охотничьего вооружения. Более того, сходные решения принимались в разное время на различных территориях в течение верхнего палеолита — не только в индустриях ЛРЕ и Костенок 8 (I), но также, к примеру, в раннем солютре Франции (pointes a face plane) (Renard, 2010).

Благодарности

Я благодарен Андрею Сеницыну и Александру Бессуднову за их предложение включить мою статью в данную публикацию. Также выражаю благодарность Геннадию Хлопачеву и Андрею Сеницыну за их всестороннюю помощь в течение моей поездки в Санкт-Петербург в 2005 г., Джону Хоффеккеру за ценную информацию о его последних работах в Костенках и Александру Бессуднову за перевод этой статьи.

Литература

Анисюткин Н. К., Григорьев Г. П. 1970. Рец. на: W. Chmielewski. 1961. Civilization de Erzmanowice, Wrocław — Warszawa — Krakow // СА. № 4. С. 269–275.

- Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит СССР. М.: Наука. С. 162–271.
- Челидзе Л. М. Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе // РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2-Д. 1968. Д. 170, 171.
- Allsworth-Jones P. 1986. The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford: Clarendon Press.
- Anikovitch M. 2000. About character of hunting implements in the sites of the Kostenki-Streletskaia culture // Anthropologie et Préhistoire. No. 111. (ERAUL; 51). P. 38–43.
- Chmielewski W. 1961. La Civilisation de Jerzmanowice. Wrocław; Warszawa; Krakow: Instytut Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk.
- Cohen V. Yu., Stepanchuk V. N. 2001. Middle to Upper Paleolithic transition in Eastern Europe: taxonomical issues // Préhistoire Européenne. Vol. 16–17. P. 111–132.
- Damblon F., Haesaerts P., van der Plicht J. 1996. New datings and consideration on the chronology of Upper Palaeolithic sites in the Great Eurasian Plain // Préhistoire Européenne. Vol. 9. P. 177–231.
- Desbrosse R., Kozłowski J. K. 1988. Hommes et climats à l'âge du mammoth. Le Paléolithique supérieur d'Eurasie centrale. Paris: Masson.
- Djindjian F., Otte M., Kozłowski J. K. 1999. Le Paléolithique supérieur en Europe. Paris: Armand Collin.
- Flas D. 2006. La transition du Paléolithique Moyen au Supérieur dans la Plaine Septentrionale de l'Europe. Les Problématiques du Licombien-Ranisien-Jerzmanowicien: Thèse PhD dissertation. University of Liège.
- Flas D. 2008. La Transition du Paléolithique Moyen au Supérieur dans la Plaine Septentrionale de l'Europe. Bruxelles. (Anthropologica et Præhistorica; vol. 119).
- Flas D. 2011. The Middle to Upper Paleolithic transition in Northern Europe: the Lincombien-Ranisien-Jerzmanowicien and the issue of acculturation of the last Neanderthals // World Archaeology. Vol. 43 (4). P. 605–627.
- Flas D. 2013. Jerzmanowice points from Spy and the issue of the Lincombien-Ranisien-Jerzmanowicien // Rougier H., Semal P. (eds.). Spy Cave. 125 years of multidisciplinary research at the Betche-aux-Rotches (Jemeppe-sur-Sambre, Province of Namur, Belgium). Vol. I. Brussels: Royal Belgian Institute of Natural Sciences, Royal Belgian Society of Anthropology and Præhistory and NESPOS Society. (Anthropologica et Præhistorica; vol. 123). P. 217–230.
- Hülle W. 1977. Die Ilsenhöhle unter Burg Ranis/Thüringen. Eine paläolithische Jägerstation. Stuttgart: Gustav Fischer Verlag.

- Inizan M.-L., Reduron M., Roche H., Tixier J. 1995. Technologie de la Pierre Taillée. Préhistoire de la Pierre Taillée. T. 4. Paris: CNRS.
- Jacobi R. M., Debenham N., Catt S. 2007. A collection of Early Upper Palaeolithic artefacts from Beedings, near Pulborough, West Sussex and the context of similar finds from British Isles // PPS. Vol. 73. P. 229–325.
- Klein R. G. 1969. Man and Culture in the Late Pleistocene. A Case Study. Chicago: Chandler Publ.
- Kozłowski J. K. 1961. Próba klasyfikacji górnopaleolitycznych przemysłów z płaszczami liściowatymi w Europie. Kraków: Rozprawy i studia. Vol. 31.
- Kozłowski J. K. 1983. Le Paléolithique en Pologne // L'Anthropologie. Vol. 87 (1). P. 49–82.
- Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. 1979. Upper Palaeolithic and Mesolithic in Europe. Taxonomy and Palaeohistory. Wrocław. (Prace Komisji Archeologicznej; vol. 18).
- Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. 1996. Le Paléolithique en Pologne. Grenoble: Jérôme Millon.
- Neugebauer-Maresch C. 1999. Le Paléolithique en Autriche. Grenoble: Éditions Jérôme Millon.
- Noiret P. 2004. Le Paléolithique supérieur de la Moldavie // L'Anthropologie. Vol. 108 (5). P. 425–470.
- Oliva M. 1988. A Gravettian site with mammoth-bone dwelling in Milovice (southern Moravia) // L'Anthropologie. Vol. 26 (2). P. 105–112.
- Praslov N. D., Soulerzhitsky L. D. 1997. De nouvelles données chronologiques pour le Paléolithique de Kostienki-sur-Don // Préhistoire Européenne. Vol. 11. P. 133–143.
- Renard C. 2010. Les premières expressions du Solutrén dans le Sud-Ouest français. Evolution techno-économique des équipements lithiques au cours du Dernier Maximum Glaciaire. Oxford. (BAR International Series; vol. 2070).
- Rigaud A. 1977. Analyse typologique et technologique des grattoirs magdaléniens de La Garenne à Saint-Marcel (Indre) // Gallia Préhistoire. Vol. 20 (1). P. 3–43.
- Sinitsyn A. A. 1999. Chronological problem of the Palaeolithic of Kostenki-Borschevo area: geological, palynological and ¹⁴C perspectives // Evin J., Oberlin C., Daugas J.-P., Salles J.-F. (eds.). ¹⁴C et Archéologie. Paris; Rennes: Mémoires de la Société Préhistorique Française (XXVI; 1999), Revue d'Archéométrie (suppl. 1999). P. 143–150.
- Sinitsyn A. A. 2003. The most ancient sites of Kostenki in the context of the Initial Upper Paleolithic of northern Eurasia // Zilhão J., d'Errico F. (eds.). The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. Proceedings of Symposium 6.1 of the XIVth Congress of the UISPP (University of Liège, Belgium, September 2–8, 2001). Lisboa. (Trabalhos de Arqueologia; vol. 33). P. 89–107.
- Sinitsyn A. A. 2007. Variabilité du Gravettien de Kostienki (bassin moyen du Don) et des territoires associés // Paléo. Vol. 19. P. 181–201.
- Smith P. 1966. Le Solutrén en France. Bordeaux: Delmas, Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Vol. 5.
- Svoboda J. 1996. The Pavlovian: typology and behaviour // Svoboda J. (ed.). Paleolithic in the middle Danube region. Anniversary volume to Bohuslav Klima. Brno: Archeologický ústav AV ČR. P. 283–301.

ДОМАШНЯЯ РАБОТА: ВИДЫ АКТИВНОСТИ, РЕКОНСТРУИРУЕМЫЕ ПО УДАРНО-АБРАЗИВНЫМ ИНСТРУМЕНТАМ КОЛЛЕКЦИИ II СЛОЯ КОСТЕНОК 8¹

К. Н. СТЕПАНОВА

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Отдельные сюжеты для реконструкции домашне-хозяйственной сферы производства могут изучаться не по массовым находкам типа каменных и костяных формальных орудий и кухонных отбросов, а по единичным, но важным находкам абразивов, терочных плиток, инструментов для расщепления и других артефактов, которые зачастую имеют облик естественных отделеностей камня и конкреций со следами работы. Эти инструменты объединяются в большую группу разных по назначению ударно-абразивных орудий и изучаются преимущественно трасологическим методом. Важность их учета для общей картины состоит в том, что, в отличие от массового материала, они раскрывают не лежащие на поверхности технические решения древних коллективов, которые затем могут стать информацией для сравнительного анализа индустрий разных памятников.

В коллекции II слоя Тельманской стоянки / Костенок 8 (далее — К8/II) представлено несколько категорий таких находок, включая необычные

и даже уникальные для палеолитического времени примеры: крупный абразив с проточкой для обработки твердого органического материала и ударное орудие из железистой конкреции — не имеющий пока аналогов пример использования в качестве орудия природного металла в палеолите. Приятной неожиданностью стало обнаружение на одном из нуклеидных предметов из кремня с интенсивной забитостью характерных микроследов, сопоставимых с полученными в экспериментах по высеканию искр кремнем в паре с пиритом/марказитом. Традиционно подобные палеолитические находки определяются как ретушеры или отбойники, и их обоснованная атрибуция — задача на будущее, при решении которой мы можем получить новую информацию, освещающую технологию добывания огня в древнейшем прошлом.

Общее описание находок, хранящихся в ИИМК РАН, и комментарии к их функциональной атрибуции приводятся в тексте, размеры и вес указаны в таблице.

Ударно-абразивные инструменты II слоя Костенок 8 в собрании ИИМК РАН

№ п/п	Наименование, сохранность	Материал	Шифр	Длина × ширина × толщина, мм	Вес, г	Примечание
1	Абразив с проточкой, в двух фрагментах	Песчаник	ТП-834	380×115×150	7174	Две рабочих поверхности, преднамеренно (?) разбит, после чего не использовался
2	Абразив с выровненной поверхностью	Песчаник	ТП-835	81×71×48	316	Преднамеренно (?) разбит, после чего не использовался
3	Ударное орудие	Железистая конкреция с радиально-лучистым строением	ТП-в-65, 818	107×45×47	535	Выбоинки и микролинейные следы на рабочей зоне, неutilitarный износ на «рукоятке»
4	Кресальный кремь	Меловой кремь	ТП-з-51, 58	37×29×25	30	Характерные следы найдены в том числе под кальцитовым налетом, таким образом нет сомнения в их древности
5	Отбойник со слабо развитым износом	Амфиболит (?)	ТП-в-53, 261	86×55×45	306	—

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-78-10151 «Палеолит Костенок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии»; <https://rscf.ru/project/20-78-10151/>

Абразивы из песчаника

Прежде чем перейти к представлению самих инструментов, обрисуем в общих чертах методику работы с ними. Как уже было показано, для описания и определения функции орудий из зернистых пород камня важно учитывать характер сырья, форму отдельности, локализацию следов сработанности и характер самих следов в сравнении с исходной поверхностью (Степанова, 2015; Dubreuil et al., 2015; Cristiani, Zupancich, 2020). При работе с такими орудиями трасологический анализ имеет первоочередное значение, но при этом он не всегда может привести к однозначным выводам о функции инструмента (Желтова и др., 2022), поэтому важно учитывать и общий контекст индустрии: в какие производственные процессы, фиксируемые по разным категориям находок, могли быть включены ударно-абразивные инструменты. В коллекции II слоя Тельманской стоянки помимо расщепленного кремня представлены разнообразные орудия и поделки из кости и бивня: стержни, шилья, острия, лощила и др., для которых отмечается разнообразие категорий, серийность внутри них и сложность техник изготовления (Рогачев и др., 1982: 105–107; Аникович и др., 2008: 130–131; Дудин и др., 2019). И хотя среди находок есть упоминание «одного кусочка сланца со следами шлифования» (Челидзе, 1968: 14), все же нет весомых

оснований для того, чтобы предполагать на поселении серийную шлифовку мягких пород камня. При помощи абразивов также могли готовить красочный порошок из железистых конкреций и минералов, однако такая работа приводит к интенсивному окрашиванию рабочих участков, которое полностью не удаляется даже после обработки кислотами (Степанова, 2023), а абразивы К8/II не имеют остатков красной или желтой краски ни на одной из поверхностей. Перетирание продуктов собирательства тоже не входит в число сколько-нибудь адекватных вариантов функций для этих инструментов прежде всего потому, что форма, размер и конфигурация рабочих зон конкретно этих абразивов не предполагают их использования в качестве нижних терочных камней в паре с активным терочником (рис. 1, 4). Таким образом, из общего контекста индустрии можно вынести, что наиболее вероятно здесь было использование абразивов для шлифовки твердых органических материалов.

Проверка этой гипотезы предполагает сопоставление следов на артефактах из К8/II с эталонами, полученными на аналогичном или близком по характеру сырье на макро- и, по возможности, микроуровне. Для сравнения были использованы эталоны, созданные в рамках Экспериментальной экспедиции ИИМК РАН 2022–2024 гг.² и имевшиеся ранее наработки. Экспериментальные орудия из песчаника разной плотности

Рис. 1. Костенки 8/II. Массивный абразив из песчаника в ремонтжированном виде, шифр ТII-834. Линии $a-a'$ и $b-b'$ указывают на место поперечного сечения рабочей зоны с проточкой

² Экспериментальные экспедиции проводились в рамках выполнения работ по проектам РНФ № 21-78-00140 «Функциональное изучение ударно-абразивных орудий палеолита как источник о развитии древних технологий» и № 23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности».

сложения были задействованы в абразивной обработке кости и рога с добавлением песка и воды и без агентов. Обработка бивня не проводилась из-за отсутствия сырья.

Тенденции в формировании износа при шлифовке твердых органических материалов зависят от двух основных факторов: от плотности сложения песчаника, иными словами, от того, выкрашивается он при работе или нет, и от того, добавлялись ли песок и вода при выполнении работы. Очевидно, наиболее эффективно работа идет с легко выкрашивающимся песчаником даже и без подсыпки песка, а в случае с плотной породой требуется агент абразии.

В первом случае поверхность обновляется очень интенсивно, и заполировка, которая была бы доступна для изучения при больших увеличениях, не успевает сформироваться, так что микрорельеф выглядит в целом недиагностично, встречаются расколотые зерна кварца, и лишь в редких случаях можно различить налегающие участки заполировки умеренной яркости, шероховатые с полого-бороздчатой структурой, ориентация которой соответствует направлению движения во время работы, которую можно опознать как характерную для контакта камня с костью (Коробкова, Щелинский, 1996: 43–44). При этом макрорельеф выглядит вполне специфично: песчинки, вылетающие из породы, оставляют бороздки на поверхности, отдельные песчинки на верхнем и среднем уровне рельефа раскалываются и имеют остроугольные вершинки, наиболее устойчивые из них приобретают матовую трещиноватую поверхность и пологий, но не полностью выровненный рельеф (именно на них развивается вышеописанная заполировка), а зерна в понижениях, не затронутые работой, сохраняют глянцевый блеск и округлость. Общий облик рабочей зоны зависит от формы затачиваемого изделия и может принимать вид как однородной слабовогнутой поверхности, так и симметричных и ассиметричных проточек разных размеров.

Подсыпка песка при работе на плотном камне приводит к формированию хорошо выраженного износа, в котором заметное место на макроуровне будут занимать множественные линейные следы в виде бороздок от песчинок (более плотно расположенных на поверхности, чем в случае с легко выкрашивающимся песчаником), и интенсивное выполаживание вершин зерен кварца,

а на микроуровне на высоких участках — выкрошенность в виде ступенчатых уступов и поверхности раскалывания зерен, плоскости которых примерно параллельны друг другу. Степень выразительности диагностических признаков износа варьирует в зависимости от продолжительности работы, мускульной силы, размерности песка, который используется как дополнительный абразивный агент, кинематики работы и некоторых других переменных.

В коллекции II слоя Тельманской стоянки представлены два абразива из слабо спаянного песчаника с выразительным износом, что указывает на значительную продолжительность работы ими.

Предмет с шифром ТП-834 (№ 1 в таблице) хотя и был найден в двух фрагментах, но они лежали в слое вплотную друг к другу (см.: Челидзе, наст. изд.: рис. 60) и изношенные поверхности неплохо стыкуются (рис. 1), так что нет оснований считать, что фрагменты использовались порознь. Инструмент обнаружен у очага западного жилища, следы точечных сильных ударов в центре одной из поверхностей могут указывать на преднамеренную поломку камня уже после его использования. У орудия две рабочих зоны на смежных поверхностях массивного куска песчаника, одна из них выглядит как ассиметричная в поперечном сечении проточка (рис. 1, прорисовки профиля $a-a'$ и $b-b'$), вторая — как уплощенная слабовогнутая поверхность. Помимо собственно конфигурации рабочих зон, в остальном износ на обеих поверхностях выглядит сходным образом и может быть описан совокупно. При работе песчаник активно выкрашивался, вылетающие песчинки оставили на поверхности бороздки, которые располагаются продольно длинной оси предмета. При небольших увеличениях износ имеет следующие характеристики: зерна кварца на верхнем уровне рельефа имеют матовую трещиноватую поверхность, выположены; отдельные зерна расколоты; зерна в понижениях не затронуты износом, глянцево блестят (рис. 2, 3: а). Все эти особенности рельефа рабочих зон при сравнении с исходными поверхностями камня и с результатами экспериментов по абразивной обработке разных органических и минеральных материалов³ указывают на то, что инструмент с ассиметричной проточкой был использован для шлифовки костяных/роговых/бивневых изделий.

³ Эталоны Экспериментальной экспедиции ИИМК РАН 2022–2024 гг. включают орудия из кварцита и песчаника, использованные для абразивной обработки кости, рога, сланца, красок из железистых конкреций, костного и древесного угля.

Рис. 2. Костенки 8/II. Большой фрагмент абразива из песчаника с шифром ТП-834

Характеристики микроизноса получилось оценить лишь на меньшем из двух фрагментов из-за того, что больший не мог быть помещен под микроскоп, а выкрашиваемость сырья не допускает использования слепков с поверхности — они просто разрушили бы поверхность. Перед оценкой следов артефакт был очищен в ультразвуковой ванне и в 10%-ном растворе соляной кислоты, но мельчайшие частички заполнителя культурного слоя и кальцитового натека по-прежнему остаются на шероховатой поверхности и мешают наблюдениям при больших увеличениях. Особенности микрорельефа нельзя назвать диагностичными, но они не противоречат интерпретации абразива как инструмента для шлифовки кости, поскольку износ состоит из расколотых зерен кварца, изредка встречается развитая шероховатая за-

полировка с полого-бороздчатой структурой (рис. 3: b).

Небольшой абразив из песчаника неплотного сложения с шифром ТП-835 имеет одну выровненную износом, слабо вогнутую рабочую поверхность (№ 2 в таблице, рис. 4). Его габариты гораздо скромнее предмета с шифром ТП-834, но форма и размер находки не отражают полный размер древнего инструмента: по крайней мере с одного края заметно, что износ резко обрывается в месте разлома камня. Преднамеренная фрагментация артефактов в некоторых случаях может рассматриваться как их ритуальное умерщвление (см., например, Dubreuil et al., 2019), однако для стоянок палеолитического возраста такие выводы выглядят обоснованными, только когда речь идет о погребальных практиках или разрушении символических объектов

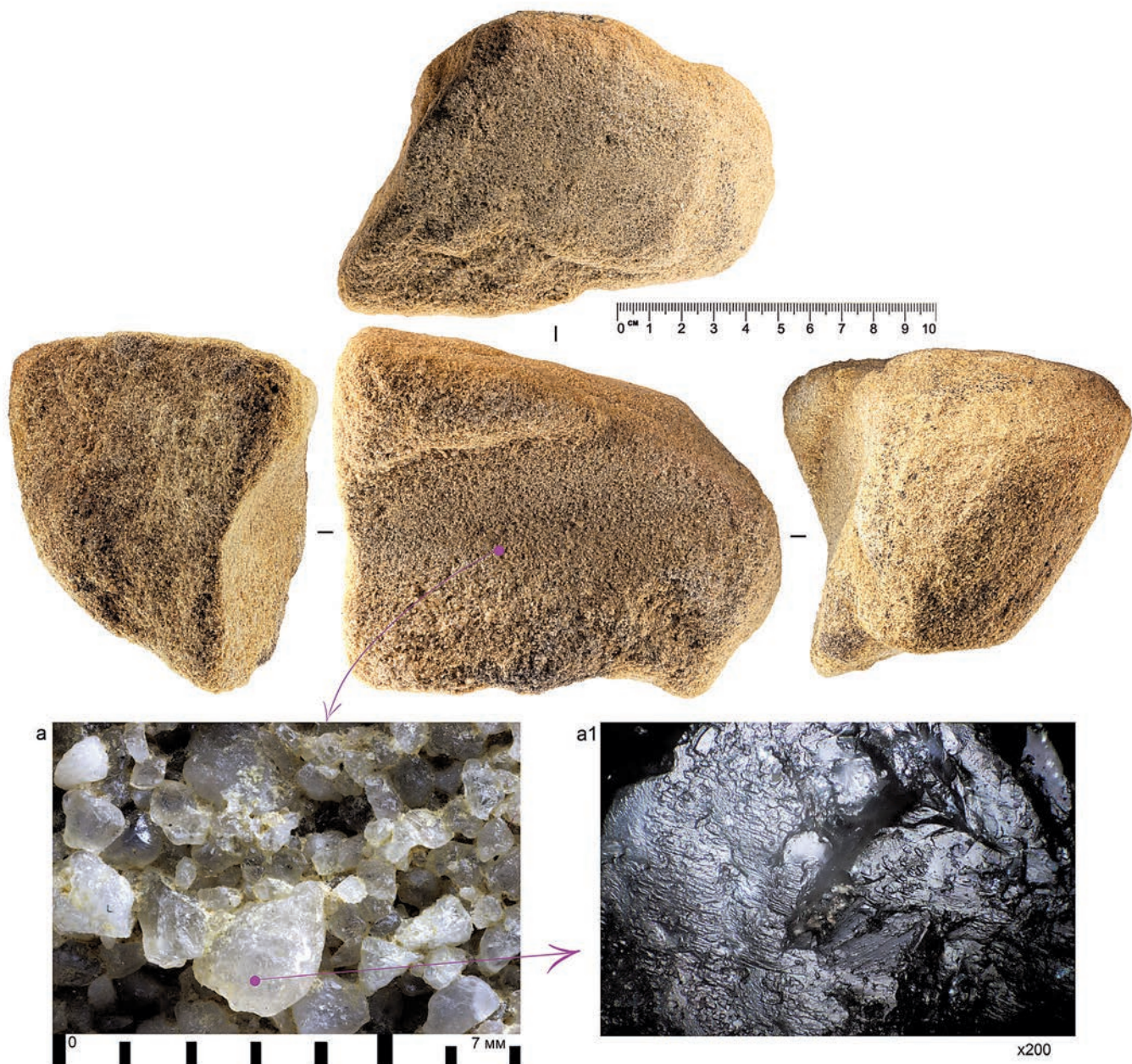

Рис. 3. Костенки 8/II. Меньший фрагмент абразива из песчаника с шифром ПП-834.

Выноски: а — макро рельеф рабочей зоны с проточкой, увеличение $\times 5$; а1 — микро рельеф зерна кварца в рабочей зоне с проточкой, видны как мелкие сколы, так и шероховатая заполировка с полого-бороздчатой структурой, увеличение $\times 200$. Цветными точками указаны участки, с которых сделаны макро- и микрофотографии

(мелкая пластика). Случаи преднамеренной поломки предметов домашнего обихода не могут так однозначно рассматриваться в этом контексте, даже в случае с К8/II, где на площади того же жилого объекта были найдены антропологические остатки, поскольку в коллекциях верхнего палеолита абразивы пассивного образа использования (плитки для растирания, подставки и т. п.) в большинстве случаев находят разбитыми (Stepanova, 2020: 167–174).

Характеристики макро- и микроизноса по существу аналогичны описанным для крупного

абразива, но с двумя отличиями. Первое состоит в том, что износ выглядит более выразительным благодаря лучшей спаянности зерен кварца. Второе отличие заключается в том, что линейные следы — бороздки от вылетающих при работе песчинок — ориентированы не в одном, а в двух взаимно перекрестных направлениях. Эти бороздки, отражающие кинематику работы, различимы даже невооруженным глазом при косом свете, но лучше всего проявляются при небольших увеличениях (рис 4: а). На микроуровне линейных следов не отмечено, лишь шероховатая

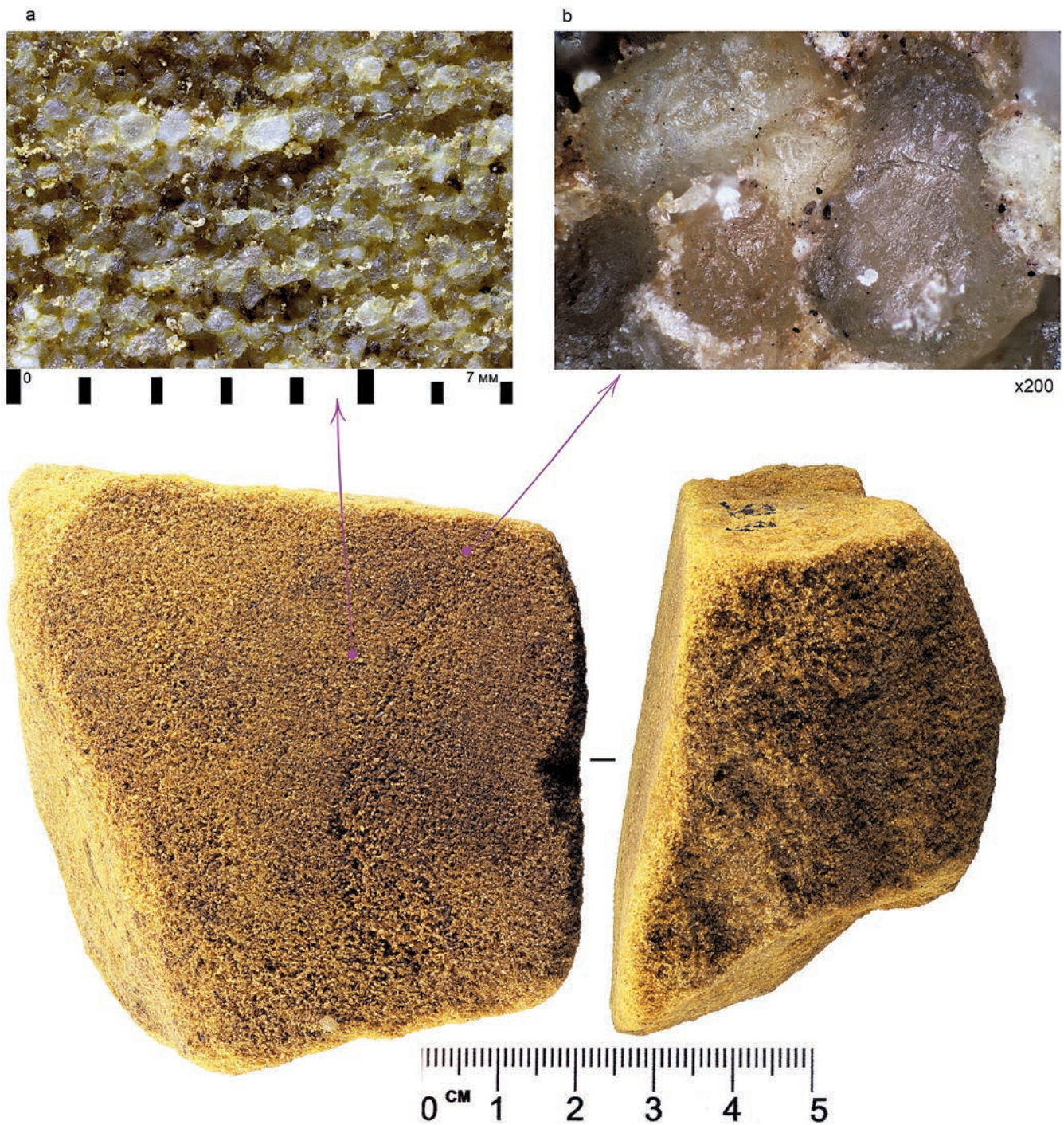

Рис. 4. Костенки 8/II. Абразив из песчаника с шифром ТП-835. Выноски: а — макро рельеф изношенной поверхности, хорошо видны бороздки от вылетавших при работе песчинок и матовые выположенные вершинки зерен кварца, увеличение $\times 5$; б — микро рельеф поверхности зерен кварца с шероховатой заполировкой с полого-бороздчатой структурой, увеличение $\times 200$. Цветными точками указаны участки, с которых сделаны макро- и микрофотография

специфичная для твердых органических материалов заполировка (рис. 4: б), что исключает интерпретацию орудия как абразива для шлифовки камня.

Итак, оба абразивных инструмента из песчаника использовались, судя по следам на них, для шлифовки твердых органических материалов, крупное орудие с проточкой могло при-

меняться для придания специфической формы костяным или бивневым предметам продолговатой формы сравнительно крупных размеров. Два абразива найдены на площади западного жилища, указывая на специфику домашней активности, протекавшей на этом участке поселения. Локальное производство костяных (в широком смысле) изделий на площади поселения

дополняет реконструкции хозяйственной специфики памятника как места «массовой обработки шкур» (Дудин и др., 2019: 151). Вне зависимости от того, сколько возобновляемых эпизодов обитания может быть выделено на стоянке (Дудин и др., 2016), археологический материал явно демонстрирует внутренние производственные связи между разными группами находок.

**Ударное орудие
из железистой конкреции.
Трасологические аргументы
для решения вопроса
«манупорт или орудие?»**

В материалах костенковских стоянок нередко находки железистых конкреций разной плотности и структуры. Некоторые виды конкреций, часто небольшие и рыхлые, обильны в обна-

жениях мелового периода в окрестностях села. Плотные конкреции сферической или причудливой формы с радиально-лучистым строением выше вероятность обнаружить на Рудкинском местонахождении окаменелостей девона, расположенном выше по течению от Костенок. В культурных слоях верхнего палеолита находятся обе разновидности, которые обычно рассматриваются как сырье для приготовления минеральной краски, поскольку они часто обожжены и находятся во фрагментах (Степанова, 2023: 336–337). Материалы К8/II представляют очень необычное исключение. Помимо одной обожженной конкреции шаровидной формы (рис. 5), на стоянке был найден удлинённый экземпляр, получивший шифр ТП-в-65–818, форма которого за счет слегка расширяющегося торца напоминает фаллическую (№ 3 в таблице, рис. 6). Это обстоятельство

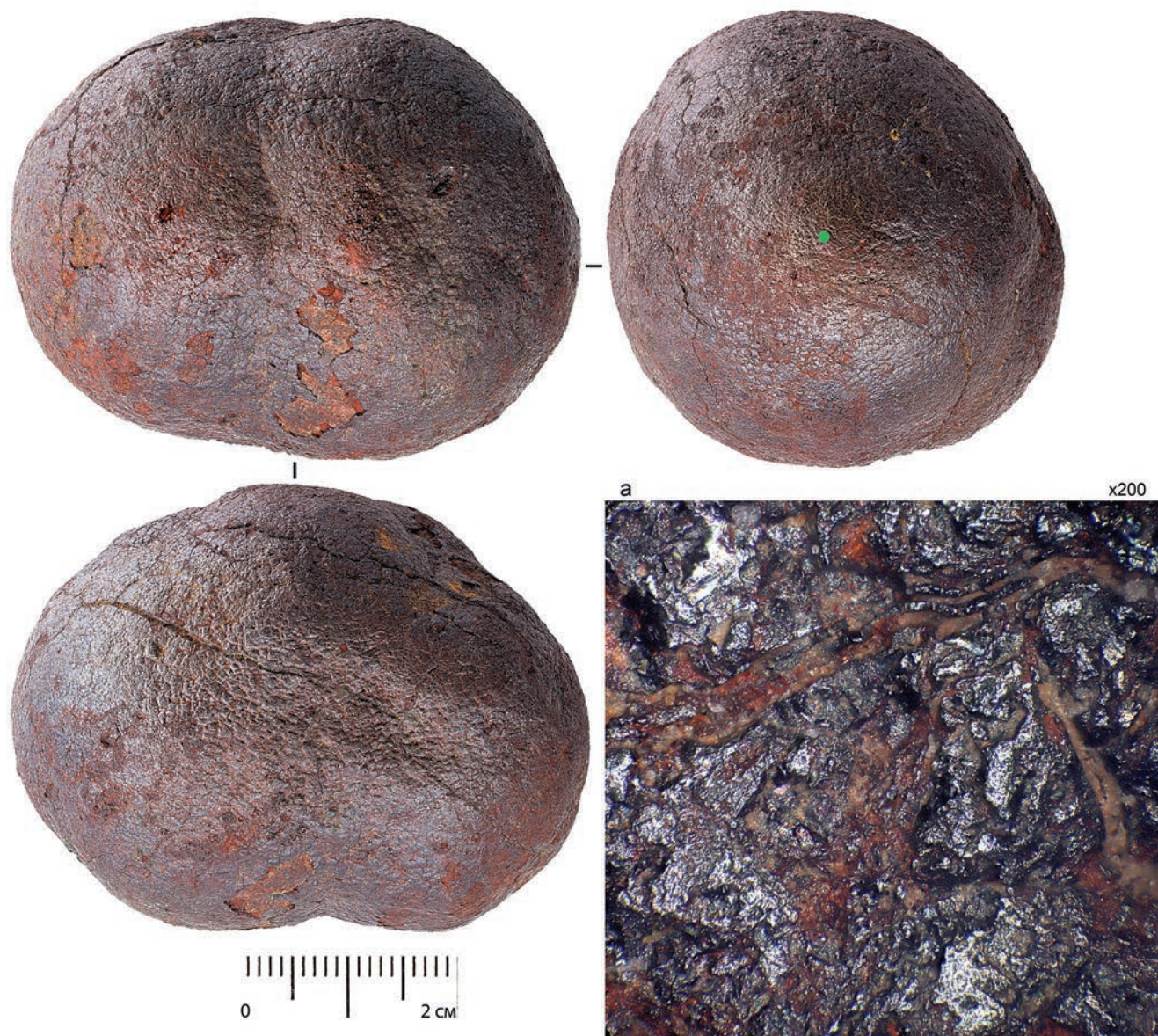

Рис. 5. Костенки 8/II. Железистая конкреция без шифра, обожжена, не имеет следов иных манипуляций. На выноске а — микрорельеф неизменной поверхности конкреции, увеличение $\times 200$. Место, с которого выполнена микрофотография, указано зеленой точкой

Рис. 6. Костенки 8/II. Железистая конкреция с шифром ТП-в-65–818, использованная как ударное орудие. Выноски: а – скол от удара по касательной, увеличение $\times 2$; b1 – мелкие выбоинки в центре торца предмета, увеличение $\times 5$; b2 – микрорельеф в центре торца предмета, показывающий направление работы, увеличение $\times 200$; с – общий неутилитарный износ на рукояточной части орудия, увеличение $\times 200$. Цветными точками указаны участки, с которых сделаны макро- и микрофотографии

вкпе с тем, что предмет № 818 не был обожжен, позволяло рассматривать его как манупорт — специально принесенный на стоянку предмет без практического назначения. Однако после очистки конкреции от тонкой корки кальцитового натека и более детального осмотра поверхностей предмета мы пришли к выводу, что он имел вполне утилитарное назначение.

На слегка скошенном торце отмечены следы ударов, хорошо различимых при небольшом увеличении и невооруженным глазом. Макроследы могут быть разделены на две группы. Часть из них имеет вид мелких сколов, которые могли быть получены от ударов по касательной (рис. 6: а), вторая часть имеет вид небольших выбоинок, которые могли получиться либо от прямого удара на плоскости, либо от удара по касательной, но небольшой силы (рис. 6: b1). Важно, что в центральной части торца удалось выявить и зафиксировать также микроследы от работы, которые имеют вид одинаковых параллельных

линейных следов, покрывающих наиболее сглаженные участки поверхности торца (рис. 6: b2). Следы ориентированы в двух направлениях, которые совпадают с направлением ударов, реконструируемым по мелким сколам. На остальной части поверхности конкреции однонаправленные царапины отсутствуют, зато на самых выступающих участках можно наблюдать яркий блеск, обширные потертости, испещренные хаотичными и разными по глубине и ширине линейными следами (рис. 6: с). Эти характеристики совпадают с так называемым неутилитарным износом, развивающимся по ходу пребывания вещей в повседневном обиходе (Гиря, 2017: 41–42).

Сопоставляя разные по характеру следы и их локализацию, мы вполне уверенно можем говорить, что удобная форма продолговатой конкреции, ее высокая плотность и увесистость стали поводом не только принести ее на стоянку и убедиться от пережигания и дробления, но и использовать ее как ударное орудие (отбойник/пест/

кресало?), причем достаточно продолжительное время, чтобы на рукояточной части успел сформироваться износ от пребывания в обиходе. В условиях отсутствия сопоставимых экспериментальных эталонов и при неизученном химическом составе стяжения делать вывод о конкретной функции преждевременно, но совершенно оправданно будет обратить внимание на активное освоение ресурсов среды и изобретательность обитателей стоянки.

«Легкий отбойник» или кресальный кремь⁴

Формально этот предмет из мелового кремня с патиной можно было бы описать как нуклеидный предмет или истощенный нуклеус бесстемного скалывания с участками более и менее интенсивной забитости (рис. 7: В). Забитость сформирована наложением множества конических трещин, возникающих в изотропных телах при ударах по ним или ими. По форме трещин реконструируется угол удара, а по количеству — интенсивность работы. Обычно кремневые предметы с такими признаками определяются как отбойники или ретушеры. Однако это не единственная возможная интерпретация, и на современном этапе развития археологии каменного века вопрос о функции орудий должен решаться не умозрительно, а с опорой на экспериментально-трасологический метод.

В 1990-х гг. появились первые работы, которые предложили новый взгляд на кремневые изделия со следами забитости на торцах и ребрах. Работа Ж. Коллина-Жирара «Огонь до спичек» (Collina-Girard, 1998) систематизировала сведения о возможных способах добывания огня в древнейшем прошлом: один из способов может быть прослежен в археологическом материале (высекание искр ударами кремня о пирит), второй (трение с применением деревянных приспособлений) — лишь при крайне удачном стечении обстоятельств. Следом вышла работа, анализирующая кресальные кремни из коллекций финального палеолита северо-запада Европы (Stapert, Johansen, 1999), ранее определенные как ретушеры. За прошедшие три десятилетия значительного прогресса в разработке вопросов

о способах добывания огня в палеолите достигнуто не было, хотя свидетельства с территории преимущественно Западной Европы (Sorensen et al., 2018; Sorensen, 2022) постепенно умножаются, разрабатывается методика определения следов на кремне от контакта с полисульфидами железа. Единственная работа, посвященная трасологическому анализу вероятного кресального кремня из палеолитического контекста с территории Русской равнины, основана на макропризнаках износа и справедливо предлагает две интерпретации забитости на площадке крупной ориньякской пластины из III слоя Костенок 1 (Гиря, 2019). Таким образом, наши знания о способах добывания огня в палеолите остаются весьма обрывочными, и следует признать, что мы находимся на этапе первичного накопления сведений и разработки метода идентификации таких орудий в коллекциях. И хотя макро- и микроследы, возникающие на кремне от контакта с пиритом/марказитом, в общих чертах уже описаны (см., например, Sorensen et al., 2018), для материалов палеолита актуальной методической задачей остается различение этих следов и следов от ударного контакта кремня с кремнем (при ретушировании возникает забитость, заминание кромок, формируются локальные яркие заполировки, совмещенные с линейными следами), а также следов постдепозиционных процессов, которые могут выглядеть как области зеркального блеска, испещренные линейными следами. Решение этой проблемы состоит в проведении серий экспериментов с выявлением зависимости характеристик следов от изменяющихся параметров работы, но также и в том, чтобы для анализа отбирались артефакты с хорошей сохранностью поверхностей. И если первое — вопрос времени и усилий, то второе во многом зависит от удачного стечения обстоятельств. Коллекция К8/II представила такой интересный случай.

Нуклеидный кремневый предмет с зонами забитости на торце и по ребрам с шифром ТП-з-51–58 (№ 4 в таблице) в местах наибольшего развития износа был покрыт плотным кальцитовым натеком (рис. 7: А), защищавшим с момента его образования эти участки от повреждений в слое и от современных следов, которые могут возникать на находках, хранимых

⁴ В русском языке есть слова-омонимы, которые могут запутать читателя: кремнем называют горную породу, состоящую преимущественно из диоксида кремния, но и парный инструмент для металлического кресала также называется кремнем, вне зависимости от того, из какого он материала. В контексте индустрии II слоя Костенок 8 речь идет о предмете из кремня (минерала), использованном в качестве кремня (того, что соударялось с кресалом). Для большей терминологической определенности для описания такой функции палеолитических орудий мы будем употреблять словосочетание «кресальный кремь», которое также можно встретить в каталогах музейных коллекций и публикациях по археологии (см., напр.: Галимова и др., 2014).

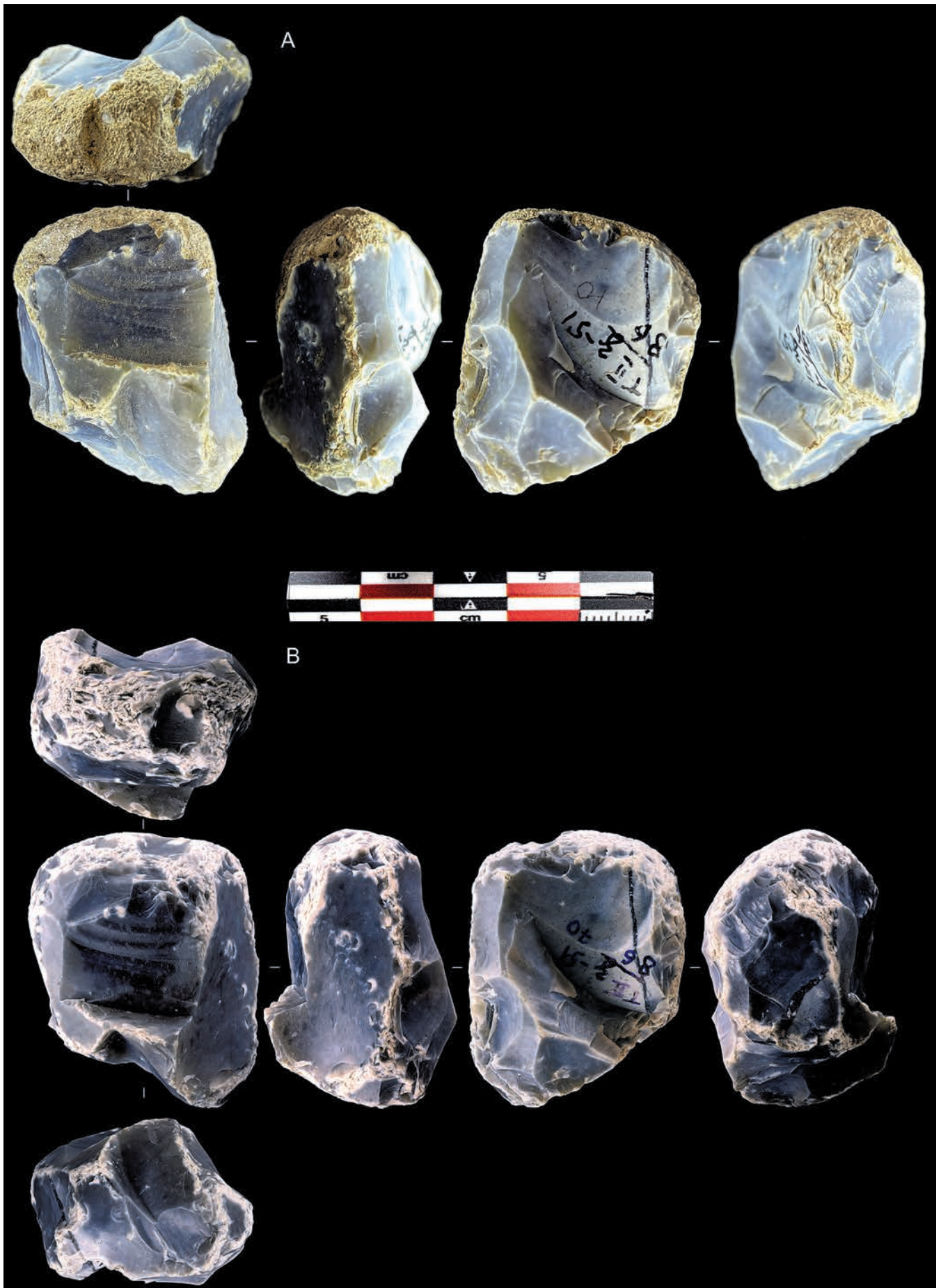

Рис. 7. Костенки 8/II. Нуклевидный предмет из мелового патинированного кремня с шифром ТП-з-51-58 до очистки от кальцитового натека (А) и после очистки (В). Разница в цветопередаче объясняется разными условиями съемки, которые не нивелируются постобработкой

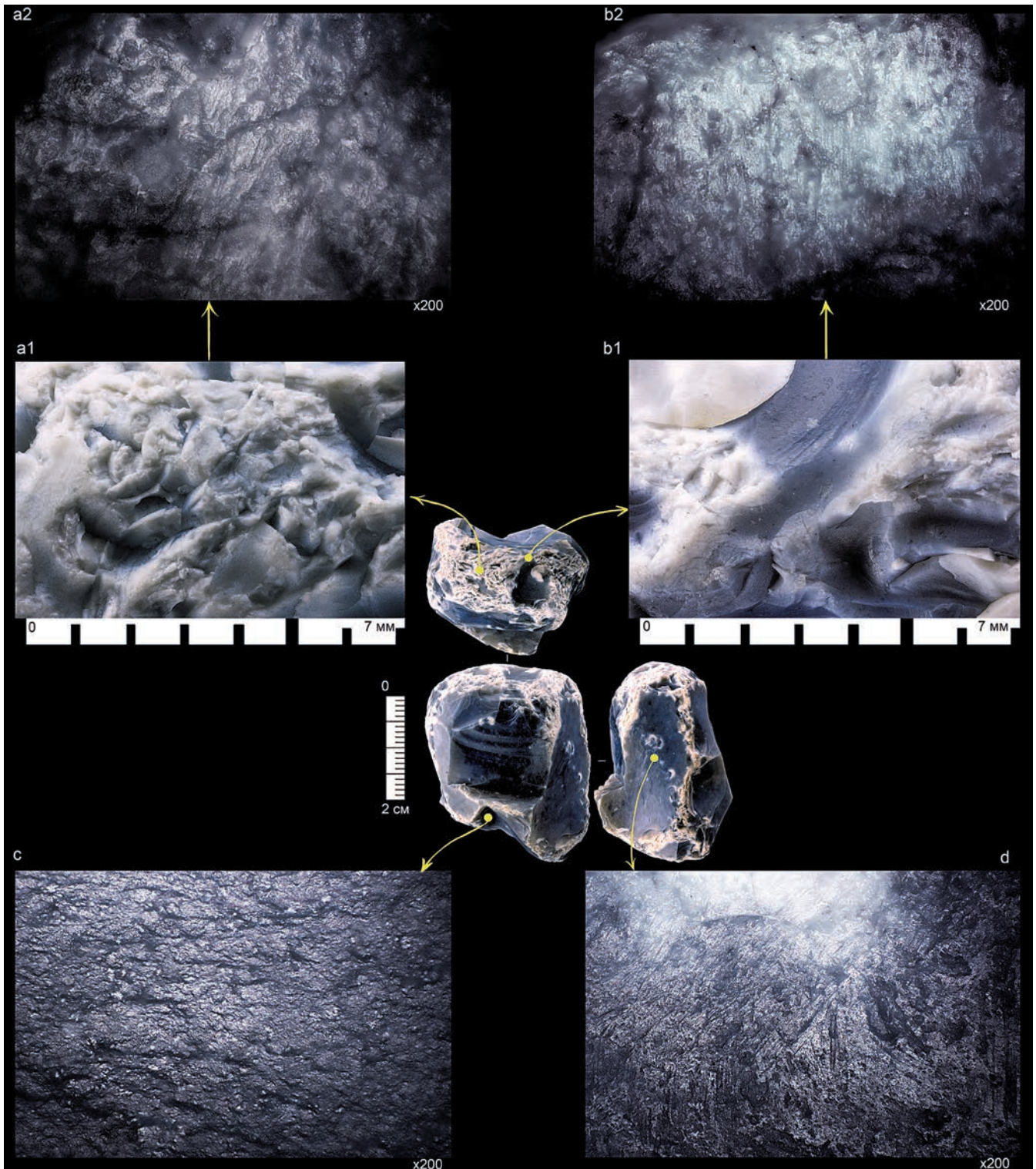

Рис. 8. Костенки 8/II. Нуклеидный предмет из мелового патинированного кремня с шифром ТП-з-51-58, определенный как кресальный кремь.

- Выноски: a1 – выкрошенность на торце предмета по наложившимся коническим трещинам, сформировавшимся от множества ударов, увеличение $\times 5$;
- a2 – та же зона, яркая микрозаполировка с параллельными линейными следами на кромке между трещинами, увеличение $\times 200$;
- b1 – участок на торце предмета, не затронутый выкрошенностью, на котором сформировалась микрозаполировка, увеличение $\times 5$;
- b2 – тот же участок, яркая микрозаполировка с линейными следами, увеличение $\times 200$;
- c – микрорельеф негатива скола, не затронутого износом, который можно считать исходной поверхностью кремня, на которой формируется износ, увеличение $\times 200$;
- d – микрозаполировка на плоской грани предмета, состоящая из областей зеркального блеска и плотной сетки параллельных царапин, увеличение $\times 200$.

Цветными точками указаны участки, с которых сделаны макро- и микрофотографии

без индивидуальной упаковки. После очистки артефакта (рис. 7: В) в 10%-ном растворе соляной кислоты и мытья в ультразвуковой ванне он был изучен под металлографическим микроскопом и лишь после этого выполнялись все прочие этапы описания и фиксации. Ожидается, что на забитом торце предмета было довольно трудно найти зону, на которой могли бы сохраниться диагностические заполировки, к тому же патинированная, покрытая трещинами поверхность рассеивала свет, не позволяя сделать резких и контрастных фотографий с этого участка, ацетатные слепки по не вполне понятной причине не передавали всех деталей микрорельефа, но тем не менее ограниченные участки со специфическим износом наблюдались и в конечном счете были зафиксированы. Кроме торца (рис. 8: a1, a2, b1, b2), диагностические следы развиты на одной из граней, где невооруженным глазом видны разомкнутые конические трещины (рис. 8: d). Износ представляет собой яркие, вплоть до зеркального блеска, участки сплошной заполировки, интенсивно истирающей поверхность и содержащей плотные пучки параллельных царапин, дно которых также от-

личается глянцевым блеском. При сравнении следов, полученных в экспериментах по высечению искр парой марказит — кремь, в которых используется разная кинематика (удар кромкой кремня, скобление кромкой, удары марказитом по плоской грани и ребру кремневого предмета, рис. 9), мы видим соответствие следов на палеолитическом артефакте из К8/II ударной кинематике, причем ударяли и торцом, и ребрами кремня, и по его плоской грани, т. е. конкретный способ мог меняться, но в общем это были именно удары, а не скобление, зафиксированное на финальнопалеолитических кремнях (Stapert, Johansen, 1999).

Каменный отбойник, использованный непродолжительное время

Л. М. Литовченко (Челидзе) упоминает в материалах стоянки К8/II «три отбойника из крупных галек, на которых хорошо видны следы использования их в качестве орудия для расщепления кремня» (Литовченко, 1969: 119). В нашем распоряжении оказался лишь один такой инструмент, обладающий вполне обычными характеристиками (размеры, вес, локализация

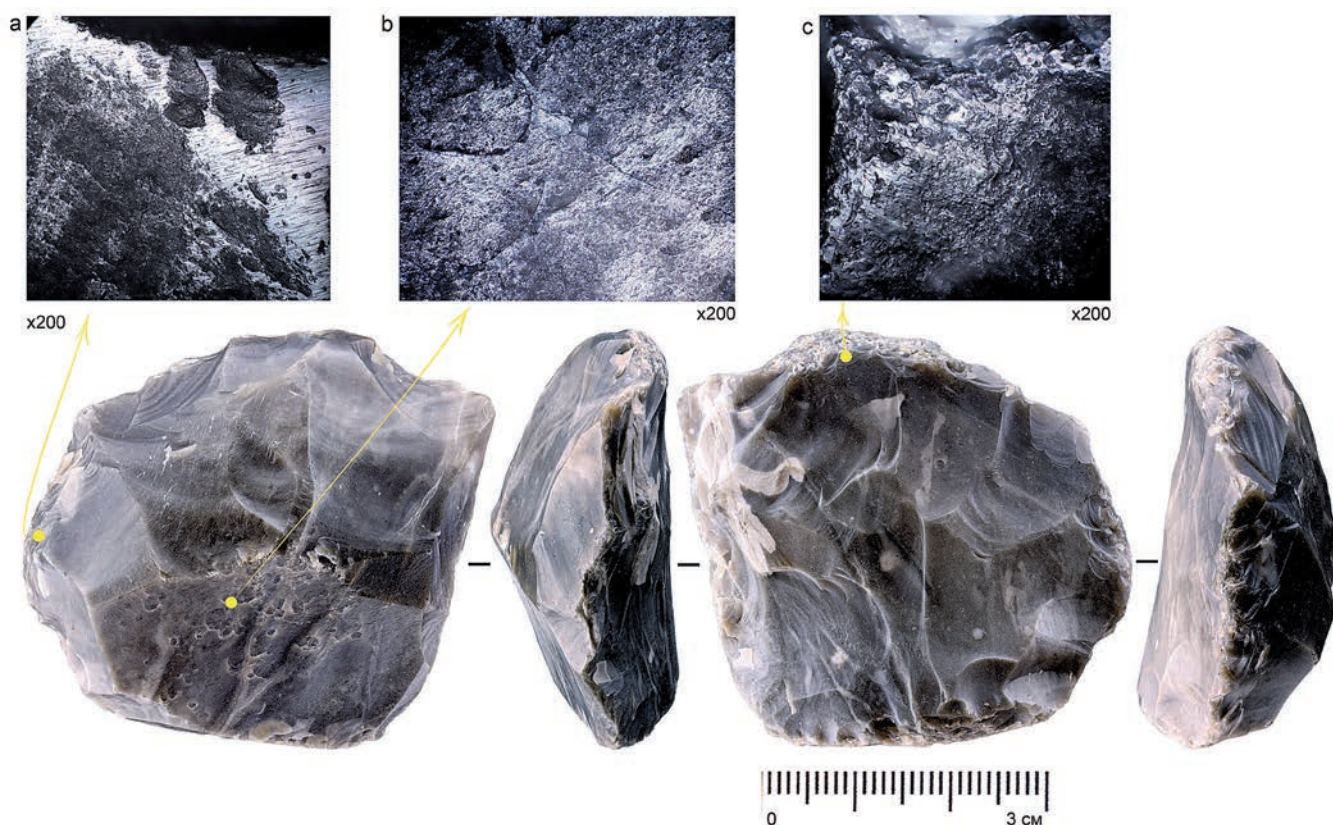

Рис. 9. Экспериментальный эталон из мелового кремня, использованный в паре с марказитом для высекания искр. Разные зоны использовались в различающейся по кинематике работе, время работы для каждой составляло около 30–40 мин. Выноски (на всех увеличение $\times 200$): а — микроследы, сформировавшиеся от выскабливания марказита кромкой кремня; б — микроследы от ударов кремнем по марказиту; с — микроследы от ударов марказитом по плоской грани кремня. Цветными точками указаны участки, с которых сделаны макро- и микрофотографии

износа) отбойника верхнего палеолита, который мог использоваться для первичного расщепления и/или снятия сколов-заготовок (№ 5 в таблице, рис. 10), отдельно можно отметить лишь незначительную степень его износа. Учитывая, что нуклеусы в коллекции представлены небольшим числом сильно сработанных экземпляров (Рогачев и др., 1982), здесь скорее можно ожидать находок инструментов для снятия сколов и подправки кремневых орудий, но в материалах стоянки не представлены ни ретушеры из галек, ни органические отбойники или отжимники, т. е. имеются лакуны в той части индустрии, которая должна представлять орудия для расщепления и вторичной обработки кремня.

Заключение

В качестве подведения итогов хотелось бы еще раз подчеркнуть контекстуальные связи, которые выстраиваются внутри индустрии К8/II.

Многочисленные поделки из кости и бивня, использованные преимущественно для обработки шкур на поселении (Дудин и др., 2019), прекрасно дополняются интенсивно изношенными абразивами для обработки твердых органических материалов. То есть выстраивается производственная последовательность, в рамках которой на стоянке активно обрабатывали кость для производства кожевенных инструментов и охотничьего вооружения, которое вместе с камен-

Рис. 10. Костенки 8/II. Каменный отбойник с шифром ГП-в-53-261. На выносках — макрофотографии слабо развитого износа на торцах орудия

ными орудиями применялось для добычи в том числе и пушного зверя (Borgia, 2017: 382–385). Добытые на охоте ресурсы в свою очередь становились сырьем для изготовления новых костяных поделок.

Интерес древнего населения к окаменелостям и другим диковинкам из девонских отложений выразился не только в находках аммонитов с проделанными в них отверстиями и обожженных сферосидеритах (видимо, для приготовления минеральной краски), но и в факте выбора удлиненной железистой конкреции для работы ею как ударным орудием. Окончательный вывод о конкретной функции этого предмета до проведения серии экспериментов был бы преждевременным, но важен сам факт практического отношения к конкреции: ранее в коллекциях палеолитических памятников отмечались факты приноса подобных вещей на стоянки, использования их в качестве сырья для минеральной краски, но работа металлической конкрецией как ударным инструментом говорит также об активном опробовании самых разных местных ресурсов.

Знакомство обитателей поселения со свойствами конкреций и окаменелостей, часто замещааемых пиритом, дополняется высечением искр кремнем из полисульфидов железа. Этот контекст может быть условно представлен в виде последовательности, в рамках которой обследуются ближайшие выходы окаменелостей девона, привлекательные для древних людей находки доставляются на стоянку, часть из них становится заготовками для украшений, часть — сырьем для минеральной краски и по крайней мере одна конкреция стала ударным орудием. Судя по следам на кремне, некоторые железосодержащие стяжения использовались и для получения огня посредством высекания искр.

Таким образом, предложенная А. Н. Рогачевым и Л. М. Челидзе интерпретация II слоя Тельманской стоянки как ярко выраженных остатков поселения с жилыми объектами и очагами, оставленными одной группой, «общинной» (Рогачев, 1957: 57; Литовченко, 1969: 119), хорошо согласуется с аспектами домашне-хозяйственной активности, восстанавливаемыми по образцам, ударным инструментам и находке кресального кремня.

Литература

Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН; вып. 1).

- Галимова М. Ш., Ситдииков А. Г., Хабаров В. В. 2014. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трасологическое исследование // Поволжская археология. № 3 (9). С. 256–276.
- Гиря Е. Ю. 2017. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (ред.). Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 34–45.
- Гиря Е. Ю. 2019. Доказательная интерпретация следов в контексте формы изделия (на примере ориньякской пластины «с талией» из третьего культурного слоя Костенок 1) // Бессуднов А. А., Захарова Е. Ю. (ред.). ВДАС. Вып. 11. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. С. 112–140.
- Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Платонова Н. И. 2016. Второй культурный слой стоянки Костенки-8 (Тельманская): структура, объекты микростратиграфии // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 15 (3). С. 41–52.
- Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Родионов А. М., Платонова Н. И. 2019. Новые данные о костяной индустрии второго культурного слоя Тельманской стоянки // Бессуднов А. А., Захарова Е. Ю. (ред.). ВДАС. Вып. 11. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского. С. 141–154.
- Желтова М. Н., Лисицын С. Н., Степанова К. Н. 2022. Шлифовка камня и усложненное собирательство в палеолите: есть ли связь? (по материалам Костенковско-Борщевских стоянок) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 1. С. 171–192.
- Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. 1996. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН.
- Литовченко Л. М. 1969. Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой) // СА. № 3. С. 110–123.
- Рогачев А. Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. № 59. С. 9–134.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В., Дмитриева Т. Н. 1982. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону: 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука. С. 94–109.
- Степанова К. Н. 2015. Немодифицированные каменные орудия верхнего палеолита Восточной Европы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Степанова К. Н. 2023. Следы от приготовления минеральной краски из железистых конкреций: сопоставление данных экспериментов с археологическими материалами верхнего палеолита // АВ. Вып. 40. С. 334–352.
- Челидзе Л. М. 1968. Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

- Borgia V. 2017. Hunting high and low: Gravettian hunting weapons from Southern Italy to the Russian plain // *Open Archaeology*. Vol. 3. P. 376–391.
- Collina-Girard J. 1998. Le feu avant les allumettes, Expérimentation et mythes techniques // *Collection Archéologie expérimentale et Ethnographie des techniques*. Vol. XIV. Paris: Éd. de la Maison des sciences de l'homme.
- Cristiani E., Zupancich A. 2020. Sandstone ground stone technology: a multi-level use wear and residue approach to investigate the function of pounding and grinding tools // *Journal of Archaeological Method and Theory*. Vol. 11. P. 4801–4827.
- Dubreuil L., Ovidia A., Shahack-Gross R., Grosman L. 2019. Evidence of ritual breakage of a ground stone tool at the Late Natufian site of Hilazon Tachtit cave (12,000 years ago) // *PLoS ONE*. Vol. 14 (10). Art. no. e0223370.
- Dubreuil L., Savage D., Delgado-Raack S., Plisson H., Stephenson B., de la Torre I. 2015. Current analytical frameworks for studies of use-wear on ground stone tools // Marreiros J. M., Gibaja Bao J. F., Ferreira Bicho N. (eds.). *Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology*. Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer. P. 105–159.
- Sorensen A. 2022. Filling the gap: Microwear evidence for Aurignacian fire production at Abri Pataud (Dordogne, France) // *Tracing Social Dynamics*. Book of abstracts of AWRANA Congress (24–27 April, Barcelona). S. 1. P. 42.
- Sorensen A., Claud E., Soressi M. 2018. Neandertal fire-making technology inferred from microwear analysis // *Scientific Reports*. Vol. 8 (1). P. 1–16.
- Stapert D., Johansen L. 1999. Making fire in the Stone Age: flint and pyrite // *Geologie en Mijnbouw*. Vol. 78. P. 147–164.
- Stepanova K. 2020. Upper Palaeolithic grinding stones from Eastern European sites: An overview // *QI*. Vol. 541. P. 162–181.

**БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАГМЕНТАРНЫХ
ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
ИЗ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА НА СТОЯНКЕ КОСТЕНКИ 8¹**

**М. В. ДОВОЛЬСКАЯ¹, М. Б. МЕДНИКОВА¹, А. П. БУЖИЛОВА¹,
А. В. ТИУНОВ², В. И. СЕЛЕЗНЕВА³, В. Г. МОИСЕВ³, В. И. ХАРТАНОВИЧ³**

¹ *Институт археологии РАН, Москва*

² *Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва*

³ *Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург*

Введение

Антропологические материалы, происходящие из памятников эпохи верхнего палеолита, всегда были предметом особого интереса в среде как археологов, так и антропологов. Скелетные находки и сегодня остаются независимым ценнейшим источником для получения информации о хронологии расселения верхнепалеолитического населения, особенностях образа жизни конкретных индивидов, их физическом облике, генетическом своеобразии, культурных традициях.

В предлагаемой публикации мы обсуждаем некоторые новые факты, полученные при описании и аналитическом исследовании фрагментарных антропологических останков из жилищ, обнаруженных в слое II Костенок 8 (Тельманской стоянки).

Исследование многослойной верхнепалеолитической стоянки Тельманская было начато еще в предвоенное время П. П. Ефименко (Ефименко, Борисковский, 1957: 79). В 1950–1960-е гг. Костенковский отряд экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Рогачева продолжил исследования. В процессе раскопок 1959 г. «на небольшом участке на границе кв. И-52, И-53, З-52 в культурном слое было обнаружено скопление интенсивно обожженных черепных костей человека» (Рогачев, 1960: 41). Впоследствии А. Н. Рогачеву удалось соотнести место массового скопления костного материала с расположением жилищ, обнаруженных во втором слое многослойного памятника. Скопление обугленных костей человека было приурочено к северо-восточной периферии западного (южного) жилища.

В полевом отчете автор исследования пишет: «В настоящее время остатки человека изучаются М. М. Герасимовым и по его предварительным

определениям относятся к молодой мужской особи негроидного (зачеркнуто) кроманьонского типа» (Рогачев, 1960: 44). Эта информация об обнаруженных антропологических материалах до сих пор остается, пожалуй, наиболее полной антропологической справкой. Упоминания о фрагментарных антропологических материалах есть в некоторых свежих сводках по палеоантропологии. Так, памятник отмечен в общем каталоге антропологических палеолитических находок на территории России (Герасимова и др., 2007: 187) и обзорной публикации, посвященной антропологическим находкам в Костенках (Герасимова, 2010: 26–40). Прямое радиоуглеродное датирование обугленных костей черепа человека дало дату 23020 ± 320 ¹⁴C тыс. л. н. (ОхА-7109) (Синицын и др., 1997: 50).

Применение новых методик и использование традиционно принятых подходов к изучению антропологических материалов фрагментарной сохранности позволяют вернуться к обсуждению этих ценнейших находок. В данной публикации мы обсуждаем:

- ряд вопросов, связанных с причинами и условиями обжига, зафиксированного на костях;
- экологические характеристики, полученные на основе изотопного анализа коллагена костной ткани.

О состоянии обожженных фрагментов кости

Скопления фрагментированных костей из второго слоя южного (западного) жилища содержат фрагменты, в разной степени видоизмененные огнем. На фотографии (рис. 1) хорошо видно, что цветность костной ткани значительно варьирует. Фрагменты костей посткраниального

¹ Оригинальная версия статьи: Довольская М. В., Медникова М. Б., Бужилова А. П., Тиунов А. В., Селезнева В. И., Моисеев В. Г., Хартанович В. И. 2012. Биоархеологические исследования фрагментарных палеоантропологических материалов из верхнепалеолитического жилища на стоянке Костенки 8 // КСИА. Вып. 227. С. 103–112.

Рис. 1. Костенки 8 (II). Состояние обугленных фрагментов черепа человека

скелета и черепа, вероятно, были разделены на группы уже в процессе описания. В полевом отчете информация о различной локализации костей черепа и посткраниального скелета отсутствует.

Цветность костей неодинакова. В скоплениях присутствуют косточки полностью кремированные (серовато-беловатого оттенка и серого цвета). Число их невелико (рис. 1). Все светлые фрагменты костей представляют трубчатые кости. До проведения микроскопического анализа судить о том, относятся они к человеку или животному, преждевременно.

Подавляющее большинство фрагментов окрашены в темно-бурые, светло-бурые и черные цвета. Как известно, в практике криминалистических экспертиз цветность кости используется для реконструкции температуры обжига (Stewart, 1979: 59; Звягин, 2000: 341; Walker, Miller, 2005: 222). Фрагменты темных оттенков подверглись термическому воздействию при температуре около 200–300 °С. Светло-серые фрагменты находились в огне при температуре около 800 °С.

Среди фрагментов костей черепа не встречаются оттенки серого и белого каления. Также важно отметить, что на некоторых фрагментах следы термического воздействия неравномерны. Цветность фрагмента кости может варьировать от темно-бурого до обычной окраски, без следов температурного воздействия. Следы обугливания располагаются как на внешней, так и на внутренней поверхностях свода черепа, а также на поверхности сломов фрагментов. Ни на одном фрагменте не встречены термические деформации.

Следует разделить фрагменты серого каления и обугленные. К сожалению, не все скопления костей сохранили шифровки с точными привязками к квадратам. На чертежах локализация костей также не отражена. Известно лишь, что скопления располагались примерно в 2 м от центрального кострища жилища. Возможно, часть костей происходит из этого кострища. Большинство же фрагментов подверглось лишь незначительному воздействию температуры.

То обстоятельство, что цветовые переходы локализируются на обеих сторонах кости, позволя-

ет предположить, что температурное воздействие имело место тогда, когда череп был уже разрушен. Для того чтобы стать причиной разрушения черепа, наблюдаемое температурное воздействие недостаточно, к тому же форма разломов не соответствует формам термических трещин.

Отсутствие деформирующих трещин плавных форм указывает на то, что обжиг и обугливание происходили тогда, когда кость высохла и на ней не было мягких тканей. Нами не обнаружены следы преднамеренного освобождения скелета от мягких тканей, поэтому можно с большой долей уверенности предположить, что обжигу подверглись уже скелетированные останки людей.

Проведенные ранее эксперименты показали, что при прокаливании сухой кости динамика цветности существенно отличается от изменения окраски при сжигании сырой кости. Поэтому основывать мнение о температуре обжига только на показателях цветности рискованно. Необходимо учитывать хрупкость костных фрагментов как добавочный проверяющий признак. В данном случае костная ткань сохранила свою упругость, не крошится, фрагменты не разделяются на более мелкие. Поэтому мы готовы подтвердить низкую температуру обжига (около 300 °С).

Все приведенные факты и предположения позволяют нам реконструировать ситуацию, в результате которой произошло обугливание и кремирование костей. Ранее приводились свидетельства в пользу того, что некоторые погребения мустьерского и верхнепалеолитического времени ассоциируются с очагами или демонстрируют следы локального обугливания. Это послужило основой для предположения о семантической (культовой?) связи между останками погребенного и очагом (Обермайер, 1913: 214, 492). Поэтому мы отнеслись с особым вниманием к возможности рассмотреть следы присутствия огня на костях индивидов из жилища Тельманской стоянки в связи с погребальной обрядностью.

Однако на основании полученных результатов и в соответствии с общими методическими подходами к реконструкции погребальной обрядности (Добровольская, 2010: 85) мы склонны предложить следующую гипотетическую интерпретацию.

1. Скелетированные останки индивидов (череп и отдельные длинные кости) находились в жилище. Как показали раскопки А. Н. Рогачева, массовое скопление кремня (обожженного в том числе) и костей находилось

на одном уровне — дневной поверхности жилища — в непосредственной близости от скопления костных фрагментов. Исследователь отмечает яркую прокрашенность охрой квадратов И-53 и И-54 (Рогачев, 1960: 40). Эти квадраты либо соответствуют расположению костных фрагментов, либо непосредственно прилегают к ним. Не строя предположений, отметим, что охра практически маркирует расположение костных фрагментов. На самих фрагментах следов красных оттенков не обнаружено.

2. Обугливание и разрушение произошло в одно и то же время, на что указывает характер обугливания фрагментов. Поэтому у нас имеются веские основания предполагать, что обугливание и разрушение скелетов произошло в результате пожара и разрушения самого жилища, так как все указывает на непреднамеренность характера термического воздействия.

3. Присутствие скелетированных останков в жилище — черепов, прежде всего, — может быть рассмотрено как одно из проявлений культовой практики. Нет необходимости приводить многочисленные этнографические аналогии, в которых присутствие скелетных останков может быть связано либо с культом предков, либо с традицией хранить трофеи, доказывающие победу над противником.

Итак, проведенное исследование представляет новую для палеолита Европейской части России категорию палеоантропологических находок — скелетированные останки людей в жилище. Вероятно, к известным аналогиям могут быть отнесены некоторые находки, которые, как правило, были идентифицированы при повторном пересмотре археозоологических материалов из слоев стоянок:

1) диафиз бедренной кости из слоя стоянки Дольни Вестонице 35 (OxA-8292: 22 840±200 ¹⁴C тыс. л. н.) (Trinkaus et al., 1999: 167);

2) изолированная левая бедренная кость близ очага Пшедмости 27 (Ulrich, 1996: 44) и некоторые другие фрагментированные останки из этого же памятника.

Изолированный диафиз бедренной кости из погребения детей на Сунгире также может быть рассмотрен в контексте находок Тельманской стоянки, так как на нем обнаружены следы неоднократного использования, свидетельствующие о том, что этот объект долгое время «жил» среди людей, а не был сразу же захоронен (Козловская, 2000: 436).

Рис. 2. Костенки 8(II). Фрагменты костей человека со следами различного обжига

Изотопный анализ фрагментарных антропологических материалов

Для характеристики таких важнейших экологических характеристик, как пищевой рацион, ландшафтная приуроченность места обитания, была предпринята попытка провести изотопное исследование фрагментов черепа из скопления в квадратах И-53 и И-52. Нами были взяты два образца костной ткани свода черепа взрослого индивида. Определение пола и возраста индивидов в значительной мере затруднено. Дело в том, что в скоплениях находятся останки нескольких индивидов. Идентифицировать принадлежность каждого фрагмента свода черепа можно лишь с известной долей вероятности. Еще М. М. Герасимовым один индивид был определен как молодой мужчина (Рогачев, 1960: 44). Оба фрагмента свода черепа взяты из скопления, где присутствовали участки с незакрытыми черепными швами и фрагмент правой глазницы. Все эти анатомически определяемые фрагменты могут быть отнесены к мужчине возрастной категории *adultus*.

Попытка выделить коллаген из одного частично обугленного фрагмента оказалась неудачной: термическое воздействие привело

к полному уничтожению коллагена. Фрагмент с минимальными следами обугленности продемонстрировал лучшую сохранность, и из него удалось выделить коллаген.

Выделение коллагена проводилось в Лаборатории биогеоценологии и исторической экологии Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН с применением принятой методики (DeNiro, Epstein, 1981: 341; Jørgkov et al., 2007: 1824). Фрагмент костной ткани был помещен в 1М раствор соляной кислоты при 3 °С до полной деминерализации. Затем образец промывался дистиллированной водой центрифугированием до получения нейтральных значений рН. Органический остаток переводился в растворимую форму при рН 2,5 и 70 °С на протяжении 24 часов. Раствор лиофилизировался без фильтрации.

В анализе использовался масс-спектрометр Thermo-Finnigan Delta V Plus IRMS с элементным анализатором (Thermo Flash 1112). Соотношение атомных масс углерода и азота составило величину 3,2, что находится в интервале 2,9–3,6 и подтверждает хорошую сохранность костного коллагена.

Полученные результаты: для углерода $\delta^{13}\text{C}$ –18,3, и для азота $\delta^{15}\text{N}$ –10,9. В самом общем виде мы можем их интерпретировать следующим образом: данный индивид на протяжении последних лет жизни в качестве основной пищи использовал мясо наземных травоядных млекопитающих. Основу рациона питания этих животных составляли растения умеренного пояса (C_3 тип фотосинтеза). Этот вывод делается на основании общих сведений о том, что при переходе с одного трофического уровня на другой (более высокий) коллаген костной ткани получает обогащение примерно на 5‰ (Ambrose, Norg, 1993: 35). А коэффициент обогащения тяжелого изотопа азота при аналогичном переходе составит порядка 3–4‰ (Minagawa, Wada, 1984: 1136).

Сложность состоит в том, что в зависимости от конкретной экологической ситуации эти коэффициенты могут значительно варьировать (Ambrose, 1991: 293). Единич-

ные данные, не сопровождаемые сведениями об изотопных показателях местной фауны, безусловно, представляют собой лишь самый начальный уровень наших знаний. Однако, опираясь на многочисленные сведения об изотопных показателях верхнепалеолитического населения Европы, мы попробуем найти ближайшие аналогии изотопным подписям, полученным для индивида из жилища Тельманской стоянки.

В настоящее время мы располагаем сведениями примерно о 40 индивидах с территории Европы. Прямое датирование каждого из них проведено. Наиболее ранний относится к ранней поре верхнего палеолита (около 35 тыс. ^{14}C л. н., Оаше, Румыния), а наиболее поздний – к финальной стадии (около 11 тыс. ^{14}C л. н., Дюраси, Франция) (Richards, 2009: 252). Среди них можно выделить небольшую группу условно близких по времени памятников возраста 20–25 тыс. ^{14}C л. н. (табл. 1).

Таблица 1. Изотопные показатели углерода $\delta^{13}\text{C}$ и азота $\delta^{15}\text{N}$ для индивидов средней поры верхнего палеолита

Памятник	Страна	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰)	Возраст, ^{14}C л. н.	Автор
Ла Рошет	Франция	–17,1	11,2	~25 000	Orschiedt, 2002
Ил Пойнт	Великобритания	–19,7	11,4	24 470±110 (OxA-14164)	Schulting et al., 2005
Брно-Французска 2	Чехия	–19,0	12,3	23 680±200 (OxA-8293)	Richards et al., 2001
Арене Кандид	Италия	–17,6	12,4	23 440±190 (OxA-10700)	Petitt et al., 2003
Дольни Вестонице 35	Чехия	–18,8	12,3	22 840±200 (OxA-8292)	Richards et al., 2001
Костенки 18	Россия	–19,1	13,1	21 020±180 (OxA-7128)	Richards et al., 2001
Костенки 8	Россия	–18,3	10,9	23 020±320 (OxA-7109)	Наши данные, датировка по (Синицын и др., 1997)

Данные, полученные для индивидов из Сунгиря, приводить, вероятно, здесь неправомерно, так как проведенное передатирование показало более ранний возраст погребений (Dobrovolskaya et al., 2011). Тем не менее отметим, что изотопные показатели для индивидов С1 и С3 (Dobrovolskaya et al., 2011) чрезвычайно близки полученным для индивида Тельманской стоянки.

Как следует из табл. 1, данные, полученные для исследуемого индивида, своеобразны и отличаются прежде всего несколько более низкими показателями по тяжелому азоту. Как отмечалось, судить о рационе охотников необходимо на фоне показателей основных промысловых видов. Из проведенных ранее исследований известно, что «среди фауны преобладали остатки зай-

ца, волка; также были определены кости зубра, лошади, мамонта, северного оленя, шерстистого носорога, благородного и гигантского оленей, песка, пещерного льва. Кроме того, найдены кости птиц и рыб» (Рогачев, Аникович, 1984: 186). Без подробного стратиграфического и планиграфического описания залегания костей животных трудно интерпретировать полученные определения. Очевидно одно: разнообразие видов велико.

Изотопные показатели для коллагена крупных представителей ледниковой фауны (мамонт, шерстистый носорог) демонстрируют более высокое значение сигмы по азоту (около 9–10‰) (Bocherens, Drucker, 2003: 45; Jacobi et al., 2010: 29). Изотопные показатели других копытных (лошадь, олень) существенно ниже. Это позволяет нам предположить, что исследуемый

индивид относился к группе охотников на наземных травоядных, которые не специализировались в охоте на мамонтов и шерстистых носорогов. Вероятно, их наиболее массовой добычей были более мелкие животные.

Обсуждение возможного использования водных пищевых ресурсов (рыба, водоплавающие птицы, моллюски) важно в контексте общих трендов, выявляемых в динамике использования пищевых ресурсов на протяжении верхнего палеолита. Умение использовать водные (пресноводные и морские) пищевые ресурсы, которое зачастую рассматривают как сапиентную черту, ярко проявляется в эпоху перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Второй слой Тельманской стоянки датируется гораздо более поздним временем, но использование широкого спектра пищевых ресурсов во все эпохи каменного века было той поведенческой чертой, которая позволяла человеку успешно адаптироваться в нестабильных условиях. Полученные нами результаты позволяют нам с большой долей уверенности су-

дить о том, что охота на водную фауну систематически не велась, а рыба и водоплавающая птица если и использовались в пищу, то редко. Индивид демонстрирует вариант неспециализированного охотника на различные виды травоядных животных, что в условиях относительно мягкого климата молодого-шекснинского межледниковья позволяло сообществам охотников существовать, добывая себе пищу охотой не столь опасной, как охота на мамонта и шерстистого носорога.

Важно отметить, что полученные значения разительно отличаются от величин, определенных для ребенка Костенки 18, равно как и от гораздо более ранних верхнепалеолитических представителей Костенки 1 и Костенки 14 (табл. 2). Приведенные данные указывают на сложную эпохальную и локальную динамику экологического окружения и традиций охоты палеолитических насельников Костенок. Таким образом, эти памятники разделяют не только время существования и особенности материальной культуры, но и специфика охоты.

Таблица 2. Изотопные показатели углерода $\delta^{13}\text{C}$ и азота $\delta^{15}\text{N}$ для индивидов Костенок

Памятник	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰)	Автор
Костенки 1	-18,2	14,2	Richards et al., 2001
Костенки 8	-18,3	10,9	Наши результаты
Костенки 14	-19,4	13,5	Наши результаты
Костенки 18	-19,1	13,1	Richards et al., 2001

Заключение

Проведенные исследования фрагментированных скелетных останков из слоя II Тельманской стоянки позволили обсудить причины присутствия скелетированных останков в жилище. Обугливание фрагментов и скопленных кремневых орудий произошло, вероятно, не преднамеренно, а в результате пожара и разрушения. Данные о показателях содержания тяжелых изотопов азота и углерода дают основание предполагать, что основу рациона индивида составляла охотничья добыча — наземные травоядные млекопитающие, причем такие представители мегафауны, как мамонт и шерстистый носорог, не составляли основу рациона. Вероятно, индивид принадлежал к группе охотников, которые не специализировались в охоте на этих крупных животных. Примененные биоархеологические подходы помогли получить новую информацию о хозяйственной жизни и культовой практике верхнепалеолитического человека.

Литература

- Герасимова М. М. 2010. Еще раз о палеоантропологических находках в Костенках // ЭО. № 2. С. 26–40.
- Герасимова М. М., Астахов С. Н., Величко А. А. 2007. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания: Иллюстрированный каталог палеоантропологических находок эпохи палеолита на территории России и смежных территорий. СПб.: Нестор-История.
- Добровольская М. В. 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.
- Ефименко П. П., Борисковский П. И. 1957. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 года) // МИА. Вып. 59. Палеолит и неолит СССР. Т. 3. С. 191–234.
- Звягин В. Н. 2000. Диагностические исследования в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности // Томилин В. В. (ред.). Медико-криминалистическая идентификация. М.: Норма-Инфра-М. С. 227–349.
- Козловская М. В. 2000. Бинарные оппозиции в погребальной обрядности сунгирских захоронений // Алексеева Т. И., Бадер Н. О. (ред.). Номо

- sunghirensis: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследований. М.: Научный мир. С. 431–436.
- Обермайер Х. 1913. Доисторический человек. СПб.: Брокгауз-Ефронъ.
- Рогачев А. Н. 1960. Отчет об исследовании палеолита в Костенках в 1959 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 1960.
- Рогачев А. Р., Аникович М. В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит СССР. М.: Наука. С. 162–271.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д. 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Синицын А. А., Праслов Н. Д. (отв. ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН. С. 21–66.
- Ambrose S. H. 1991. Effects of diet, climate and physiology on nitrogen isotope abundances in terrestrial foodwebs // JAS. Vol. 18. P. 293–317.
- Ambrose S. H., Norr L. 1993. Experimental evidence for the relationship of the carbon isotope ratios of whole diet and dietary protein to those of bone collagen and carbonate // Lambert J. B., Grupe G. (eds.). Prehistoric Human Bone. Berlin: Springer. P. 1–37.
- Bocherens H., Drucker D. 2003. Trophic level isotopic enrichment of carbon and nitrogen in bone collagen: case studies from recent and ancient terrestrial ecosystems // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 13. P. 46–53.
- DeNiro M. J., Epstein S. 1981. Influence of diet on distribution of nitrogen isotopes in animals // Geochimica and Cosmochimica Acta. Vol. 45 (3). P. 341–351.
- Dobrovolskaya M., Richards M. P., Trinkaus E. 2011. Direct radiocarbon dates for the Mid Upper Palaeolithic (Eastern Gravettian) burials from Sunghir, Russia // Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris. Vol. 24. P. 96–102.
- Jacobi R. M., Higham T. F. G., Haesaerts P., Jadin I., Basell L. S. 2010. Radiocarbon chronology for the Early Gravettian of northern Europe: new AMS determinations for Maisieres-Canal, Belgium // Antiquity. Vol. 84. P. 26–40.
- Jørkov M. L., Heinemeier J., Lynnerup N. 2007. Evaluating bone collagen extraction methods for stable isotope analysis in dietary studies // JAS. Vol. 34. P. 1824–1829.
- Minagawa M., Wada E. 1984. Stepwise enrichment of ^{15}N along food chains: further evidence and relation between $\delta^{15}\text{N}$ and animal age // Geochimica and Cosmochimica Acta. Vol. 48 (5). P. 1135–1140.
- Orschiedt J. 2002. Datation d'un vestige humain provenant de la Rochette (Saint-Leon-sur-Vezere) par la method du carbone 14 en spectrometrie de masse // Paleo. Vol. 14. P. 239–240.
- Petitt P. B., Richards M. P., Maggi R., Formicola V. 2003. The Gravettian burial known as the Prince ("Il Principe"): new evidence for age and diet // Antiquity. Vol. 77. P. 15–19.
- Richards M. P. 2009. Stable isotope evidence for European Upper Paleolithic human diets // Hublin J.-J., Richards M. P. (eds.). The evolution of Hominin diets: integrating approaches to the study of Palaeolithic Subsistence. Dordrecht: Springer. P. 251–257.
- Richards M., Petitt P. B., Stiner M. C., Trinkaus E. 2001. Stable isotope evidence for increasing dietary bread in the European Mid-Upper Paleolithic // PNAS. Vol. 98 (11). P. 6528–6532.
- Schulting R. J., Trinkaus E., Higham T., Hedges R., Richards M. P., Carde B. 2005. A Mid-Upper Palaeolithic human humerus from Eel Point, South Wales, UK // JHE. Vol. 48. P. 493–505.
- Stewart T. D. 1979. Essentials of forensic anthropology. Springfield.
- Trinkaus E., Jelinek J., Petitt P. B. 1999. Human remains from the Moravian Gravettian: The Dolni Vestonice 35 femoral diaphysis // Anthropologie. Vol. 37 (2). P. 167–175.
- Ulrich H. 1996. Prsedmosti — an alternative model interpreting burial rites // Anthropologie. Vol. 34 (3). P. 299–306.
- Walker P. L., Miller K. P. 2005. Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 40. P. 129–135.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О РАННИХ ТРЕПАНАЦИЯХ ГОЛОВЫ В КАМЕННОМ ВЕКЕ: НАХОДКА НА ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКЕ И ЕЕ ВОЗМОЖНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

М. Б. МЕДНИКОВА¹, М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ¹, А. П. БУЖИЛОВА²,
В. И. ХАРТАНОВИЧ³, В. И. СЕЛЕЗНЕВА³, В. Г. МОИСЕЕВ³, Н. Н. ПОТРАХОВ⁴

¹ Институт археологии РАН, Москва

² НИИ и Музей антропологии МГУ им. Анучина, Москва

³ Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

⁴ Санкт-Петербургский электротехнический университет (ЛЭТИ)

Введение

В научной литературе прочно утвердилось представление о том, что трепанация черепа принадлежит к числу древнейших операций в истории человечества (Медникова, 2001; Finger et al., 2003; Медникова, 2004).

В соответствии с наиболее общим определением, под трепанацией мы понимаем любое полное или частичное удаление кости из свода черепа, осуществленное преднамеренно при жизни или после смерти человека.

Доисторические операции на краниальном своде неоднократно становились поводом для частных и обобщающих публикаций. В них обсуждались особенности оперативного вмешательства на черепе человека и процесс заживления; перспективы выживания (как ни поразительно, наиболее благоприятные для германского населения эпохи неолита). Специалистами разработаны классификации трепанаций, в частности учитывающие цель, которую могла преследовать подобная операция.

Еще основоположник научного изучения трепанаций древности П. Брока (Broca, 1877) выделил два их типа: 1) хирургическую, производившуюся в медицинских целях (*trepanatio ante mortem*) и 2) ритуальную, как правило, ставившую целью создание амулета из костного фрагмента, изъятых из трепанационного отверстия (*trepanatio post mortem sive posthuma*).

Впоследствии был открыт третий тип трепанации, производившейся не столько с целью перфорации черепа, сколько для удаления мозга и последующей мумификации.

Четвертый тип трепанации, так называемая символическая трепанация, описан Л. Бартушем (Bartucz, 1950: 389) для раннесредневекового населения. Венгерские антропологи предложили рассматривать ее как прижизненную и не рас-

пространявшуюся дальше диплоэ, при которой внутренняя костная пластинка (*lamina interna*) воздействию не подвергалась. Эти операции считались лечебными процедурами, имевшими достаточно ограниченное распространение в определенную эпоху.

Однако более широкое рассмотрение поверхностных прижизненных повреждений выявило глубокую древность традиции и заставило предполагать действительно символическую и сакральную подоплеку таких манипуляций с телом человека, представлявших собой разновидность скарификации (Медникова, 2001: 125; Медникова, 2003: 147; Медникова, 2007: 48). Глубокие шрамы могли наноситься в строго определенном месте головы в момент прохождения обряда посвящения и в знак приобретения нового статуса.

Особая заслуга в изучении феномена древних трепанаций принадлежит исследователям из Северной столицы. Сделанные ими открытия сохраняют общемировое значение, подкрепляя тезис о том, что удача и кропотливый труд неотделимы друг от друга.

Интерес ленинградских медиков и антропологов к палеопатологии был в значительной степени инспирирован работами выдающегося исследователя Дмитрия Герасимовича Рохлина, создавшего, помимо широко известных публикаций (Рохлин, 1965), музей костной палеопатологии на базе кафедры рентгенологии Первого Ленинградского медицинского института. Д. Г. Рохлин подготовил плеяду учеников, опубликовавших в 1960-е гг. ряд важных палеопатологических исследований.

Благодаря археологическим раскопкам в 1950-е гг. были получены ценнейшие палеоантропологические материалы, остающиеся ключевыми для понимания возможностей древнейшей хирургии черепа.

¹ Оригинальная версия статьи: Медникова М. Б., Добровольская М. В., Бужилова А. П., Хартанович В. И., Селезнева В. И., Моисеев В. Г., Потрахов Н. Н. 2012. Еще раз к вопросу о ранних трепанациях головы в каменном веке: находка на Тельмановской стоянке и ее возможная интерпретация // КСИА. Вып. 227. С. 112–123.

До настоящего момента самым древним случаем прижизненной хирургической трепанации считается пример из мезолитической стоянки Васильевка на Украине. Заслуга в идентификации этой трепанации принадлежит И. И. Гохману (Гохман, 1966: 25). Этот случай был параллельно описан на страницах «Вопросов антропологии» учеником Д. Г. Рохлина В. А. Гойхманом (Гойхман, 1966: 111–118). Убедительно доказано, что операция выполнена сверлением за годы до смерти пациента.

В настоящий момент этот случай остается самым ранним опубликованным примером прижизненного трепанирования в Евразии, особенно после прямого датирования скелетных останков из данного погребения: $10\,060 \pm 105$ тыс. л. н. ОхА-3807 (Jacobs, 1993).

Однако в поле внимания Ильи Иосифовича Гохмана находились и другие, не менее уникальные палеоантропологические материалы, связанные с трепанационной проблематикой. На протяжении долгих десятилетий И. И. Гохман заботливо сохранял чрезвычайно фрагментарные и сложные для изучения традиционными морфологическими методами скелетные останки Номо из раскопок Тельманской стоянки. Некоторые фрагменты вызывали его особый интерес и неоднократно демонстрировались коллегам. Илья Иосифович щедро делился своими наблюдениями, планировал написать отдельную работу, но, к сожалению, методический уровень антропологии и плохая сохранность находок долгое время заставляли откладывать реализацию этих планов, так и не воплотившихся в публикацию.

Развитие методик неструктивного изучения скелетного материала в последние годы открывает новые возможности. Таким методом стала цифровая микрофокусная рентгенография — новейший способ оценки состояния костной ткани при патологических и деструктивных процессах, позволяющий исследовать мелкие и малоконтрастные детали изображения костных элементов при значительном увеличении объекта. Инновационные разработки

специалистов кафедры электронных приборов и устройств Санкт-Петербургского электротехнического университета по созданию цифрового аналога микрофокусной рентгенографии с размером фокусного пятна менее 100 мкм (Потрахов, 2007) нашли успешное клиническое применение.

Первый в мировой практике опыт применения микрофокусной рентгенографии к палеоантропологическим объектам был предпринят нами в 2008 г. (Buzhilova et al., 2008; Бужилова и др., 2008а). Тогда на примере представителей различных археологических культур эпохи бронзы была продемонстрирована эффективность микрофокусной рентгено съемки при диагностике травм, онкологических заболеваний и гормональных нарушений (Бужилова и др., 2009а). Этот же метод был успешно применен при описании особенностей морфологического строения фрагмента черепной крышки эпохи верхнего палеолита (Бужилова и др., 2009б); при диагностике заболеваний неандертальца из Кик-Кобы (Бужилова и др., 2008б).

Настоящая работа ставит своей целью частичное введение в научный оборот скелетных останков человека с Тельманской стоянки верхнего палеолита. Применялась микрофокусная рентгенография, выполненная на базе ЛЭТИ.

Описание

Нами были обследованы фрагментарные скелетированные останки Номо, обнаруженные экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Рогачева при раскопках Тельманской стоянки (Костенки 8) предположительно в 1959 г.² Кости человека были найдены и при раскопках в 1963 и 1964 гг., но фрагменты черепа среди них не отмечены. При этом подчеркнуто, что «в раскопе 1959 г. на таком же уровне (–50) залегали обожженные обломки черепа человека на кв. и-52–53, з-52... Таким образом, все остатки костей человека, найденные во втором культурном слое на Тельманской стоянке, располагались только на территории западного жилища.

² Очевидно, именно эти останки упоминает в полевом отчете А. Н. Рогачев: «На небольшом участке на границе кв. и-52, и-53 и з-52 в культурном слое было обнаружено скопление интенсивно обожженных черепных костей человека». Большая часть фрагментов черепа была найдена на юго-восточной части квадрата и-52. Специально упомянуты крупный обломок черепа 11×7 см с частично обожженным краем; обломок 6×4 см, 2 обломка $4 \times 1,5$ см «толщиной до 2 см с губчатым строением», «3 таких же мелких обломка, обожжены, один с внутренней стороны», «7 утолщенных обломков черепа, наиболее крупный 5×3 см»; «2 обломка $4,5 \times 3$ см; 6 прокаленных обломков $2,5 \times 2$ см и мельче; 12 обломков 3×2 см и мельче, частично обожженных; 31 обломок 3×2 см и мельче интенсивно обожженных с внутренней стороны, 42 обломка (3×2 см и мельче); 22 мелких обломка; 1 мелкий необожженный обломок» (Рогачев 1960: 41). В квадрате з-52 фрагменты черепа — 15 жженных обломков — сосредоточены на юго-западном крае. В квадрате и-53 13 обломков черепа находились в северо-восточном крае. В том числе «необожженный обломок черепа (6×4 см) с круглой вмятиной снаружи» (Рогачев, 1960: 71).

Обломки костей черепа находятся у антрополога М. М. Герасимова, кости человека из раскопок 1963 и 1964 гг. отданы для определения антропологу И. Гохману (г. Ленинград)» (Рогачев, 1965: 28). Впоследствии все сохранившиеся останки костей человека были сконцентрированы в МАЭ.

В рамках данного сообщения особого внимания заслуживает фрагмент свода черепа из хранения отдела антропологии, ранее склеенный из трех частей (двух более крупных и одной более мелкой) под № з-52, и-52, и-53, что позволяет определить топографию их залегания. Максимальная длина реконструирован-

ного фрагмента — 83 мм, его ширина — 58 мм (рис. 1: а, б).

По характерным особенностям экзо- и эндокрана рассматриваемый объект может быть ассоциирован с верхне-центральной частью лобной кости (так называемой чешуей) (рис. 1: в). Идентификации фрагмента способствует сохранность венечного шва на значительном протяжении справа и рельеф со стороны эндокрана. Например, характерный для теменных костей сосудистый рисунок отсутствует.

В центральной части склеенного участка свода с внешней стороны можно видеть область локального понижения костной поверхности

Рис. 1. Фрагмент лобной кости человека, найденный при раскопках Тельманской стоянки в 1959 г.:
А — вид с наружной стороны

Б

Рис. 1. (Продолжение): Б — вид со стороны эндокрана

подокруглой формы, окаймленного зоной васкулярной реакции, что отражает местное усиление кровоснабжения. Вертикальное расстояние от верхнего края фрагмента до углубления — порядка 28 мм. Диаметр углубления достигает 10 мм при максимальной глубине в центральной части до 2 мм. При соотносении с общей конфигурацией разрушенной лобной кости ямка локализуется примерно по центру или чуть правее.

Хотя лобный бугор не акцентирован, его область определяется достаточно хорошо. Толщина свода в этом месте составляет около 6 мм.

На эндокране, на уровне ниже поверхностного повреждения фиксируется до четырех пальцевидных вдавлений, рассматриваемых в качестве симптомов повышенного при жизни внутричерепного давления. В верхней части фрагмента расположены арахноидальные лизисы (не менее 5).

При визуальном рассмотрении с правой стороны заметна возможная зажившая травма про-

долговатых очертаний 8 мм в длину, до 1,5 мм в ширину. Контур ее прямой, но дно поверхности повреждения неровное. На сломе кости, прилегающем к «травме», также видно небольшое локальное понижение костной поверхности. Толщина свода в этом месте составляет 5 мм. Рядом кость расширяется до 6 мм.

Микрофокусная рентгено съемка производилась в режиме 20 кВ, 120 мкА, время экспозиции 15 с.

Полученные изображения помогают прояснить характер наблюдаемых на лобной кости с Тельманской стоянки изменений (рис. 2).

Во-первых, предположение о прижизненной травме справа, по-видимому, не имеет под собой оснований. Очевидно, перед нами — результат разрушительных посмертных процессов.

Тем больший интерес представляет рассмотрение округлого повреждения в центре лобной кости. На рентгенограмме выявляется обширная

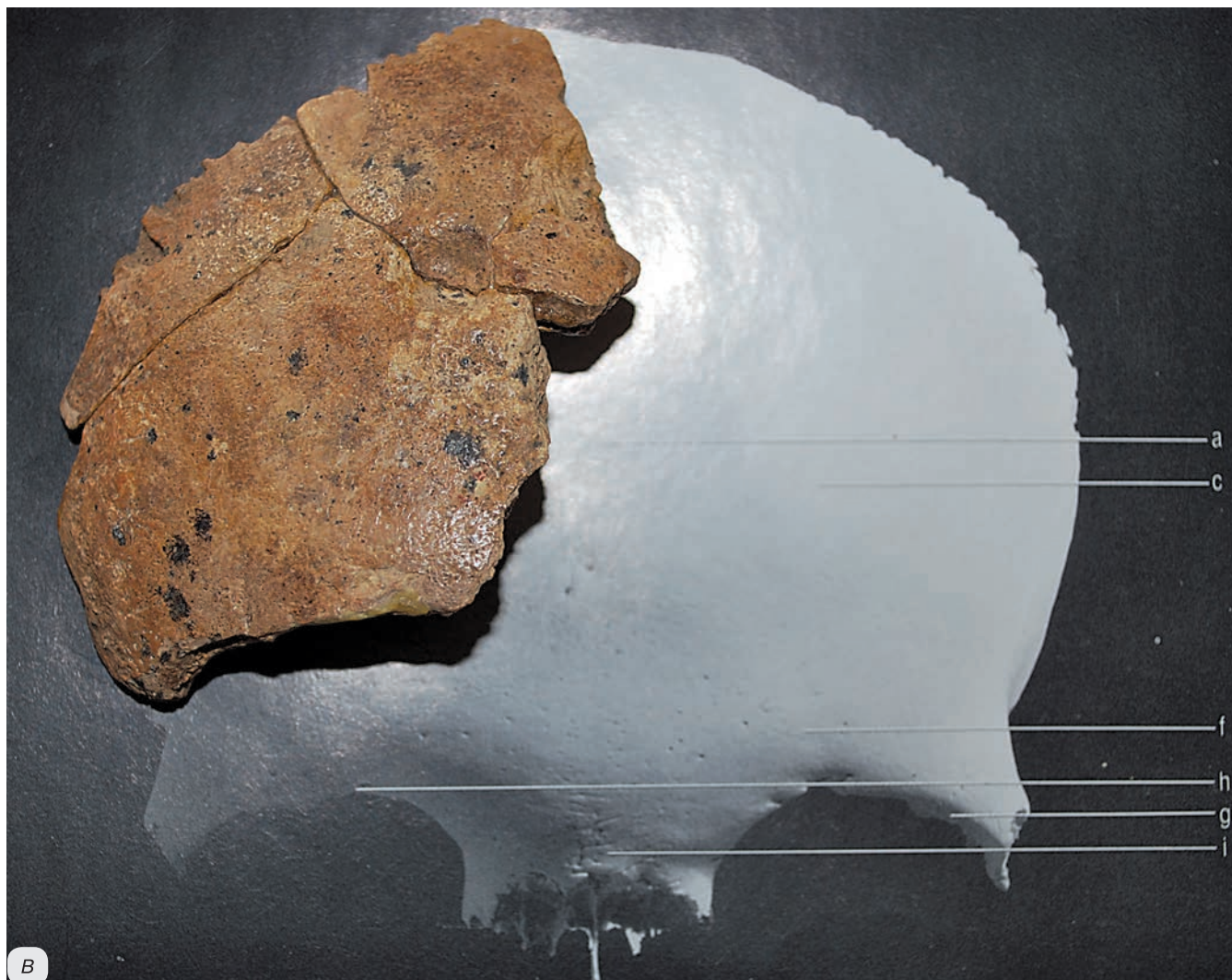

Рис. 1. (Окончание): В — локализация фрагмента на своде черепа

зона склеротизации. Это означает, что ямка в центральной части лба появилась при жизни. Мало того, прошел успешный процесс заживления этого глубокого округлого шрама, затронувшего не только тонкие в этом месте свода мягкие ткани, но и костную ткань, включая верхнюю пластинку компакты и слой спонгиозы. Повреждение могло быть нанесено за месяцы и даже за годы до смерти индивидуума.

Здесь мы подходим к следующему моменту: необходимости возрастной идентификации. Судя по состоянию шва, это был молодой человек, и его венечный шов облитерирован еще не был. Судя по толщине чешуи лобной кости, это не был маленький ребенок, а в самом крайнем случае старший подросток или молодой взрослый.

К сожалению, архивные данные не дают нам веских оснований связывать с этим индивидуумом другие фрагменты, хотя, на наш взгляд, это не исключено.

В хранении отдела антропологии Кунсткамеры РАН имеется скопление фрагментов, на-

званное нами первым, но, к сожалению, лишенное номеров. На отдельной бумажке, на которой хранился склеенный кусок лобной кости, описанный выше, располагались депаспортизованные фрагменты черепа. Среди них:

1. Фрагмент правой теменной кости. Скорее всего, из того же черепа. Толщина в области бугра около 5 мм;
2. Этот и последующие фрагменты имеют следы обжига, особенно заметные со стороны эндокрана. Фрагмент височной кости с сосцевидным отростком, правый (обжиг изнутри);
3. Фрагмент височной чешуи (толщина 5 мм);
4. Фрагмент височной кости, левый. Без сосцевидного отростка;
5. До четырех фрагментов затылочной кости;
6. Мелкие неопределимые фрагменты;
7. 2 одиночных сосцевидных отростка.

Итак, даже самые приблизительные оценки позволяют понять, что краниальные фрагменты с Тельманской стоянки принадлежали как минимум двум взрослым людям в возрасте *adultus*. Один из них мог быть обладателем интересую-

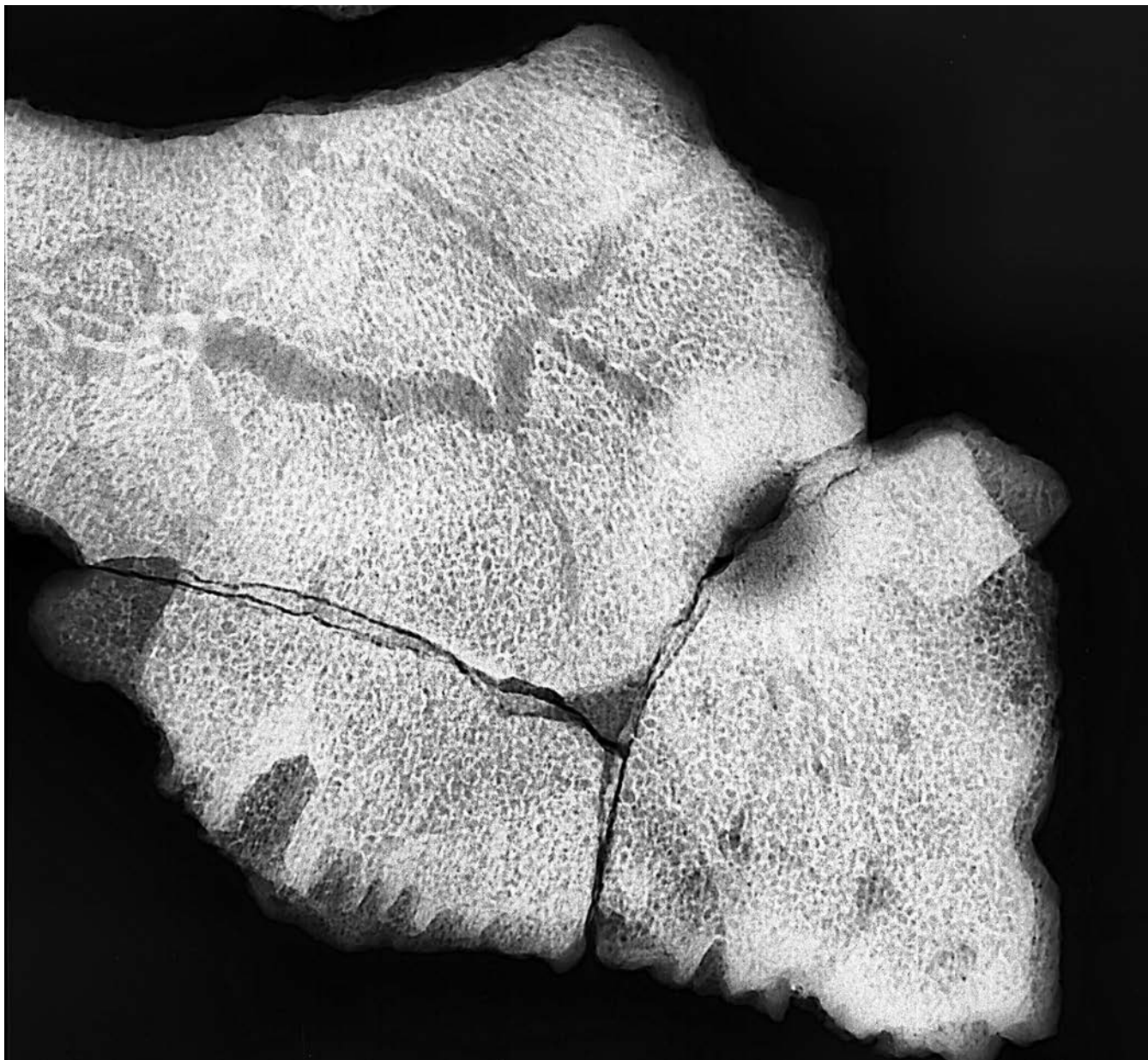

Рис. 2. Микрофокусная рентгенограмма фрагмента лобной кости с Тельманской стоянки

щего нас фрагмента лобной кости, в центре которой встречен хорошо заживший дефект округлой формы.

Обсуждение

Главным методом выявления случаев трепанации на палеоматериале остается дифференциальная диагностика — основной инструмент палеопатологических исследований. Следы хирургического воздействия следует разграничивать с последствиями травм, инфекций, паразитарных инвазий, онкологических заболеваний, с генетически детерминированными вариациями, посмертными разрушениями и т. п. (Медникова, 2001: 40–46).

Сравнительное изучение диагностики трепанаций методами визуального наблюдения, паль-

пации, рентгенографии и компьютерной томографии доказывает эффективность современных технологий. Хотя визуальная оценка и пальпация позволяют в основном хорошо различать череп с костной регенерацией и без нее, т. е. случаи, когда пациенты долго жили после операции или умерли через несколько дней или во время краниотомии, рентгенография и компьютерная томография являются более чувствительными методами, помогая наблюдать невидимые глазу признаки частичного образования новой костной формации.

Поскольку средний срок для формирования явных признаков выздоровления на краях трепанационного отверстия составляет три месяца (Anda, 1951: 314), для более детальных оценок начального этапа заживления просто необходимы микроструктурные исследования.

В нашем случае цифровая рентгенография убедительно демонстрирует, что углубление на лобной кости появилось при жизни. Склеротизация зоны вокруг этой ямки говорит о полном заживлении этого поверхностного повреждения. Морфологических проявлений инфекции не наблюдается. Точно так же можно отвергнуть версию онкологического заболевания, поскольку в таком случае разрушения шли бы изнутри, из диплоэ, а не со стороны внешней компактной пластинки и сопровождалась бы не локальной поротизацией окаймляющей наружной поверхности, а образованием глубинной сети кровеносных сосудов. От колющей или тупой травмы повреждение отличается достаточно большая глубина, форма в виде кратера, ровные края и отсутствие каких-либо следов типичных разломов.

Итак, перед нами поверхностный, глубокий шрам несколько справа от центра лобной кости взрослого индивидуума вследствие инструментального воздействия.

В верхнем палеолите такие шрамы встречались, и они были интерпретированы нами как вероятные последствия символического трепанирования (Медникова, 2002: 138; Медникова, 2003: 151; Медникова, 2004: 125; Медникова, 2007: 48–52).

Е. Влчек опубликовал информацию о странных травмах на некоторых мужских черепах из Дольни Вестонице (краниумы DV 13, 11–12, 16) (Vlcek, 1995: 209). Чешский исследователь предположил, что эти повреждения были получены подростками, проходившими инициацию и вступавшими в ритуальное противоборство, в котором они и могли быть травмированы.

Однако абсолютно идентичное расположение шрамов (по два шрама у каждого — в области брегмы и чуть справа от центра лобной кости), на наш взгляд, говорит о преднамеренном характере шрамирования у моравских кроманьонцев (Медникова, 2003: 151–152). Характерно, что такие рубцы не встречены на женских черепах, а только у взрослых мужчин.

Мало того, антропологические критерии позволили нам точно определить возраст символического трепанирования в популяции кроманьонцев южной Моравии. В тройном погребении Дольни Вестонице II символические трепанации обнаружены у юноши DV13, скончавшегося в 17–19 лет, и не наблюдаются у юноши DV14, скончавшегося в 16–17 лет (половозрастные определения приводятся по каталогу: (Sladek et al., 2000)). Очевидно, если символические трепанации сопряжены с возрастными испытаниями, ритуалы происходили примерно

в 17 лет. Хотя пол индивидуума DV15 в относительно недавней обобщающей публикации остается дискуссионным (Sladek et al., 2000), чаще всего он оценивается как женский. Женщина (?) DV15, умершая в 20-летнем возрасте, не прошла испытаний, подобно индивидууму DV13. Напротив, мужчина DV16, скончавшийся в 45–55 лет, задолго до смерти прошел процедуру символического трепанирования.

На наш взгляд, локализация дефектов на мужских черепах Дольни Вестонице в верхней части головы (область брегмы) сходна с локализацией углубления, описанного Г. Ульрихом на черепе верхнепалеолитического «шамана» Брно II. Это погребение давно привлекло внимание исследователей с точки зрения реконструкции социального статуса, например, (Oliva, 2000a; Oliva, 2000b). На черепе «шамана» Г. Ульрих (Ullrich, 1982: fig. 3) идентифицировал следы посмертных манипуляций: параллельные надрезы, свидетельствующие об очищении краниума от мягких тканей. Он также обратил внимание на треугольное углубление в лобно-теменной области. Оно, скорее всего, не было прижизненным, а появилось перимортально, поскольку прослеживается прямая связь между ним и серией надрезов, идущих вдоль стреловидного шва (Г. Ульрих, личное сообщение, 2009). К сожалению, стандартное рентгеновское или томографическое изучение этого образца до сих пор не проводилось, и поэтому нет данных о возможных микроскопических следах заживления, недоступных при визуальном обследовании. Таким образом, в настоящий момент следы манипуляторного воздействия на краниуме мужчины Брно 2 наиболее аргументированно интерпретируются как последствия погребального обряда.

Обращаясь к семантике предсмертного или посмертного рубцевания свода черепа у моравского кроманьонца из Брно, обладавшего, к тому же, особым сакральным статусом, заметим, что, по данным этнографии, необходимым условием попадания в «туземный рай» и благополучного загробного существования часто становилась прижизненная манипуляция с телом, обычно производившаяся при вступлении в мир «настоящих», взрослых людей, т. е. при инициации подростков (Медникова, 2007: 129). Так, Н. Н. Миклухо-Маклай записал легенду островитян Пелау, объясняющую традицию перфорации носовой перегородки. Островитяне, не прошедшие этой процедуры, лишены полноценного загробного существования, их душа (делеп) обречена томиться на дне моря в огромной раковине (Миклухо-Маклай, 1993: 230). У мелане-

зийцев племени коита сходные представления обязывают прокалывать носовую перегородку умершему, которому эту операцию не успели сделать при жизни (Медникова, 2007: 132). Поэтому, возможно, нет нужды семантически противопоставлять прижизненное символическое трепанирование юношей и предсмертную (посмертную?) скарификацию пожилого, наделенного сакральным статусом мужчины, тем более что эти люди принадлежали к единому пласту верхнепалеолитического населения.

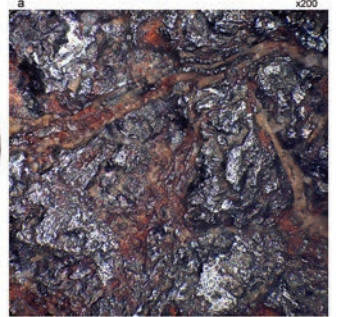
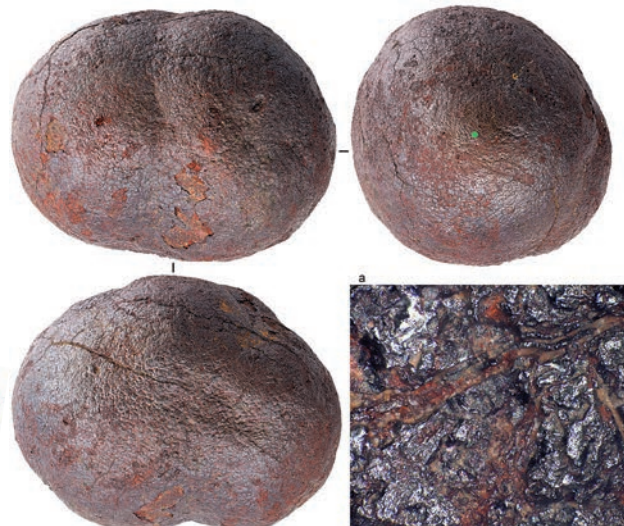
Мы остановились на этих аналогиях так подробно, потому что локализация символической трепанации на фрагменте лобной кости с Тельманской стоянки (несколько справа от центра) абсолютно идентична прижизненным шрамам у мужчин из Дольни Вестонице. Поскольку у нас нет теменных костей именно от этого черепа, нельзя сказать, были ли другие шрамы.

Тем не менее мы предлагаем рассматривать повреждение на черепе из Костенок 8 (Тельманская стоянка) в ряду наиболее древних случаев символической трепанации. Распространение сложных обрядов инициации является закономерным следствием сложных идеологических представлений, полностью сформировавшихся в ту эпоху, отражающих наряду со сложными погребальными обрядами и развитием изобразительного искусства богатство духовного мира верхнепалеолитического человека.

Литература

- Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б., Потрахов Н. Н., Потрахов Е. Н., Грязнов А. Ю. 2008а. Применение микрофокусной рентгенографии при диагностике заболеваний древнего человека // Петербургский журнал электроники. № 2–3. С. 152–162.
- Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б., Потрахов Н. Н., Потрахов Е. Н., Грязнов А. Ю., Хартанович В. И. 2008б. Взрослый неандерталец из Киик-Кобы: анализ патологий методом микрофокусной рентгенографии // Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б. (отв. ред.). Актуальные направления антропологии: Сборник, посвященный 80-летию академика РАН Т. И. Алексеевой. М.: ИА РАН. С. 40–48.
- Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б. 2009а. Микрофокусная рентгенография в современных палеопатологических исследованиях // Вестник МГУ. Сер. XXIII. Антропология. № 2. С. 65–74.
- Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М. Б. 2009б. Лобная кость Ното из верхнепалеолитического местонахождения Покровка: к вопросу о древнейшем заселении Сибири // Вестник МГУ. Сер. XXIII. Антропология. № 3. С. 4–13.
- Гойхман В. А. 1966. О трепанации черепа в эпоху мезолита // Вопросы антропологии. Вып. 23. С. 111–118.
- Гохман И. И. 1966. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука.
- Медникова М. Б. 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир.
- Медникова М. Б. 2002. Ритуальное превращение у древних народов Евразии по данным антропологии: символические трепанации // Мир психологии. № 3 (31). С. 227–239.
- Медникова М. Б. 2003. Ритуальное посвящение у древних народов Евразии: символические трепанации // АЭАЕ. № 1 (13). С. 147–156.
- Медникова М. Б. 2004. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетейя.
- Медникова М. Б. 2007. Неизгладимые знаки. Татуировка как исторический источник. М.: Языки славянских культур.
- Миклухо-Маклай Н. Н. 1993. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Наука.
- Потрахов Н. Н. 2007. Микрофокусная рентгенография в стоматологии и челюстно-лицевой хирургии. СПб.: Техномедиа.
- Рогачев А. Н. 1960. Отчет об исследовании палеолита в Костенках в 1959 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 1960.
- Рогачев А. Н. 1965. Отчет о работе Костенковской палеолитической экспедиции в 1964 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 2898.
- Рохлин Д. Г. 1965. Болезни древних людей (кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М. — Л.: Наука.
- Anda T. 1951. Recherches archeologiques sur la pratique medicale des Hongrois a l'epoque de la conquete du pays // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 1. P. 251–316.
- Bartucz L. 1950. Adatok a koronyalekeles (trepanacio) es a bregmasebek kacsolatanak problemajhoz magyarorszagi nepvandorlaskori koronyak alapjan // Annales biologicae universitatis. Scegediensis. T. I. P. 389–435.
- Broca P. 1877. Sur la trepanation du crane et les amulettes craniennes a l'epoque neolithique // Copte rendu du Congres intern. d'Anthropologie et d'Archeologie prehistorique, VIII section. Budapest, 1876. Budapest.
- Buzhilova A., Mednikova M., Dobrovolskaya M., Vasiliiev A., Bulanova I. 2008. Microfocus x-ray used in the analysis of skeletal lesions // Abstracts of 17th Paleopathological Association Meeting "Diseases in the Past". Copenhagen, Denmark, 25–27th August, 2008. P. 28.
- Finger S., Arnott R., Smith C. U. M. (eds.). 2003. Trepanation. History — discovery — theory. Lisse: Swets & Zeitlinger Publishers.
- Jacobs K. 1993. Human postcranial variations in the Ukrainian Mesolithic/Neolithic // Current Anthropology. Vol. 34 (3). P. 311–324.
- Oliva M. 2000a. Some thoughts on pavlovian adaptations and their alternatives // Roebroeks W., Musisi M., Svoboda J., Fennema K. (eds.). Hunters of the

- Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 BP. Leiden: University of Leiden Press. P. 219–229.
- Oliva M. 2000b. The Brno II Upper Palaeolithic burial // Roebroeks W., Mussi M., Svoboda J., Fenne-
ma K. (eds.). *Hunters of the Golden Age: The Mid
Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 BP*.
Leiden: University of Leiden Press. P. 143–159.
- Sladek V., Trinkaus E., Hillson S. W., Holliday T. W. 2000.
The people of the Pavlovian: Skeletal Catalogue and
osteometrics of the Gravettian Fossil Hominids from
Dolni Vestonice and Pavlov. Brno: Academy of Sci-
ences of the Czech Republic, Institute of Archaeolo-
gy. (The Dolni Vestonice studies; vol. 5).
- Ullrich H. 1982. Artificial injuries on fossil human bones
and the problem of cannibalism, skull-cult, and burial
rites // *Anthropos*. Vol. 21. P. 253–262.
- Vlcek E. 1995. Genetische und palaoethnographische
Aspekte der Mammutjagerpopulation von Dolni
Vestonice // Ullrich J. (ed.). *Man and environment
in the Palaeolithic*. Proceedings of Symposium Neu-
wied (Germany), 1993. Liege.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А. А. СИНИЦЫН, А. А. БЕССУДНОВ

Привлечение современных работ к основной публикации Тельманской стоянки достаточно полно характеризует состояние круга проблем, напрямую связанных с материалами Костенок 8. Речь идет только о материалах I и II культурных слоев, а также Костенок 9, поскольку основная проблема нижних (III и IV) слоев состоит в необходимости их полевого исследования и получении репрезентативных коллекций археологического материала и достоверных определений возраста.

Наиболее серьезные изменения за более чем 50-летний период со времени выполнения работы Л.М. Челидзе произошли в области хронологии, в первую очередь абсолютного датирования. Со-

временное состояние радиоуглеродных определений возраста культурных отложений Тельманской стоянки (см. таблицу; рис. 1) позволяет с достаточно высокой степенью уверенности определить время существования I культурного слоя рамками ~23,5–24,5 тыс. ¹⁴С л. н. (~27,8–28,8 тыс. кал. л. н.), Костенок 9 (или Ia слоя Костенок 8) — ~23,3–24,3 тыс. ¹⁴С л. н. (27,6–28,8 тыс. кал. л. н.), II культурного слоя — ~27,0–28,5 тыс. ¹⁴С л. н. (31,1–34,0 тыс. кал. л. н.), что соответствует для слоев I и Ia GI-3–GS-4–GI-4 и для II слоя GS-5 изотопной шкалы (Rasmussen et al., 2014). Попытка получения первой радиоуглеродной даты для IV культурного слоя (см. таблицу) не увенчалась успехом по причине путаницы с маркировкой образцов.

**Имеющиеся радиоуглеродные даты для стоянок Костенки 8 и Костенки 9.
Диапазон календарного возраста построен в программе OxCal v. 4.4
с использованием кривой IntCal20 (Bronk Ramsey, 2009; Reimer et al., 2020)**

Лабораторный индекс	Материал	Контекст	¹⁴ С дата л. н. ± 1σ	Календарный возраст, 68,2% вероятность л. н.	Календарный возраст, 95,4% вероятность л. н.	Источник
Костенки 8 (Тельманская), слой I						
ГИН-7998	Ребро мамонта	Кв. Д-44	22 000±160	26 370–26 030	26 820–25 910	Синицын и др., 1997
ГИН-7997	Зуб и ребро мамонта	Кв. Г-45	22 900±120	27 310–27 150	27 450–26 970	Синицын и др., 1997
ОxA-26762	Кость обработанная	Яма Г-45–46	23 800±170	28 130–27 750	28 480–27 680	Диннис и др., 2017; Dinnis et al., 2018
ОxA-27221	Кость, вероятно с порезами	Яма ГД-43–44	23 980±170	28 330–27 860	28 600–27 790	Диннис и др., 2017; Dinnis et al., 2018
ОxA-27220	Кость с порезами	–	24 200±180	28 660–28 140	28 770–27 870	Диннис и др., 2017; Dinnis et al., 2018
Костенки 8 (Тельманская), слой II						
GrA-9283	Д/уголь	–	21 900±450	26 880–25 780	27 200–25 340	Sinitsyn, 2004
Beta-192418	Зуб волка	–	23 010±170	27 480–27 120	27 700–27 060	Не опубликована ¹
ОxA-7109	Обож. кости черепа человека	–	23 020±320	27 680–27 100	27 820–26 460	Синицын и др., 1997
CURL-15816	Д/уголь	Скопл. 4, очаг № 1, раск. 2008 г.	23 340±150	27 690–27 400	27 780–27 300	Дудин и др., 2016
ГИН-7999	Кость лошади	Раск. 1959 г.	24 500±450	29 190–28 150	29 790–27 800	Синицын и др., 1997

¹ Авторы выражают глубокую признательность М. Отту за помощь при получении дат в лаборатории Beta.

Лабораторный индекс	Материал	Контекст	^{14}C дата л. н. $\pm 1\sigma$	Календарный возраст, 68,2% вероятность л. н.	Календарный возраст, 95,4% вероятность л. н.	Источник
CURL-15797	Д/уголь	Скопл. 4, очаг № 1, раск. 2008 г.	25 640 \pm 210	30 160–29 670	30 290–29 270	Дудин и др., 2016
ОхА-30197	Кость лошади с порезами	Кв. в-49	27 620 \pm 270	31 760–31 260	32 170–31 110	Reynolds et al., 2015
ОхА-30198	Кость лошади с порезами	Кв. ж-53	27 670 \pm 270	31 820–31 280	32 740–31 120	Reynolds et al., 2015
GrN-10509	Д/уголь	–	27 700 \pm 750	32 860–31 120	34 020–30 460	Синицын и др., 1997
Костенки 8 (Тельманская), слой IV						
Beta-251053	Д/уголь ²	–	22 470 \pm 130	27 020–26 490	27 130–26 420	Не опубликована
Костенки 9 (Бирючий лог)						
ОхА-38933	Ребро мамонта	Кв. С-56	22 810 \pm 140	27 280–27 055	27 355–26 904	Reynolds et al., 2021; Лисицын и др., наст. изд.
ОхА-38934	Ребро мамонта	Кв. Ф-52	23 270 \pm 150	27 645–27 362	27 746–27 278	Reynolds et al., 2021; Лисицын и др., наст. изд.
ОхА-38932	Фрагмент крупной кости мамонта	Кв. Ф-56	24 370 \pm 170	28 807–28 349	29 022–28 031	Reynolds et al., 2021; Лисицын и др., наст. изд.

Основной проблемой индустрии I слоя остается его культурная атрибуция. На основе сходства наиболее выразительного компонента его кремневого инвентаря — частично двусторонне обработанного листовидного (черешкового) наконечника с аналогичными наконечниками стоянки Нетопежовой они были отнесены к одному типу изделий (Chmielewski, 1961), что явилось основным аргументом для выделения тельманско-ежмановицкой культуры, в рамках которой Тельманская стоянка признавалась самой молодой (Chmielewski, 1961: 54; Kozłowski, 1975). С уточнением стратиграфического положения I слоя Костенок 8 (Величко, Рогачев, 1969), получением радиоуглеродных датировок (Синицын и др., 1997; Диннис и др., 2017; Dinnis et al., 2018) и в условиях отсутствия «промежуточных» материалов оснований для употребления термина «тельманско-ежмановицкая культура» не осталось. Сейчас материалы Нетопежовой однозначно рассматриваются в рамках одного из ранних верхнепалеолитических культурных образований — индустрии типа

Линкомбьен-Ранис-Ежмановице (далее — ЛРЕ) (Flas, 2008; Flas, 2011; Flas, 2015; см. также статью Фляса в наст. изд.), а типологическое сходство наконечников признается проявлением конвергенции.

Сложнее оказалась проблема выделения аносовско-тельманской культуры, поставленная М.В. Аниковичем (Аникович, 1983; Аникович, 2005; Аникович и др., 2008; Рогачев и др., 1982) и развиваемая современными исследователями (Диннис и др., 2017; Dinnis et al., 2018). Основанием для ее выделения в первую очередь является наличие сходных приемов вторичной обработки индустрии I культурного слоя Костенок 8 и III культурного слоя Костенок 11. На настоящий момент проблема остается открытой примерно на одинаковом уровне вероятности как в пользу, так и против выделения культуры. Главным аргументом в его пользу остается рациональное стремление к упорядоченному представлению материала, явно более предпочтительному, чем рассмотрение инвентаря стоянок как единичных проявлений разных культурных традиций.

² Наиболее вероятно, образец происходит из слоя II, хотя в письме из лаборатории от 18.11.2008 указано, что он принадлежит слою IV.

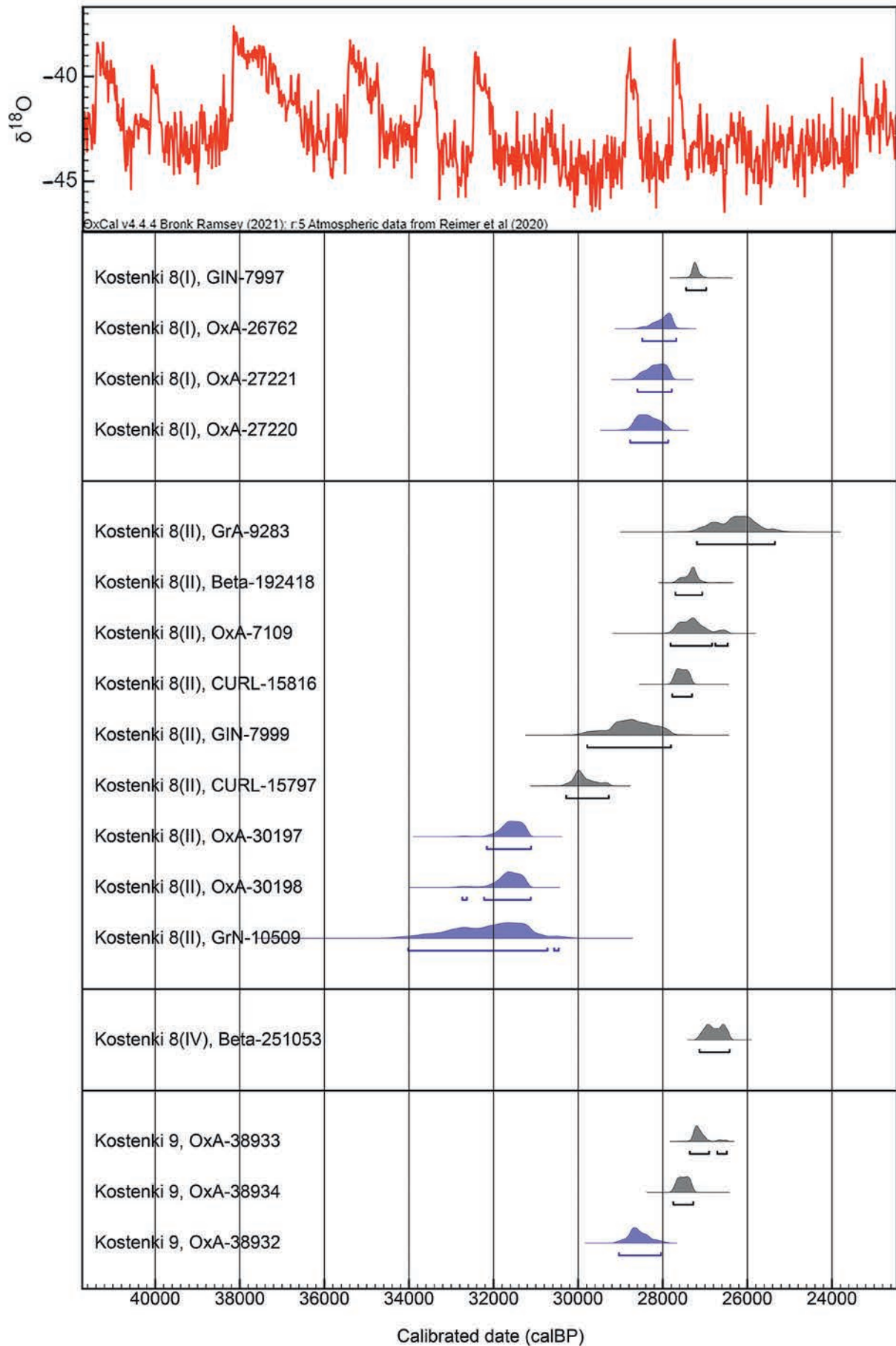

Рис. 1. Байесовская модель распределения калиброванных радиоуглеродных дат для Костенок 8 и Костенок 9. Скобки под значениями указывают на диапазон вероятности 95,4 %, калибровка в программе OxCal v. 4.4 с использованием кривой IntCal20 (Bronk Ramsey, 2009; Reimer et al., 2020). Голубым цветом залиты принимаемые даты

Не менее важной представляется проблема культурной атрибуции материала Костенок 9 и его места в колонке Костенок 8. Удаленность от основного раскопа Тельманской стоянки, залегание в «слепой» толще лессовидных суглинков и относительная малочисленность коллекции не позволили Л. М. Челидзе решить этот вопрос однозначно: в работе отмечалось сходство каменного инвентаря Костенок 9 и Ia Костенок 8, основанное на нескольких предметах, включая микропластину с притупленным краем и вентральной подтеской концов. При этом делался вывод о том, что Костенки 9 являются самым молодым культурным слоем Тельманской стоянки (см. публикацию Челидзе в наст. изд.). Последующее предположение о взаимной корреляции культурных слоев Костенок 8 (Ia) и Костенок 9 (Рогачев, Аникович, 1982) подтверждается новыми радиоуглеродными датами (Reynolds et al., 2021; см. также статью Лисицына и др. в наст. изд.), и соответствует современной интерпретации материала Костенок 9, отнесенного к «среднему граветту» (Lisitsyn, 2019).

Отмеченное Л. М. Челидзе сходство некоторых микропластинок с притупленным краем и плоской ретушью на концах в коллекциях Костенок 9 и Павлова (см. публикацию Челидзе в наст. изд.) в настоящее время получило развитие в констатации далеких культурных связей между центрально- и восточноевропейским граветтом до появления общности с наконецниками с боковой выемкой, или «костенковско-виллендорфского» единства (Reynolds et al., 2021; см. также статью Лисицына и др. в наст. изд.). В этой связи следует отметить наличие застезки с перехватом из бивня мамонта, которая рассматривается как один из руководящих типов изделий среднего граветта Восточной и Центральной Европы возрастом 25–23,5 тыс. ^{14}C л. н. (Reynolds et al., 2021; см. также статью Лисицына и др. в наст. изд.), в материалах II слоя Костенок 8 (рис. 2: 2; см. также публикацию Челидзе в наст. изд.: рис. 70а: 24). Это делает проблему происхождения индустрии Костенок 9 не столь однозначной. В отношении вопроса о таксономической позиции индустрии Костенок 9 — Костенок 8 (Ia) следует добавить, что высказанная М. В. Аниковичем точка зрения о ее принадлежности (наряду с Костенками 4) ориньякскому технокомплексу (Аникович, 1993; Аникович и др., 2008) в дальнейшем не нашла сторонников (Zheltova, 2015; Lisitsyn, 2019; Reynolds et al., 2021) и противоречит современным представлениям о времени существования ориньякских памятников в Европе

(см., например, Banks et al., 2013; Dinnis et al., 2019a).

Усложнение круга проблем, связанных с II культурным слоем Костенок 8, определяется эпохальным статусом фиксируемых им изменений. Появление граветта маркирует границу археологической периодизации — замену структуры раннего верхнего палеолита Восточной Европы структурой его средней поры. Изменения оцениваются как качественные, а иногда как революционные (Hoffecker, 2011), охватывающие практически все компоненты материальной культуры.

Основой современных представлений о генезисе культур является положение о необходимости поиска «предшественника/предшественников». Если в территориально и хронологически близких материалах они не прослеживаются, поиск переносится на отдаленные территории и хронологически оторванные материалы. Доминирующим объяснением в таких случаях становится миграция населения, обусловившая смену культурных традиций. Современное состояние проблемы происхождения граветта однозначно характеризуется подавляющим преобладанием моноцентрической направленности поиска (Kozłowski, 2015; Bicho et al., 2017; Reynolds, Green, 2019). Полицентрический сценарий как в виде противопоставления средиземноморского и западноевропейского очагов формирования, так и в виде более мелких локальных вариантов, специфика которых обусловлена локальной экологией, уступает моноцентризму и по числу сторонников, и по степени интенсивности обсуждения. Наличие характерных граветтских показателей в виде встречного пластинчатого скалывания в среднем палеолите (Otte, 2017) и эпизодического появления пластинок и острий с притупленным краем в ахмаре (Svoboda, 2007a; Svoboda, 2007b) больше относится к проблемам теории эволюции, возможно в виде концепции «забегания вперед» (Вишняцкий, 1993; Vishnyatsky, 1999), чем к прояснению реальной ситуации.

Первостепенное значение в этой связи имеет проблема хронологии как основа рассмотрения всех реконструктивных проблем, включая проблему аналогий и культурной атрибуции. Для II культурного слоя Костенок 8 она решается стратиграфическим положением в отложениях верхней гумусовой толщи и наиболее древними в серии радиоуглеродными датами (см. таблицу). Отнесение стоянки к GS-5 изотопной шкалы на этой основе в целом соответствует данным пыльцевого анализа (Спиридонова, 1991) и заставляет считать более поздние даты в серии

Рис. 2. Стоянка Костенки 8 (II). Украшения и поделки (5, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 18, 19 — по (Дудин, 2014); остальные — фото А. А. Синицына)

омоложенными. Мнение о наличии нескольких «спрессованных» культурных слоев в пределах традиционного II (Дудин и др., 2016) для объяснения поздних датировок остается как имеющее место.

В отношении культурной атрибуции комплекса II культурного слоя Тельманской стоянки ситуация осталась почти такой же, какой была в третьей четверти прошлого века. Сходство с ранним граветтским слоем 23 грота Пайличи остается единственной бесспорной аналогией (Borgia et al., 2011; см. также статью Борджиа в наст. изд.), значение которой усиливается близкими радиоуглеродными определениями возраста (Palma di Cesnola, 1996; Palma di Cesnola, 2006) вплоть до одинаковой вероятности как итальянского, так и восточноевропейского происхождения это-

го варианта раннего граветта (Gambassini, 2007). До недавнего времени уникальность ситуации подчеркивалась отсутствием сходных материалов на пространствах Центральной Европы между ними. Надежда на их существование связывалась с материалами нижнего (II/2) культурного слоя стоянки Мира в степной зоне Причерноморья (Степанчук и др., 2004). Учитывая недавнюю переоценку культурной атрибуции коллекции (Степанчук, 2011; Stepanchuk, Vietrov, 2021), ее привлечение к решению проблемы направления распространения раннего граветта с игловидными острями оказалось преждевременным.

Наиболее серьезные изменения в проблеме определения времени появления граветта связаны с публикацией материалов культурных слоев 5–2, 6–1, 6–2 грота Буран Кая 3 (Yanevich,

2014). Во-первых, радиоуглеродные даты в рамках 31,3–34,0 тыс. ^{14}C л. н. (37,8–36,4 тыс. кал. л. н.) (Réan et al., 2013; Bennett et al., 2023) дают основания считать эти материалы древнейшим проявлением граветта Европы и лишают этого статуса II культурный слой Костенок 8, который он имел на протяжении более 50 лет. Учитывая общую тенденцию «удревнения» возраста стоянок на основе современных методов подготовки образцов (см., например, Higham, 2011; Dinnis et al., 2019b; Kot et al., 2021; Бессуднов и др., 2024 и др.), хронологический отрыв крымской стоянки от основного пласта европейского раннего граветта не кажется столь значительным.

Во-вторых, антропологические остатки из культурного слоя 6-1 Буран Каи 3 (Prat et al., 2011) по составу являются прямой аналогией антропологическим остаткам II культурного слоя Тельманской стоянки — в обоих случаях это искусственно фрагментированные (с нарезками), кости, включая черепные. В контексте увеличивающихся данных о постпогребальных изменениях скелетных остатков в палеолите (из последних см., например, Villotte et al., 2019; Kacki et al., 2020) их связь с ритуалом кажется наиболее вероятным объяснением.

Костяному инвентарю, украшениям и экзотическим материалам II культурного слоя Костенок 8 (рис. 2) до недавнего времени уделялось мало внимания из-за небольшого количества и отсутствия выраженных специфических типов. Их коллекция действительно менее выразительная по сравнению с уникальной коллекцией верхнего слоя Костенок 1, но по разнообразию и информативности явно превосходит материалы большинства других костенковских памятников (Синицын, 2016). Актуальность детального рассмотрения костяного инвентаря и украшений II культурного слоя Тельманской стоянки и подготовки его к сравнительному анализу усиливается появлением обобщающих работ (например, Baker et al., 2024) с большими сомнениями в качестве фактологической базы, лежащей в ее основе.

Отдельного внимания заслуживает наличие в инвентаре памятника экзотических предметов — раковин аммонитов, свидетельствующих о склонности населения к коллекционированию необычных палеонтологических находок (Рогачев и др., 1982: рис. 33: 7; см. также статью Дудина и др. в наст. изд.: рис. 8: 12). Учитывая небольшое количество примеров такого рода, с определенной долей вероятности можно предположить ее связь с первыми проявлениями новых культурных традиций на территориях, ранее их носителями не освоенных. В Костенках это

самые ранние памятники верхнего палеолита, сопоставимые с первоначальным распространением человека современного физического облика (II культурный слой Костенок 17 и IVb–IVw культурные слои Костенок 14) (Синицын, 2016; Sinitsyn, 2020; Степанова и др., 2022) и самое раннее проявление граветта в виде II культурного слоя Костенок 8. Объяснить это можно естественным повышенным интересом первопроходцев ко всему новому на новой территории.

Отдельного внимания заслуживает относительно недавно возникшая тенденция переосмысления таксономического статуса граветта, обусловленная необходимостью увязки культурно-хронологической дифференциации граветта и результатов палеогенетических исследований (Riede et al., 2019; Reynolds, Riede, 2019). Новая волна развития проблемы соотношения археологических культур и различных палеолитических популяций (Reynolds, 2021) при этом (пока) остается в области чисто академического интереса, не оказывая влияния на практические исследования.

На основе настоящего издания можно констатировать, что круг проблем, связанных с Тельманской стоянкой, остался тем же, каким был 50 лет назад. Различия в уровне анализа археологических материалов 1960-х гг. и современными исследованиями носят в основном количественный характер. Это свидетельствует о «нормальном» развитии археологии палеолита, об отсутствии «революционных» изменений в методологии источниковедческого исследования.

Литература

- Аникович М. В. 1983. К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района // КСИА. Вып. 173. С. 16–23.
- Аникович М. В. 1993. О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // ПАВ. Вып. 3. С. 3–19.
- Аникович М. В. 2005. О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // АЭАЕ. № 2 (23). С. 70–86.
- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН; вып. 1).
- Бессуднов А. А., Диннис Р., Синицын А. А., Дудин А. Е., Бессуднов А. Н., Петрова Е. А., Хлопачев Г. А., Саблин М. В. 2024. Новые данные о радиоуглеродной хронологии стоянок поздней поры верхнего палеолита центра Русской равнины // Stratum plus. № 1. С. 161–201.

- Величко А. А., Рогачев А. Н. 1969. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Герасимов И. П. (ред.). Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР (к VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969). М.: Наука. С. 75–87.
- Вишняцкий Л. Б. 1993. «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // ПАВ. Вып. 4. С. 7–16.
- Диннис Р., Бессуднов А. А., Рейнольдс Н., Дудин А. Е., Дука К., Саблин М. В., Синицын А. А., Хайм Т., Хлопачев Г. А. 2017. Радиоуглеродный возраст III культурного слоя Костенок 11 в контексте существования поздних стрелецких памятников в Костенках // Ковалевский В. Н. (отв. ред.). Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района: Материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 15–17 сентября 2016 г.). Воронеж: Издательский дом ВГУ. С. 57–75.
- Дудин А. Е. 2014. Каталог коллекции археологической кости со стоянок Костенки 8 и Костенки 9 / сост. И. В. Котлярова. Воронеж.
- Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Платонова Н. И. 2016. Второй культурный слой стоянки Костенки-8 (Тельманская): структура, объекты, микростратиграфия // Вестник НГУ. История, филология. Вып. 15. С. 41–52.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. 1982. Костенки 9 (Бирючий лог) // Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (отв. ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых работ. Л.: Наука. С. 109–113.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В., Дмитриева Т. Н. 1982. Костенки 8 (Тельманская стоянка) // Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. (отв. ред.). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых работ. Л.: Наука. С. 92–109.
- Синицын А. А. 2016. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Хлопачев Г. А. (ред.). Верхний палеолит: образы, символы, знаки: Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб.: Экстрапринт. С. 320–337.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д. 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Синицын А. А., Праслов Н. Д. (отв. ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН. С. 21–66.
- Спиридонова Е. А. 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. М.: Наука.
- Степанова К. Н., Малютина А. А., Бессуднов А. А., Гирия Е. Ю. 2022. Украшения II слоя Костенок 17: особенности производства, использования и контекст в рамках начальной поры верхнего палеолита Восточной Европы // Stratum plus. № 1. С. 193–220.
- Степанчук В. Н. 2011. Стоянка Мира как источник для реконструкции начального освоения Восточной Европы человеком современного физического облика // Гаврилов К. Н. (ред.). Палеолит Восточной Европы: сб. статей в честь 60-летия Х. А. Амирханова. М.: ИА РАН. С. 141–158.
- Степанчук В. Н., Коен В. Ю., Герасименко Н. П., Дамблон Ф., Узартс П., Журавльов О. П., Ковалюх М. М., Петрунь В. Ф., Пліхт ван дер Й., Пучков П. В., Рековець Л. І., Тернер Х. Г. 2004. Багатошарова стоянка Міра на Середньому Дніпрі: основні результати розкопок 2000 року // Кам'яна доба України. Вип. 5. С. 62–98.
- Baker J., Rigaud S., Pereira B., Courtenay L. A., d'Errico F. 2024. Evidence from personal ornaments suggest nine distinct cultural groups between 34,000 and 24,000 years ago in Europe // Nature Human Behaviour. Vol. 8. P. 431–444.
- Banks W. E., d'Errico F., Zilhão J. 2013. Human-climate interaction during the Early Upper Paleolithic: Testing the hypothesis of an adaptive shift between the Proto-Aurignacian and the Early Aurignacian // JHE. Vol. 64. P. 39–55.
- Bennett E. A., Parasayan O., Prat S., Péan S., Crépin L., Yanevich A., Grange T., Geigl E. — M. 2023. Genome sequences of 36,000- to 37,000-year-old modern humans at Buran-Kaya III in Crimea // Nature Ecology & Evolution. Vol. 7. P. 2160–2172.
- Bicho N., Cascailleira J., Gonçalves C. 2017. Early Upper Paleolithic colonization across Europe: time and mode of the Gravettian diffusion. // PLoS One. Vol. 12 (5). Art. no. e0178506.
- Borgia V., Rinaldo F., Ronchitelli A., Wierer U. 2011. What differences in production and use of Aurignacian and Early Gravettian lithic assemblages? The case of Grotta Paglicci (Rignano Garganico, Foggia, Southern Italy) // Memoire de la Societe Prehistorique Francaise. Vol. LIII. P. 161–174.
- Bronk Ramsey C. 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 51. P. 337–360.
- Chmielewski W. 1961. La Civilisation de Jerzmanowice. Wrocław; Warszawa; Kraków: Instytut Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk.
- Dinnis R., Bessudnov A. A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M. V., Sinitsyn A., Higham T. 2019b. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // JHE. Vol. 127. P. 21–40.
- Dinnis R., Bessudnov A. A., Reynolds N., Douka K., Dudin A. E., Khlopachev G. A., Sablin M. V., Sinitsyn A. A., Higham T. 2018. The age of the 'Anosovka-Tel'manskaya Culture' and the issue of a Late Streletskian at Kostënki 11, SW Russia // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. 84. P. 21–40.
- Dinnis R., Bessudnov A., Chiotti L., Flas D., Michel A. 2019a. Thoughts on the structure of the European Aurignacian, with particular focus on Hohle Fels IV // PPS. Vol. 85. P. 29–60.
- Flas D. 2008. La Transition du Paléolithique Moyen au Supérieur dans la Plaine Septentrionale de l'Europe. Bruxelles. (Anthropologica et Praehistorica; vol. 119).

- Flas D. 2011. The Middle to Upper Paleolithic transition in Northern Europe: the Lincombian-Ranisian-Jerzmanowician and the issue of acculturation of the last Neanderthals // *World Archaeology*. Vol. 43 (4). P. 605–627.
- Flas D. 2015. The extension of Early Upper Palaeolithic with blade leaf-points (Lincombian-Ranisian-Jerzmanowician): the issue of Kostenki 8 level I // Ashton N., Harris C. (eds.). *No Stone Unturned*. Papers in Honour of Roger Jacobi. London. (Lithic Studies Society Occasional Paper; vol. 9). P. 49–58.
- Gambassini P. 2007. Traits essentiels du Gravettien en Italie // *Paléo*. Vol. 19. P. 105–108.
- Higham T. F. G. 2011. European Middle and Upper Palaeolithic radiocarbon dates are often older than they look: problems with previous dates and some remedies // *Antiquity*. Vol. 85. P. 235–249.
- Hoffecker J. F. 2011. *Landscape of the mind: human evolution and the archaeology of thought*. Columbia University Press.
- Kacki S., Trinkaus E., Schotsmans E. M. J., Courtauda P., Dorie I., Dutailly B., Guyomarc P., Mora P., Sparacello V. S., Villotte S. 2020. Complex mortuary dynamics in the Upper Paleolithic of the decorated Grotte de Cussac, France // *PNAS*. Vol. 117 (26). P. 14851–14856.
- Kot M., Krajcarz M. T., Moskal-del Hoyo M., Gryczewska N., Wojenka M., Pyżewicz K., Sinet-Mathiot V., Diakowski M., Fedorowicz S., Gaşiorowski M., Marciszak A., Lipiecki G., Mackiewicz P. 2021. Chronostratigraphy of Jerzmanowician. New data from Koziańska Cave, Poland // *JAS: Reports*. Vol. 38. Art. no. 103014.
- Kozłowski J. K. 2015. The origin of the Gravettian // *QI*. Vol. 359–360. P. 3–18.
- Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. 1975. *Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p. n.e.* Warszawa.
- Lisitsyn S. N. 2019. The Eastern frontier of the Gravettian in the Kostenki-Borshchevo Palaeolithic locality, the Don Basin, Russia // *Вестник СПбГУ. История*. Т. 64 (2). С. 525–554.
- Otte M. 2017. Obi-Rahmat (Ouzbékistan), origine du Gravettien en Europe, et du métissage néandertalien // *L'anthropologie*. Vol. 121. P. 271–287.
- Palma di Cesnola A. 1996. Le Gravettien le plus ancien en Italie // Palma di Cesnola A., Montet-White A., Valoch K. (eds.). *XIII Congrès International d'IUSPP. Forli, 1996. Section 6: The Upper Palaeolithic. Colloquium XII: The origine of the Gravettian*. Forli. P. 227–235.
- Palma di Cesnola A. 2006. L'Aurignacien et le Gravettien ancien de la grotte Paglicci au Mont Gargano // *L'Anthropologie*. Vol. 110. P. 355–370.
- Péan S., Puaud S., Crépin L., Prat S., Quiles A., van der Plicht J., Valladas H., Stuart A. J., Drucker D. G., Patou-Mathis M., Lanoë F., Yanevich A. 2013. The Middle to Upper Paleolithic sequence of Buran-Kaya III (Crimea, Ukraine): new stratigraphic, paleoenvironmental, and chronological results // *Radiocarbon*. Vol. 55 (2–3). P. 1454–1469.
- Prat S., Péan S. C., Crépin L., Drucker D. G., Puaud S. J., Valladas H., Lázničková-Galetová M., van der Plicht J., Yanevich A. 2011. The oldest Anatomically Modern Humans from Far Southeast Europe: direct dating, culture and behavior // *PLoS ONE*. Vol. 6 (6). Art. no. e20834.
- Rasmussen S. O., Bigler M., Blockley S. P., Blunier T., Buchardt S. L., Clausen H. B., Cvijanovic I., Dahl-Jensen D., Johnsen S. J., Fischer H., Gkinis V., Guillevic M., Hoek W. Z., Lowe J. J., Pedro J. B., Popp T., Seierstad I. K., Steffensen J. P., Svensson A. M., Valdelonga P., Vinther B. M., Walker M. J. C., Wheatley J. J., Winstrup M. 2014. A stratigraphic framework for abrupt climatic changes during the Last Glacial period based on three synchronized Greenland ice-core records: refining and extending the INTIMATE event stratigraphy // *QSR*. Vol. 106. P. 14–28.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookde A., Talamo S. 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // *Radiocarbon*. Vol. 62. P. 725–757.
- Reynolds N. 2021. The Gravettian is dead: Against equivocation and reification in chronocultural studies of the Upper Palaeolithic // Touzé O., Goutas N., Salomon H., Noiret P. (dir.). *Les sociétés gravettiennes du Nord-Ouest européen: nouveaux sites, nouvelles données, nouvelles lectures*. Actes du colloque international “Le Nord-Ouest européen au Gravettien: apports des travaux récents a la compréhension des sociétés et de leurs environnements” (Université de Liège, 12–13.IV.2018). Liège: Presses Universitaires de Liège. (ERAUL; vol. 150 / *Anthropologica et Prææhistorica*; vol. 130). P. 309–321.
- Reynolds N., Green C. 2019. Spatiotemporal modelling of radiocarbon dates using linear regression does not indicate a vector of demic dispersal associated with the earliest Gravettian assemblages in Europe // *JAS: Reports*. Vol. 27. Art. no. 101958.
- Reynolds N., Lisitsyn S. N., Eskova D. K., Tsvetkova N. A., Buckley M., Pustovalov A. Yu. 2021. Kostënki 9: The chronology and lithic assemblage of a Gravettian site in Russia // *QI*. Vol. 587–588. P. 344–367.
- Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. 2015. Chronology of the European Russian Gravettian: New radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. Vol. 62. P. 121–132.
- Reynolds N., Riede F. 2019. Reject or revive? The crisis of cultural taxonomy in the European Upper Palaeolithic and beyond // *Antiquity*. Vol. 93 (371). P. 1368–1370.
- Riede F., Hoggard C., Shennan S., 2019. Reconciling material cultures in archaeology with genetic data requires robust cultural evolutionary taxonomies // *Palgrave Communications*. Vol. 5. P. 55.

- Sinitsyn A. 2020. The collection of exotic materials at the Upper Palaeolithic sites of Kostenki in Eastern Europe // Dario Seglie D., Ricchiardi P. (eds.). *NeanderART 2018 – Proceedings: Is there palaeoart before modern humans? Did Neanderthals or other early humans create ‘art’?* 22–26 August 2018 International Conference under the aegis of UISPP and the auspices of IFRAO. P. 361–378.
- Stepanchuk V.N., Vietrov D.O. 2021. Paglicci 24A1 and Mira II/2: Episode at the transition between the Early and Middle UP // *QI*. Vol. 587–588. P. 277–290.
- Svoboda J. 2007a. On Modern Human penetration into Northern Eurasia: the multiple advances hypothesis // Mellars P., Boyle K., Bar-Yosef O., Stringer Ch. (eds.). *Rethinking the human revolution: new behavioral and biological perspectives on the origin and dispersal of modern humans*. Cambridge: McDonald Institute for Archeological Research. P. 329–339.
- Svoboda J. 2007b. The Gravettian on the Middle Danube // *Paléo*. Vol. 19. P. 203–220.
- Villotte S., Crépin L., Rué M., Bocaeged E., Le Luyere M., Madelaine S., Caverne J.-B., Morala A. 2019. Evidence for previously unknown mortuary practices in the Southwest of France (Fournol, Lot) during the Gravettian // *JAS: Reports*. Vol. 27. Art. no. 101959.
- Vishnyatsky L. B. 1999. “Running ahead of time” in the development of Palaeolithic industries // *Antiquity*. Vol. 68 (258). P. 134–140.
- Yanevich A. 2014. Les occupations gravettiennes de Buran-Kaya III (Crimée): contexte archéologique // *L’Anthropologie*. Vol. 118 (5). P. 554–566.
- Zheltova M. 2015. Kostenki 4: Gravettian of the east – not Eastern Gravettian // *QI*. Vol. 362–371. P. 362–371.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Археологические вести	НГУ	— Новосибирский государственный университет
АИЧПЕ	— Ассоциация по четвертичному изучению Европы	ПАВ	— Петербургский археологический вестник
АлтГУ	— Алтайский государственный университет	РАН	— Российская академия наук
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии	СА	— Советская археология
БКИЧП	— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода	САИ	— Свод археологических источников
БМОИП	— Бюллетень Московского общества испытателей природы	СГСПУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет
ВГПУ	— Воронежский государственный педагогический университет	СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
ВДАС	— Верхнедонской археологический сборник	ТКИЧП	— Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
ГНТГНИ	— Государственное научно-техническое горно-геолого-нефтяное издательство	ЭО	— Этнографическое обозрение
ЗИИМК	— Записки Института истории материальной культуры РАН	AMS	— Accelerator mass spectrometry
ЗИН	— Зоологический институт	BSPF	— Bulletin de la Société préhistorique française
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии	CNRS	— Centre National de la Recherche Scientifique
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	ERAUL	— Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии	GI	— Greenland Interstadial
ЛЭТИ	— Санкт-Петербургский электротехнический университет	GS	— Greenland Stadial
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН	HE	— Heinrich event
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	INQUA	— International Union for Quaternary Research
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР	JAS	— Journal of Archaeological Sciences
		JHE	— Journal of Human Evolution
		JPA	— Journal of Paleolithic Archaeology
		PNAS	— Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America
		PPS	— Proceedings of the Prehistoric Society
		QI	— Quaternary International
		QSR	— Quaternary Science Reviews

Научное издание

КОСТЕНКИ 8 (ТЕЛЬМАНСКАЯ СТОЯНКА)
Под редакцией А. А. Сеницына, А. А. Бессуднова

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *К. Н. Степанова*

Подписано в печать 29.01.2025. Формат 60×90/8
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 34,75. Тираж 300 экз. Заказ №206.
Дата выхода: 7 марта 2025 г.

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

ISBN 978-5-6052467-1-8

9 785605 246718